

356
К 95

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. В. КУЧМА

ВОЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. КУЧМА

ВОЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

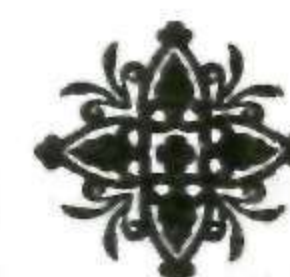
ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров,
А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

В. В. КУЧМА

ВОЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

ББК ТЗ(0)44-54
УДК 949.502
К 95

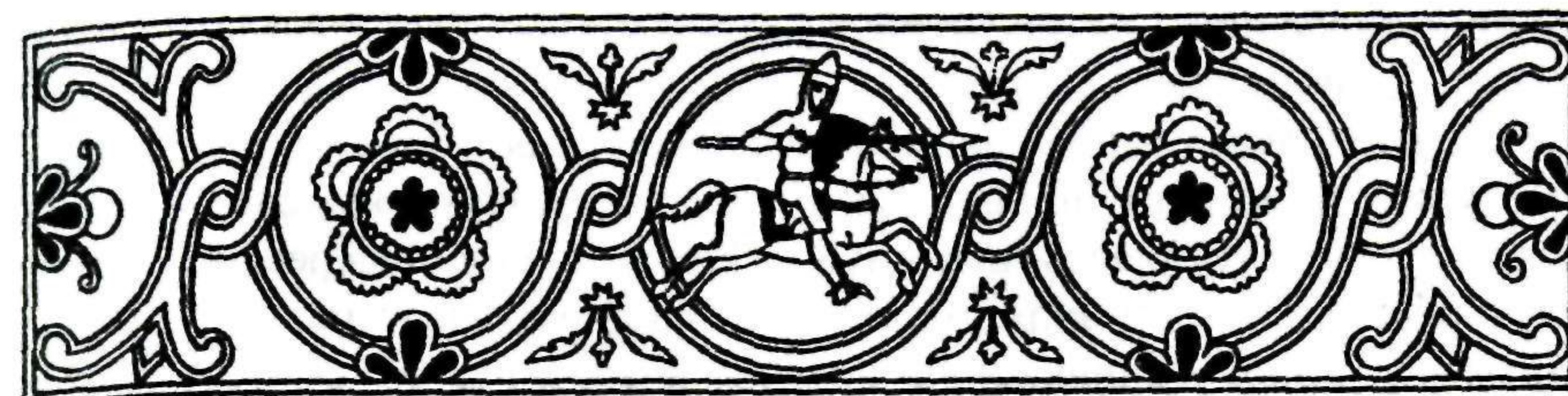
Кучма В. В.

Военная организация Византийской империи. Научное издание. — СПб.: Алетейя, 2001 — 426 с. — (Византийская библиотека).

ISBN 5-89329-393-2

Книга представляет собой первый в отечественной историографии тематический сборник статей, посвященных проблемам военной организации Византийской империи. Основными источниками исследования являются памятники византийской военно-научной литературы, опирающиеся на многовековую античную традицию. Принципы военной теории рассматриваются в неразрывной связи с боевой практикой, на общем фоне социально-экономического, политического и государственно-правового развития Империи.

Для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории войн и военного искусства.

ОТ АВТОРА

Предлагаемый читателю тематический сборник статей по военной проблематике, принадлежащих одному автору, является первым изданием такого рода в отечественной византистике; зарубежные аналоги подобных публикаций также буквально единичны.

Отбор материалов в сборник осуществлялся с учетом следующих основополагающих методологических принципов.

Военно-научная мысль каждого данного периода греческой, римской и византийской истории является важнейшим показателем общего уровня развития культуры соответствующего человеческого сообщества. Формируясь под длительным и постоянным воздействием самых различных факторов как материального, так и духовного свойства, принципы полемологии оказываются органически включенными в систему цивилизационных ценностей максимальной общественной значимости. Наделенные значительной самостоятельностью и самодостаточностью, эти принципы с течением времени приобретают способность оказывать существенное обратное воздействие на дальнейшую эволюцию породившей их социально-политической системы.

Военно-научная мысль греко-римской и византийской эпох получила свое воплощение в многочисленных письменных памятниках. Эти труды, при всем их широчайшем тематическом и хронологическом разнообразии, представляют собой тем не менее целостный ансамбль, в котором каждый из последующих компонентов генетически связан с каждым из предыдущих. При этом свод полемологических сочинений византийского периода является лишь частью более обширного комплекса, включающего в свой состав также всю совокупность военно-научных знаний греческого и римского периодов военной истории. В связи с этим все основные принципы византийской полемологии имеют античное происхождение;

ISBN 5-89329-393-2

9 785893 293937

На форзацах: Дмитрий Солунский. Около 1108 г. Церковь Архангела Михаила, Киев. Мозаика с левого восточного столпа.

История апостолов Варфоломея и Матфея. Начало XIII века. Сан Марко, Венеция. Мозаика под куполом Вознесения

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© В. В. Кучма, 2001 г.

античные традиции питают военную науку византийцев на всем протяжении ее тысячелетней истории.

Отличительная особенность военной науки состоит в том, что традиция играет в ней гораздо большую роль, чем в других отраслях знаний, а тесная преемственность (континуитет) в накоплении и передаче военно-научной информации является ее квалифицирующим признаком. «Ансамблевое», «коллекционное» состояние византийской военной литературы препятствует изолированному изучению отдельных ее памятников, сводит на нет успех такого изучения. Будучи вычлененным из единого комплекса, его составной компонент приобретает исключительно статические характеристики; из его признаков полностью исчезает динамика, которая в свое время явилась первопричиной его возникновения. Сосредоточение исключительного внимания исследователя на индивидуальном компоненте военной традиции содержит в себе опасность своеобразного эгоцентризма — свидетельства этого источника невольно приобретают в восприятии исследователя самодовлеющий характер, отчего смещается историческая перспектива, нарушаются акценты, утрачиваются объективные критерии ценности анализируемой информации.

Практически в каждом военном трактате (особенно в тех из них, которые строятся по образцу энциклопедий) можно достаточно определенно выявить три типа свидетельств: почерпнутых из собственного опыта автора, заимствованных из старых военных руководств, но приспособленных к требованиям современной ситуации, и, наконец, содержащих чисто историческую информацию. Преклонение военного писателя перед авторитетом своих предшественников по жанру проявлялось гораздо отчетливее, чем в других отраслях знаний: освященные вековыми традициями, свидетельства «древних» рассматривались позднейшими адептами в качестве непререкаемого идеала. Поэтому всемерное следование классическим образцам, скрупулезные содержательно-смысловые и текстуальные заимствования, стилистические и композиционные подражания являлись нормой творческого метода подавляющего большинства военных авторов (особенно византийской эпохи). Тем не менее установление компилятивного характера военно-научного сочинения не может явиться решающим основанием для сомнений в его исторической ценности. Для убедительного решения проблемы ценности полемологического сочинения как исторического источника необходимо выйти за пределы круга памятников данного жанра и привлечь к исследованию самые разнообразные свидетельства о практике военного дела в рассматриваемый период, причем не только письменные, но и вещественные (в частности, археологические). И если будет установлено, что рекомендации трактата соответствовали требованиям своей эпохи, этот трактат должен быть признан

репрезентативным и ценным историческим документом. Особенно это касается тех сочинений, которые получали санкцию со стороны государственных властей в качестве официальных военных руководств, рассчитанных на непосредственную практическую реализацию. В последнем случае степень аутентичности санкционированных военно-научных трактатов вполне сопоставима с соответствующими показателями нормативных актов.

Анализ конкретных военных реалий, отраженных в военно-научном сочинении, должен осуществляться при обязательном учете того обстоятельства, что эти реалии в исторической перспективе обладали далеко не одинаковой степенью консерватизма. Самыми консервативными на протяжении всей истории военной организации Греции, Рима и Византии являлись принципы полиоркеттики и лагерного устройства; наибольшей динамичностью обладала тактика, связанная непосредственно с самым подвижным, переменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким являлась материально-техническая база армии (прежде всего, элементы вооружения и снаряжения). Находясь под воздействием отмеченных выше специфических особенностей военной науки, большинство полемологических сочинений представляют собой сложные информационные комплексы, демонстрирующие причудливое переплетение многослойных напластований самых различных «сроков давности». Синхронизация военных реалий, содержащихся в трактатах, с той или иной конкретной исторической эпохой является наиболее сложной задачей, встающей в процессе исследования сочинений полемологического жанра. Но именно эта работа является особенно плодотворной и перспективной: свидетельства из сферы теории и практики военного дела, строго соотнесенные с эпохой своего реального функционирования, могут быть с успехом использованы для решения самых различных проблем истории Византийской империи, эволюции ее социально-экономической, общественно-политической и государственно-правовой системы.

Сформулированные методологические установки определили как содержание, так и структуру сборника.

Первый его раздел — «Античная и византийская военно-научная мысль в сфере ценностей материальной и духовной культуры» — открывается развернутым очерком почти тысячелетней истории античной военно-теоретической литературы, начиная с эпохи Ксенофонта и кончая временем Вегеция. К этому очерку логически примыкает обзор наиболее значительных памятников византийской военной литературы VI–X вв. Затем следуют три статьи «сквозного» характера, раскрывающие важнейшие аспекты античной и византийской военной доктрины — культурологический, идеологический и конфессиональный.

Второй раздел — «Памятники античной и византийской военно-научной литературы» — составлен из восьми статей, посвященных сравнительно-историческому анализу некоторых наиболее значительных произведений полемологического жанра («Стратегикос» Онасандра, «Стратегемы» Фронтин, «Epitoma rei militaris» Вегеция, «Византийский Аноним VI в.», «Стратегикон Маврикия», «Воинский Закон», «Тактика Льва», «De velitatione bellica», «De castrametatione») по основным вопросам их проблематики (авторство, датировка, источники, содержание, научно-теоретический уровень и др.).

В третий раздел — «Проблемы организации вооруженных сил и принципы военного искусства Византийской империи» — включены восемь статей, в которых раскрываются различные аспекты теории и практики военного дела VI–X вв. (экономические и юридические характеристики византийской военной системы, вопросы структуры и численности армейских частей и подразделений, принципы лагерного устройства, организация осады и обороны городов, эволюция элементов вооружения и снаряжения, развитие концепций стратегии и тактики, оптимальные способы ведения боевых действий и др.).

В сборник включены работы, написанные за 35 лет научных занятий (самая ранняя из них датируется 1965 годом, самая поздняя — 2000 годом). Руководствуясь основополагающими принципами изданий подобного рода, мы не считали себя вправе вносить сколько-нибудь существенные корректировки в содержание опубликованных ранее материалов. Изменения, которые все-таки оказались необходимыми, заключаются преимущественно в стилистической правке и — гораздо реже — в незначительных композиционных инверсиях; в ряде случаев произведено и некоторое сокращение первоначальных текстов. Естественно, что объем литературы, учтенной в той или иной статье, ограничен указанным временем написания этой статьи.

Раздел I

АНТИЧНАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННО-НАУЧНАЯ МЫСЛЬ В СФЕРЕ ЦЕННОСТЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ОЧЕРК АНТИЧНОЙ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Система вооруженных сил греческих государств, об организации которых сохранились обширные, точные и достоверные свидетельства, к V-IV вв. до н. э. достигла высокого развития: она имела достаточно четкие структурные формы и централизованную иерархию управления, основанную на строгой дисциплине. В греческих армиях уже существовали элементы тактического расчленения по видам вооружения (оплиты, лучники, пращники, копейщики, пелтасты) и по родам войск (пехота, конница, зарождающаяся артиллерия). В связи с формированием отдельных воинских подразделений, имеющих различное назначение, возникала задача организации их боевого взаимодействия.

Греко-персидские, а затем Пелопоннесская войны способствовали накоплению значительного опыта вооруженного противоборства, количественному росту и качественному совершенствованию практических военных навыков. Необходимость систематизации, осмысления и обобщения боевого опыта и вызвала к жизни военную науку, со временем оформившуюся в самостоятельную отрасль знания, обладавшую высокой степенью общественной значимости.

Античные авторы, решая вопрос об истоках военной науки, первым среди имен военных писателей ставили имя Гомера¹. Еще Аристофан в своих «Лягушках» указывал, что Гомер раньше всех других начал учить греков вооружению, боевому строю, искусству сражения, военному мужеству. Аналогичные мысли высказывались Платоном и Ксенофонтом. Тактика Гомера была объектом внимательного изучения в эпоху Александра Македонского. Сохранилось свидетельство, что даже в I в. н. э. знаменитый римский военачальник и государственный деятель Секст Юлий Фрон-

* Статья публикуется впервые.

¹ См. об этом: Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München und Leipzig, 1889. S. 13-14.

тин внимательно изучал военное наследие автора «Илиады» и написал специальный труд «О тактике по Гомеру».

Представляется, однако, что в поисках первых сочинений, которые могут быть отнесены к военно-научному жанру, у нас нет оснований подниматься до эпохи Гомера — такие произведения, посвященные исключительно (или преимущественно) проблемам военного дела, возникают лишь на рубеже V–IV вв. до н.э.

Первым, кто взял на себя труд проанализировать сущность современной ему военной организации, обобщить накопленный к тому времени боевой опыт, разработать основополагающие рекомендации по совершенствованию профессиональной подготовки отдельных бойцов и командиров, а также армии в целом, должен быть признан афинянин Ксенофонт (ок. 430–355/354 гг. до н.э.). Характерно, что вклад Ксенофонта в развитие военной теории гораздо охотнее и увереннее признают военные специалисты, чем историки².

Значительное внимание вопросам военного дела Ксенофонт уделил уже в своем обобщающем труде «Греческая история» (охватывает период 411–362 гг. до н.э.). Здесь, в частности, мы встречаем определение сущности «косого строя» Эпаминонда³, причем сделано это было с позиций, которые могут быть признаны вполне профессиональными⁴. Еще большее значение для военной науки имел «Анабасис». Что касается «Киропедии», то ее уже можно вполне оценить как военно-теоретический трактат, посвященный принципам комплектования, организации, вооружения армии, обучения и воспитания военнослужащих, — последнее дает основание утверждать, что данное произведение может рассматриваться как «древнейший памятник методики военной подготовки»⁵. Под воспитанием воина Ксенофонт понимал выработку у него высоких моральных и физических качеств, стойкости, храбрости и выносливости, повиновения командирам, дисциплины и взаимовыручки; под обучением подразумевалась выработка умения владеть личным оружием.

Существенный вклад Ксенофонта в развитие военной науки заключается, прежде всего, в формировании понятий стратегии и тактики, а так-

² Обзор литературы о Ксенофонте как военном теоретике содержится в работе: Wood N. Xenophon's Theory of Leadership // *Classica et mediaevalia*, XXV, 1–2, 1964.

³ Сущность принципа, предложенного фиванским полководцем Эпаминондом (ок. 418–362 гг. до н.э.), заключалась в неравномерном распределении сил по фронту фаланги в целях усиления главного удара на решающем участке.

⁴ Ксенофонт. Греческая история, VII, 5, 23–25. Перевод, вступительная статья и комментарий С. Лурье. Л.: ОГИЗ. 1935. С. 198.

⁵ Jähns M. Op. cit. S. 25.

же в попытке установить соотношение между этими двумя важнейшими составными частями военного искусства. В понятие стратегии Ксенофонт включал общие принципы ведения войны; тактика, рассматриваемая как часть стратегии, сводилась им к искусству построения боевого порядка.

Заслуживают внимания и некоторые другие, более частные воззрения Ксенофонта в области военной науки. Ряд соображений высказан им относительно наилучших форм построений боевого и походного порядков⁶. Ксенофонт выявляет серьезные недостатки сомкнутой, монолитной фаланги, проявляющиеся и в движении, особенно по пересеченной местности, и в бою — при отражении нападений неприятеля с флангов и с тыла. Он проявляет себя решительным сторонником построения войска хотя и в одну линию, но отдельными компактными группами (лохами), с оставлением промежутков между ними. Неприятелю будет нелегко вклиниться между лохами, так как он окажется под ударами сразу с двух сторон. В свою очередь, наличие свободных промежутков создает возможности маневра греческих войск для охвата неприятельского боевого порядка.

Рекомендации Ксенофонта по поводу принципа дискретности в построении боевого порядка были совершенно новым словом в военной теории. Важно подчеркнуть, что эти новые идеи были не только высказаны, но и воплощены на практике во время знаменитого «Отступления десяти тысяч», участником и одним из руководителей которого был сам Ксенофонт. По оценке М. Йенса, идеи Ксенофонта означали осознанный отказ от статичного «находиться друг возле друга» во имя динамичного «взаимодействовать друг с другом» и предвосхищали (пока еще в самом общем виде) позднейшую манипулярную тактику римских легионов⁷.

В военно-теоретическом наследии Ксенофонта обнаруживается идея воинских резервов⁸, которую классическая фаланговая тактика принципиально отрицала, но которая стала основополагающей в теории и практике последующих эпох. Ряд замечаний Ксенофонта касался принципов лагерного устройства, организации сторожевой службы, совершенствования оборонительного и наступательного вооружения, взаимодействия метательного оружия и оружия ударного действия. Ксенофонт обосновывал преимущества рукопашного боя по сравнению с боем метательным оружием. Гораздо раньше всех своих современников Ксенофонт стал уделять внимание коннице, посвятив ей два специальных трактата.

⁶ Ксенофонт. Анабасис, IV, 8, 9–10 // Историки Греции. Перевод с древнегреческого. Составитель и предисловие Т. Миллер. М.: Художественная литература, 1976. С. 315.

⁷ Jähns M. Op. cit. S. 21.

⁸ Ксенофонт. Анабасис, VI, 5, 4–32. С. 353–356.

Первый из них — «О верховой езде» (Περὶ ἵπλικῆς) — состоит из 12 разделов, посвященных правилам обращения с лошадьми и принципами их дрессировки; описываются также детали вооружения и снаряжения всадника и боевого коня. Главным источником труда Ксенофонта послужило сочинение афинянина Симона⁹.

Второй трактат — «О начальнике кавалерии» (Ἱππαρχικός)¹⁰ — делится на 8 глав. Они посвящены набору, организации и обучению кавалерии (гл. 1), ее делению и строям (гл. 2–4), мерам предосторожности и военным хитростям (гл. 5), средствам, позволяющим военачальнику завоевать повиновение и уважение к себе (гл. 6), искусству защитить собственную территорию исключительно силами кавалерии (гл. 7), изложению принципов тактики кавалерийских сражений (гл. 8).

Справедливости ради следует все же подчеркнуть, что Ксенофонт не удалось до конца понять роль конницы в бою и по достоинству оценить значение этого быстро прогрессирующего рода войск. Явным диссонансом с его собственным опытом участника и одного из организаторов «Отступления десяти тысяч» звучит заметное преклонение Ксенофонта перед спартанской фалангой, которая уже была вчерашним словом в военной теории. Известно, что за симпатии к военному и политическому режиму Спарты, за сотрудничество со спартанцами в действиях против Афин Ксенофонт был заочно приговорен к смертной казни.

Вклад Ксенофонта в развитие военно-теоретических исследований был по достоинству оценен еще в древности. Его «Киропедия» была настольной книгой многих выдающихся полководцев — Александра Македонского, Сципиона Африканского, Юлия Цезаря и др. Что же касается оценок Ксенофонта в современной историографии, то в связи с отсутствием достоверных свидетельств о его предшественниках именно он рассматривается в качестве первого представителя военно-теоретической мысли, основоположника античной военной науки.

К середине IV в. относится деятельность писателя, который может быть назван военным теоретиком уже без всяких оговорок, — речь идет об Энее, получившем в истории военной науки наименование «Тактик»¹¹.

⁹ Детальный анализ указанного сочинения Ксенофонта в сопоставлении с трактатом Симона осуществлен в издании: *Xenophon. Reitkunst. Griechisch und Deutsch* von K. Widdra. Berlin, Akademie — Verlag, 1965.

¹⁰ Публикация трактата на русском языке: Ксенофонт. Гиппарх (обязанности начальника конницы) // Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках. Перевел с греческого Г. А. Янчевецкий. Вып. 5. Мелкие статьи. Митава, 1880. С. 193–214.

¹¹ В. Ф. Беляев полагал, что это наименование было дано Энею уже учеными нового времени, приблизительно в XVII в. (см.: Беляев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности // ВДИ. 1965. № 1. С. 240).

Известный военный писатель Элиан, творивший на рубеже I и II вв. н. э., считал Энея первым (после Гомера) автором, чьи произведения заслуживают самого внимательного изучения с точки зрения военной технологии¹². Имя Энея Тактика было широко известно античным и византийским авторам: кроме Элиана, его знают Полибий, Иоанн Лид, Юлий Африкан (через посредство Полибия).

Вопрос о происхождении Энея Тактика остается спорным. Первый издатель Энея, И. Касобон (Is. Casaubonus), высказал предположение о том, что Эней Тактик идентичен упоминаемому Ксенофонтom в его «Греческой истории» (VII, 3, 1) стратигу Аркадского союза Энею из Стимфала. Это предположение было активно воспринято и развито А. Хугом¹³; были высказаны, однако, и другие мнения¹⁴. В настоящее время такая идентификация либо признается лишь возможной¹⁵, либо вообще отвергается¹⁶. Чаще всего (и эта позиция признается наиболее правильной) вопрос предлагается оставить открытым¹⁷. Можно сказать с уверенностью лишь то, что опытность Энея в военном деле, его прекрасное знакомство с предметом, которое достигается лишь длительным практическим опытом, хорошее знание солдатской психологии неоспоримо свидетельствуют о принадлежности нашего автора к военному сословию, вероятнее всего, к сословию наемников-профессионалов¹⁸. Изучая язык трактата, ученые уже давно пришли к выводу о неафинском происхождении Энея¹⁹. Поскольку ему приходилось общаться с греками самого различного происхождения²⁰, у него и выработался тот «общий язык», которым написан трактат²¹.

¹² См. об этом: *Dain A. Les stratèges byzantins* // TM. Vol. 2. P., 1967. P. 320.

¹³ *Hug A. Aeneas von Stymphalos, ein arcadischer Schriftsteller aus klassischer Zeit* // Festschrift der Universität Zürich an die Universität Tübingen. Zürich, 1877. Другая литература — в статье: *Маринович Л. П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н. э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С. 52.

¹⁴ См. об этом: *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. С. 181.

¹⁵ *Mihăescu H. Prolégomènes à une édition critique des TACTICA — STRATEGICA de Maurice-Urbicius* // RESEE. V. 3–4. 1967. P. 401.

¹⁶ См.: *Dain A. Les stratèges...* P. 320; *Беляев В. Ф.* Эней Тактик — первый военный теоретик... С. 241, примеч. 14.

¹⁷ *Маринович Л. П.* Греческое наемничество... С. 181.

¹⁸ Там же. С. 182–183.

¹⁹ *Schwartz E.* // RE. I. 1894. Col. 1020.

²⁰ *Groningen B. A. Le vocabulaire d'Enée le Tacticien* // Mnemosyne, VI, 4, 1938.

²¹ *Беляев В. Ф.* Эней Тактик как предшественник греческой койнэ // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 452–465.

Интересы Энея касались самых различных аспектов военной науки, и общее число принадлежащих ему трудов было, вероятно, весьма значительным. Единственное сохранившееся сочинение Энея, имеющее наименование «Тактикὸν ὑπομνημα περὶ τοῦ πῶς χρὴ πολιορκούμενον ἀντέχειν», посвящено проблемам защиты города от вражеского нашествия²². Время его возникновения — сразу после 360 г. до н. э. Трактат остался неоконченным: две последние фразы свидетельствуют о намерении автора перейти к описанию морской тактики, но эта часть так и не была найдена.

Распределение материала по 40 главам трактата произведено следующим образом:

1. Принципы подбора и расположения войск в преддверии осады; подготовка оборонительных позиций в самом городе и на подступах к нему (гл. I–X, 24).

2. Меры по поддержанию порядка и дисциплины в войске; общие меры пресечения бунтов и волнений (гл. X, 25–XIV).

3. Способы отражения неожиданных нападений (гл. XV–XVI, 15).

4. Организация воинских учений снаружи городских стен и меры обеспечения их безопасности; меры предосторожности при отправлении религиозной службы вне стен города; меры по защите городских ворот (гл. XVI, 16–XXI).

5. Способы защиты городских стен днем и ночью; меры предосторожности против контактов заговорщиков с неприятелями (гл. XXII–XXXI).

6. Способы отражения штурма (гл. XXXII–XL).

Автор трактата мыслит себя в положении военачальника, который, стоя во главе городского ополчения, поддерживаемого некоторыми подразделениями наемных войск, имеет своей задачей защитить город и страну от нападения врага, не обладающего слишком большим превосходством сил, а также не допустить возникновения заговоров и мятежей внутри города. При этом степень опасности и внешних, и внутренних врагов оценивается примерно как равная²³. Эней чаще всего имел в виду войны, которые велись не между греками и варварами, а между отдельными греческими полисами. Поэтому его сочинение, помимо чисто военной информации, содержит богатый материал о внутренней жизни полисов в тяжелый для них век кризиса.

²² Пользуемся изданием: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. L.; N. Y., 1923 (далее — Aeneas). Подробный указатель к нему: Barends D. Lexicon Aeneium. Assen, 1955. Имеется русский перевод В.Ф. Беляева (см.: ВДИ. 1965. № 1–2). Последнее французское издание: Enée le Tacticien. Poliorcétique. Texte établi par A. Dain, trad. par A.-M. Bon. P., 1967.

²³ Aeneas, IV, 1–4. P. 38; XVIII, 8. P. 94–96; XXIV, 18. P. 130; XXXI, 33. P. 172.

Эней демонстрирует хорошее знакомство с сочинениями античных авторов (встречаются, в частности, достаточно точные цитаты из трудов Фукидида и Ксенофонта). В литературе закрепилось мнение о том, что главными источниками Энея являлись не письменные сочинения, а рассказы современников, очевидцев и личный опыт автора. Исторические события и конкретные имена в трактате буквально единичны — редким примером может служить упоминание Ификрата как одного из основоположников военной символики²⁴. Хронология упоминаемых событий такова, что только одно из них относится к VI в. до н. э., три — к V в., а все остальные датируются первой половиной IV века.

О содержании несохранившихся сочинений Энея можно составить представление по его собственным ссылкам. Так, он неоднократно упоминает свой трактат «ἡ παρασκευαστικὴ βίβλος»²⁵, — судя по контексту ссылок на него, он содержал рекомендации по подготовке к войне. Лишь по одному разу названы «ἡ ποριστικὴ βίβλος»²⁶ (вероятно, трактат о финансовом обеспечении армии) и «ἡ στρατοπεδευτικὴ»²⁷ (трактат о лагерьном устройстве). Упоминания Энея еще двух своих сочинениях настолько неясны²⁸, что у исследователей нет единого мнения об их содержании. Еще один трактат Энея («Περὶ πυρσῶν») назван Полибием в его «Истории» (X, 4). В литературе неоднократно делались попытки реконструировать весь состав свода военных знаний, который мог принадлежать Энею²⁹.

Влияние Энея на последующую традицию оказалось весьма существенным: его непосредственно испытали на себе Онасандр, Элиан, Полиен. Секст Юлий Африкан, живший на пять веков позже Энея, включил в свой трактат обширные извлечения из его рекомендаций. Установки Энея отчетливо прослеживаются в «Византийском Анониме VI в.». Их отзвуки можно встретить в самых поздних памятниках византийской военно-научной литературы (вплоть до «Тактики Никифора Урана»).

На фоне выдающихся заслуг Энея в развитии военной науки остались в тени его младшие современники и последователи. В большинстве случаев нам известны лишь их имена. Так, в сочинениях Элиана и Арриана содержится почти совпадающий (за единственным отклонением) список представителей военной науки III–I вв. до н. э.³⁰ В порядке очередности (вероятно, хронологической) здесь названы: Пирр, царь Эпира, его сын

²⁴ Aeneas, XXIV, 16. P. 128.

²⁵ Ibid., VII, 4. P. 46; VIII, 5. P. 48; XXI, 1. P. 104; XL, 8. P. 198.

²⁶ Ibid., XIV, 2. P. 74.

²⁷ Ibid., XXI, 2. P. 106.

²⁸ Ibid., XI, 2. P. 64.

²⁹ См., напр.: Jähns M. Op. cit. S. 26.

³⁰ См.: Dain A. Les stratégistes... P. 321–322.

Александр, Клеарх, Павсаний, Эвангел, Полибий, Эвполем, Ификрат, Посидоний; у Элиана добавлен еще Брион. Половина из этих персонажей известна в истории³¹; об остальных мы не знаем совершенно ничего. Утрата приписываемых им сочинений подтверждает предположение о том, что военно-теоретическая мысль в Древней Греции работала еще более интенсивно, чем это представляется на основании дошедших до нас трактатов, — очевидно, количество несохранившихся сочинений было еще большим.

III в. до н. э. ознаменовался быстрым прогрессом в области военной техники. Походы Александра Македонского в страны с глубокими традициями в области техники и механики (Финикия, Египет, страны Востока) явились одной из причин возникновения новой отрасли военной науки — полиоркеттики, искусства осады и обороны крепостей, включавшей в себя принципы их строительства (впоследствии эти вопросы составили предмет фортификации), снабжения провиантом и оружием укрепленных мест, способы их атаки и защиты. К полиоркетике в древности относили и ту обширную сферу, которая включала в себя строительство осадных машин и механизмов.

Зарождение полиоркеттики связано с именами Битона и Филона Византийского.

Битон, о жизни которого неизвестно ничего, оставил трактат под названием «О конструкции военных машин». Датировка сочинения определяется его посвящением Атталу I Пергамскому (правил в 241–197 гг. до н. э.). В трактате описано, в частности, несколько метательных орудий, основанных на использовании энергии скрученной тетивы (т. н. принцип торсиона). Имя Битона было впоследствии известно не только Афиней и Элиану — почти 12 веков спустя оно встречается в сочинении Герона Византийского.

Деятельность Филона Византийского приходится на вторую половину III в. до н. э. Им было написано много трудов, которые в своей совокупности составляли обширную техническую энциклопедию. О содержании утраченных частей можно судить только по авторским ссылкам; сохранились лишь разделы, посвященные военным метательным орудиям (в том числе пневматическим) и основным принципам фортификации³².

³¹ Так, в труде Плутарха названы сразу трое из них — Пирр, Александр и Эвангел (см.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. Т. 2. М.: АН СССР, 1963. С. 7, 38–65). Что касается известного историка Полибия, то он сам упоминает в своей «Истории» (IX, 20, 4) собственный специальный труд по тактике. О философе-стоике Посидонии известно, что он являлся учителем Асклепиодота (см. о нем далее).

³² Philon. Vom Geschützbau // Köchly H. und Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. Bd. I. Leipzig, 1853. S. 240–317, 336–346.

Филон решал вопросы рационального размещения башен на крепостной ограде, вычислял их толщину, высоту, конфигурацию, обосновывал оптимальную мощность крепостных стен, конструкцию их верхних ярусов (парапет, бойницы, зубцы и т. п.), дополнительные меры их защиты (протейхизма, передовые форты). Филоном впервые был обоснован ряд положений по военно-инженерному оборудованию местности (рвы, валы, контрэскарпы и др.). Многие идеи Филона значительно обгоняли свое время — тогдашний уровень развития строительной техники не позволял воплотить их в жизнь. Поэтому в большинстве случаев они не были поняты и оценены современниками; лишь последующие поколения военных инженеров как бы давали им новую жизнь, когда по мере роста технических возможностей открывались условия их практической реализации.

Ко II–I вв. до н. э. относится деятельность Герона Александрийского (именуемого также Героном Древним или Героном Механиком), чья выдающаяся заслуга заключается в систематическом изложении основных достижений античного мира в области прикладной механики³³. В трактате Герона «Об изготовлении метательных машин» (Βελλοπαικῆ) фактически воссоздан весь путь от элементарного ручного лука сначала к приспособлениям, приводимым в действие весом тела (т. н. гастрфеты), а затем — к торсионным орудиям. Проведя различие между орудиями для настильной (катапульты) и навесной (петроболы) стрельбы, Герон дал описание т. н. хейробаллисты — портативного приспособления для метания стрел. Существенный недостаток героновских описаний — отсутствие технических характеристик механизмов, даже таких, как размеры отдельных деталей. Поэтому реконструкция описываемых механизмов встречает неодолимые препятствия, несмотря на наличие нескольких десятков чертежей и эскизов³⁴. Тем не менее широкий кругозор, интерес к самым разнообразным техническим и прикладным наукам (математика, механика, теплотехника, пневматика, гидравлика, геодезия, оптика и др.) дают основание ставить Герона в один ряд с лучшими умами человечества, «титанами мысли», видеть в нем отдаленного предшественника будущих гениев эпохи Возрождения.

К числу основоположников военно-технической мысли относится и Афиней Механик, живший в I в. до н. э., автор труда «О машинах». В трактате воссоздается история изобретения и применения военных

³³ Heron. Vom Geschützbau // Köchly H. und Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. Bd. I. Leipzig, 1853. S. 200–239; 318–355.

³⁴ Описания и чертежи античных военных машин и механизмов см. в главе «Полиоркетика», написанной Е. Шраммом и помещенной в обобщающем исследовании: *Kromayer J. und Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer*. München, 1928. S. 209–245.

машин, не только метательных, но и различных осадных (башни, буравы, мосты, лестницы, тараны, «черепахи» и т. п.); имеются также сведения об организации саперных работ (в частности, подкопов).

Источники, которыми располагал Афиней, легли в основу трактата его младшего современника Марка Витрувия Поллиона. Около 13–11 гг. до н. э. Витрувий по желанию Августа написал свой знаменитый труд «10 книг об архитектуре»³⁵, который полностью сохранился до наших дней (за исключением рисунков и чертежей). Хотя сочинение написано на латинском языке, в нем воссоздана история именно греческой, а не римской полиоркеттики: здесь обобщен боевой опыт, накопленный в армиях македонского и эллинистического периодов, — среди исторических экскурсов Витрувия мы не найдем ни одного, который бы не вписывался в рамки греческой истории.

Собственно архитектуре посвящены первые 7 книг; в 8-й рассматриваются проблемы гидроснабжения городов, в 9-й — проблемы измерения времени. 10-я книга, особенно главы 10–16, имеют уже непосредственное отношение к военному делу³⁶. В гл. 10 дано описание т. н. «скорпиона» — механизма для метания стрел с указанием размеров его узлов и деталей. Гл. 11 содержит сведения об устройстве баллист, приводимых в движение с помощью рычагов, воротов, полиспастов и др.; размеры и пропорции баллист исчислялись по размерам камней, которые метают данные орудия. Настройка баллист производилась путем равномерного натяжения канатов по обе стороны орудия, а сила натяжения определялась по высоте звука, издаваемого канатом при вибрировании. Гл. 13 воссоздает историю изобретения и усовершенствования осадных орудий — от т. н. «барана» (простого бревна, раскачиваемого руками и ударяющего в крепостную стену) до весьма сложных сооружений — стеновых буравов и стенодолбителей, подъемных механизмов для восхождения на стену, т. н. «черепах», используемых для преодоления рвов. «Черепахи», в свою очередь, могли нести на себе «скорпионы», катапульты, баллисты и тараны. В этом случае «черепаха» превращалась в мощную подвижную башню, которая требовала, однако, прочного защитного покрытия из сырых кож или тканей, пропитанных высушенной глиной. Переднюю стену башни рекомендовалось делать не прямой, а в форме обращенного вперед выступа, предназначенного для отражения метательных

³⁵ Сведения о публикациях и переводах труда Витрувия, начиная с XV в., а также об изучении его инженерами нового времени см.: *Jähns M.* Op. cit. S. 82–84. Имеется русский перевод: *Марк Витрувий Поллион. 10 книг об архитектуре.* Перевод Г. П. Полякова, Н. Ф. Дератини, А. В. Мишулина. Редакция и введение А. В. Мишулина. Л.: ГАИМК, Соцэргиз. 1936 (далее — Витрувий).

³⁶ Витрувий, X, 10–16. С. 314–328.

средств. В гл. 15 Витрувий дает описание гигантской «черепахи», сооруженной неким Гетегором Византийским, — ее вес достигал 480 тыс. римских фунтов, а обслуживающий персонал насчитывал 100 человек³⁷. Заключительная, 16-я глава содержит рекомендации по борьбе с осадными механизмами противника, применяемыми как сухопутной армией, так и флотом (в последнем случае интересны рекомендации по созданию искусственных мелей³⁸).

Сочинению Витрувия, составившему целую эпоху в развитии военно-инженерной мысли, была суждена долгая жизнь в истории. Непреходящими являются заслуги этого автора в обобщении и теоретическом обосновании торсионного принципа действия метательных орудий. Основанные на использовании освобожденной энергии предварительно скрученного материала (причем идеальным материалом для устройства натяжных тетив считался человеческий волос³⁹), такие орудия обладали большой мощностью (вес метаемых камней мог превышать 76 кг), дальностью (до 350 м) и точностью наводки (отдельный человек мог быть поражен на расстоянии до 100 шагов).

Что касается военно-тактической литературы, то наступивший после Энея длительный, почти трехвековой перерыв в ее развитии закончился в первой половине I в. до н. э. — к этому времени относится труд Асклепиодота Философа «Τέχνη τακτική»⁴⁰.

Анализируемое сочинение подразделяется на 12 глав следующего содержания:

1. О различных родах войск.
2. Численность и наименование различных частей фаланги.
3. Порядок размещения воинов в фаланге и в ее отдельных подразделениях.
4. Об интервалах внутри фаланги.
5. О вооружении (с точки зрения количественных и качественных характеристик).

³⁷ Витрувий, X, 15, 2–7. С. 323–325. Известно, что самая мощная в древней истории осадная подвижная башня была использована при штурме Тира войсками Александра Македонского в 332 г. до н. э. По расчетам Е. Шрамма, она была 20-этажной и имела 53,2 м высоты. Ее обслуживало 200 человек (см.: *Эллинистическая техника. Сборник статей под ред. И. И. Толстого.* М.; Л.: АН СССР. 1948. С. 298).

³⁸ Там же, X, 16, 9. С. 327.

³⁹ См. об этом: *Дильс Г.* Античная техника. М.; Л.: ОНТИ. 1934. С. 96; *Эллинистическая техника...* С. 282.

⁴⁰ Публикация труда Асклепиодота — в англо-американском издании, указанном в примеч. 22 (далее — *Asclepiodotus*).

6. Строи легкой пехоты (псилов) и тяжеловооруженной (пелтастов); наименования их подразделений.

7. Строи кавалерии, их формы и наименования подразделений.

8. Боевые колесницы.

9. Боевые слоны.

10. Общие наименования военных маневров.

11. Различные виды пехотного строя и способы их формирования.

12. Военные команды, используемые при совершении маневров.

В центре внимания Асклепиодота была т. н. македонская фаланга — промежуточное звено между классической (дорической) фалангой и построениями римских легионов. Не будучи профессиональным военным и оперируя материалом весьма большого срока давности, Асклепиодот стремился к последовательному, логическому изложению своего предмета исключительно в абстрактно-теоретическом плане. В ряде случаев эти рекомендации опирались не на выводы армейской практики, а на математические законы (в частности, для доказательства одинаковой боевой мощи левого и правого крыльев фаланги решается теорема о равенстве площадей двух четырехугольников, образуемых линиями боевого строя⁴¹).

Несмотря на свой сугубо книжный характер, труд Асклепиодота оставил существенный след в военной науке. Г. Кэхли было впервые высказано, а Р. Ферстером тщательно обосновано⁴² положение о том, что трактат «Τέχνη τακτική» послужил одним из источников сочинений Элиана и Арриана, а через их посредство оказал воздействие на всю последующую традицию. Особенно ценными были признаны цифровые выкладки Асклепиодота относительно численности фаланги в целом (знаменитая норма — 16384 чел.⁴³) и отдельных ее частей, предложенная им военно-научная терминология, рекомендованные оптимальные схемы боевого и походного порядков.

Примерно в середине I в. н. э. вышел в свет небольшой по объему трактат, посвященный характеристике профессиональных и моральных качеств высшего командного состава армии, в том числе и в первую очередь — главнокомандующего. Трактат вошел в литературу под наименованием «Стратηγικός»⁴⁴; его автором был также не профессиональный военный, а философ-платоник Онасандр. Влияние этого автора на последующую литературу оказалось многоплановым по форме и существенным

⁴¹ Asclepiodotus, III, 1. P. 262.

⁴² Förster R. Studien zu den griechischen Taktikern // Hermes, 12. Berlin, 1877. S. 431 ff.

⁴³ Asclepiodotus, II, 7. P. 256.

⁴⁴ Публикация текста трактата — в англо-американском издании, указанном в примеч. 22.

по содержанию. Если в трудах его предшественников (Эней, Асклепиодот) и младших современников (Элиан, Фронтин) преобладает тактико-техническая проблематика, никак не связанная с проблемами стратегии, то именно последняя превалирует в «Стратегикосе», причем тема полководческого искусства (разумеется, в его античном понимании) оказалась раскрытой Онасандром всесторонне и исчерпывающим образом. Отсюда становится объяснимым факт широкого распространения труда Онасандра в большом количестве рукописных копий, переложений и извлечений, а также заинтересованное, не лишенное прагматической подоплеки внимание к нему со стороны теоретиков и практиков военного дела не только во времена античности и средневековья, но и Нового времени⁴⁵.

К концу I в. н. э. относится творчество Секста Юлия Фронтин, известного римского военачальника и государственного деятеля эпохи Флавиев и Антонинов. Его сохранившееся произведение, известное под наименованием «Strategemata»⁴⁶, представляло собой собрание военно-исторических иллюстраций к деяниям великих полководцев древности. Характерной особенностью трактата Фронтин являлось то, что основополагающие принципы деятельности военачальников не раскрывались и не обосновывались в теоретическом плане, — эти принципы предоставлялось вывести читателю самостоятельно из совокупности специально подобранных, тематически строго разграниченных примеров. Кроме того, Фронтин как бы поощрял позднейших интерполяторов на продолжение своего труда, тем более что предложенная им форма подачи материала создавала для этого самые благоприятные возможности. В условиях тесной преемственности военной организации греко-македонской и римской эпох конкретные боевые приемы, систематизированные Фронтином, имели большое практическое значение: они могли явиться не только исходным материалом для новых поисков и находок — не исключалась возможность их непосредственного повторения. О популярности сочинения Фронтин, о воздействии его идей и принципов на военно-теоретическую мысль последующих поколений свидетельствует большое количество сохранившихся рукописей «Стратегем», часть из которых восходит к IX–X вв., но особенно много относится к XIV–XV вв.

Широкий круг военно-научных проблем был охвачен произведением Элиана Тактика, посвященным императору Траяну и носящим наимено-

⁴⁵ Подробная характеристика трактата Онасандра содержится в специальной статье («Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики), помещенной во втором разделе настоящего сборника.

⁴⁶ Анализ сочинения Фронтин см. в статье (О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтин «Стратегемы»), помещенной во втором разделе настоящего сборника.

вание «Тактикῆ θεωρία»⁴⁷. Общеизвестной датой создания трактата считается первое десятилетие II в. н.э., скорее всего — 106–107 гг. В предисловии к своему сочинению Элиан подчеркивает, что он не является военным специалистом, но чувствует себя способным обработать и изложить военно-научный материал лучше, чем это сделано его предшественниками. В отличие от более ранних авторов, которые писали лишь для посвященных, Элиан намеревался сделать военную науку достоянием всех, даже не-специалистов. Не сомневаясь в практической ценности своего сочинения, он снабдил его подробным указателем из 113 пунктов, чтобы император, обремененный многочисленными заботами, не терял времени на поиски нужного ему сюжета.

По оценке К.-К. Мюллера, трактат Элиана представляет собой учебник элементарной фаланговой тактики оплитов эллинистического периода⁴⁸; он не содержит в себе никакой современной информации, рассчитанной на непосредственное практическое применение в условиях римской военной организации траяновской эпохи⁴⁹. Являясь типичным «кабинетным тактиком», Элиан, по его собственным словам, черпал научную информацию из старых военных сочинений, начиная с Гомера и кончая неким Брионом, упоминание о котором не повторяется больше ни у одного из военных писателей. К сожалению, большинство из перечисленных Элианом более ранних военно-научных сочинений до наших дней не сохранилось. Прямые ссылки на предшественников встречаются у Элиана довольно редко: так, обнаруживаются две цитаты из Полибия (III, 4 и XIX, 10) и по одной из Платона (I, 7) и Энея (III, 4). По мнению авторитетных специалистов (Р. Ферстера, М. Йенса, А. Дэна и др.), главным источником «Теории тактики» как с точки зрения содержания, так и формы явилось сочинение Асклепиодота. Свою задачу Элиан усматривал в создании универсального руководства с охватом всех проблем военной теории; основными принципами своего труда он определял ясность и систематичность.

В плане композиционных характеристик «Теория тактики», состоящая из 42 глав (членение трактата не является авторским и принадлежит последующим интерпретаторам), превосходит трактат Асклепиодота. К тому же Элиану удалось в значительной степени преодолеть чрезмерное увлечение своего предшественника математической символикой, фор-

⁴⁷ Сведения об изданиях трактата (начиная с 1487 г.) см.: Jähns M. Op. cit. S. 97; Dain A. Les stratégistes... P. 330.

⁴⁸ Müller K.-K. Aelianus // RE. I. 1894. Col. 483.

⁴⁹ Данное положение получило развернутое обоснование в капитальном исследовании рукописной традиции «Теории тактики», осуществленном А. Дэном. См.: Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien. P., 1946.

мально-логической системой аргументации. Писательская манера Элиана отличается тщательностью, хотя и склонностью к некоторому многословию⁵⁰. По справедливому замечанию А. Дэна⁵¹, стиль автора был зараннее детерминирован вкусами и интересами высшего командного состава римской армии. Впрочем, в трактате остаются некоторые неясные места, особенно в пассажах, связанных с технической терминологией. Не всегда спасают положение и прилагаемые к тексту рисунки и чертежи (семь из них были впервые воспроизведены в издании Г. Кэхли и В. Рюстова 1855 г.).

Полностью выполнив задачу систематизации военно-научной теории эллинистического периода, Элиан на долгое время остался в глазах последующих военных писателей весьма авторитетным автором. Его знает Иоанн Лид; неоднократно ссылки на него в «Тактике Льва»⁵² и «Неизданной тактике Льва»⁵³. Упоминание его имени содержится в «Тактике Никифора Урана»⁵⁴. Анна Комнина в своей «Алексиаде» (XV, 3) упоминает схемы Элиана в качестве образцов тактических построений. Отрывки из «Теории тактики» содержатся в арабском тактическом сочинении, изданном около 1350 г.⁵⁵ В XV в., когда в странах Западной Европы стали закладываться научные основы тактики пехотных подразделений, именно концепции Элиана в первую очередь привлекли внимание военных специалистов, как теоретиков, так и практиков⁵⁶: последние сочли вполне возможным перенести на боевые построения западно-европейских тяжело-вооруженных копейщиков принципы греко-македонской фаланговой тактики эллинистической эпохи.

Подобная рецепция имеет вполне реальное объяснение. Когда Элиан создавал свой трактат, он имел дело не с живой боевой практикой, а с материалом уже в значительной степени отстоявшимся, утратившим характер сиюминутности, злободневности, а потому в максимальной степени пригодным для абстрактного осмысления. Наш автор был совершенно

⁵⁰ См. об этом: Förster R. Op. cit. S. 436–437.

⁵¹ Dain A. Histoire du texte d'Elie... P. 42–44.

⁵² Leonis Imperatoris Tactica (ed. J.-P. Migne // PG. 107. 1863), VI, 30. Col. 729 D; VII, 86–87. Col. 760 D–761 A.

⁵³ Sylloge Tacticorum que olim «Inedita Leonis Tactica» dicebatur. Ed. A. Dain. P., 1938, XXX, 1. P. 51; XLVII, 20. P. 90.

⁵⁴ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. P., 1938. P. 40, 54, 87.

⁵⁵ См.: Wüstenfeld F. Das Heerwesen der Muhammedaner und die arabische Übersetzung der Tactik des Aelianus. Göttingen, 1880.

⁵⁶ По нашим подсчетам (возможно, неполным), на протяжении только XV–XVIII вв. увидело свет одно латинское и пять греческих изданий трактата Элиана, появились его три французских, два немецких и один английский переводы.

свободен в выборе средств и методов своих исследований, и изучаемый объект был беспрекословно послушен в его руках. Греко-македонская фаланговая тактика была расчленена Элианом на самые простые составляющие ее компоненты (элементарные схемы боевых порядков, повороты, движения, перемещения); эти компоненты получили соответствующие наименования, количественные и качественные характеристики. И именно в силу своей простоты, изначальности и первозданности эти элиановские элементы приобрели характер универсальности, пригодности для применения в любых условиях — как локально-территориальных, так и хронологических. В ходе дальнейшей эволюции военного дела менялись способы вооружения, снаряжения и снабжения армий, совершенствовалась структура воинских частей и подразделений, усложнялись приемы и методы боевого обеспечения. Но оставался практически неизменным главный материальный элемент военной организации — группа вооруженных людей, способная образовывать строй как определенный, упорядоченный способ размещения этих людей относительно друг друга; оставались принципиально неизменными квалифицирующие признаки строя — фронт, тыл, фланги; оставались в силе возможные варианты трансформации строя — повороты направо, налево и кругом, разрежение и уплотнение, начало движения, сам процесс движения и его прекращение. В силу всех этих обстоятельств установки и рекомендации, сформулированные Элианом, сыграли роль тех арифметически-простейших приемов и действий, без овладения которыми не могла бы возникнуть сама возможность подъема военно-тактической мысли ни на последующую, ни на все дальнейшие ступени ее развития.

Тесно связано с элиановской «Теорией тактики», но одновременно и радикально отлично от него сочинение Флавия Арриана «Τέχνη τακτική». Имя Арриана широко известно в истории⁵⁷ — возведенный в консульское и сенаторское достоинство, он являлся имперским наместником в Каппадокии, исполнял жреческие функции в Риме, был архонтом-эпонимом и пританом в Афинах. Философские воззрения Арриана были сформированы под воздействием принципов стоической школы. Вернувшись в конце жизни на родину (в Вифинию), он умер в период царствования Марка Аврелия (до 180 г.).

Тематика произведений, принадлежавших перу Арриана, отличается исключительным разнообразием и имеет явное сходство с тематикой Ксенофонта. Арриану мы обязаны двумя философскими трактатами, излагающими учение Эпиктета. Им написаны специальный трактат об охоте («Κυνήγετικός»), семь книг «Анабасиса Александра» (об истории завоева-

⁵⁷ См. об этом: Jähns M. Op. cit. S. 97; Dain A. Les stratégistes... P. 331.

ния Персидской державы Александром Македонским), несколько сочинений, посвященных истории Индии, Парфии, Вифинии и других стран.

Главное военно-научное сочинение Арриана — названное выше «Искусство тактики»⁵⁸, написанное на двадцатом году царствования Адриана (137 г.) и ему посвященное. Трактат отчетливо делится на две различные части. Первая из них является переложением того же источника, который ранее составил основу сочинения Элиана. Вторая часть является абсолютно самостоятельной; ее содержание — описание строев и маневров римской конницы, причем преимущественно не в военно-полевых условиях, а в условиях строев и парадов (это дало основание Г. Кэхли именовать вторую часть сочинения Арриана «Рыцарским трактатом»).

Несмотря на то что первая часть арриановского «Искусства тактики» тематически близка к сочинению Элиана, характер излагаемого в ней материала принципиально иной. Описание греко-македонских тактических построений дано Аррианом не в учебно-познавательном, общетеоретическом плане, а с явным намерением создания практического руководства, рекомендации которого рассчитаны на непосредственное применение в реальной боевой действительности. Обладая достаточным практическим опытом в военном деле, Арриан не испытывает необходимости слепо следовать своему основному письменному источнику: опуская устаревшие и потому бесполезные свидетельства, он сосредоточивает внимание на тех из них, которые еще сохраняют практический смысл.

Анализ первой части «Искусства тактики» свидетельствует о хорошем знакомстве Арриана с предшествующей военно-научной традицией, с важнейшими событиями военной истории. Впрочем, упоминания исторических персонажей в трактате немногочисленны: из древних авторов названы Гомер (с персонажами его «Илиады» — Агамемноном и Приамом)⁵⁹ и дважды Ксенофонт⁶⁰, из великих полководцев древности — Эпаминонд⁶¹, Филипп Македонский⁶² и Кир⁶³.

⁵⁸ Первое научное издание труда Арриана (вместе со «Стратегиконом Маврикия») было осуществлено еще в XVII в. (см.: Arriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Uppsaliae, 1664). Впоследствии «Искусство тактики» неоднократно переиздавалось и переводилось на многие европейские языки (справку см.: Jähns M. Op. cit. S. 100). Мы пользуемся изданием: Arrianus Nicomediensis Scripta minora. Rec. R. Hercher. Lipsiae, 1854 (далее — Arrianus).

⁵⁹ Arrianus, 19, 5. P. 119; 31, 5. P. 128.

⁶⁰ Ibid., 6, 3. P. 108; 29, 8. P. 126.

⁶¹ Ibid., 11, 2. P. 112.

⁶² Ibid., 16, 6. P. 117.

⁶³ Ibid., 19, 4. P. 119.

Гораздо более многочисленны упоминания Аррианом имен тех племен и народов, с которыми греки и римляне входили в боевое соприкосновение. Среди них названы индийцы, эфиопы, карфагеняне, персы, армяне, парфяне, аланы, савроматы, скифы, иберы, кельты, киммерийцы и многие другие. Неоднократно использование нашим автором обобщающего наименования «варвары»; любопытен единичный случай применения терминов «европейцы» и «азиаты»⁶⁴ — весьма редкий (если не уникальный) пример подобного словоупотребления в военно-научной литературе.

Арриан проявляет хорошее знание военных обычаев названных народов, особенностей их вооружения и тактики. Все это он мог изучать не только по письменным источникам, но и непосредственно, в процессе отправления своей гражданской и военной службы за пределами Римской империи. Приводимый в трактате военно-этнографический материал анализируется путем сравнения с постановкой военного дела у римлян. И хотя у Арриана нет и тени сомнения в превосходстве римской военной организации над варварской, он настоятельно рекомендует военачальникам учитывать специфические особенности потенциального противника при планировании и осуществлении военных кампаний. В данном отношении Арриан может рассматриваться как отдаленный предшественник позднейших авторов византийской эпохи, которые включали в свои военно-теоретические сочинения специальные разделы, анализирующие военные обычаи соседних с империей народов.

«Рыцарский трактат», как и первая часть «Искусства тактики», также насыщен военно-этнографическим материалом, дающим основание Арриану для аналогий, сопоставлений и противопоставлений. При этом основное внимание уделено тем народам, которые имеют конницу в качестве главного рода войск (савроматам, парфянам, персам, но особенно племенам Пиренейского полуострова). Из информации Арриана следует вывод о значительном влиянии указанных варварских народов на римскую кавалерийскую организацию как в плане тактических схем, так и элементов вооружения.

Кроме главного военного сочинения, Арриану принадлежит небольшой по объему фрагмент (конец его отсутствует), известный под наименованием «Боевой порядок против аланов» («Ἐκταξίς κατ' Ἀλανῶν»). Поскольку Арриану приходилось лично руководить отражением аланского нашествия на Каппадокию в 136 г., практический, аутентичный характер сведений «Боевого порядка» не может вызывать ни малейших сомнений. Можно вполне согласиться с А. Дэном⁶⁵, подчеркнувшим уникальный характер этого произведения среди памятников военной литературы.

⁶⁴ Arrianus, 19, 2–4. P. 119.

⁶⁵ Dain A. Les stratégistes... P. 331.

Конному войску аланов Арриан предлагает противопоставлять монолитную пехотную фалангу глубиной до 8 шеренг. Первые четыре шеренги должны иметь на вооружении копья увеличивающейся длины; воины пятой — восьмой шеренг должны быть вооружены метательными дротиками. Вне фаланги следует расположить лучников. Фланги боевого порядка надлежит охранять конными подразделениями; по обе стороны строя целесообразно разместить метательные орудия. Обязательным требованием является выделение резервов, которые могут быть брошены для укрепления наиболее опасных участков строя. — Все описания боевого строя и порядка совершения марша вновь, как и в других сочинениях Арриана, сопровождаются военно-этнографическими свидетельствами, историческими аналогиями, географическими сюжетами. Одним словом, в анализируемом фрагменте вновь налицо вся та атрибутика, которая определяла набор изобразительных средств нашего автора и составляла специфический интерьер всех его произведений.

Вклад Арриана в развитие военной науки заслуживает достойной оценки. Если в творчестве его старшего современника — Элиана — было завершено обобщение военной науки греко-македонского периода, то Арриан открывает собой плеяду авторов, приступивших к систематизации военной теории римской эпохи, — плеяду, завершившуюся грандиозной фигурой Вегеция. Неоспоримо значение Арриана и в области военной истории — здесь его имя может быть поставлено в один ряд с его выдающимися предшественниками (Ксенофонт, Полибий, Иосиф Флавий, Саллюстий, Квинт Курций Руф), современниками (Аппиан) и потомками (Прокопий Кесарийский). Военно-теоретические труды и военно-исторические изыскания Арриана теснейшим образом связаны между собой и взаимно друг друга дополняют; в свою очередь, обе эти сферы научных интересов нашего автора имеют прямой выход в современную ему политику. Мысль о тесном единстве военной истории, военной теории и государственной политики, пронизывающая все произведения Арриана, стала одной из основополагающих идей в творчестве его последователей.

Хронологически близким ко времени Арриана явилось небольшое по объему (из 63 параграфов) сочинение «Ὀνομαστικά», посвященное трактовке военных терминов. Изучавший его А. Дэн установил, что данное сочинение опирается на тот же источник, который был основным для трактатов Элиана и Арриана, и потому их дальнейший анализ целесообразно осуществлять в порядке сравнений и сопоставлений⁶⁶.

В эту эпоху продолжалась и разработка проблем полиоркеттики, связанная, в частности, с именем Аполлодора Дамасского (первая половина II в.). Знаменитый архитектор, творец грандиозного ансамбля форума

⁶⁶ См.: Dain A. Histoire du texte d'Elie... P. 29–31.

Траяна, Аполлодор был и талантливым военным инженером. Его трактат «Полиоркетика» дошел до нас в виде позднейших извлечений. В трактате рассматриваются различные конструкции крепостных стен, башен, лестниц, мостов, приемы и методы саперных работ, меры предохранения осаждающих от метательных снарядов, бросаемых с оград. Особую ценность представляют рисунки и чертежи осадных сооружений, как уже известных со времен Афиней и Витрувия, так и совершенно новых (в частности, роторной колесообразной машины для отчерпывания воды из рва). Наиболее подробную характеристику Аполлодор дает т. н. гелеполе — универсальной подвижной машине, находившей особенно частое применение при производстве осады. Впоследствии из трактата Аполлодора было сделано извлечение под наименованием «О конструкции гелепопы» — этому извлечению был придан вид самостоятельного военного руководства, и в этом качестве оно вошло в историю военной литературы⁶⁷. Сопоставление данных, приводимых в сочинении Аполлодора, со свидетельствами Афиней и Витрувия, раскрывает динамику развития военной науки за 150 лет в части, касающейся полиоркетики. Можно констатировать, что в лице Аполлодора военные инженеры I в. до н. э. нашли достойного преемника.

В конце эпохи Антонинов мы встречаем еще одного писателя, иноязычный предшественник которого может быть определен с несомненной точностью: жанр, впервые представленный в военной литературе латинским сочинением Фронтин, получил развитие на греческой почве в труде Полиена «Стратегика»⁶⁸. Трактат, написанный около 162–163 гг. и посвященный Марку Аврелию и Люцию Веру, был задуман Полиеном как практическое руководство для этих императоров, готовившихся в то время к экспедиции в Парфию.

Трактат Полиена состоял из восьми книг, из которых шестая и седьмая дошли до нас неполностью (эти потери частично восполняются за счет позднейших парафраз). Всего сохранились 833 стратегемы. Классификация их у Полиена представляется менее удачной, чем у Фронтин: в основу деления здесь положены не стадии деятельности полководцев, а их национальная принадлежность. Первые шесть книг содержат описания военных хитростей греческих полководцев, седьмая посвящена стратегемам варварских народов, в восьмой речь идет об эпизодах римской военной истории. Бросается в глаза и то обстоятельство, что Полиен, не будучи военным профессионалом, весьма слабо разбирался в деталях

⁶⁷ См. о нем: *Dain A. Les stratégistes...* P. 333.

⁶⁸ Сведения об изданиях, переводах, перечень основной критической литературы см.: *Jähns M. Op. cit.* S. 102, Anm. 1; *Dain A. Les stratégistes...* P. 333–334.

предмета, за который он взялся. Поэтому в его сочинении подлинные стратегемы перемешиваются с историями, не имеющими никакого отношения к военному искусству: он зачастую превозносит в качестве достижений полководческого гения проявления вероломства, акты вопиющего коварства и необузданной жестокости.

Тем не менее сочинение Полиена имело успех как у современников, так и у потомков. Во времена, ближайšie к периоду жизни Полиена, неизвестный продолжатель извлек из восьми книг его сочинения 356 стратегем и распределил их на 58 глав, изложив в слегка обработанном и сокращенном виде. Этот сборник, вошедший в литературу под наименованием «*Nypotheseis*», послужил источником многочисленных позднейших парафраз⁶⁹.

Особую популярность полиеновские стратегемы имели в византийскую эпоху. Так, Константин Багрянородный называл Полиена среди авторов, произведения которых должны быть непременно принадлежностью императорских военных библиотек⁷⁰. Влияние «Стратегем» испытал и автор «Тактики Льва»⁷¹; имя Полиена введено в заглавие «Тактики Никифора Урана».

Ценность труда Полиена в истории военной литературы определяется еще и тем, что его источниками послужили многие не дошедшие до нас сочинения, и об их содержании мы можем судить именно только благодаря Полиену.

Жанр стратегем, основоположником которого явился Фронтин, нашел в лице Полиена второго и последнего приверженца. Больше произведений подобного рода в чистом виде мы в военно-научной литературе не встречаем. В трудах позднейших авторов стратегемы утрачивают свое абсолютизированное, самодовлеющее значение и включаются составными элементами в другие разделы и главы, хотя интерес к этим концентрированным выражениям полководческого искусства, к живым иллюстрациям уже сформулированных к тому времени принципов стратегии и тактики отнюдь не пропадает.

К концу II — началу III в. относится деятельность Секста Юлия Африкана, имя которого неоднократно упоминается на страницах «Церковной истории» Евсевия Кесарийского⁷². Африкану приписываются пять томов «Хронографий» — несохранившегося очерка церковной истории,

⁶⁹ См. об этом: *Dain A. Les stratégistes...* P. 337.

⁷⁰ *Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae*, I. Bonnae, 1829. P. 467.

⁷¹ См. об этом: *Vari R. Die «Praecepta Nicephori»* // *BZ.* 30. 1929. S. 52.

⁷² См.: Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 1–2. СПб., 1848–1850.

излагавшего события до 221 г.; кроме того, Африкану принадлежат два сочинения, посвященных толкованию Священного Писания⁷³. Наконец, Евсевием названо еще одно сочинение Африкана, дошедшее до нас под наименованием «Κεστοί»⁷⁴.

В сборник «Кесты» Африкан поместил сведения из самых различных областей знаний — медицины, алхимии, ветеринарии, естествознания, черной магии, фармакологии, агрикультуры⁷⁵ и др. Сюда же включены многочисленные сведения из области военного дела — прежде всего вооружения и тактики. Сочинение было написано около 225 г. и посвящено Александру Северу⁷⁶.

Военно-исторические свидетельства Африкана получили неоднозначную оценку в историографии XIX–XX вв. Так, М. Йенс соглашался признать ценность лишь одного-единственного сообщения, где речь шла о специальной горючей смеси — предшественницы «греческого огня», появившегося на вооружении византийской армии в VII в. Во всем остальном труд Африкана не представлялся М. Йенсу ни оригинальным, ни интересным, ни полезным. Усилия автора «Кест», по мнению немецкого исследователя, были направлены на то, чтобы снабдить военачальников рекомендациями по применению самых жестоких, самых вероломных способов нанести поражение противнику, включая порчу продуктов питания, проточной и колодезной воды. Одним словом, труд Африкана — свидетельство упадка не только военного искусства, но и проявление общего падения нравов в эту переломную для Рима эпоху⁷⁷.

Иной подход к трактату продемонстрировал Ф. Ламмерт⁷⁸. Он доказал, в частности, что Африкан достаточно адекватно отразил состояние античной военной организации в период, датируемый I в. до н. э. —

⁷³ Сочинения Евсевия Памфила... Т. 1. С. 367.

⁷⁴ Происхождение и значение термина «Кесты», который Африкан сделал наименованием своего труда, остаются спорными до настоящего времени. А. Дэн (см.: *Dain A. Les stratégistes...* P. 336) предложил французский эквивалент этого термина — «broderie» («вышивание», «шитье»; переносное значение — «прикрасы»). Наиболее удачной, с нашей точки зрения, является трактовка И.Р. Вьейефона — «талисманы» или «амулеты» (см.: *Vieillefond J.-R. Jules Africain. Fragments des Cestes.* P., 1932).

⁷⁵ Фрагменты сочинения Африкана, посвященные теории и практике сельскохозяйственного производства, вошли позднее в состав т. н. «Геопоник». См.: *Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. Введение, перевод с греческого и комментарий Е. Э. Липшиц.* М.; Л., 1960.

⁷⁶ Последнее издание: *Vieillefond J.-R. Les «Cestes» Julius Africanus. Étude sur l'ensemble des fragments avec édition, traduction et commentaires.* P., 1970.

⁷⁷ См.: *Jähns M. Op. cit.* S. 103–106.

⁷⁸ См.: *Lammert F. Julius Africanus und die byzantinische Taktik // BZ.* 44. 1951.

III в. н. э., и тем самым заполнил лакуну, образовавшуюся в военной традиции между сочинениями Элиана и Арриана, с одной стороны, и полемологическими руководствами византийской эпохи — с другой.

Влияние трактата Африкана существенно отражалось на памятниках последующего времени. Наряду с фрагментами из трактатов Элиана и Арриана «Кесты» явились источником несохранившейся компиляции из 24 глав, возникшей ранее VI в., которой А. Дэн дал условное наименование «Exercitationes». В более позднюю эпоху (предположительно на рубеже IX–X вв.) главы из этой компиляции вошли в состав обширного утраченного свода из 87 глав, который А. Дэн предложил именовать «Corpus perditum». Через этот корпус влияние африкановских «Кест» испытали «Неизданная тактика Льва» и «Тактика Никифора Урана»⁷⁹. То же самое можно сказать и о трактате «Apparatus bellicus», предположительно относящемся ко времени Константина Багрянородного: 59 из 77 его глав прямо или опосредованно строятся на информации африкановских «Кест»⁸⁰.

В III в. был создан трактат «Liber de munitionibus castrorum», содержащий первое систематическое изложение теории лагерного устройства⁸¹. Автором его являлся Гигин, современник императора Септимия Севера.

По Гигину, лучшей формой лагеря признавался четырехугольник с закругленными углами, боковые стороны которого должны быть длиннее (приблизительно наполовину), чем передняя и задняя. В середине передней и задней сторон лагеря оборудовались ворота, именуемые *porta praetoria* и *porta decumana*; еще двое ворот — *porta dexterior* и *porta sinisterior* — устраивались в боковых сторонах, но не посередине, а на расстоянии одной трети длины от передней стороны. Двумя параллельными поперечными дорогами пространство лагеря делилось на три части. Одна из дорог — *via principalis* — соединяла *porta dexterior* и *porta sinisterior*, другая — *via quintana* — проходила параллельно первой посередине оставшейся территории лагеря. Средняя треть лагеря служила местом расположения командования: здесь размещались преторий (ставка командующего), штаб и гвардия. Передняя треть лагеря (*praetentura*) служила мес-

⁷⁹ *Dain A. Les stratégistes...* P. 339, 353.

⁸⁰ *Ibid.* P. 359–360.

⁸¹ Наиболее полное издание, сопровождаемое немецким переводом и комментарием: *Hygini Grammatici Liber de munitionibus castrorum.* Ed. A. Domaszewski. Leipzig, 1887. Детальный анализ содержания трактата осуществлен в обобщающем исследовании, не утратившем своего значения до настоящего времени: *Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert // BZ.* 22. 1913.

том расположения кавалерии. Проходившая по ее территории перпендикулярная дорога (*via praetoria*), связывавшая преторий с передними воротами лагеря, делила претентуру на две равные части. Задняя треть лагеря (*retentura*) служила для размещения арьергардных частей армии; в центре претентуры размещался квесторий (армейское финансовое управление).

Со всех сторон лагерь окружался валом. С внутренней стороны по всему периметру к валу примыкала широкая свободная полоса — *intervalum*. Для охраны вала выделялись особо надежные воинские части; места их размещения отделялись от остального пространства лагеря особой дорогой (*via sagularis*), шедшей параллельно валу. Все подразделения, находившееся в лагере, соединялись друг с другом узкими дорогами, выводившими на вал. Каждый легион имел свои лазареты, ветеринарные пункты, кузницы, оружейные мастерские и т. п.

Принципы римского лагерного устройства, восходившие ко временам второй Пунической войны и систематизированные в трактате Гигина, в своей основе оставались неизменными на протяжении многих последующих столетий. Однако дальнейшая эволюция военного дела в византийскую эпоху (связанная прежде всего с развитием кавалерии и совершенствованием ее тактики) неизбежно должна была вносить коррективы даже в эту одну из самых консервативных отраслей военной науки.

На рубеже IV и V вв. было создано военно-научное сочинение Флавия Вегеция Рената, вошедшее в литературу под наименованием «Краткое изложение военного дела» (*Epitoma rei militaris*). Этому грандиозному труду была уготована роль важнейшего связующего звена полемологической традиции: синтезировав достижения греко-римской военно-теоретической мысли, подведя итог ее предшествующей многовековой эволюции, он в систематизированном, концентрированном виде передал военный опыт античности византийскому и западноевропейскому средневековью⁸².

* * *

Предлагаемый обзор мы хотели бы завершить одним общим замечанием.

К большому числу критериев оценки военных трактатов, уже существующих в историографии, следует, по нашему мнению, добавить еще один, который можно условно назвать критерием трансформативности. Суть дела заключается в следующем. Поскольку система военно-научных знаний периода античности базировалась на принципах преемственности и континуитета, проявлявшихся гораздо более непосредственно, чем во

⁸² Содержание трактата Вегеция подробно рассмотрено в статье («Краткое изложение военного дела» Вегеция как синтез военно-теоретической мысли античности), помещенной во втором разделе настоящего издания.

многих других отраслях науки, все памятники греко-римской полемологической литературы — без единого исключения — оказываются взаимозавязанными и взаимообусловленными. Однако эта взаимная связь может иметь различные степени и формы проявления.

В первую группу можно выделить такие трактаты, степень зависимости которых от предшествующей литературы является гораздо меньшей, чем их влияние на последующую военно-теоретическую традицию. Такое сочинение передает в будущее больше, чем получает из прошлого, и поэтому наилучшим термином для обозначения сочинений подобного рода был бы термин «трактат-программа». Наиболее показательной в этом плане является судьба трактата Онасандра: его зависимость от предшествующей литературы практически ничтожна, тогда как воздействие на последующую традицию оказалось весьма существенным. Причина этого — специфика самого предмета научных интересов Онасандра. В центре его внимания — этические, морально-риторические проблемы военной теории; именно эти, новые для данной отрасли науки идеи наиболее активно воспринимались позднейшими адептами. Сформулированные Онасандром критерии нравственного облика военачальника лежали в сфере абстрактных, общечеловеческих принципов — построенные на основах благоразумия и здравого смысла, они фактически совсем не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо — со спецификой должности, к которой они прилагались. Именно в силу своей универсальности и безотносительности максимы Онасандра оказались столь живучими в последующей литературе, вплоть до самых последних звеньев военной традиции. Так, морально-риторические сентенции Онасандра оказались включенными практически в первозданном виде в «Тактику Льва», созданную почти тысячелетие спустя. Из других сочинений к типу «трактат-программа» можно также отнести труд Энея, но причина здесь уже совершенно иная, чем в случае с Онасандром: судить о зависимости Энея от предшествующей литературы мы просто не имеем возможности в силу нашего незнания о ней. То же самое можно сказать и о трактате Гигина.

Вторую группу по нашей классификации составляют трактаты, которые являются в такой же степени итоговыми, в какой и программными. Это самые типичные звенья военной традиции, обеспечивавшие нормальную эволюцию античной полемологической мысли, ее поступательное развитие в условиях, когда фактически отсутствовали «перерывы постепенности». Примерами таких «трактатов-посредников» могут служить тактические сочинения Элиана и Арриана, энциклопедический труд Вегеция, а также большинство полиоркетических трудов.

К третьей группе («трактаты-итоги») относятся такие военные сочинения, которые как бы олицетворяют принцип работы понижающего транс-

форматора: они воспринимают и перерабатывают в себе гораздо больший объем научно-теоретической и практической информации по сравнению с той отдачей, которая сопровождает их в последующей традиции. Наиболее типичным примером сочинений подобного рода можно считать трактат Асклепиодота.

Предлагая данную классификацию, мы в полной мере сознаем ее условность. В значительном большинстве случаев имеет место ситуация, когда однозначная квалификация военно-научного сочинения не представляется возможной: сложные информационные напластования в рамках одного и того же трактата могут быть соотнесены не с каким-то одним или двумя, а чаще всего со всеми тремя названными квалифицирующими параметрами.

Классификация военно-научных сочинений по критерию трансформативности предопределяет специфику подхода к их изучению. Здесь чрезвычайно важно найти исходную точку исследования и в дальнейшем соблюсти правильную пропорцию между перспективой и ретроспекцией. «Трактат-итог» предстанет перед исследователем в более ярком свете, если подойти к его анализу преимущественно с позиций предшествующей письменной традиции, — так сказать, «с фронта». Наоборот, все детали, подробности и нюансы «трактата-программы» выветятся более отчетливо при анализе следующих за ним памятников военной литературы (подход «с тыла»). «Трактат-посредник», если продолжать военную терминологию, потребует фактически «круговой осады». — Разумеется, во всех этих случаях указанные подходы — лишь дополнения (хотя и чрезвычайно существенные) к основному анализу трактата «изнутри».

1980 г.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ТРАКТАТЫ VI–X вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ*

«Византийский Аноним VI в.»

Военный трактат, названный его первыми издателями «Византийским анонимом»¹, открывает ряд памятников, которые уже можно именовать собственно византийскими². Утрата начального листа в списке этого сочинения не позволяет установить его точного наименования. Наши сведения о личности автора ограничиваются теми краткими и разрозненными замечаниями, которые встречаются в самом тексте сочинения. Не подлежит, однако, сомнению факт достаточной образованности автора, его знакомства с произведениями античных писателей (Геродот, Ксенофонт³, Пифагор⁴), с событиями военной истории (битва при Марафоне⁵ и другие сражения греко-персидских войн, походы Александра Македонского⁶ и Ганнибала⁷), с военно-теоретической мыслью «древних»⁸. Одновременно он обладает и специальными познаниями в области инженерного искусства, проявляя особую компетентность в строительстве мостов и других сооружений⁹. Он предметно знаком с методами осады и обороны городов,

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 1979. 40.

¹ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Köchly H. und Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Taktiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855 (далее — Anonymus).

² Систематизация памятников военной литературы осуществлена А. Дэном (см.: Dain A. Les stratégistes byzantins // ТМ. 1967. 2). В настоящей работе предметом анализа станут лишь те военные трактаты, которые заняли особо важное место в истории военной науки, явились этапными в ее развитии, оказали наибольшее влияние на последующую традицию.

³ Anonymus, XIX, 19. S. 116; XIX, 21. S. 118; XXXIX, 12. S. 182.

⁴ Ibid., III, 10. S. 52.

⁵ Ibid., XXIII, 4. S. 162.

⁶ Ibid., XIX, 18. S. 116.

⁷ Ibid., XVIII, 12. S. 110.

⁸ Ibid., VIII, 6. S. 64; XIII, 17. S. 82; XX, 1. S. 120; XXIII, 1. S. 126; XXIV, 4. S. 130; XXX, 4. S. 148; XXXV, 1. S. 166; под «древними» подразумеваются, в частности, Онасандр, Вегеций, Арриан, Цезарь, Полиен, Полибий, Элиан и др.

⁹ Н. В. Пигулевская (см.: Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946. С. 20) предполагает возможность участия автора трактата в дунайских походах в качестве военного инженера.

сообщая на этот счет такие детальные подробности, которые близки или совпадают с сообщениями других (в том числе иноязычных) авторов, описывавших события VI в.¹⁰

Датировка трактата не вызвала споров в ученой литературе. Среди врагов империи автором названы арабы¹¹ и персы¹²; имеется намек на восстание Ника¹³; упомянут триумф Велизария¹⁴; Юстиниан I именуется «нашим императором»¹⁵. Показательно исключительно большое внимание, уделяемое в трактате возведению новых городов, крепостей и пограничных укреплений¹⁶, — сюжет, который вводит нас в атмосферу грандиозного строительства, осуществлявшегося юстиниановским правительством. Все это заставляет большинство авторов датировать трактат серединой или второй половиной VI в., — скорее всего, периодом царствования Юстиниана¹⁷.

Автор трактата предстает перед нами как типичный представитель военно-технической интеллигенции своего времени. Четкая композиция трактата, строгий, местами несколько манерный стиль изложения позволяют считать этого писателя хорошим «кабинетным стратигом»¹⁸, без того уничижительного оттенка, который вкладывал в это понятие Р. Вари¹⁹. Своим предметом наш автор владеет свободно: рассуждения общетеоретического характера перемежаются в его сочинении с конкретными рекомендациями.

Говоря о языке сочинения, первые исследователи обнаружили целый ряд византизмов, не встречавшихся в классическом греческом языке. В целом же язык автора чист и правилен и заслуживает в этом отношении всяческой похвалы²⁰.

¹⁰ См.: Пигулевская Н. В. Оборона городов в Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ. Вып. 12. 1941. С. 49, 77.

¹¹ Anonymus, XL, 1. S. 182.

¹² Ibid., XLI, 4. S. 188.

¹³ Ibid., II, 2. S. 44.

¹⁴ Ibid., III, 15. S. 54; XXXIII, 8. S. 164.

¹⁵ Ibid., V, 4. S. 58.

¹⁶ Ibid., X–XIII. S. 68–88.

¹⁷ Köchly H. und Rüstow W. Op. cit. S. 37; Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937. P. 56; Idem. Les stratégistes... P. 343; Пигулевская Н. В. Византия и Иран... С. 21; Она же. Оборона городов... С. 49–50. Р. Вари (см.: Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker // BZ. 1906. 15. S. 70) сдвигал датировку к более позднему времени: он считал автора трактата современником Маврикия.

¹⁸ Dain A. Les stratégistes... P. 343.

¹⁹ Vari R. Zur Überlieferung... S. 70.

²⁰ Köchly H. und Rüstow W. Op. cit. S. 39.

Не исключено, что при написании своего трактата наш автор располагал и какими-либо письменными источниками. Однако прямые заимствования установить трудно: глубокая авторская переработка исходного материала фактически сводит такую возможность на нет; замечание Н. В. Пигулевской, что автор «не подчиняется своим источникам, а владеет ими»²¹, представляется нам совершенно справедливым. Перечисленные достоинства трактата позволили оценить его как «выдающееся по самостоятельности и самобытности сочинение»²².

«Стратегикон Псевдо-Маврикия»

Названный трактат является, пожалуй, самым известным памятником византийской военной литературы²³. Изданный впервые в 1664 г.²⁴, он сразу же привлек внимание как богатством и разнообразием содержания, так и спорностью проблем, связанных с его авторством и датировкой.

Поскольку рукописная традиция донесла до наших дней сразу два имени автора трактата (Урбикия и Маврикия)²⁵, мнения ученых раздели-

²¹ Пигулевская Н. В. Византия и Иран... С. 22.

²² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 635.

²³ Сведения об изданиях и переводах трактата суммированы Д. Моравчиком (см.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958. S. 417–420) и А. Дэном (см.: Dain A. Les stratégistes... P. 344 sq.); здесь же — перечень основной литературы. Недавно «Стратегикон» был критически издан Х. Михаэску (см.: Mauricius. Arta militară. Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihăescu // Scriptores byzantini, VI. București, 1970); далее все ссылки даны по этому изданию. Большой интерес здесь представляет введение издателя (Р. 5–21), ранее опубликованное во французском переводе (см.: Mihăescu H. Prolégomènes à une édition critique des TACTICA — STRATEGICA de Maurice-Urbicius // RESEE. V. 1967. P. 401–407). Из новейшей литературы см. также: Dain A. Urbicius ou Mauricius? // REB. 1968. 26. P. 123–136; Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971; Удальцова З. В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия / СВ. 1969. 32. С. 61–76; Она же. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974 (где «Стратегикону» посвящена специальная глава VIII. С. 295–318).

²⁴ Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Uppsaliae, 1664.

²⁵ В 1638 г., когда изучение трактата еще находилось в начальной стадии, знаменитый Салмазий (Claude de Saumaise), изучивший флорентийскую рукопись, где автором назван Урбикий, и рукопись Ватиканской библиотеки, в которой упомянуто имя Маврикия, увидел в них два различных произведения, принадлежавших двум различным авторам; см. об этом: Dain A. Urbicius ou Mauricius... P. 123.

лись. Наиболее энергично авторство Урбикия защищал Р. Вари²⁶; благодаря его авторитету это мнение стало господствующим в венгерской историографии. С ним был солидарен и Р. Гроссе²⁷. С именем Маврикия трактат связывали И. Шеффер, Г. Кехли, Ф. Гаазе, Р. Ферстер, Ф. Оссарес, Ю. А. Кулаковский и др. А. Дэн колебался в этом вопросе; в последних работах он склонился в пользу Маврикия²⁸. Высказывались и компромиссные точки зрения. Еще в 1880 г. К. Мюллер²⁹ предложил комплексную формулу «Урбикий — Маврикий» для обозначения автора «Стратегикона». Ряд соображений по устранению противоречий высказал Г. Циллиакус³⁰.

Имели место и попытки приписать авторство «Стратегикона» другим лицам. В 1893–1894 гг. были опубликованы две статьи К. Э. Цахариэ фон Лингенталля, посвященные памятникам византийской военной литературы³¹. Эти статьи содержали ряд весьма спорных, а зачастую определенно ошибочных положений, встретивших резкую критику в ученой литературе. Касаясь проблематики «Стратегикона», К. Э. Цахариэ фон Лингенталь предложил авторство Руфа³². Это мнение не встретило сколько-нибудь значительной поддержки; с ним солидаризировался лишь К. Крумбахер, да и то со значительными оговорками³³. Критических же откликов было гораздо больше³⁴.

В середине 30-х гг. XX в. венгерский ученый Е. Дарко выдвинул предположение о принадлежности «Стратегикона» императору Ираклию³⁵,

²⁶ *Vari R.* Zur Überlieferung... passim.

²⁷ *Grosse R.* Das römische-byzantinische Marschlager vom IV.–X. Jahrhundert // BZ. 1913. 22.

²⁸ *Dain A.* Urbicius ou Mauricius... passim.

²⁹ *Müller K. K.* Ein griechisches Fragment über Kriegswesen // Festschrift für Ludwig Urlichs. Würzburg, 1880. S. 106–138.

³⁰ *Zilliacus H.* Zum Kampf der Welt Sprachen in Oströmischen Reich. Helsinki, 1935. S. 119–120.

³¹ *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // BZ. 1894. 3; *Idem.* Zum Militärgesetz des Leo // BZ. 1893. 2.

³² *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht... S. 456.

³³ *Krumbacher K.* Op. cit. S. 635.

³⁴ *Aussaresses F.* L'auteur du Stratégicon // REA. 1906. VIII. P. 23–39; *Idem.* L'armée byzantine à la fin du VI-e siècle d'après le Stratégicon de l'empereur Maurice. Bordeaux, 1909; *Patrono C. M.* Contro la paternità imperiale dell' 'Ουρβικίου τακτικά — στρατηγικά. Terano, 1906.

³⁵ *Darko E.* Die militärischen Reformen des Kaisers Heracleios // Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare. 1935. IX; *Idem.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins // Byzantion. 1935. X; 1937.

указав³⁶, что аналогичные идеи были высказаны задолго до него³⁷. Мнение Е. Дарко было поддержано Л. Брейе³⁸.

Поскольку вопрос об авторстве сочинения оказался столь спорным, в современной историографии оно обычно именуется «Стратегиком Псевдо-Маврикия».

В связи с проблемой авторства трактата оживленно дебатировался и вопрос о том, является ли упомянутый в рукописях Маврикий византийским императором, правившим в 582–602 гг., или речь идет просто о его омониме. Наиболее последовательного сторонника первая точка зрения нашла в лице Ф. Оссареса; это мнение имеет поддержку и в более поздних работах, вплоть до наших дней³⁹. Однако большинство исследователей не склонно решать вопрос столь однозначно, поскольку, как это было отмечено еще Ю. Кулаковским⁴⁰, в самом трактате нет прямых указаний на принадлежность автора к императорской фамилии; с другой стороны, из источников неизвестны факты о писательской деятельности императора Маврикия.

С решением проблемы авторства трактата неразрывно связан вопрос о его датировке. Начиная с Р. Фёрстера все исследователи делали попытки датировать трактат, опираясь не только на формальные основания, но и исходя из внутренней критики источника. Как правило, большинство предложенных датировок не выходит за рамки одного полустолетия⁴¹.

XII; *Idem.* Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire Romain aux premiers siècles du Moyen Age // Byzantion. 1948. XVIII.

³⁶ *Darko E.* Die militärischen Reformen... S. 112.

³⁷ *Bury J.* A History of the Later Roman Empire, II. London, 1889. P. 225; *Pernice A.* L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905. P. 103; *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919. S. 123–125.

³⁸ *Bréhier L.* Les institutions de l'Empire Byzantin, III. Paris, 1949. P. 342.

³⁹ См. об этом: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба... С. 298–299.

⁴⁰ *Кулаковский Ю.* Рецензия на русское издание «Стратегикона» // ЖМНП. 1903. Ч. 350, декабрь. С. 530.

⁴¹ Дж. Бьюри (Op. cit. P. 75–78) датировал трактат 565–615 гг.; Ф. Оссарес (L'armée... P. 5, 34) — 580–584 гг.; Г. Цанкова-Петкова (см.: *Цанкова-Петкова Г.* Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий» // Известия на Института за българска история. 1957. 7. С. 333) — между 592 и 602 гг.; Р. Фёрстер (см.: *Förster R.* Studien zu den griechischen Taktikern // Hermes. 1877. 12. S. 457–458) и К. Э. Цахариэ фон Лингенталь (см.: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht... S. 441) — временем царствования Маврикия; Х. Михаэску (см.: *Mihăescu H.* Prolégomènes... P. 419) — тремя первыми десятилетиями VII в.; Э. Штайн (Op. cit. S. 123) — первой третью VII в.; Н. В. Пигулевская (см.: *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран... С. 28–30) — периодом между 620 и 630 гг.; Е. Дарко (см.: *Darko E.* Die militärischen

При всей спорности проблем, связанных с авторством и датировкой трактата, бесспорным и общепризнанным является то обстоятельство, что мы имеем здесь дело с профессиональным военным, имеющим как определенную теоретическую подготовку⁴², так и значительный практический опыт, накопленный в военных кампаниях против целого ряда враждебных империи народов. К тому же в отличие от «Византийского Анонима VI в.» автор «Стратегикона» занимал, очевидно, гораздо более значительное место в военной иерархии, вплоть до самых высоких чинов. Поэтому исповедуемые им идеи являлись наиболее полным, адекватным отражением господствовавших в его эпоху военно-теоретических концепций.

Анализируемый трактат составил целую эпоху в военной науке. Строгий учет требований места, времени и «природы вещей», высокий профессионализм в решении специальных вопросов⁴³, сугубо практический характер рекомендаций, эрудиция автора, простота и доступность изложения материала⁴⁴ — все это объясняет причины удивительной долговечности «Стратегикона», не имеющей аналогии во всей византийской военной традиции.

Reformen... S. 112) — между 619 и 630 гг.; Д. Моравчик (Op. cit., I. S. 417 sq.) — началом VII в.; Г. Острогорский (см.: *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1963. S. 21) — началом VII в.; З. В. Удальцова (см.: *Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба... С. 300*) — концом VI и началом VII в.; Б. Застерова (Op. cit. P. 5) — последним десятилетием VI и началом VII в. Наиболее позднюю датировку предлагал Р. Вари (см.: *Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur* // BNJb. 1931. 8. S. 228) — VIII в. («время Лиутпранда»).

⁴² Автор трактата проявляет знакомство с военно-теоретическими трудами своих предшественников: Асклепиодота, Элиана, Арриана, Онасандра и Вегеция (см.: *Moravcsik Gy. Op. cit., I. S. 418*), хотя и не называет их по именам. К числу этих писателей Р. Вари добавляет Руфа, автора «*Leges militares*» (см.: *Vari R. Zur Überlieferung... S. 87*). Не исключено, что наш автор знал и охарактеризованное выше сочинение юстиниановской эпохи, — по крайней мере, можно констатировать совпадение некоторых идей этих двух рассматриваемых сочинений. Точка зрения, приведенная в исследовании Р. Вари (см.: *Vari R. Zur Überlieferung... S. 70*), о том, что эти трактаты не имеют между собою точек соприкосновения, представляется ошибочной.

⁴³ Лучшим исследованием «Стратегикона» с военной точки зрения остается сочинение Ф. Оссареса (см.: *Aussaresses F. L'armée byzantine...*). Резкая оценка этой работы, содержащаяся в рецензии П. В. Безобразова (ВВ. 1911. 18. С. 41–42), должна быть признана гиперкритичной. Материалы книги Ф. Оссареса, его схемы и таблицы широко использованы в обобщающем труде: *Lot F. L'art militaire et les armées au Moyen Age en Europe et dans le Proche Orient*. Vol. I. Paris, 1946.

⁴⁴ В литературе нет недостатка в весьма скептических оценках нашего автора как писателя — его порицают за структурные недочеты сочинения, неумелую ком-

Период между царствованиями Маврикия и Льва VI А. Дэн считал «малоблагоприятным для расцвета военной литературы»⁴⁵. Лишь на рубеже IX и X вв. «после длительной стагнации возрождается активность»⁴⁶. Военная литература также испытала на себе тот общий подъем, который переживала византийская культура и образованность начиная со второй половины IX в.⁴⁷ В царствование Льва VI, Константина Багрянородного, Никифора Фоки появляются крупные военные сочинения. Рассматривая их в качестве надежных точек опоры, можно локализовать и более мелкие, второстепенные сочинения, имеющие преимущественно характер извлечений.

«Тактика Льва»

Первым из авторов, продолжившим традицию военных писателей, явился император Лев VI Мудрый — типичный образец византийского эрудита X в., пробовавший свое перо практически во всех областях знаний, но оставивший особый след в истории права, а также военной науки, где основным его сочинением является знаменитая «Тактика Льва»⁴⁸.

Мнение исследователей о принадлежности названной «Тактики» Льву VI Д. Моравчик с полным основанием называет «сегодня твердо установлен-

поновку материала, невысокий теоретический уровень сочинения, грубость стиля, бедность лексики и т. д. Но являются ли эти недостатки сочинения адекватным отражением культурного уровня нашего автора? Мы полагаем, что вероятность отрицательного ответа по крайней мере равна вероятности положительного. Не исключено, что автор вполне обдуманно идет на упрощение, огрубление, примитивизм, т. е. сознательно опускается до уровня средней массы неопытных в военном деле людей, волею судеб оказавшихся тогда в роли защитников отечества. Автору не до теоретических обобщений, не до новшеств, не до красот стиля — ему бы растолковать неискушенному современнику самые начала военной науки, дать практические рекомендации и инструкции для поддержания армии в состоянии хотя бы минимально необходимой боеготовности. Следует признать, что расчет автора оправдался: трактат оказался целиком соответствующим эпохе с точки зрения общего уровня, содержания и формы. Во всяком случае, на протяжении трех последующих столетий не сохранилось других сочинений, равных «Стратегикону» по универсальности и богатству содержания.

⁴⁵ *Dain A. Les stratégistes... P. 347.*

⁴⁶ *Ibid. P. 353.*

⁴⁷ См. об этом: История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 354.

⁴⁸ Наиболее известное издание: *Leonis Imperatoris Tactica* // PG. 107. 1863 (да-
ТЛ). Критическое издание Р. Вари (*Sylloge Tacticorum Graecorum*. Т. I; Т. II,

ным»⁴⁹. Попытка К. Э. Цахариэ фон Лингенталя пересмотреть эту традиционную атрибуцию в пользу Льва III Исавра⁵⁰ встретила резкие возражения⁵¹.

Решение вопроса об авторстве трактата предопределяет его датировку. Поскольку автор именует себя императором⁵², 886 г. есть *terminus post quem* возникновения сочинения. Верхняя дата, естественно, определяется 912 г. — годом смерти Льва VI. Более точную дату определить было бы весьма заманчиво⁵³, но материал трактата такой возможности не предоставляет. Впрочем, и установленный хронологический промежуток является достаточно узким для памятников такого рода: военный трактат, подобный «Тактике», отражал целую эпоху, целый этап в развитии военной науки, поэтому колебания в одно-два десятилетия не могут повлечь кардинальные изменения в нашей оценке как самой эпохи, так и сочинения, в котором эта эпоха отразилась. Явившись составным звеном византийской военной традиции, «Тактика Льва» вобрала в себя достижения военно-теоретической мысли предшествующих эпох и оказала существенное воздействие на последующее творчество в данной области.

Некоторых из своих предшественников (Элиана, Арриана, Онасандра) Лев прямо называет по именам⁵⁴, других оказывается возможным иден-

fasc. 1. Budapestini, 1917–1922) осталось незавершенным. Сведения о других изданиях и переводах см. в работах: *Moravcsik Gy.* Op. cit., I. S. 404–406; *Dain A.* Les stratégistes... P. 354 sq. См. также наши статьи: *Кучма В.В.* «Тактика Льва» в исторической литературе // ВВ. 1969. 30; *Он же.* «Тактика Льва» как исторический источник (см. с. 259–277 настоящего издания).

⁴⁹ *Moravcsik Gy.* Op. cit., I. S. 404.

⁵⁰ См. выше, примеч. 31.

⁵¹ *Кулаковский Ю.* Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? // ВВ. 1898. 5. С. 398–403; *Mitard M.* Études sur le règne de Léon VI // BZ. 1903. 12. P. 585–592.

⁵² TL, XIV, 116. Col. 885 A–B; XV, 41. Col. 897 A–B; XVIII, 42. Col. 956 D.

⁵³ Такие попытки делались неоднократно. Наиболее ранняя датировка была предложена Ю. Кулаковским (см.: *Кулаковский Ю.* Лев Мудрый или Лев Исавр... С. 400–401) — 890–891 гг. Около 900 г. датирует трактат Г. Райхенкрон; в качестве критерия им избран филологический анализ языка военных команд (*Reichenkrön G.* Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern // BZ. 1961. 54. S. 18 sq.). Венгерские исследователи (все без исключения) относят время создания «Тактики» к периоду после 904 г. (см.: *Moravcsik Gy.* Op. cit., I. S. 404 sq.). Р. Вари (см.: *Vari R.* Desiderata... S. 226) сужает хронологические рамки до 904–908 гг. А. Дэн (см.: *Dain A.* Les stratégistes... P. 355) воздерживался от точной датировки, подчеркивая, что Лев писал свое сочинение не в один прием, так что его работа над «Тактикой» могла растянуться на длительное время.

⁵⁴ TL, VI, 30. Col. 729 D; VII, 86. Col. 760 D; XIV, 112. Col. 884 B.

тифицировать⁵⁵. Довольно часто Лев ссылается на «древних тактиков», «древних стратигов» или просто «древних»⁵⁶.

Более пристального внимания заслуживают ссылки на некоторые источники и лица, которых Лев именует «новыми»⁵⁷. Как полагал Р. Вари⁵⁸, Лев имел при этом в виду данные «Стратегикона», потому что во всех случаях, когда он излагает материал, почерпнутый из сочинений «новых» авторов, он передает сведения, идентичные сообщениям автора «Стратегикона». Что же касается странной, на первый взгляд, терминологии, то она объясняется тем, что Лев рассматривал «Стратегикон» как единый сводный труд, не связанный с каким-либо конкретным автором. Именно этим, по мнению Р. Вари, объясняется то казавшееся загадочным обстоятельство, что Лев, называя по именам свои заведомо второстепенные источники, ни разу не называет главного⁵⁹.

Приступая к работе над «Тактикой», Лев располагал, с одной стороны, основным письменным источником, не утратившим своего практического значения, целым рядом других, более старых руководств, а с другой стороны — материалами современной ему боевой практики, обобщенной в донесениях полководцев типа Никифора Фоки Старшего, имя которого прямо названо в трактате⁶⁰. Итак, кабинетный ученый, образец эрудита своего времени, поставленный перед дилеммой: письменный источник или живая современность — такова суть рассматриваемой нами ситуации.

Внимательное сравнение «Стратегикона» и «Тактики» приводит к выводу, что Лев отказывается от обеих крайностей и избирает третий, промежуточный путь, оказывающийся наиболее плодотворным и заключающийся в приспособлении сведений письменного источника к потребностям времени. При этом словесная, стилистическая оболочка сохраняется Львом в максимально возможной неприкосновенности, но он вводит в свое сочинение множество новых данных, мыслей и идей, отсутствующих у его предшественника.

⁵⁵ *Vari R.* Die «Praecepta Nicephori» // BZ. 1929–1930. 30. S. 52 (речь идет о Полиене).

⁵⁶ TL, VII, 28. Col. 740 D; XIV, 94. Col. 877 D; XVIII, 1. Col. 945 A etc.

⁵⁷ Ibid., IV, 55. Col. 712 A; VII, 52. Col. 749 A; XII, 74. Col. 828 C; XV, 1. Col. 885 C etc.

⁵⁸ *Vari R.* Zur Überlieferung... S. 82–83.

⁵⁹ Подобная обезличенность, свойственная вообще писательской манере византийцев, находила свое воплощение и в военных сочинениях — в данном случае она была рассчитана на то, чтобы придать содержащимся здесь рекомендациям всеобъемлющий, универсальный, а потому и сугубо обязывающий, императивный характер.

⁶⁰ TL, XI, 25. Col. 800 A; XV, 38. Col. 896 D; XVII, 83. Col. 933 C.

Прежде всего, Лев досконально изучил «Стратегикон» («*Problematika*»⁶¹ — свидетельство этой работы) и знал его содержание в совершенстве. План «Тактики» Лев разработал заранее, избежав при этом структурных недочетов своего источника. Кроме того, не удовлетворившись узко прикладным характером сведений «Стратегикона», Лев стремится придать своему сочинению более общий характер. Он начинает с изложения некоторых общеметодологических принципов и понятий, а в дальнейшем, перейдя к описанию конкретных элементов военной науки, не лишает себя возможности теоретических обобщений.

Итак, взяв за основу сведения «Стратегикона», Лев переосмыслил и переработал их в четырех основных аспектах. Во-первых, он изменил план «Стратегикона», порядок изложения материала, придав своему сочинению более четкую структуру. Во-вторых, он опустил ряд устаревших положений и исторических сравнений, которые уже ничего не говорили современному читателю. В-третьих, он подверг текст «Стратегикона» стилистической правке, ставя целью либо избежать неуклюжих и высокопарных выражений предшественника, либо уточнить и конкретизировать его терминологию. В-четвертых, — и это самое главное — Лев ввел много нового материала, характеризующего современную ему действительность. В результате он создал сочинение, почти в два раза превышающее объем «Стратегикона». При этом буквальные заимствования составили меньшую часть трактата — основная масса сведений предшественника была так или иначе переработана. Вследствие этого «Тактика Льва» адекватно отразила современную ему действительность; она содержит в достаточной степени достоверные сведения, подтверждаемые сообщениями других источников⁶². О практической значимости этого трактата свиде-

⁶¹ Так именуется самое раннее сочинение Льва в интересующей нас области, возникшее, вероятно, еще в конце IX в. и сохранившееся лишь в одном экземпляре знаменитой «военной» рукописи Laurentianus LV-4, где оно безоговорочно атрибутируется «императору ромеев» Льву VI. Единственное издание — *Dain A. Leonis VI Sapientis Problematika*. Paris, 1935. Трактат по форме не имеет аналогий во всей византийской военной традиции: он представляет собою род катехизиса, где на поставленные вопросы даются ответы, текстуально воспроизводящие соответствующие разделы «Стратегикона Псевдо-Маврикия». Сочинение состоит из 12 глав, в соответствии с 12 книгами «Стратегикона». Строго говоря, мы не можем говорить в данном случае о какой-либо самостоятельности Льва как военного писателя. Скорее всего, «*Problematika*» являлись подготовительными материалами для будущей «Тактики» — главного труда Льва в области военной науки.

⁶² Ряд соображений по поводу достоверности сведений трактата высказан нами в статье: *Кучма В. В.* К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва» // АДСВ. Вып. 8. Свердловск, 1972; см. также наши работы, указанные в примеч. 48.

тельствуют факты его распространения в громадном количестве рукописей (около ста)⁶³, а также возникновение нескольких десятков извлечений из него, появившихся в течение следующих столетий⁶⁴.

«Неизданная Тактика Льва» («*Sylloge Tacticorum*»)

Вместе с «Тактикой Льва» обычно упоминается другое военное руководство, которое начиная с Ф. Гааза получило в ученой литературе наименование «Неизданной Тактики Льва»⁶⁵. В 1927 г. Р. Вари предпринял попытку определить источники трактата, время его создания и решить проблему авторства; он высказал предположение о принадлежности сочинения Александру, брату и соправителю Льва VI⁶⁶. Вернувшись к этому же вопросу несколько лет спустя, Р. Вари больше не решился именовать Александра автором трактата, ограничившись указанием на неофициальный (в отличие от «Тактики Льва») характер этого труда⁶⁷.

Большой вклад в изучение трактата внесен А. Дэном. Он колебался в вопросе об авторстве сочинения, не решаясь поддержать мнение Р. Вари⁶⁸, но видя и аргументы в его пользу⁶⁹. В конце концов он склонился к датировке трактата серединой X в.⁷⁰, что означало отказ от гипотезы Р. Вари. Вопрос об авторстве трактата и его датировке остается открытым до настоящего времени.

Трактат «*Sylloge Tacticorum*» (название предложено А. Дэном) был задуман как свод небольших по размеру глав (всего их 102), скомпонованных в виде краткой военной энциклопедии. Разумеется, автор пользо-

⁶³ *Dain A. Inventaire raisonné des cents Manuscrits des «Constitutions Tactiques» de Léon le Sage // Scriptorium. 1946–1947. I, fasc. 1. P. 33–49.*

⁶⁴ *Dain A. «L'Extrait Tactique» tiré de Léon le Sage. Paris, 1942; Idem. Naumachica. Paris, 1943; Idem. «L'Extrait nautique» tiré de Léon VI // Eranos. 1956. 54. P. 151–159.*

⁶⁵ Отдельные главы этого трактата были изданы в качестве приложения к «Тактике Льва» (см.: PG. 107. 1863. Col. 1095–1120). Полный текст (без перевода и комментариев) опубликован А. Дэном (см.: *Dain A. Sylloge Tacticorum quae olim «Inedita Leonis Tactica» dicebatur. Paris, 1938).*

⁶⁷ *Vari R. Die sogenannte «Inedita Leonis Tactica» // BZ. 1927. 27. S. 268.*

⁶⁸ *Vari R. Desiderata... S. 229–230.*

⁶⁹ *Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos... P. 54; Idem. Sylloge Tacticorum... P. 8.*

⁷⁰ *Dain A. Les stratégistes... P. 357.*

⁷¹ *Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos... P. 54.*

вался письменными источниками, но они существенно отличаются от источников сочинения Льва. В основу «*Sylloge Tacticoium*» положены два трактата, ныне полностью утраченных и реконструированных А. Дэн под условными наименованиями «*Tactica perditia*»⁷¹ и «*Corpus perditum*»⁷², которые в свою очередь представляют собою компиляции более ранних трактатов. «*Sylloge Tacticoium*» более бедна по содержанию, чем «Тактика Льва», — интересы ее автора практически не выходят за рамки чисто военных проблем. Любопытны сведения по криптографии, содержащиеся в 76-й главе, — довольно редкая материя для военных трактатов. Трактат может представлять определенный интерес с точки зрения изучения приемов и методов компиляции, применяемых военными писателями.

«Стратегика императора Никифора» («*Praecepta Nicephori*»; «*Praecepta militaria*»)

В изучение этого трактата большой вклад был внесен русскими учеными. Впервые, занимаясь изучением знаменитого труда Кекавмена, на него обратил внимание В. Г. Васильевский. Причина заключалась в том, что и сочинение Кекавмена, и неизданный еще тогда военный трактат, приписываемый императору Никифору Фоке, находились в составе одного и того же рукописного сборника № 436 Московской Синодальной библиотеки. Русский исследователь высказал ряд предположений относительно авторства и датировки трактата, а также подчеркнул его ценность с точки зрения истории византийской военной терминологии, поскольку Дюканж не использовал это сочинение при составлении своего словаря⁷³.

Почти три десятилетия спустя Ю. Кулаковский осуществил издание названного трактата⁷⁴. В специальной литературе последующего времени возникла полемика вокруг вопроса о первоначальном объеме сочинения. Р. Вари доказывал, что опубликованный Ю. Кулаковским текст составляет лишь меньшую часть (примерно 40%) от общего объема сочинения,

⁷¹ См.: Dain A. Les stratégistes... P. 350–351.

⁷² Ibid. P. 353. Вопросу о проблематике «Корпуса» посвящена специальная работа: Dain A. Le «Corpus perditum». Paris, 1939. Несколько по-иному вопрос о составе «Корпуса» и его влиянии на другие трактаты рассматривается в статье: Vieillefond J.-R. Adaptations et paraphrases du commentaire d'Enée le Tacticien // *Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes*. 1932. 6 (58). P. 28–29.

⁷³ Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века // *ЖМНП*. 1881. Ч. 215. С. 244.

⁷⁴ Стратегика императора Никифора. Издал Ю. Кулаковский // *Записки ИАН*. 1908. Т. 8. № 9.

которое Вари именует «*Praecepta Nicephori*»⁷⁵. Если Ю. Кулаковский считал главным достоинством трактата его абсолютную самостоятельность и полную независимость от письменной традиции, то Р. Вари этого взгляда не разделял и предпринял попытку выяснить источники сочинения. В качестве таковых он указал на Онасандра, Полиена (в извлечениях), Секста Юлия Африкана, а также на автора «Неизданной Тактики Льва»⁷⁶. Впоследствии он добавил сюда также Элиана, Псевдо-Маврикия и Анонима VI в.⁷⁷ Однако Р. Вари не исключал и наличия в трактате самостоятельных частей. С последним замечанием солидаризировался А. Дэн: по крайней мере, считал он, следует признать самостоятельными части, изданные Ю. Кулаковским⁷⁸. В вопросе о первоначальном объеме трактата А. Дэн занял компромиссную позицию: с одной стороны, он порицал Ю. Кулаковского, что тот ограничил трактат лишь изданными им главами, а с другой, не признавал безоговорочной и позицию Р. Вари⁷⁹.

Вплоть до настоящего времени остается открытым и вопрос об авторстве трактата. Если В. Г. Васильевский не отрицал возможности авторства императора Никифора Фоки⁸⁰, то Ю. Кулаковский ограничился лишь указанием на принадлежность автора к высшим рангам военного сословия⁸¹. Р. Вари не дал прямого ответа на вопрос, хотя ввел имя императора Никифора Фоки в название трактата. А. Дэн вначале безоговорочно приписывал сочинение этому венценосному автору⁸², но впоследствии изменил свою точку зрения: предположение об авторстве императора не является обязательным; сочинение могло быть написано одним из военачальников Никифора Фоки, а опубликовано после смерти последнего (969 г.)⁸³. В связи с этим А. Дэн исключает имя Никифора из названия трактата, предлагая нейтральное «*Praecepta militaria*».

Проблематика сочинения практически не выходит за рамки военного дела. Трактат ценен прежде всего своими детальными характеристиками тяжеловооруженной кавалерии — так называемых катафрактов. Известно, что возникновение катафрактарной кавалерии как особого и главного рода войск связывается с деятельностью именно Никифора Фоки, законодательно повысившего стоимость солдатского имущества. С другой сто-

⁷⁵ Vari R. Die «*Praecepta Nicephori*»... S. 50.

⁷⁶ Ibid. S. 51–52.

⁷⁷ Vari R. *Desiderata*... S. 231.

⁷⁸ Dain A. La «*Tactique*» de Nicéphore Ouranos... P. 47.

⁷⁹ Ibid. P. 51.

⁸⁰ Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 224.

⁸¹ Стратегика императора Никифора... С. 23–26.

⁸² Dain A. La «*Tactique*» de Nicéphore Ouranos... P. 47.

⁸³ Dain A. Les stratégistes... P. 370.

роны, внимание автора трактата к пехотной фаланге позволяет отвести гиперкритические предположения Г. Дельбрюка о полном падении роли пехоты и ее исчезновении в X в. из состава вооруженных сил⁸⁴.

Трактат представляет собою практическое военное руководство по ведению войны на восточных границах империи против конкретного противника — арабов. «Ученость» автора исчерпывается немногими замечаниями по истории македонской фаланги и единичными толкованиями терминологии «древних».

Что касается чисто литературных характеристик трактата, то его достоинства в этом плане чрезвычайно низки. Еще Ю. Кулаковский подчеркивал, что стиль автора типичен для военачальника, профессионально владеющего своим предметом, но не обладающего навыками литератора. Часты нарушения логики изложения материала, нет равномерности в его распределении между затронутыми вопросами. Единственное, по мнению А. Дэна⁸⁵, что заслуживает одобрения, — это «достаточная современность языка» автора, отличающая его от исключительно книжного стиля «Тактики Льва».

Имеющийся в трактате ряд новых, оригинальных сведений, выходящих, даже помимо воли автора, за рамки чисто военных проблем, вселяет надежду преодолеть со временем еще превалирующее в ученой литературе скептическое отношение к «столь слабо обработанному и нескладно изложенному творению, каким является „Стратегика“»⁸⁶.

«De velitatione bellica»

Ко времени царствования императора Никифора Фоки относятся еще два заслуживающих внимания сочинения. Первое из них — «De velitatione bellica» — было введено в научный оборот еще в начале XIX в.⁸⁷ и привлекало к себе большое внимание исследователей. Некоторые ученые не исключали, что трактат мог быть написан Никифором Фокой, но большинство полагало, что последний был лишь инициатором его создания. Так,

⁸⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. М., 1938. С. 141–146.

⁸⁵ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos... P. 48–49.

⁸⁶ Выражение Ю. Кулаковского (Стратегика императора Никифора... С. 26).

⁸⁷ Первое издание: Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber de Velitatione bellica Nicephori Augusti. Ed. C. B. Hase. Parisiis, 1819; впоследствии было включено в боннское издание 1828 г. Имеется старый русский перевод Д. Попова: «О сшибках с неприятелями», приложенный к русскому изданию «Истории» Льва Диякона (СПб., 1820).

Р. Вари предлагал видеть в авторе византийского полководца Никифора Урана, который выполнил волю умершего уже к тому времени императора и изложил его опыт войн с арабами⁸⁸. Ю. Кулаковский, не согласившись с этим мнением, считал, что автором сочинения был «верный сподвижник и почитатель» Никифора Фоки, но конкретного лица при этом не называл⁸⁹. Впрочем, и Р. Вари позднее не настаивал на своей точке зрения и ограничивался указанием, что трактат написан анонимным автором⁹⁰. А. Дэн также считал, что неизвестный автор «De velitatione bellica» действовал по инициативе Никифора Фоки⁹¹.

Анализируемый трактат содержит описание войн с арабами на восточных границах империи. Если ранее рассмотренная «Стратегика» ведет речь о солидных военных экспедициях на территорию противника силами не менее 24 тыс. чел.,⁹² то у автора «De velitatione bellica» стычки ведутся малыми силами: армия в 5–6 тыс. чел. считается достаточной для успеха операции. Характер стычек стремительный и непродолжительный, с применением многочисленных и разнообразных хитростей, засад, ночных нападений; нет и речи об осадах, длительных маневрах, стратегии измора или выжидания. Много говорится об организации шпионской и разведывательной служб.

Все исследователи «De velitatione bellica» единодушны в высокой оценке его стилистических и композиционных достоинств. Написанный ярким языком, этот трактат с литературной точки зрения занимает первое место среди аналогичных памятников за всю многовековую историю византийской военной науки. Прямые обращения автора к военачальнику придают излагаемому материалу еще большую живость и непосредственность. Материал в трактате великолепно скомпонован, изложение ведется последовательно и логично, все части сочинения гармонично уравновешены. При этом писательское мастерство автора находится в счастливом сочетании с его профессиональными достоинствами полководца. Автор сочинения — человек опытный, в совершенстве владеющий своим предметом. В целом за трактатом вполне обоснованно закрепилась репутация солидного источника, содержащего сведения столь же яркие по форме, сколь и надежные по своей достоверности.

⁸⁸ Цит. по рецензии Ю. Кулаковского (BZ. 1902. 7. S. 550).

⁸⁹ Стратегика императора Никифора... С. 25.

⁹⁰ Vari R. Desiderata... S. 231.

⁹¹ Dain A. Les stratégistes... P. 369.

⁹² Стратегика императора Никифора... С. 24.

«De castrametatione»

Трактат был обнаружен Ф. Гаазе⁹³ вместе с «De velitatione bellica», и последующее изучение этих двух сочинений по большей части шло параллельно. Текст «De castrametatione» был издан почти одновременно двумя учеными — А. Мартеном и Р. Вари⁹⁴. А. Мартен предположил, что автором «De castrametatione» и «De velitatione bellica» был один и тот же человек и что первый трактат следует рассматривать как продолжение и дополнение другого. Р. Вари также обнаружил внутреннее единство между трактатами и утверждал, что оба они написаны по настоянию Никифора Фоки одним и тем же автором, именно Никифором Ураном⁹⁵. Авторство последнего признавал и Ю. Кулаковский⁹⁶, но он отрицал возможность создания «De castrametatione» и «De velitatione bellica» одним и тем же лицом: авторы этих двух трактатов, по его мнению, не знали сочинений друг друга, хотя могли принадлежать к одному кругу и вдохновляться общими идеями⁹⁷. Ю. Кулаковский полагал, что трактат возник между 991 и 995 гг. и был предназначен для Василия II⁹⁸. А. Дэн также признавал «несомненное родство» между «De velitatione bellica» и «De castrametatione», датировал последний трактат третьей четвертью X в.⁹⁹, но вопрос об авторстве оставлял открытым.

По содержанию трактат «De castrametatione» гораздо шире, чем это отражено в его традиционном наименовании: кроме вопросов лагерного устройства, в его 32 главах рассмотрены самые различные военные сюжеты. В отличие от «De velitatione bellica», рисующего положение на арабской границе, автор «De castrametatione» ведет речь преимущественно о положении на западных рубежах империи, где армия рассматривается, вероятнее всего, в состоянии войны с печенегами, тюркскими кочевниками, русскими, но в первую очередь — с болгарами. Автор обращается непосредственно к императору, стоящему во главе армии. Не вызывает

⁹³ Впрочем, трактат был известен еще задолго до Ф. Гаазе: как доказано Ю. Кулаковским (см.: Кулаковский Ю. Новоизданный трактат по военному делу // ВВ. 1900. 7. С. 648–650), им располагали в свое время еще Меурсий и Дюканж.

⁹⁴ Сведения об изданиях трактата см. в исследовании: Dain A. Les stratèges... Р. 369. Первые 8 глав были изданы Ю. Кулаковским (см.: Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X в. // ВВ. 1903. 10. С. 63–90). Его же развернутые рецензии на издания А. Мартена и Р. Вари помещены в изданиях: ВВ. 1900. 7. С. 646–660; ВЗ. 1902. 7. С. 547–558.

⁹⁵ Цит. по Ю. Кулаковскому: ВЗ. 1902. 7. С. 549–550.

⁹⁶ Ibid. S. 558.

⁹⁷ См. рецензии: ВВ. 1900. 7. С. 651–652; ВЗ. 1902. 7. С. 557.

⁹⁸ См.: ВВ. 1900. 7. С. 657; ср.: ВВ. 1903. 10. С. 63; ВЗ. 1902. 7. С. 555.

⁹⁹ Dain A. Les stratèges... Р. 369.

сомнений предметное и непосредственное знакомство автора с практикой военного дела; его зависимость от книжной традиции практически ничтожна. Но стилистические и композиционные характеристики сочинения заслуживают более скромной оценки, чем в трактате «De velitatione bellica», автор которого избрал для рассмотрения сравнительно ограниченный круг вопросов и потому смог блеснуть яркой и красочной их разработкой. Автор же «De castrametatione», задавшийся целью создать всеобъемлющее, практически универсальное военное руководство, заранее обрек себя на более сухое, строгое, иногда тезисное изложение, существенно отличающееся от блестящего эссе своего коллеги.

«Тактика Никифора Урана»

Серию военных трактатов X в. (этого «золотого века» византийской военной литературы, по выражению А. Дэна¹⁰⁰) завершает огромный компилятивный труд, известный под наименованием «Тактики Никифора Урана»¹⁰¹. Детальное изучение трактата чрезвычайно затруднено, поскольку до сих пор отсутствует полное его издание, хотя отдельные части трактата публиковались неоднократно¹⁰². В рукописях он также не встречается в полном виде, но разбросан по частям в различных списках; всего А. Дэн насчитывает 18 рукописей, из которых 3 являются основными, а остальные 15 — копиями этих оригиналов¹⁰³. Дробление манускрипта-прототипа на отдельные части привело к исчезновению первоначального заглавия труда, а упоминание в заголовках некоторых рукописей имени Константина давало возможность приписывать сочинение разным лицам, носившим это имя, — от Константина, брата Льва VI, до Константина VIII, и в зависимости от этого датировать трактат от 878 до 1028 г.¹⁰⁴ Исследования Дэна положили конец этим спорам; общепризнанной датировкой трактата стал конец X в.

Трактат представляет собой самый яркий образец компилятивной литературы на военную тему. Если ранее названные сочинения в той или иной степени несут на себе отпечаток личности своего автора, содержат хоть какой-то материал для индивидуального, персонифицированного к нему подхода, то «Тактика Никифора Урана» — полностью обезличенная

¹⁰⁰ Dain A. Les stratèges... Р. 373.

¹⁰¹ Название предложено А. Дэном. О личности Никифора Урана см. заметку А. Пападопуло-Керамевса: ВЗ. 1899. 8. С. 66–70.

¹⁰² См.: Dain A. Les stratèges... Р. 371.

¹⁰³ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos... Р. 11.

¹⁰⁴ Ibid. P. 133 sq.

компиляция, «единственной чертой которой является лишь парафраза»¹⁰⁵. Сочинение целиком основано на предшествующей письменной традиции. Перечень источников содержится в надписании одной из рукописей¹⁰⁶. Здесь мы встречаем множество имен (всего их 17); некоторые известны как авторы более ранних военных сочинений (Арриан, Элиан, Онасандр, Полибий, Маврикий и др.), а о других не известно ничего (Пелоп, Менас, Аниба и др.). Возможно, предполагает А. Дэн, это авторы сочинений, к настоящему времени утративших начало или оставшихся анонимными¹⁰⁷.

А. Дэном предпринята попытка установить соотношение трактата Никифора Урана с предшествующей письменной традицией. Все его многочисленные источники он сводит к четырем основным комплексам¹⁰⁸, каждый из которых в свою очередь также имеет компилятивный характер. Среди них важнейшими являются «Тактика Льва», «Стратегика императора Никифора», упомянутый выше «Corpus perditum», а также сочинение Элиана. Лишь в одном месте (гл. 176, где речь идет об устройстве лагеря) А. Дэн затрудняется определить прямой источник, но отнюдь не из-за отсутствия подобных сведений у предшественников Никифора, а, наоборот, вследствие их обилия.

Способ передачи Никифором сведений своих источников максимально прост — чаще всего это текстуальное воспроизведение, без изменения порядка слов и способа выражения. Так, А. Дэн обратил внимание на случаи, когда формулировки «Тактики Льва» — «наш отец» и «наш полководец» — без изменения воспроизводятся Никифором Ураном, отчего получается, что автор объявляет себя сыном Василия I, а Никифора Фоку Старшего — своим полководцем¹⁰⁹. Зависимость автора от предшественников совершенно слепая. Здесь показателен следующий пример: некоторые из отдаленных источников оказываются инкорпорированными сразу в два комплекса, непосредственно используемых Никифором, — тогда он, не затрудняя себя сравнениями и взаимопроверками, парафразирует их дважды¹¹⁰. Лишь в двух случаях, в главах 76 и 122, Никифор решился поправить фразу предшественника, и лишь единственный сюжет в этой громадной энциклопедии А. Дэн склонен рассматривать как проявление авторской самостоятельности — речь идет о способах преодоления водных преград¹¹¹. В целом же «Тактика Никифора Урана» — это образец

¹⁰⁵ Dain A. Les stratégistes... P. 371.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Ibid. P. 373.

¹⁰⁹ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos... P. 46.

¹¹⁰ Dain A. Les stratégistes... P. 373.

¹¹¹ Ibid.

компиляции практически в чистом виде, почти лишенной самостоятельности, полностью обезличенной, в которой попытка обнаружения собственных мыслей автора встречает неодолимые препятствия.

Несмотря на громадные размеры сочинения и разнообразие его тематики, оно характеризуется внутренним единством. Автор всюду сохраняет собственный стиль, максимально соответствующий его парафрастическим приемам и методам. Синтаксическое построение фраз довольно однообразно, а лексика отличается бедностью.

Говоря о значении «Тактики Никифора Урана» в истории военной литературы, нужно иметь в виду, что это — последний по времени, самый полный свод военных знаний, по существу военная энциклопедия, завершающая многовековое развитие византийской военной науки. В этом плане самые предосудительные, казалось бы, черты сочинения (крайняя несамостоятельность, слепое следование оригиналу) оборачиваются своеобразными достоинствами: трактат воспроизводит содержание многих военных сочинений, ныне полностью утраченных или дошедших до нас во фрагментах. Можно предположить, что весьма плодотворной явилась бы работа по сличению полного текста источников Никифора и тех частей из них, которые он счел необходимым включить в свое сочинение, — совершенно очевидно, что выявление закономерностей этого отбора дало бы ценные результаты в плане выяснения общих тенденций развития военно-теоретической мысли византийцев как в X в., так и в последующие периоды, от которых памятников военной литературы практически не сохранилось.

Трактат заслуживает внимания и с чисто литературной, филологической точки зрения — именно своими негативными сторонами. Памятники подобного рода ценны для исследователя-литературоведа как антиподы самобытности и оригинальности. На фоне этой классической компиляции ярче и выпуклее проступают достоинства других произведений на военную тематику, не лишенных авторской самостоятельности. Изучение парафрастических приемов Никифора Урана, проникновение в его «творческую лабораторию» вооружит исследователя навыками обнаружения даже незначительных, микроскопически малых элементов авторской оригинальности.

* * *

Концом X в. фактически завершается период развития византийской военной литературы в собственном смысле этого слова. Рассмотренный нами период VI–X вв. весьма насыщен такими памятниками, но распределение их внутри периода крайне неравномерно. «Византийский Аноним VI в.» еще тесно связан с предшествующим (римским) периодом во-

енной истории. Следующие три столетия представлены всего двумя сочинениями, олицетворяющими исходный («Стратегикон Псевдо-Маврикия») и высший («Тактика Льва») этапы в развитии фемного строя. Возникновение значительного числа трактатов в течение второй половины X в. служит показателем активизации военно-теоретической мысли византийцев в связи с поисками выхода из кризисного состояния византийской военной организации, базировавшейся на принципах фемного строя.

Памятники византийской военно-научной литературы, при всей специфике их формы и содержания, представляют собой тем не менее целостный ансамбль, основанный на принципах преемственности и континуитета. В свою очередь, комплекс полемологических сочинений византийского периода является логической ступенью в общей эволюции военно-научных знаний, уходящих своими истоками в греческую историю полисной эпохи. В связи с этим все основные принципы византийской полемологии имеют античное происхождение; античные традиции играют в ней роль системообразующих стержней, обеспечивающих целостность всей информационной конструкции.

К византийским военным трактатам полностью применим тот критерий трансформативности, который был сформулирован нами в отношении античных военно-научных сочинений. В этой связи наиболее типичным примером «трактата-посредника» может служить «Тактика Льва» — одно из самых органических связующих звеньев во всей полемологической традиции. «Византийский Аноним VI в.» может быть уверенно отнесен к разряду «трактатов-итогов»: его основополагающие концептуальные идеи объективно устремлены в прошлое. Наоборот, «Стратегикон Псевдо-Маврикия» представляет собой один из лучших образцов «трактата-программы»: созданный в переломную для византийского общества и государства эпоху, он заложил такие перспективные основы военной организации, которые сохраняли свою жизнеспособность практически до конца существования империи.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ТРАКТАТЫ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ*

Византийские военные трактаты представляют собой особую, весьма специфическую категорию исторических памятников, отражающих уровень военной организации империи в определенный исторический период. Оценка военных трактатов как памятников культуры представляется допустимой и возможной, исходя из следующих общих положений.

Рассматриваемая в самом широком общесоциологическом плане культура, подразделяясь на материальную и духовную¹, включает в себя несколько основных компонентов, воспринятых данным обществом от предыдущих поколений, санкционированных обществом в качестве представляющих социальную ценность, переработанных этим обществом (приумноженных, трансформированных, частично отвергнутых и т. д.) и переданных им другим современным общностям или последующим поколениям. К числу таких основных комплексов относятся: во-первых, продукты материальной деятельности людей (орудия труда, одежда, жилища, средства сообщения и т. д.); во-вторых, результаты духовного творчества (наука, искусство, право, философия, религия и др.); в-третьих, системы ценностей, которые выступают в качестве регулятора стремлений и действий человека, служат основой определения социальной значимости членов общества и вследствие этого определяют принципы социальной иерархии; в-четвертых, образцы индивидуального поведения отдельных личностей и модели функционирования определенных человеческих коллективов. Все указанные проявления культуры можно обнаружить в такой специфической сфере социального бытия, какой является война.

Война есть одно из самых изначальных проявлений социальной деятельности². Будучи социальной, военная деятельность всегда является коллективной — в ее орбиту втягиваются одновременно более или менее значительные (как по численности, так и по общественной значимости)

* Статья впервые опубликована в: АВДС. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.

¹ Это деление является весьма условным и имеет смысл лишь в определенных границах — в аспекте основного вопроса философии. В реальной действительности существует неразрывное единство материальной и духовной культуры; при этом решающая роль в развитии культуры принадлежит именно ее материальным основаниям.

² «Война есть один из самых первобытных видов труда каждой из ... естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 480).

людские контингенты. Занятия военной деятельностью потребовали активной, целенаправленной работы человеческих коллективов прежде всего в направлении создания и постоянного совершенствования материальных форм ведения военных действий, таких как личное оружие, индивидуальные средства защиты, военные машины, оборонительные сооружения и т. д. Накопленный в результате занятия военной деятельностью коллективный опыт явился объектом осмысления, систематизации, обобщения. Следствием теоретического обобщения боевой практики было зарождение военной науки как особой области знаний, возникновение различных военно-научных теорий, концепций, доктрин. Система ценностей, преломляясь сфере военной деятельности, объективизировалась, в частности, в шкале воинских званий, чинов и рангов, ставших мерилем социальной значимости человека в рамках военной организации. Наконец, именно в ходе занятия военной деятельностью были наиболее четко и определенно сформулированы принципы индивидуального и группового поведения людей, вовлеченных в эту деятельность. Эти принципы были максимально формализованы; им был придан характер общеобязательных предписаний — возникли воинские уставы, ограничившие поведение военнослужащего строго очерченными рамками допустимого и возможного.

В условиях первых классовых общественно-экономических формаций (рабовладение, феодализм) мирная и военная деятельность конкретного общества и государства не уступали по значимости друг другу. Вероятно, было бы даже более правильно говорить о существовании не двух отдельных сфер социальной деятельности (мирной и военной), а о едином комплексе, в котором временами происходит лишь перемещение центра тяжести. Поэтому культура данной социальной общности, понимаемая как совокупность результатов материальной и духовной деятельности людей, в не меньшей степени обслуживала военные нужды, чем мирные потребности. Более того, самые передовые, самые современные научные идеи, достижения в сфере материального производства, механики, строительной техники в первую очередь находили применение именно в военном деле.

Еще в историографии XIX в. было неопровержимо доказано, что наиболее развитой отраслью производства в античной экономике было именно военное производство, — оно поднималось выше среднего уровня тогдашней техники, имело более развитые трудовые отношения, sporadически применяло элементы наемного труда³. «Здесь же впервые, — писал К. Маркс, — применяются машины в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег основывается, по-

³ Об этом см.: Мишулин А. В. К изучению истории войны и военного производства в древности // ВДИ. 1940. № 1. С. 219–230.

видимому, первоначально... на их военном значении. В армиях же было впервые осуществлено и разделение труда внутри одной отрасли производства. Кроме того, в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»⁴.

В эпохи античности и средневековья связь между состоянием военного дела и общим уровнем цивилизации (по линии зависимости первого от второго) была особенно непосредственной и наглядной. Поэтому не случайно греческие, римские, византийские авторы усматривали прямую логическую зависимость военной тактики того или иного варварского народа от степени его цивилизованности (в последнее понятие, помимо культуры, обычно включались еще и показатели политического развития)⁵. В более поздние периоды человеческой истории такая связь становится все более опосредованной — она корректируется воздействием все большего количества промежуточных факторов.

Военные трактаты позволяют проследить исторические ступени в развитии военной организации Византийской империи как отражение эволюции ее материальной и духовной культуры. Будучи соотнесенным с тем или иным периодом византийской истории, военный трактат может предоставить исследователю богатый и разнообразный материал для целостной, всесторонней характеристики этого периода. Разумеется, военного писателя интересовали в первую очередь проблемы его жанра. Поэтому трактат позволяет судить о состоянии военного дела, что уже само по себе, как отмечалось ранее, немаловажно для представления об уровне социального, политического и экономического развития. Но чаще всего тематика трактатов не исчерпывается лишь этой, сугубо специальной проблематикой, поскольку военно-научные проблемы могли быть поставлены и успешно решены лишь при условии привлечения материала из многих других областей знаний. В связи с этим информация трактатов, выходящая за рамки чисто военной тематики, может представлять интерес для исследователей различной специализации. Разумеется, такая «непрофильная» информация оказывается весьма неравноценной по объему, глубине разработки, авторской самостоятельности, исторической ценности и многим другим показателям. Она должна изучаться в постоянной связи с однотипными или аналогичными свидетельствами других источников по методу их сопоставления или противопоставления: анализ ее вне этой связи может привести к искажению действительной картины, смещению смысловых и хронологических акцентов.

⁴ Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 25 сентября 1857 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 154.

⁵ Об этом см.: Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971.

Можно напомнить, например, что «Византийский Аноним VI в.»⁶ содержит совершенно уникальные, чрезвычайно оригинальные сведения о социальной структуре общества юстиниановской эпохи. Он дает подробный перечень категорий городского населения: от законовладельцев и священнослужителей до работных людей и представителей так называемого «театрального сословия» (возникшие на ипподроме, танцовщицы, мимы и др.)⁷. Можно указать также на огромную ценность информации, содержащейся в этнографических разделах «Стратегикона Маврикия»⁸ (кн. 11) или «Тактики Льва»⁹ (гл. 18). Многие свидетельства этих авторов, несомненно, являются аутентичными и потому активно привлекаются для изучения истории некоторых балканских народов¹⁰. Уникальный материал для характеристики экономического состояния империи в IX–X вв. можно обнаружить в гл. 9, 17 «Тактики Льва»¹¹. Примеры подобного рода могут быть многократно продолжены.

Военные писатели являются представителями своей эпохи, культуры своего народа, личностями, сформировавшимися под влиянием соответствующих социально-культурных факторов. Известно, что культура личности определяется рамками культуры данной социальной общности. Но внутри этих рамок человек может проявить свою индивидуальность, продемонстрировать известные отклонения от заданного канона. Бросается в глаза, что в традиции военной литературы амплитуда этих вероятных отклонений не оставалась неизменной, — в более ранние периоды она

⁶ См.: Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Griechische Kriegsschriftsteller. Griechisch und Deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen von H. Köchly und W. Rüstow. 2. Theil: Die Taktiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855. P. 44–196 (далее — Anonymus).

⁷ Anonymus. P. 42—54.

⁸ См.: Das Strategicon des Maurikios / Ed. G. T. Dennis — E. Gamillscheg. Wien, 1981.

⁹ См.: Leonis Imperatoris Tactica / Ed. J.-P. Migne // PG. 1863. T. 107. Col. 671–1093.

¹⁰ На материалах «Стратегикона» построено обобщающее исследование Б. Захтеровой (см. примеч. 5). В интересном ракурсе эти же материалы были изучены З. В. Удальцовой (см.: Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. Гл. 8. С. 301–308). Этнографические пассажи «Тактики Льва» интенсивно изучались венгерскими учеными, в частности, Д. Моравчиком (см.: Moravcsik Gy. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. I, fasc. 2. Budapest, 1952. P. 161–184).

¹¹ См. об этом: Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» (см. с. 313–325 настоящего издания).

была гораздо большей. Античные военные писатели были полностью свободны прежде всего в выборе сюжетов для исследования. Так, Ксенофонт был автором двух специальных трактатов, посвященных коннице («О верховой езде» и «О начальнике кавалерии»)¹²; другие военные проблемы в данном случае автора не интересовали и потому были оставлены им без внимания. Витрувий, сознавая свою наибольшую компетентность в области полиоркеттики, затронул только эти проблемы в своем обобщающем трактате «Об архитектуре»¹³. Онасандр проявил особый интерес к проблеме моральных и деловых качеств военачальника — именно этим проблемам посвящен его трактат, хотя попутно рассматриваются и другие, более специальные проблемы военного дела¹⁴. Фронтин¹⁵ и Полиен¹⁶ специализировались на составлении так называемых «Стратегем» — сборников военно-исторических иллюстраций к деятельности великих полководцев древности. Некто Гигин, национальная принадлежность и время жизни которого остаются невыясненными, посвятил свой труд исключительно теории лагерного устройства¹⁷.

Таким образом, античная эпоха в военной литературе представлена широким тематическим разнообразием изучаемых сюжетов, значительным набором форм, приемов, методов военно-научных исследований, яркими творческими индивидуальностями их авторов.

С течением времени в военно-теоретических исследованиях усиливается организующий, императивный элемент — прежде всего в плане тематической определенности. Рубежом здесь является творчество Вегеция. Его «Краткое изложение военного дела»¹⁸ символизирует не только

¹² См.: Xenophon. Reitkunst. Griechisch und Deutsch von K. Widdra. Berlin, 1965.

¹³ См.: Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре / Пер. с лат. Г. П. Полякова, Н. Ф. Дерятины, А. В. Мишулина. Ред. и введ. А. В. Мишулина // Л.: ГИИМК. 1936. Кн. 10, гл. 10–16.

¹⁴ См.: Aeneas Tacticus, Asciopodotus, Onasander // The Illinois Greek Club. L.; N. Y., 1923. P. 341–532. Об исследовании трактата Онасандра преимущественно с филологической точки зрения см.: Peters W. Untersuchungen zu Onasander. Bonn, 1972. Подробный анализ военно-научных воззрений Онасандра дан в работе: Кучма В. В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: Опыт сравнительной характеристики (см. с. 139–207 настоящего издания).

¹⁵ См.: Frontin. Kriegslisten. Lateinisch und Deutsch von G. Bendz. Berlin, 1963.

¹⁶ См.: Polyani Strategematon libri octo / Ed. E. Wölfflin — J. Melber. Lipsiae, 1887.

¹⁷ См.: Hygini Grammatici liber de munitionibus castrorum / Ed. A. V. Domaszewski. Leipzig, 1887. Основное исследование: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert // BZ. 1913. 22. S. 90–121.

¹⁸ См.: Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1. С. 231–293.

окончательное слияние греческой и римской линий в развитии военной науки, в предыдущую эпоху проявлявшихся по большей части изолированно. Трактат Вегеция — первый образец универсального военного руководства с энциклопедическим охватом проблем военной науки. Вся последующая византийская военная наука представлена памятниками именно такого характера.

Тенденция к универсализации тематики военно-теоретических руководств сочетается с усиливающимися тенденциями к канонизации античного наследия, с нарастающим влиянием традиционализма. Основой военно-теоретических построений все более становится не современный боевой опыт, а достижения военной мысли «древних». Обезличенность, деперсонифицированность, свойственная вообще писательской манере византийцев, находила все более яркое воплощение в военных сочинениях — в данном случае это было рассчитано на то, чтобы придать содержащимся здесь рекомендациям всеобъемлющий, универсальный, а потому и сугубо обязывающий, императивный характер. Ссылка на авторитет «древних» — самый весомый аргумент в процессе логических доказательств; собственный боевой опыт безоговорочно приносится в жертву, если он противоречит высказываниям «древних». От VI к X в. в военной литературе нарастает тенденция к самым простейшим методам заимствования (адаптация, парафраза, компиляция, извлечение и т. д.)¹⁹.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на эти нивелирующие тенденции, вопреки им авторы военных сочинений все же сохраняют свое лицо, свою творческую и человеческую индивидуальность. Они отличаются друг от друга уровнем теоретической и профессиональной подготовки, демонстрируют различный подход к проблемам военной науки, композиционную и стилистическую неординарность. В результате многие военно-теоретические сочинения, со всеми свойственными им чертами самобытности и оригинальности, являются подлинными шедеврами византийской образованности, эрудиции, культуры.

Как уже отмечалось, любой военный трактат может быть соотнесен с конкретной исторической эпохой. Однако в большинстве случаев трактат оказывается несинхронным эпохе своего создания: как правило, теоретическое осмысление и обобщение боевой практики производится гораздо позднее момента ее реального проявления. Можно привести множество примеров и из античной, и из византийской истории, когда под действием ряда факторов трактат по своему содержанию оказывался синхронным иной (чаще более ранней) исторической эпохе, чем та, в которой он создавался. Этот эффект асинхронности (в сторону запаздывания),

¹⁹ См. об этом: *Dain A. Les stratégistes byzantins // Travaux et mémoires*, II. P., 1967. P. 353.

вполне естественный для процесса познания, в области военной науки усугубляется рядом обстоятельств, вытекающих из особенностей этой науки. Ее отличительная черта состоит в том, что традиция играет в ней большую роль, чем в других науках; тесная преемственность в накоплении и передаче знаний является ее квалифицирующим признаком. В военной науке домашнего периода чрезвычайно редки резкие, революционные скачки; в периоды античности и средневековья их вообще не было. Лишь изобретение и внедрение огнестрельного оружия впервые прервало длительную и бескризисную эволюцию военной науки с самого момента ее зарождения.

Поэтому греко-римско-византийская военно-теоретическая литература представляет собой единый комплекс, единую связную цепь, в которой каждое из предыдущих звеньев питает каждое из последующих. Идея авторов, стоявших у истоков этой науки (Ксенофонт, Эней, Витрувий, Элиан, Онасандр), будучи трансформированными через несколько последующих адаптаций, встречаются в произведениях, завершающих ее многовековую эволюцию («Тактика Льва», «Тактика Никифора Урана»).

В связи с этим весьма трудно синхронизировать военный трактат и ту эпоху, которая в нем отражена, — они могут оказаться отделенными друг от друга значительными промежутками времени (иногда в пределах нескольких столетий). Так, трактат Элиана²⁰, созданный в начале II в. н. э., по основным своим идеям синхронен периоду Александра Македонского и диадохов²¹. «Византийский Аноним VI в.» отразил более архаичный период развития античной военной науки, чем трактат Вегеция, хотя последний написан на полтора столетия раньше, чем сочинение Анонима.

Дело осложняется еще и тем, что различные составные части и элементы военной науки, а также ее отрасли обладали неодинаковой степенью консерватизма. Наиболее консервативными выглядят проблемы полiorкетики и лагерного устройства; более динамична тактика, непосредственно связанная с таким самым подвижным, переменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким является материально-техническая база военной организации (прежде всего вооружение). Поэтому в одном и том же военном руководстве можно обнаружить напластования различных «сроков давности». Пример для византийских военных писателей был подан Вегецием: в его трактате встречаются одновременное оперирование военными реалиями, одни из которых древнее других на шесть-семь столетий. Преемники Вегеция по жанру —

²⁰ См.: *Aeliani Tactica // Griechische Kriegsschriftsteller. Griechisch und Deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen von H. Köchly und W. Rüstow. Leipzig, 1855. Vol. II. P. 199–554.*

²¹ *RE. I. 1894. Col. 483.*

авторы трактатов VI–X вв. — словно состязаются друг с другом в стремлении использовать в своих сочинениях как можно больший объем военно-научной информации в максимально широких хронологических пределах.

С учетом указанных обстоятельств однозначная «привязка» трактата к той или иной ступени общественного (а следовательно, и культурного) развития империи оказывается весьма затруднительной. Иногда в трактатах имеются свидетельства о точном времени их написания; чаще всего это относится к произведениям античной эпохи. Так, трактат Витрувия может быть датирован с точностью до трех лет (13–11 гг. до н. э.)²², трактат Элиана — с такой же точностью (царствование Нервы, 96–98 гг. н. э.)²³. Сочинение Арриана имеет совершенно определенную датировку — 137 г., поскольку в нем указано, что оно завершено на двадцатом году царствования Адриана²⁴. Впрочем, случаи точных датировок военных трактатов сравнительно редки; чаще время написания трактата определяется более широкими хронологическими рамками — особенно это характерно для византийских памятников. Так, «Византийский Аноним VI в.» возник во времена Юстиниана, наиболее вероятно, во второй половине его царствования²⁵, «Стратегикон Маврикия» — на рубеже VI–VII вв.²⁶, «Тактика Льва» — в период царствования Льва VI²⁷. Но подобные датировки, как совершенно точные, так и приблизительные (в пределах нескольких десятилетий), мало что дают для синхронизации трактата. Что означает трехлетний временной предел для датировки трактата Элиана, если в нем идет речь о классической греко-македонской фаланге, т. е. о военно-организационной форме 400-летней давности? Что значат колебания в 10–20 лет в датировке «Византийского Анонима VI в.», если в нем встречаются рекомендации, известные еще Энею²⁸, писавшему за 900 лет до Анонима? И целесообразно ли ломать копья по поводу точной (вплоть до одного года!) датировки «Тактики Льва» (а такие попытки предпринимались неоднократно), если совокупность содержащихся в ней идей

²² См.: Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München: Leipzig, 1889. S. 82.

²³ См.: Dain A. Histoire du texte d'Elie de Tacticien. P., 1946. P. 18.

²⁴ См.: Arrianus Nicomediensis Scripla minora / Rec. R. Hercher. Lipsiae, 1854. P. 139.

²⁵ Об этом см.: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник (см. с. 37–56 настоящего издания).

²⁶ Там же. С. 52.

²⁷ Там же. С. 53–54.

²⁸ См.: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander // The Illinois Greec Club. L.: N. Y., 1923. P. 1–225.

синхронна целой эпохе в развитии византийской военной организации — эпохе феодального строя, насчитывавшей как минимум трехвековую историю?

Этими примерами мы хотели бы подчеркнуть, что интенсивному использованию свидетельств военного трактата для аргументации тех или иных исторических положений должна предшествовать тщательная, кропотливая работа по выяснению источников этого трактата, определению содержащихся в нем исторических напластований, выявлению их хронологического соответствия событиям прошлого, иногда весьма отдаленного. Только при этом предварительном условии свидетельства военного трактата способны «сработать» в качестве источников первоклассной исторической ценности.

Важно при этом подчеркнуть, что чаще всего материал для синхронизации военного трактата с определенной исторической эпохой можно обнаружить именно в той «непрофильной» информации, которая по замыслу автора имеет второстепенный характер, является лишь дополнением к главному объекту его исследования. Такого рода информация обычно дается мимоходом, без акцентировки внимания на ней: для автора это повседневная, рутинная, сама собой разумеющаяся действительность, хорошо известная современникам. Именно в силу своей обыденности, непредвзятости, сиюминутности такая «непрофильная» информация проявляется достаточно контрастно на фоне основного материала, стерилизованного в духе традиционализма: она сохраняет хронологическую определенность, сочетающуюся, как правило, с высокой степенью достоверности. Выявление в военном сочинении таких хронологически определенных элементов и комплексов создает условия для постепенной синхронизации других, все более и более опосредованных пластов информации, уже относящихся к разряду «профильной», при неперменном условии постоянного соотношения ее со всей военно-исторической традицией и с памятниками других жанров.

Из сказанного можно заключить, что любой военный трактат — это концентрация историко-научных, а в более широком смысле и культурно-исторических ценностей не только (и не столько) периода своего создания, сколько всей предшествующей исторической эпохи, результат деятельности творческого гения предшествующих поколений.

Явившись результатами предшествующего развития, военные трактаты (по крайней мере, лучшие образцы этого жанра) стали продуктами культурно-исторической эволюции, вошли в сокровищницу византийской и мировой культуры. Уже тот факт, что они были бережно сохранены десятками сменявших друг друга поколений и донесены до наших дней, свидетельствует о том, что эти поколения рассматривали их именно в качестве культурных сокровищ. Многие содержащиеся в военных трактатах

татах идеи приобрели характер непреходящих, вневременных, вневещных, общечеловеческих ценностей. Сентенции Онасандра относительно моральных и профессиональных качеств военачальника, сформулированные еще в I в. н.э., пронизывали всю античную, византийскую, западноевропейскую военную традицию; заинтересованное, не лишенное прагматической подоплеки внимание к Онасандру проявлялось со стороны теоретиков и практиков военного дела вплоть до Нового времени²⁹. В XV в., когда в Западной Европе стали закладываться научные принципы тактики пехотных подразделений, в качестве ее основы были взяты концепции Элиана. «Общие правила ведения войны», сформулированные Вегецием, составляли основу доктрины византийских и западноевропейских военных теоретиков на протяжении более тысячелетия.

Высокой оценки у большинства военных специалистов заслужила кодификаторская деятельность императора Льва VI Мудрого, автора знаменитой «Тактики». Можно согласиться с высказыванием М. Йенса: поскольку ни византийское, ни западное, ни восточное средневековье не дали другого военного руководства, равного «Тактике» по теоретической основательности и богатству содержания, трактат Льва можно рассматривать как высшее достижение в развитии военной науки X столетия³⁰. Достоинства трактата были в полной мере оценены как современниками, так и потомками. Свидетельство этому — факт распространения трактата в громадном количестве рукописей, содержащих как текст сочинения в целом, так и многочисленные извлечения из него. Интерес к «Тактике Льва» проявлялся на протяжении многих столетий. Значительное влияние воззрения Льва оказали уже в XVII в. на концепцию австрийского полководца и военного теоретика Р. Монтекукколи (1609–1680). Большое внимание уделял «Тактике Льва» прусский король Фридрих II (1712–1786), специально для которого этот трактат был переведен на немецкий язык.

Известно, что с текстом «Тактики» лично ознакомился российский император Петр I в тот период, когда закладывались основы русской регулярной армии. Для этих целей трактат был в 1700 г. переведен на церковнославянский язык. Именно через этот канал произошел любопытный феномен возрождения некоторых принципов византийского военно-уголовного законодательства на русской почве, подготовленной к этому предшествовавшей многовековой традицией, ведущей начало с эпохи христи-

²⁹ Авторы англо-американского издания трактата Онасандра опираются на авторитет Морица Саксонского, известного полководца XVI в., заявившего, что принципы и правила, сформулированные Онасандром, способны сформировать великого военачальника (см.: Aeneas Tacticus, Asciopiodotiis, Onasander... P. 351).

³⁰ Jähns M. Op. cit. S. 168.

анизации Руси. В результате оказывается возможным проследить явное влияние норм византийского военно-дисциплинарного кодекса, содержащегося в «Тактике Льва» (VIII, 1–27), на первый русский военно-уголовный кодекс, который под наименованием «Артикул воинский с кратким толкованием» составил вторую часть «Воинского устава», утвержденного Петром I в 1715 г.³¹ Если учесть, что «Артикул воинский» применялся в России в военное время до издания «Полевого уголовного уложения» 1812 г., а в мирное время — до выхода в свет «Военно-уголовного устава» 1839 г., следует признать, что мы имеем дело с фактом весьма неординарным и потому заслуживающим самого пристального внимания. Ибо перед нами уникальный образец культурно-исторической традиции, перерастающей национальные и хронологические рамки и в итоге рождающей феномен, поражающий воображение: принципы, освещенные ореолом славной старины в Византийской империи времен Велизария и Маврикия, будучи заимствованными на русской почве через посредство «Тактики Льва», еще сохраняли свою жизнеспособность во времена Кутузова и декабристов.

Можно привести еще один пример уже более конкретного, на этот раз чисто материального свойства. Как известно, в полиоркетическом разделе трактата Витрувия, написанном в 13–11 гг. до н. э., был обобщен и теоретически осмыслен торсионный принцип действия метательных орудий, основанный на использовании освобождаемой энергии предварительно скрученного материала (в качестве такового выступали тетивы, изготовленные из сухожилий животных или человеческого волоса). Византийское и западноевропейское средневековье было шагом назад по сравнению с эпохой Витрувия в деле развития метательной артиллерии. Но идеи Витрувия продолжали существовать в духовном наследии человечества, и в XVIII в. возникли идеи возрождения артиллерии торсионного типа (взамен огнестрельных орудий). Даже во время Первой мировой войны германские артиллеристы предприняли серьезные попытки практического использования для военных целей реконструированные немецким инженером Е. Шраммом античные метательные орудия времен Витрувия³².

³¹ См. об этом специальную статью («Феномен рецепции византийского права в российском военно-уголовном законодательстве эпохи Петра I»), помещенную в третьем разделе настоящего сборника.

³² Точность наводки торсионного античного стреломета была такова, что отдельный человек мог быть поражен на расстоянии до 100 шагов, более объемные цели поражались за 200 шагов. Модель стреломета, реконструированная Е. Шраммом, во время испытаний дала дальность полета малой стрелы против ветра на 305 м. Эта стрела пробивала деревянный щит толщиной 3 см, обитый железом, причем стрелы проникали в щит на половину своей длины (см. об этом: Эллинистическая

Военная наука является, пожалуй, единственной отраслью знания, которая включает в свои важнейшие научные категории понятие «искусство» (военное искусство, оперативное искусство и т. д.). Залог военной победы — это не только достижение перевеса над противником в живой силе и технике, — это вместе с тем и умение превзойти врага в интеллектуальном, общекультурном плане. Весьма примечательно, что в мифологии греческого народа, у которого военная наука впервые превратилась в самостоятельную отрасль знания, символом войны и победы являлась Афина Паллада, одновременно олицетворявшая высшую мудрость, могущество знаний, успехи искусств и ремесел.

Признание современников и потомков завоевали лишь те античные и византийские военно-теоретические руководства, которые по своим объективным характеристикам были способны в достаточной степени адекватно отразить принципы военной науки — той «науки побеждать», которая сама наполовину является искусством. Уже только одно это, чисто формальное соображение представляется достаточным для отнесения военных трактатов к разряду памятников культуры. Анализ же их содержания окончательно рассеивает всякие сомнения на этот счет. Остается только добавить, что в отношении многих памятников военной литературы такая работа фактически еще не начата, и здесь перед исследователями простирается поистине безграничное поле для творческих поисков и находок.

техника: Сб. статей / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 281–282, 292; Дильс Г. Античная техника / Пер. и примечания М. Е. Сергеевко и П. П. Забаринского / Под ред. и с предисл. С. И. Ковалева. М.; Л., 1934. С. 95). Для сравнения укажем, что современный пистолет предназначен для поражения живой силы на расстоянии, не превышающем 50–70 м.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ: ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ*

Являясь одним из важнейших понятий полемологии, военная доктрина представляет собой принятую в данном государстве систематизированную совокупность концептуальных взглядов на сущность, цели, характер вооруженного противоборства с реальным и потенциальным противником, на способы подготовки к предстоящей войне вооруженных сил страны и всего ее населения, на приемы и методы ведения боевых действий в ситуации, когда война становится, наконец, свершившимся фактом.

Формирование военной доктрины — процесс длительный, многоаспектный и многоэтапный. Исходные элементы будущих военно-доктринальных концепций, спорадически возникающие в ходе аналитического осмысления реалий индивидуального боевого опыта, с течением времени в результате суммирования и обобщения складываются в более или менее целостный комплекс, первоначально полностью локализующийся в сфере общественного сознания. Возникнув, этот комплекс становится объектом дальнейшего целенаправленного воздействия на него со стороны теоретиков и практиков военного дела, политиков более широкого профиля, специалистов других отраслей знаний (экономики, юриспруденции, истории, социологии, этнографии и др.). На завершающем этапе своего формирования данный комплекс подвергается соответствующей государственно-правовой регламентации. Юридическая санкция является, следовательно, тем квалифицирующим атрибутом, который выделяет военную доктрину из ряда ординарных компонентов общественного сознания и вводит ее в систему принципов государственной политики.

Однако такая трансформация отнюдь не означает разрыва генетических связей военной доктрины со сферой человеческой психологии. Поэтому продолжает сохраняться канал целенаправленного формирования военно-доктринальных установок посредством соответствующих мер идеологического воздействия на общественное сознание подданных, и в первую очередь тех из них, которые непосредственно призваны воплощать эти установки в жизнь. Под последними подразумеваются различные категории военнослужащих, военнообязанных и других лиц, причастных к несению военной службы, — категории, понимаемые и в социальном, и в

* Статья впервые опубликована в сборнике: Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград: изд. ВолГУ, 1997.

организационно-управленческом, и в непосредственно техническом смысле. Речь идет, следовательно, о той структурированной совокупности общественных элементов, которая включается в понятие «вооруженные силы».

Органической составной частью идеологического воздействия на общественное сознание в указанном направлении издавна являлось религиозное воздействие, и его следы могут быть обнаружены уже в весьма ранних полемологических сочинениях, стоявших у самых истоков греко-римско-византийской военно-научной традиции.

Так, в трактате Онасандра¹, датируемом временем Клавдия или Нерона, содержится специальная, правда, весьма небольшая по объему (всего в один абзац) глава, предписывающая стратегию провести духовное очищение войска перед походом, принести жертвы, предписанные обычаями или предсказаниями священнослужителей². В дальнейшем изложении³ уже более подробно сказано, что накануне боя следует вновь совершить жертвоприношения и по внутренностям жертвенных животных, а также по расположению небесных светил определить вероятный исход сражения. Если предсказания окажутся неблагоприятными, рекомендуется уклониться от сражения и постараться умиловить богов новыми жертвами⁴. Заниматься всем этим должны непосредственно жрецы и гадатели, которые следуют с войском; однако Онасандр считает желательным, чтобы и сам стратег был сведущ в подобных делах.

В целом подчеркнутая религиозность Онасандра не может остаться незамеченной. По крайней мере, его сочинение конденсирует в себе религиозный заряд, превышающий аналогичный показатель не только contemporaneous ему, но и многих более поздних памятников военно-научного жанра.

Практически нулевым является религиозный потенциал труда Вегетия⁵, датируемого, вероятнее всего, рубежом IV и V вв. Вся религиозность автора исчерпывается единственной рекомендацией: среди словесных паролей (кстати, практика армейских паролей фиксируется Вегетием впер-

¹ Пользуемся изданием: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. The Illinois Greco Club. L.; N. Y., 1923 (далее — Onasander). Подробный анализ содержания трактата был произведен нами в работе: Кучма В. В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики (см. с. 139–207 настоящего издания).

² Onasander, V. P. 392–394.

³ Ibid., X, 28. P. 428–430.

⁴ Ibid., X, 25–27. P. 428.

⁵ Имеется русский перевод: Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1.

вые во всей военной литературе) наряду с такими, как «победа», «доблесть», «триумф императора», возможно и словосочетание «с нами Бог»⁶.

Ненамного больше информации религиозного характера содержится и в трактате юстиниановской эпохи, названном его первыми издателями «Византийским Анонимом»⁷. Не исключено, что анонимный автор мог быть христианином, но, по справедливому замечанию Дж. Дэнниса⁸, кроме упоминания апостольских правил в сюжете об иератическом сословии⁹, в трактате нет ничего «специфически христианского». Само упоминание Бога встречается на страницах трактата трижды¹⁰, но каждый раз оно фигурирует в контексте, абсолютно нейтральном с точки зрения анализируемой проблемы. Мало что прибавляет к сказанному и двукратное использование автором термина *εὐσεβεία*, прилагаемого в первый раз к воинским командирам¹¹, а во второй — к послам¹²; в обоих случаях специфически христианский смысл термина отнюдь не презюмируется с императивной категоричностью.

«Стратегикон» Маврикия¹³, возникший всего на полстолетия позднее «Византийского Анонима», вводит в ситуацию, изменившуюся самым кардинальным образом, вследствие чего читатель оказывается погруженным в абсолютно новую концептуально-мировоззренческую атмосферу. Религиозная лексика, на этот раз неоспоримо христианского свойства, изобилует на страницах трактата: словосочетания с именем Бога фиксируются не менее полутора десятков раз. Встречаются также упоминания Девы Марии и других святых; любопытно вместе с тем, что имя Христа не названо ни разу. Но существо дела отнюдь не исчерпывается чисто внешним своеобразием лексики создателя «Стратегикона»: мы здесь впервые имеем дело с автором, чье мировоззрение целиком и полностью базируется на догматах христианского вероучения. Именно эти основополагающие установки определили всю общефилософскую концепцию автора, его глобальный взгляд на мировой порядок вещей, на современные ему гео-

⁶ Вегетий, III, 5. С. 260.

⁷ См. о нем: Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания (см. с. 208–242 настоящего издания). Десятилетие назад осуществлено новейшее критическое издание трактата: Three Byzantine Military Treatises. Text, Translation and Notes by G. T. Dennis. Wash., 1985. P. 1–136 (далее — Anonymus).

⁸ Anonymus, Introduction. P. 3.

⁹ Anonymus, 3. P. 14, 9–13.

¹⁰ Ibid., 2. P. 12, 3; 2. P. 12, 36; 3. P. 14, 10.

¹¹ Ibid., 9. P. 28, 22.

¹² Ibid., 43. P. 124, 15.

¹³ См. о нем нашу работу, упомянутую в примеч. 1. Пользуемся изданием: Das Strategikon des Maurikios. Einführung, Edition und Indices von G. Dennis. Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981 (далее — Strat.).

политические реалии, обусловили общий подход к основам и ценностям государственной политики, к проблемам войны и мира, к обоснованию места и значения армии в структуре этносоциального организма, к принципам ее создания, критериям жизнеспособности и способам эффективного функционирования, наконец, к целенаправленному формированию морально-психологического фактора в сознании людей, волею судеб оказавшихся в роли «защитников отечества».

Свою безусловную ортодоксальность Маврикий демонстрирует уже во введении к трактату, начиная его с молитвы, обращенной к Пресвятой Троице, Спасителю, Богородице и всем святым¹⁴. В основе мировоззрения автора лежит убеждение во всеобъемлемости и всемогуществе Божественного Провидения, которое управляет всеми живыми — от людей до птиц и рыб¹⁵. Поэтому главная забота военачальника состоит в том, чтобы снискать Божественное благоволение, без которого невозможно осуществить ни одно задуманное предприятие, даже если оно представляется легковполнимым и касается противника, являющегося заведомо слабым¹⁶.

Следуя традиции, заложенной Онасандром, Маврикий включает в свое сочинение обширный материал, конструирующий образ идеального полководца. Среди важнейших критериев, которые должны быть присущи последнему (благоразумие, самообладание, мудрость, трудолюбие, добродетельность, нестяжательство и многое другое), имеется один, которому Маврикий придает первостепенное значение, — речь идет о благочестии. При этом весьма важно подчеркнуть, что в понимании Маврикия указанный критерий является тем единственным, который не формируется реалиями армейской практики. Трансцендентный генезис этого критерия придает ему характер безусловности и универсальности, выдвигает его на первое место в шкале личностных ценностей. Маврикий убежден, что именно благочестие, дополняемое боевым опытом и полководческим искусством, является самой надежной гарантией военного успеха. Не чуждый образной символики, Маврикий, по примеру Онасандра¹⁷, производит сравнение полководческого искусства с искусством кораблевождения. Как может, вопрошает наш автор, даже самый опытный кормчий проявить свое мастерство, когда дует встречный ветер? — Когда же ветер благоприятен, искусство кормчего заставляет корабль двигаться вдвое быстрее. Точно так же, заключает Маврикий, если полководец заручится Божественным благоволением и присоединит к нему знание военного устава и собственный боевой опыт, он безопасно распорядится вверенным

¹⁴ Strat., Praef. P. 68, 1–9.

¹⁵ Ibid., Praef. P. 70, 40–41.

¹⁶ Ibid., Praef. P. 70, 36–40.

¹⁷ Onasander, XXXIII, 2. P. 480.

ему войском и добьется конечного успеха¹⁸. Последняя мысль настолько укоренилась в сознании автора, что он возвращается к ней несколько раз, облакая ее во все новые и новые лексические формы¹⁹.

«Стратегикон» Маврикия обладает еще одной уникальной особенностью, которая непременно должна быть отмечена: он является первым произведением полемологического жанра, в котором содержится систематизированный комплекс практических указаний по организации религиозной службы в армии. Так, каждая тагма или банда²⁰, независимо от того, размещена ли она в лагере или в каком-то другом месте, должна начинать свой день с совершения общей молитвы и других таинств, рекомендуемых церковным чином; то же самое рекомендуется совершать и на исходе каждого дня, после окончания всех дел и вечерней трапезы²¹. При этом большую помощь священнослужителям в осуществлении обрядов должны оказывать т. н. кантаторы, назначаемые стратигом из числа наиболее авторитетных командиров и солдат²². Поутру в день сражения должны быть освящены знамена, отслужены очистительные молебны. Перед выходом из укрепления все воины по сигналу священников, стратига и других архонтов многократно повторяют: «Господи, помилуй!»; каждое подразделение, покидая лагерь, трижды провозглашает: «С нами Бог!». По мнению автора «Стратегикона», соблюдение этих обрядов необходимо для благоприятного исхода дела²³. Непосредственно же в момент боевого столкновения клич «С нами Бог!» представляется Маврикию не только бесполезным, но даже вредным и опасным: при его звуках более робкие солдаты, пораженные страхом, замедляют движение, тогда как более отважные, напротив, вырываются вперед, вследствие чего происходит дезорганизация боевого порядка. Равным образом, добавляет Маврикий, это относится и к лошадям — среди последних тоже имеются большие различия²⁴. Таким образом, клич «С нами Бог!» не должен издаваться в мо-

¹⁸ Strat., Praef. P. 70–72, 41–51.

¹⁹ Ibid., II, 1. P. 110, 8–11; VII A, Pr. P. 228, 4–11; VII B, 12. P. 254, 14–17; VII B, 15. P. 258, 6–8; VIII, 1, 38. P. 276, 18–19; VIII, 2, 1. P. 278, 1–3.

²⁰ Этими терминами обозначалась основная структурная, административная и тактическая единица кавалерийского войска, насчитывавшая от 300 до 400 чел. (Strat., I, 4. P. 88, 8–9).

²¹ Strat., VII B, 17. P. 262, 4–7. Характерно, что эта общая молитва обозначена латинским термином «missa» в греческой транскрипции; из дальнейшего пояснения следует, что конкретно имеется в виду т. н. Трисагион (Трисвятие). Термин «вечерняя молитва» встречается в трактате еще дважды (Strat., XII B, 22. P. 474, 26, 42) — в обоих случаях он используется для обозначения рубежа, отделяющего трудовой день от времени ночного отдыха.

²² Strat., II, 19. P. 140, 2–5; VII B, 17. P. 264, 28.

²³ Ibid., II, 18. P. 138, 13–17.

²⁴ Ibid., II, 18. P. 138, 2–10.

мент столкновения, а может использоваться лишь при движении к месту боевого построения²⁵. В ходе же сражения войску рекомендуется производить общий устрашающий шум, но без произнесения имени Божьего; особенно это относится к воинам, расположенным в арьергардных линиях²⁶. Павшие в бою ромейские воины должны быть похоронены в соответствии с религиозным обрядом²⁷; уцелевшим в сражении и спасшим свои жизни надлежит вознести Господу благодарственную молитву. Тела же убитых неприятелей следует оставить на поле боя непогребенными, чтобы произвести на остальное вражеское войско деморализующее воздействие²⁸.

Пристальное внимание автора «Стратегикона» к вопросам религиозного обеспечения военной кампании, проявляющееся особенно отчетливо в сравнении с установками его ближайшего предшественника, «Византийского Анонима», требует своего объяснения. На наш взгляд, ключ к решению вопроса — в оценке тех радикальных перемен, которые претерпела военная организация империи времен императора Маврикия²⁹ по сравнению с юстиниановской эпохой.

Современная Анониму военная организация базировалась на устаревших, отживших свое время материально-технических, организационных и концептуально-доктринальных основах. В армии преобладал наемный контингент — конгломерат разнородных этносоциальных элементов, органически не способный к восприятию какой-либо целостной консолидирующей идеи. Отражая реалии своей эпохи, анонимный автор сознательно освобождает себя от необходимости конструирования мировоззренческих схем — он сосредоточивается исключительно на сферах чистой военной технологии, полностью удовлетворяя этим свои творческие амбиции практика-профессионала (к слову сказать, не самого высокого уровня³⁰).

«Стратегикон» Маврикия открывает новую эпоху в истории византийской военной организации: начиная с VII в. она стала базироваться на основах фемного строя. Отныне ее квалифицирующим признаком стал принцип милиционно-территориального ополчения. Произошла своеобразная «национализация» византийской армии: в ней стал численно преоб-

²⁵ Strat., VII B, 16. P. 260, 10–11.

²⁶ Ibid., VII B, 16. P. 260, 12–13.

²⁷ Ibid., VII B, 6. P. 246. 4.

²⁸ Ibid., VIII, 1, 16. P. 272, 56–58.

²⁹ Напомним, что проблема атрибуции «Стратегикона» решается нами в пользу именно этого венценосного автора (см., напр.: ВВ. 1982. 43. С. 45–49).

³⁰ Как известно, введение к трактату утрачено. Об этом можно только сожалеть, поскольку именно введения к сочинениям такого жанра содержат, как правило, наиболее полную информацию как о личности самого автора, так и о сущности его мировоззренческих постулатов.

ладать контингент, гораздо более однородный в этнокультурном и профессиональном отношении. Непреходящая заслуга Маврикия в истории общественно-политической мысли Византии заключается в том, что он смог опереть здание фемной военной организации на прочный идеологический фундамент, в котором роль скрепляющего раствора была призвана сыграть христианская догматика. Среди важнейших принципов, заложенных «Стратегикомом», одно из первых мест занял принцип религиозного обеспечения жизнедеятельности военного механизма государства во всех проявлениях его реального функционирования. Специфика этносоциальной базы военной организации в период фемного строя, когда ее основу составило свободное земледельческое население преимущественно христианского вероисповедания, открывала возможности целенаправленного формирования в общественном сознании консолидирующей национальной идеи, построенной на основе религиозных догматов. Весьма существенно, что это произошло на одном из самых решающих (без преувеличения, судьбоносных) этапах эволюции византийской государственности — этапе формирования ее национальных вооруженных сил. Отныне и навсегда религия начала безраздельно господствовать в сознании стражника и командира, священнослужитель встал рядом с архонтом, хоругвь превратилась в элемент военной символики³¹.

Военно-доктринальная концепция, аранжированная Маврикием в соответствующем религиозном звучании, была активно воспринята, усвоена и развита другим венценосным автором, творившем на рубеже IX и X столетий, императором Львом VI Мудрым, создателем не менее знаменитой «Тактики»³². Если Маврикий стоял у истоков фемной военной организации, то Лев явился свидетелем ее окончательного формирования; им же были зафиксированы первые, еще спорадические, пока не сливавшиеся в общую картину, но уже весьма характерные симптомы приближающегося кризиса фемного строя³³. Значительная пролонгированность фемного строя в византийском историческом пространстве в сочетании с

³¹ Нарративные источники, освещающие период царствования Маврикия, свидетельствуют, что установки «Стратегикона» находили реальное воплощение в реальной армейской действительности. Показательные примеры содержатся в сочинении Феофилакта Симокатты: в армии Филиппика накануне сражения с персами служились молебны, перед войском выносилась хоругвь (Феофилакт Симокатта. История, II, 3, 4–9. М., 1957. С. 49); имя Девы Марии было избрано в качестве пароля объединенного войска Нарсеса и Хосрова в одном из эпизодов их борьбы с узурпатором Варамом (Там же. V, 10, 4–5. С. 129–130).

³² Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris *Tactica* // PG. 107. 1863 (далее — *Tactica*).

³³ Подробнее об этом см. нашу статью: Кучма В. В. «Тактика Льва» как исторический источник (см. с. 259–277 настоящего издания).

высокой стабильностью его основополагающих принципов имела следствием тесную преемственность в идеологическом обеспечении этого процесса как на исходных, так и на завершающих его этапах. Поэтому установки «Стратегикона», регламентирующие организацию религиозной службы в армии и отнесенные Львом к разряду «литургической техники», воспроизведены в «Тактике» почти текстуально, за исключением лишь некоторых второстепенных деталей³⁴.

Вместе с тем чрезвычайно важно подчеркнуть, что сходство сюжетов, подлежащих анализу в «Стратегиконе» и «Тактике», отнюдь не приводит авторов к тождественности результатов такого анализа. Особенно существенна разница в адресности, целенаправленности их мировоззренческих конструкций.

Не следует упускать из виду, что военно-доктринальная концепция «Стратегикона» разрабатывалась в отношении народов, которые представляли особую военную опасность именно в эпоху создания трактата. На рубеже VI и VII столетий народами, по выражению Маврикия, «тягостными для империи»³⁵, являлись персы, «скифы» (или «гуннские» племена), «рыжеволосые народы» (франки, лангобарды и им подобные), а также склавы и анты. Как видим, в этом перечне нет арабов — факт, вызывающий недоумение и трудно поддающийся объяснению, поскольку за пятьдесят лет до Маврикия этот неприятель уже был известен «Византийскому Анониму»³⁶.

За триста лет, отделяющих «Тактику» от «Стратегикона», на роль главных военных соперников империи выдвинулись именно неизвестные Маврикию (или сознательно проигнорированные им?) арабы, сплотившиеся под знаменем ислама. Это был противник, совершенно уникальный на фоне всех ранее существовавших. Говоря словами Ж. Дагрона, появление ислама сделало неактуальным все то, что до этого было сказано о войне и армии³⁷.

Варварским народам, возникавшим в прежние времена на границах империи, в конечном счете был уготован весьма ограниченный выбор: либо фигурировать в победной реляции византийского триумфатора, либо пополнить реестр богоугодных дел христианского миссионера. Не меняли дела ни временные военные успехи этих народов, ни даже их попытки построить собственные государственно-политические структуры: византийцы были непоколебимо убеждены в случайности первых и в нелегитим-

ности, а потому иллюзорности вторых. Что же касается верований этих этносов, то они никогда не удаивались чести характеризоваться как особые религии — византийцы, в лучшем случае, снисходили до их оценки как ереси христианства³⁸.

С появлением арабов-исламитов все переменялось самым радикальным образом: их социальная структура оказалась весьма прочной и трудно поддающейся ассимиляционным усилиям, военные успехи — достаточно стабильными, теократическая организация в форме халифата — в высшей степени устойчивой. Что же касается их вероисповедания, то здесь имел место феномен, не имевший вообще никаких аналогий. Специфика ортодоксального ислама состоит в том, что он представляет собою систематизированную совокупность теологических постулатов, норм права и морали, мировоззренческих и философских канонов, культурно-эстетических традиций, императивов идеологии, принципов политики; собственно религиозные догматы фактически служат лишь цели ритуального оформления этой совокупности, придания ей необходимой внутренней унифицированности и внешней определенности.

В силу органической несовместимости всех вместе и каждого в отдельности элементов мусульманских и христианских социально-политических структур и мировоззренческих систем, исключавшей даже самую возможность их бесконфликтного сосуществования, конфронтация ислама с православием приобрела поистине глобальный размах, выйдя далеко за рамки конфликта их военных организаций: речь пошла о всеохватном, универсальном противоборстве двух миров, двух состояний человеческого бытия.

Комплексное осмысление этих событий оказалось под силу далеко не каждому их современнику: история византийско-арабского противостояния уже отмерила четверть тысячелетия, когда явился, наконец, писатель, чье мышление оказалось соизмеримым с масштабностью анализируемого феномена. По справедливому замечанию Ж. Дагрона³⁹, Лев VI не был солдатом и ему никогда не довелось ни сражаться, ни командовать — он был императором, «пропитанным собственной легитимностью», которому было предназначено постоянно и повсеместно обеспечивать безопасность подданных, вверенных ему Богом.

В «Тактике» имеется прямое указание на то, что именно арабская опасность явилась главной причиной создания трактата⁴⁰. Подвергнув анализу причины военных успехов сарацин⁴¹, Лев объяснил эти успехи как

³⁴ *Tactica*, XIII, I. Col. 844 A; XIV, I. Col. 848 D; XVI, 2. Col. 908 B etc.

³⁵ *Strat.*, XI, Praef. P. 352, 6.

³⁶ *Anonymus*, LV. P. 118, 3.

³⁷ *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)*. Ed. G. Dagron et H. Mihăescu. Paris, 1986. P. 146.

³⁸ *Le traité...* P. 146.

³⁹ *Ibid.* P. 145.

⁴⁰ *Tactica*, XVIII, 142. Col. 981 B–C.

⁴¹ *Ibid.*, XVIII, 128–130. Col. 976 D–977 B.

спецификой их военной организации, так и особым морально-психологическим состоянием войска, воодушевленного идеей джихада. Лев полагает, что успехи византийского оружия в борьбе с таким противником будут зависеть от двух факторов: нужна, во-первых, организационная перестройка вооруженных сил (с заимствованием арабского опыта милитаризации общественно-политических структур) и, во-вторых, настоятельно необходима мобилизация общественного сознания в направлении формирования новой военно-доктринальной системы, построенной на постулатах избранничества и провиденциализма. В противовес идеологии джихада Лев VI разрабатывает концепцию «христолюбивого воинства», согласно которой высшее предназначение армии ромеев состоит в том, чтобы ратоборствовать во имя торжества православия⁴². Оппонируя своему идеологическому противнику, Лев VI фактически обосновывает собственную теорию «священной войны», противопоставляя ее христианский вариант мусульманскому прототипу.

По мысли Льва, ромейский стратиот сражается на поле боя за спасение своей души⁴³, и если ему уготована гибель, он может твердо уповать на то, что его жертва будет вознаграждена Богом⁴⁴: всем тем, кто положил свою жизнь за веру и за братьев по вере, будет уготовано вечное блаженство⁴⁵. Отсюда уже совсем близко до признания стратиотов, павших в борьбе с исламом, «мучениками веры»; однако интервал, отделяющий простого смертного от персонажа мариолога, все же оставался незакрытым. Когда же шесть десятилетий спустя Никифор II Фока предпринял попытку этот рубеж преодолеть (по свидетельству Скилицы, он повелел, чтобы солдаты, павшие в сражениях, были почитаемы наряду с мучениками и прославляемы подобающими гимнами), данное распоряжение императора-полководца оказалось в ряду обстоятельств, стоивших ему трона и жизни⁴⁶.

Конец X столетия был ознаменован появлением, в частности, двух полемологических сочинений, явившихся своеобразными дополнениями «Тактики Льва». Одно из них, названное его первым издателем «De velitatione bellica»⁴⁷, характеризует состояние оборонительной войны, то глеющей, то разгорающейся в юго-восточных регионах империи, где византийские фемные армии противостояли мобильным формированиям арабских

эмиров династии Хамданидов. Второй трактат, получивший условное наименование «De castrametatione»⁴⁸ (которое, впрочем, далеко не адекватно объему содержащейся в нем информации), рассказывает о положении на северо-западных рубежах, откуда византийское регулярное войско, возглавляемое императором, осуществляло экспедиции против племен, населявших южное Подунавье. Можно со всей определенностью утверждать, что совокупная информация двух названных военных руководств является достаточно репрезентативной для характеристики византийской военной организации конца X в., поскольку свидетельства трактатов, взаимно дополняющие друг друга, касаются практически всех ее основных элементов. В связи с этим открывается возможность составить достаточно полное представление и о военной доктрине рассматриваемого периода, в том числе и в интересующем нас аспекте.

Автор «De velitatione bellica» мыслит себя в положении фемного стратига, чьи территориальные воинские формирования небольшой численности (около 4 тыс. чел.) принимают на себя первые удары арабских летучих отрядов. Как известно, народное ополчение (а именно таковым, по сути, являлась армия фем) всегда нуждается в особенно высоком моральном духе, ибо только таким способом могут быть компенсированы существенные негативные свойства подобной разновидности вооруженных сил (слабость организационной структуры, материально-технической базы, состояния служебной дисциплины и т. д.)⁴⁹.

Поэтому идея «христолюбивого воинства», сформулированная Львом VI, приобретает в трактате «De velitatione bellica» всеобъемлющее, поистине симфоническое звучание. Подданные империи, зачисленные на военную службу, обязаны не просто выполнять свои профессиональные обязанности — их призвание состоит в том, чтобы быть защитниками и спасителями свободы христиан⁵⁰. Отмеченные этим высшим предназначением, они должны быть готовы в любой момент «с душевным ликованием, с ревностным усердием и сердечной радостью» подвергнуть свои жизни опасности «за наших благоверных государей и все христианское сообщество»⁵¹.

В качестве основной враждебной силы, противостоящей христианскому братству, выступают «потомки Исмаиловы», «исмаилиты»⁵², «надменные сыны Агари, не приемлющие Христа, Господа нашего», сущие «ко вреду и гибели христианского люда, к бесславию могущественнейших

⁴² *Tactica*, XVIII, 19. Col. 949 D.

⁴³ *Ibid.*, XIV, 35. Col. 860 A.

⁴⁴ *Ibid.*, IV, 1. Col. 697 D–700 A; XII, 71. Col. 825 D; XIV, 116. Col. 885A–B; XX, 72. Col. 1032 D.

⁴⁵ *Ibid.*, XVIII, 133. Col. 977 C.

⁴⁶ См. об этом: *Le traité...* P. 286.

⁴⁷ Пользуемся изданием, указанным в примеч. 37 (далее — *De vel. bell.*).

⁴⁸ Пользуемся изданием, указанным в примеч. 7 (далее — *De castr.*).

⁴⁹ См. об этом: *Le traité...* P. 284 (со ссылкой на К. Клаузевица).

⁵⁰ *De vel. bell.*, XIX, 6. P. 109, 37.

⁵¹ *Ibid.*, XIX, 4. P. 109, 26–27.

⁵² *Ibid.*, XX, 3. P. 113, 21, 23.

ромеев»⁵³. Автор трактата замечает, что в период, когда он создавал свое сочинение, экспансия «потомков Исмаила», благодаря заступничеству Господа, значительно ослабла. Тем не менее он уверен, что предлагаемый им боевой метод может оказаться полезным, если ситуация вновь обострится⁵⁴. Автор вдохновлен боевыми эпизодами недавних царствований Константина Порфирородного и его преемника Романа, когда их полководцы, умело применяя рекомендуемый в трактате метод, добивались полной гибели «неприемлющих Христа» полчищ Али, эмира Алеппо, а также армий тарсиотов и киликийцев⁵⁵.

Исходная установка автора трактата заключалась в констатации того неопровержимого факта, что в его эпоху империя ромеев и арабский этнический социум пребывали в ситуации непримиримого противостояния. Автор трактата не затрудняет себя поисками истоков и выяснением причин именно такого, а не какого-либо иного порядка вещей — он лишь констатирует его априорный, трансцендентный характер. Не остается ничего иного, как этот порядок воспринять и усвоить; требуется лишь встроить собственную военно-доктринальную концепцию в эту систему императивов, данную свыше.

Основная идея авторской концепции формулируется с полной определенностью: победа над врагом есть результат взаимодействия двух составляющих — военного мастерства и Божественного благоволения. Для формулирования второго из указанных компонентов автор располагает целым набором фразеологических оборотов. Выражения типа «с помощью Божией», «по благодати Иисуса Христа, Господа нашего», «благодатию Иисуса Христа, силою и заступничеством Пречистой Матери его» и т. п. встречаются в трактате десятки раз. Чувствуется, что эти языковые единицы уже превращаются в словесные клише, приобретают характер устоявшихся формул, даже несколько стираются от многократного автоматического употребления.

Решая вопрос о том, какой из двух названных компонентов оказывает главное воздействие на конечный военный успех, автор трактата отдает приоритет именно второму компоненту. Эта мысль варьируется в целом ряде высказываний: благоприятный исход сражения определяется не знанием боевой традиции, но силою благоволения Божьего⁵⁶; результат войны зависит не от человеческих желаний, но от выбора Высшего Провидения⁵⁷; Божественное благорасположение более значимо, чем преимуще-

ства укрепленной местности⁵⁸; четко разработанный военный план является, конечно же, важным залогом победы, но лишь сила Божественной благодати способна обеспечить его благоприятную реализацию⁵⁹.

Заметным диссонансом на этом фоне звучит пассаж трактата, где дан образец традиционного обращения к войску, которым стратиг вдохновляет стратиотов на будущие ратные труды⁶⁰. Можно было бы предположить, что предоставившаяся возможность будет использована для того, чтобы зарядить эту речь религиозным потенциалом максимальной степени напряженности — сам характер сюжета обязывал автора именно к такому образу действия. Однако анализ речи приводит к неопровержимому выводу, что религиозный потенциал ее предлагаемого варианта, напротив, является абсолютно нулевым, — факт в высшей степени неординарный для способа мышления такого ортодоксального христианина, каковым является наш автор. Единственное реальное объяснение подобной несообразности уже высказано Ж. Дагроном⁶¹: «рудиментарной моделью» этой речи является соответствующий текст трактата «*Rhetorica militaris*»⁶² — пособия для стратигов по обучению ораторскому искусству, датируемого VI в., т. е. периодом господства совершенно иных военно-доктринальных концепций. Приходится с сожалением констатировать, что в данном случае автору «*De velitatione bellica*» явно изменило присущее ему чувство современности, поскольку он без особого труда имел возможность опереться на источники, более созвучные веяниям его эпохи. Остается лишь утешиться тем, что такой досадный хронологический сбой все-таки не разрушил целостности авторской концепции, поскольку проявился практически в единственном эпизоде, к тому же отнюдь не самом ключевом.

Идея «христолюбивого воинства» прочно утверждена и в сознании автора «*De castrametatione*». Военная служба в его понимании — это «борения и труды в интересах христианства»⁶³; стратиоты — это «защитники христианства», презирающие смерть и переносящие опасности «ради нашего священного императора и их собственного отечества». Вполне идентична идее предшественника и мысль автора «*De castrametatione*» о том, что «армия, обладающая достаточным количеством всего необходимого, посредством своей настойчивости и упорства, в сотрудничестве с Богом добьется подобающего завершения своих планов»⁶⁴. Правда, рели-

⁵⁸ De vel. bell., XXI, 2. P. 119, 21–22.

⁵⁹ Ibid., XXV, 3. P. 135, 24–26.

⁶⁰ Ibid., XXIII, 3. P. 125–127, 24–31.

⁶¹ Le traité... P. 126, n. 6; P. 285, n. 26.

⁶² См. о нем: Dain A. Les stratèges byzantins. ТМ. 1967. 2. P. 343–344.

⁶³ De castr., 28. P. 318–320, 18–34.

⁶⁴ Ibid., 21. P. 304, 40–42.

⁵³ De vel. bell., XV, 1. P. 89, 7–9.

⁵⁴ Ibid., Praef., I. P. 33, 3–10.

⁵⁵ Ibid., III, 6. P. 43–45, 39–45.

⁵⁶ Ibid., XVI, 8. P. 95, 61–62.

⁵⁷ Ibid., XVII, 13. P. 103, 107–108.

гиозно-догматическая лексика автора «De castrametatione» более бедна и однообразна, чем у его более старшего коллеги по жанру⁶⁵: фразеологические клише «с Божьей помощью», встречающиеся в трактате около десятка раз, лишь изредка варьируются в выражения «благодаря Христу» и «посредством милости Божьей».

Но если не ограничиться только сопоставлением лексики двух авторов, а произвести более углубленный анализ сущности их военно-доктринальных установок, то такой анализ приведет к вполне определенному выводу: внимание автора «De castrametatione» к вопросам религиозного обеспечения боевой деятельности менее пристальное, чем у его предшественника. Это, впрочем, не должно вызывать удивления, если учесть следующие обстоятельства.

Во-первых, в отличие от автора «De velitatione bellica», размышлявшего о войске фемного типа, автор «De castrametatione» имеет дело с регулярной армией, в мирное время базирующейся преимущественно вокруг Константинополя, но в данный момент находящейся за пределами империи, в ситуации наступательного похода во вражеские владения. Эта армия полностью укомплектована, доведена до нормальной штатной численности (16 таксиархий пехоты по 1 тыс. чел. в каждой, 8200 чел. кавалерии) и, что самое важное, возглавляется непосредственно императором. Уже один только факт личного участия императорской особы в военной экспедиции создает в армии особый морально-психологический климат: все архонты и стратиоты, пребывающие в энергетическом поле «священного василевса», олицетворяющего Божественное благоволение, как бы автоматически, даже независимо от собственной воли, оказываются заряженными благочестивым потенциалом столь высокого напряжения, что какие-либо специальные превентивные меры религиозно-воспитательного характера оказываются просто излишними, — это и избавляет автора трактата от необходимости их детальной регламентации.

Во-вторых, и это обстоятельство наиболее существенно, необходимо непременно учитывать конфессиональную принадлежность противника, противостоящего византийскому экспедиционному войску. Регионы, к которым привязана информация трактата, — это «болгарские земли»⁶⁶, граничащие с «землями печенегов» (имеется в виду, вероятно, Северное

⁶⁵ Высказанное впервые около столетия назад мнение о принадлежности трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione» одному и тому же автору встречает поддержку и в современной историографии (см.: Le traité... P. 154–160, 171–175; Three Byzantine Military Treatises... P. 241–243). В силу своей дискуссионности эта проблема заслуживает специального анализа, который мы и намерены осуществить в ближайшем будущем.

⁶⁶ De castr., 15. P. 288, 7; 17. P. 290, 5; 18. P. 292, 24–25; 21. P. 304, 30.

Причерноморье), «землями турок» (области, соответствующие современным Венгрии и Трансильвании) и «землями росов» (территории по течению Днепра)⁶⁷; земли же арабов (агарян) упоминаются в сюжетах, не являющихся для данного трактата магистральными, но всего лишь иллюстративными, реминисцентными⁶⁸. Следовательно, в данном случае византийская армия ведет войну против болгар, которые, как известно, около 865 г., в правление князя Бориса I (852–889) приняли христианство в качестве государственной религии и при условии подчинения своей церковной организации Константинопольскому патриархату. О крещении болгар автор «De castrametatione» не упоминает, хотя в высшей степени вероятно, что это событие более чем столетней давности могло стать известным ему из собственного боевого опыта: факт его личного участия в болгарских походах сомнений не вызывает. Поскольку объектом военной экспансии византийцев являлся народ, исповедовавший ту же самую религию, вполне объясним тот приглушенный тон, с которым автор «De castrametatione» демонстрирует свою благочестивость⁶⁹.

Следует заметить, что военно-политическая ситуация, отраженная в трактате «De castrametatione», являлась достаточно уникальной. Главной же геополитической проблемой для Византии X в. оставалось противостояние мусульманского и христианского миров. На разрешение этого непримиримого конфликта противостоящие стороны вынуждены были мобилизовать все свои наличные ресурсы, начиная с материальных и кончая морально-психологическими. Отвечая на вызов, брошенный исламом, византийская официальная идеология активно формировала общественное сознание своих подданных в том направлении, чтобы изначально инстинктивные, импульсивные, не всегда поддающиеся реальному толкованию проявления неприязни к иноверцам, свойственные обыденно-бытовому уровню человеческого общения, оказались абсолютизированными

⁶⁷ De castr., 18. P. 292, 26–27.

⁶⁸ Ibid., 21. P. 302, 19–20; 21. P. 304, 27; 32. P. 326, 17.

⁶⁹ Мнение о слабой выраженности религиозного акцента в трактате «De castrametatione» уже было высказано Ж.-П. Вьейефоном, автором единственного специального исследования по анализируемой проблеме (см.: Vieillefond J.-P. Les pratiques religieuses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires // REA. 1935. XXVII, fasc. 3. P. 324, n. 3). Солидаризируясь с этим бесспорным тезисом, мы вместе с тем категорически возражаем против утверждения, что и трактат «De velitatione bellica» тождественен по этому показателю трактату «De castrametatione». Как мы старались показать ранее, религиозная тональность двух названных трактатов радикально различна, если не противоположна, и причина этого — в различной конфессиональной принадлежности военных соперников, с которыми имели дело наши авторы: болгары-единоверцы в «De castrametatione» и воины ислама в «De velitatione bellica».

до уровня императивных поведенческих постулатов, диктующих вполне определенную, априорно-негативную, аффектированно-неприятную модель отношения к представителям враждебной конфессии. Естественно, что объектом сугубого внимания со стороны соответствующих пропагандистских служб становится в этих условиях контингент военнослужащих, само предназначение которых состояло в том, чтобы воплощать в жизнь принципы государственной политики в отношении инаковерующих. Армейская же действительность, построенная на принципе иерархической субординации и к тому же подкрепленная системой мер возможного дисциплинарного воздействия, обеспечивала эффективность воспитательных импульсов, гарантировала действенность их конечной практической реализации. Установки военных трактатов на этот счет в силу самой жанровой специфики данного вида литературы хотя и не возвышались до статуса санкций нормативных актов, все же существенно превышали уровень обычных прагматических рекомендаций. Поэтому свидетельства полемологических руководств относительно религиозного обеспечения военной службы, по всей вероятности, вполне адекватно соотносились с подлинными реалиями византийской армейской действительности⁷⁰.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что конец X в. был периодом завершения формирования той глобальной национально-религиозной идеи и основанной на этой идее системы военно-доктринальных воззрений, у истоков которых стоял автор «Стратегикона». Известная веротерпимость, свойственная мироощущению византийцев в предшествующие эпохи, ушла в безвозвратное прошлое, когда на первое место среди противников империи выдвинулся народ, возведший идею «священной войны» в высший принцип своего земного бытия. Мощное давление этого фактора не могло не наложить отпечатка на византийский менталитет, не вызвать вынужденно-пейоративной эволюции национальной идеи. И все же заряд религиозной неприязни, которым было наделено «христолюбивое воинство» даже на заключительных, самых трагических для империи этапах православно-мусульманского противостояния, никогда не достигал того уровня напряжения, который был уже изначально свойствен фанатизму его исламских оппонентов во всех их этнических обликах.

⁷⁰ Подчеркивая исключительно важную роль религиозного фактора в жизни армии, следует вместе с тем избегать и его гипертрофированной абсолютизации. В этом плане мы считаем явным преувеличением тезис Ж.-Р. Вьейефона (см.: *Viellefond J.-R.* Op. cit. P. 324) о том, что «...в трактатах X или XI вв. различные религиозные церемонии занимают место почти преобладающее, и часто эти военные сочинения напоминают сборники канонов для некоего монастырского ордена», вследствие чего

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ*

Будучи одной из форм общественного сознания, политическая идеология наиболее полно и непосредственно выражает коренные материальные интересы составляющих данное общество классов. Эти интересы, формулируемые по отношению к самым различным сторонам общественного бытия, не ограничиваются лишь сферой внутривнутриполитических проблем. В качестве важнейшей составной части в политическую идеологию оказываются включенными и отношения к другим обществам и государствам.

Одним из важнейших инструментов политики в области межгосударственных отношений на протяжении всей истории развития классового общества являлась война. Будучи по своему происхождению продуктом развития социальных антагонизмов, война являлась одним из специфических и эффективных способов их разрешения.

Неразрывная связь политики и войны является особенно тесной. Господствующий в данном обществе класс располагает всеми средствами идеологического воздействия на массы, чтобы представить в выгодном для себя свете собственную позицию в отношении каждого военного конфликта: либо обосновать его общезначимый характер, поставив эту войну в связь с судьбами всего общества, вплоть до перспективы самого его существования, либо придать военному противостоянию роль случайного, преходящего эпизода на фоне гораздо более важных общественных проблем. В зависимости от этого совершенно различный по масштабам и направленности характер приобретают мероприятия государства по экономическому, дипломатическому, идеологическому обеспечению военных кампаний.

Политика определяет сущность войны, ее цели и способы их достижения. Политика пронизывает все три составные части военного искусства, каковыми являются стратегия, оперативное искусство, тактика. Нако-

«экстраординарная набожность византийских армий ... трансформировала солдат в монахов» (*Ibid.* P. 330). При любых условиях армия оставалась армией, т. е. контингентом вооруженных людей, предназначенных решать возлагаемые на них задачи, и религиозная обрядность не могла заслонить или подменить специфически военного содержания данного рода профессиональной деятельности.

* Статья впервые опубликована в: АДСВ. Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.

нец, сугубо политический характер имеют принципы военной науки, разрабатывающей теоретические основы и практические рекомендации по всем основным проблемам военного дела.

Византийская военная наука представлена значительным количеством первоклассных по профессиональному уровню сочинений, которые являются выдающимися памятниками политической мысли своей эпохи. В первом ряду таких сочинений стоит «Стратегикон Маврикия». Анализ основных военно-доктринальных концепций этого произведения (с попыткой выяснения как их истоков, так и позднейшей эволюции) составляет содержание настоящей статьи.

Одной из спорных проблем «Стратегикона» продолжает оставаться проблема его авторства. Для избранного нами аспекта исследования она приобретает чрезвычайно важное, даже определяющее значение: если проблема авторства будет решаться в пользу императора Маврикия (582–602), тогда уровень репрезентативности изложенных в трактате концепций должен признаваться максимально высоким, вследствие чего их соответствие официальной идеологии должно рассматриваться как адекватное. В предыдущих работах¹ мы стремились обосновать тезис об императорской принадлежности автора «Стратегикона», в полной мере сознавая весьма обязывающий характер такой идентификации.

Период, переживаемый империей накануне царствования Маврикия, характеризуется крайней внутренней нестабильностью, состоянием «универсальной деморализации», охватившей все византийское общество². Реформаторская деятельность Маврикия, затрагивавшая самые разнообразные сферы общественной жизни (социальные отношения, религиозную политику, административный аппарат, финансы, армию), свидетельствовала об отходе от диоклетиановской системы управления. Основанная на принципе бюрократического централизма, эта система продемонстрировала свою несостоятельность еще при Юстиниане. Однако реставрационные устремления юстиниановского правительства, направленные на воссоздание деспотической рабовладельческой империи мирового масштаба, временно снимали вопрос о коренной перестройке диоклетиановской системы. Глубочайший кризис, поразивший империю при преемниках Юстиниана, сопровождался крахом всех предшествующих государственно-правовых концепций. В связи с этим политическая мысль ранне-

¹ См., напр.: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник (см. с. 37–56 настоящего издания); Он же. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики (см. с. 139–207 настоящего издания).

² См. об этом: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки // ВО. М., 1977.

византийской эпохи получила другое, весьма определенное направление — ее главным содержанием стало идеологическое обоснование новых, объективно складывающихся социальных отношений, базирующихся на принципе децентрализации.

Оставляя в стороне общие проблемы развития ранневизантийской политической мысли послеюстиниановской эпохи, мы сосредоточим свое внимание лишь на той сфере ее проявления, которую составляло военное дело. Сразу отметим, что военная область не является самой показательной для демонстрации новых веяний в политической идеологии: принципы военного дела в период античности и раннего средневековья обладали высокой степенью консерватизма. Поэтому все новые моменты, относящиеся к разряду чистой военной технологии и в особенности имеющие доктринальный характер, оказывались многократно опосредованными целыми пластами военно-научной информации, накопленными предшествующими поколениями, но продолжающими сохранять свое значение. Что же касается конкретно основополагающего принципа политической идеологии послеюстиниановского периода — принципа децентрализации, то в рассматриваемой нами сфере он, разумеется, не мог получить наиболее показательного развития — это объясняется самой спецификой военного дела, всегда требующего централизованного руководства. Тем не менее состояние военной организации, отраженной в «Стратегиконе», дает достаточный материал для выводов об идеологической сущности современной Маврикию военной доктрины.

Как уже отмечалось, кризис послеюстиниановского общества приобрел универсальный, всеобъемлющий характер — как по горизонтали, с позиции охвата всех существовавших общественных структур, так и по вертикали — с точки зрения глубины затронутых кризисом составных элементов каждой из этих структур. В частности, оказалась в состоянии полного упадка вся военная организация, основанная на принципе наемничества. Глубине и масштабам краха старой военной системы соответствует по размаху и грандиозности программа строительства вооруженных сил империи на новой основе, сформулированная в «Стратегиконе Маврикия». Новая социальная база армии в лице свободного земледельческого населения империи; новая тактика, построенная на боевом использовании формирующегося прогрессивного самостоятельного рода войск, каким являлась тогда кавалерия; новые принципы профессионального обучения воинов и командиров, основанные на творческом использовании боевого опыта как собственной армии, так и армий потенциальных противников Византии; новые способы и приемы воздействия на моральный дух войска с привлечением методов религиозного воспитания — вот главные составные части военной программы «Стратегикона».

Заслуживают анализа общие взгляды автора «Стратегикона» на проблему войны и мира, на идеологическую сущность современной ему военной политики империи.

Обращает на себя внимание отсутствие в «Стратегиконе» той резко отрицательной оценки войны, которая содержалась в сочинении его предшественника, анонимного автора VI в., характеризовавшего войну как «крайнее зло и воплощение всего дурного»³. Поскольку война может принести только тяготы и страдания, Аноним рекомендует всемерно и до последней возможности уклоняться от вступления в нее и всегда предпочитать мир, даже если он связан с ущербом для империи⁴. В военно-стратегической концепции Анонима явно преобладают защитные, оборонительные компоненты; он целиком поглощен разработкой рекомендаций в духе стратегии ответного удара. Причина именно такого подхода автора к решению указанных проблем кроется в общем характере внешнеполитической ситуации, в которой оказалась империя к концу царствования Юстиниана, когда она была вынуждена перейти к глухой обороне по всей линии границ. Господствующая идеология, маскируя истинное положение дел, взяла на вооружение концепцию неприятия войны, которая была призвана обосновать вынужденную, единственно возможную в тех обстоятельствах оборонительную доктрину. Что же касается самой этой концепции, то она отнюдь не является изобретением Анонима — ее истоки восходят еще к Платону⁵.

Взгляды Маврикия на рассматриваемую проблему лишены такой односторонности. Война и мир рассматриваются им как состояния, в равной степени заслуживающие право на существование. Такой подход в полной мере отражал диалектику внешнеполитического положения империи на рубеже VI–VII вв.: поражения византийского оружия в достаточной мере компенсировались его успехами, так что общий стратегический итог был близок к ничейному балансу. В господствующей идеологии не было перевеса ни за концепциями глухой обороны, ни за программами открытой экспансии; имело место обычное для Византии балансирование на грани войны и мира, которое впоследствии в «Тактике Льва» было определено как состояние, когда уже «не господствует мир, но война еще не проявилась с очевидностью»⁶. Диалектическая связь со-

³ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft, IV, 2 // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. 2. Theil: Die Taktiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855. P. 56 (далее — Anonymus).

⁴ Anonymus, VI, 5. P. 58–60.

⁵ «А ведь самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда...» (Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 90).

⁶ Leonis Imperatoris Tactica. XVII, 1 // PG. 1863. 107. Col. 913 B. Концепция перманентной войны также восходит к Платону, см.: Платон. Указ. соч. С. 86:

стояний войны и мира, сформулированная Платоном в виде сентенции: «Серьезные вопросы, связанные с войной, надо хорошенько упорядочить ради мира»⁷, была позднее трансформирована в военной теории в известный афоризм: «Хочешь мира — готовься к войне». Вероятно, через посредство Вегеция⁸ эта формула была воспринята и Мавриkiem: «Стратиг, который стремится к миру, должен быть готовым к войне»⁹.

В военной доктрине, исповедуемой Мавриkiem, нет отчетливого преобладания ни оборонительного, ни наступательного компонента. Исходя из характера внешнеполитической ситуации (в достаточной степени сбалансированной), официальная идеология ориентировала армию на возможность ведения как оборонительной, так и наступательной войны против любого противника, в различных условиях места и времени. В трактате прямо говорится о том, что война может вестись как на своей собственной, так и на вражеской земле¹⁰, а ромейское войско может либо победить, либо оказаться побежденным¹¹. При этом следует особо подчеркнуть, что такой универсальный подход отнюдь не наносил ущерба конкретности и целенаправленности военной подготовки. Высокий профессионализм автора, сочетание широкой общетеоретической подготовки с предметным знанием практики военного дела, большой опыт личного участия в боевых операциях позволили ему создать произведение, которое является одновременно и энциклопедией военных знаний, и практическим руководством, рассчитанным на непосредственную реализацию.

Изменившаяся во времена Маврикия социальная база византийской военной организации вызвала к жизни совершенно иные, чем прежде, способы ее комплектования, профессиональной подготовки, идеологического воспитания. Мы не будем сейчас заниматься детальным разбором отраженных в «Стратегиконе» методов профессионального обучения рядового и командного состава византийской армии — этих проблем мы неоднократно касались в предыдущих работах. Тематика настоящей статьи обязывает нас обратиться к анализу рекомендованных Мавриkiem приемов воздействия на морально-политическое сознание военнослужащих.

Естественно, что во времена Маврикия морально-политический фактор в армии формировался и мерами чисто дисциплинарного воздей-

«...то, что большинство людей называют миром, есть только имя; на деле же от природы существует вечная непримиримая война между государствами».

⁷ Платон. Указ. соч. С. 283.

⁸ Ренат Флавий Вегетий. Краткое изложение военного дела. III, введение // ВДИ. 1940. № 1. С. 256.

⁹ Das Strategikon des Maurikios. Einführung, Edition und Indices von G. T. Dennis. Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981. VIII, 2, 60. P. 290 (далее — Strat.).

¹⁰ Strat., V, 3. P. 210.

¹¹ Ibid., V, 2. P. 210.

ствия — без этого вообще немыслима военная организация любого народа в любой исторический период. Бросается в глаза та свойственная Маврикию обстоятельность, с которой он подошел к решению этой проблемы: он включил в свой трактат особый военно-дисциплинарный кодекс, вменив в обязанности командиров всех рангов ознакомление с ним своих подчиненных. Этот кодекс, составляющий содержание трех специальных глав 1-й книги «Стратегикона»¹², включал в себя уголовно-правовые нормы, регулирующие поведение военнослужащих на различных стадиях военной кампании. Прямых аналогий с предшествующей военно-исторической традицией установить невозможно, поскольку более ранние военные трактаты таких специальных разделов не содержали, хотя сами нормы были известны в армейской практике за много столетий до Маврикия. Гораздо нагляднее влияние военно-уголовных норм «Стратегикона» на последующую традицию¹³.

Насаждаемая в армии воинская дисциплина должна была воспитать в подчиненных беспрекословное подчинение своим командирам. Из предшествующих военно-теоретических руководств наиболее полную разработку данного сюжета мы встречаем в трактате Фронтин, римского автора конца I — начала II в. н. э. Вопрос о связи сочинений Фронтин и Маврикия в литературе не только не решен, но даже еще и не поставлен — это задача дальнейших специальных исследований. Но уже сейчас можно утверждать факт заметного влияния идей фронтиновских «Стратегем» на «Стратегикон» (возможно, через корректирующее посредство Вегетия).

Воспитанный в духе традиционных устоев римской армейской дисциплины, Маврикий очень болезненно воспринимает упадок этой дисциплины в современном ему войске. Вместе с тем он вполне отчетливо сознает, что происходящее на его глазах изменение «солдатского материала» требует более разнообразных методов воздействия на армию.

Маврикий глубоко понимает эффективность методов прямого физического воздействия на солдатскую массу в тех случаях, когда она выходит из предписанного ей состояния беспрекословной подчиненности. В историографии уже был отмечен факт исключительного внимания Маврикия к проблеме армейских мятежей и бунтов — оно является далеко не случайным. Конец VI — начало VII в. отмечены волнениями, потрясавшими вооруженные силы империи, в особенности дунайскую армию, обеспечивавшую защиту северо-западного фланга Византии против аваров и славян. Напомним, что первый толчок к движению, приведшему к свержению императора Маврикия, дало именно возмущение дунайской армии.

¹² Strat., I, 6–8. P. 92–100.

¹³ См. об этом: Кучма В. В. ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) (см. с. 243–258 настоящего издания).

Сосредоточенные в большом количестве в одном месте, пишет Маврикий, солдаты всегда находятся в состоянии повышенной возбудимости, даже если и не предстоит бой¹⁴. Единственное средство снять это возбуждение заключается в том, чтобы обеспечить максимальную занятость воинов постоянными воинскими упражнениями. Если предшествующие военные авторы (например, Онасандр) полагали, что праздность воинов имеет своим отрицательным последствием лишь дисквалификацию их в профессиональном отношении¹⁵, то Маврикий устанавливает прямую логическую связь между праздностью солдат и случаями их открытого неповиновения командованию. Любопытный ракурс проблемы мы встречаем в книге, посвященной обороне и осаде укрепленных пунктов. Маврикий рекомендует привлекать к обороне города местных жителей, преследуя при этом не столько цель увеличить число защитников, сколько пресечь заговоры и бунты среди гражданского населения осажденной крепости¹⁶.

Если все же бунт стал фактом, Маврикий рекомендует действовать весьма решительно, не останавливаясь перед самыми жестокими методами подавления бунтовщиков, в первую очередь — зачинщиков¹⁷. В отношении же остальных солдат следует проявить благоразумную осмотрительность, ибо одинаковость наказания может лишь усилить недовольство. Здесь важно соблюсти необходимое чувство меры: стратиг должен быть в той же степени строг при расследовании проступков воинов, в какой он снисходителен при наложении взысканий¹⁸. Маврикий в полной мере разделяет идею Фронтин о том, что в мирное время дисциплина воинов в большей мере обеспечивается взысканиями, тогда как в военное время их послушание питается в первую очередь доверием к командиру и надеждой на получение наград¹⁹. Однако он не склонен безоговорочно разделять идею Фронтин о том, что армия должна больше бояться «(своего) главнокомандующего, чем неприятеля»²⁰. Ему больше импонирует мысль, впервые сформулированная Онасандром²¹: излишний страх перед стратигом, вследствие его непомерной строгости, вселяет в войско ненависть, излишняя же снисходительность — презрение к нему²².

¹⁴ Strat., VIII, 2, 14–15. P. 280.

¹⁵ Aeneas Tacticus, Asciopiodotus, Onasander. L.; N. Y., 1923. IX, 2–3. P. 406–408; X, 1. P. 408 (далее — Onasander).

¹⁶ Strat., X, 3. P. 344.

¹⁷ Ibid., VIII, 1, 2–3. P. 268–270.

¹⁸ Ibid., VIII, 2, 96. P. 298.

¹⁹ Ibid., VIII, 2, 27. P. 282.

²⁰ Фронтин Секст Юлий. Стратегемы. IV, 1, 17 // ВДИ. 1946. № 1. С. 273.

²¹ Onasander, II, 2. P. 386.

²² Strat., VIII, 2, 35. P. 284.

У Маврикия мы встречаем рекомендации, которые было бы трудно, даже невозможно представить себе у Фронтинана. Речь идет об организации таких мероприятий, которые в современных армиях относятся к разряду политико-воспитательных. Маврикий указывает, что стратиг должен проявлять отеческую заботу о солдатах, чаще беседовать с ними, употребляя ласковые слова, доступные их пониманию²³. Ему не следует уклоняться от труда, он должен работать наряду с другими — вследствие этого солдаты будут охотнее подчиняться ему, стыдясь собственной неисполнительности²⁴. Заслуживает одобрения тот стратиг, который тратит мало времени на еду и сон, но отдает всего себя размышлениям и заботам о благе и безопасности своих подчиненных²⁵. В свободное от военных занятий время Маврикий рекомендует собирать воинов по отдельным подразделениям и проводить с ними беседы воодушевляющего характера, в ходе которых напоминать славные воинские традиции предков, внушать воинам уверенность в победе, обещать от имени главнокомандующего награды наиболее отличившимся²⁶.

Подобный подход Маврикия к идеологическому, морально-политическому воспитанию воинов объясняется изменившимся социальным составом армии. «Стратегикон» фиксирует начальную стадию процесса фактической национализации армии, вследствие чего претерпевала изменения и военная доктрина в той ее существенной части, которая касается принципов строительства вооруженных сил и подготовки их к ведению военных действий.

Материал «Стратегикона» дает основания для вывода о том, что на рубеже VI–VII вв. определенные перемены претерпевает официальная идеология в подходе к решению этнических проблем. Содержащиеся в трактате сведения на этот счет могут быть сгруппированы в три основных комплекса: 1) отношение к народам, являющимся действительными или потенциальными противниками империи; 2) отношение к военным союзникам, постоянным или временным; 3) взаимоотношения между различными этническими группировками, проживающими в империи и представленными в ее вооруженных силах.

Этнографическая информация «Стратегикона», сосредоточенная в основном в XI книге, уже была объектом специальных исследований²⁷.

Четыре главы XI книги посвящены характеристике военных обычаев персов, «скифов» (к ним Мавриkiem отнесены авары и другие «гуннские народы»), «рыжеволосых народов» (франков, лангобардов и им подобных), а также славян и антов. Логика авторских рассуждений не оставляет сомнений в том, что именно эти народы рассматривались официальной идеологией в качестве самых опасных военных соперников империи. В историографии остается дискуссионным лишь вопрос о том, какой из названных народов представлял наибольшую опасность — здесь мнения исследователей разделяются между славянами и персами.

Принципиально новым моментом, отличающим военно-политическую концепцию Маврикия от воззрения всех его предшественников, является признание им необходимости учиться у противника. Ушли в прошлое представления о том, что военное искусство является монополией ромеев, а другие народы лишены его полностью и потому их военный опыт не заслуживает никакого внимания. Характерно, что Маврикий описывает боевые обычаи других народов не с одной лишь целью выработать в собственной армии средства их нейтрализации в предвидении будущих столкновений. Его задачи рассчитаны на более длительную перспективу: он отбирает те элементы боевого опыта других народов, которые могут быть теоретически осмыслены и в дальнейшем использованы для усиления собственной армии. Следовательно, представляется возможным говорить даже не об одном, а по крайней мере сразу о двух аспектах анализа Мавриkiem современного ему этнографического материала — негативном, направленном на противодействие, и позитивном, имеющем целью активное восприятие.

Предшествующая историография рассматривала военно-этнографическую информацию «Стратегикона» исключительно в первом аспекте. Между тем в трактате неоднократно упоминания о том, что многие прогрессивные элементы вооружения и снаряжения, передовые тактические приемы византийцы заимствовали у варваров. Так, у авар заимствуются кавалерийские копья с ременной петлей посередине (для увеличения дальности полета копья)²⁸, специальные прикрытия для защиты шеи у лучников²⁹, общий покрой одежды для всадников³⁰, конструкция лагерных палаток³¹, элементы конского снаряжения³², двухлинейное (или даже трехли-

²³ Strat., VIII, 1, 3. P. 268.

²⁴ Ibid., VIII, 1, 1. P. 268.

²⁵ Ibid., VIII, 1, 4. P. 270.

²⁶ Ibid., VII A, 4. P. 232–234.

²⁷ См., напр.: Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971; Удальцова З. В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия // СВ. 1969. Вып. 32. С. 61–76; Она же. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 295–318; Кучма В. В. Славяне

как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов // Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978. С. 4–15.

²⁸ Strat., I, 2. P. 78.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. P. 82.

³² Ibid. P. 80.

нейное) построение боевого порядка³³. У нефталитов (одно из гуннских племен) рекомендуется заимствовать способ заманивания неприятеля в замаскированные рвы³⁴. Искусству стрельбы из лука следует обучаться у персов³⁵. По описанию Маврикия, тяжеловооруженная пехота вооружена герульскими мечами³⁶, одета в готские туники и обута в готские башмаки³⁷. Что же касается верхней одежды, то здесь использование болгарских накидок типа плаща признается нецелесообразным³⁸.

Маврикию хорошо известны специальные воинские упражнения, используемые в практике варварских народов: скифские, аланские, африканские, итальянские, иллирийские; их подробное описание составляет целую книгу трактата³⁹.

Таким образом, варварский мир в описании Маврикия — это уже не пассивный объект воздействия со стороны империи, — это комплекс, обладающий как относительной самостоятельностью, так и определенными внутренними ценностями, анализ которых может представить утилитарный интерес для военной организации ромеев. Признание (скорее всего, вынужденное) именно такого объективно сложившегося порядка вещей составляет существо нового подхода Маврикия к оценке военных соперников империи.

Еще со времен Платона официальная идеология разделяла военные конфликты на два основных вида — собственно войну (*πόλεμος*) и так называемый «раздор» (*στάσις*)⁴⁰. Под войной понималось вооруженное столкновение с каким-либо варварским народом; «раздором» именовались конфликты между греческими античными полисами. Естественно, что приемы ведения военных действий в названных двух случаях оказывались существенно различными: в войне признавались приемлемыми все способы, вплоть до самых вероломных; «раздор» предполагал более уважительное отношение к сопернику.

Разумеется, во времена Маврикия эти платоновские идеи не могли проявляться в чистом виде. Тем не менее в мировоззрении Маврикия укоренилось представление о том, что общий уровень цивилизации народа является главным критерием оценки его военной организации. Вместе с тем степень военной опасности данного народа для империи не ставится

Маврикием в прямую логическую зависимость от уровня его цивилизованности. Так, о персах вначале говорится в гораздо более уважительном тоне, чем о славянах: если последним свойственна анархия и полное отсутствие какого-либо боевого строя⁴¹, то персы «подчиняются архонтам» и ведут войну в соответствии с требованиями военного искусства⁴². Однако эти исходные установки претерпевают в дальнейшем изложении значительную метаморфозу. Маврикий так подробен в анализе военных приемов славян и скрупулезен в рекомендациях по их противодействию, что не остается никаких сомнений, что он признает этих «прозябающих в анархии» варваров ничуть не менее серьезными военными противниками, чем «цивилизованных» персов.

Установленные Платоном различия в приемах ведения войны и «раздора» Маврикию хорошо известны. Однако отсутствие практики таких конфликтов в современной действительности в их чистом виде привело Маврикия к причудливому смешению представлений о том, как следует и как не следует вести себя по отношению к врагу.

В тех случаях, когда военные соперники конкретно не персонифицированы, рекомендации Маврикия оказываются весьма противоречивыми, иногда диаметрально противоположными. Дело в конечном счете объясняется характером тех источников, которые положены Маврикием в основу того или иного раздела своего трактата. Как было показано нами ранее⁴³, VIII книга «Стратегикона» воспроизводит идеи, восходящие к сочинениям Онансандра и Вегеция. Общий тон повествования проникнут уважением к военному сопернику: обращено внимание на недопустимость заносчивого отношения, унижающего его достоинство, даже если вражеское войско меньше по численности⁴⁴. Победа над неприятелем не исключает обязанности внимательно выслушать и изучить его предложения об условиях мира⁴⁵. Настоятельно рекомендуется никогда не нарушать клятвы, данной неприятелю⁴⁶, твердо соблюдать все взятые на себя обязательства⁴⁷.

В других разделах трактата, находясь под влиянием других источников, Маврикий высказывает рекомендации, расходящиеся с идеями VIII книги, особенно в тех случаях, когда византийское войско потерпело поражение в предыдущем сражении. Пока нельзя провести повторное сра-

³³ Strat., II, 1. P. 110.

³⁴ Ibid., IV, 3. P. 196.

³⁵ Ibid., I, 1. P. 74–76.

³⁶ Ibid., XII B, 4. P. 420.

³⁷ Ibid., XII B, 1. P. 418.

³⁸ Ibid. P. 420.

³⁹ Ibid., VI, 1–4. P. 218–222.

⁴⁰ См.: Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 91; Т. 3. Ч. 1. С. 271.

⁴¹ Strat., XI, 4. P. 374.

⁴² Ibid., XI, 1. P. 354.

⁴³ См.: Кучма В. В. «Стратегикос» Онансандра...

⁴⁴ Strat., VIII, 1, 33. P. 276.

⁴⁵ Ibid., VIII, 2, 52 P. 288.

⁴⁶ Ibid., VIII, 1, 37. P. 276.

⁴⁷ Ibid., VIII, 2, 36. P. 284.

жение и переломить неблагоприятный ход событий, он советует всячески выигрывать время, тщательно соблюдать договоренности, достигнутые с неприятелем, предварительно обменявшись заложниками или клятвами⁴⁸. При этом вовсе необязательно доводить до сведения рядовых воинов точное содержание условий договора: командование вправе интерпретировать его по своему усмотрению, преувеличивая тяжесть диктуемых противником условий. Тем самым можно добиться более тесного сплочения войска вокруг своего командования, возбудить в нем стремление скорее преодолеть состояние деморализации и добиться победы в повторном сражении⁴⁹. Если же положение ромейского войска прочное и переговоры начаты по предложению его командования, следует взять инициативу в свои руки, поставив дипломатию на службу военным интересам. В ходе переговоров нужно усыпить бдительность вражеских послов лживыми речами, а когда они отбудут, тайно последовать за ними и атаковать неприятеля, не ожидающего нападения⁵⁰. Можно поступить иначе: направить к врагам собственных послов, которые должны дезориентировать их миролюбивыми предложениями, а затем, улучив момент, совершить нападение, когда переговоры еще продолжаются⁵¹. Характерно, что две последние рекомендации содержатся в IX книге, посвященной характеристике неожиданных («нечаянных») нападений, — книге, являющейся одной из самых самостоятельных в трактате. Отдавая дань предшествующей традиции, Маврикий хорошо знал и армейскую практику. Он являлся современником напряженной, отчаянной борьбы византийского и варварского миров, войны на смерть, когда все средства ее ведения признавались одинаково приемлемыми. В описании Маврикия собственно военные действия и дипломатические средства являлись единым комплексом мер, обеспечивавшим победу над противником, и цена этой победы складывалась из предательства и вероломства⁵² так же естественно, как и из искусства командиров, храбрости солдат и божественного благоволения.

⁴⁸ Strat., VII B, 11. P. 252.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid., IX, 1. P. 304.

⁵¹ Ibid., IX, 1. P. 304.

⁵² Примером подобных действий является рекомендация Маврикия по поводу захваченных у неприятеля пленных: связанных, их следует выставить с той стороны походной колонны, откуда ожидается неприятельское нападение; пользуясь ими как живым прикрытием, можно вести стрельбу по противнику, не подвергаясь риску ответного обстрела. Если ромейское войско окажется в критическом положении, его безопасность может быть куплена у неприятеля ценою освобождения пленных. Если же враг откажется от таких условий, пленные должны быть уничтожены на виду у вражеского войска (Strat., IX, 4. P. 324–326).

В процессе планирования военной кампании стратигу приходилось решать вопрос о союзниках. О них в трактате Маврикия говорится более подробно, чем в других, более ранних военных руководствах. По отношению к союзникам Маврикий рекомендует проявлять разумную осторожность: не следует снабжать их оружием, пока нет убежденности в их безусловной лояльности⁵³. Формируя армию, не нужно допускать, чтобы численность войск союзников превышала собственно ромейские формирования, — в противном случае существует опасность заговора и военного мятежа. Такая опасность будет меньшей, если союзники будут состоять из различных этнических групп: в этом случае им будет труднее предпринять какое-либо злодеяние⁵⁴. В ходе военной кампании подразделения союзников должны совершать передвижения отдельно от ромейских войск; их лагерные стоянки также должны быть обособлены. Маврикий рекомендует скрывать от союзников собственные способы построения, приемы и методы ведения войны, поскольку не исключено, что в будущем нынешние союзники могут оказаться врагами⁵⁵. Вместе с тем стратиг должен демонстрировать союзникам свое полное расположение: к ним нужно относиться так же справедливо, как и к собственным воинам, и поощрять их хорошую службу подарками и вознаграждениями⁵⁶.

Можно прийти к заключению, что во времена Маврикия проблема союзников занимала весьма важное место в армейской практике — это зависело от характера внешнеполитической ситуации. Противопоставленная всему варварскому миру, империя была вынуждена вести сложную дипломатическую игру. Своих союзников в борьбе с варварами Византия искала и находила среди самих варваров. Варварский мир тоже не был единым: он раздирался глубокими внутренними противоречиями. Состояние войны и мира менялось с калейдоскопической быстротой: вчерашние друзья Византии становились ее смертельными врагами, бывшие враги ее мирились с нею перед лицом новых соперников. Иногда союзническая помощь могла решить судьбу военной кампании: Маврикий упоминает ситуацию, когда ромейское войско оказалось разбитым и стратиг оттягивал момент повторного сражения, рассчитывая на прибытие подкреплений со стороны союзников⁵⁷. Но в общей военно-стратегической концепции византийцев на рубеже VI–VII вв. союзники занимали второстепенное место: опыт учил, что на них нельзя было полагаться всерьез. Поэтому становится понятной та настороженность, которой окрашены

⁵³ Strat., VIII, 1, 31. P. 274.

⁵⁴ Ibid., VIII, 2, 17. P. 280.

⁵⁵ Ibid., VIII, 2, 80. P. 294.

⁵⁶ Ibid., VIII, 2, 50. P. 288.

⁵⁷ Ibid., VII B, 11. P. 252.

все рекомендации Маврикия по поводу взаимоотношений ромеев с союзниками.

Крайне неоднородным в этническом плане являлось во времена Маврикия и собственно византийское войско: это объективно отражало многонациональный состав населения империи. В трактате неоднократно упоминаются случаи, когда в армии оказываются представители того народа, с которым империя в данный момент ведет войну. Еще накануне сражения одноплеменников неприятеля следует под благовидным предлогом переправить в другое место, чтобы пресечь возможность их измены⁵⁸. Иноплеменники, которым дозволяется участвовать в сражении (в одном из эпизодов прямо названы иллирийцы⁵⁹), должны располагаться строем, свойственным им по обычаю.

В качестве одного из средств консолидации разноплеменных элементов в составе вооруженных сил официальная идеология рассматривала единое средство управления войсками — латинский язык. Латинскими терминами обозначались все военные должности и армейские службы, все элементы вооружения и снаряжения, все составные части боевого порядка, вся армейская символика и атрибутика. На латинском языке отдавались все приказы и распоряжения, формулировалась диспозиция марша, лагерной стоянки, полевого сражения. Одним словом, латинская терминология определяла всю повседневную жизнь византийского войска на любом этапе армейской службы — как в мирное, так и в военное время.

Во времена Маврикия указанное средство консолидации армии уже в значительной мере исчерпало свои возможности. «Стратегикон» представляет собою важнейший рубеж в процессе перехода от латинского языка к греческому как официальному языку империи. И главная причина этого перехода кроется опять-таки в изменяющейся социальной базе военной организации, в привлечении к военной службе широких слоев населения, среди которых греческий язык служил средством общения еще с IV в. Проникновение греческого языка в армейскую практику зафиксировано и в самом «Стратегиконе». Так, в трактате подчеркнуто, что мандаторы, передающие распоряжения командования непосредственно войскам, кроме латинского, должны владеть и греческим языком⁶⁰. Еще существеннее другое указание Маврикия: текст военно-дисциплинарного кодекса, знание которого вменено в обязанность каждого военнослужащего, должен быть оглашен как на латинском, так и на греческом языке⁶¹. Окончатель-

ная легализация греческого языка в сфере государственного управления (а, следовательно, и в армии) произошла, как известно, при Ираклии, т. е. в период, ближайший ко времени создания «Стратегикона»⁶².

Другим мощным фактором консолидации вооруженных сил, который, напротив, при Маврикии только набирал силу, являлась христианская религия. Если «Византийский Аноним VI в.», предшествующий «Стратегикону» приблизительно на полустолетие, практически нейтрален к вопросам религии, то в трактате Маврикия религиозному воспитанию воинов уделяется первостепенное значение. Последующая военно-теоретическая традиция находится в этом отношении под сильным влиянием «Стратегикона»⁶³.

Заключая анализ доктринальных воззрений автора «Стратегикона», обратим внимание на некоторые новые черты в трактовке им конечной цели военной кампании. В греко-римской военной традиции сложилось представление о том, что эта цель может состоять либо в захвате определенной территории, либо в овладении военной добычей и пленными; в свою очередь эти результаты достигаются нанесением поражения живой силе противника. Именно в отношении последнего пункта концепция Маврикия имеет заметные отличия от взглядов его предшественников по жанру.

Еще со времен Фронтин в античной военной науке была сформулирована так называемая теория «золотого моста» для разбитого неприятеля. Ее суть заключается в том, что разгромленного в сражении врага не следует лишать возможности для спасения бегством, — напротив, нужно создать ему для этого все условия. Логика рассуждений здесь была предельно проста: если запереть неприятеля со всех сторон и лишить его всякой надежды на отступление, это может сплотить его перед лицом смертельной опасности, а в состоянии отчаянного безрассудства он может проявить массовый героизм и самопожертвование. Напротив, если остается хоть малейшая возможность спасения жизни, то присущий людям эгоизм сыграет свою разлагающую роль, вызовет разобщение среди неприятелей, и в этих условиях откроется возможность нанести им еще больший урон ценою меньших затрат собственных сил. Следовательно,

⁶² Лингвистические проблемы «Стратегикона» рассматривались в работах: Zilliaceus H. Zum Kampf der Welt Sprachen in Oströmischen Reich. Helsingfors, 1935; Reichenkron G. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern // BZ. 1961. 54; Mihăescu H. Les éléments latins des «Tactica-strategica» de Maurice — Urbicius et leur écho en neo-grec // RESEE. 1968. 6; 1969. 7; Idem. Les termes de commandement militaires latins dans le Strategicon de Maurice // Revue de linguistique. 1969. C. 14.

⁶³ Подробнее об этом см.: Кучма В. В. Византийские военные трактаты...

⁵⁸ Strat., VII A, 6. P. 234; VII A, 15. P. 242; VII B, 16. P. 262.

⁵⁹ Ibid., II, 6. P. 124.

⁶⁰ Ibid., XII B, 7. P. 424.

⁶¹ Ibid., I, 8. P. 98.

идея «золотого моста», при всей ее внешней гуманности, была целиком основана на жестокости и вероломстве.

Принципы этой теории Маврикию хорошо известны, и ряд его указаний полностью лежит в их русле. Взяв многолюдный город, нужно приказывать немедленно отворить все ворота, предоставив большей части жителей возможность свободно уйти, а не приводить их в ожесточение от отчаяния; так же следует поступить и при взятии неприятельского лагеря⁶⁴. При совершении ночного нападения рекомендуется атаковать противника с двух или с трех сторон, смотря по условиям местности, но ни в коем случае не со всех четырех, чтобы противник не только не сплотился, а, напротив, рассеялся, получив возможность для бегства⁶⁵.

Важно подчеркнуть, что в указанных случаях речь идет о частной операции, об отдельных военных эпизодах. Когда же дело касается генерального сражения, решающего судьбу всей военной кампании, Маврикий формулирует идеи, существенно противоречащие теории «золотого моста». При благоприятном исходе сражения, указывает он, не следует довольствоваться только отбрасыванием врага. В корне неправы те, которые руководствуются правилом: «побеждай, но не до конца» (*vika kai mē hyperika*), — нужно преследовать неприятеля до его окончательного уничтожения. Если он заперся в укрепленном пункте, нужно взять эту крепость штурмом или измором и завершить кампанию либо полным разгромом врага, либо продиктованным ему мирным договором, максимально благоприятным для империи. Ведь и на охоте, прибегает Маврикий к образному сравнению, то, что не доведено до конца, равносильно несделанному⁶⁶.

Отмеченные моменты чрезвычайно характерны для общей оценки доктринальных воззрений автора «Стратегикона». С точки зрения прочности и жизнеспособности социальной базы военная организация, обрисованная в трактате, не имела себе равных во всей истории империи, и это ее состояние вполне отчетливо осознавалось господствующей идеологией. Военная доктрина, отраженная в «Стратегиконе», не только определила более прогрессивные принципы военного строительства, но и сформулировала те новые, более кардинальные требования, которые она имела основание выдвинуть перед военной организацией империи.

Раздел II

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННО-НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

⁶⁴ Strat., VIII, 1, 25. P. 274.

⁶⁵ Ibid., IX, 2. P. 210.

⁶⁶ Ibid., VII B, 12. P. 254.

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМАХ ТРАКТАТА СЕКСТА ЮЛИЯ ФРОНТИНА «СТРАТЕГЕМЫ»*

Творчество Секста Юлия Фронтина, известного римского военачальника и государственного деятеля второй половины I в., оказало значительное воздействие на развитие военно-теоретической мысли античности и средневековья.

О личности и жизненном пути Фронтина нам известно больше, чем о многих его коллегах, писавших о военных сюжетах. Родился он около 35 г. Как свидетельствует Тацит¹, в 70 г. Фронтин исполнял обязанности *praetor urbanus*; после него эту должность занял Домициан, будущий император. В 73 г. Фронтин был впервые избран консулом. Вероятно, в этом же году он был назначен наместником в Британию. Хотя со времени завоевания Британии римлянами прошло уже три десятилетия, обстановка в провинции оставалась беспокойной. Фронтин руководил здесь военной кампанией против воинственного племени силуров, преодолев при этом «не только храброго врага, но и тяжелую местность»². В начале правления Домициана (около 83 г.) Фронтин сопровождал его в походе против хаттов. Около 90 г. он был наместником в провинции Азии, а затем временно отошел от государственной службы. С воцарением Нервы Фронтин занял одну из важнейших магистратур в Риме — *curator aquarum*, в ведении которой находилось водоснабжение столицы. В 98 г. он был вторично облечен достоинством консула (вместе с Траяном), а в 100 г. стал консулом в третий раз. По сообщению Плиния Младшего, с которым Фронтин состоял в дружбе, он был избран также в коллегию авгуров. Точная дата смерти Фронтина неизвестна. М. Йенс полагал, что Фронтин умер при

* Статья впервые опубликована в: ВДИ. 1984. № 4.

¹ Тацит. История, IV, 39 // Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Л., 1969. С. 160.

² Тацит. Жизнеописание Агриколы, 17, 2. Там же. Т. I. С. 336.

Адриане³, Р. Ферстер считал, что после 104 г.⁴, А. Дэн — в 103 г.⁵ Это последнее мнение считается предпочтительным⁶.

Современники высоко оценивали деловые и личные качества Фронтин, отмечая благородство его характера, большие способности, разностороннюю образованность. Эти весьма лестные оценки встречаются даже у такого скупого на похвалы писателя, как Тацит. Относясь к своей государственной службе с исключительной добросовестностью, Фронтин стремился не ограничиваться административной деятельностью, а старался лично вникать во все детали своей магистратуры не только с позиций практика, но и исследователя-теоретика.

Самым ранним сочинением Фронтин был его трактат о межевании полей — первое дошедшее до нас произведение римской литературы по данной тематике. Трактат сохранился в виде нескольких фрагментов⁷; время его создания — период царствования Домициана⁸. Заведая водоснабжением города Рима, Фронтин написал большое сочинение о римских водопроводах⁹, в котором дано описание акведуков, указана мощность каждого из них, а также содержатся рекомендации по наиболее рациональному их использованию. Попутно автор отмечает и свое собственное участие в благоустройстве Рима. Обычно весьма скромный в оценке собственных заслуг, в данном случае Фронтин отступает от своих принципов. Оценивая римские акведуки с инженерно-технической и утилитарной точек зрения, Фронтин ставит их гораздо выше «бесполезных египетских пирамид и непрактичных, хотя и высоко восхваляемых построек греков»¹⁰.

Что касается военно-теоретического наследия Фронтин, то оно было, вероятно, довольно обширным. По крайней мере, из его собственных слов совершенно определенно следует, что дошедший до нас трактат «Стратегемы» не был его единственным трудом в данной области¹¹. У Элиана (I, 2)

³ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaft. I. Abteilung. München und Leipzig, 1889. S. 86.

⁴ Förster R. Studien zu den griechischen Taktikern // Hermes. 1877. 12. S. 447.

⁵ Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien des origines à la fin du Moyen Age. P., 1946. P. 18; Idem. Les stratèges byzantins // TM. 1967. 2. P. 334.

⁶ Frontin. Kriegslisten. Lateinisch und Deutsch von G. Bendz. B., 1963. S. 2 (далее — Kriegslisten).

⁷ Ibid. S. 2.

⁸ Ibid.

⁹ Новейшее издание: Frontinus Sextus Julius. De aquaeductu urbis Romae // Ed. G. Kunderewicz. Leipzig, 1973.

¹⁰ Ibid. Cap. 16.

¹¹ Пользуемся изданием: Juli Frontini Strategematon libri quattuor, I, praef. Ed. G. Gundermann. Lipsiae: Teubner, 1888. P. 1 (далее — Frontin).

имеется краткое упоминание о том, что Фронтин написал сочинение «о тактике по Гомеру»¹². Ничего определенного сказать об этом сочинении невозможно, поскольку, кроме Элиана, его не упоминает никто. Также очень скудны наши сведения о другом труде Фронтин — *Rei militaris scientia* (или *De scientia militari*)¹³. Предполагается, что именно это свое сочинение имеет в виду Фронтин, когда во введении к I книге «Стратегем» он говорит о своих собственных «достаточных успехах» в области военно-теоретических исследований¹⁴.

Тот факт, что Фронтин отнюдь не преувеличивал своих заслуг, подтверждается Вегецием, который подчеркивает¹⁵, что исследования Фронтин стоят в одном ряду с произведениями Катона-цензора, Корнелия Цельза, Патерна, с военно-теоретическими принципами императоров Августа, Траяна и Адриана. В другом месте трактата Вегеция¹⁶ мы читаем: «Знаменитый Катон Старший, который и как воин был непобедим в бою, и как консул часто водил в бой войска, решил, что он еще больше окажет пользу государству, если напишет книгу о военном искусстве. Ибо храбрые деяния живут в памяти в течение одного только поколения; то же, что пишется для пользы государства, вечно. То же сделали и многие другие, особенно Фронтин, заслуживший одобрение за такую деятельность у божественного Траяна». Исходя из приведенных сведений о несохранившемся исследовании Фронтин, можно предполагать, что оно было задумано как практическое наставление для военачальников и в качестве такового соединяло в себе изложение важнейших теоретических основ военной науки с обобщением современного Фронтину римского опыта.

Единственное сохранившееся сочинение Фронтин — так называемые «Стратегемы»¹⁷ — представляет собою своеобразный комментарий, собрание военно-исторических иллюстраций к предыдущему (утраченному) трактату. Время создания «Стратегем» — период царствования Домициана (81–96 гг.). В литературе высказаны мнения и о более узкой датировке трактата. Г. Бендц¹⁸ считал, что сочинение не могло быть начато ранее 84 г., так как уже в первой книге упомянут эпизод похода 83 г.

¹² См. об этом: Förster R. Op. cit. S. 446 f.

¹³ См. о нем: Jähns M. Op. cit. S. 86; Dain A. Histoire du texte d'Elie... P. 18.

¹⁴ Frontin, I, Praef. P. 1.

¹⁵ Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела [Пер. С. П. Кондратьева] I, 8 // ВДИ. 1940. № 1. С. 237 (далее — Вегетий).

¹⁶ Вегетий, II, 3. С. 246.

¹⁷ Наиболее полная сводка изданий и переводов трактата, а также библиографии к нему — в новейшем издании Г. Бендца (см. примеч. 6). Не учтен, однако, русский перевод: Юлий Фронтин. Стратегемы // ВДИ. 1946. № 1.

¹⁸ Kriegslisten. S. 3.

под командованием Домициана против хаттов, в котором Фронтин сопровождал императора. В качестве *terminus post quem* создания трактата Г. Гундерман назвал 88 г. К его мнению присоединяется и Г. Бенди¹⁹. В эти сроки могла быть написана основная часть трактата, скорее всего первые три книги. Что касается четвертой книги, то работа над ней продолжалась и в последующие годы.

При анализе трактата Фронтин встает вопрос о его источниках. Уже упоминалось о замечании Элиана относительно занятий Фронтин греческой военной тактикой гомеровской эпохи. Из сообщения самого Фронтин следует, что при написании «Стратегем» он пользовался литературой «на обоих языках»²⁰. Он черпает материал из произведений как римских авторов (Тит Ливий²¹, Юлий Цезарь, Саллюстий, Валерий Максим), так и греческих (Плутарх, Фукидид, Ксенофонт, Геродот, Полибий) и касается сюжетов из истории не только Греции и Рима, но и Персии, Македонии, Карфагена, Скифии, Парфии, Египта, Понтийского царства, Галлии и др. Всего приведено свыше 400 примеров военной деятельности полководцев различных времен и народов (Алкивиад, Мильтиад, Фемистокл, Ификрат, Эпаминонд, Клеомен, Агесилай, Перикл, Ксенофонт, Пелопид, Ксеркс, Дарий, Кир, Крез, Филипп Македонский, Александр Македонский, Лисимах, Митридат, Ганнибал, Газдубал, Пирр, скифская царица Тамирис, Катон, Сципион, Метелл, Марий, Сулла, Цезарь, Антоний, Помпей, Красс и др.). Фронтин упоминает о трех хитростях Спартака²², называя его имя в трактате еще дважды²³.

В литературе уже было обращено внимание²⁴ на сравнительно малое число примеров, приводимых Фронтином из опыта современных ему военачальников, хотя его сознательная жизнь и политическая деятельность пришлось на время царствования по крайней мере пяти императоров (Веспасиан, Тит, Домициан, Нерва, Траян). Имеются лишь две ссылки на Веспасиана²⁵ и пять — на Домициана²⁶. Очевидно, Фронтин отдал дань укоренявшейся в военной науке традиции превозносить значимость военной практики древних за счет умаления значимости современного боевого опыта — традиции, которая стала преобладающей в сочинениях позднейших писателей, особенно византийских.

¹⁹ Kriegslisten. S. 4.

²⁰ Frontin, I, Praef. P. 2, 16.

²¹ Его имя в «Стратегемах» упомянуто дважды: Frontin, II, 5, 31. P. 68; II, 5, 34. P. 69.

²² Frontin, I, 5, 20–22. P. 21.

²³ Ibid., I, 7, 6. P. 25; II, 5, 34. P. 68.

²⁴ Jähns M. Op. cit. S. 87.

²⁵ Frontin, II, 1, 17. P. 42; IV, 6, 4. P. 134.

²⁶ Ibid., I, 1, 8. P. 6; I, 3, 10. P. 11; II, 3, 23. P. 53; II, 11, 7. P. 84; IV, 3, 14. P. 127.

Из введения к I книге «Стратегем» следует, что Фронтин не был склонен преувеличивать как оригинальность замысла, так и ценность своего труда; по его словам, он лишь один из многих, интересующихся знанием военного дела²⁷. Его цель — упорядочение и систематизация накопленного к тому времени громадного иллюстративного материала. Фронтин прекрасно сознает, что возможны пробелы и упущения, неизбежные при таком обилии материала и его обработке, и потому он заранее просит снисхождения у читателя. Адресуясь непосредственно к военачальникам, прежде всего теоретикам и практикам римской армии, Фронтин призывает их к продолжению и дополнению его сочинения: он намерен рассматривать это как помощь, а не как проявление критики — общая польза для него выше личной амбиции²⁸. Читателю, не знакомому с греческим языком, Фронтин объясняет название своего произведения. Заметим, что в отличие от большинства военно-теоретических сочинений античности и средневековья, имеющих условные, неавторские наименования, данные их позднейшими интерпретаторами и исследователями, название трактата Фронтин является скорее всего авторским. Термином «стратегемы», указывает Фронтин, обозначаются в греческом языке «искусные деяния полководцев»²⁹, которые направлены на ослабление противника и достижение превосходства над ним. В более узком смысле — это военные хитрости, полезные и при оборонительном, и при наступательном способах военных действий.

Автором обоснована и структура его трактата³⁰. Первая книга посвящена действиям полководца, которые должны быть осуществлены еще до начала военного столкновения. Во второй речь идет непосредственно о сражении и его ближайших последствиях. Третья касается осады и обороны крепостей. В главах книг сгруппированы родственные сюжеты. Каждый параграф главы, как правило, начинается с имени полководца, осуществившего ту или иную стратегему. Содержание параграфа в большинстве случаев укладывается в одну-две фразы. Такой способ изложения материала облегчает поиск нужного места в трактате, ибо, по мысли Фронтин, полководцы, будучи всегда занятыми, нуждаются в быстрой помощи³¹.

Как уже отмечалось выше, в авторском введении к трактату упомянуты три книги. Однако рукописная традиция определяет состав фронтиновских «Стратегем» не тремя, а четырьмя книгами³². Вопрос о принад-

²⁷ Frontin, I, Praef. P. 1.

²⁸ Ibid., I, Praef. P. 1.

²⁹ Ibid., I, Praef. P. 2.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid., I, Praef. P. 1.

³² Подробнее о рукописной традиции см.: Kriegslisten. S. 11–13.

лежности Фронтину четвертой книги «Стратегем» является дискуссионным. В 1860 г. К. Вахсмут высказал мнение о том, что эта книга является позднейшим (неавторским) добавлением к трем подлинным книгам Фронтин. Эта точка зрения нашла поддержку Э. Вельфлина, Г. Гундермана и М. Йенса; последний определил время его написания IV или V в.³³ Существовала и противоположная точка зрения, представленная Е. Фритце, Р. Эстерно, Ф. Кортцем, Э. Коннор³⁴. Эти авторы отстаивали мнение о подлинности IV книги. Все аргументы за и против были тщательно проанализированы Г. Бендцем³⁵. К этому же вопросу он возвратился еще раз в издании 1963 г.³⁶ Г. Бендц решительно отстаивает мнение о принадлежности Фронтину всех четырех книг «Стратегем». На возможность именно такого решения вопроса указывал и А. Дэн³⁷. Автору русского перевода «Стратегем» А. Б. Рановичу больше импонировало мнение Г. Гундермана³⁸.

Мы полагаем, что вопрос о IV книге «Стратегем» может быть решен в пользу ее принадлежности Фронтину. Для этого имеются и формальные и фактические основания. Действительно, во введении к I книге Фронтин обещает изложить систематизированный им материал *in tres libros*³⁹. Однако уже здесь он дает понять, что располагает и некоторым дополнительным материалом, причем последний не охватывается понятием «стратегемы», но относится скорее к той сфере полководческой деятельности, которую греки именовали «стратегией»⁴⁰. Введение к IV книге развивает эту мысль. Обращаясь к читателю (в IV книге, как и во всех трех предыдущих, это предисловие написано от первого лица), Фронтин указывает, что он выполнил свое обещание относительно трех книг военных хитростей, систематизированных в соответствии со стадиями военной кампании. В четвертую книгу он намерен включить «остатки» (*residua*), сведения преимущественно стратегического характера, не укладывающиеся в план трех первых книг, хотя и имеющие связь с предыдущим изложением. Тем самым Фронтин намерен избежать возможных обвинений в упущениях по забывчивости⁴¹.

³³ Jähns M. Op. cit. S. 88.

³⁴ См. об их работах: Kriegslisten. S. 14.

³⁵ Bendz G. Die Echtheitsfrage des vierten Buches der frontinschen Strategemata. Lund, 1938.

³⁶ Kriegslisten. S. 4 ff.

³⁷ Dain A. Histoire du texte d'Elie... P. 18.

³⁸ См.: ВДИ. 1946. № 1. С. 220.

³⁹ Frontin, I, Praef. P. 2.

⁴⁰ Ibid., I, Praef. P. 2–3.

⁴¹ Ibid., IV, Praef. P. 115.

Те ученые, которые объявляли IV книгу более поздней подделкой, считали, что заключительные фразы введения к I книге, где раскрывается разница между понятиями «стратегема» и «стратегия», также не принадлежат Фронтину, но являются вставкой позднейших интерполяторов. Действительно, можно согласиться с тем, что вся IV книга и отмеченный фрагмент введения к I книге написаны позднее, чем остальная, большая часть трактата. Представляется, однако, что автором этих обеих (хотя и разновременных) частей должно быть признано одно и то же лицо, именно Фронтин.

В литературе уже обращалось внимание на один пассаж IV книги⁴², где излагается эпизод похода римских войск под командованием Домициана против мятежника Юлия Цивилиса, искавшего поддержки у племени лингонов. В ходе этой кампании римляне осадили богатый город, жители которого опасались быть подвергнутыми грабежу и насилию. «Но, — говорится далее в отрывке, — когда сверх ожидания он (город) остался нетронутым и ничего не потерял из своего имущества, склонившись к послушанию, он передал мне 70 тысяч вооруженных (воинов)» (...quod contra expectationem inviolata nihil ex rebus suis amiserat, ad obsequium redacta septuaginta milia armatorum tradidit mihi). Мы оставляем сейчас в стороне рассмотрение упомянутого здесь события. Нас интересует лишь один-единственный штрих — упоминание в этом тексте слова «мне» (*mihi*), которое дает основания считать, что вооруженные воины были переданы автору данного сообщения. Мы не располагаем данными об участии Фронтин в походе Домициана в Галлию в 70 г., но у нас нет оснований и отрицать возможность такого участия. И Фронтин и Домициан сотрудничали друг с другом на поприще государственной службы задолго до воцарения Домициана. Выше уже приводилось сообщение Тацита, что именно Домициану передал Фронтин свои функции городского претора, и это произошло скорее всего как раз в 70 г., после чего Фронтин мог быть привлечен к подавлению мятежа Юлия Цивилиса.

Как уже отмечалось, имя Домициана упомянуто в трактате еще четыре раза — дважды в первой книге и дважды во второй. Все эти четыре сюжета относятся к событиям одной и той же экспедиции против хаттов, и все они датируются 83 г. По своему общему звучанию, по хронологическому соотношению двух элементов (анализируемая ситуация — автор, ее современник) описание событий 83 г. не отличается от трактовки эпизода 70 г., поэтому отрывок 3, 14 в спорной IV книге никак нельзя признать позднейшей интерполяцией. Скорее всего все пять пассажей с упоминанием Домициана написаны одним и тем же лицом. И если автором четырех из них, находящихся в двух первых главах трактата, бес-

⁴² Frontin, IV, 3, 14. P. 127.

спорно признается Фронтин, то, несомненно, и пятое свидетельство принадлежит также ему.

Разумеется, от признания подлинности одного из пассажей IV книги до вывода о подлинности всей этой книги еще очень далеко. Уже отмечалось, что «Стратегемы» представляют собой, по всей видимости, сборник военно-исторических иллюстраций к более раннему, не сохранившемуся сочинению этого автора, которое в свою очередь послужило одним из источников трактата Вегеция. Вследствие этого открывается возможность установить соответствие между различными частями «Стратегем» Фронтин. Г. Бендц⁴³ обратил внимание на то, что одна из глав (III, 21) трактата Вегеция имеет такое наименование: «Следует дать неприятелям путь для отступления, чтобы легче уничтожить бегущих» (*Viam abscedendi hostibus dandam, ut deleantur facilius fugientes*), а в самом тексте данного пассажа идут слова: *clausis ex desperatione crescit audacia* («у запертого неприятеля вследствие отчаяния возрастает смелость»). Заглавие шестой главы II книги «Стратегем» выглядит следующим образом: *De emittendo hoste, ne clausus proelium ex desperatione redintegret* («Как выпустить неприятеля, чтобы он, будучи запертым, вследствие отчаяния не возобновил бы борьбу»). Этот же сюжет освещен в IV книге «Стратегем», где в отрывке IV, 7, 16 читаем: *Scipio Africanus dicere solitum est hosti non solum dandam esse viam ad fugiendum, sed etiam muniendam* («Сципион Африканский имел обыкновение говорить, что неприятелю дорогу для бегства следует не только предоставить, но даже еще и укрепить»). Как видим, наименование главы III, 21 трактата Вегеция как по смысловому содержанию, так и по словесной форме созвучно названию главы II, 6 и информации отрывка IV, 7, 16 «Стратегем». Этот элемент связи между II и IV книгами «Стратегем» не может быть случайным и указывает на принадлежность Фронтину также IV книги.

Вопрос о повторениях (дублетах) в трактате Фронтин заслуживает специального рассмотрения, поскольку он является составной частью вопроса о подлинности или неподлинности IV книги. Обратим внимание на случаи текстуальных повторений; их восемь: I, 1, 11 = I, 5, 13; I, 5, 12 = IV, 5, 8; I, 5, 14 = IV, 5, 9; I, 5, 15 = IV, 5, 10; I, 10, 1 = IV, 7, 6; I, 11, 3 = IV, 5, 11; II, 4, 15 = IV, 7, 40; II, 4, 16 = IV, 7, 41. Как очевидно, большинство текстуальных дублетов содержится именно в IV книге (хотя есть и один случай дублирования в I книге). Можно было бы думать, что IV книга концентрирует в себе наибольшее количество интерполяций из предшествующих книг. Однако это не так, если посмотреть на общее число повторяющихся в трактате мест, включая дублеты не только текстового характера, но и смыслового. Исходя из перечня повторяющихся в тракта-

те мест, приложенного к русскому переводу «Стратегем»⁴⁴, распределение дублетов по книгам выглядит следующим образом:

Повторяющиеся места из:	Встречаются в:				Всего:
	I кн.	II кн.	III кн.	IV кн.	
I книги	4	4	1	5	14
II книги	4	4	1	5	14
III книги	1	1	1	1	4
IV книги	5	5	1	—	11
Всего	14	14	4	11	43

Подсчет показывает, что наибольшее количество дублетов содержится в тех книгах трактата, принадлежность которых Фронтину никем не оспаривается. Г. Гундерман объяснял эти дублеты результатом позднейших интерполяций. Однако это предположение имеет совершенно умозрительный характер. Нет ни малейших оснований предполагать, что встречающиеся в трех первых книгах текстовые и смысловые дублеты не принадлежат самому Фронтину. По всей вероятности, он прибегал к ним тогда, когда ему нужно было более полно обосновать то или иное положение военной теории. Иллюстративная направленность «Стратегем» предполагала, что их автор мог прибегать к использованию того же самого примера в двух или нескольких случаях, тем более что сама военная практика знала случаи подобной повторяемости.

Обратим внимание еще на одну особенность построения трактата, свойственную IV книге в такой же степени, как и трем первым. Имеется значительное число параграфов, которые не несут самостоятельной информации, но являются лишь дополнением к предыдущим⁴⁵. Приведем наиболее типичные примеры (по одному из каждой книги).

Книга I.

I, 7, 3: Когда карфагенские предводители строили флот, они, не имея материала для канатов, использовали для этого остриженные волосы женщин.

I, 7, 4: Массилийцы и родосцы поступили так же.

⁴⁴ См.: ВДИ. 1946. № 1. С. 284.

⁴⁵ См., например: Frontin, I, 3, 6 и 7. P. 11; I, 7, 3 и 4. P. 24; I, 11, 14 и 15. P. 33–34; II, 3, 10 и 11. P. 48; II, 4, 13 и 14. P. 56–57; II, 4, 15 и 16. P. 57; II, 4, 18 и 19. P. 57; II, 8, 4 и 5. P. 78; II, 8, 8 и 9. P. 78; III, 4, 1 и 2. P. 94; III, 4, 3 и 4. P. 94–95; III, 7, 4 и 5. P. 98–99; III, 15, 1 и 2. P. 109; IV, 3, 9 и 10. P. 126; IV, 7, 10 и 11. P. 136.

⁴³ Kriegslisten. S. 4. Anm. 1.

Книга II.

II, 8, 8: Диктатор Сервилий Приск, отдав приказ напасть на врагов — фалисков, распорядился убить замешкавшегося знаменосца; остальные, устрешенные этим примером, устремились на врага.

II, 8, 9: Косс Корнелий, командующий конницей, поступил так же против фиденатов.

Книга III.

III, 15, 1: Когда галлы осаждали Капитолий, римляне, уже находясь в состоянии крайнего голода, начали бросать в неприятеля хлеб, и, создав таким образом видимость, что обладают обилием съестных припасов, они выдержали осаду, пока не подошел на помощь Камилл.

III, 15, 2: Афиняне против лакедемонян, говорят, сделали так же.

Книга IV.

IV, 7, 10: Ганнибал посоветовал царю Антиоху бросать на неприятельские корабли сосуды, наполненные змеями, чтобы воины, устрешенные ими, испытывали помехи в сражении и исполнении морской службы.

IV, 7, 11: Прусий сделал то же самое, когда его корабли уже отступали.

В специальной литературе (Г. Гундерман вслед за К. Вахсмутом и Э. Вельфлином) все параграфы типа *idem fecit* считались позднейшими интерполяциями, не принадлежащими Фронтину. Поэтому в его издании они заключены в квадратные скобки (так же в русском переводе «Стратегем»). Между тем нет никаких доказательств принадлежности таких параграфов другим авторам. Параграфы типа *idem fecit* можно встретить и у Полиена. Вероятно, это одна из типичных особенностей сочинений подобного жанра⁴⁶.

По-видимому, можно говорить о двух этапах работы Фронтина над своим трактатом. В период 84–85 гг. были написаны три первые книги «Стратегем». Такая структура этой части трактата объясняется скорее всего тем, что более раннее, несохранившееся сочинение Фронтина содержало в себе, очевидно, три основных комплекса военно-теоретических проблем: подготовка к войне, непосредственное ведение военной кампании, осада и оборона городов — именно такой является структура большинства античных и средневековых военно-теоретических сочинений. После завершения этой работы Фронтин мог обнаружить, что остался не использованным еще значительный материал, который он и сконцентрировал в IV книге. Присоединив ее к трем созданным ранее, Фронтин вынужден был сделать добавление к введению I книги (абзац о различии терминов «стратегия» и «стратегемы»), продолжив эту мысль во введении к IV книге. Параграфы типа *idem fecit* могли появиться в «Стратегемах» не обязательно на втором этапе работы Фронтина; в тексте трех

⁴⁶ Kriegslisten. S. 6.

первых книг они могли существовать изначально. Что же касается текстовых и смысловых дублетов, то все они, несомненно, являются авторскими. В трех первых книгах они появились уже на первом этапе работы Фронтина. На втором этапе часть материала ранних книг была повторена в IV книге (характерно, что в самой IV книге материал не дублируется ни разу).

Промежуток времени между первым и вторым этапами работы не мог быть очень продолжительным. Как можно судить по отрывку IV, 3, 14, четвертая книга создавалась еще при жизни Домициана. Следовательно, дата гибели этого императора (96 г.) может играть роль *terminus ante quem* времени, ранее которого могла быть написана эта книга.

Стиль сочинения Фронтина также связан со структурой его сочинения. «Трезвая вещественность, которую Фронтин положил в основу своей профессиональной деятельности, определила и его литературный стиль», — справедливо заметил Г. Бендц⁴⁷. Фронтин не имел пристрастия к длинным периодами, а риторические стилиевые средства не употреблял вовсе. Его язык близок к разговорному. Он стремится выразить свою мысль максимально кратко и ясно, чтобы передаваемая им информация могла быть усвоена. Как писал Г. Бендц⁴⁸: «К Фронтину можно в полной мере приложить слова Квинтилиана, сказанные им о Юлии Цезаре: „Он говорил так же, как воевал“ (*eodem animo dixisse, quo bellavit*)».

В литературе уже давно было обращено внимание на разницу в стиле первых трех книг «Стратегем» по сравнению с четвертой. А. Б. Ранович находил стиль IV книги «более тяжеловесным», тогда как для первых трех характерна «напряженность и стремительность» изложения⁴⁹. На наш взгляд, такая оценка не бесспорна. IV книга отнюдь не перенасыщена длительными периодами и пространными стилистическими оборотами, — напротив, в ней мы встречаем наибольшее количество стратегем, сформулированных одной-двумя фразами. Самые пространные описания содержатся не в IV, а во II книге, несомненно принадлежащей Фронтину⁵⁰. По нашим подсчетам, в издании Г. Гундермана каждая стратегема I книги занимает в среднем 26% объема издательской страницы, II книги — 26, III книги — 25, IV книги — 20. Исходя из этих данных⁵¹, вряд ли можно признать стиль IV книги более громоздким, чем первых трех. Другое дело,

⁴⁷ Kriegslisten. S. 3.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ См.: ВДИ. 1946. № 1. С. 220.

⁵⁰ См., например: Frontin, II, 3, 16. P. 49–50; II, 3, 17. P. 50–51; II, 5, 31. P. 66–68.

⁵¹ Подсчеты произведены на основании следующих данных: I книга, занимающая 37 страниц издания, содержит 12 глав и 140 параграфов; II книга — 50 страниц, 13 глав, 195 параграфов; III книга — 27 страниц, 18 глав, 107 параграфов; IV книга — 29 страниц, 7 глав, 141 параграф.

что IV книга несет на себе следы поспешной, не всегда тщательной обработки, как стилистической, так и композиционной. Но это в полной мере объясняется тем, что она скомпонована из «остатков» (по выражению самого Фронтинана). Тем не менее стилистическое единство всего произведения отчетливо проявляется в том, что информативность содержания всех книг преобладает над их стилистической выразительностью. Заканчивая анализ IV книги, еще раз подчеркнем, что она является органической частью трактата как с точки зрения содержания, так и по формальным характеристикам — это предполагает ее несомненную принадлежность Фронтину.

Близость многих положений IV книги к остальному материалу трактата признается всеми исследователями. Как ни парадоксально, вопрос о непринадлежности IV книги Фронтину возник именно потому, что в IV книге были обнаружены элементы сходства ее материала с содержанием трех первых книг.

Единственный реальный аргумент сторонников «неподлинности IV книги» — это упоминание самого Фронтинана о трех книгах своего трактата при фактическом наличии четырех. А. Б. Ранович писал об этом следующее: «...Ничем нельзя объяснить, что, решив присоединить к своему произведению еще одну книгу, Фронтин не изменил собственного предисловия. Это не могло быть забывчивостью, так как одновременно с IV книгой сделано добавление и к предисловию, и трудно допустить, чтобы Фронтин оставил при этом без изменений свое заявление о разделении всего труда на три книги»⁵². Нам представляется, что, упоминая в начале своего трактата о намерении написать его в трех книгах, Фронтин обращался к читателю, уже знакомому с его предыдущим произведением, которое имело, по всей вероятности, трехчленную структуру. Выполнив свое обещание о написании трех книг, Фронтин несколько лет спустя вернулся к работе над своим трактатом, и его предисловие к IV книге обосновывает необходимость продолжения работы. Создается впечатление, что Фронтинана ничуть не смущало то обстоятельство, что вместо обещанных вначале трех книг их будет четыре: сюжеты, рассмотренные в IV книге, фактически стратегемами не являются — это сфера чистой стратегии. Очевидно поэтому в предисловии к I книге Фронтин вставил абзац о различии этих двух терминов. Фронтин не нарушил своего обещания читателю: собственно стратегемы занимают три книги, как это и было сказано во введении.

Возможно, что Фронтинана смущало другое обстоятельство: после разработки наименование трактата — «Стратегемы» — уже не вполне соответствовало его содержанию. Об этом некоторым образом свидетельству-

⁵² См.: ВДИ. 1946. № 1. С. 220.

ют имеющиеся разночтения в наименовании трактата в различных рукописях, на что уже обратил внимание Г. Гундерман⁵³.

Определяя место «Стратегем» в античной литературе, следует отметить, что воинские хитрости в качестве литературного сюжета издавна присутствовали в исторических и специальных военно-теоретических сочинениях как греческих, так и римских авторов, — правда, здесь они выступали в качестве не самостоятельного, а подчиненного, второстепенного сюжета. Из этих собственно исторических источников Фронтин мог черпать свой материал. Не исключено, что еще до Фронтинана существовали специальные сборники, в которых стратегемы были уже самостоятельным материалом. Такие сборники до нас не дошли, а потому сочинение Фронтинана остается первым известным нам произведением подобного жанра. Сравнительный анализ «Стратегем» и однотипного трактата Полиена, писавшего по-гречески во времена Марка Аврелия⁵⁴, заставляет, однако, предполагать существование общего для них более раннего источника, оформленного по персоналиям и написанного, скорее всего, на греческом языке⁵⁵. Фронтин мог использовать и такую группу источников, которые охватывались термином *Exempla* и представляли собою сборники поучительных исторических примеров, анекдотов, высказываний, составленных для риторических целей. Собственно стратегемы входили в эти комплексы в качестве специальных глав и разделов. Основоположником *Exempla* считается Корнелий Непот; его позднейшим adeptом был Валерий Максим, старший современник Фронтинана. Как полагал Г. Бенди, они оба пользовались каким-то общим источником: одна из глав (VII, 4) сборника Валерия Максима *Factorum ac dictorum memorabiliu libri IX* носит наименование «Стратегемы»⁵⁶. Широкое распространение *Exempla* в римской литературе отмечено самим Фронтином, когда в предисловии к I книге он писал, что «все, хоть в какой-то мере являющееся примечательным, уже передано авторами (поучительных) примеров» (*ab auctoribus exemplorum, quidquid insigne aliquo modo fuit, traditum*)⁵⁷ и что «те, которые занимались извлечением достопримечательностей, вводили в смущение читателя нагромождением фактов» (*et hi, qui notabilia excerpserunt, ipso velut acervo rerum confuderunt legentem*)⁵⁸.

Поскольку источники Фронтинана относились к самым различным жанрам, различались по времени своего возникновения, содержали информа-

⁵³ Frontin, Praef. P. XIII.

⁵⁴ Polyeni Strategematon libri octo. Ed. E. Wölfflin — J. Melber. Lipsiae, 1887.

⁵⁵ Kriegslisten. S. 7.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Frontin, I, Praef. P. 1.

⁵⁸ Ibid., I, Praef. P. 2.

цию далеко не однозначную по своей исторической ценности, перед автором стояла задача их серьезной обработки. Однако его трактат оказался несвободным от некоторых явных ошибок⁵⁹. Хрестоматийным в этом плане является пример, когда ветер Волтурн⁶⁰, дувший в битве при Каннах, переделывается в реку того же названия; характерно, что это случается дважды, в двух различных книгах трактата⁶¹ (в действительности река, протекающая вблизи Канн, называется Ауфид). Имеются отдельные фактические неточности, ошибки в транскрипции имен собственных, погрешности в титулах и званиях военачальников и т. д.⁶² Одна из возможных причин этих ошибок — не всегда критическое восприятие Фронтином информации своих источников; другие искажения могли произойти по вине позднейших переписчиков. Достоинства трактата, однако, явно перевешивают его недостатки.

Оценка труда Фронтина с военной и исторической точек зрения в ученой литературе была далеко не однозначной. Сторонники «теории неподлинности IV книги» акцентировали внимание на ошибках сочинения, видя в этом подтверждение своего мнения⁶³. Впрочем, они были вынуждены признать, что недостатки свойственны IV книге не в большей степени, чем первым трем. Было обращено внимание на наивность некоторых рекомендаций Фронтина, неправдоподобность отдельных ситуаций, анекдотичность некоторых сентенций. Наиболее негативная оценка трактата была дана И. Кромайером и Г. Файтом, отказавшим рекомендациям Фронтина в какой-либо ценности с исторической и военной точек зрения⁶⁴. Подобная оценка вызвала справедливые возражения Ф. Ламмерта. Произведение Фронтина, указал он, действительно не свободно от ошибок. Тем не менее оно представляет интерес для исследователей истории военного искусства, так как содержит ряд сообщений, неизвестных нам по другим источникам (эпизоды походов Суллы, Лукулла, Вентидия и др.). Ф. Ламмерт полагал, что информация Фронтина достаточно адекватно отражает существо римской тактики на протяжении двух веков (I в. до н. э. — I в. н. э.)⁶⁵.

⁵⁹ См.: Jähns M. Op. cit. S. 87.

⁶⁰ Об этом ветре см.: Вегеций, IV, 38. С. 290.

⁶¹ Frontin, II, 2, 7. P. 44; III, 14, 2. P. 109.

⁶² Отмечены в приложении к русскому изданию «Стратегем»: ВДИ. 1946. № 1. С. 284.

⁶³ См., например: Wölfflin E. Frontins Kriegslisten // Hermes. 1875. 9.

⁶⁴ Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München. 1928. S. 15.

⁶⁵ Lammert F. Strategemata // RE. 4 A. I. 1931.

Имеются основания говорить о высоком авторитете Фронтина как в глазах его современников, так и потомков. Упомянутый выше Элиан указывал в своей «Теории тактики», что он начал свой трактат по совету Фронтина⁶⁶, причем возможность встретиться с ним и провести несколько дней в беседах составляла предмет гордости Элиана на протяжении всей его жизни⁶⁷. Фронтин не только сам был автором популярного военно-исторического сочинения, но и побудил к творчеству другого писателя, чья «Теория тактики» составила целую эпоху в военной науке, читалась и изучалась на протяжении тринадцати столетий и пережила свое второе рождение в период позднего средневековья (начиная с XV в.).

Произведение Фронтина дошло до нас в нескольких рукописях. Оно пережило свое время и породило многочисленные заимствования у средневековых авторов. Так, отдельные стратегемы Фронтина находятся среди дополнений Павла Диакона к *Breviarium ab Urbe condita* Евтропия, а также в большом количестве (и преимущественно из IV книги) в главном этическом сочинении (*Policraticus*) английского богослова XII в. Иоанна Солсберийского⁶⁸. Новая жизнь трактата началась с конца XV в., когда в Европе стали появляться его издания в переводах на современные языки. Зарождение и совершенствование нового для Западной Европы рода войск — пехоты, постепенно утверждавшей свое преимущество перед рыцарской конницей, обусловило возрождение интереса военных специалистов к тактическим сочинениям античности. Наряду с сочинениями Оансандра, Элиана и Вегеция рекомендации Фронтина легли в основу тактики западноевропейской пехоты позднего средневековья.

⁶⁶ Aelianus, Praef., 3 // Dain A. Histoire du texte d'Elie... P. 16.

⁶⁷ Несмотря на попытки отдельных исследователей увидеть в элиановском Фронтине других лиц с этим именем, Р. Ферстером обосновано положение об идентичности этого персонажа именно с «нашим» Фронтином (см.: Förster R. Op. cit. S. 447 f.).

⁶⁸ Frontin. P. X–XII.

«КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА» ВЕГЕЦИЯ КАК СИНТЕЗ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ АНТИЧНОСТИ*

Итог почти тысячелетнего развития военной науки античности был подведен в творчестве Флавия Вегеция Рената, чье сочинение «*Epitoma rei militaris*»¹ замыкает цепь греко-римских трактатов и непосредственно предшествует полемологическим сочинениям византийского периода.

О личности Вегеция мы знаем мало. Неизвестны ни годы его жизни, ни род его занятий. Весьма сомнительно, чтобы он был военным специалистом, поскольку он чрезвычайно редко ссылается на современный ему боевой опыт и ни разу — на собственный². Вызывает споры и датировка сочинения — решение этого вопроса зависит от идентификации императора, которому посвящен трактат. Имя этого императора не названо ни разу; упомянутый в одном месте Грациан³, как это следует из контекста, рассматривается как предшественник правящего императора (не обязательно непосредственный). В качестве адресата Вегеция исследователями назывались императоры Феодосий⁴, Валентиниан II⁵, Валентиниан III⁶. Эта последняя точка зрения, высказанная впервые Э. Гиббоном, получила подробное обоснование в специальном исследовании О. Зеека⁷, основная аргументация которого сводилась к следующему: адресат и покровитель Вегеция является императором Западной (а не Восточной) Римской

* Статья публикуется впервые.

¹ Наиболее подробная справка об изданиях и исследованиях трактата Вегеция (в средние века и до конца XIX в.) содержится в работе: Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München und Leipzig, 1889. S. 109–125. Мы пользуемся изданием: Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1 (далее — Вегеций).

² Отмечено М. Йенсом; см.: Jähns M. Op. cit. S. 119.

³ Вегеций, I, 20. С. 240.

⁴ Jähns M. Op. cit. S. 110.

⁵ The Military Institutions of the Romans. Flavius Vegetius Renatus. Translated J. Clark. Harrisburg, 1944. P. 2.

⁶ Г. Дельбрюк допускал (см.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 2. М., 1937. С. 171), что Вегеций «писал при Феодосии Великом, а может, и при внуке его Валентиниане III».

⁷ Seeck O. Die Zeit des Vegetius // Hermes. 1876. 11.

империи; его возраст близок к юношескому; годы его царствования помещаются между 383 и 450 гг.: с его именем связано восстановление линии пограничных укреплений и усиление дунайского флота⁸. — Все это убеждает О. Зеека в принадлежности трактата времени Валентиниана III.

Аргументация немецкого исследователя не лишена убедительности, — не случайно поэтому с нею полностью солидаризировался Р. Гроссе⁹. Однако очень серьезным аргументом ее критиков является следующее соображение. Поскольку первая книга «Изложения» еще не содержит сведений о военных победах императора, а вторая начинается с панегирика в честь таких побед и триумфов, то логично предположить, что первая книга трактата написана сразу после восшествия этого императора на престол. Но если соотнести все это с Валентинианом III, тогда полные пиетета слова Вегеция в его адрес, подобострастное преклонение перед его военными талантами становятся необъяснимыми — ведь в момент воцарения Валентиниану было всего 7 лет! Словно предвосхищая упреки будущих критиков, О. Зеек соглашался, что посвящение семилетнему или восьмилетнему мальчику тактического произведения вызывает недоумение (или даже насмешку) с точки зрения здравого смысла. Но следует помнить, указывал О. Зеек, что речь идет не о простом смертном, а о венценосном правителе империи: в те времена титул императора означал все, а личность его часто не значила ничего, и потому книга посвящена не конкретной личности, а Императору вообще¹⁰. — Но в таком случае вся предыдущая аргументация О. Зеека оказывается полностью обесцененной фактом деперсонификации адресата Вегеция.

Таким образом, вопрос о времени создания «Изложения» остается открытым до настоящего времени. Тезис О. Зеека об исключительно западно-римской ориентации Вегеция представляется необоснованным: характер материала таков, что он может относиться с равной степенью вероятности к обеим частям империи, а еще вероятнее — к целостной империи, до ее разделения на две части. Поэтому начало работы Вегеция над трактатом следует отнести ко времени после смерти Грациана (383 г.) до 395 г.; вторая, третья и четвертая книги трактата были написаны, вероятно, в течение 10–15 следующих лет. Для сочинения, которое подводит итог всего предыдущего (без малого тысячелетнего) развития военно-теоретической мысли, такая датировка (конец IV — начало V в.) вполне достаточна, и попытки ее более узкой временной локализации в условиях, когда для этого не имеется достаточно прочных оснований, представляются излишними.

⁸ Seeck O. S. 63–67.

⁹ Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert // BZ 22. 1913. S. 96.

¹⁰ Seeck O. Op. cit. S. 82.

В период, к которому относится деятельность Вегеция, положение на границах было очень напряженным, а военная организация империи переживала острый кризис. В поисках выхода из создавшегося положения военные писатели обращались к древнеримской истории, стремясь именно там отыскать рецепты возрождения могущества армии. Озабоченный упадком военного дела римлян, Вегеций поставил своей целью в небольшой книге «изложить на пользу Риму то, что рассеяно у различных историков, учивших нас военному делу, и, вкрапленное в их произведения, осталось до сих пор неизвестным»¹¹. Вегецию были знакомы сочинения по военной тактике «и македонян, и афинян, и других греков», о чем он сам упоминает¹². Однако он оставляет в стороне эти сочинения и обращается только к римским авторам, причем «наиболее авторитетными»¹³ среди них названы Катон Старший, Корнелий Цельз, Фронтин, Патерн¹⁴; неоднократно упоминаются военные наставления императоров Августа, Траяна и Адриана¹⁵. Анализ отрывков I книги, где речь идет о лагерном устройстве, со всей определенностью свидетельствует, что Вегецием использован и трактат Гигина, хотя это имя не названо. Из общих трудов по истории Рима можно предположить использование сочинений Тита Ливия, Тацита, Саллюстия, Светония, Цицерона, Юлия Цезаря¹⁶. Самому себе Вегеций отводит исключительно скромную роль: «Себе я не приписываю никакого особого авторитета в этих делах, но рассеянные всюду замечания тех лиц, которых я назвал выше, я передаю в определенном порядке, можно сказать, давая их краткое изложение»¹⁷. Ниже, подводя итог III книге, Вегеций уточняет свою мысль: его интересует преимущественно пехота — упадок именно этого рода войск вызывает особую тревогу. Что же касается конницы, то она и по выучке, и по качеству оружия превосходит кавалерию «древних». И поскольку относительно конницы существуют «современные наставления», Вегеций не видит необходимости анализировать этот вопрос столь же подробно¹⁸.

Структура «Изложения» отличается четкостью. Трактат состоит из четырех книг, тематически строго определенных. Каждая из них предва-

¹¹ Вегеций, I, введение. С. 234.

¹² Там же, I, 8. С. 237.

¹³ Там же, III, 9. С. 265.

¹⁴ Там же, I, 8. С. 237; I, 13. С. 239; I, 15. С. 239; II, 3. С. 246.

¹⁵ Там же, I, введение. С. 233; I, 8. С. 237; I, 27. С. 243; II, 3. С. 246.

¹⁶ См. об этом: Des Flavius Vegetius Renatus Fünf Bücher über Kriegswissenschaft und Kriegskunst der Römer. Übersetzt F.J. Lipovsky. Sulzbach, 1827. S.VII–VIII. См. также специальное исследование: Schenk D. Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma rei militaris // Klio, 22. Leipzig, 1930.

¹⁷ Вегеций, I, 8. С. 237.

¹⁸ Там же, III, 26. С. 280.

рется кратким введением, содержащим непосредственное обращение к императору. Книги подразделяются на главы; весь трактат и каждая его книга сопровождаются оглавлениями.

Причину падения боеспособности римских армий Вегеций видит в ослаблении внимания к регулярным упражнениям, которые поддерживали бы профессиональное воинское мастерство¹⁹. Он пишет, что «римский народ подчинил себе всю вселенную только благодаря военным упражнениям... и своей военной выучке... Знание военного дела питает смелость в бою... Малочисленное, но хорошо обученное войско всегда одержит верх над сырой и необученной массой...»²⁰ «Нет государства сильнее, счастливее и славнее, чем то, которое богато обученными воинами»²¹. — Поэтому логично, что трактат открывается книгой, где содержатся рекомендации по набору и обучению войска.

Вегеций отдает явное предпочтение армии, набранной из числа подданных Римской империи, по сравнению с наемниками, воюющими за деньги²². При этом он советует предпочитать новобранцев из регионов с умеренным климатом, поскольку они соединяют в себе достоинства и свободны от недостатков, присущих жителям северных и южных областей²³. Сельских жителей следует предпочитать городским: тяжелый повседневный деревенский труд гораздо более сродни суровым армейским будням, чем рафинированный образ жизни горожанина²⁴. Призывники должны быть молодого возраста²⁵, желательна высокая роста (для всадников фланговых отрядов и первых когорт легионов — около 6 футов); рост, впрочем, не может являться определяющим критерием, ибо более сильный предпочтительнее, чем более высокий²⁶. Лиц таких профессий, как птицеводов, рыболовов, кондитеров, ткачей, по энергичному выражению Вегеция, «нужно гнать из лагеря»; для армии более подходят кузнецы, тележные мастера, мясники, охотники²⁷. — Одним словом, отбор должен производиться как можно более тщательно, ответственными и высокопоставленными людьми, без каких-либо злоупотреблений и проявлений корыстолюбия, ибо «благо государства в целом зависит от того, чтобы новобранцы набирались самые лучшие не только телом, но и духом; все силы империи, вся

¹⁹ Вегеций, I, 28. С. 244; III, 10. С. 268.

²⁰ Там же, I, 1. С. 234.

²¹ Там же, I, 13. С. 238.

²² Там же, I, 28. С. 244.

²³ Там же, I, 2. С. 234.

²⁴ Там же, I, 3. С. 234–235.

²⁵ Там же, I, 4. С. 235.

²⁶ Там же, I, 5–6. С. 235–236.

²⁷ Там же, I, 7. С. 236.

крепость римского народа основывается на тщательности этого испытания при наборе»²⁸.

Закончив набор, следует тут же на месте отсеять непригодных и заменить их подходящими²⁹. После этого новобранцев учат строевому шагу (обычным шагом следует проходить за 5 часов 20 миль, ускоренным — 24 мили; при этом общее вооружение и снаряжение каждого воина составляет 60 фунтов³⁰), бегу, прыжкам, плаванию³¹. Вооружив новобранца деревянным щитом и мечом, в два раза тяжелее обычных, их заставляют вести тренировочный бой с чучелом. Они должны усвоить искусство колющего удара, который во всех отношениях предпочтительнее рубящего, овладеть навыками метания копья (тоже по чучелу), стрельбы из лука (на этом специализируется одна третья или одна четвертая часть всех новобранцев), метания камней вручную и с помощью пращи, а также метания свинцовых шаров. Как новобранцев, так и кадровых воинов нужно постоянно тренировать вскакиванию на коня — с любой стороны, безоружным и с обнаженным мечом и пикой³². Живая, подробная картина воинских учений суммирована Вегецием несколько ниже, в специальной главе II книги³³. Итог всем предыдущим рекомендациям Вегеций подводит в лаконичной формуле: «Благодаря труду войско процветает, от безделья стареет и слабеет»³⁴.

Важнейшей частью военной науки Вегеций считает искусство лагерного устройства³⁵. Изложенная Вегецием теория является связующим звеном между лагерем классического периода римской истории, описанным Гигином, и более поздним лагерем византийской эпохи.

Хорошо устроенный военный лагерь, по характеристике Вегеция, придает войску спокойствие и уверенность: воины чувствуют себя так, как будто они «повсюду носят с собой защищенный стенами город»³⁶. Но в современной армии, продолжает Вегеций, искусство лагерного устройства пришло в полный упадок, и римляне уже испытывали поражения от нападений вражеской конницы. Достоинно печального удивления, что персы переняли у римлян это искусство, а сами римляне предали его забвению, поскольку длительный мир породил у них пренебрежение к военной

науке³⁷. — Можно согласиться с Р. Гроссе³⁸, что если Вегеций взялся утверждать это в трактате, посвященном императору, то он должен был иметь для этого достаточные основания.

Прежде всего Вегеций высказывает ряд соображений по поводу выбора места для разбивки лагеря³⁹. Оно должно быть защищенным как от нападений врагов, так и от вредного воздействия стихийных сил природы (дождя, ветра, наводнения и т. п.). Войска должны быть размещены ни слишком скученно, ни слишком разбросанно. Большое значение имеют гигиенические характеристики окрестностей, особенно при длительной стоянке, обеспеченность питьевой водой, топливом, фуражом, — по мысли Вегеция, «кто заранее не приготовил продовольствия и всего необходимого, тот побеждается без оружия»⁴⁰. Вблизи лагеря не должно быть горы, холма или другого возвышенного места, откуда враг мог бы наблюдать за лагерем или обстреливать его. — Все эти требования, которые имеются и у Гигина, имеют универсальный характер и применимы в любые времена.

Совпадает и признание Вегецием прямоугольной формы лагеря (где длина на одну треть больше ширины) как наилучшей. Но Вегеций идет дальше Гигина: он считает приемлемыми и такие формы, как квадрат, треугольник, круг и полукруг. Есть разница и в размерах лагерных укреплений. Если Гигин рекомендовал в качестве минимальных размеров для рва 5 футов ширины и 3 фута глубины, а для вала 8 футов ширины и 6 футов высоты (не считая бруствера), то Вегеций вводит градацию лагерных укреплений в зависимости от двух обстоятельств: размеров угрожающей опасности и продолжительности предполагаемой стоянки. Если лагерь рассчитан только на одну ночевку, считается достаточным по всему периметру лагеря уложить стенку из дерна, засыпать ее земляной насыпью, а поверху установить палисад из деревянных кольев или разместить триболы; на месте без травяного покрытия вместо всего этого вырывается ров 5 футов шириной и 3 фута глубиной. Укрепления лагеря второго варианта состоят из рва шириной 9 футов и глубиной 7 футов. В третьем случае, когда силы неприятеля особенно велики, а лагерь рассчитан на длительную стоянку, вырывается ров шириной от 12 до 17 футов, глубиной 9 футов и насыпается вал 13 футов высотой и 12 футов шириной. Для укрепления вала внутрь его укладываются стволы и ветви деревьев; гребень вала оборудуется зубцами и бойницами.

Воинские подразделения распределяются внутри лагеря в строго определенном порядке. В каждой палатке размещаются 10 человек, состав

²⁸ Вегеций, I, 7. С. 236.

²⁹ Там же, I, 8. С. 236.

³⁰ Там же, I, 19. С. 240. 1 миля — 1481,5 м; 1 фунт — 327,45 г.

³¹ Там же, I, 9–10. С. 237–238.

³² Там же, I, 11–18. С. 238–240.

³³ Там же, II, 23. С. 253–255.

³⁴ Там же, III, 26. С. 279.

³⁵ Там же, I, 1. С. 234.

³⁶ Там же, I, 21. С. 242.

³⁷ Вегеций, III, 10. С. 267–268.

³⁸ См: Grosse R. Op. cit. S. 96.

³⁹ Вегеций, I, 21–25. С. 242–243; III, 8. С. 263–265.

⁴⁰ Там же, III, 26. С. 279.

ляющие контубернию (или манипул)⁴¹. Эти войны и в строю всегда рядом — принцип, который сохранил свою силу на протяжении всего римского и византийского периодов.

На строгом порядке размещения воинов в лагере основан принцип поимки вражеских шпионов: «Когда вражеский шпион тайно ходит по лагерю, все получают приказ днем войти в свои палатки, а шпион тотчас же обнаруживается»⁴².

Если по Гигину главные ворота лагеря (*porta praetoria*) всегда направлены в сторону неприятеля, то у Вегеция, кроме этого, возможны еще два варианта: ориентация на восток или в направлении предстоящего марша⁴³. Через противоположные ворота (*porta decumana*) выводят для наказания провинившихся воинов.

Время ночного дежурства в лагере делится на четыре стражи, чтобы каждый часовой нес службу не более трех часов. Начало каждой стражи отмечается звуком трубы, конец — рожком; отсчет времени производится по водяным часам⁴⁴. Количество часовых у Гигина и Вегеция существенно различается: если у первого одновременно дежурят по 4 человека (всего 16 человек от каждой центурии), то у второго дежурит один, а трое остальных отдыхают⁴⁵. Вегеций вводит и новый элемент — «обходчика» (*circitor*), который проверяет несение службы часовыми. Вне лагеря ночью дежурят конные разъезды — тоже новшество, неизвестное Гигину. В дневное время также выставляются пикеты.

Можно прийти к заключению, что основные принципы лагерного устройства, изложенные Вегецием, не противоречат Гигину, но дополняют и развивают его рекомендации. Вопросы внутреннего устройства лагеря Вегеций полностью обходит — вероятно, здесь он полностью следует Гигину.

Закончив описание лагерного устройства, Вегеций возвращается к вопросам обучения новобранцев, теперь уже не индивидуального, а группового⁴⁶. Строгое сохранение дисциплины строя — основа боеспособности армии. Поэтому каждый воин обязан знать и постоянно сохранять свое место в строю, как в стационарном положении, так и в перестроениях (в каре, в треугольник, в круг) и на марше. В соответствии с рекомендациями своих предшественников по военной науке Вегеций предписывает и пехоте и всадникам трижды в месяц совершать тренировочные маршброски на расстояние до 10 миль в полной выкладке, желательно по пересеченной местности, для выработки выносливости и дисциплины строя.

После нескольких месяцев обучения (четыре и более) новобранцев заносили в воинские списки и приводили к присяге⁴⁷. Отныне начиналась их действительная военная служба. Поэтому вполне логичен переход Вегеция к описанию во II книге внутренней организации легиона — основной тактической единицы римской армии.

Анализируемая книга «Изложения» особенно сильно концентрирует тот недостаток, который свойствен трактату в целом: здесь Вегецием скомпилирован материал, совершенно неоднородный по «срокам давности», относящийся к различным периодам римской истории. Вегеций излагает его без всякого исторического подхода, без учета его хронологической неоднородности, — он выхолащивает живую действительность, подгоняя ее под статичные, лишённые жизни схемы. Анализируя то или иное сообщение Вегеция, не представляется возможным определить, к какому именно времени оно относится. Вырванный из исторического контекста, сообщаемый материал утрачивает значительную часть своей исторической ценности. Это обстоятельство заметно охлаждает интерес к деталям и частностям II книги.

Вместе с тем представляются любопытными некоторые общие определения Вегеция, ставшие аксиомами в будущем. «Войском, — пишет он, — называется объединение как легионов, так и вспомогательных отрядов, а также и конницы на предмет ведения войны»⁴⁸. «Воинские силы, — повторяет он в другом месте вслед за Вергилием, — состоят из вооружения и мужей»⁴⁹; они делятся на конницу, пехоту и флот. В свою очередь, конница состоит из вексиллярных частей, составлявших крылья боевого порядка, и легионарных (т. е. включенных в состав легиона). Пехота — главный и самый многочисленный род войск, в котором государство нуждается больше всего, — во-первых, потому, что пехотинцы находят универсальное применение на любом театре войны, а во-вторых, потому, что их содержание обходится много дешевле. Пехота делится на вспомогательные отряды, которые формируются из союзников и федератов, и легионы, где проходят службу римские граждане; численность легионеров значительно превосходит численность вспомогательных отрядов. Именно легион представляет собой средоточие и олицетворение римской доблести⁵⁰.

В римском легионе была воплощена идея создания отдельной тактической единицы, полностью обеспеченной всеми материально-техническими средствами, организационно независимой, способной к самостоятельному ведению боевых действий. Подробную, детальную характеристику

⁴¹ Вегеций, II, 13. С. 250.

⁴² Там же, III, 26. С. 279.

⁴³ Там же, I, 23. С. 242.

⁴⁴ Там же, III, 8. С. 264–265.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, I, 26–27. С. 243.

⁴⁷ Вегеций, II, 5. С. 246.

⁴⁸ Там же, III, 1. С. 256.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, II, 1–2. С. 245.

тику легиона в целом и отдельных его частей Вегеций сопроводил собственными ему суждениями на упадок легионной организации, особенно на постоянно растущую диспропорцию между табельной положенностью личного состава и его фактической численностью. Обрисованное Вегецием в довольно энергичных выражениях крайне неблагоприятное положение дел в этом вопросе отражало общее кризисное состояние позднеримской военной организации.

Третья книга трактата Вегеция представляет особую ценность: она содержит систематизированное изложение самого существенного из всего того, что было накоплено по вопросам тактики и стратегии предшествующими поколениями военных теоретиков — не только римских, но и греческих. Об этом ясно сказано самим автором во введении к III книге, которое заканчивается чеканной формулой, надолго овладевшей умами потомков: «Кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай»⁵¹.

Материал, непосредственно относящийся к стратегии и тактике, смещен к середине книги. Первые же ее главы касаются других, тоже немаловажных вопросов.

По ходу рассуждений о преимуществах небольшого, но хорошо организованного войска перед гигантскими, но аморфными армиями Ксеркса, Дария и Митридата, рекомендаций относительно санитарного состояния армии, ее снабжения водой и продовольствием⁵² Вегеций высказывает ряд заслуживающих внимания идей о взаимоотношениях между армией и гражданским населением, о возможных причинах волнений и бунтов среди солдат, о мерах борьбы с такими выступлениями — эти сюжеты до крайности волновали впоследствии византийских военных писателей. Вегеций уже дал и первую пищу для размышлений о том, как не допускать этих солдатских мятежей. Праздность, безделье — вот питательная почва для ослабления дисциплины; максимальная загруженность солдата упражнениями, учениями, тренировками — вот средство для профилактики армейских правонарушений⁵³.

Вегеций первым из военных писателей систематизировал материал о способах управления войсками. Сигналы, побуждающие к исполнению, подразделяются им на словесные, звуковые и немые. Словесные сигналы могут быть либо приказами (командами, распоряжениями), либо паролями, — отметим, кстати, что Вегеций впервые фиксирует практику армейских паролей (в т. ч. и тех, которые содержат религиозную символику).

⁵¹ Вегеций, III, введение. С. 256.

⁵² Там же, III, 1–3. С. 256–258.

⁵³ Там же, III, введение. С. 259.

Звуковые сигналы подаются трубой, горном или рожком. Немые сигналы — это различные изображения орлов, драконов, всевозможные флажки, значки, конские хвосты; кроме того, это обусловленные движения рукой, сигнальные огни, факела, фонари, задымления и т. п.⁵⁴. Разумеется, способы и условия подачи сигналов должны быть заранее согласованы, утверждены командиром, доведены до сведения каждого воина.

Собственно тактический раздел начинается с изложения принципов совершения маршей, способов обеспечения безопасности войсковых передвижений.

Первое, что нужно иметь военачальнику, — это подробный план местности, с нанесенными на этом плане всеми особенностями рельефа, с указанием точных расстояний от пункта до пункта, измеренных в шагах. Вегеций упоминает о древней практике составления подобных карт, не только размеченных условными знаками, но и разрисованных в разные цвета для удобства пользования⁵⁵. Столь детальная проработка данного сюжета отличает Вегеция не только от его предшественников — мы не встретим ее и во всей последующей литературе.

Совершающее поход войско должно быть обеспечено всеми необходимыми запасами продовольствия и фуража; пополнение этих запасов должно происходить бесперебойно. Наоборот, противника следует лишить этих средств. «Во всяком походе, — пишет Вегеций, — лучшее твоё оружие — чтобы у тебя была в изобилии пища, а враги страдали от голода»⁵⁶.

Важным моментом в обеспечении марша является использование местных проводников, которых следует содержать под строгой охраной. Маршрут предстоящего движения должен сохраняться в строжайшей тайне: «...ведь при походах считается, что тайна всех мероприятий является лучшим средством для безопасности... Спокойным является тот путь, движение по которому враги менее всего подозревают»⁵⁷. И ниже, уже в обобщенном виде: «Нет лучше плана, чем тот, которого не знает враг, пока ты его не выполнил»⁵⁸.

Путь предстоящего передвижения тщательно разведывается. Порядок войска на марше должен быть следующий: первой движется конница, затем пехота; обоз, выючные животные, обслуживающий персонал, повозки помещаются в центр походной колонны; в арьергарде и на флангах также располагаются кавалеристы и пехотинцы. Основная мысль автора состоит в том, чтобы походная колонна была готова к отражению врага с

⁵⁴ Вегеций, III, 5. С. 260.

⁵⁵ Там же, III, 6. С. 260.

⁵⁶ Там же, III, 3. С. 258.

⁵⁷ Там же, III, 6. С. 261.

⁵⁸ Там же, III, 26. С. 278.

любой стороны, — поэтому от воинов требуется постоянная бдительность и боеготовность: «...в тяжелые минуты устрашает внезапность, а то, что ожидалось и предвиделось, не внушает страха»⁵⁹. Отражение неприятельских нападений организуется с учетом условий местности; главное при этом — не допустить паники в войсках и обозе. Существенным является также требование четко соблюдать походный строй — не допускать растягивания или, наоборот, скупивания колонны; для наблюдения за походным порядком выделяются специальные офицеры.

Вражеские засады должны своевременно выявляться и ликвидироваться. По всему пути движения следует опередить неприятеля в овладении господствующими над местностью возвышенными пунктами. Неудобные для прохода участки должны быть расширены и расчищены. Кроме того, нужно хорошо знать особенности своего противника, его манеру вести войну, чтобы обратить себе на пользу все его слабые стороны и свести на нет все его преимущества⁶⁰. В походе, как и в любой другой момент войны, не следует занимать пассивную позицию: наоборот, нужно овладеть военной инициативой и прочно удерживать ее в своих руках. — Подробные рекомендации Вегеция о способах совершения походных маршей послужили образцом для подражания византийских писателей (в частности, автора «Тактики Льва»).

Небольшая глава⁶¹ посвящена способам преодоления водных преград. Рекомендуются прежде всего прочно закрепиться в пунктах переправы на обоих берегах реки, построив деревоземляные укрепления и выделив определенное количество войск, — под их прикрытием и должна совершаться переправа. Если будет найден брод, воины переходят реку индивидуально, перетаскивая свое снаряжение на связках из тростника. Сила напора воды в полноводном, глубоком потоке может быть уменьшена путем прорытия отводных каналов, благодаря которым река становится преодолимой, — сюжет, почти буквально заимствованный впоследствии в «Византийском Анониме VI в.». Рекомендуются также несколько способов сооружения мостов — стационарных, когда деревянный настил опирается на вбитые в дно сваи и кольца, и наплавных, где опорой служат пустые бочки или выдолбленные стволы деревьев. Мосты, рассчитанные на однократное использование, ликвидируются сразу же по мере эксплуатации; если же войску предстоит обратный переход, мосты сохраняются под надзором специальных отрядов, выставленных по обоим берегам реки.

Несколько глав, начиная с IX, посвящаются описанию тактики боя. Бой, по определению Вегеция, — это кульминационный момент военной

кампании, который надолго определяет судьбы целых стран и народов⁶², «это момент, когда всего ярче сказывается значение полученного опыта, боевая подготовка в науке военного дела, ясность плана и присутствие духа»⁶³.

Высшая полководческая мудрость заключается в том, чтобы прежде всего решить принципиальный вопрос, возможно ли вступить в решающее сражение, и если да, то при каких условиях это следует сделать. Здесь нужно учесть буквально все: соотношение сил своих и противника, причем не в целом, а детально, по отдельным родам войск и видам вооружений; степень их обученности, моральное состояние, обеспеченность продовольствием и фуражом; характер местности, погодных и климатических условий, время года; особенности нравов и обычаев неприятельских войск⁶⁴, характер их тактики, профессиональные качества их воинов и командиров, — одним словом, должны быть тщательно взвешены все шансы за и против предстоящего сражения. Здесь логику рассуждений полководца Вегеций уподобляет действиям судьи при рассмотрении гражданских тяжб⁶⁵. Благоприятные обстоятельства и крайняя необходимость — вот два основания вступить в решающее сражение. «И если будет найдено, что во многих отношениях он (римский военачальник. — В. К.) превосходит врагов, пусть он не откладывает вступить в выгодное для него сражение. Если же он поймет, что враг сильнее его, пусть избегает открытого боя»⁶⁶. Ведь имеются, напоминает Вегеций, и другие способы ведения боевых действий: «Лучше победить и укротить врага недостатком продовольствия, внезапным нападением или страхом, чем сражением, в котором обыкновенно большее значение имеет счастье, чем доблесть»⁶⁷.

Если командование придет к выводу, что в данный момент сражение нежелательно, римской армии придется отступить. Разработку Вегецием теории тактического отступления⁶⁸ следует рассматривать как его существенный вклад в военную науку. Поскольку отступательный характер боевых действий традиционно расценивался как менее престижный по

⁶² Вегеций, III, 9. С. 265.

⁶³ Там же, III, 11. С. 268.

⁶⁴ Любопытны свидетельства Вегеция о военных раритетах, встречающихся у некоторых народов (колесницы с косами, боевые верблюды, боевые слоны и т. п.). Однако по общему тону этого раздела (III, 23–24. С. 276–277) заметно, что данная информация имеет скорее историко-познавательный, чем практический характер.

⁶⁵ Вегеций, III, 26. С. 279.

⁶⁶ Там же, III, 9. С. 266.

⁶⁷ Там же, III, 26. С. 278.

⁶⁸ Там же, III, 22. С. 275–276.

⁵⁹ Вегеций, III, 6. С. 261.

⁶⁰ Там же, III, 6. С. 262–263.

⁶¹ Там же, III, 7. С. 263.

сравнению с наступательным⁶⁹, отступление должно производиться таким образом, чтобы не наносить урон моральному духу своих войск. Следует, например, объяснить солдатам, что отход производится не для того, чтобы уклониться от схватки, а в целях обмана противника, достижения каких-то тактических преимуществ. Отступление требует особенно тщательной подготовки и четкой организации — в процессе его осуществления особенно опасно утратить управление армией. Что касается противника, то от него все действия римской армии должны быть тщательно скрыты. Отступление должно осуществляться по частям, отдельными эшелонами, преимущественно в ночное время. Маршруты отхода должны быть детально разведаны, все наиболее важные в стратегическом отношении пункты на этом пути (господствующие высоты, теснины, переправы и т. п.) заблаговременно взяты под контроль. На направлениях возможного преследования неприятелем отходящих римских войск должны быть расставлены всевозможные прикрития, заслоны и засады, сооружены препятствия в виде лесных засек, завалов на дорогах, разрушенных переправ и т. п.

Если же принято решение о сражении, то войско должно получить дополнительный заряд уверенности в его благоприятном исходе. Этому во многом способствовал бы частный успех даже небольшого масштаба (разгром вражеской засады, отдельного его отряда и т. д.) — это вдохновило бы римлян, увеличило бы их наступательный порыв. «Никогда не выводи войско в открытое сражение, — рекомендует Вегеций полководцу, — если не видишь, что оно надеется на победу»⁷⁰. При этом не следует пренебрегать никакими возможностями для ослабления противника: обман, подкуп, использование предателей, разжигание распри среди врагов — все средства признаются одинаково приемлемыми. «Хороший вождь должен уметь сеять раздоры среди врагов. Ни один, даже самый маленький народ не может быть уничтожен врагами, если он сам себя не истощит своими внутренними неурядицами»⁷¹. Следует всячески поощрять дезертирство из неприятельской армии, принимать и использовать перебежчиков, «так как врагу наносят больший удар перебежчики, чем убитые»⁷².

Когда же настанет день сражения, «роковой для наций и народов»⁷³, нужно принять все меры к тому, чтобы войско не оказалось застигнутым

⁶⁹ Это признавалось и самим Вегецием: «Тот, кто до столкновения велит отступать своему боевому строю, тот уменьшает уверенность у своих и придает смелости врагам» (Там же).

⁷⁰ Вегеций, III, 26. С. 279.

⁷¹ Там же, III, 10. С. 267.

⁷² Там же, III, 26. С. 279.

⁷³ Там же, III, 11. С. 268.

врасплох. Не следует бросать в бой уставших солдат, утомленных длительным маршем. Большое значение имеет психологический настрой, сознание превосходства над противником, память о прошлых славных победах над ним. — Советы Вегеция по поднятию морального духа войска имели прямое продолжение и развитие в таких более поздних памятниках, как «Стратегикон Маврикия» и «Тактика Льва».

Важнейшее значение имеет выбор места решающего сражения: «Часто больше пользы приносит местность, чем храбрость»⁷⁴. Этот выбор зависит прежде всего от того, на какой род войск делается основная ставка — на пехоту или кавалерию. Для развертывания конницы больше подходит место ровное, широкое, без лесов и болот; действиям пехоты будут благоприятствовать места «неровные, суровые, гористые». В обоих случаях следует располагать свое войско на местности более возвышенной, чем та, которую занимает неприятель, ибо «тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой — и с местом, и с врагом»⁷⁵. Следует также учесть еще три момента — солнце, пыль и ветер, — все это должно быть обращено против строя неприятеля⁷⁶. При этом чрезвычайно важно опередить противника в выстраивании боевого порядка: «...враги начинают трепетать, когда видят против себя хорошо устроенный строй... Это уже часть победы — привести в замешательство врага, прежде чем начнется бой»⁷⁷.

Общие принципы боевого построения заключаются в следующем. Строй⁷⁸ должен состоять из нескольких качественно неоднородных шеренг; в первых двух из них размещаются наиболее опытные и хорошо вооруженные воины (т. н. принципы и гастаты). Они не участвуют ни в отступлениях, ни в преследованиях — они играют роль монолитной живой крепости, опираясь на которую действуют другие элементы боевого строя. Общее количество шеренг в строю доходит до шести; последняя из них, где размещены триарии, играет роль резерва, который вводится в бой в самые критические моменты: «Вся надежда на восстановление порядка покоится на силах этих триариев»⁷⁹.

Расстояние между пехотинцами в шеренге — 3 фута; 1666 воинов составляют строй в 1 милю по фронту. Дистанция между шеренгами — 6 футов. Вегеций проявляет себя решительным сторонником уплотнения

⁷⁴ Вегеций, III, 26. С. 279.

⁷⁵ Там же, III, 13. С. 269.

⁷⁶ Там же, III, 14. С. 269.

⁷⁷ Там же, III, 18. С. 272.

⁷⁸ Заметим, кстати, что определение строя у Вегеция (III, 14. С. 269) максимально близко к современному: «Боевым строем называется выстроенное для сражения войско, фронт которого обращен против врага».

⁷⁹ Там же, III, 14. С. 270.

боевого строя: «Лучше устраивать больше рядов, чем растягивать боевой фронт»⁸⁰. Если количество солдат больше нормы, следует уплотнить строй до десяти шеренг. Тонкий строй врагу легче прорвать, «и уж потом это не поддается никакому исправлению»⁸¹. Что же касается распределения сил по фронту (центр, левое и правое крылья), то здесь все зависит от количества наличных сил. «Победа обычно достигается немногими, — указывает Вегеций. — Поэтому-то и имеет такое значение, чтобы отборные воины мудрым вождем ставились в тех местах, где этого требуют расчет и польза»⁸².

Своими рекомендациями по уплотнению строя, своей характеристикой принципов и гастатов как неподвижной опоры всего боевого порядка Вегеций фактически порывал с традициями манипулярной тактики. Следовательно, здесь мы имеем случай (кстати, весьма редкий у нашего автора), когда Вегеций, на словах ратуящий за возвращение к древним образцам, в действительности был вынужден отражать новые веяния в военной теории, вызванные к жизни особенностями противоборства с конными войсками варваров. Эти идеи оказались весьма плодотворными: в трактатах византийской эпохи не получили отражения многие детали тактических схем Вегеция, но краеугольной основой строя византийцев являлись монолитные живые крепости пехотных подразделений, нейтрализующие главный удар неприятельских сил, обеспечивающие безопасность остальных элементов строя, создающие условия для маневра других частей и подразделений.

В конкретных боевых порядках, рекомендуемых Вегецием, сочетаются элементы и старых, и новых тактических форм. Значительное внимание уделяется обеспечению безопасности флангов. Там должна располагаться конница — тяжеловооруженная ближе к пехотинцам, легковооруженная дальше от них. Для взаимодействия с легкой конницей выделяются подразделения легкой пехоты (т. н. велитов)⁸³.

Подробно обоснована в «Изложении» идея выделения тактического резерва. В интересах создания такого резерва не следует даже бояться идти на риск сокращения боевого строя: «Лучше сохранить ... много отрядов в резерве, чем широко растянуть боевой строй»⁸⁴. Резерв нужен как для укрепления угрожающего участка, где возникает опасность прорыва, так и для всевозможных перестроений боевого порядка без ущерба его безопасности. Резерв формируется из отборных пехотинцев и всадников

⁸⁰ Вегеций, III, 15. С. 270.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, III, 20. С. 275.

⁸³ Там же, III, 16. С. 271.

⁸⁴ Там же, III, 26. С. 279.

под командованием опытных командиров; место его сосредоточения — на фланге или в тылу боевого строя⁸⁵.

Главкомандующий должен иметь ставку на правом фланге строя (между пехотой и конницей); он руководит охватом и разгромом левого фланга противника. Один из его помощников располагается в центре и организует меры по прорыву вражеского фронта или же противодействует неприятельскому прорыву. Другой помощник курирует левый фланг, считавшийся наиболее уязвимым⁸⁶.

В течение боя боевые порядки не могут оставаться неизменными. Если неприятель охватывает фланг, рекомендуется применить способ поворота и закругления боевого строя. Для прорыва фронта используется клин («свиное рыло»); наоборот, вражескому клину противодействуют с помощью «ножниц» (строя в виде латинской буквы V). «Пила» — это своего рода заслон из одной линии воинов, выставляемый для того, чтобы пришедший в беспорядок основной строй успел выправиться. «Клубок» — это строй отдельного подразделения, способного держать круговую оборону; «клубок» используется для прорыва неприятельского строя. Если же этот строй применил неприятель, его нейтрализация осуществляется с помощью более крупного «клубка»⁸⁷.

Вегеций подробно описывает семь способов боевых действий, применяемых в зависимости от соотношения сил и боевой обстановки. Основная идея здесь заключается в том, чтобы максимально использовать все преимущества собственного построения и обратить во вред противнику его недостатки; захватить инициативу и удерживать ее до конца; действуя с максимальной быстротой⁸⁸ и решительностью, добиться перевеса на ключевом участке и, опираясь на него, достичь общего успеха. Даже если в каком-то отдельном эпизоде боя противник получает перевес, ни в коем случае не следует поддаваться панике и упускать инициативу, — в конечном счете всегда «победителями оказывались те, кто наименее терял присутствие духа»⁸⁹.

Автор «Изложения» предостерегает полководца от распространенного мнения, что победа будет тем полнее, чем прочнее заперт окруженный противник. Напротив, безысходность положения ожесточает врага, многократно увеличивает его сопротивление. Вегеций решительно разделяет старинный тезис о том, что разбитому противнику следует построить «зо-

⁸⁵ Вегеций, III, 17. С. 271–272.

⁸⁶ Там же, III, 18. С. 272.

⁸⁷ Там же, III, 19. С. 272–273.

⁸⁸ «В военных делах, — указывает Вегеций (IV, 31. С. 288), — быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть».

⁸⁹ Вегеций, III, 25. С. 278.

лотой мост» для отступления — тогда победа над ним будет более реальной, и чем многочисленнее армия врага, тем масштабнее будет успех сражения⁹⁰. До Вегеция эта мысль высказывалась еще со времен Ксенофонта, затем она стала общим местом в римской теории и из нее перешла в военную доктрину византийцев.

Опытный полководец, начиная сражение, не должен упускать из виду и возможность его неблагоприятного исхода, а потому обязан заранее позаботиться о минимизации возможных негативных последствий. Главное — спасти войско от полного разгрома, отведя его в укрепление (естественное или искусственное) под прикрытием арьергарда. Здесь, перегруппировавшись, можно изменить ход событий, если внезапно напасть на врага, уже празднующего победу. Если этого нельзя сделать немедленно, нужно все-таки собрать воедино оставшееся войско, перевооружить его, вдохнуть в него решимость продолжать сопротивление. Войско должно быть усилено новым набором, должны быть привлечены новые союзники, — в истории известны многочисленные примеры того, как первоначальные неудачи были только предвестниками окончательной победы⁹¹.

Вегеций заканчивает III книгу специальной главой⁹², где в качестве итога кратко сформулированы «*Regulae bellorum generales*». Здесь в сжатой, лаконичной форме перечислены некоторые важнейшие положения, «оправдавшие себя на практике в различные времена». По оценке М. Йенса⁹³, здесь мы встречаем одну из первых удачных попыток свести важнейшие основы военной теории к четким, кратким принципам, изложенным в догматической форме. Много времени спустя мы встречаем эти максимы Вегеция почти дословно воспроизведенными в «Стратегиконе Маврикия» и «Тактике Льва». Необычайной популярностью они пользовались в средневековой Европе, особенно в период Возрождения.

IV книга «*Epitoma rei militaris*» посвящена в основном проблемам полiorкеттики. Любопытна примененная здесь Вегецием форма изложения материала: описав то или иное осадное мероприятие, он тут же дает рекомендации по борьбе с ним, отчего читатель попеременно ставится в положение то нападающего, то обороняющегося. Такая система «перебивки планов» (действие — противодействие) оживляет описание, придает ему динамичность, поддерживает читательский интерес.

Свидетельства Вегеция о способах укрепления городов⁹⁴ не являются оригинальными. Обращает только на себя внимание четко сформулиро-

ванная идея фланкирования подступов к крепостной ограде: изломанная линия стены и выдвинутые вперед угловые башни позволяли поражать атакующего неприятеля не только фронтальным огнем, но и обстреливать его с флангов и почти с тыла⁹⁵. Рекомендованные Вегецием многочисленные сооружения, приспособления и ухищрения для борьбы с осаждающими⁹⁶ — свидетельства его хорошего теоретического знакомства со своим предметом.

Вегецию известны два основных способа осады — один основан на активных действиях осаждающих, другой рассчитан на взятие города измором⁹⁷. В любом случае обороняющиеся должны позаботиться о создании запасов продовольствия (зерна, солонины, птицы, фруктов, вина, уксуса и др.) и фуража. Все припасы из округи, которые невозможно свезти в город, подлежат уничтожению. За пределы города должна быть удалена «невоинственная по возрасту и по полу часть населения»; среди оставшихся немедленно организуется нормированное распределение продуктов в «достаточном для здоровья размере»⁹⁸.

Далее следует приступить к накоплению материалов и средств уже непосредственно военного назначения (асфальт, сера, смола, нефть, уголь, железо, дерево, камни для метания, жилы и волос для тетив, сырые кожи и т. п.). Особое внимание должно быть уделено обеспечению города водой и солью — этому сюжету Вегеций специально посвящает две главы⁹⁹.

Особенно ответственный момент обороны города — отражение первого штурма. Как правило, неприятель стремится ошеломить обороняющихся массой своих войск, шумом стрельбы, блеском вооружения, мощью метательных орудий. Если этот натиск удастся отразить, у осажденных появится уверенность в конечную удачу¹⁰⁰.

Непосредственно при штурме используются самые разнообразные осадные машины — черепахи, тараны, шесты с серпами, башни, виней (крытые проходы) и т. п.; каждому из перечисленных механизмов дана подробная характеристика¹⁰¹. Размеры башен, штурмовых лестниц, перекидных мостков определяются высотой крепостных стен, а последнюю можно вычислить по длине отбрасываемой тени, с помощью теоремы о подобии треугольников¹⁰². Ценны рекомендации нашего автора по борьбе

⁹⁰ Вегеций, III, 21. С. 275.

⁹¹ Там же, III, 25. С. 278.

⁹² Там же, III, 26. С. 278–280.

⁹³ Jähns M. Op. cit. S. 117.

⁹⁴ Вегеций, IV, 1–2. С. 280–281.

⁹⁵ Вегеций, IV, 2. С. 281.

⁹⁶ Там же, IV, 2–6. С. 281.

⁹⁷ Там же, IV, 7. С. 281–282.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, IV, 10–11. С. 283.

¹⁰⁰ Там же, IV, 12. С. 283.

¹⁰¹ Там же, IV, 13–17. С. 283–284.

¹⁰² Там же, IV, 30. С. 288.

с этими осадными механизмами, особенно с подвижными башнями, которые по праву считались самыми мощными средствами осады¹⁰³. Указанный сюжет разработан Вегецием более подробно, чем его предшественниками и последователями, — в трактатах византийской эпохи описание осадных и оборонных мероприятий уступают по детализации соответствующим главам «Изложения». Наиболее полной во всей военно-теоретической литературе является и характеристика Вегецием античной артиллерии. Особенно велик его интерес к зажигательным средствам, доставляемым до цели с помощью стрел или копий. Описания компонентов зажигательной смеси¹⁰⁴ близки к характеристике т. н. «греческого огня», изобретенного несколькими столетиями позднее.

Известны Вегецию и подкопы. С их помощью можно тайно проникнуть в город и напасть на обороняющихся с тыла. Кроме того, можно из этих подкопов разбирать фундамент городской ограды и вызывать ее обрушение¹⁰⁵. Однако обороняющиеся не должны впадать в панику и уныние даже тогда, когда неприятельские войска проникли в город. Если удастся удерживать стены и башни, а также возвышенные места в городе, сопротивление еще не теряет смысла — вторгнувшийся неприятель может быть уничтожен в уличных боях¹⁰⁶.

Если же осаждающие отошли от города, то не следует сразу считать это концом осады — возможно, это просто хитрость, рассчитанная на утрату бдительности. На стенах и в башнях следует оставить наблюдательные посты. Рекомендуются также воспользоваться чуткостью собак и гусей — нашему автору известна старинная легенда о спасении Рима гусями¹⁰⁷.

Материал IV книги «Изложения» был единственным известным во времена средневековья источником по истории античной полиоркетике. Отсюда становится понятной та популярность, которой он пользовался на Западе на протяжении многих столетий после своего создания.

Заканчивая анализ содержания «*Epitoma rei militaris*», можно прийти к заключению, что Вегецию удалось достичь поставленной задачи — синтезировать в сравнительно небольшом по объему руководстве историю развития греко-римской военной теории на протяжении предшествующих столетий, отыскать в прошлом тот идеал, к которому следует стремиться. Несмотря на то, что Вегеций постоянно подчеркивает упадок военного искусства римских легионов (в первую очередь, пехоты), его сочинение имеет в целом оптимистическое звучание. Он ссылается на то, что у мно-

гих «древних» случались периоды упадка военного дела, но усилиями теоретиков и практиков оно вновь возрождалось, и военное счастье вновь оказывалось на их стороне. Вегеций воодушевлен той мыслью, что и его книга внесет вклад в решение этой важнейшей государственной задачи.

Труд Вегеция был по достоинству оценен потомками. Уже с V в. это сочинение стало расцениваться как средоточие высшей военной мудрости; его рекомендации приобрели характер непреложных истин. Не случайно поэтому в период с X по XV в. существовало на менее 150 списков «Изложения». Как было справедливо отмечено М. Йенсом, догматический характер трактата максимально соответствовал мировоззрению средневековых военных профессионалов. У Вегеция можно было отыскать все, в чем ощущалась потребность тогдашнего военачальника: с точки зрения содержания «Изложение» являлось обобщающим сводом древнеримских военно-теоретических знаний, считавшихся непререкаемым идеалом; с точки зрения формы оно имело универсальный, энциклопедический характер, а потому в нем можно было почерпнуть сведения буквально из всех отраслей военной науки. Что же касается сформулированных здесь «*Regulae bellorum generales*», то в них, как полагали, была заключена некая мистическая тайна высшего военного успеха.

Однако начиная с XVI в. возникла и стала усиливаться критическая струя в оценке анализируемого сочинения. Постепенно обнаруживались в возрастающем количестве недостатки и теневые стороны Вегеция как военного писателя: был установлен его непрофессионализм — в нем начали видеть «начальника канцелярии»; в полной мере был раскрыт компилятивный характер «Изложения»; наивность, примитивность некоторых его рекомендаций стала вызывать насмешки. Главный же порок трактата, по мнению критиков, заключался в полном отсутствии историзма, в смешении информации из совершенно разновременных источников: вследствие этого под единой маркировкой «древних» у Вегеция фигурируют военные авторы, отдаленные друг от друга пятью-шестью столетиями (начиная с рубежа III–II вв. до н. э. и кончая временем Диоклетиана).

Нараставшая в течение нового времени дискредитация «Изложения» получила свое завершение в обобщающем исследовании Г. Дельбрюка. По его характеристике «Вегеций был литератором, оторванным от жизни, писавшим свой труд... понаслышке», а потому «все это описание следует отвергнуть, как не имеющее никакой цены»¹⁰⁸.

Подобная оценка трактата Вегеция представляется нам гиперкритичной, а заключительный вывод — необоснованным. Уже одни те мотивы, которыми руководствовался Вегеций в процессе своей работы, дают его трактату право на признание. Действительно, свидетельства Вегеция труд-

¹⁰³ Вегеций, IV, 18–21. С. 285–286.

¹⁰⁴ Там же, IV, 18. С. 285.

¹⁰⁵ Там же, IV, 24. С. 286.

¹⁰⁶ Там же, IV, 25. С. 287.

¹⁰⁷ Там же, IV, 26. С. 287.

¹⁰⁸ См.: Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 197–198.

но (а порою и невозможно) соотнести с конкретными периодами римской военной истории, а потому оперировать ими при анализе *практики* военного дела чрезвычайно затруднительно. Однако с точки зрения развития военной *теории* заслуги Вегеция представляются неоспоримыми и непреходящими.

Мы уже неоднократно подчеркивали мысль о тесной преемственности в накоплении и передаче теоретических знаний как одной из основных особенностей военной науки. Военно-научная мысль периода античности и византизма нашла свое воплощение в значительном количестве письменных памятников, которые тысячелетняя история этой науки выстроила в единую связную цепь. Некоторые из этих звеньев оказались утраченными, но содержательный потенциал, аккумулированный в последующих участках цепи, позволяет реконструировать недостающие звенья методом ретроспекции.

«*Epitoma rei militaris*» — пример одного из самых существенных и информационно-насыщенных звеньев всей греко-римско-византийской письменной военной традиции. Последствия, которые его утрата могла бы принести континуитету полемологических знаний, даже трудно себе вообразить. Очевидно, именно это качество, обеспечившее «связь времен», рассматривалось адептами Вегеция в качестве главного достоинства его труда. Действительно, если взять «Изложение» в качестве условной точки отсчета, то сквозь него представляется возможным обозреть всю историю военной науки от Ксенофонта и Энея до Никифора Фоки и Никифора Урана: предшествующие Вегецию этапы — в ретроспективном ракурсе, последующие — в плане исторической перспективы.

1980 г.

«СТРАТЕГИКОС» ОНАСАНДРА И «СТРАТЕГИКОН МАВРИКИЯ»: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

1. Постановка проблемы. Характеристика источников

Военно-теоретическая мысль византийцев получила свое воплощение в многочисленных памятниках военной литературы, создаваемых на протяжении многих столетий. Эти памятники, весьма различные по целям, задачам и способам их создания, чрезвычайно разнообразные по тематике, значительно отличающиеся друг от друга ценностью содержащейся в них информации, представляют собой тем не менее единый ансамбль, позднейшие звенья которого обязаны своим существованием предыдущим. Подобная преемственность была вызвана к жизни глубокими объективными причинами. Главная из них заключается в специфических особенностях и закономерностях развития самой военной науки.

Отличительная особенность военной науки состоит в том, что традиция играет в ней большую роль, чем в других отраслях; тесная преемственность в накоплении и передаче знаний является ее квалифицирующим признаком. С учетом указанных обстоятельств становится понятным, что военный трактат, написанный без учета предшествующей традиции, не имел права на существование — в лучшем случае он мог быть плодом чистого теоретизирования. Но область военного дела представляла собой слишком обязывающую материю: столкновение такой умозрительной теории с реальной практикой могло обернуться самыми неблагоприятными последствиями, затрагивающими жизненно важные сферы общественного бытия. Письменная традиция передала в руки современного исследователя лишь те памятники военной литературы, которые заслужили право на внимание к себе со стороны современников и потомков либо в качестве практических руководств, рассчитанных на непосредственное применение, либо в качестве произведений, формулирующих идеал организации армии, поведения солдата и военачальника в бою. Впрочем, лучшие военные сочинения эпохи античности и греческого средневековья соединяют в себе оба эти элемента: рисуемый в них военно-теоретический идеал есть абстракция, являющаяся отражением реальной боевой практики и рассчитанная на последующую реализацию.

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 1982. 43; 1984. 45; 1985. 46.

Практически в каждом военном трактате (особенно в тех из них, которые строятся по образцу энциклопедий, т. е. являются универсальными по своему содержанию) можно достаточно определенно разграничить свидетельства трех основных типов: почерпнутые из собственного опыта, заимствованные из старых военных руководств, но приспособленные к потребностям современной войны и, наконец, содержащие историко-иллюстративную информацию.

Преклонение перед авторитетом «древних» в области военной науки проявляется еще более определенно, чем в других отраслях знаний. Военный писатель прежде всего озабочен тем, чтобы максимально полно и как можно более точно воспроизвести рекомендации своих предшественников по профессии. На обобщение современной боевой практики автор идет уже в последнюю очередь, причем делает это чаще всего без подчеркнутого энтузиазма: собственные наблюдения и выводы представляются ему гораздо менее значительными, чем освященные вековыми традициями свидетельства «древних».

Еще в большей степени, чем к античным греческим и римским, это относится к писателям, которых уже можно именовать собственно византийскими, — тем, чья деятельность начинается с VI в. (рубежом здесь является царствование Юстиниана). В их эпоху — эпоху краха античной военной организации, относительного упадка науки, техники, искусства, культуры — достижения военно-теоретической мысли «древних» рассматривались в качестве достойного подражания идеала, и это действительно отражало объективно сложившееся положение дел. Поэтому всемерное следование старым образцам, текстуальные заимствования, стилистические и композиционные подражания становились нормой творческого метода византийского военного писателя.

Заслуга лучших исследователей византийской военной традиции — Г. Кэхли и В. Рюстова, Р. Вари, А. Дэна заключается в обосновании неразрывной связи, взаимозависимости, взаимообусловленности памятников военной науки, в доказательстве «ансамблевидного», «хороводного», «цепеобразного» их состояния. В связи с этим идеи авторов, стоявших у истоков военной науки (Эней, Онасандр, Элиан), будучи трансформированными через несколько последующих адаптаций, можно обнаружить в произведениях, завершающих эту многовековую коллекцию («Тактика Льва», «Тактика Никифора Урана»).

Подход к письменной военной традиции как к объекту целостному и компактному — основополагающий методологический принцип военно-исторических исследований. Лишь его применение в историографии последнего столетия поставило эти исследования на подлинно научную основу.

Однако было бы ошибочно полагать, что этот принцип имеет универсальное значение. Его абсолютизирование содержит в себе некоторые негативные потенции, которые могут реализоваться в ходе конкретных исследований. К настоящему времени, как нам кажется, они уже реализовались по крайней мере в двух основных направлениях.

Правильная исходная установка относительно целостного, компактного ансамбля памятников военной литературы античного периода и византийской эпохи постепенно скорректировалась в представление о том, что эти памятники мало отличаются друг от друга, что общего в них больше, чем индивидуального, что все они лишь бесконечные вариации на одну и ту же тему. Выполненные по последнему слову науки издания военных трактатов, сопровождаемые детальными указателями параллельных мест, скрупулезные текстологические исследования Р. Вари и А. Дэна, обнаруживших адаптации, парафразы, заимствования, компиляции в трактатах, отстоящих друг от друга иногда на целое тысячелетие, изящество и легкость, с которыми А. Дэн реконструировал целые своды военно-научных знаний, те многочисленные «*Tactica perditia*» и «*Corpus perditum*», которые до наших дней не дошли, но о содержании которых А. Дэн писал так, как будто они были перед его глазами, определяя с достоверностью не только их источники, но и указывая точное количество их разделов, глав и параграфов¹, — все это, поражая воображение неспециалистов, невольно еще больше нивелировало в их глазах анализируемые военно-научные сочинения.

Разумеется, ни Р. Вари, ни А. Дэн, ни другие представители «филологической школы» субъективно не повинны в подобных ошибочных выводах — последние делались помимо и вопреки их воле. Как ни парадоксально это звучит, такие выводы являлись объективным следствием блестящих успехов «филологической школы», рассматривающей военный трактат исключительно в качестве литературного произведения, на фоне почти полного отсутствия исследований содержащихся в трактате военно-исторических реалий, «привязывающих» трактат к той или иной эпохе, делающих его историческим памятником.

Из тех же установок о целостности военно-литературной традиции вытекает и второе ошибочное представление — о перспективах развития военно-теоретической мысли от эпохи античности к византийской эпохе. В сознании исследователей укоренилось представление о том, что сущность этой эволюции заключается в постоянной деградации античной военной теории. Сейчас трудно установить истоки подобных воззрений и назвать имена их основоположников — по крайней мере уже Г. Дельбрюк говорил об этом как о факте вполне обоснованном. В современной

¹ См.: Dain A. Les stratèges byzantins // ТМ. 1967. 2.

историографии такие идеи открыто не высказываются, но они и не опровергаются, а, следовательно, молчаливо разделяются многими исследователями. И опять можно констатировать, что изыскания представителей «филологической школы» вновь невольно способствовали укреплению этого ошибочного мнения. В самом деле, если удастся обнаружить, что «Византийский Аноним VI в.» преподносит в качестве новых идеи, известные еще Энею, писавшему на 900 лет ранее, если «Тактика Льва» лишь парафразирует свидетельства «Стратегикона Маврикия», хотя их разделяет трехвековой промежуток времени, если в «Тактике Никифора Урана» соседствуют свидетельства, одни из которых старше других на тысячелетие, то какой еще вывод можно сделать из этих фактов?

Характерно, что указанные оба негативных вывода обращались именно против византийского периода в развитии латинской и грекоязычной военной литературы. Различия между античными трактатами Энея и Витрувия, Асклепиодота и Онасандра, Фронтин и Элиана были заметны невооруженным глазом — прежде всего в плане тематического разнообразия. Для византийского же периода, когда господствующим становится жанр военных энциклопедий, творческая индивидуальность отдельных авторов размывается, нивелируется общностью их тематики и методологии. Среди античных военных авторов можно назвать таких, которые были первооткрывателями отдельных сфер, аспектов, проблем военной науки. Эней был первым, кто заложил основы теории осады и обороны городов. Онасандр впервые сформулировал морально-этические критерии должности главнокомандующего. Фронтин вошел в историю военной науки как основоположник жанра «стратегем» — сборника военно-исторических иллюстраций деятельности великих полководцев древности. Такие примеры можно продолжать бесконечно, опускаясь от более общих проблем к более конкретным и частным. Гораздо труднее обнаружить новое в сочинениях византийских военных теоретиков: на поверхности это новое не лежит, в поисках его необходимо осуществить детальный анализ содержания этих сочинений, при этом непременно сопровождая его сопоставлениями с военной практикой, зафиксированной в исторических памятниках иных жанров.

Ошибочное представление об однотипности, схожести, неразличимости памятников византийской военной литературы опровергается в результате сравнительного анализа их содержания. Попытки такого рода предпринимались нами неоднократно в предыдущих работах². В настоя-

² См., например: Кучма В. В. К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва» // АДСВ. 1972. 8; Он же. «Тактика Льва» как исторический источник // ВВ. 1972. 33; Он же. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. 40 (последние две работы см. в настоящем издании).

щей статье мы произведем сравнительный анализ двух более удаленных друг от друга по времени военно-научных сочинений, одно из которых («Стратегикос» Онасандра) датируется второй половиной I в. н. э. и, следовательно, относится к периоду расцвета античной военной науки, другое («Стратегикон Маврикия») символизирует византийскую эпоху в ее развитии.

Выбор для сравнительного анализа именно этих двух трактатов не является случайным. Как будет показано ниже, оба они сыграли выдающуюся роль в развитии теории и практики военного дела, оставили глубокий след в военно-литературной традиции. Оба они универсальны по своему содержанию: их авторы в меру своих сил и возможностей стремились к энциклопедическому охвату проблем военной науки. Оба трактата, по заявлениям их авторов, базируются на осмыслении и обобщении данных боевой практики, опыта военных кампаний. Вместе с тем авторы демонстрируют хорошую теоретическую подготовку, знакомство с предшествующей литературой их жанра. Наконец, главная цель создания обоих произведений, также по словам самих авторов, заключалась в выработке конкретных практических рекомендаций, рассчитанных на применение в условиях боевой действительности.

Прежде чем приступить к анализу, мы считаем необходимым дать более полную характеристику каждого из трактатов. Эта необходимость представляется особенно настоятельной в отношении «Стратегикоса» Онасандра, поскольку в отечественной историографии (как дореволюционной, так и советской) такая попытка предпринимается впервые.

Все сведения о личности автора «Стратегикоса» исчерпываются краткой справкой, которую дает «Суда»: 'Ονόσανδρος, φιλόσοφος πλατωνικός. Τακτικά. Περί στρατηγικῶν. Ὑπομνήματα εἰς Πλάτωνος πολιτείας. Остается неясным, почему Онасандр здесь именуется «латоническим философом»: потому ли, что в действительности принадлежал к этому направлению античной философии³, либо потому, что он написал не дошедшие до нас записки о платоновской «Политии». Не вполне ясен и вопрос об объеме военно-литературного наследия автора. Если понимать сообщение «Суды» буквально, речь идет о двух военных сочинениях: «Тактика» и «О военных хитростях». Авторы издания 1923 г. вносят конъектуры в это сообщение и приходят к выводу, что здесь упомянуто только одно произведение⁴, а именно то, которое вошло в литературу под наименованием «Стратегикос».

³ Именно этого мнения придерживаются авторы англо-американского издания, которым мы пользуемся: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. L.; N. Y., 1923. P. 343 sq. (далее — Onasander).

⁴ Onasander. P. 343.

Написание имени нашего автора в рукописях встречается в трех вариантах: Оносандр, Оносандр, Оносандр; мы предпочитаем последний⁵.

Ключ к датировке трактата дает авторское посвящение его Квинту Веранию, который занимал должность консула в период царствования императора Клавдия (41–54 гг.)⁶. Трактат обычно датируется второй половиной I в., временем Клавдия или Нерона⁷, скорее всего не позднее 59 г.⁸

Трактат Оносандра пользовался громадной популярностью среди издателей и переводчиков⁹; ему посвящена обширная историография¹⁰, со-

⁵ По этому вопросу см.: *Peters W. Untersuchungen zu Onasander. Bonn, 1972. S. 7, Anm. 1. А. Дэн (см.: Dain A. Les stratégistes... P. 328)*, отмечал, что форма «Оносандр» является древней дорической формой, известной на Кипре (а наш автор был именно киприотом) вплоть до христианской эры. Наиболее древняя и достоверная из «военных» рукописей — *Laurentianus gr. LV-4* — содержит именно эту форму. Средневековая традиция обычно использует форму «Оносандр» — именно в таком написании это имя зафиксировано в «Суде»; оно же упомянуто в заглавии «Тактики Никифора Урана» (см.: *Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. P., 1937. P. 13*), хотя несколько более ранняя «Тактика Льва» предпочитает форму «Онесандр» (*PG. 1863. 107. Col. 884 B*). В настоящее время форма «Оносандр» признана большинством исследователей несостоятельной; из двух оставшихся новейшая литература отдает предпочтение форме «Оносандр» — она рассматривается в качестве основополагающей.

⁶ Ряд соображений по поводу происхождения Оносандра и его связей с фамилией Вераниев высказан А. Дэном (см.: *Dain A. Les manuscrits d'Onésandros. P., 1930. P. 140–143*).

⁷ *Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 91, Anm. 1.*

⁸ *Onasander. P. 347–348.*

⁹ Первые публикации латинского текста появились в конце XV и начале XVI в. в Риме и Париже; в течение XVI в. были осуществлены его переводы на испанский, немецкий, французский языки. Первое научное издание было предпринято в конце XVI в. (*Rigaltius N. Onosandri Strategicus, sive de imperatoris institutione. Parisiis, 1598*). Трактат неоднократно переиздавался в XVIII в.; лучшей является публикация: *Schwebelius (Schwebel) M. N. Onasandri Strategicus. Norimbergae, 1762* (с хорошим по тому времени критическим аппаратом и французским переводом). В XIX в. трактат был впервые (и единственный раз) издан в России с параллельным русским переводом: *Оносандра наставления военачальникам / Переведенные с греческого и изданные с греческим текстом, примечаниями и таблицами бароном Ф. Стуартом. СПб., 1828*. В текущем столетии появились еще два издания: указанное выше англо-американское 1923 г. и будапештское 1935 г. (*Onasandri Strategicus // Ed. E. Korzensky, R. Vari. Budapestini, 1935*). Полную сводку всех публикаций см.: *Jähns M. Op. cit. S. 93–94; Onasander. P. 354–361; Dain A. Les stratégistes... P. 327–328; Peters W. Op. cit. S. 254 sq.*

¹⁰ Наиболее полная сводка: *Peters W. Op. cit. S. 280–283.*

державшая оценки весьма противоречивые и существенно различные, иногда диаметрально противоположные.

Если на протяжении всей византийской эпохи, во времена Ренессанса, в течение XVII и XVIII столетий трактат оценивался исключительно высоко, то начиная с XIX в. он стал подвергаться все более и более резкой критике, пока, наконец, два выдающихся авторитета в области военной науки — Г. Кэхли и В. Рюстов — не пришли к выводу о полной непригодности сочинения Оносандра для характеристики античного военного искусства¹¹. Их мнение оказало существенное воздействие на историографию. С подобной оценкой полностью солидаризировался Г. Дельбрюк¹²; многие авторы других обобщающих трудов по истории военного искусства вообще не упоминают Оносандра и его сочинение¹³.

В наиболее завершенной форме резко отрицательная оценка «Стратегикоса» была сформулирована М. Йенсом¹⁴. Он пришел к выводу, что трактат не оправдывает надежд, возникающих при ознакомлении с его планом и введением. Правда, сочинение не лишено отдельных интересных идей, но это, скорее всего, заслуга не самого Оносандра, а источников, которыми он располагал. Провозглашенная же во введении программа — уяснить причины успехов римского оружия — остается фактически нереализованной. Автор ограничивается лишь констатацией этих успехов, всячески восхваляя доблести римских военачальников. Изложение материала ведется в абстрактно-теоретической форме, анализ военно-исторических реалий полностью отсутствует, о собственно римском военном искусстве практически не сказано ничего. Бросается в глаза своеобразный страх Оносандра перед тонкостями военной технологии. В его концепциях преобладают воззрения, вдохновленные идеями македонской тактики времен Александра и диадохов; круг проблем ограничен пределами, установленными еще во времена Ксенофонта и Полибия. Автор излагает свой предмет без воодушевления и критического благоразумия; не различают ни времена, ни народы, отчего текст трактата изобилует общими местами. Как заключает М. Йенс, уровень подготовки Оносандра и качества его как писателя совершенно не соответствовали грандиозности задуманного им предприятия — подходящей для этого фигурой этот философ-платоник отнюдь не был.

¹¹ *Rüstow W., Köchly H. Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos. Aarau, 1852. S. VIII.*

¹² *Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. 2. Auflage. T. II. Berlin, 1923. S. 210.*

¹³ См., например: *Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928.*

¹⁴ *Jähns M. Op. cit. S. 92.*

С 20-х гг. нашего столетия отношение к Онасандру вновь стало меняться — на этот раз в благоприятную сторону. Начало было положено англо-американским изданием 1923 г., уже во введении к которому развивается тезис о том, что при построении принципов военного искусства невозможно избежать общих мест. Дело заключается не в них самих, а в способах их применения и интерпретации. Подчеркивая значение «Стратегикоса» для развития военной науки, издатели ссылаются на авторитет Морица Саксонского, заявившего, что принципы и правила, излагаемые Онасандром, способны сформировать великого военачальника¹⁵. Обратившийся к изучению «Стратегикоса» А. Дэн¹⁶ фактически обошел вопрос о ценности этого сочинения — интересы французского исследователя в данном случае не выходили за рамки палеографии. Сдержанного тона придерживались и венгерские издатели трактата¹⁷. Но во всяком случае эти оценки являлись позитивными, что характерно и для других работ Р. Вари¹⁸. Решительно и последовательно ценность «Стратегикоса» отстаивал Ф. Ламмерт: для него тактика Онасандра не есть что-то противоречащее и враждебное исторической действительности — наоборот, она есть зеркало современной автору ситуации в области военной теории и практики¹⁹. В советской историографии, где трактат Онасандра еще не был объектом специального изучения, практически единственный отзыв о нем является весьма положительным²⁰.

Реабилитация сочинения Онасандра в глазах современного читателя — основная задача, которую поставил перед собой автор новейшего, наиболее полного исследования «Стратегикоса» В. Петерс²¹. Он пришел к выводу, что это сочинение покоится на солидной теоретической и фактической основе. Содержащиеся в нем идеи имеют параллели в лучших образцах военно-теоретической и военно-исторической литературы, берутся у крупнейших военных авторитетов и опираются на фундамент практического опыта. Вместе с тем, отмечает В. Петерс, трактату свойственны и некоторые недостатки: остались лишь названными, но не раскрытыми многие составные элементы теории и практики военного дела (вооружение и снаряжение армии, упражнения кавалерийских частей, осадные

машины и механизмы и т. д.), высказан ряд идей, несостоятельных с военной точки зрения (совершение марша в открытой местности без организации разведки, даже ночью²², идея лунообразного построения боевого порядка²³). Подобные промахи Онасандра В. Петерс объясняет его неправильным пониманием своих источников, а в конечном счете отсутствием у него специальной военной подготовки²⁴.

С большинством замечаний западногерманского филолога можно согласиться. Но одно из них, а именно то, которое касается упомянутого Онасандром лунообразного построения боевого порядка, следует признать совершенно необоснованным. Дело прежде всего в том, что идея такого построения, при котором фланги строя выдвинуты вперед (или — реже — оттянуты назад) по отношению к центру, отнюдь не принадлежит Онасандру — такой боевой строй был известен в практике римлян по крайней мере со времен Пунических войн. Так, по свидетельству Фронтин²⁵, его успешно применил Корнелий Сципион Африканский в период военной кампании в Испании против Газдрубала (ок. 207–206 гг. до н. э.). Можно напомнить также, что десятилетием ранее Ганнибал нанес сокрушительное поражение римлянам при Каннах, применив именно лунообразное построение своих войск²⁶. В позднейших памятниках военной литературы такой строй также упоминается неоднократно; его знают, например, Вегеций²⁷ и Маврикий²⁸.

Рассматривая данный сюжет, Онасандр правильно определил сущность лунообразного построения²⁹, имеющего целью охват и дальнейшее окружение строя противника с помощью выдвинутых вперед флангов. Абсолютно правильны и два теоретически возможных способа, с помощью которых можно противостоять такому построению. Первый из них заключается в нанесении двух сосредоточенных ударов по обоим неприятельским флангам, что может привести к деформации всего боевого порядка, нарушению взаимодействия его частей; после этого рекомендует нанести удар по центру специально предназначенными для этого ре-

²² Onasander, VI, 8. P. 398.

²³ Ibid., XXI, 5–8. P. 454–456.

²⁴ Peters W. Op. cit. S. 246.

²⁵ Фронтин Секст Юлий. Стратегемы // ВДИ. 1946. № 1. С. 241–242 (далее — Фронтин).

²⁶ Разин Е. А. Указ. соч. Т. 1. С. 313–317.

²⁷ Ренат Флавий Вегеций. Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1. С. 274 (далее — Вегеций).

²⁸ Mauricius. Arta militaria. III. 14 // Ed. H. Mihăescu. București, 1970. P. 132 (далее — Mauricius).

²⁹ Onasander, XXI, 5. P. 454.

¹⁵ Onasander. P. 351.

¹⁶ Dain A. Les manuscrits d'Onésandros... Passim.

¹⁷ Издание указано в примеч. 9.

¹⁸ Vari R. Die sog. «Inedita Tactica Leonis» // BZ. 1927. 27. S. 265.

¹⁹ Lammert F. Die römische Taktik zu Beginn der Kaiserzeit und die Geschichtsschreibung // Philologus. 1931. Suppl. XXXIII. Heft. 2; Idem. Phalanx // RE. 1938. 38. Col. 1624 ff.

²⁰ Разин Е. А. История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 465–468.

²¹ Peters W. Op. cit.

зервными подразделениями³⁰. Второй способ имеет своей целью прорыв обычно ослабленного при лунообразном построении центра, последующее расчленение вражеского боевого порядка и разгром его по частям³¹.

Таким образом, анализ указанного пассажа Онасандра приводит к заключению, прямо противоположному тому, к которому пришел В. Петерс: мы имеем здесь один из немногих случаев, когда Онасандр, взявший на себя смелость углубиться в сферу конкретной тактической технологии (обычно он этого избегает), решил эти вопросы на вполне профессиональном уровне.

Главная задача, которую Онасандр поставил перед собой, сформулирована им во введении: дать наставления, способствующие формированию хорошего военачальника, достойного славных деяний предшествующих поколений римлян³². Но поскольку, по справедливому замечанию М. Йенса³³, во времена Онасандра стратиг являлся одновременно и военным министром, и главнокомандующим, в его обязанности входило не только боевое применение средств и сил ведения войны, но и — предварительно — их мобилизация, упорядочение и распределение. Поэтому круг проблем, затрагиваемых в сочинении, оказывается весьма широким.

Трактат Онасандра разделяется на 42 главы; следует заметить, что это деление не является авторским, а осуществлено позднейшими интерпретаторами³⁴. Согласно схеме, предложенной Р. Вари³⁵, материал в трактате Онасандра располагался по следующим разделам:

1. Требования, предъявляемые к стратигу (I–II).
2. Принципы, которыми он должен руководствоваться (III–V).
3. Порядок совершения маршей, лагерное устройство (VI–X, 8).
4. Действия стратига накануне сражения (XXVII–XXXIV).
5. Его действия в день сражения (X, 9; XXV–XXVI; X, 10; XI, 2; XII–XXIV; XI, 1).
6. Его действия после окончания сражения (XXV–XXXVIII).
7. Об осаде городов (XXXIX–XLII).

³⁰ Onasander, XXI, 6–7. P. 454–456.

³¹ Ibid., XXI, 8. P. 456.

³² Ibid., Praef. P. 368–374.

³³ Jähns M. Op. cit. S. 91.

³⁴ Так, В. Петерсом обращено внимание на факт употребления в заглавии одного из титулов термина *ἀγλῆκτον* (в смысле «лагерь») — этот термин стал употребляться лишь в византийскую эпоху и не был известен во времена Онасандра (см.: Peters W. Op. cit. S. 13).

³⁵ Воспроизведена в исследованиях А. Дэна (*Les stratégistes...* P. 329) и В. Петерса (Op. cit. S. 22–23).

В литературе XIX в. преобладала негативная оценка навыков систематизации материала и композиционных писательских приемов Онасандра. Многие исследователи приходили к выводу об отсутствии у Онасандра какой-либо последовательной системы³⁶. В современной историографии высказана мысль о том, что сочинение Онасандра строится по четкой, последовательной, логически обоснованной схеме — иное дело, что эта схема существенно отличается от планов его предшественников. Последние занимались систематизацией военно-научных знаний по отдельным видам и отраслям, решая проблемы их внутренней субординации и координации. Онасандр же взял в качестве исходных посылок определенные военные принципы, нормы и правила и занялся изучением динамики их внутреннего развития, анализом их взаимоперехода друг в друга, установлением между ними ассоциативных связей.

При внимательном ознакомлении с трактатом становится ясно, что порядок изложения материала в нем имеет глубокую внутреннюю логику. Стержневая идея, пронизывающая трактат от начала до конца, — это динамика отправления главнокомандующим своих должностных функций с момента назначения его на пост вплоть до окончания военной кампании, и вся военно-научная информация, которой располагает автор, группируется, систематизируется и излагается им в соответствии с этой основополагающей диспозицией.

В свете вышеизложенного мы считаем обоснованной позицию В. Петерса, отметившего в трактате Онасандра шесть основных, последовательно раскрываемых тем, соотношенных с ситуацией деятельности полководца на различных этапах военной кампании:

1. Стратиг и его подчиненные (I–III).
2. Начало войны (IV–V).
3. Марш (VI–VII).
4. Лагерь (VIII–XIV).
5. Сражение (XV–XXXVII).
6. Полиоркетика (XXXVIII–XLII)³⁷.

Оригинальность авторской композиции выделяет «Стратегикос» среди других памятников подобного рода — предыдущих и последующих. Складывается впечатление, что в ряде случаев Онасандр сознательно жертвует полнотой и ясностью изложения военно-теоретической информации ради художественной формы своего труда. Не случайно в этой связи то повышенное внимание, которое уделялось трактату Онасандра лингвистами и литературоведами. Установлено, что стиль Онасандра испы-

³⁶ См., например: Jähns M. Op. cit. S. 91–92.

³⁷ Peters W. Op. cit. S. 17.

тал на себе влияние лучших представителей историко-литературного жанра, в первую очередь Фукидида³⁸, Ксенофонта³⁹, Полибия⁴⁰.

Не будучи профессионалом, специалистом в области военного дела (о чем в трактате сказано со всей определенностью⁴¹), Онасандр нуждался в источниках, откуда он мог черпать фактический материал из области военной теории и практики. К настоящему времени круг основных источников «Стратегикоса» очерчен с достаточной ясностью. Прежде всего это труды Ксенофонта и Полибия⁴² — именно эти два автора определяют теоретическую основу и методологические принципы анализируемого сочинения. С определенной долей гипотетичности можно говорить о влиянии Энея, жившего в IV в. до н. э. и написавшего ряд военно-теоретических сочинений, из которых до наших дней сохранился трактат, посвященный проблемам полиоркетки. О прямых заимствованиях Онасандром сведений Энея говорить трудно — «здесь приходится исходить больше из общих соображений, а не из текстуальных совпадений»⁴³.

Но, вероятно, основную массу сведений Онасандр заимствовал не из греческой, а из римской военно-исторической литературы. По словам самого Онасандра⁴⁴, в основе его военного сочинения лежит боевой опыт римлян, а главная цель заключается в возвеличении славных деяний римских полководцев. Среди римских авторов, из произведений которых Онасандр мог черпать фактический материал, должны быть названы Тит Ливий, его современник Дионисий Галикарнасский, автор «Римских древностей», Саллюстий, описавший события Югуртинской войны, «Комментарии» Юлия Цезаря⁴⁵.

Выдающийся вклад Онасандра в развитие военной науки заключается в обосновании им теоретических, философских проблем этой науки. Еще со времен Ксенофонта в военной теории существовало определен-

³⁸ На это обратил внимание В. Олдфатер (Onasander. P. 351); влияние Фукидида на Онасандра детально обосновано В. Петерсом (Op. cit. S. 25–71).

³⁹ Это мнение утвердилось в литературе со времен издания М. Швелева.

⁴⁰ Следы его влияния были впервые обнаружены Г. Кэхли и В. Рюстовом.

⁴¹ Onasander. P. 368, 372–374.

⁴² В. Петерсом обращено внимание на некоторые пассажи «Стратегикоса», в которых влияние двух указанных авторов ощущается наиболее сильно. Так, в гл. X Онасандр рекомендует полководцу проводить учебные сражения, вооружив часть своих солдат палками, а другую — комыями земли и направив их друг против друга. Такой способ воинских упражнений, по сообщению Ксенофонта (Киропедия, II, 3), применял в свое время Кир (см.: Peters W. Op. cit. S. 84, 248–249).

⁴³ Беляев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности // ВДИ. 1965. № 1. С. 256.

⁴⁴ Onasander. P. 368–370, 372.

⁴⁵ Peters W. Op. cit. S. 86.

ное различие между стратегией и тактикой как двумя главными составными частями военного искусства. Понятие тактики включало в себя способы вооружения, размещения и упорядочения солдат в строю, а также обучения их индивидуальным и групповым военным приемам. Стратегия понималась как высшее полководческое искусство, охватывающее подготовку вооруженных сил к войне, планирование, подготовку и непосредственное проведение военной кампании, использование ее результатов и последствий. Если в трудах предшественников Онасандра (Эней, Асклепиодот), его младших современников (Фронтин, Элиан) и большинства последователей (вплоть до Вегеция) преобладает тактико-техническая материя, почти никак не связанная с проблемами стратегии, то именно последняя превалирует в «Стратегикосе», причем тема полководческого искусства (разумеется, в античном его понимании) оказалась раскрытой Онасандром всесторонне и исчерпывающим образом.

В связи с изложенным можно говорить о двух аспектах воздействия «Стратегикоса» на последующую военную литературу. С одной стороны, это воздействие воплощалось в конкретных заимствованиях позднейшими военными писателями фактического материала, систематизированного Онасандром. Примером здесь может служить живший в I в. н. э. Фронтин, автор «Стратегем» — сборника систематизированных примеров из области военной истории, рисующих деяния великих полководцев. Несомненно аналогичное влияние Онасандра и на Вегеция (возможно, именно через посредство Фронтинана)⁴⁶. С другой стороны, очень сильным оказалось общее влияние теоретических, доктринальных принципов и концепций Онасандра — его испытала вся без исключения позднейшая военная литература. В глазах последующих адептов слабости «Стратегикоса» с точки зрения военной технологии компенсировались наличием в нем впервые систематизированных комплексов морально-этического свойства. Общезначимость онасандровских принципов открывала возможность их активного заимствования, а компактная, максимально удобная для восприятия форма подачи материала сводила на нет трудности такого заимствования. Отсюда становится понятным факт распространения труда Онасандра в большом количестве рукописных копий, переложений и извлечений, а также заинтересованное, не лишенное прагматической подо-

⁴⁶ Тезис о взаимосвязанности сочинений Онасандра и Фронтинана, а также о влиянии этих двух авторов на Вегеция был выдвинут и обоснован Д. Шенком (см.: Schenk D. Flavius Vegetius Rhenanus. Die Quellen der Epitoma Rei Militaris. Klio, 1930, 22). Сопоставление трактата Онасандра с военными сочинениями античной эпохи (предыдущими и последующими) представляет значительный интерес. Но поскольку такой анализ выходит за рамки византиноведческой тематики, мы намерены осуществить его в специальной работе.

плеки внимание к нему со стороны теоретиков и практиков военного дела во времена античности, средневековья и даже Нового времени.

* * *

Оба аспекта воздействия трактата Онасандра могут быть прослежены в тексте «Стратегикона Маврикия» — самого выдающегося памятника византийской военной науки, определившего перспективы ее развития на протяжении многих столетий. Общая характеристика «Стратегикона» уже давалась нами в предыдущих работах⁴⁷. Здесь мы намерены высказать ряд соображений по вопросам, которых мы не касались ранее.

Установившееся к настоящему времени в литературе наименование трактата («Стратегикон Маврикия») является компромиссным и условным в обоих своих составных элементах, ибо состояние рукописной традиции таково, что в ней отсутствует унификация как в названии сочинения, так и в имени его автора. Наиболее ранняя, Флорентийская, рукопись, датируемая X в., имеет заглавие: Οὐρβικίου τακτικᾶ στρατηγικᾶ. В Миланской рукописи, создание которой относится к XI в., читаем: Μαυρικίου τακτικᾶ τοῦ ἐπὶ τοῦ βασιλέως Μαυρικίου γεγονότος. Наконец, в трех остальных рукописях (Неаполитанской, Парижской и Ватиканской) трактат назван: Μαυρικίου στρατηγικόν⁴⁸.

Как видим, самая древняя рукопись содержит двойное, обобщающее наименование (тактикᾶ-στратηγικᾶ); в более поздних списках название трактата как бы усекается, будучи разделенным надвое, причем Миланский кодекс ограничивается лишь первой частью (тактикᾶ), а три остальные предпочитают вторую (στратηγικᾶ).

Какое же из перечисленных наименований точнее отражает содержание трактата?

Как будет показано ниже, трактат содержит разделы, посвященные характеристике как тактических, так и стратегических принципов в их понимании, традиционном для греко-римской военно-теоретической литературы. Автор трактата избегает общетеоретических определений тактики и стратегии, хотя он, несомненно, видит различия между ними. В начале книги II он перечисляет те элементы, которые, по его мнению, должны относиться к стратегии: это прежде всего выбор времени и места для совершения нападений на противника, а также сама организация этих нападений с применением разнообразных военных хитростей⁴⁹. Как ви-

⁴⁷ См., например: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. 40 (см. также настоящее издание).

⁴⁸ Об этих рукописях см.: Dain A. Les stratégistes... P. 382–385; Mihăescu H. Prolégomènes à une édition critique des TACTICA — STRATEGICA de Maurice-Urbicius // RESEE. 1967. V. P. 411–417.

⁴⁹ Mauricius, II, I. P. 74.

дим, понимание автором стратегии как высшего полководческого искусства в принципе не отличается от традиционных формулировок, содержащихся в других, более ранних и более поздних, трактатах. Напротив, лишенные налета книжности и учености, его рассуждения даже более точно выражают суть явления.

Что же касается тактики, то дефиниции этого понятия в изучаемом трактате вообще не содержится. Однако если судить по содержанию трактата в целом, автор также разделяет традиционное понимание тактики как способа размещения и упорядочения солдат и их обучения индивидуальным и групповым военным приемам.

Таким образом, двойное наименование трактата во Флорентийской рукописи (тактикᾶ-στратηγικᾶ) с наибольшей полнотой и точностью отражает его содержание, поскольку трактат содержит сведения об этих обеих частях военного искусства. Однако такое соединение двух разноплановых терминов в одном названии является чисто механическим — оно не имело смысла даже в глазах древних⁵⁰. Вполне справедливо замечание А. Дэна, что трактат, не являясь ни чисто стратегическим, ни полностью тактическим руководством, «говоря в военном смысле, пребывает посередине», вследствие чего становится еще более ценным, поскольку количество сообщаемых им сведений по крайней мере удваивается⁵¹.

Что же касается традиционного наименования трактата («Стратегикон»), то с формальной точки зрения оно не имеет больших прав на существование, чем наименование «Тактика»⁵². Но его приоритет зиждется на силе традиции, заложенной изданием И. Шеффера, свыше 300 лет оставшегося единственным. В последние годы эта традиция была подтверждена изданием, осуществленным Х. Михаэску⁵³, и мы полагаем, что нет оснований пересматривать это утвердившееся наименование⁵⁴.

⁵⁰ Dain A. Urbicius ou Mauricius? // REB. 1968. 26. P. 129.

⁵¹ Ibid. P. 129.

⁵² Ср. соображения, высказанные К. Э. Цахарием фон Лингенталем (см.: Zachariae von Lingenthal K. E. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // BZ. 1894. 3. S. 441–442).

⁵³ Во вводной статье к своему изданию Х. Михаэску пришел к выводу, что двойное наименование трактата во Флорентийской рукописи является более обоснованным, чем усеченные названия других рукописей (см.: Mihăescu H. Prolégomènes à une édition... P. 408). Однако в издании трактата, вышедшем в свет три года спустя, было сохранено традиционное наименование «Стратегикон». При этом Х. Михаэску не пояснил, почему он отказался от заглавия основополагающей (Флорентийской) рукописи (см. рецензию на это издание: Dostálová R., Zástěrová B. // BS. 1971. 32. P. 319–320).

⁵⁴ Настоящая статья уже находилась в печати, когда вышло в свет новое издание «Стратегикона»: Das Strategikon des Maurikios // Ed. G. T. Dennis, E. Gamillscheg. Wien, 1981.

Если вопрос о техническом наименовании трактата можно считать не имеющим существенного значения (большинство из известных к настоящему времени памятников военной литературы имеют условные, неавторские наименования), то проблема авторства «Стратегикона» имеет принципиальную важность как для датировки трактата, так и для решения других первостепенной значимости вопросов.

Средневековая историографическая традиция безоговорочно сходилась на признании автором «Стратегикона» византийского императора Маврикия (582–602). Колебания в этом вопросе возникли после выхода в свет первого научного издания трактата, осуществленного И. Шеффером⁵⁵. Отведя имя Урбикия, И. Шеффер атрибуировал «Стратегикон» Маврикию, но не византийскому императору, правившему на рубеже VI и VII столетий, а его неизвестному омониму. В течение следующих двух столетий проблематика трактата занимала исследователей сравнительно мало. Ряд ученых вопреки И. Шефферу продолжали видеть автора «Стратегикона» в императоре Маврикии (Г. Кэхли, Ф. Гаазе). Однако концепция И. Шеффера превалировала в историографии. Наиболее последовательно ее защищал Р. Ферстер⁵⁶, одновременно убедительно доказавший, что трактат был написан именно в эпоху царствования Маврикия⁵⁷.

В историографии XX в. авторство императора Маврикия решительно защищал Ф. Оссарес: полемизируя с Р. Вари, он демонстративно внес эту атрибуцию даже в заглавие своего главного исследования⁵⁸. Дополнительный аргумент в пользу такой атрибуции дал Ф. Оссаресу анализ религиозных воззрений автора «Стратегикона»⁵⁹. Как свидетельствуют современные источники (например, Иоанн Никиусский), в начале своего царствования император Маврикий повелел вписывать в заглавия всех государственных актов имя Иисуса Христа, «нашего Бога и нашего Спасителя». Именно эту формулу (Ὁ θεὸς καὶ Σωτὴρ ἡμῶν) мы встречаем в первой же фразе «Стратегикона».

Напротив, Ю. Кулаковский подчеркивал, что в трактате не имеется указаний на принадлежность автора к императорской фамилии; с другой стороны, неизвестны сведения о писательской деятельности императора Маврикия. Против авторства этого императора говорят весьма грубый

⁵⁵ Arriani *Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Upsaliae, 1664.

⁵⁶ Förster R. Studien zu den griechischen Taktikern // *Hermes*. 1877. 12. S. 426–471.

⁵⁷ Ibid. S. 458.

⁵⁸ Aussaresses F. *L'armée byzantine à la fin du VI-e siècle après le Stratégicon de l'empereur Maurice*. Bordeaux, 1909.

⁵⁹ Aussaresses F. *L'auteur du Stratégicon* // *REA*. 1906. VIII. P. 39.

язык трактата, стилистические особенности текста (постоянные повторения, отступления, вставки, отрывочность, нарушения логики). Автор вряд ли был достаточно образованным человеком. Вероятнее всего, это профессиональный военный, опытный командир. Но это несколько не снижает, а, напротив, повышает интерес к его произведению, поскольку военная действительность отражена в трактате непосредственнее, проще и ближе к ее реальному состоянию⁶⁰.

Вопроса об авторстве трактата так или иначе касались и позднейшие исследователи, хотя решали его с различной степенью определенности. В. Энслин⁶¹ фактически уклонился от идентификации автора «Стратегикона»⁶². Г. Циллиакс считал предположение об авторстве императора Маврикия «довольно ненадежным»; впрочем, он не считал эту проблему принципиально важной и отводил ей «относительно подчиненное значение»⁶³. Н. В. Пигулевская поддерживала ту точку зрения, которая не связывает «Стратегикон» с именем императора Маврикия⁶⁴. Болгарская исследовательница Г. Цанкова-Петкова, наоборот, обратила внимание на ряд замечаний автора об общем состоянии военного дела, смысл которых может быть уяснен только при предположении, что они высказаны человеком, обладавшим не только высшей властью в империи, но и компетентным в вопросах внешней политики, недоступным пониманию простого военачальника⁶⁵.

⁶⁰ Кулаковский Ю. Рецензия на русский перевод «Стратегикона» // *ЖМНП*. 1903. Ч. 350, декабрь. С. 530. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на оценке Ю. Кулаковским писательского метода автора «Стратегикона»; отметим лишь, что мы эту оценку решительно не разделяем (см., например: ВВ. 1979. 40. С. 52–53).

⁶¹ RE. 14. Part 2. Col. 2393–2394.

⁶² Попутно укажем, что В. Энслин допустил явную ошибку, когда отметил, что И. Шеффер «предполагал автором («Стратегикона». — В. К.) императора Маврикия» (*Ensslin W.* Op. cit. Col. 2393). Как было показано выше, позиция И. Шеффера по этому вопросу была совершенно иной. Так как «Реальная энциклопедия» не устранила эту ошибку В. Энслина, то многие позднейшие исследователи, не имевшие в своем распоряжении издания И. Шеффера и полагавшиеся на авторитет «Реальной энциклопедии», излагали позицию И. Шеффера в ошибочной трактовке В. Энслина.

⁶³ Zilliacus H. *Zum Kampf der Weltsprachen in oströmischen Reich*. Helsinki. 1935. S. 120.

⁶⁴ Пигулевская Н. В. *Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.* М.; Л., 1946. С. 28–30.

⁶⁵ Цанкова-Петкова Г. Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий» // *Известия на Института за българска история*. 1957. 7. С. 329–344.

Колебания в решении указанной проблемы испытывал А. Дэн. В последней статье, опубликованной уже посмертно, А. Дэном высказана мысль, что автором трактата следует признать Маврикия; причем «кажется вероятным», что это был именно император Маврикий, который либо сам написал «Стратегикон», либо являлся инициатором и осуществлял общее руководство его написанием⁶⁶. Х. Михаэску, которому принадлежит упомянутое критическое издание «Стратегикона», фактически обошел вопрос о тождестве автора трактата и императора Маврикия, хотя по общему тону аргументации можно судить о том, что румынский исследователь воздерживается от их идентификации⁶⁷. В работах З. В. Удальцовой, подводящих итог современному состоянию исследований по проблемам «Стратегикона», авторство императора Маврикия не исключается⁶⁸.

В каких же основных чертах рисуется перед нами личность автора «Стратегикона»? Помимо глубокой религиозности (свою безусловную ортодоксальность он подчеркивает уже во введении к трактату и неоднократно демонстрирует ее на протяжении всего дальнейшего повествования⁶⁹), не оставляет сомнений его профессионализм в области военного дела. По знакомству с военной литературой и умению адаптировать сведения «древних» с учетом современных требований можно судить о его теоретической подготовке; он обладает и значительным опытом участия в войнах — по крайней мере против персов, аваров и славян. При этом создается впечатление, что автор «Стратегикона» занимает гораздо более значительное место в военной иерархии, чем авторы всех известных нам более ранних военных сочинений. Общий тон повествования нашего автора практически ничем не отличается от фразеологии и стилистики венценосного автора «Тактики Льва». Характерно отсутствие в «Стратегиконе» обращений к царствующему императору — этой традиционной черты подавляющего большинства военных трактатов. То обстоятельство, что, кроме Иисуса Христа, наш автор не нашел другого адресата, достойного обращения, приводит к весьма определенным выводам. Очень многозначительной представляется фраза, на которую уже не раз обращалось внимание исследователями: автор отчетливо сознает, что упреки в плохой подготовке воинов и неопытности командиров могут быть обращены непосредственно к нему⁷⁰, — именно стремление избежать этих обвине-

ний является одной из побудительных причин, которая заставила его взяться за перо.

Однако основной причиной, подвигнувшей автора на это предприятие, явилась «одна лишь забота о государстве»⁷¹ — тезис, который звучал бы слишком высокопарно в устах простого смертного, но который вполне естествен для того, на которого божественное провидение возложило заботу о благе государства и его подданных.

Если исследователи, положительно решавшие вопрос об императорской принадлежности автора «Стратегикона», приводили в доказательство множество самых разнообразных аргументов, как почерпнутых в самом трактате, так и обнаруженных за его пределами, то противники такой атрибуции лишь повторяли аргументацию И. Шеффера, не дополняя ее никакими другими доказательствами. Суть позиции И. Шеффера заключается в следующем. Он обратил внимание на то, что в одном месте Маврикий говорит о намерении сочетать в своем труде заимствования из древних авторов и результаты собственного опыта⁷², а несколько ниже добавляет: «Если же какой-либо стратиг вследствие своего опыта и рдения напишет нечто лучшее, то будет да это благодарение Богу, подателю всех благ, нашему же усердию — снисхождение»⁷³. Сопоставив эти два свидетельства, И. Шеффер пришел к заключению: «Мало соответствует величю императора то, что наш писатель в предисловии открыто заявляет, что он охотно подчиняется большей опытности любого полководца»⁷⁴.

На наш взгляд, в этом выводе И. Шеффера содержится ряд ошибочных положений, искажающих истинную позицию автора «Стратегикона». Ссылка на «древних» как на одни из источников трактата (первостепенный по сравнению с собственным опытом) вполне естественна в устах любого военного автора, в том числе и венценосного: как известно, Лев VI не считал унижающими величие императора упоминания не только «древних», но и «новых» авторов⁷⁵. Наоборот, ссылка на предшественников повышала авторитет военного писателя и в глазах читателей, и в самосознании автора. К тому же имеется один нюанс, который свидетельствует, что автор «Стратегикона» отнюдь не капитулирует перед авторитетом «древних», — он заранее оговаривается, что будет писать и яснее и короче, чем это делали его предшественники; он намерен также добавлять многое из того, что «древние» обходили молчанием⁷⁶. В этом — целая

⁶⁶ Dain A. Urbicius ou Mauricius... P. 136.

⁶⁷ Mihăescu H. Prolégomènes... P. 404–409.

⁶⁸ Удальцова З. В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия // СВ. 1969. 32. С. 61–76; Она же. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (По данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 295–318.

⁶⁹ Отмечено З. В. Удальцовой (Идеино-политическая борьба... С. 316).

⁷⁰ Mauricius. P. 42.

⁷¹ Mauricius. P. 42.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. P. 44.

⁷⁴ Arriani Tactica et Mauricii artis militaris... P. 384.

⁷⁵ См. об этом нашу статью: Кучма В. В. «Тактика Льва» как исторический источник... // ВВ. 1972. 33. С. 77–78 (см. также настоящее издание).

⁷⁶ Mauricius. P. 42–44.

программа переработки автором информации «древних», и на протяжении дальнейшего повествования эта программа успешно реализуется.

Далее, из общего смысла авторского заявления вовсе не следует, что «он охотно подчиняется большей опытности любого полководца». Во-первых, речь идет не о «любом полководце», а именно о стратиге, т. е. главнокомандующем, а этот пост, как известно, был атрибутом императорской власти. Следовательно, в данном случае Маврикий ведет речь, по крайней мере, о равном себе по положению военачальнике, и предположение о том, что этот последний может обладать большим опытом, несколько не умаляет «императорское величие». К тому же это замечание обращено в будущее — автор вовсе не сравнивает себя с современными военачальниками; здесь ему не с кем себя сравнивать — он прямо говорит, что его книга должна быть руководством для военачальников *всех рангов*⁷⁷. Такая императивность рассчитана на то, чтобы поставить себя выше всех остальных современников, проходящих по военному ведомству. И наконец, в качестве арбитра ценности своего труда автором назван «Бог, податель всех благ», — именно к нему обращена столь шокировавшая И. Шеффера просьба о снисхождении, но в устах благочестивого христианина, каким представляет себя наш автор, это опять-таки отнюдь не наносит ущерба его «императорскому величию».

Таким образом, тезис И. Шеффера, по нашему мнению, не соответствует смыслу высказываний автора «Стратегикона». Тем не менее он оказал существенное влияние на историографию. Развивая его, некоторые ученые стали писать об отсутствии достаточного военного опыта у автора «Стратегикона» или даже вообще ставить этот опыт под сомнение. Так, К. Э. Цахариэ фон Лингенталь пришел к выводу о плохом знакомстве автора с военными обычаями славян⁷⁸; вывод этот был некритически воспринят В. Энслином⁷⁹. В одной из своих работ мы специально остановились на пассаже о славянах, чтобы обосновать противоположный вывод⁸⁰.

Как известно, И. Шеффер, встретив в рукописях разночтения имени автора «Стратегикона» (Маврикий и Урбикий), решительно склонился к первому из них. Он резонно заметил, что если бы автором трактата был Урбикий, не было бы нужды именовать «Изысканием Урбикия» одно из небольших приложений, в некоторых рукописях следующее за основным

текстом «Стратегикона». В самом деле, Урбикия определенно называет автором трактата лишь одна Флорентийская рукопись, которая не содержит в качестве приложения «Изыскания Урбикия». По каким-то причинам составитель рукописи перенес на весь трактат имя автора лишь одного из приложений к этому трактату, а само это приложение так и не включил в трактат. Столь же определенно именем Маврикия называют «Стратегикон» Неаполитанская, Парижская и Ватиканская рукописи, которые помещают в составе его XII главы фрагмент «Изыскание Урбикия». Приписывая Урбикию лишь этот небольшой фрагмент, составитель протографа этих трех списков тем самым совершенно ясно показал, что автором основной части текста (т. е. собственно «Стратегикона») является именно Маврикий.

Рассуждения И. Шеффера по данному вопросу логически безупречны. И если бы не его ошибочный тезис (фактически единственный!) относительно ущемленного «императорского величия», он должен был бы сделать второй шаг, увязав имя Маврикия с именем византийского императора, правившего на рубеже VI и VII столетий. Позднейшими исследованиями было убедительно доказано, что историческая обстановка, отраженная в трактате, соответствует именно этому периоду. И лишь авторитет И. Шеффера удерживал многих ученых от признания автором «Стратегикона» византийского императора Маврикия, который проложил себе путь к престолу славными победами на полях сражений и трагически погиб в результате восстания армии и народа⁸¹.

Говоря о принадлежности «Стратегикона» императору Маврикию, вовсе не обязательно понимать это буквально, т. е. предполагать, что он написал это сочинение собственноручно. Если допустить, что он явился инициатором создания трактата, принял участие в его редактировании, санкционировал его в качестве официального военного руководства — этого будет вполне достаточно, чтобы связать «Стратегикон» с именем императора Маврикия. Известно, что принято называть эдикты, указы и другие государственные акты именем того или иного императора и по гораздо меньшим основаниям — всего лишь в силу принадлежности этого акта времени царствования данного императора. Даже если подойти к проблеме с таких позиций, для атрибуции «Стратегикона» императору Маврикию имеются все основания — и формальные⁸², и фактические.

Помимо проблемы авторства, не до конца решен в историографии вопрос о внутренней структуре трактата, отличающейся многоплановостью

⁷⁷ Mauricius. P. 44.

⁷⁸ Zachariae von Lingenthal K. E. Op. cit. S. 440.

⁷⁹ Ensslin W. Op. cit. Col. 2393.

⁸⁰ См.: Кучма В. В. Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов // Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978. С. 4–15.

⁸¹ См. об этом нашу статью: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602–610) // ВО. 1977. С. 182–194.

⁸² Напомним, что одна из рукописей (Миланская), отразившая особенно неясную атрибуцию, все-таки прямо подчеркивает, что трактат составлен при императоре Маврикии.

и сложностью. Тратат состоит из 12 книг, предваряемых обширным введением. Порядок изложения материала по книгам таков:

1. Общие принципы организации армии (набор воинов, их обучение, размещение по подразделениям, сведения о преступлениях и наказаниях военнослужащих).

2. Организация конницы.

3. Способы размещения и боевые порядки.

4. Военные хитрости (преимущественно засады).

5. Обоз.

6. Военные упражнения.

7. Требования, предъявляемые к полководцу; подготовка и проведение боя, различные случаи исхода сражения.

8. Общие принципы военной науки.

9. Организация нападений, порядок совершения маршей, разведывательная служба.

10. Осада и оборона городов.

11. Военные обычаи других народов.

12. Боевые порядки (преимущественно пехотные).

Как видим, целью автора было создание универсального руководства, охватывающего все сферы военной теории и практики. Эту цель можно считать выполненной (остались без рассмотрения лишь проблемы военно-морского дела). Общая структура сочинения представляется удачной, хотя имеются и негативные черты (повторения, нарушения логики изложения и т. д.).

Разумеется, трактат не является совершенно независимым от предшествующей письменной традиции — таких произведений вообще не встречается в византийской военной науке. Маврикий проявляет знакомство с военно-теоретическими трудами своих предшественников — Асклепиодота, Элиана, Арриана, но особенно Онасандра и Вегеция⁸³, хотя ни разу не называет их по имени. Знаком он и с событиями военной истории: в трактате встречаются имена двух римских императоров — Траяна⁸⁴ и Деция⁸⁵ — и персидского царя Пероза⁸⁶; из полководцев древности названы Ганнибал (дважды)⁸⁷, Сципион Африканский⁸⁸ и Люций, полководец Траяна⁸⁹.

⁸³ Отмечено Д. Моравчиком, см.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, I. B., 1958. S. 418.

⁸⁴ Mauricius. P. 226.

⁸⁵ Ibid. P. 142.

⁸⁶ Ibid. P. 140.

⁸⁷ Ibid. P. 218.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid. P. 226.

Отдельные части «Стратегикона», опирающиеся на различные источники, сплавлены между собой недостаточно органично. Открывается возможность обнаружить несколько таких соединений.

Основная часть, относительно единая, посвящена описанию тактики кавалерийских подразделений. Чувствуется, однако, что и здесь Маврикий располагал несколькими (с его точки зрения, равноценными) источниками, отчего текст не оставляет впечатления строгого внутреннего единства, свойственного, например, построениям Вегеция. Каковы были главные источники Маврикия, сказать невозможно, и прежде всего потому, что они, несомненно, сами были компиляциями из более ранних сочинений.

В книге I встречаем главы VI–VIII, посвященные воинским наказаниям. Это след влияния другого источника — военно-дисциплинарного кодекса, обычно связываемого с именем Руфа. Именно это обстоятельство привело К. Э. Цахариэ фон Лингентала к необоснованному выводу, что Руф являлся автором всего «Стратегикона»⁹⁰. Статьи военно-дисциплинарного кодекса, содержащегося в «Стратегиконе», впоследствии составили одно из приложений к Эклоге (так называемый Воинский закон), а еще позже, в несколько переработанном с учетом изменившейся обстановки виде, были включены Львом VI в его «Тактику»⁹¹.

Книга VII, включающая в себя советы общего порядка о способах организации сражений и использовании их результатов, имеет двойную нумерацию глав. Вначале идет комплекс из 16 глав, затрагивающий практически все основные стороны проблемы. Затем следует авторское замечание: «Другие главы той же 7-й книги», открывающее еще целый комплекс из 17 глав, где детально (эта часть книги по объему в два раза больше первой части) раскрываются заново те же самые вопросы. Очевидно, при написании данного раздела Маврикий располагал двумя источниками. Не решившись отдать предпочтение ни одному из них, автор избрал самый простой путь, переложив их содержание в двух частях одной и той же книги, последовательно друг за другом. Характерно, что даже итоги этой книги подведены не в одной, а в двух главах⁹². Вероятно, каждая из этих глав завершала те сочинения, которые служили источниками для Маврикия. И раз уж он в основной части VII книги встал на путь последовательной компиляции обоих источников, ему не оставалось ничего иного, как завершить свою книгу двумя итоговыми главами.

⁹⁰ *Zachariae von Lingenthal K. E. Op. cit.* S. 456.

⁹¹ Сравнительный анализ этих материалов производился нами ранее (см.: Кучма В. В. *ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ* (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // ВВ. 1971. 32 (см. также настоящее издание).

⁹² Mauricius. P. 188–194.

Компилятивный характер отличает и книгу VIII — это отражается уже в ее построении. Книга состоит всего из двух глав. В первой главе идет речь о некоторых общих правилах, которыми должен руководствоваться стратиг при исполнении своих функций главнокомандующего. Вторая глава, носящая наименование «Γνωτικά», по общему смыслу в принципе не отличается от первой. Представляется, что, как и в книге VII, здесь механически соединены две части, скомпилированные из двух разных источников. А в каждом из этих источников в свою очередь отчетливо проявляется влияние двух трактатов: Онасандра и Вегеция. Причем если в 1-й главе это влияние более опосредованно (чаще всего передается лишь смысл соответствующей сентенции), то во 2-й главе почти полностью воспроизведены все максимы Вегеция, суммированные им в 26-й главе III книги. Да и сам замысел главы «Γνωτικά», вероятно, возник у Маврикия как аналогия вегециевых «Regulae bellorum generales». Однако на вопрос, пользовался ли Маврикий непосредственно трактатом Вегеция, следует, видимо, дать отрицательный ответ: в большинстве случаев воспроизведение текста Вегеция не является буквальным, хотя и довольно близко к оригиналу. Кроме того, если допустить, что такое непосредственное использование имело место, логично было бы ожидать, что порядок изложения этого материала у Маврикия должен в принципе соответствовать порядку Вегеция. Однако этого соответствия мы не наблюдаем. Причем инверсия у Маврикия не улучшает, а ухудшает структуру текста Вегеция — у последнего изложение следовало порядку деятельности главнокомандующего накануне, в ходе и после окончания сражения. К тому же материал Вегеция без всякой системы перемежается в «Стратегиконе» с отрывками из трактата Онасандра. Что касается последнего, то предположение о его непосредственном использовании Маврикием уже совершенно недопустимо: Маврикий передает лишь смысл онасандровых рекомендаций.

Еще один пласт в «Стратегиконе» составляет книга XII, в которой в свою очередь обнаруживаются три составные части. Первая из них, занимающая в издании Х. Михаэску гл. I–VIII, описывает устройство и тактику пехотных подразделений. Она резко выделяется на фоне предыдущих описаний, где речь почти исключительно шла о кавалерии, и характером информации, и способом ее передачи. В предыдущем изложении сам Маврикий неоднократно подчеркивал, что его главный интерес — кавалерия, что основная цель его сочинения — «изложить все то, что касается кавалерии — ее построений и управления ею»⁹³. Действительно, в тексте «Стратегикона» книга о пехоте занимает место подчеркнуто второстепен-

⁹³ Mauricius. P. 262.

ное, «удивительно скромное», по выражению Х. Михаэску⁹⁴, — и по месту расположения (в конце трактата), и по общему звучанию.

Источники, использованные Маврикием в данном случае, питаются идеями Асклепиодота, Элиана, Арриана; сообщается материал гораздо более архаичный, чем в предыдущих книгах. Однако обнаруживаются многочисленные и разнообразные следы авторской обработки этого материала. В своеобразном предисловии к книге XII Маврикий обращается непосредственно к пехотным командирам. Его задача — свести воедино и изложить вкратце сведения не только об упражнениях, но и о вооружении, снаряжении, формах построения пехотных подразделений⁹⁵. Что же касается присяги пехотинцев, то когда изложение доводится до этого момента, Маврикий не идет на повторение, а отсылает читателя к началу своего трактата: следует поступить так, «как это сказано нами в описании кавалерийских подразделений»⁹⁶.

Маврикию знакомы цифровые нормы древних фаланг (в частности, знаменитая норма Асклепиодота — 16384 воина в фаланге⁹⁷). Но ему также известно из практики, что «теперь войско имеет меньшую численность и не является однородным»⁹⁸; поэтому численность тагмы может быть различной, равно как и количество тагм в войске. Явную авторскую вставку (целую небольшую главу) обнаруживаем в разделе XII, 8, 13, 1–3: прервав изложение материала о пехоте, автор дает рекомендации по построению смешанного войска — пехотного и кавалерийского, а затем вновь продолжает рассказ, говоря об упражнениях пехотных подразделений. Следы авторской самостоятельности проявляются и в пожелании, чтобы мандаторы (глашатаи, герольды) могли говорить «по-ромейски, по-персидски, а если можно, то и по-гречески»⁹⁹. Это пожелание явно отражало две особенности эпохи Маврикия: с одной стороны, процесс перехода армии от латинского языка к греческому, с другой — оценку персидской опасности как главной для империи; разумеется, такая рекомендация не могла быть заимствована из трактатов Асклепиодота, Элиана и Арриана. Примеры авторской переработки своих источников в XII книге могут быть умножены.

Вторая часть XII книги в издании Х. Михаэску представлена главой IX, имеющий подзаголовок «Ὁὐρβικίου ἐπιτήδευμα». Содержание этой главы сводится к описанию особого барьера, защищающего пехотное под-

⁹⁴ Mihăescu H. Prolégomènes... P. 404.

⁹⁵ Mauricius. P. 312.

⁹⁶ Ibid. P. 322.

⁹⁷ Ibid. P. 318.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Ibid.

разделение от атаки конного противника. Описание заканчивается обращением к императору Анастасию с просьбой отдать приказ об испытании этого приспособления на практике¹⁰⁰.

Нам представляется, что этот отрывок является настолько инородным в составе «Стратегикона», что его не следует включать в издания трактата. Отрывок недвусмысленно привязывается ко времени Анастасия: характер обращения не вызывает сомнения в том, что адресатом является царствующий император. Поскольку в заглавии содержится указание на конкретное имя, в предшествующей литературе высказано мнение о принадлежности данного сочинения подлинному историческому персонажу — полководцу и военачальнику Урбикию, который был современником Анастасия. Однако, по нашему мнению, такая идентификация лишена оснований. Автор этого сочинения усиленно подчеркивает свой малый опыт в военном деле; к тому же из описания становится ясным, что рекомендуемое приспособление придумано автором чисто умозрительно, оно еще не прошло проверку на практике. Если бы это был тот самый Урбикий, он нашел бы возможность практически испытать свой замысел и не стал бы адресовать императору такое, в сущности, весьма примитивное «изобретение». Подобная позиция гораздо более допустима в отношении кабинетного «мыслителя», который с восторженностью неопита приобщается в собственных глазах к сословию великих инженеров и ставит себя чуть ли не рядом с Архимедом, имя которого дважды приходит автору на ум.

Таким образом, включать этот анонимный отрывок времен Анастасия в «Стратегикон» нет ни малейших оснований. Весьма характерно, что, как уже указывалось выше, ни в основополагающей (Флорентийской) рукописи «Стратегикона», ни во второй по значению (Миланской) рукописи фрагмент «Изыскание Урбикия» вообще не содержится, — он сопровождает текст «Стратегикона» лишь в рукописях Неаполитанской, Парижской и Ватиканской. Поскольку И. Шеффер готовил свое издание по Парижской рукописи¹⁰¹, присоединение им «Изыскания Урбикия» к тексту «Стратегикона» объяснимо. Гораздо труднее объяснить позицию автора румынского издания. Здесь за основу взята лучшая рукопись — Флорентийская, ее достоинства обоснованы Х. Михаэску достаточно убедительно. Румынский исследователь подчеркнул, что Флорентийская рукопись не содержит «Изыскания Урбикия»¹⁰². Тремя годами ранее он определил это «Изыскание» как «несомненное присоединение»¹⁰³ — тем не менее, в издании трактата Маврикия он ввел этот фрагмент в текст «Стра-

тегикона». Очевидно, как и в случае с наименованием трактата, Х. Михаэску не решился противопоставить свою позицию трехсотлетнему авторитету шефферовского издания.

Укажем для сравнения, что автор русского издания «Стратегикона» М. А. Цыбышев¹⁰⁴, по нашему мнению, занял в этом вопросе более правильную позицию. Не будучи знатоком рукописной традиции, он, однако, уловил несовместимость «Изыскания» с предыдущим материалом и отказался включить этот фрагмент в свой перевод «Стратегикона»¹⁰⁵.

Третья часть книги XII фактически не относится к военно-тактической проблематике — она посвящена организации охоты на диких животных. По выражению Х. Михаэску, эта часть имеет «лишь слабые органические связи с остальным произведением и не вдохновляется предшествующими моделями»¹⁰⁶. В отличие от «Изыскания Урбикия» фрагмент об охоте имеется во Флорентийской рукописи, тогда как в Неаполитанской, Парижской и Ватиканской рукописях он отсутствует. В издании И. Шеффера он тем не менее помещен — вероятно, издатель располагал не только Парижской рукописью. В русском издании 1903 г. он, естественно, оказывается опущенным; полагаем, что и в данном случае издатели поступили совершенно правильно. В издании Х. Михаэску этот фрагмент завершает публикацию «Стратегикона».

Особыми источниками располагал Маврикий и при написании книги XI, посвященной характеристике военных обычаев и общего состояния военного дела у народов, с которыми империя входила в соприкосновение, — Маврикий сам указывает, что здесь он опирался на собственный опыт и на сочинения древних авторов¹⁰⁷. Военно-этнографические пассажи «Стратегикона» уже были объектами специальных исследований¹⁰⁸.

Таким образом, в тексте «Стратегикона» можно обнаружить по крайней мере несколько составных частей, основанных на различных источниках, отличающихся друг от друга как по тематическим, так и по хронологическим параметрам. Несмотря на это, можно констатировать достаточ-

¹⁰⁴ Маврикий. Тактика и стратегия: Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н. Макиавелли. С латинского перевел капитан М. А. Цыбышев. СПб., 1903.

¹⁰⁵ Заметим, кстати, что мотивировка М. Цыбышева, по недосмотру редакции, содержит явную ошибку. На с. 233 читаем: «Далее следует "Urbicii inventum", ошибочно приписываемое императору Маврикию, на самом деле сочинение Урбиция, жившего гораздо позднее»; последнее слово следует исправить на «ранее».

¹⁰⁶ Mihăescu H. Prolégomènes... P. 404.

¹⁰⁷ Mauricius. P. 290.

¹⁰⁸ Из новейшей литературы см.: Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971. См. также работы, указанные в примеч. 68 и 80.

¹⁰⁰ Mauricius. P. 372.

¹⁰¹ Arriani Tactica et Mauricius artis militaris... P. 383.

¹⁰² Mauricius. P. 13.

¹⁰³ Mihăescu H. Prolégomènes... P. 404.

но прочную целостность произведения (за исключением двух последних глав XII книги, которые явно выпадают из единого комплекса). Поэтому негативная оценка «Стратегикона» как «несамостоятельной компиляции»¹⁰⁹ — точка зрения, восходящая к исследованиям К. Э. Цахариз фон Лингентала¹¹⁰ и К. Патроно¹¹¹, — должна быть решительно отвергнута.

2. Сопоставление военно-теоретических взглядов

Как уже отмечено ранее, начиная со времен Ксенофонта в греко-римской военной теории стало проводиться различие между стратегией и тактикой. И Онасандру, и Маврикию свойственно понимание стратегии как высшего полководческого искусства, рассматривающего общетеоретические проблемы подготовки армии к войне, а также вопросы планирования и непосредственного проведения военных кампаний. В трактате Онасандра стратегические сюжеты явно преобладают; у Маврия объем стратегических и тактических сведений приблизительно одинаков. Вторая часть настоящей работы посвящена сравнительному анализу преимущественно стратегических концепций обоих авторов; сопоставление их тактических воззрений производится лишь по мере необходимости.

«Стратегикос» Онасандра, по свидетельству самого автора, задуман как руководство для «хороших военачальников»¹¹². Воинский успех — не следствие слепого рока, а результат деятельности командиров; ссылка на превратности судьбы так же мало извиняет поражение, как и объясняет победу¹¹³. Внутренняя логика этой исходной установки привела Онасандра к мысли начать свой трактат с конструирования образа идеального полководца. Новизна и оригинальность авторского замысла должны быть оценены в полной мере: критерии нравственного облика военачальника были сформулированы Онасандром впервые. Последующие памятники военно-теоретической литературы продолжили эту традицию.

В порядке очередности Онасандр перечисляет следующие качества стратига: благоразумие, самообладание, воздержанность в питье и еде, трудолюбие, мудрость, отсутствие корыстолюбия; желательно также, чтобы военачальник был не молодым и не старым, по возможности — отцом семейства, человеком красноречивым и пользующимся широкой извест-

ностью¹¹⁴. Несколько ниже Онасандр добавляет еще такие характеристики: добропорядочность, обходительность, постоянная готовность к действиям, уравновешенность и невозмутимость¹¹⁵.

Ряд соображений высказан автором относительно критерия имущественной состоятельности военачальника. По мысли Онасандра, этот критерий не может являться основополагающим и отодвигать на второй план все остальные. При назначении на пост военачальника следует принимать во внимание не состоятельность претендента, а его личные качества. Между двумя равными по доблести, но различными по состоятельности военачальниками разница такая же, как между оружием, украшенным золотом и серебром, и таковым же, но лишенным украшений. Разумеется, позолоченное оружие превосходит простое своей красотой, однако не по этому признаку судят о его главных достоинствах. Следовательно, не нужно выдвигать человека на командные посты лишь из уважения к его богатству; в равной степени было бы ошибкой презирать достойного человека единственно по причине его бедности¹¹⁶.

Примерно так же, по мысли Онасандра, следует подходить к вопросу о благородстве происхождения военачальника. Счастлив стратиг, личные достоинства которого сочетаются со славой и достоинством его предков. Однако было бы безрассудно при выборе военачальника взирать только на благодетели его отцов и дедов, не обращая внимания на его собственные качества: знаменитость происхождения без собственных доблестей для него бесполезна. Зачастую случается так, что на военном поприще гораздо лучше проявляет себя человек, который не может похвалиться своими предками, ибо он с гораздо большей ревностью исполняет свои обязанности, желая сокрыть незнатность происхождения личными неусыпными стараниями и прославить свой род перед грядущими поколениями собственными славными заслугами¹¹⁷.

Анализ данного пассажа «Стратегикоса» приводит к выводу, что Онасандр решает проблему в чисто умозрительном, общеполитическом плане. Сформулированные им критерии нравственного облика идеального военачальника лежали в сфере чистой абстракции: построенные на отвлеченных принципах благоразумия и здравого смысла, они фактически никак не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо соотносились со спецификой должности, к которой прилагались. Именно в силу своей безотносительности и универсальности максимы Онасандра оказались столь долговечными — они охотно заимствовались поздней-

¹⁰⁹ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 626.

¹¹⁰ Zachariae von Lingenthal K. E. Op. cit.

¹¹¹ Patrono C. M. Contro la paternità imperiale dell' *Ὀὐρβικίου τακτικά* — *στρατηγικά*. Terano, 1906.

¹¹² Onasander, Praef., 4. P. 370.

¹¹³ Ibid., Praef., 6. P. 370.

¹¹⁴ Onasander, I, 1–18. P. 374–382.

¹¹⁵ Ibid., II, 1–2. P. 386.

¹¹⁶ Ibid., I, 19–20. P. 382.

¹¹⁷ Ibid., I, 21–25. P. 382–386.

шими авторами вплоть до самых последних представителей военно-литературной традиции. Идеал был сформулирован — задача состояла лишь в том, чтобы скорректировать его относительно сферы военной службы в ту или иную историческую эпоху.

Первый опыт такой корректировки был дан самим Онасандром. Убедительно аргументирован им критерий красноречия¹¹⁸: искусство возбуждать словами мужество воинов накануне битвы, умение утешить и вдохновить их в случае поражения имеют действительно неопенимое значение в армейской практике. Удачно преломлен применительно к армии критерий психологической уравновешенности, справедливости по отношению к подчиненным: излишняя мягкость разлагает воинскую дисциплину, всепрощенчество возбуждает презрение, а жестокосердие — ненависть к командиру¹¹⁹. Скольким реминисценциям в позднейших военных трактатах дала жизнь эта, в сущности, простая, но богатая по содержанию мысль! Однако большинство из сформулированных критериев так и остались «немилитаризованными»: вероятно, Онасандр осознал те издержки, которые неизбежны при слишком резком «заземлении» абстрактного идеала.

В некоторых случаях, когда Онасандр все же пытался это сделать, его идеальные построения подвергались серьезным модификациям. Так, он указывает, что в «смутные времена» лучше ставить знатных и богатых людей на должности военачальников. Первое из этих качеств поможет им скорее завоевать доверие, а возможность оказывать материальную помощь своим подчиненным еще больше укрепит их влияние¹²⁰. Как видим, реальная жизнь оказывалась гораздо грубее и прозаичнее прекраснотушных рассуждений о почтенной бедности и благоприобретенном личном достоинстве, которыми тешил себя этот «платонический философ».

Спустя пять с лишним столетий проблемы нравственного облика военачальника волновали и автора «Стратегикона». Маврикий хорошо известны онасандровские критерии идеального полководца — все они (с большей или меньшей степенью детализации) отражены в «Стратегиконе»¹²¹. Влияние Онасандра на Маврикия неоспоримо, но подход последнего к данной проблеме существенно иной. В трактате Маврикия онасандровские критерии пересмотрены, выработана другая шкала их ценности, акценты перетасованы и перемещены, сформулирован ряд новых принципов — в результате нарисованный Маврикием идеальный образ военачальника гораздо более жизнен и полнокроев.

¹¹⁸ Onasander, I, 13–16. P. 378–380.

¹¹⁹ Ibid., II, 2. P. 386.

¹²⁰ Ibid., II, 5. P. 386–388.

¹²¹ Анализ соответствующих разделов трактата Маврикия см. в работе: Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба... С. 309–316.

В отличие от Онасандра Маврикий стоит на почве реальной армейской действительности. Он не позволяет себе увлечься абстракциями: в его сознании постоянно доминирует мысль о целях сочинения как практического военного руководства. Будучи сам военным практиком, он адресует свой трактат коллегам по профессии. Он уверен, что их будут в первую очередь интересовать те реальные, жизненные ситуации, которые складываются в армии в отношениях между командирами и подчиненными. Поэтому и процесс конструирования идеального облика стратига в трактатах Онасандра и Маврикия происходит весьма различными путями. У Онасандра этот облик сформирован априори; задача автора заключается лишь в том, чтобы раздробить его на отдельные составляющие — черты характера, проиллюстрировав последние специально подобранным «военным» материалом. Маврикий поступает прямо противоположным образом: анализ реальной армейской жизни дает ему материал для оценок методов военного руководства с точки зрения их желательности, допустимости или невозможности. На основе авторских симпатий и антипатий (а они у Маврикия выражены всегда максимально четко) читатель получал ясное представление о выдвигавшихся тогда перед военными руководителями требованиях и о тех моральных и профессиональных качествах военачальников, которые должны были этим требованиям соответствовать.

Благодаря такому способу расположения материала Маврикий вовсе не навязывал читателю свой идеал военачальника — он только помогал ему разобраться в том, что здесь заслуживает одобрения, а что — порицания. Поэтому идеал Маврикия, помимо своей реальности, материальной осязаемости, приобрел еще одну черту, которой так не хватало в построениях Онасандра, — динамичность, способность к переменам в соответствии с изменяющейся обстановкой.

Однако и в концепции Маврикия имеется критерий, которому он придает безусловное значение, причем этот критерий — единственный, не являющийся производным от армейской практики, но во времена Маврикия прилагавшийся к военной сфере столь же органично и универсально, как и к любой другой сфере общественной жизни. Речь идет о критерии благочестия. Маврикий убежден, что именно благочестие, дополняемое боевым опытом и полководческим искусством, — самая надежная гарантия военного успеха. Маврикий сравнивает при этом стратига с кормчим, который твердо ведет корабль через бурное море, упоая на собственное мастерство и всецело полагаясь на божественное благоволение¹²².

Полководец в образе кормчего — аналогия, известная Онасандру¹²³; он тоже не был чужд идее религиозного обеспечения полководческой де-

¹²² Mauricius, VII, 1, 1. P. 164.

¹²³ Onasander, XXXIII, 2. P. 480.

тельности. Специальная (очень краткая) глава его трактата обязывает стратига провести духовное очищение войска перед походом, принести жертвы, предписанные обычаем или назначенные в предсказаниях¹²⁴. В дальнейшем изложении уже более подробно рассказано, что непосредственно перед боем нужно вновь совершить жертвоприношения и по внутренностям жертвенных животных определить его вероятный исход. Заниматься этим должны жрецы и гадатели, которые следуют с войском, но желательно, чтобы и сам стратиг был сведущ в таких делах. Если предсказания неблагоприятны, следует уклониться от сражения и постараться умиловить богов новыми жертвами¹²⁵. Помимо внутренностей животных, судьбу предстоящего сражения может предопределить и расположение небесных светил¹²⁶.

Подчеркнутая религиозность Онасандра не осталась незамеченной в историографии. Однако она не идет ни в какое сравнение с ортодоксальностью Маврикия. В то время как для Онасандра религия есть лишь дополнение к его платоническим философским концепциям, ортодоксальный конфессионализм Маврикия служит основой всего его мировоззрения, всего понимания им мирового порядка вещей.

Осуществление своих функций главнокомандующего стратиг должен начать с решения вопроса принципиальной важности: надлежит прежде всего убедиться самому в неизбежности войны и доказать всем справедливость причин, побуждающих ее начать. Особая глава в трактате Онасандра впервые в военно-теоретической литературе подробно обосновывает этот тезис, ставший впоследствии важнейшим составным звеном византийской военной доктрины¹²⁷.

Справедливая причина войны, указывает Онасандр, — единственное средство обратить на себя божественное благоволение. Люди, преисполненные уверенности в заступничестве богов, спокойнее перенесут военные тяготы; напротив, те, кто не уверен в справедливости своих действий, будут усматривать в военных неудачах карающий перст разгневанного божества. Вначале надобно употребить все усилия, чтобы путем переговоров добиться удовлетворения законных требований к неприятелю, одновременно доказывая необоснованность его собственных претензий. Если же не удастся разрешить конфликт мирным путем, тогда, призвав бога в свидетели правоты своих намерений, следует открыто и ясно заявить, что война становится неизбежной, и ответственность за нее возложить на противоположную сторону.

¹²⁴ Onasander, V. P. 392–394.

¹²⁵ Ibid., X, 25–27. P. 428.

¹²⁶ Ibid., X, 28. P. 428–430.

¹²⁷ Ibid., IV, 1–6. P. 390–392.

Решившись на войну, продолжает Онасандр, нужно подойти к ее подготовке со всей основательностью и серьезностью — здесь стратиг должен уподобиться опытному зодчему, который не станет возводить здание, не позаботившись о прочности фундамента, и искусному мореплавателю, который не рискнет отплыть из гавани, не употребив все средства на укрепление корабля. Начав войну, отступать уже нельзя — неуверенность и колебания стратига уронят его в глазах доброжелателей и вызовут презрение к нему со стороны врагов.

В нескольких местах Онасандр упоминает о дипломатическом обеспечении военных кампаний. Не исключена возможность личных встреч между командующими воюющих армий. В этом случае стратигу рекомендуется иметь при себе блестящую свиту, составленную из отборных командиров и воинов, физически крепких, мужественных, великолепно вооруженных, — что должно, по мнению автора, произвести устрашающее впечатление на врага¹²⁸. Заключив перемирие, следует тщательно обезопасить себя от возможных вражеских козней, особенно если речь идет о народе, обычаи которого неизвестны. Самому же нужно проявлять максимум благоразумия, пунктуально соблюдать условия перемирия, не допуская никаких, даже самых малейших, их нарушений.

Фактически здесь действует тот же принцип «справедливой войны», который ранее был обоснован Онасандром для мирного периода, а в данном случае скорректирован применительно к обстановке временного перемирия¹²⁹.

Все эти идеи Онасандра известны Маврикию и в принципе им разделяются. Содержание IV главы «Стратегикоса» сведено Маврикием к чеканной формуле: «Причина войны должна быть законна»¹³⁰. Высказан ряд аналогичных рекомендаций по поводу переговоров с противником (правда, о личной встрече двух главнокомандующих Маврикий не упоминает). Обращено внимание на недопустимость заносчивого отношения к партнеру, унижающего его достоинство, хотя бы его войско было меньшим по численности¹³¹. Даже после одержанной победы следует выслушать вражеские предложения об условиях мира, если здесь не кроется какого-либо обмана¹³². Вслед за Онасандром Маврикий рекомендует никоим образом не нарушать клятвы, данной неприятелю¹³³, твердо соблюдать все взятые на себя обязательства¹³⁴.

¹²⁸ Onasander, X, 14. P. 418–420.

¹²⁹ Ibid., XXXVII, 1–5. P. 492–494.

¹³⁰ Mauricius, VIII, 2, 12. P. 206.

¹³¹ Ibid., VIII, 1, 32. P. 202.

¹³² Ibid., VIII, 2, 44. P. 212.

¹³³ Ibid., VIII, 1, 36. P. 202.

¹³⁴ Ibid., VIII, 2, 29. P. 210.

Однако в дальнейшем Маврикий высказывает ряд советов, находящихся в явном противоречии с этими положениями. Он советует усилить бдительность вражеских послов посредством лживых речей, а когда послы отбудут, последовать за ними и напасть на врага, не ожидающего нападения¹³⁵. Можно поступить и иначе: дезориентировать противника миролюбивыми предложениями и, улучив момент, внезапно напасть на него¹³⁶. Эти рекомендации даются Маврикием в главе, посвященной организации неожиданных нападений. Подобная идея не была чужда и Онасандру (о чем — ниже), но если у последнего неожиданные нападения обеспечиваются исключительно военными мерами, то Маврикий ставит проблему шире: он ведет речь не о «чистых» стратегемах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия становится одним из орудий достижения военного успеха. Перед нами здесь — редкий случай, когда философ-теоретик Онасандр проявляет себя более узким военным «технологом», чем практик Маврикий. Для Онасандра война — это одно, а дипломатия — нечто совсем иное. Для Маврикия — это единый комплекс акций, обеспечивающих победу над врагом, а ее цена складывается из предательства и вероломства так же естественно, как и из искусства командиров, храбрости солдат и божественного благоволения. И дело, видимо, не в качествах характера Онасандра и Маврикия, а именно в том, что Онасандр не знает военную реальность, Маврикий же досконально разбирается в ней: он был современником напряженной, отчаянной борьбы византийского и варварского миров, войны насмерть, когда все средства ее ведения признавались одинаково приемлемыми.

Характер военной доктрины, которую преподносит читателю Онасандр, отличается прямолинейностью и однозначностью: он представляет римское войско только в роли наступающей стороны. Об обороне в трактате фактически не сказано ни слова. Даже в заключительных разделах, где рассматриваются проблемы полиоркеттики, речь идет лишь об осаде вражеских крепостей, тогда как об обороне собственных городов даже не упоминается.

Такая односторонность, объяснимая в отношении Онасандра, совершенно несвойственна Маврикию. Как уже установлено нами ранее, «Стратегикон» создавался в качестве всеобъемлющего руководства, рассчитанного на ведение войны против любого противника и в различных условиях. Автор столь же искушен в ведении оборонительной войны, сколь и наступательной¹³⁷. Существенным вкладом Маврикия в разработку проблем военной науки явился составленный им план мероприятий по орга-

¹³⁵ Mauricius, IX, 1, 4. P. 222–224.

¹³⁶ Ibid., IX, 1, 5. P. 224.

¹³⁷ См. об этом: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. ... С. 69–70.

низации стратегической обороны — подготовке армии и гражданского населения к войне в предвидении вражеского нашествия¹³⁸.

Соответственно решаются двумя авторами и проблемы экономического обеспечения военных кампаний. Для Онасандра единственный источник снабжения армии продовольствием и фуражом — ресурсы вражеской земли. Он требует от стратига ни в коем случае не допускать вторжения врага на территорию Римского государства¹³⁹. Укомплектовав войско, нужно немедленно перейти границу, чтобы война с самого начала и до конца велась на вражеской земле и чтобы благосостоянию собственной территории не было нанесено никакого ущерба¹⁴⁰. Вражескую землю можно грабить, жечь, опустошать, совершенно не заботясь о последствиях; единственным ограничением здесь может быть лишь соображение собственной выгоды: не следует предавать огню то, что необходимо для снабжения войска¹⁴¹. Онасандру свойственно понимание той истины, что изобилие продовольствия и фуража укрепляет могущество войска, тогда как их нехватка — подрывает.

Взгляды Маврикия на эту проблему более основательны. Маврикий разделяет идею Онасандра об экономической выгоде ведения войны на чужой территории. Кроме того, он обращает внимание еще на одно дополнительное обстоятельство, чисто психологического свойства. Такая война, замечает Маврикий, повышает боеспособность войска, поскольку она требует от воинов большей находчивости и предприимчивости: они сражаются не только за интересы государства, но и за свое спасение. Сражаясь на собственной территории, воины всегда полагаются на возможность отступления в укрепленные крепости, где они могут спасти свои жизни. На вражеской земле этот фактор не действует — воины находятся в состоянии повышенной опасности, а оно требует от армии постоянной мобилизационной готовности. Разумеется, подчеркивает Маврикий, решение о перенесении войны на вражескую территорию должно быть принято в результате строгого анализа военной ситуации, соотношения боевых сил, учета всех привходящих факторов¹⁴². Внимание Маврикия к подобным деталям, совершенно недоступным Онасандру, свидетельствует о том, что он был глубоким знатоком воинской психологии.

Если принято решение о походе во вражескую землю, ему должно предшествовать тщательное изучение театра предстоящих военных действий — с точки зрения экономических характеристик, а также в сани-

¹³⁸ Mauricius, X, 2, 1–11. P. 252.

¹³⁹ Onasander, VII, 2. P. 404.

¹⁴⁰ Ibid., VI, 12. P. 400–402.

¹⁴¹ Ibid., VI, 11, 13. P. 400–402.

¹⁴² Mauricius, VIII, 1, 43. P. 204.

тарно-гигиеническом отношении, поскольку ресурсы этой земли должны быть соизмерены с потребностями экспедиционных корпусов¹⁴³. Захват вражеской территории — цель не менее важная, чем разгром армии противника. Эта цель может приобрести самостоятельное значение и потребовать для своей реализации даже больших сил, чем требуется для поражения живой силы врага¹⁴⁴. Захваченные территории нуждаются в охране: Маврикию известны допустимые нормы численности подразделений, выделяемых для этой цели. Так, территория завоеванной славянской хоррии может с успехом контролироваться одной-двумя тагмами¹⁴⁵.

Маврикий проявляет себя не менее решительным сторонником «тактики выжженной земли», чем Онасандр, а его рекомендации насчет того, как причинить наибольший ущерб неприятелю, еще более изощренны. Самым благоприятным временем для вторжения Маврикий считает период жатвы: нанесенный врагу ущерб будет тогда особенно чувствительным, а его неблагоприятные последствия — максимально продолжительными¹⁴⁶. Вместе с тем опыт и житейское благоразумие дают основание Маврикию высказать две важные практические рекомендации. Если войску предстоит обратный путь по той же самой вражеской территории, то не следует бездумно предавать огню все продовольственные и сырьевые ресурсы, чтобы в будущем не оказаться в затруднительном положении¹⁴⁷. А еще надежнее — нести с собой необходимые припасы, поскольку полностью ставить себя в зависимость от военной добычи было бы весьма рискованным делом¹⁴⁸. Разница между Онасандром и Маврикием проявляется здесь вполне отчетливо: горячечной безрассудности неопита противостоят трезвость мышления и холодный расчет многоопытного практика.

Если же собственная территория подверглась вражескому нападению, тогда противники как бы меняются ролями. Напомним, что подобная ситуация Онасандром полностью игнорируется: он не мыслит собственную армию в роли обороняющейся стороны. Рекомендации Маврикия по этому поводу столь же подробны и основательны, как и при планировании вторжения. Прежде всего, указывает он, следует эвакуировать сельское население под защиту крепостных стен. Оборонительные сооружения надлежит укрепить и усилить¹⁴⁹. Если имеется возможность, нужно спешно соорудить новые укрепленные пункты, обнесенные стенами из камня

¹⁴³ Mauricius, VIII, 2, 45. P. 212.

¹⁴⁴ Ibid., VIII, 2, 71. P. 216.

¹⁴⁵ Ibid., XI, 4, 42. P. 288. Численность одной тагмы (банды) определяется Маврикием в 300–400 воинов (см.: Ibid., I, 4, 2. P. 58).

¹⁴⁶ Ibid., VIII, 1, 29. P. 202.

¹⁴⁷ Ibid., IX, 1, 12. P. 224; IX, 3, 11. P. 232.

¹⁴⁸ Ibid., IX, 3, 2. P. 230.

¹⁴⁹ Ibid., X, 2, 10–11. P. 252.

и рассчитанные на трех-четырёхмесячную осаду; в них размещаются гарнизоны, находящиеся под командованием опытных офицеров¹⁵⁰. Продовольствие и фураж должны быть перевезены в крепости, животные угнаны с полей¹⁵¹. В ожидании вражеской осады гарнизоны крепостей должны уничтожить в окрестностях все оставшиеся припасы¹⁵², выслеживать и вылавливать неприятельских фуражиров, решительно пресекать все другие возможные источники снабжения неприятельского войска¹⁵³. Собственная армия, собранная в одном месте, должна постоянно угрожать противнику — тогда он не решится приступить к осаде городов или рассредоточиться по стране в поисках добычи¹⁵⁴. Комплексное осуществление указанных мероприятий ослабит неприятеля и создаст условия для его конечного поражения.

В процессе планирования военной кампании стратегию приходилось решать проблему союзников. Сравнение сведений Онасандра и Маврикия по этому вопросу также не лишено интереса, а выводы, к которым приводит такой анализ, оказываются весьма важными.

Упоминания союзников в трактате Онасандра буквально единичны — их подавляющее большинство сосредоточено в одной главе. При переходе через землю союзников (συνσχηδὰ γῆν), пишет он, следует запретить малейшие посягательства на их собственность, ибо даже незначительный повод может привести к ссоре с ними, отчего союзники могут превратиться во врагов¹⁵⁵. Опустошая вражескую землю, стратег должен учитывать не только собственные интересы, но и интересы «друзей»¹⁵⁶. Готовясь к вторжению, надлежит избегать длительного пребывания в собственной земле или в областях союзников — в противном случае друзья могут пострадать больше, чем враги. Даже если вражеская земля бедна ресурсами, перенося войну на ее территорию, стратег по крайней мере не причинит вреда своим друзьям¹⁵⁷. В заключительных главах трактата Онасандр упоминает союзников еще раз, причем в несколько неожиданном контексте: захваченных в плен вражеских воинов не следует умерщвлять, даже если этого требуют союзники¹⁵⁸.

¹⁵⁰ Mauricius, X, 4, 2. P. 258.

¹⁵¹ Ibid., X, 28. P. 252.

¹⁵² В летнее время рекомендуется «выжечь все окрестные нивы, а если нельзя сжечь, то (иным способом) истребить» (Mauricius, X, 4, 2. P. 256). Если предстоит война с конным противником, должна быть выжжена и трава (Ibid., X, 4, 8. P. 258).

¹⁵³ Ibid., X, 2, 9. P. 252.

¹⁵⁴ Ibid., X, 2, 4. P. 252.

¹⁵⁵ Onasander, VI, 10. P. 400.

¹⁵⁶ Ibid., VI, 12. P. 402.

¹⁵⁷ Ibid., VI, 13. P. 402.

¹⁵⁸ Ibid., XXXV, 4. P. 488.

Мы отметили все случаи упоминания Онасандром союзников. Приходится констатировать, что сведения эти достаточно скудны; осложняет анализ и нечеткость в формулировках (параллельное использование терминов «союзники» и «друзья»). С достаточной определенностью можно лишь предполагать, что территория проживания этих союзников располагалась на границах с Римским государством: сосредоточение римских войск перед началом похода происходит либо на самой союзной территории, либо в непосредственной близости от нее; по ней же проходят и маршруты передвижения римских экспедиционных корпусов. Что же касается конкретных форм и способов военного сотрудничества римлян и союзников, то об этом у Онасандра ничего не говорится.

В трактате Маврикия о союзниках сказано гораздо более подробно и определено: они рассматриваются именно в качестве военных партнеров. По отношению к ним следует проявлять разумную осторожность: не стоит снабжать их оружием, пока нет уверенности в их безусловной лояльности¹⁵⁹. Формируя армию, не нужно допускать, чтобы численность войск союзников превышала собственно «ромейские» формирования; в противном случае возникает опасность заговора и военного мятежа. Она уменьшится, если союзные войска будут состояться из различных этнических групп: в этом случае им окажется труднее предпринять какое-либо злодеяние¹⁶⁰. В ходе военной кампании подразделения союзников должны совершать передвижения отдельно от «ромейских» войск; их лагерные стоянки также должны быть обособленными. В бою им разрешается принимать тот боевой порядок, который «свойствен им по обычаю»¹⁶¹. Маврикий рекомендует скрывать от союзников собственные способы построения, приемы и методы ведения войны, поскольку не исключено, что впоследствии нынешние союзники могут оказаться врагами¹⁶². В случае, если в войске имеются единоплеменники неприятеля, накануне битвы нужно их отправить под благовидным предлогом в другое место, чтобы пресечь возможность измены¹⁶³. Вместе с тем стратиг должен демонстрировать союзникам свое полное расположение: к ним надобно относиться так же справедливо, как и к собственным войскам, и поощрять их хорошую службу подарками и вознаграждениями¹⁶⁴.

Можно прийти к заключению, что во времена Маврикия проблема союзников занимала более важное место в армейской практике, чем во времена Онасандра. Сдвиги эти зависели от изменившегося характера

¹⁵⁹ Mauricius, VIII, 1, 30. P. 202.

¹⁶⁰ Ibid., VIII, 2, 15. P. 206.

¹⁶¹ Ibid., II, 5, 5. P. 84.

¹⁶² Ibid., VII, 4a. P. 176; VIII, 2, 69. P. 216.

¹⁶³ Ibid., VII, 16. P. 174; VII, 16a, 11. P. 190–192.

¹⁶⁴ Ibid., VIII, 2, 42. P. 212.

внешнеполитической ситуации. Противопоставленная всему варварскому миру, империя была вынуждена вести сложную дипломатическую игру. Своих союзников в борьбе против варваров Византия искала и находила среди них самих. Варварский мир тоже не был единым: он раздирался глубокими внутренними противоречиями. Состояние войны и мира менялось с калейдоскопической быстротой: вчерашние друзья Византии становились ее смертельными врагами, бывшие враги мирились с нею перед лицом новых соперников. Иногда союзническая помощь могла решить судьбу военной кампании: Маврикий упоминает ситуацию, когда «ромейское» войско оказалось разбитым и стратиг оттягивает время повторного сражения, рассчитывая на прибытие союзнических подкреплений¹⁶⁵. Однако в общей военно-стратегической концепции византийцев на рубеже VI–VII вв. союзники занимали второстепенное место: опыт учил, что на них нельзя было полагаться всерьез. Поэтому становится понятной та настоятельность, соединенная с презрением, которой окрашены все рекомендации Маврикия по поводу взаимоотношений ромеев с союзниками.

Важнейший элемент стратегии — подготовка собственного войска к войне. При этом имеется в виду как профессиональная подготовка воинов и командиров (навыки владения оружием, знание боевых порядков и т. д.), так и обеспечение высокого духа войска, строгой военной дисциплины. Трактат Онасандра не содержит сведений о способах комплектования армии; отсутствует в нем и перечень требований, предъявляемых к военнослужащему. В «Стратегиконе Маврикия» такие сведения налицо — они уже были предметом нашего анализа¹⁶⁶. «Стратегикон» отразил особый этап в истории военной организации Византийской империи, характеризующийся крахом старой регулярной армии и зарождением новой армии, основу которой составляли иррегулярные ополчения, типичные для последующего периода развития феодального строя.

Необходимые воину профессиональные качества могут быть выработаны длительными, регулярными упражнениями. Онасандр рекомендует вначале обучить воина владению личным оружием. Затем следует установить его постоянное место в строю, чтобы он узнал и запомнил в лицо своих соседей по боевому порядку и своих командиров. Находясь в строю, воины должны обучиться поворотам направо, налево, смыканию и размыканию, уплотнению и разрежению, построению в фалангу, каре и т. д., причем Онасандр требует довести эти навыки до автоматизма¹⁶⁷. Достигнув этого, можно переходить к организации учебных сражений, приме-

¹⁶⁵ Mauricius, VII, 11a, 4. P. 182.

¹⁶⁶ См. об этом подробнее: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. ... С. 65–67.

¹⁶⁷ Onasander, X, 2–3. P. 408–410.

няя вместо оружия деревянные палки, колья земли и воловь бичи. Рекомендуются проводить эти учения на пересеченной местности, когда одна часть воинов захватывает и стремится удержать холмы и утесистые места, а другая пытается «выбить» их оттуда. Подобные упражнения закаляют воинов, повышают их общефизическую подготовку, способствуют тому, что они легче переносят холод и жару, бытовые неудобства, ограничения в еде и питье¹⁶⁸. В заключение Онасандр подчеркивает, что все эти упражнения полезны как пехоте, так и коннице; не следует только заставлять лошадей карабкаться по утесам или преодолевать пропасти¹⁶⁹.

В «Стратегиконе» мы находим еще более полную и развернутую программу профессиональной подготовки воинов. Поскольку во времена Маврикия в роли «защитников отечества» выступала масса рядовых сельских общинников, для которых служба в армии исчислялась лишь продолжительностью военной кампании, их обучение военному делу оказывалось более сложным делом, требующим гораздо большего времени. Маврикий включает в свой трактат подробные сведения о вооружении, снаряжении, снабжении стратиотов¹⁷⁰, перечисляет наименования командиров различных рангов¹⁷¹, дает характеристику специальных подразделений, служб и должностей в составе армии (знаменосцы, санитары, разведчики, адъютанты, возничие и т. д.)¹⁷², раскрывает структуру и определяет численность армейских подразделений¹⁷³, высказывает рекомендации по укомплектованию тагмы — основного тактического подразделения византийской армии¹⁷⁴. У Онансандра материал подобного рода полностью отсутствует, Маврикий же он необходим для логического перехода от описания одиночных упражнений воинов (в первой главе I книги) к групповым (о чем подробно повествуется в III книге «Стратегикона»), причем эти упражнения для различных родов войск (пехота, кавалерия) и частей строя (центр, фланги, авангард, арьергард, засадные подразделения, резерв) имеют свою специфику. Мысль о необходимости постоянных упражнений не оставляет Маврикия ни на минуту. Упражнения эти должны осуществляться с максимальным напряжением сил, в условиях, наиболее приближенным к боевым¹⁷⁵. Высказывается также ряд советов по тренировке лошадей¹⁷⁶.

¹⁶⁸ Onasander, X, 4–5. P. 410–412.

¹⁶⁹ Ibid., X, 6. P. 412–414.

¹⁷⁰ Mauricius, I, 2, 1–17. P. 50–52.

¹⁷¹ Ibid., I, 3, 1–11. P. 56.

¹⁷² Ibid., I, 3, 12–24. P. 56–58.

¹⁷³ Ibid., I, 4, 1–6. P. 58–60.

¹⁷⁴ Ibid., I, 5, 1–6. P. 60.

¹⁷⁵ Ibid., IV, 5. P. 148; VI, 1. P. 156.

¹⁷⁶ Ibid., VII, 17a, 18–20. P. 194.

При этом обращает на себя внимание один новый нюанс. Если Онасандр полагает, что праздность воинов влечет за собой лишь падение боеспособности войска¹⁷⁷, то Маврикий ставит проблему более широко. Не многие рождаются храбрыми, повторяет он вслед за Вегецием, — большинство становятся таковыми благодаря своему старанию и посредством упражнений. Безделье воинов ослабляет их и дисквалифицирует в профессиональном отношении¹⁷⁸. Самая же главная опасность заключается в другом. Поскольку воины всегда находятся в возбужденном состоянии, их праздность может явиться причиной волнений и мятежей¹⁷⁹. Лучшее средство пресечь эти злодеяния — обеспечить постоянную занятость войска упражнениями и учениями.

Представляется, что внимание Маврикия к проблеме армейских бунтов далеко не случайно. Конец VI и начало VII в. отмечены волнениями, потрясавшими вооруженные силы государства, в особенности дунайскую армию, обеспечивавшую защиту северо-западного фланга империи против аваров и славян. Напомним, что первый толчок движению, приведшему к свержению императора Маврикия (как сказано ранее, мы не исключаем, что именно он был автором «Стратегикона»), дало возмущение дунайской армии¹⁸⁰.

Военная теория требовала от стратига обеспечить в армии четкий порядок, строгую воинскую дисциплину, добиться беспрекословного подчинения воинов командирам. Эти требования должны неукоснительно соблюдаться всегда, на каждом этапе военной службы, на любой стадии военной кампании. «Ничего нет лучше, — пишет Онасандр, — как соблюдать везде порядок, и ничего нет хуже, как нарушать его»¹⁸¹.

Сохранение порядка и дисциплины в армии обеспечивалось целым комплексом мероприятий. Солдаты должны убедиться в том, что командиры проявляют о них постоянную заботу. Онасандр рекомендует не утомлять воинов чрезмерно, особенно накануне сражения¹⁸². В другом месте¹⁸³ он подробно пишет об организации их питания, неразрывно связывая этот вопрос с проблемой боеспособности армии. Стратиг, добавляет Маврикий, обязан любить своих солдат, как отец, чаще беседовать с ними, употребляя ласковые слова, доступные их пониманию¹⁸⁴. Он не должен

¹⁷⁷ Onasander, IX, 2–3. P. 406–408; X, 1. P. 408.

¹⁷⁸ Mauricius, VIII, 2, 10. P. 206.

¹⁷⁹ Ibid., VIII, 2, 14. P. 206.

¹⁸⁰ См. об этом: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки // ВО. М., 1977.

¹⁸¹ Onasander, XXVII. P. 468.

¹⁸² Ibid., VI, 9. P. 400.

¹⁸³ Ibid., XII, 1–2. P. 434–436.

¹⁸⁴ Mauricius, VIII, 1, 3. P. 196.

уклоняться от труда, но работать наряду с прочими — вследствие этого воины будут охотнее повиноваться ему, стыдясь собственной неисполнительности¹⁸⁵. Заслуживает уважения тот стратиг, который тратит мало времени на еду и сон, но отдает всего себя размышлениям о благе и безопасности своих подчиненных¹⁸⁶. Одновременно стратигу следует решительно пресекать всякое неповиновение, соблюдая при этом твердость, непоколебимость и справедливость, особенно в отношении зачинщиков и подстрекателей¹⁸⁷. А чтобы солдаты не искали оправдания своим поступкам, ссылаясь на незнание установленных правил, Маврикий включил в свой трактат военно-дисциплинарный устав¹⁸⁸ — его изучение составляет обязанность каждого воина, призванного на действительную службу.

Самое серьезное внимание наших авторов привлекает проблема морального состояния армии — ими разработан комплекс мероприятий, которые в конечном счете преследуют главную цель: обеспечить моральное превосходство собственного войска над армией противника, поскольку в этом заключается одна из коренных причин конечного военного успеха.

У Онанандра все соображения по этому поводу отнесены непосредственно ко времени самого сражения. Ведя войско в бой, стратиг должен сохранять вид «веселый, радостный и неустрашимый»¹⁸⁹ — это производит даже большее впечатление, чем речь, произносимая стратигом перед битвой¹⁹⁰. Что же касается этой речи, то она должна быть построена таким образом, чтобы воодушевить робких и охладить пыл дерзких и безрассудных¹⁹¹, ибо, пишет Онанандр в другом месте, «своевременная боязливость есть осмотрительная безопасность, равно как неуместная самоуверенность есть опасная дерзость»¹⁹². Если же войско охвачено страхом, рекомендуется ободрить его униженным, жалким видом неприятельских пленных¹⁹³. Когда сражение уже началось, стратиг, объезжая войско, должен информировать своих воинов о достигнутых успехах, не останавливаясь перед прямым обманом. Воины, возбужденные битвой, принимают на веру любое известие — именно поэтому такие известия должны быть только приятными. «Обман необходим в решительном сражении», — подчерки-

¹⁸⁵ Onasander, XLII, 2. P. 508; Mauricius, VIII, 1, 1. P. 196.

¹⁸⁶ Mauricius, VIII, 1, 4. P. 198.

¹⁸⁷ Ibid., VIII, 1, 2. P. 196.

¹⁸⁸ Ibid., I, 6–8. P. 62–66.

¹⁸⁹ Onasander, XIII, 1. P. 436.

¹⁹⁰ Ibid., XIII, 3. P. 438.

¹⁹¹ Ibid., XIV, 1–2. P. 438–440.

¹⁹² Ibid., XXXVI, 6. P. 492.

¹⁹³ Ibid., XIV, 3–4. P. 440–442.

вает Онанандр¹⁹⁴. Если же распустить слух, что убит командующий (или царь) неприятельского войска, то это придаст римлянам особые силы, полнотой деморализует неприятеля и может решить исход всего сражения¹⁹⁵.

Героизм, усердие воинов необходимо по достоинству оценивать: «вознаграждения служат к чести тех, которые уже отличились, и побуждают к отличию тех, которые желают их приобрести впредь»¹⁹⁶. Рядовые могут быть поощрены оружием, украшениями, частью добычи; командиры — повышением по службе¹⁹⁷. Погибшие герои должны быть погребены с максимально возможными почестями¹⁹⁸, причем это нужно сделать невзирая ни на какие обстоятельства, независимо от того, закончился ли бой победой или поражением: «сие благочестивое дело есть священный долг перед погибшими и настоятельная необходимость перед оставшимися в живых»¹⁹⁹. Как видим, Онанандр рассматривает данный сюжет как одно из самых серьезных оснований для формирования боевого морального духа армии.

Маврикий включает в свой трактат все эти онасандровские рекомендации²⁰⁰, сопровождая их некоторыми уточнениями и разъяснениями. Похоронив с почестями своих погибших воинов, следует оставить на поле боя тела убитых врагов — это возбудит страх в неприятельском войске²⁰¹. Для того, чтобы вдохновить армию на решающее сражение против неизвестного доселе могущественного народа, нужно предварительно добиться маленького, частичного успеха, уничтожив или захватив в плен хотя бы нескольких неприятельских воинов. Развернув вокруг этого факта соответствующую «воспитательную» работу, можно обеспечить значительный подъем морального духа собственного войска²⁰². Маврикий в принципе разделяет идею Онанандра о том, что устрашающее впечатление на врага могут оказать блеск оружия и громкий боевой клич²⁰³, но уточняет, что, пока войска не сошлись, надо держать оружие в ножнах, шлемы нести в руках, а доспехи прикрывать щитами; лишь непосредственно перед столкновением нужно по сигналу обнажить оружие и сверкающую экипировку — тогда этот внезапный блеск действительно вызовет

¹⁹⁴ Onasander, XXIII, 1. P. 462.

¹⁹⁵ Ibid., XXIII, 2–3. P. 462–464.

¹⁹⁶ Ibid., XXXIV, 2. P. 484–486.

¹⁹⁷ Ibid. P. 484.

¹⁹⁸ Ibid., XXXIV, 1. P. 484.

¹⁹⁹ Ibid., XXXVI, 1–2. P. 490.

²⁰⁰ Mauricius, VIII, 1, 11. P. 198; VIII, 2, 42, 76. P. 212, 218.

²⁰¹ Ibid., VIII, 1, 16. P. 198.

²⁰² Ibid., VII, 12. P. 172.

²⁰³ Onasander, XXVIII–XXIX. P. 468–472.

желаемый эффект²⁰⁴. Что касается боевого клича, то его следует использовать, особенно в задних рядах строя, для поддержки тех, кто сражается впереди, и для устрашения неприятеля²⁰⁵, ибо «громкоголосое воинство благодаря своему боевому кличу является подходящим для приведения врагов в смятение»²⁰⁶. Маврикий, однако, возражает против того, чтобы войско провозглашало «С нами Бог!», бросаясь в атаку, поскольку это может вызвать замешательство среди воинов и напугать лошадей²⁰⁷. Лучше троекратно провозгласить этот клич после молебна, при выходе из лагеря²⁰⁸, а в ходе боя производить только общий возбуждающий шум.

Однако Маврикий не ограничивается лишь этими рекомендациями. Его основная идея заключается в том, что моральный фактор формируется не только во время сражения: он должен быть в центре внимания военачальников на любой стадии военной службы — со дня призыва рекрута до его окончательной демобилизации. С этой целью Маврикий рекомендует проводить в армии постоянную «политическую» работу. В свободное от военных занятий время следует собирать воинов по отдельным подразделениям и вести с ними беседы воодушевляющего характера, напоминая события славного прошлого, обещать от имени главнокомандующего награды наиболее отличившимся, изучать военно-дисциплинарный устав²⁰⁹. По мнению Маврикия, очень важную роль в формировании морального фактора призвана сыграть религиозная служба в армии — ее организации в «Стратегиконе» уделено серьезное внимание. Более широкий, комплексный подход Маврикия к проблеме формирования морального фактора находит свое объяснение в особенностях современной ему византийской армии, — ее социальных, этнических и конфессиональных характеристиках, о чем уже было сказано ранее.

Составной частью общей подготовки армии к войне являлась организация разведывательной службы. Греко-римская военная теория уже выработала некоторые важнейшие принципы на этот счет: непрерывность поступления разведывательных данных, обязательность их сопоставлений и взаимопроверки, разнообразие источников разведывательной информации.

Еще до начала войны стратиг обязан собрать все возможные сведения о противнике — их внимательный анализ необходим для принятия окончательного решения относительно времени, места и условий пред-

²⁰⁴ Mauricius, VII, 15a, 1–2. P. 188.

²⁰⁵ Ibid., II, 17, 5. P. 96.

²⁰⁶ Ibid., VIII, 2, 38. P. 210.

²⁰⁷ Ibid., II, 17, 1. P. 94.

²⁰⁸ Ibid., II, 17, 2. P. 94–96.

²⁰⁹ Ibid., VII, 5. P. 168.

стоящей кампании. Большую ценность могут представить сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками. Переход воинов на сторону врага, отмечает Онасандр, — это нормальное явление армейской действительности: всегда найдутся такие, которые встанут на путь разглашения военной тайны ради получения почестей и наград²¹⁰. Следует всячески поощрять у врагов предательство — по мнению Онасандра, в этом нет ничего предосудительного или аморального²¹¹. Посему полководец обязан в любое время дня и ночи принять и выслушать каждого, кто бы ни пожелал встретиться с ним для передачи сведений²¹². Важно лишь, чтобы они не принимались на веру без критического переосмысления: каждое из них должно быть сопоставлено с разведывательными данными, почерпнутыми из других источников, а сами перебежчики должны находиться под постоянным наблюдением, дабы исключить возможность предательства с их стороны²¹³.

Поскольку неприятель тоже ведет разведку, в римское войско могут проникнуть вражеские лазутчики. Поступить с ними можно двояким образом. Если стратиг уверен, что его войско слабее неприятельского, их нужно умертвить. Если же римское войско хорошо вооружено и укомплектовано, все намеченные планы выполнены, воины хорошо обучены, а командиры искусны в военном руководстве, то таких лазутчиков следует отпустить восвояси: рассказав своему командованию о преимуществах римлян, они будут способствовать утверждению морального превосходства римского войска над неприятельским²¹⁴.

Основная масса разведывательных данных поступает все же не от перебежчиков, а от собственных разведчиков. Это могут быть либо отдельные наблюдатели, либо небольшие по численности группы, как пешие, так и конные. Онасандр дает понять, что разведчиков необходимо готовить: они должны уметь определить примерную численность вражеского войска по размерам и конфигурации лагеря, помня, что его круглая форма уменьшает фактическую численность войска, а продолговатая увеличивает. Войско одной и той же численности, будучи расположенным на возвышенностях и высотах, займет большую площадь, чем на равнине. Разведчики должны овладеть этими и подобными познаниями, поскольку ошибки в определении численности вражеского войска могут обернуться самыми опасными последствиями²¹⁵.

²¹⁰ Onasander, X, 23–24. P. 426.

²¹¹ Ibid., XXXVIII, 7–8. P. 498.

²¹² Ibid., XI, 6. P. 434.

²¹³ Ibid., X, 15. P. 420.

²¹⁴ Ibid., X, 9. P. 416.

²¹⁵ Ibid., X, 16–20. P. 422–424.

Смысл всех мероприятий разведывательного характера состоит в том, чтобы вывести военную тайну противника, одновременно не допустив, чтобы ему стали известны военные планы римлян. Поэтому Онасандр рекомендует тщательно скрывать все свои замыслы вплоть до перехода к их непосредственной реализации²¹⁶.

В трактате Маврикия эти идеи получают дальнейшее развитие. Выработка военных планов должна происходить в ходе совещаний с участием многих людей, но, когда план уже намечен, о нем надлежит знать лишь немногим доверенным лицам²¹⁷. Еще лучше, если план составлен самим стратигом и им же осуществлен. Если же этот план стал известен неприятелю, его надо немедленно переменить²¹⁸. Самые лучшие военные планы, подчеркивает Маврикий след за Вегецием²¹⁹, — это те, о которых неприятель не подозревает до самого их претворения в жизнь²²⁰.

Тщательная разведка положения дел в неприятельской армии — непременное условие военного успеха: «Следует разведать все, что делается у противника, парализовать все, что может его усилить, и воспользоваться всем, что может его ослабить»²²¹. Опасно ввязываться в сражение, пока нет четкого представления о планах, намерениях противника и неясно его построение²²². Маврикий известны все рекомендации Онасандра относительно вражеских перебежчиков и лазутчиков; добавлен лишь способ поимки вражеских шпионов, проникших в расположение войска. Он основывается на традиции, ведущей начало со времен Полибия, и описан в трактате Вегеция²²³, а также у «Византийского Анонима VI в.»²²⁴. Нужно исходить из предположения, что каждый воин имеет свое собственное, строго определенное место в лагере. По заранее согласованному сигналу все воины должны войти в палатки под страхом серьезного наказания для тех, кто останется снаружи. В этих условиях шпион будет непременно схвачен либо в палатке, если он решится туда войти, либо на территории лагеря, по которой будут курсировать особые патрули²²⁵.

²¹⁶ Onasander, X, 22–23. P. 426.

²¹⁷ Mauricius, VIII, 1, 8. P. 198; VIII, 2, 63, P. 214.

²¹⁸ Ibid., VIII, 2, 19–20. P. 206–208.

²¹⁹ Вегеций, III, 26. С. 278.

²²⁰ Mauricius, VIII, 2, 5, p. 204.

²²¹ Ibid., VII, 1, 5. P. 166.

²²² Ibid., VII, 3a. P. 176.

²²³ Вегеций, III, 26. С. 279.

²²⁴ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. 2. Theil; Die Tactiker. 2. Abteilung. XXVIII, 7. Leipzig. 1855. P. 142 (далее — Anonymus).

²²⁵ Mauricius, IX, 5, 20. P. 246.

В отличие от Онасандра Маврикий полагает, что более ценную разведывательную информацию могут доставить не перебежчики, а пленные — поэтому допрашивать их следует лично главнокомандующему²²⁶. Гораздо более подробно пишет Маврикий о разведчиках. В его времена — это уже самостоятельная служба с установленной штатной численностью (два человека на каждую тагму)²²⁷, с профессиональной подготовкой, с четкими задачами²²⁸. Среди тех качеств, которыми должны обладать разведчики, названы трезвость, бдительность, неустрашимость, а также хорошие внешние данные²²⁹.

Определенное отражение получила в обоих трактатах теория сторожевой и караульной службы. У Онасандра этому сюжету посвящены лишь два отрывка. В одном из них речь идет о ночных часовых: они должны быть распределены по сменам и нести свою службу в течение определенного (притом непродолжительного) времени. Находясь на посту, часовой обязан непременно стоять на ногах, а не сидеть и не лежать. Рекомендуется зажечь костры, по располагаться не вблизи них, а поодаль, чтобы свет костров препятствовал тайному приближению вражеских разведчиков²³⁰. В другом месте²³¹ говорится об охране фуражиров, направленных для сбора добычи: для этого выделяются конные или пешие воины, находящиеся в полном вооружении, в строгом боевом порядке. Конечно, этот второй сюжет может быть отнесен к области сторожевой службы весьма условно: здесь рекомендации Онасандра не отличаются четкостью (не сказано ни о численности, ни о местоположении, ни о конкретных обязанностях сторожевой группы). Однако мы все же считаем возможным рассматривать данное обстоятельство в указанной связи, поскольку именно так трактуется аналогичный сюжет в более поздних памятниках военной литературы, например, в «Стратегиконе».

По свидетельству Маврикия, выдвинутые вперед сторожевые посты выполняют двойную функцию: с одной стороны, они ведут разведку неприятельской армии, с другой — препятствуют разведывательным действиям противника²³². Они должны располагаться в укрытых местах, на определенных интервалах друг от друга и поддерживать между собою постоянную связь, особенно ночью, чтобы неприятель не смог воспользоваться их малочисленностью и захватить их²³³. Сторожевые посты состав-

²²⁶ Mauricius, IX, 3, 5–6. P. 230.

²²⁷ Ibid., II, 10. P. 88–90.

²²⁸ Ibid., VII, 13a, 1–4. P. 186.

²²⁹ Ibid., II, 10. P. 88–90.

²³⁰ Onasander, X, 10–12. P. 416–418.

²³¹ Ibid., X, 8. P. 414.

²³² Mauricius, VII, 4. P. 168.

²³³ Ibid., IX, 5, 8. P. 242.

ляются из легковооруженных кавалеристов, специально обученных, «крепких телом и душою», умеющих отлично владеть оружием, чтобы с честью выходить из стычек с неприятелями; если же они будут захвачены, то должны внушить неприятелю уважение к себе²³⁴. Командирами этих сторожевых постов надо назначать людей бдительных, осмотрительных, опытных — от них требуется не столько храбрость, сколько благоразумие²³⁵. Сторожевые посты набираются из различных подразделений и располагаются не в один эшелон, а в три, причем посты, выдвинутые наиболее далеко вперед, имеют наименьшую плотность, а посты третьего эшелона (ближайшие к собственному войску) — наибольшую²³⁶. Маврикий рекомендует периодически проверять правильность несения сторожевой службы, поручая это надежным архонтам; дозорные, уличенные в небрежности, должны быть сурово наказаны, поскольку их беспечность может явиться причиной гибели всего войска²³⁷.

Маврикий дает понять, что выделенные в дозор воины обладают специальной подготовкой. Они могут, даже не видя неприятеля, судить о его численности — по следам лошадей, по размерам лагеря; они должны уметь определить время его прохождения через данный пункт, длительность его стоянок²³⁸.

Задача этих сторожевых постов, кроме сбора разведывательных данных, — захват одиночных воинов противника («языков»), отражение нападения неприятельских патрулей, а также поимка дезертиров и перебежчиков из собственного войска. Именно по последней причине, указывает Маврикий, месторасположение дозоров должно быть тайной не только для неприятеля, но и для собственного войска²³⁹.

Помимо подвижных сторожевых постов, нужно иметь в виду возможность использования усиленного сторожевого охранения, причем не только с той стороны, откуда ожидается неприятель, но и с противоположной. Кроме того, 15–20 человек располагаются в тылу, на расстоянии до 1000 шагов от основных сил, — они должны быть хорошо вооружены и состоять под командой надежного командира. Их цель — сигнализировать о попытках неприятельского удара с тыла, а также следить за собственными воинами, отстающими от строя вследствие болезни, ранения или других причин²⁴⁰.

²³⁴ Mauricius, IX, 5, 10. P. 242–244.

²³⁵ Ibid., IX, 5, 11. P. 244.

²³⁶ Ibid., IX, 5, 14. P. 244.

²³⁷ Ibid., IX, 5, 15. P. 244.

²³⁸ Ibid., VIII, 2, 30–31. P. 210; IX, 5, 1–6. P. 240–242; IX, 5, 16. P. 244.

²³⁹ Ibid., IX, 5, 18–19. P. 244–246.

²⁴⁰ Ibid., IX, 3, 30. P. 236.

Караульные посты необходимы и для охраны лагеря, особенно во время осады вражеского города, — очевидно, для пресечения вылазок осажденных²⁴¹. Особые посты (двойные или даже тройные) создаются с целью охраны подразделений, выделенных для сбора продовольствия в неприятельской земле, или лошадей, выгнанных на пастбище. Выдвинутые далеко вперед, отделенные друг от друга значительными промежутками, эти посты должны время от времени сменяться, поскольку такого рода служба требует от воинов максимального напряжения²⁴².

Как можно заключить, «Стратегикон Маврикия» знаменует более высокую ступень в развитии теории разведывательной, сторожевой и караульной служб, чем это отражено в трактате Онанандра. Усложнившаяся структура византийской армии, более дифференцированная специализация ее различных подразделений, возросший объем задач, решаемых в ходе военных кампаний, усилили внимание теоретиков и практиков к вопросам обеспечения безопасности войска, повышения его неуязвимости. Отсюда — совершенствование уже известных, апробированных и поиск новых средств укрепления общей жизнеспособности армии, улучшения организации и деятельности всех составляющих ее частей и элементов.

Перейдем к характеристике последнего, но самого главного элемента стратегии — принципов непосредственного проведения военных кампаний.

Как правило, боевому столкновению двух воюющих армий предшествовало осуществление марша. В трактате Онанандра изложены основные положения греко-римской военной теории, касающиеся такого марша: он совершается при соблюдении строжайшего порядка и при постоянной готовности к отражению вражеского нападения; ширина фронта походной колонны определяется особенностями местности, по которой пролегает маршрут²⁴³; обоз и скот располагаются в середине походной колонны²⁴⁴; авангардные подразделения должны быть по силам равны арьергардным, между ними следует наладить постоянное взаимодействие²⁴⁵; основным силам предшествует конная разведка, особенно в закрытой местности, где возможна организация засад²⁴⁶; как правило, марш должен происходить в дневное время — ночные передвижения могут осуществляться лишь в исключительных случаях²⁴⁷. Специально сказано о проходе ущелий и

²⁴¹ Mauricius, VIII, 1, 33. P. 202.

²⁴² Ibid., IX, 3, 25–26. P. 234–236.

²⁴³ Onasander, VI, 2–4. P. 394–396.

²⁴⁴ Ibid., VI, 6. P. 398.

²⁴⁵ Ibid.

²⁴⁶ Ibid., VI, 7. P. 398.

²⁴⁷ Ibid., VI, 9. P. 398–400.

теснин: следует заранее выслать небольшие отряды, которые, опередив врага, захватят господствующие высоты и будут удерживать их, пока основные силы армии не проследуют через эти узкие места²⁴⁸.

Маврикий в ряде случаев поправляет своего предшественника; в других местах он оживляет эти теоретические схемы некоторыми практическими рекомендациями. В составе походной колонны войны должны следовать не все вместе, тесным четырехугольным строем, как писал Онасандр²⁴⁹, а по отдельным подразделениям, каждое из которых имеет в арьергарде собственный обоз. Такое дискретное построение облегчает управление войском, позволяет организовать более четкое его обеспечение продовольствием и фуражом; кроме того, неприятельским разведчикам оказывается трудно определить его точную численность²⁵⁰. Существенное расхождение в рекомендациях Маврикия и Онасандра объясняется в первую очередь изменившимся к VI в. составом армии: в нем стали количественно преобладать кавалерийские контингенты, тогда как во времена Онасандра пехота по численности превосходила конницу.

Забота о лошадях постоянно проявляется и в последующих рекомендациях Маврикия. Маршрут предстоящего перехода определяется таким образом, чтобы по пути движения было достаточно воды и корма для лошадей²⁵¹. Если дорога будет проходить через места крутые, обрывистые, то нужно выслать вперед несколько солдат, приказав им исправить дорогу, чтобы лошади не подбили себе ноги²⁵²; назначенных для этого людей, прибавляет Маврикий со знанием дела, следует освободить от караулов и других нарядов.

Указанная дискретность в построении походной колонны усложняла задачи, которые должны были решать командиры отдельных подразделений, требовала от них большей организованности и ответственности. Если предстоит переход через особенно трудный участок местности (например, через ущелье), командир подразделения должен лично прибыть в это место и руководить переходом до тех пор, пока все его солдаты не преодолеют трудный участок. После этого он должен передать пост командиру следующего подразделения, и тот будет действовать аналогичным образом²⁵³. В некоторых крайних случаях переход через трудный участок контролируется самим стратигом²⁵⁴.

²⁴⁸ Onasander, VII, 1–2. P. 402–404.

²⁴⁹ Ibid., VI, 5. P. 396–398.

²⁵⁰ Mauricius, I, 9, 2–3. P. 68.

²⁵¹ Ibid., I, 9, 5. P. 68.

²⁵² Ibid., I, 9, 6. P. 68.

²⁵³ Ibid., I, 9, 9. P. 70.

²⁵⁴ Ibid., I, 9, 8. P. 68–70.

Маврикий обращает внимание и на такую деталь: если во время марша вблизи окажутся дикие животные, но известно, что неприятель неподалеку, следует запретить всякую охоту, поскольку может возникнуть большой шум, да и лошади будут утомлены; в мирное же время охота для воинов чрезвычайно полезна²⁵⁵. Кроме того, рекомендуется избирать такой маршрут движения, который пролегал бы вдалеке от населенных пунктов, чтобы неприятель через шпионов не получил сведения о войске²⁵⁶.

В заключительную, XII книгу своего трактата Маврикий включил две главы, содержащие подробнейшие указания о проведении походного марша в условиях, когда неприятель находится в угрожающей близости²⁵⁷. Данные главы вызывают повышенный интерес еще и потому, что в качестве конкретного противника здесь названы славяне и анты²⁵⁸.

Особое место в организации марша военная теория уделяла преодолению водных преград. Вызывает недоумение тот факт, что в трактате Онасандра этот вопрос полностью обойден, и мы затрудняемся сколько-нибудь удовлетворительно объяснить причину такого пробела. Маврикий рекомендует организовать переправу через реку с помощью понтонного моста. Его надо наводить постепенно, по частям, начиная со своего берега, под охраной быстроходных кораблей (дромонов). Когда до противоположного берега останется расстояние менее одного полета стрелы, следует с помощью кораблей, вооруженных баллистами, захватить противоположный берег и укрепиться там, построив оборонительную башню, огражденную рвом и валом. Под прикрытием этих сооружений достраивается мост, а по нему осуществляется переправа всего войска, как пешего, так и конного²⁵⁹.

Немаловажной составной частью походной колонны являлся обоз. У Онасандра сведения о нем весьма неопределенны: остается неясным, какие именно элементы вооружения и снаряжения должны находиться в обозе, кому поручена его охрана, где должен располагаться обоз в разли-

²⁵⁵ Mauricius, I, 9, 10. P. 70.

²⁵⁶ Ibid., I, 9, 11. P. 70.

²⁵⁷ Ibid., XII, 8, 19–20. P. 342–350.

²⁵⁸ Ibid., XII, 8, 20, 1. P. 342.

В первой части нашей работы мы отмечали, что XII книга «Стратегикона» сообщает информацию в целом более архаичную, чем та, которая содержится в других частях трактата; одновременно мы указывали на случаи явного авторской обработки этой информации. Упоминание славян и антов — один из самых показательных примеров подобной обработки. Такая конкретная персонификация противника (на фоне полной безотносительности всего остального материала XII книги) — весомый аргумент в давнем споре о том, кого именно Маврикий считал главным врагом империи. См. об этом: Кучма В. В. Славяне как вероятный противник Византийской империи... С. 11–12.

²⁵⁹ Ibid., XII, 8, 21, 5. P. 354.

чных ситуациях и т. д. Неоднозначна и терминология, которую использует Онасандр. Наиболее близок к интересующему нас понятию термин *ἡ ἄλοςκευή*, употребленный по крайней мере трижды²⁶⁰.

Маврикий в XII книге своего «Стратегикона» помещает подробный перечень военного имущества, которое должно находиться в обозе. На каждые 10 пехотинцев приходится одна повозка, где размещаются: ручная мельница, топор, секира, пила, два заступа, две малые лопаты, корзина из прутьев, войлочная материя, серп и т. п. Кроме того, имеются специальные повозки с расположенными на них метательными орудиями (баллистами); при них — обслуживающий персонал (баллистари, мастера по дереву и металлу), возглавляемый особым начальником. Помимо лошадей или волов, запряженных в повозки, должно быть выделено достаточное количество вьючных животных, по одному на 16 пехотинцев, для транспортировки продовольствия на 8–10 суток. Их предназначение — сопровождать войско, когда оно движется быстрым маршем, опережая обозы. Наконец, часть лошадей выделяется для перевозки оружия, стрел, метательных снарядов и 10–20-дневного запаса муки или сухарей²⁶¹.

Повозки и вьючные животные обслуживались специальными слугами, иногда малолетнего возраста²⁶². Маврикий дает понять, что в обозе могли также находиться жены и дети воинов²⁶³. Лошадям и повозкам каждого подразделения следовало иметь свои отличительные значки — об этом должен позаботиться начальник обоза²⁶⁴. Для защиты обоза выделялось до 10 % пехотного войска: Маврикий указывает, что на каждые 16 строевых пехотинцев приходится два солдата, предназначенные охранять обоз²⁶⁵.

На марше обозы следуют каждый за своим подразделением на расстоянии одного полета стрелы. Обозная повозка должна быть прикрыта сзади куском войлока для предохранения возничих, воинов и лошадей от стрел²⁶⁶. Повозки с баллистами располагаются по всей протяженности походной колонны, особенно с флангов, чтобы быть в состоянии вести стрельбу на ходу. Для их обслуживания должны быть отобраны особенно подготовленные возничие, опытные в стрельбе из лука и пращи²⁶⁷.

Новым словом в военной теории была высказанная Маврикием идея укрепления, состоящего из обозных повозок, — прообраза позднейшего

западноевропейского вагенбурга; Маврикий именует его *ὁ καραγός*²⁶⁸. Такое укрепление позволяет организовать круговую оборону от атакующего со всех сторон неприятеля. Внутри пространства, ограниченного повозками, могут укрыться конные подразделения и все вспомогательные части; пехота, расположившись по периметру, будет отражать нападение врага стрельбой из луков, пращей и баллист. На ближайших подступах к укреплению используют триболы (металлические шарики с шипами²⁶⁹), которые могут серьезно поранить ноги людей и лошадей.

Мы сочли необходимым подробно остановиться на данных «Стратегикона», посвященных организации марша и обозной службы, поскольку ни в одном из более ранних трактатов не встречается столь детальной разработки указанных сюжетов. Что же касается их освящения в позднейшей военно-теоретической традиции, то она складывалась под самым непосредственным влиянием «Стратегикона».

Греко-римская военная теория рассматривала в качестве нормы такую последовательность в развертывании военной кампании, когда походный марш и полевое сражение разделялись периодом лагерной стоянки. Укрепленный лагерь был призван играть тройную роль: он служил местом отдыха войска после завершения перехода; он являлся средством надежной защиты от вражеских нападений; наконец, он рассматривался в качестве оперативной базы на период предстоящих военных действий.

Онасандр указывает, что для лагерной стоянки нужно выбирать места сухие, с хорошим воздухом, ибо сырость и вредные испарения могут явиться причиной болезни или даже гибели воинов²⁷⁰. Лагерь должен быть непременно окружен рвом, даже если войско предполагает пробыть в нем всего лишь один день²⁷¹. Желательно также чаще менять место лагерной стоянки, руководствуясь прежде всего санитарно-гигиеническими соображениями²⁷². Более подробных сведений — например, о лагерных укреплениях, об организации внутрилагерной повседневной жизни, караульной и патрульной службы — Онасандр не дает.

У Маврикия информация гораздо более полная. Как известно, теория лагерного устройства являлась одним из самых консервативных разделов военной науки — прогресс военно-теоретической мысли здесь отличался наиболее замедленными темпами²⁷³. Специальная глава XII кни-

²⁶⁰ Onasander, VI, 6. P. 398; XXXI, 2. P. 474; XXXIV, 4. P. 486.

²⁶¹ Mauricius, XII, 8, 6. P. 316.

²⁶² Ibid., V, 2, 3. P. 152.

²⁶³ Ibid., V, 1, 2. P. 150.

²⁶⁴ Ibid., XII, 8, 7, 4. P. 318.

²⁶⁵ Ibid., XII, 8, 9, 2. P. 320.

²⁶⁶ Ibid., XII, 8, 18, 1. P. 340.

²⁶⁷ Ibid., XII, 8, 18, 2. P. 340.

²⁶⁸ Mauricius, XII, 8, 7, 3. P. 318; 8, 18, 1. P. 340; 8, 22, 24. P. 360; 8, 22, 28. P. 362; 8, 23, 1. P. 362.

²⁶⁹ Ibid., XII, 8, 18, 4. P. 342.

²⁷⁰ Onasander, VIII, 2. P. 404–406.

²⁷¹ Ibid., VIII, 1. P. 404.

²⁷² Ibid., IX, 1. P. 406.

²⁷³ См. об этом: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom IV.–X. Jahrhundert // BZ. 1913. 22.

ги «Стратегикона», посвященная лагерю, построена в полном соответствии с традиционными воззрениями²⁷⁴. Однако по ходу изложения Маврикий высказывает несколько подлинно новаторских идей, оказавшихся чрезвычайно плодотворными с точки зрения последующего развития. Если предшествующие военно-теоретические сочинения рекомендовали располагать конницу всегда внутри лагеря, в его центре, то Маврикий советует выводить ее за лагерьные пределы, пока нет непосредственной угрозы вражеского нападения²⁷⁵. Объяснение этой рекомендации следует искать в возросшей численности конницы во времена «Стратегикона» по сравнению с эпохой Полибия, Гигина или Вегеция. Если античная военная теория рассматривала ворота как потенциально слабый пункт в системе лагерьных укреплений и потому требовала сокращать их количество до минимума, то Маврикий рекомендует оборудовать четверо главных ворот и множество калиток²⁷⁶. Тем самым он смело порывает со старой традицией, жертвуя формальными соображениями безопасности в пользу обеспечения лучших условий для нападения на противника; в конечном счете и эта рекомендация имеет своим основанием численный перевес конницы над пехотой и, следовательно, возросшую мобильность византийской армии времен Маврикия.

Кульминационным моментом военной кампании являлся бой, непосредственное вооруженное столкновение двух воюющих сторон. Именно бой становился самым серьезным испытанием боевых и моральных качеств архонтов и стратиотов, проверкой слаженности и четкости в работе всех элементов военной машины. И Онасандр, и Маврикий разделяют ту основополагающую идею, что фактически вся повседневная жизнь армии должна быть постоянной и целенаправленной подготовкой к этому решающему моменту.

Залог успеха предстоящего сражения — правильный выбор времени и места его проведения, а с учетом этих обстоятельств — определение схемы боевого построения собственного войска. Мы не будем заниматься подробной сравнительной характеристикой схем, рекомендуемых нашими авторами, — эта материя согласно взглядам античных и средневековых теоретиков относилась к сфере «чистой» тактики. Обратим внимание лишь на те основные принципы, которыми руководствовались Онасандр и Маврикий и которые существенно отличаются друг от друга.

Онасандр — сторонник однолинейного построения боевого порядка, что полностью соответствовало требованиям современной ему боевой теории. При этом пехотные подразделения располагались в центре, кон-

²⁷⁴ Mauricius, XII, 8, 22, 1–29. P. 354–362.

²⁷⁵ Ibid., XII, 8, 22, 19. P. 360.

²⁷⁶ Ibid., XII, 8, 22, 2. P. 354–356.

ница — на флангах боевого строя²⁷⁷; выдвинутые вперед немногочисленные отряды легкой пехоты самостоятельных боевых задач не решали²⁷⁸. Основой боевого построения являлась пехотная фаланга. Главная задача стратига — определить правильную пропорцию между глубиной фаланги и ее протяженностью по фронту: она не должна быть излишне растянутой, так как возникает опасность ее прорыва неприятелем; вместе с тем она не должна быть и слишком плотной, иначе противник может легко ее окружить²⁷⁹. Онасандр имеет представление о роли резерва, препятствующего заходу неприятельских войск в тыл²⁸⁰. Дополнительной защитой строя с тыла может служить река или возвышенность, последнюю следует заблаговременно занять особым отрядом²⁸¹. Онасандр дает понять, что иногда полезно поставить войско в такую позицию, когда его отступление невозможно (сзади расположена река или пропасть), — это заставит воинов забыть о возможности спастись бегством и поневоле усилит их боевой порыв²⁸². В целом следует признать тактические схемы Онасандра устаревшими: очевидно, при написании соответствующих разделов своего трактата он располагал весьма архаичными источниками.

В трактате Маврикия нашли отражение самые современные для его эпохи воззрения на боевое построение армии. Принципиально новым является деление войска на несколько составных частей в соответствии с их различным тактическим назначением. Так, в составе кавалерии выделяются курсоры, размещающиеся в рассыпном строю впереди боевого порядка, — они первыми начинают бой и первыми же бросаются преследовать противника²⁸³. Дифензоры располагаются в сомкнутом строю и составляют основу боевого порядка; их предназначение — играть роль подвижных монолитных формирований, противостоящих атакам врага и, в свою очередь, наносящих ему основной удар²⁸⁴. Для охраны флангов выделяются плагиофилаки²⁸⁵, для охвата флангов противника — гиперкрасы²⁸⁶.

Боевой порядок по «Стратегикону» — это строгое, уравновешенное расположение различных частей и подразделений в соответствии с их

²⁷⁷ Onasander, XVI. P. 442–444.

²⁷⁸ Ibid., XVII–XVIII. P. 444–446.

²⁷⁹ Ibid., XXI, 1. P. 450–452.

²⁸⁰ Ibid., XXI, 2. P. 452.

²⁸¹ Ibid., XXI, 3. P. 452–454.

²⁸² Ibid., XXXII, 1. P. 474.

²⁸³ Mauricius, I, 3, 15. P. 56.

²⁸⁴ Ibid., I, 3, 16. P. 56.

²⁸⁵ Ibid., I, 3, 22. P. 58.

²⁸⁶ Ibid., I, 3, 23. P. 58.

тактическим предназначением. Оно определяется двумя основными факторами — характером местности и особенностями неприятельской армии. Боевой порядок должен быть достаточно глубоким, чтобы противостоять натиску противника, соответствовать требованиям маневренности, т. е. быть в состоянии изменяться в зависимости от обстановки; он должен быть надежно защищен, особенно с флангов и с тыла, в том числе и с помощью специальных полос заграждения, оборудованных триболами, «волчьими ямами», траншеями, капканами и т. п.; необходимо, наконец, чтобы он был удобным для управления.

Маврикий решительно восстает против старого, традиционного размещения войска в одну заставшую линию, лишенную маневренности. Полемизируя с воображаемым оппонентом, он убедительно опровергает все теоретически возможные аргументы в защиту подобного принципа²⁸⁷. Идеал Маврикия — построение войска в три линии, прерывистые и подвижные. Еще раз подчеркнем, что принципиальная разница в подходе наших двух авторов к проблеме боевого построения объясняется прежде всего тем, что Онасандр имел дело с войском, в котором пехоты было больше, чем кавалерии, тогда как во времена Маврикия, по его собственному свидетельству²⁸⁸, численный перевес имела кавалерия.

Первая линия, по описанию Маврикия, должна включать в себя до двух третей всего личного состава войска; она состоит из центра (дифензоры, преимущественно копейщики) и двух крыльев (курсоры, преимущественно лучники); пропорция в распределении сил по фронту 1:4:1. На расстоянии четырех полетов стрелы позади первой линии располагается вторая, разделенная на четыре составные части. Между этими частями имеются, следовательно, три интервала, ширина каждого соответствует дальности полета стрелы. Сквозь эти интервалы могут проходить подразделения первой линии, если они не выдержат ударов противника. Третью линию составляет аррьергард силой до двух тагм; воины третьей линии именуются нотофилаками. Кроме трех этих линий, выделяется резерв, размещаемый в засаде²⁸⁹.

Столь сложное боевое построение требовало организации четкого взаимодействия между его различными составными частями и элементами, а оно достигалось в результате длительных, повседневных воинских учений, которые рекомендовалось проводить в условиях, максимально приближенных к боевым²⁹⁰.

²⁸⁷ Mauricius, II, 1, 1–20. P. 74–78.

²⁸⁸ Ibid., VIII, 2, 72. P. 218.

²⁸⁹ Ibid., II, 4, 1–11. P. 80–82.

²⁹⁰ Ibid., VI, 1–6. P. 156–160; VII, 17a, 17–19. P. 194.

Боевой порядок должен тщательно скрываться от неприятеля: выдвинутый вперед авангард (силой в 1–2 тагмы) препятствует вражескому наблюдению²⁹¹. Особо секретным является построение второй и третьей линий. Рекомендуется вести вторую линию на поле сражения на сближенной дистанции с первой, чтобы для вражеских наблюдателей эти две линии сливались в одну; нормальная дистанция устанавливалась непосредственно перед атакой²⁹². Не следует, пишет Маврикий, обнаруживать полностью свой боевой строй раньше, чем окончательно выяснится расположение противника и станут вполне ясными его намерения²⁹³. В зависимости от этого должен быть определен и способ собственных действий — оборонительный или наступательный.

Онасандр фактически не проводит разницы между оборонительным и наступательным боем. Бой в его описании — это прямое, фронтальное столкновение двух воюющих армий и последующая рукопашная схватка между ними; в сражение сразу же оказывается вовлеченным подавляющее большинство войска. Управление боем сводится к немногим, самым элементарным приемам: ложное отступление²⁹⁴, удары резервных частей во фланг или с тыла²⁹⁵. О военных хитростях сказано сравнительно мало, хотя Онасандр вполне осознает их важную роль.

Для автора «Стратегикона» управление боем заключается в согласованном маневрировании отдельными элементами боевого строя в соответствии с изменениями боевой обстановки. Маврикий придерживается нового распределения сил в бою: не следует начинать сражение сразу всеми наличными силами, нужно вводить их постепенно, по мере обнаружения слабых мест противника, и именно в этих пунктах следует наращивать военное давление. Подкрепления могут быть взяты с флангов и из резерва: центр боевого порядка должен всегда оставаться нетронутым.

В течение одного сражения могут быть применены различные способы боевых действий. Кроме наступления и обороны, которые были известны с глубокой древности, «Стратегикон» намечает основы тактики контр-наступления²⁹⁶. Переход от одного вида боевых действий к другому должен быть неожиданным для противника.

Маврикий подчеркивает решающее преимущество фланговых и тыловых ударов перед фронтальными: сражения, пишет он, выигрываются не превосходством над неприятелем в живой силе, не безрассудной храб-

²⁹¹ Mauricius, VII, 8a. P. 178.

²⁹² Ibid., VII, 4a. P. 176.

²⁹³ Ibid., VII, 3a. P. 176.

²⁹⁴ Onasander, XXI, 9. P. 456–458.

²⁹⁵ Ibid., XXII, 1–4. P. 458–460.

²⁹⁶ Mauricius, VIII, 1, 22. P. 200.

ростью, не рукопашной схваткой, как полагает большинство, но полководческим искусством и применением военных хитростей²⁹⁷. «Надежнее и выгоднее, — указывает он в другом месте, — побеждать врагов с помощью размышления и стратегического маневра, чем посредством (голой) силы»²⁹⁸.

Внезапность рассматривается в «Стратегиконе» как важнейший составной элемент военного искусства. Неприятеля страшит неожиданность, утверждает Маврикий²⁹⁹. Трактат буквально насыщен примерами различных военных хитростей (удар из засады³⁰⁰, ложное отступление, смена фронта, дезориентация противника относительно количества собственных сил, времени и места передвижения, направления главного удара и т. д.); при этом автор рекомендует не смущаться тем обстоятельством, что такие хитрости могут показаться бесчестными³⁰¹. Все, что выгодно одной воюющей стороне, невыгодно другой, — следовательно, нужно делать только то, что идет на пользу собственному войску, не особенно задумываясь над моральным обоснованием этих действий³⁰². Стратиг должен действовать подобно искусному охотнику, который уничтожает диких зверей не открыто, а посредством западней, сетей, ловушек, с применением разнообразных хитростей и обманов³⁰³. Не рекомендуется вступать в рукопашную схватку даже тогда, когда победа над неприятелем очевидна: если эта победа достигается с помощью напрасных потерь, единственно ради пустой славы, она не только не оправданна, но даже бессмысленна³⁰⁴.

Особый эффект может принести ночное нападение на неприятеля. У Онансандра мы встречаем лишь отдельные, разрозненные упоминания о ведении военных действий ночью (ночной марш³⁰⁵, ночная переброска засадных отрядов³⁰⁶), не складывающиеся в единую, целостную картину. Как известно, тактика ночного боя стала впервые разрабатываться лишь в трактатах византийской эпохи. Этому сюжету была посвящена специ-

²⁹⁷ Mauricius, II, 1, 2. P. 74; VII, 1, 1. P. 164.

²⁹⁸ Ibid., VIII, 1, 7. P. 198.

²⁹⁹ Ibid., VIII, 2, 10. P. 206.

³⁰⁰ Тактика засадного боя разработана Маврикием более детально, чем во всей предшествующей военно-теоретической литературе, — ей посвящена специальная книга «Стратегикона» (IV, 1–5. P. 138–148).

³⁰¹ Mauricius, VIII, 1, 10. P. 198.

³⁰² Ibid., VII, 1, 2, 5. P. 166; VIII, 2, 70. P. 216.

³⁰³ Ibid., VII, 1, 16. P. 166; VII, 4. P. 168.

³⁰⁴ Ibid., VII, 1, 16–17. P. 166–168.

³⁰⁵ Onasander, VI, 9. P. 398–400.

³⁰⁶ Ibid., XXII, 4. P. 460.

альная глава в «Византийском Анониме»³⁰⁷; автор «Стратегикона» последовал его примеру, сопроводив свои указания иллюстрациями из опыта деятельности полководцев предшествующих эпох³⁰⁸.

Организуемые постоянно, последовательно и комбинационно, военные хитрости способны, по мнению Маврикия, принести успех не только против уступающего по численности, но и против превосходящего по силам неприятеля, ибо часто местность способна оказать помощь и превратить более слабых в более сильных³⁰⁹. Захват инициативы в бою, удержание ее до конца сражения, действия на упреждение противника — важнейшие слагаемые победы³¹⁰. В бою должно быть учтено все — вплоть до погодных условий³¹¹, направления ветра и положения солнца на небе³¹². Рекомендуется принимать во внимание не только особенности вражеского войска³¹³ — эта аксиома была известна и Онансандру³¹⁴, — но и личные качества командующего³¹⁵.

Успех, достигнутый в сражении, должен быть закреплен энергичным преследованием разбитого противника: надо теснить врага до тех пор, пока он не будет совершенно уничтожен или не согласится на выгодный для победителя мир³¹⁶. Важно только постоянно помнить, что в процессе преследования должен сохраняться не менее строгий боевой порядок, чем в сражении. Следует особенно остерегаться вражеских засад и других контрударов противника, потому что в условиях расстроенного боевого порядка они способны круто изменить военную ситуацию, вследствие чего сами преследователи могут оказаться разгромленными³¹⁷.

На любой стадии боя, от начала до его полного завершения, следует действовать решительно, энергично, проявлять выдумку и находчивость, сообразуясь с обстоятельствами места и времени³¹⁸. Даже если военное счастье склонилось на сторону неприятеля, даже если кажется, что уже все потеряно, нужно всегда бороться до конца, сохраняя самообладание в самых критических ситуациях. Ни при каких условиях нельзя терять строй

³⁰⁷ Anonymus, XXXIX, 1–12. P. 178–182.

³⁰⁸ Mauricius, IX, 2, 1–16. P. 226–228.

³⁰⁹ Ibid., VIII, 2, 7–9. P. 204–206.

³¹⁰ Ibid., VIII, 2, 33. P. 210; IX, 1, 2–3. P. 222.

³¹¹ Ibid., VIII, 2, 40. P. 212.

³¹² Ibid., VIII, 2, 32. P. 210.

³¹³ Ibid., VIII, 2, 75. P. 218.

³¹⁴ Onasander, XV. P. 442.

³¹⁵ Mauricius, VIII, 2, 41. P. 212.

³¹⁶ Ibid., VII, 12a, 1–3. P. 184–186.

³¹⁷ Ibid., VIII, 2, 77. P. 218; Onasander, XI, 1–5. P. 430–434.

³¹⁸ Onasander, XXXII, 9–10. P. 478–480.

и покидать поле боя, ибо для бегущих уже нет спасения, а для тех, кто сохраняет строй и продолжает сопротивление, еще остается хоть какая-то надежда на успех³¹⁹. Онасандр подчеркивает, что воины, оказавшиеся в критической ситуации, способны к самому отчаянному сопротивлению, и это сопротивление будет возрастать тем более, чем безнадежнее будет становиться их положение³²⁰.

Из этой очевидной истины античные военные теоретики сделали важный практический вывод: нанеся поражение противнику, следует оставить ему возможность для бегства и обеспечить все необходимое для того, чтобы он этой возможностью воспользовался. Важно при этом подчеркнуть, что подобная рекомендация проистекает отнюдь не из филантропических побуждений, — напротив, ее коренной смысл заключается именно в том, чтобы создать максимально благоприятные условия для полного разгрома противника, причем эта цель может быть достигнута в короткий срок и с наименьшими затратами сил. В византийской военной теории идея «золотого моста» для разбитого противника стала одной из основополагающих. Маврикий касается этого сюжета по крайней мере дважды³²¹ — настолько важным он ему представлялся. Можно напомнить в этой связи, что история военного искусства Рима и Византии не дает ни единственного примера победы, достигнутой в результате полного тактического окружения противника, подобно победе Ганнибала при Каннах.

Согласно общепринятому в античной теории воззрению главным критерием военного успеха являлся разгром живой силы противника. Но немаловажной целью боевых действий был также захват военной добычи. И Онасандр, и Маврикий требуют от стратега обеспечения строжайших мер безопасности при ее сборе, — это следует делать организованно, под соответствующей охраной и непременно лишь после полного окончания сражения. Снимать доспехи с убитых врагов, нападать на их обоз или лагерь, пока еще не определился исход боя, пишет Маврикий, — дело гибельное и опасное. Воинам следует каждый раз напоминать об этом, ссылаясь на установленные военно-дисциплинарным кодексом наказания, потому что недавние победители не только могут быть отброшены, но и совершенно уничтожены, когда они, рассыпавшиеся в разные стороны для грабежа, подвергнутся нападению опомнившегося противника³²².

Неоднократны упоминания в трактатах о пленных. Онасандр предостерегает стратега от их необдуманного умерщвления: они могут быть использованы в качестве заложников и впоследствии проданы или обмене-

ны на римских воинов, попавших в плен к неприятелям³²³. Маврикий делает к этому несколько добавлений. В частности, он указывает еще на один возможный случай использования пленных: поскольку неприятель может отравить продукты питания или питьевую воду, следует проверять их на пленных. Маврикий известны исторические примеры на этот счет³²⁴. Но особенно подробны рекомендации Маврикия по другому поводу. Если византийское войско, захватив добычу и пленных, при прохождении через закрытую местность подвергнется вражескому нападению, можно использовать пленных в качестве живого прикрытия: связанных, их следует выставить с той стороны походной колонны, откуда напал неприятель³²⁵. Если положение станет критическим, можно вступить в переговоры с неприятелем и возратить ему часть добычи или всю ее, чтобы получить возможность уйти без потерь³²⁶. В случае несогласия неприятеля с такими условиями надо прежде всего на его глазах уничтожить пленных, а затем либо предпринять попытку прорваться через вражеские заслоны, либо закрепиться на месте и приступить к грабежам и разорению вражеской земли³²⁷. Эти рекомендации приводят к недвусмысленному выводу, что с точки зрения военной теории собственная безопасность ценится несоизмеримо выше любой военной добычи: последняя должна быть без всяких колебаний принесена в жертву ради сохранения войска.

Прилагая все силы к достижению успеха в военной кампании, не следует все-таки исключать возможности и ее неблагоприятного исхода. Онасандру известна диалектика войны, в которой победы и поражения тесно соседствуют, являясь одновременно причиной и следствием друг друга. Смысл его сентенций сводится к тому, что полоса сплошных удач может даже развратить армию, укрепить в ней пренебрежение к противнику, ослабить внимание к мерам обеспечения безопасности. Наоборот, неудача на поле боя, если из нее сделать правильные выводы, может стать надежным залогом будущих побед³²⁸. Маврикий полностью разделяет эти идеи. Но в отличие от Онасандра, который ограничивается лишь общим советом стратега утешить оставшихся в живых воинов и ждать случая, который дал бы надежные основания поправить положение³²⁹, Маврикий предлагает конкретную программу практических действий³³⁰. Прежде все-

³¹⁹ Onasander, XXXII, 5–8. P. 476–478.

³²⁰ Ibid., XXXVIII, 3–5. P. 496.

³²¹ Mauricius, VIII, 2, 78. P. 218; IX, 2, 11. P. 228.

³²² Ibid., VII, 15. P. 174.

³²³ Onasander, XXXV, 4. P. 488–490.

³²⁴ Mauricius, IX, 3, 28. P. 236.

³²⁵ Ibid., IX, 4, 8. P. 238–240.

³²⁶ Ibid., IX, 4, 9. P. 240.

³²⁷ Ibid., IX, 4, 10. P. 240.

³²⁸ Onasander, XXXVI, 3–6, p. 492.

³²⁹ Ibid., XXXVI, 3. P. 492.

³³⁰ Mauricius, VII, 11a, 1–8. P. 182–184.

го он предостерегает стратига от того, чтобы немедленно давать повторное сражение, пока армия еще находится в состоянии вполне объяснимой деморализации. Впрочем, если от повторного сражений уклониться невозможно, то нужно решиться и на это, но сначала непременно перестроить свой боевой порядок, поменяв местами первую и вторую линии строя. Если время терпит и к тому же есть перспектива усиления армии (например, за счет прибытия подкреплений, в том числе и от союзников), следует выждать некоторое время, использовав его для восстановления боеспособности войска. Можно даже пойти на временное перемирие, если условия, предложенные неприятелем, даже будучи тяжелыми, все-таки окажутся приемлемыми, — выигрыш времени здесь важнее всего. В армии должна быть проведена большая работа для укрепления морального состояния войска, чтобы оно избавилось от чувства подавленности и пессимизма. И когда все это будет сделано, следует повторным решительным сражением переломить военную судьбу. Инициативный, смелый, энергичный полководец, строго учитывающий особенности армии противника и возможности своего войска, недоступный развращающему влиянию легких побед, умеющий даже неудачи оборачивать себе на пользу, — таков для Маврикия идеал военачальника. «Не превозноситься от успехов и не падать духом при неудачах суть проявления энергичного рассудка», — в такой формуле выражает Маврикий этот идеал³³¹.

В качестве особого вида боевых действий военная теория рассматривала осаду и оборону укрепленных пунктов. Следуя логике гипертрофированной наступательной доктрины, Онасандр ограничивает себя анализом лишь одной стороны дела: в его трактате речь идет только об осаде городов.

Как известно, теория полиоркеттики — одна из древнейших отраслей военной науки. Именно ей был посвящен самый ранний из сохранившихся до наших дней греческих военных трактатов — сочинение Энея Тактика «О перенесении осады», датируемое серединой IV в. до н. э.³³² Материально-техническая база искусства полиоркеттики оставалась практически неизменной на протяжении многих и многих столетий. Прогресс здесь выражался лишь в чисто количественном росте двух неразрывно взаимосвязанных показателей — мощности крепостных стен и мощности мета-

³³¹ Mauricius, VIII, 1, 6. P. 198.

³³² Пользуемся тем же изданием, где опубликован и трактат Онасандра; см. примеч. 3 (далее — Aeneas). Сведения о других изданиях, переводах трактата, критическую литературу о нем см.: *Barends D. Lexicon Aeneium*. Assen, 1955; *Dain A. Les stratégistes...* P. 319–320; *Беляев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности* // ВДИ. 1965. № 1; *Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М., 1975.

тельных орудий. Поэтому общая перспектива развития полиоркеттики со времен Энея до ранневизантийской эпохи воплощается в медленном количественном накоплении на фоне выраженного континуитета основополагающих принципов. Лишь спустя несколько столетий после Маврикия произойдет перерыв постепенности в этом развитии, и причиной тому послужит внедрение в боевую практику огнестрельной артиллерии.

Исходя из общих задач настоящей работы, мы не будем вникать в детали полиоркетических рекомендаций Онасандра и Маврикия, — это, если можно так выразиться, сфера чистой технологии; к тому же новаторство наших авторов по сравнению с Энеем оказывается весьма относительным. Любопытно сопоставить рекомендации Энея и Онасандра в другом плане. Поскольку первый пишет только об обороне, а второй — только об осаде, в их трактатах можно обнаружить несколько интересных рекомендаций встречного характера. В предвидении вражеской осады Эней предписывает выслать во все стороны от города специально обученные дневные дозоры, конные и пешие, которые должны своевременно оповестить городские власти о приближении врага³³³. Онасандр рекомендует стратигу, ведущему войско к осажденному городу, захватывать и задерживать всех, застигнутых вне стен города, чтобы они не успели ничего сообщить своему командованию, — неожиданное появление войска у стен города служит залогом успеха в предстоящей осаде³³⁴.

Эней советует выслать из города «лишних» людей (в частности, больных и нищих³³⁵): очевидно, эта рекомендация продиктована соображениями экономии продовольственных припасов в осажденном городе. Онасандр полагает, что стратиг может ускорить падение осажденного города, если он будет отправлять туда женщин, стариков и детей, захваченных в сельской округе: они не только не усилят осажденных, но, напротив, явятся причиной ускорения расхода съестных припасов и тем самым окажут невольную, но весьма ценную услугу осаждающим³³⁶.

Эней приводит примеры, когда осажденные, отразив первый штурм, потеряли бдительность и осторожность, в результате чего их временный успех обернулся конечным поражением³³⁷. Словно в ответ на это Онасандр требует от стратига соблюдать строжайшую дисциплину, сохранять бдительность, обеспечивать меры безопасности на протяжении всей осады, даже после того, как осаждающие уже вступят в город³³⁸.

³³³ Aeneas, VI, 1–7. P. 44–46.

³³⁴ Onasander, XXXIX, 4–7. P. 502.

³³⁵ Aeneas, X, 10. P. 54.

³³⁶ Onasander, XLII, 23. P. 524.

³³⁷ Aeneas, XV, 8–10. P. 78.

³³⁸ Onasander, XLII, 19. P. 520.

Если осада обещает быть длительной, то, по мнению Энея, не следует находиться на стенах одновременно всем войскам гарнизона: для экономии сил нужно установить четкий порядок посменного дежурства отдельных подразделений в виде дозорных постов и передвижных патрулей³³⁹; даже в момент штурма следует отражать его лишь одной третью наличных сил, тогда как остальная часть воинов должна отдыхать; отдохнувшим войскам следует сменять уставших через равные промежутки времени³⁴⁰. Будучи знакомым с этой практикой, Онасандр, в свою очередь, тоже советует разделить войско осаждающих на части и осуществлять осадные мероприятия посменно; желательно, чтобы таких смен было как можно больше (до шести, но не менее трех)³⁴¹. Попутно Онасандр выражает ту мысль, что такую сменность осаждающим организовать намного легче, чем осажденным: последние находятся в гораздо большем напряжении, так что сменившиеся с дежурства подразделения вряд ли смогут спокойно предаваться отдыху, когда будут знать, что город подвергся штурму³⁴².

Эней пишет, что возле ворот города, внутри крепостной огады, следует вырыть замаскированный ров. После одной из очередных вылазок нужно быстро отойти в город. Вражеские солдаты, увлеченные преследованием, устремятся в открытые ворота и угодят в этот ров³⁴³. Как бы в противовес этой хитрости Онасандр предлагает свою: снаружи городских стен, у ворот города, малых и больших, должны устраиваться засады для срыва вылазок осажденных³⁴⁴. Перечень примеров таких встречных рекомендаций (по принципу «действие—противодействие») в трактатах Энея и Онасандра может быть продолжен.

Маврикий в своих полиоркетических воззрениях в основном следует предшествующей военно-теоретической традиции³⁴⁵. Заслуживают быть отмеченными лишь два момента. Во-первых, как уже указано выше, в «Стратегиконе» содержится развернутый план подготовки страны к отражению вражеского нашествия; в этот план включены и мероприятия полиоркетического характера³⁴⁶. Поскольку данный сюжет не рассматривался ни Энеем, ни Онасандром, можно констатировать определенный вклад Маврикия в развитие военной теории. Во-вторых, сам характер анализа Мавриkiem полиоркетических проблем несколько отличается от онасанд-

ровского. Мы уже имели возможность продемонстрировать односторонность наступательной концепции Онасандра. И подобно тому, как судьбу полевого сражения, по его мнению, следует решать исключительно лишь рукопашной схваткой, осажденный город может быть взят только штурмом — другие способы Онасандр считает не заслуживающими внимания. Маврикий в этом смысле гораздо более разносторонен. В его арсенале — не только применение открытого силового давления (это признавалось архаикой еще задолго до Онасандра), не только военные хитрости (цену которым Онасандр уже тоже знал): Маврикий знакомы и принципы стратегии измора, получавшей все большее распространение в ранневизантийской военной доктрине; последняя, в свою очередь, явилась обобщением боевой практики юстиниановской эпохи³⁴⁷. Если же говорить непосредственно о полиоркетике, то идея Маврикия заключается в том, что взятие неприятельской крепости — результат целого комплекса приемов и действий, имеющих целью ослабление осажденных, достижение превосходства над ними (лишение их продовольственных поступлений, разложение рядов обороняющихся, деморализация гарнизона и гражданского населения осажденного города). В таких условиях штурм — лишь завершающий — и даже не всегда обязательный — эпизод в этой широкой программе. Его следует применять лишь тогда, когда станет ясно, что у осажденных достаточно продовольствия и питьевой воды, в связи с чем осада может затянуться на неопределенное время; однако во всех отношениях будет лучше, если удастся «довести их до крайности», применяя стратегию измора³⁴⁸.

И еще одно замечание. Маврикий более внимателен, чем Онасандр, к проблеме обеспечения безопасности собственной армии в период осады, — это опять-таки вытекает из различий в их стратегических, доктринальных установках. И, как во всех других случаях, Маврикий не ограничивается теоретическим обоснованием этой идеи — он делает основной акцент на выработку практических мер по ее конкретной реализации.

* * *

В свое время Э. Гиббом была высказана мысль о том, что «в лагерях Юстиниана и Маврикия теория военного искусства была не менее хорошо известна, чем в лагерях Цезаря и Траяна»³⁴⁹. Сравнительный ана-

³³⁹ Aeneas, XXII, 4–6. P. 106–108; 24–26. P. 116.

³⁴⁰ Ibid., XXXVIII, 1. P. 188.

³⁴¹ Onasander, XLII, 7–11. P. 512–514.

³⁴² Ibid., XLII, 12–13. P. 514.

³⁴³ Aeneas, XXXIX, 1–2. P. 192.

³⁴⁴ Onasander, XLI, 1–2. P. 504–506.

³⁴⁵ Mauricius, X, 1, 1–14. P. 248–250.

³⁴⁶ Ibid., X, 3–4. P. 254–260.

³⁴⁷ См. об этом: Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»: Основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. 41 (см. с. 208–242 настоящего издания).

³⁴⁸ Mauricius, X, 1, 2. P. 248.

³⁴⁹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1885. Ч. V. С. 172.

лиз трактатов Онасандра и Маврикия, датируемых как раз теми периодами, о которых писал Э. Гиббон, приводит к заключению, что этот тезис следует еще более усилить: военно-теоретическая мысль ранневизантийской эпохи может быть поставлена на более высокую ступень по сравнению с греко-римской теорией.

Среди главных причин, объясняющих это явление, можно указать на следующие: существенные изменения в социальной базе военной организации, выразившиеся во времена Маврикия в начавшемся переходе к армии типа народного ополчения; изменение в соотношении родов войск в пользу кавалерии, выгодно отличающейся от пехоты большей динамичностью, мобильностью, универсальностью боевого применения; прогресс в области вооружения, снаряжения и снабжения войска, порожденный более глубокой и узкой специализацией отдельных армейских частей и подразделений; осмысление и использование не только собственного боевого опыта (на этом зиждилась вся предшествующая военно-теоретическая традиция), но и военных обычаев соседних народов — действительных или потенциальных противников империи.

Византийские военные теоретики более глубоко поняли неразрывную связь военного дела с социальной организацией общества и государственной политикой (еще в большей степени, чем в «Стратегиконе Маврикия», это проявилось в «Византийском Анониме VI в.»). Углубились и конкретизировались понятия стратегии и тактики; получило всестороннее обоснование положение о том, что тактика занимает по отношению к стратегии подчиненное, зависимое место: она относится к стратегии как часть к целому, а потому ее развитие не может происходить по каким-то особым, только ей присущим законам, отличным от общих законов развития военной организации в целом. Эта глубокая мысль была высказана впервые еще во времена Ксенофонта, когда военная наука переживала период становления. В соответствии с общими законами развития любой сферы знаний дальнейший прогресс военной науки заключался в углубленной разработке ее отдельных отраслей. При этом выяснилось, что наиболее динамичной отраслью военной теории оказалась тактика: она непосредственно связана с самым подвижным, изменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким является материально-техническая база военной организации. В трудах многих выдающихся военных теоретиков, прежде всего Асклепидота, Элиана, Арриана, проблемы тактики были разработаны наиболее тщательно и глубоко. Однако на фоне объективного отставания других отраслей (в силу их большего консерватизма) развитие тактики приобрело гипертрофированный характер. Из правильной, подтвержденной практикой посылки, что именно тактика является главным средством достижения военного успеха, постепенно

сложилось ошибочное представление о самостоятельном, самодовлеющем ее характере; военно-теоретическая мысль стала ограничиваться узкой сферой исключительно тактических проблем. Оказалась утраченной изначально целостность комплекса военно-теоретических знаний; возникла опасность утраты тактикой присущей ей динамики, окования, окостенения тактических схем, превращения их в абсолюты, оторванный от реальной боевой практики. Воплощением этой тенденции явилось «Краткое изложение военного дела» Флавия Вегеция Рената — сочинение, явившееся синтезом всей античной военно-теоретической мысли.

Одним из проявлений общего кризиса послеюстиниановской эпохи явился крах старой военной организации. Начиная с эпохи Маврикия вооруженные силы империи стали базироваться на новой социальной основе. Изменилось и соотношение родов войск в армии: на передний план выдвигается кавалерия (как ответное средство борьбы с конными варварскими племенами)³⁵⁰. Естественно, что античные тактические схемы, рассчитанные на боевое использование пехоты, могли найти в этих условиях лишь весьма ограниченное применение. Тактику же кавалерийских подразделений пришлось разрабатывать практически заново, опираясь на собственный (довольно ограниченный) исторический опыт и отталкиваясь от опыта своих врагов.

Выдающаяся заслуга Маврикия заключается в том, что его «Стратегикон» явился практическим руководством по боевому применению кавалерии в условиях формирования основ новой военной организации. Но именно потому, что эта тактика разрабатывалась заново, она нуждалась в широком общетеоретическом обосновании. Вследствие этого оказалось восстановленным то неразрывное единство тактики и стратегии (при зависимости первой от второй), которое существовало в военной теории изначально³⁵¹.

Поскольку все составные элементы военной организации представляют собой не механическое соединение, а органическое единство, измене-

³⁵⁰ Мы присоединяемся к мнению Ф. Оссаресса (см.: *Aussaresses F. L'armée byzantine...* Р. 9), что во времена Маврикия византийская пехота могла успешно применяться лишь против персов: во-первых, потому, что персы придерживались «правильных» методов ведения войны, во-вторых, потому, что в Малой Азии имелись хорошие дороги. Но в отношении варваров дунайского региона (аваров и славян), применявших тактику стремительных набегов, главным средством противодействия являлась быстрота, а она достигалась только применением легкой кавалерии.

³⁵¹ Заметим, кстати, что в этом свете получает свой конкретный смысл столь шокировавшее многих исследователей двойное, самое раннее, возможно, авторское наименование трактата Маврикия («тактика» — «στρατηγικά»), подчеркивающее неразрывное единство этих двух основополагающих категорий военной науки.

ния, происшедшие в одном или нескольких из них, вызывают к жизни цепную реакцию новых перемен. Сопоставление «Стратегикоса» и «Стратегикона» приводит к заключению, что во времена Маврикия существенно изменились принципы материально-технического снабжения войска, — отсюда исключительный интерес автора к сюжетам, связанным с обозной службой. Возросшая маневренность армий активизировала разработку принципов обеспечения ее безопасности на всех стадиях военной кампании (поход, лагерная стоянка, сражение), прежде всего за счет совершенствования организации разведывательной и караульной служб. С этим же связано появление элементов военно-инженерного оборудования в условиях полевого боя (земляные оборонительные сооружения, полосы искусственных препятствий и т. д.).

Во времена Маврикия усложнились и усовершенствовались боевые порядки; динамизм и универсальность — вот главные принципы их построения. Возросло искусство управления боем; в его основе отныне лежало маневрирование различными родами войск и элементами боевого порядка, основанное на внезапности. В качестве главного средства достижения военного успеха стала все более признаваться не сила, а хитрость. Возросли требования к моральным и профессиональным качествам военачальников различных рангов. Наконец, важное место в деятельности командования заняла проблема морального фактора: конечная цель здесь заключалась в том, чтобы воздействовать на воинский дух, высокое состояние которого, по мысли военных теоретиков, было способно многократно увеличить силу оружия.

Значение «Стратегикона Маврикия» не ограничивается рамками его эпохи — он сам составил целую эпоху в военной науке. В плане исторической перспективы этот трактат озаменовал такой период в развитии византийской военной организации, когда ее социальная база (свободное земледельческое население империи) была, как никогда, прочной — и в количественном, и в качественном отношении. С более специальной точки зрения это было время становления нового, перспективного рода войск — кавалерии, имевшей тенденцию к неограниченному совершенствованию своего боевого применения. Вместе с тем еще не были окончательно прерваны или ослаблены, как это произошло позднее, в период «темных веков», связи, питавшие формирующуюся византийскую цивилизацию идеями цивилизации античной, — в полной мере этот общий тезис применим и к военной науке. За осмысление и обобщение современного опыта в свете достижений военного гения древних и в духе веяний своей эпохи взялся человек, по уровню своей теоретической и практической подготовки вполне способный осуществить задуманное предприятие. В результате увидело свет официальное военное руководство, яв-

лявшееся одновременно и военно-теоретической энциклопедией, и уставом армейской службы, рассчитанным на практическое применение.

Такого благоприятного сочетания указанных факторов больше не наблюдалось ни разу во всей последующей истории империи. Социальная база армии имела тенденцию к размыванию и конечному ослаблению; основы кавалерийской тактики, заложенные на рубеже VI и VII столетий, не получили дальнейшего развития, следствием чего стало прогрессирующее отставание византийской конницы от рыцарской западноевропейской кавалерии; в науке возобладали тенденции традиционализма, канонизации античного наследия, что в конце концов привело к почти полному прекращению всякого творческого поиска; на почве военно-теоретического творчества подвизались либо кабинетные стратеги, лишенные достаточной практической подготовки, либо узкие практики, не способные подняться до теоретических обобщений.

Поэтому «Стратегикон Маврикия», открывший перспективу развития византийской военной науки, остался и высшим достижением в этом развитии. И если попытаться проследить истоки всех военно-научных концепций, когда-либо проявлявшихся на византийской почве, все они в конечном счете приведут к «Стратегикону» — не только потому, что он предшествует остальным византийским военным трактатам по времени, но и потому, что он оказался выше их по уровню.

1982–1985 гг.

«ВИЗАНТИЙСКИЙ АНОНИМ VI в.»: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ И СОДЕРЖАНИЯ*

VI в. в истории византийской литературы представлен значительным количеством памятников военной науки: по подсчетам А. Дэна¹, их одиннадцать. Одним из них является сочинение, автор которого, оставшийся неизвестным, попытался создать руководство, охватывающее основные сферы военной науки. Единственное издание трактата (с переводом на немецкий язык) было осуществлено Г. Кэхли и В. Рюстовом²; ими же предложено закрепившееся в литературе наименование сочинения³.

«Византийский Аноним VI в.» не привлекал пристального внимания исследователей, и литература о нем весьма небогата. Сохраняют свою ценность «Erklärende Anmerkungen» первых издателей трактата⁴. Представляет интерес (хотя и не свободен от ошибочных положений) соответствующий обзор в обобщающем сочинении М. Йенса⁵. Первая (и в целом плодотворная) попытка использовать сведения Анонима для характеристики социально-экономической действительности VI в. была предпринята Н. В. Пигулевской⁶. Наряду с материалами других трактатов военно-исторические реалии Анонима анализировались и нами⁷.

Задачей настоящей статьи является комплексная характеристика анонимного трактата VI в. как составного звена в серии памятников греко-римско-византийской военной науки, вызванного к жизни особыми обстоятельствами эпохи и отразившего в себе эту эпоху через призму военной традиции предшествующего времени. Как и всякий другой военный писа-

тель, Аноним VI в. стоял перед необходимостью творческого переосмысления достижений военно-теоретической мысли предшествующих эпох — без этого его практические рекомендации не имели права на существование, на внимание к себе как со стороны современников, так и потомков.

Несмотря на то что достаточно свободное владение своим предметом позволило Анониму профессионально раскрыть важнейшие проблемы военной науки, соблюсти правильную пропорцию между общетеоретическими положениями и рекомендациями сугубо практического характера и в результате создать произведение, отражающее современное ему состояние военной организации, трактат не стал эпохой в военной науке, не оказал сильного влияния на последующую традицию. И причиной тому, как ни парадоксально это звучит, — именно современность содержащейся в трактате информации.

Дело в том, что современная Анониму военная организация базировалась на устаревших, отживших свое время материально-технических и организационных основах. Известно, что залог успеха реставрационной политики юстиниановское правительство усматривало в возрождении военного могущества империи. В соответствии с господствовавшей тогда идеологией это возрождение могло быть обеспечено единственно путем изучения и использования военного опыта «древних». В этом плане сочинение Анонима является типичным продуктом своей эпохи: вся система его методологических принципов, теоретических построений, доктринальных воззрений целиком базируется на концепциях военной науки античности.

Последствием колоссального перенапряжения сил, пережитого империей при Юстиниане, явился глубокий кризис, охвативший в последней трети VI в. практически все области экономики, социальных отношений, политики, идеологии. Потерпела крах и старая военная организация, основанная на принципах наемничества. В соответствии с этим оказались устаревшими и те основополагающие идеи, которые определяли существо военно-научных взглядов Анонима.

Начиная с VII в. военная организация империи стала базироваться на принципах фемного строя; отныне ее квалифицирующим признаком стал принцип народного ополчения. Военно-теоретическая мысль византийцев приступила к осмыслению и обобщению объективно складывавшегося порядка вещей. Начало было положено «Стратегиконом Маврикия».

Между сочинениями Анонима и Маврикия имеется сравнительно небольшой хронологический перерыв — в пределах одного полустолетия. Но эти авторы — представители различных эпох в истории военной организации Византии. Поэтому в традиции военно-научной литературы между сочинениями Анонима и Маврикия отмечен заметный «перерыв постепенности». Р. Вари был излишне категоричен, когда отрицал существова-

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 1980. 41.

¹ Dain A. Les stratégistes byzantins // TM. 1967. 2. P. 340–347.

² Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. 2. Theil: Die Tactiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855 (далее — Anonymus).

³ А. Дэн предпочитал более обобщающее «De re strategica» (см.: Dain A. Les stratégistes... P. 343).

⁴ Anonymus. S. 311–335.

⁵ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaft. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 146–151.

⁶ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946. С. 58–69, 83–85.

⁷ См., например: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. 40 (см. с. 37–56 настоящего издания).

ние между ними каких-либо точек соприкосновения⁸, — такие точки все же есть, и мы обратим далее на них внимание. Но это именно точки, и все они — из сферы чистой технологии; различия же между трактатами принципиально существеннее. Взгляд Анонима объективно обращен в прошлое; «Стратегикон» всем своим содержанием устремлен в будущее: пока сохранялись в силе основы фемной военной организации, принципы, заложенные «Стратегиконом», сохраняли жизнеспособность. Практически вся последующая литература, вплоть до самых последних ее памятников, испытывала заметное влияние «Стратегикона». Информация же Анонима подверглась быстрой инфляции: опоздав (в силу объективных причин) стать памятником военной теории, это сочинение очень быстро превратилось в памятник ее истории.

С учетом высказанных соображений мы и перейдем к характеристике «Византийского Анонима VI в.».

Текст трактата был издан впервые Г. Кэхли и В. Рюстовом по рукописи, не являющейся архетипом⁹. Впрочем, и в лучшей рукописи середины X в., знаменитой Laurentianus LV-4¹⁰, составление которой, по мнению А. Дэна, «являлось предприятием официального характера»¹¹, отсутствует одна первая страница с указанием названия произведения и имени его автора. Сохранившийся материал, занимающий 27 листов рукописи (размер листа 325 x 260), распределен по 43 главам, которые можно сгруппировать в следующие разделы:

I. Характеристика основных сословий городского населения в плане их отношения к военному делу. Качества военачальника и подчиненных. Общие взгляды на проблемы войны и мира. Определение стратегии (гл. I–V).

II. Мероприятия по защите от вражеского нападения (гл. VI–XIII).

III. Подготовка армии к войне (подразделения пехоты и кавалерии, их вооружение, тактика и взаимодействие) (гл. XIV–XXV).

IV. Лагерное устройство, караульная служба (гл. XXVI–XXIX).

V. Способы передачи военных приказов и распоряжений (гл. XXX).

VI. Организация сражения и меры обеспечения его успеха (боевой порядок, ход сражения, ночные нападения, засады и другие военные хитрости, организация разведывательной службы) (гл. XXXI–XLIII).

Избранный автором план, отличающийся оригинальностью, позволил ему достаточно полно охватить основные разделы военной науки, дать комплексное изложение ее главных принципов. Вместе с тем произведе-

ние не свободно от ряда структурных недостатков. М. Йенс полагал, что главы о перебежчиках, шпионах и послых, заключающие трактат, стоят не на своем изначальном месте. Ему казался и слишком резким переход от характеристики военного оборудования укреплений к проблемам тактики, т. е. от главы XIII к главе XIV — следствие либо лакуны, либо неавторской перестановки¹².

Трактату свойственны и существенные пробелы в содержании. Так, отсутствует материал об обучении воинов — сюжет, традиционный для большинства памятников военной литературы. Нет и сведений об организации войны на море, хотя одно место XIV главы можно понять так, что автор имел намерение осветить этот вопрос. Имеются два вида войны, указывает он, — морская и сухопутная; каждой из них следует посвятить особую часть тактики, поскольку характерные черты каждого из этих видов отличаются друг от друга. Для того чтобы их не спутать, продолжает Аноним, «мы хотим говорить особо о каждом виде, а именно — сначала о войне на суше»¹³. Но на протяжении последующего изложения материала автор пишет только о сухопутной армии.

В научной литературе XIX в. было высказано предположение, что анализируемый нами комплекс из 43 глав является лишь частью более крупного целого, оказавшегося в рукописях расчлененным на три отдельных фрагмента. Первый из них — текст, опубликованный Г. Кэхли и В. Рюстовом, второй — фрагмент анонимного трактата, известный в литературе под наименованием «О стрельбе из лука» (Περὶ τοξείας), третий — принадлежащий неизвестному автору фрагмент о морской войне, впервые введенный в научный оборот К.-К. Мюллером. Наиболее последовательно сторонника эта точка зрения нашла в лице М. Йенса¹⁴. Приписывая все три сочинения одному и тому же автору, М. Йенс тем самым снимал выдвинутые против него обвинения: если рассматривать «Περὶ τοξείας» как раздел, посвященный обучению воинов¹⁵, а фрагмент К.-К. Мюллера — как реализацию обещания, содержащегося в XIV главе, тогда охват проблем военной науки Анонимом можно признать практически полным.

¹² Jähns M. Op. cit. S. 147. С этим предположением можно согласиться. Обычно для Анонима характерны последовательные, зачастую мотивированные переходы от одного сюжета к другому; в наиболее показательных случаях заключительный параграф предыдущей главы формулирует содержание последующей (см., например, переходы от гл. XI к гл. XII, от XVI к XVII, от XVII к XVIII, от XVIII к XIX, от XX к XXI). Встречаем и случай, когда последний параграф главы XXI определяет содержание сразу трех глав — XXII, XXIII и XXIV.

¹³ Anonymus, XIV, 3–4. S. 88.

¹⁴ Jähns M. Op. cit. S. 150–151.

¹⁵ М. Йенс предлагал помещать его после XVI главы Анонима, содержащей описание вооружения (Ibid. S. 151).

⁸ Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker // BZ. 1906. 15. S. 70.

⁹ См.: Jähns M. Op. cit. S. 146. Anm. 1.

¹⁰ О ней подробно см.: Dain A. Les stratégistes... P. 382–385.

¹¹ Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien. P., 1946. P. 185.

Следует несколько подробнее охарактеризовать военные сочинения, упомянутые выше.

Фрагмент «О стрельбе из лука» был впервые издан Г. Кэхли и В. Рюстовом непосредственно вслед за текстом Анонима¹⁶. Как бы предвосхищая гипотезу М. Йенса, издатели подчеркнули связь этого фрагмента с Анонимом, отметив общность содержания, сходство в способах изложения материала¹⁷. Фрагмент состоит из предисловия и трех коротких глав, соответствующих трем главным принципам: стрелять точно, сильно и быстро. Для выработки этих навыков рекомендуются специальные упражнения. Общие взгляды автора на способы и приемы подготовки лучников, на их роль в сражении вполне соотносятся с воззрениями писателей юстиниановской эпохи¹⁸.

В современной историографии мнение М. Йенса не встречает поддержки. «Περὶ τοξείας» рассматривается как особое сочинение, не принадлежащее Анониму. А. Дэн считал его извлечением из неизвестного трактата, датируемого V в.¹⁹ Истоки его можно отыскать в «Кестах» Секста Юлия Африкана; без значительных изменений текст «Περὶ τοξείας» вошел в состав 60–62-й глав корпуса, условно названного А. Дэном и Р. Вьейефом «Apparatus bellicus» и датируемого временем Константина Багрянородного²⁰.

Что касается фрагмента о морской войне, то он был впервые издан К.-К. Мюллером по миланской рукописи Ambrosianus 139, датируемой концом X в.²¹ В сохранившемся тексте, включающем в себя IV–X главы неизвестного трактата, идет речь об обязанностях морского военачальника, об организации дозорной и сигнальной служб; далее содержатся рекомендации по подготовке к морскому сражению, его непосредственному проведению, использованию его последствий. К.-К. Мюллером было обосновано положение об огромной исторической ценности этого первого известного нам обобщающего специального сочинения о морской войне.

Установлением источников названного трактата занимался Ф. Ламмерт²²; в качестве таковых он называл Энея, Вегеция, Анонима VI в. Как видим, он не разделял мнение М. Йенса и датировал мюллеровский фрагмент более поздним временем, чем сочинение Анонима. Автором военно-

морского сочинения А. Дэн считал некоего Сириана Магистра²³, имя которого сохранилось в позднейшей «Тактике Никифора Урана» (конец X в.), а также трижды упомянуто в приложении к «Книге церемоний» Константина Багрянородного²⁴. Глава V сочинения Сириана Магистра послужила исходным материалом для 119-й главы «Тактики Никифора Урана». Поскольку совпадение содержания этих глав является далеко не полным, А. Дэн предполагал существование либо двух версий текста Сириана, либо промежуточной компиляции между Сирианом и Никифором Ураном. Время создания анализируемого морского трактата А. Дэн определял как VI в.²⁵; К.-К. Мюллер и Ф. Ламмерт считали эти границы более широкими — V–VI вв. Существенным для датировки является факт незнакомства автора с «греческим огнем».

Таким образом, современная историография отвергла тезис М. Йенса об идентичности Анонима VI в. с авторами трактатов об обучении лучников и о морской войне. Опубликованный Г. Кэхли и В. Рюстовом комплекс из 43 глав следует рассматривать как отдельное, самостоятельное произведение; что же касается пробелов в его содержании, то они, очевидно, были присущи ему изначально.

Как уже отмечалось, рукописная традиция не сохранила имени автора сочинения. О его личности можно судить лишь по самому трактату. Г. Кэхли и В. Рюстовом было высказано²⁶, М. Йенсом обосновано²⁷, а Н. В. Пигулевской активно поддержано²⁸ предположение о принадлежности Анонима к сословию военных инженеров. С этим нельзя не согласиться. Военно-инженерный подход отчетливо проявляется в главах, посвященных сооружению крепостей²⁹, начиная от выбора места будущего строительства. Детально, со знанием дела повествуется о размерах и конфигурации крепостных стен, о мерах их дополнительной защиты (протейхизма, ров); высказываются рекомендации по военно-инженерному обустройству местности (искусственное террасирование). Так же профессионально освещаются проблемы осады и обороны городов. И хотя здесь, как будет показано ниже, автор менее оригинален, чем в вопросах градостроительства, все же его предметное знакомство с проблемой не вызывает сомнений.

Глава XIX, посвященная переправам через реки, является наиболее самостоятельной в трактате и свидетельствует об особом знакомстве ав-

¹⁶ Anonymus. S. 198–209.

¹⁷ Ibid. S. 37.

¹⁸ Например, Прокопия; см.: Procop. BP. I. 14. 18; BG. I. 22.

¹⁹ Dain A. Les stratégistes... P. 338.

²⁰ Ibid. P. 359–361.

²¹ См.: Müller K.-K. Eine griechische Schrift über Seekrieg. Würzburg, 1882.

²² Lammert F. Die älteste erhaltene Schrift über Seetaktik und ihre Beziehungen zum Anonymus Byzantinus des 6. Jahrhunderts // Klio, 1941. 33. S. 271–288.

²³ Dain A. Naumachica. P., 1943. P. 43–55.

²⁴ См.: Dain A. Les stratégistes... P. 342, 361.

²⁵ Ibid. P. 342.

²⁶ Anonymus. S. 38.

²⁷ Jähns M. Op. cit. S. 147.

²⁸ Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 20.

²⁹ Anonymus, X–XII. P. 68–76.

тора именно с данной областью военно-инженерного искусства. Он подробно описывает способ переправы, предложенный в свое время Аполлодором, знаменитым архитектором и инженером первой половины II в. н. э. К этому способу Аноним относится весьма критически³⁰, подробно рассматривая случаи, когда его использование становится совершенно нецелесообразным. Ссылаясь на собственный опыт³¹, Аноним дает целый ряд других рекомендаций, не оставляющих сомнения в его глубокой компетентности.

Что же касается утверждения М. Йенса и Н. В. Пигулевской об участии Анонима в одном или нескольких дунайских походах³², то для такого вывода, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Название Дуная (*Ἰούτρος*) действительно встречается в трактате³³, но всего лишь один раз, в нейтральном контексте и одновременно с названием другой реки — Евфрата. Все дальнейшее повествование не привязывается ни к какому конкретному географическому региону. Описываются переправы и через глубокие, спокойные реки, примером которых назван Дунай, и через мелкие, но быстрые и стремительные (примером их служит Евфрат). Рассуждения о преодолении топких берегов³⁴ могут относиться к Дунаю с такой же вероятностью, как и к любой другой реке.

Итак, автор анализируемого трактата принадлежал к сословию военных специалистов. Подобная социальная и профессиональная принадлежность наложила специфический отпечаток на его мировоззрение, на методологические принципы его подхода к проблемам военной науки.

Античное обществоведение считало военную деятельность важнейшим свидетельством нормального функционирования государственного организма. Отсюда понимание военного дела как части государственной политики, военного искусства — как части искусства государственного руководства, военной науки — как части государственного управления. Такое понимание свойственно и Анониму. Государственная наука условно делится им на теоретический и практический разделы (*λογικὸν μέρος καὶ πρακτικὸν μέρος*); последний раздел в свою очередь — на *πολιτικὴν*, занимающуюся проблемами социально-политической организации общества, и *στρατηγικὴν*, т. е. собственно науку о военном руководстве.

В соответствии с указанным делением Аноним посвятил начальные главы своего трактата характеристике социального строя современного

ему общества, стремясь определить место той или иной группировки в экономике империи, ее политике и, разумеется, военной организации.

Все население империи Аноним подразделяет на две неравные (и по численности, и по положению) части. Первая из них носит наименование «архонтов» — это руководители, правящие верхи общества, социальное предназначение которых состоит именно в том, чтобы управлять другими. Вторую часть составляют «подчиненные» (*ὑποταγμένοι*), обязанные беспрекословно выполнять распоряжения правящей элиты. Осуществляя свое социальное предназначение, архонты должны обладать рассудительностью и порядочностью, компетентностью в решении дел, вынесенных на их рассмотрение; склонность архонтов к интригам, их стремление занять более высокое положение, чем они заслуживают, вызывают со стороны автора осуждение³⁵.

Приступая к характеристике правящей элиты, Аноним ставит на высшие ступени социальной лестницы богословов и законоведов³⁶; их сферу деятельности он считает сугубо специальной, недоступной остальной массе населения. Об иератическом сословии говорится сравнительно немного: клирики должны быть скромными и смиренными служителями Бога, верными апостольским правилам и традициям³⁷.

Несколько более подробно характеризуется сословие, связанное с законотворчеством. При этом заслуживает внимания общий взгляд автора на цели законодательства: оно призвано предотвращать социальные конфликты в обществе, удерживать социальные группировки в рамках прав, привилегий и обязанностей, установленных законом. В этой позиции можно увидеть как отражение общих концепций законодательства юстиниановской эпохи, абсолютизирующих роль права в регулировании общественных отношений, так и несомненный отзвук тех бурных социальных конфликтов, современником которых являлся Аноним.

В особую группу архонтов выделяются «советники» (*τὸ συμβουλευτικὸν μέρος*), представители сенаторской знати, входящие в состав совета при императоре. При этом автор проявляет осведомленность в практике работы совета: хотя решения здесь принимаются большинством голосов, все зависит от позиции наиболее близкой к императору группы «лучших людей» (*οἱ ἀρίστοι τῶν ἀνδρῶν*)³⁸. Советникам должны быть присущи такие черты, как мудрость, рассудительность, высокая ответственность, верность долгу; они должны действовать независимо от родственников и дружественных привязанностей, быть честными и неподкупными³⁹.

³⁰ Anonymus, XIX, 7–14. P. 112–114.

³¹ Ibid., XIX, 23. P. 118.

³² Этот тезис утвердился в литературе с легкой руки первых издателей Анонима (см.: Anonymus. S. 38).

³³ Anonymus, XIX, 1. P. 110.

³⁴ Ibid., XIX, 22–24. P. 118.

³⁵ Anonymus, III, 3. P. 48.

³⁶ Ibid., I, 1–2. P. 42.

³⁷ Ibid., III, 2. P. 48.

³⁸ Ibid., II, 3. P. 44.

³⁹ Ibid., III, 4. P. 48.

Важнейшей сферой государственной деятельности автор трактата считает осуществление правосудия. Судья (ὁ δικάστης) должен в совершенстве знать действующее законодательство, обладать навыками практической работы на судебном поприще. Из человеческих качеств ему должны быть присущи смелость, решительность, объективность при рассмотрении дел, честность и неподкупность; доброта и снисходительность в отношении невинных людей должны сочетаться в нем с непримиримостью и суровостью, когда дело касается злостных правонарушителей и преступников⁴⁰.

Большое внимание уделяется Анонимом и финансовому управлению, в частности организации сбора налогов. Будучи военным человеком, он отчетливо сознавал прямую зависимость и неразрывную связь между финансовым и военным могуществом государства; поэтому в его понимании чиновники финансового ведомства (τὸ χρηματικὸν μέρος) по степени их социальной ценности не уступают судебскому сословию. От сборщиков податей тоже требуется профессиональная пригодность: осведомленность в математике, метрологии, агрономии и других науках, так как размер податей определяется не только количественными критериями (площадь земельного участка), но и качественными показателями (плодородность земли в виде выращенных на ней плодов или добытых из нее металлов)⁴¹.

Вслед за чиновниками судебного и финансового ведомств автор помещает представителей научно-технической интеллигенции (τὸ τεχνικὸν μέρος)⁴². Аноним предпочитает техническое (в частности, математическое) образование гуманитарному — вероятно, здесь играет роль профессиональная принадлежность самого автора. Однако наряду с этим Аноним решительно протестует против узкой, ограниченной специализации научно-технических кадров, выступая за широкое, разностороннее образование; не случайно здесь ему приходит на память аналогия с энциклопедической подготовкой античных мыслителей и инженеров, например Пифагора.

Анонимом зафиксировано и существование особого «театрального сословия», куда отнесены артисты, музыканты, профессиональные возничие на ипподроме. Видимо, симпатий к ним автор не испытывает, но вынужден считаться с фактом их существования как с объективной реальностью, «свойственной только ромеям»⁴³.

Покончив с этим, Аноним переходит к характеристике сословий, непосредственно связанных со сферой общественного производства, явля-

⁴⁰ Anonymus, III, 5. P. 48.

⁴¹ Ibid., III, 6. P. 50. См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 120.

⁴² Ibid., II, 5. P. 46.

⁴³ Ibid., III, 15. P. 54.

ющихся для государства «полезными» сословиями. К ним отнесены торговцы (τὸ ἐμπορικὸν μέρος), ремесленники, обрабатывающие сырье (τὸ ὑλικὸν μέρος), неквалифицированные работные люди (τὸ ὑπερετικὸν μέρος). Торговля рассматривается автором как важнейшая сфера социальной деятельности, обеспечивающая необходимое и разумное перераспределение общественного продукта между различными сословиями⁴⁴. Среди производственного сырья, обрабатываемого ремесленниками, названы железо и нефть⁴⁵. Поскольку это сырье привозится издалека, оно имеет значительную цену; отсюда становится понятным замечание Анонима, что ремесленники должны быть достаточно кредитоспособными⁴⁶. Что же касается работного люда, то он должен быть сильным, здоровым, по возможности молодым, чтобы беспрекословно выполнять все то, что от него требуется⁴⁷.

Характеристику современного ему общества Аноним заканчивает упоминанием категории «беспольных» людей (τὸ ἄχρηστον μέρος), куда отнесены старики, дети и больные⁴⁸. Своим существованием они обязаны благотворительности других людей, щедрость и милосердие которых должны сочетаться с осмотрительностью, чтобы филантропы не стали жертвами обмана со стороны бесчестных мошенников и проходивцев⁴⁹.

В целом нарисованная анонимным автором картина социальной структуры византийского общества юстиниановской эпохи отличается достаточной яркостью. Правда, она далека от завершенности, поскольку здесь отсутствует даже упоминание о самой значительной по численности категории населения — крестьянстве, как, впрочем, и о сельских жителях вообще: интересы нашего автора не распространяются дальше черты городских стен. Отсутствует и суммарная характеристика военного сословия. Не вызывает сомнения, что эти упущения сделаны автором вполне сознательно и продиктованы, скорее всего, какими-то соображениями структурного порядка⁵⁰. В самом деле, невозможно предположить, что о существовании указанных категорий автор не знал или не имел достаточно ясного представления; особенно недопустимо такое предположение относительно военного сословия, к которому он сам принадлежал.

⁴⁴ Anonymus, II, 6. P. 46.

⁴⁵ Ibid., II, 7. P. 46.

⁴⁶ Ibid., III, 12. P. 52.

⁴⁷ Ibid., II, 8. P. 46; III, 14. P. 54.

⁴⁸ Ibid., II, 9. P. 46.

⁴⁹ Ibid., III, 13. P. 54.

⁵⁰ Главы, следующие за тремя начальными, посвящены осаде и обороне городов. Это ограничивало задачу автора характеристикой только городского населения. Возможно, что на первом, утраченном листе трактата содержалось обоснование такого ограничения.

Затронутые во вводных главах трактата проблемы государственного права, социологии, политической экономии решены автором непрофессионально, в большинстве случаев с дилетантских позиций. Но, как ни парадоксально, именно в этом и заключается ценность данного раздела. По степени разработки указанных проблем мы можем составить представление об общем уровне духовной культуры средних слоев населения юстиниановской Византии. Это именно взгляд на общество изнутри, из середины — и в социальном, и в интеллектуальном плане: среднесостоятельный и среднекультурный византиец (кстати сказать, далеко не несомненный «ромей»!) донес до наших дней как бы моментальный снимок современного ему общества.

Оригинальность авторского замысла, равно как и способ его реализации, должны быть оценены в полной мере — больше ни один из памятников греко-римско-византийской военной литературы не включает в себя подобных разделов. Разумеется, сведения о социальном устройстве общества в той или иной степени имеются практически во всех военных трактатах, но все они несравнимы с Анонимом по полноте и систематичности информации.

Современное Анониму общество — это общество, где господствуют поздне рабовладельческие отношения. Еще нет и признаков того социального переворота, который произошел в VII в. вследствие перераспределения собственности, в первую очередь земельной⁵¹. Все это подтверждает мнение о принадлежности трактата эпохе царствования Юстиниана.

Уже первые издатели трактата привели в пользу такой датировки ряд доказательств⁵². В отрывке II, 2 они усмотрели отзвук восстания Ника; отрывок III, 15, по их мнению, упоминает о триумфе Велизария, поскольку только этот торжественный акт имел такие неповторимые особенности (пленных обводили вокруг сцены театра). В дальнейшем изложении Аноним положительно расценил опыт Велизария по расчленению вражеского войска и разгрому его разрозненных частей⁵³; вероятно, здесь речь идет о войне с остготами. Наконец, похвалы, расточаемые в адрес «нашего императора» по поводу его мудрой внешней политики⁵⁴, могут относиться лишь к Юстиниану.

Известно, что перечень военных соперников империи, содержащийся в том или ином военном трактате, может пролить свет на характер современной ему внешнеполитической ситуации и, следовательно, дать допол-

⁵¹ Об этом см.: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки // ВО. 1977. С. 182–194.

⁵² Anonymus. S. 38.

⁵³ Ibid., XXXIII, 8. P. 164.

⁵⁴ Ibid., IV, 4. P. 56.

нительный материал для его датировки. Вспомним, какая значительная по объему и ценная по содержанию информация содержится, например, в «Стратегиконе Маврикия» или «Тактике Льва». Сведения Анонима на этот счет несоизмеримо беднее. Военные соперники империи здесь практически не персонифицированы; описания военных обычаев других народов отсутствуют. Вообще этнографические обозначения чрезвычайно редки на страницах трактата. Одни из них идут в контексте исторических иллюстраций — таковы, например, македонцы⁵⁵, карфагеняне⁵⁶, египтяне⁵⁷. По-иному выглядит свидетельство об арабах — единственное в трактате. Приступая к описанию засад, Аноним указывает, что их применяют «и нынешние римляне, и арабы, и многие другие народы»⁵⁸. Здесь речь идет о современных автору событиях, однако невозможно установить, причисляет Аноним арабов к врагам или к друзьям империи.

Два сообщения о персах более подробны, но еще менее определены. В первом случае Аноним развивает мысль о той опасности, которая возникает для осажденных, если среди них окажутся соплеменники осаждающих, — их нужно заблаговременно выслать из города. «Следует иметь в виду не только их, — продолжает Аноним, — но также и рабов, которых нам враг посылает в подарок. Однажды персы послали 300 человек под видом рабов в качестве подарка и с их помощью овладели городом»⁵⁹. По смыслу данного пассажа персы определенно отнесены к разряду врагов; остается, однако, неясным, о каком времени здесь идет речь. Второе сообщение о персах не проясняет картину; можно лишь предполагать, что оно относится к очень отдаленным временам, поскольку упоминаются противоречия между Персией, Египтом и Карфагеном⁶⁰.

Итак, свидетельства Анонима об арабах и персах следует признать крайне неопределенными. Пассаж об арабах не содержит никакой информации о характере их отношений с империей. Из двух сообщений о персах одно фиксирует их враждебность империи, но его не представляется возможным датировать; второе относится к разряду исторических иллюстраций и с интересующей нас точки зрения абсолютно нейтрально. В связи с этим мы не считаем возможным, как это делали Г. Кэхли и В. Рюстов⁶¹, а вслед за ними и Н. В. Пигулевская⁶², видеть в упоминании арабов и

⁵⁵ Anonymus, XVI, 7. P. 102.

⁵⁶ Ibid., XLIII, 6. P. 194.

⁵⁷ Ibid., XLIII, 7. P. 194.

⁵⁸ Ibid., XL, 1. P. 182.

⁵⁹ Ibid., XLI, 4. P. 188.

⁶⁰ Ibid., XLIII, 6–7. P. 194.

⁶¹ Ibid. P. 38.

⁶² Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 20.

персов дополнительные аргументы в пользу датировки трактата временем Юстиниана. На наш взгляд, для такой датировки вполне достаточно и прямых свидетельств, которые были приведены выше. Не случайно в ученой литературе практически нет расхождений по данному вопросу: исследователи относят сочинение к середине или второй половине VI в. Существенным является наблюдение А. Дэна: о Велизарии говорится то в настоящем, то в прошедшем времени (как известно, его смерть последовала за восемь месяцев до кончины Юстиниана)⁶³. Как будет показано ниже, на время Юстиниана (точнее — на заключительный период его царствования) указывает и уровень военной организации, отраженный в трактате, равно как и характер исповедуемой автором военной доктрины, его общий подход к проблемам войны и мира.

Будучи военным специалистом, Аноним построил свое сочинение на двух основаниях: с одной стороны, заметно влияние на трактат греческой и римской военной теории предшествующих эпох, с другой — в трактате обобщен современный автору боевой опыт, в том числе и его собственный. Элемент самостоятельности, самобытности обнаруживается в трактате достаточно четко, что особенно бросается в глаза на фоне последующей военно-научной литературы, где все более и более усиливаются черты компилятивности и парафразы. Не случайно за трактатом закрепилась репутация сочинения современного, имеющего несомненную практическую ценность. К. Крumbaхер, столь склонный к гиперкритицизму, оценивал его как «выдающееся по самостоятельности и самобытности сочинение»⁶⁴. А. Дэн, который благодаря своей непревзойденной эрудиции и блестящему чутью филолога и палеографа умел обнаруживать компиляцию там, где другие исследователи о ней и не подозревали, характеризовал трактат как произведение, «вполне вероятно, дающее точные свидетельства и — факт исключительный! — имеющее современный характер»⁶⁵.

Анонима можно признать автором достаточно эрудированным; вместе с тем он не стремится эту эрудицию демонстрировать. События военной истории, по-видимому, знакомы ему по произведениям Геродота (у которого он мог взять сведения о соотношении сил греков и персов в сражении при Маратоне⁶⁶) и особенно Ксенофонта, хотя их имена не встре-

⁶³ Кроме литературы, указанной ранее, см. также: Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937. P. 56; *Idem*. Les stratégistes... P. 343. Лишь Р. Вари сдвигал время создания трактата к периоду царствования Маврикия (*Vari R. Op. cit.* S. 70).

⁶⁴ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 635.

⁶⁵ Dain A. Les stratégistes... P. 343.

⁶⁶ Anonymus, XXXIII, 4. P. 162.

чаются на страницах трактата. Так, в XIX главе упоминается об эпизоде, имевшем место при форсировании реки Кентритес и описанном Ксенофонтом в «Анабасисе» (IV, 3): воины, переходившие реку вброд, были вынуждены вступить в сражение, находясь в воде⁶⁷. В этой же главе рассказывается о способе преодоления бурных и полноводных рек, который был применен Киром: вдоль реки прорывается канал, концы которого упираются в реку; вследствие этого водное полотно оказывается разделенным на два рукава, в которых напор воды будет гораздо слабее первоначального⁶⁸; описание этого приема впервые встречается в Ксенофоновой «Киропедии» (VII, 5, 9 сл.).

Из полководцев древности Анониму известны Кир⁶⁹, Филипп Македонский⁷⁰, его сын Александр⁷¹, Регул, римский полководец периода первой Пунической войны⁷², Ганнибал⁷³; из современных военных деятелей, как отмечалось выше, Аноним называет лишь Велизария⁷⁴.

Что касается специальных военных сочинений, которые использовал Аноним, то идентификация их оказывается делом весьма затруднительным. Автор не называет своих предшественников по именам (единственным исключением является упоминание Аполлодора⁷⁵), используя обобщающее наименование «древние»⁷⁶. Кроме того, автор избегает текстуальных заимствований, так что единственным указанием на источник может служить лишь содержание соответствующего отрывка.

В большинстве случаев невозможно установить с достоверностью, использован ли Анонимом тот или иной источник, но в случае совпадения их информации по содержанию можно по крайней мере утверждать, что такое использование было возможно. Так, в трактате сказано, что иногда сражение завязывается в момент форсирования пехотой реки, прямо в воде; такие случаи, продолжает Аноним, имели место в период войн Александра Македонского с персами⁷⁷. Данная информация могла быть заимствована из арриановского «Анабасиса Александра» (I, 13–16),

⁶⁷ Anonymus, XIX, 19. P. 116.

⁶⁸ Ibid., XIX, 20–21. P. 116–118.

⁶⁹ Ibid., XIX, 21. P. 118.

⁷⁰ Ibid., XXIV, 3. P. 130.

⁷¹ Ibid., XIX, 18. P. 116.

⁷² Ibid., XLIII, 5. P. 194.

⁷³ Ibid., XVIII, 12. P. 110.

⁷⁴ Ibid., XXXIII, 8. P. 164.

⁷⁵ Ibid., XIX, 7–14. P. 112–114.

⁷⁶ Ibid., VIII, 6. P. 64; XIII, 15–17. P. 82; XX, 1. P. 120; XXIII, 1. P. 126; XXIV, 4. P. 130; XXX, 4. P. 148; XXXV, 1. P. 166.

⁷⁷ Ibid., XIX, 18. P. 116.

где приводится эпизод из сражения на реке Граник (334 г. до н. э.). Уже упоминавшийся прием по разделению реки на два рукава с целью более легкого ее форсирования описывается и Юлием Цезарем под 49 г.⁷⁸ В трактате Вегеция⁷⁹ рекомендуется разделять реку не на два, а на возможно большее количество рукавов. Поэтому данную информацию Аноним мог заимствовать и у Ксенофонта, и у Цезаря, и у Вегеция.

Любопытна сентенция в начале XX главы. Подчеркивая необходимость тщательных мер обеспечения от внезапного нападения врага, Аноним обязывает стратига держать эти вопросы постоянно в центре внимания. «Выражение “я не думал об этом”, как указал один из древних, мало подходит для военного искусства», — заключает Аноним⁸⁰. Выяснить прямой источник этой сентенции не представляется возможным: как отметили уже первые издатели трактата⁸¹, ссылка на незнание (поп putaram, οὐκ ᾔμην), не могущее служить оправданием, встречается во многих произведениях античной литературы (Полиен, Валерий Максим, Сенека, Цицерон).

Можно предполагать влияние предшествующих военно-научных исследований не на отдельные сюжеты, а на целые разделы трактата. Так, главы V и VI, намечающие общий план мероприятий по обороне от вражеского нашествия, созвучны содержанию соответствующих глав трактата Онасандра, поскольку стратиг, если можно так выразиться, являлся одновременно и главнокомандующим, и военным министром; в его обязанности входила подготовка к войне не только армии, но и гражданского населения пограничных областей. Глава XVIII, посвященная порядку совершения маршей, имеет аналогии в трудах Асклепиодота и Элиана, но отличается от них несколько большей живостью изображения, хотя построена в сугубо теоретическом плане и не отмечена духом авторской самостоятельности; единственный исторический пример, приведенный в этой главе, относится к глубокой древности (ко временам Ганнибала⁸²).

Сведения о лагерьном устройстве (гл. XXVIII–XXIX) в общем соответствуют принципам Полибия и Гигина⁸³, хотя здесь встречаются некоторые практические указания, обобщающие современную Анониму боевую практику. Так, рекомендуется создавать дополнительную защиту из ши-

⁷⁸ См.: Гай Юлий Цезарь. Гражданская война, I, 61 // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М.; Л. 1948. С. 252.

⁷⁹ См.: Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела, III, 7 // ВДИ. 1940. № 1. С. 263 (далее — Вегетий).

⁸⁰ Anonymus, XX, 1. P. 120.

⁸¹ Ibid. S. 319.

⁸² Ibid., XVIII, 12. P. 110.

⁸³ Об этом см.: Grösse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom IV.–X. Jahrhundert // BZ. 1913. 22. S. 98–102.

тов, развешанных на копьях, которые воткнуты в землю снаружи лагерьных палаток⁸⁴. Подступы к лагерю укрепляются посредством триболов (металлические шарики с острыми шипами, которые способны поранить ноги людей и лошадей). Отметим, кстати, что автор питает особое пристрастие к этим триболам, рекомендуя применять их в самых различных условиях⁸⁵. В самом деле, они могли быть достаточно действенным оружием против конных подразделений, особенно если учесть, что в те времена лошади не имели подков. Кроме того, по всему периметру лагеря протягивались тонкие шнуры с колокольчиками — средство для обнаружения ночных нападений противника⁸⁶.

Заслуживают более подробного анализа свидетельства Анонима, касающиеся градостроительства, фортификации и полиоркеттики. Этот материал еще не был объектом специального изучения; между тем именно здесь можно найти данные для решения таких вопросов, как степень зависимости трактата от предшествующей традиции, соотношение общетеоретического и практического аспектов в информации Анонима, старое и новое в трактате, ценность его как исторического источника и т. д.

Вопросы градостроительства, фортификации и полиоркеттики решаются Анонимом в широком аспекте проблем стратегической обороны — они являются органической составной частью мероприятий по подготовке страны к отражению вражеского нашествия. Детально представлен материал о пограничных сторожевых постах, с которых должно вестись постоянное наблюдение за передвижениями неприятельских армий; даны подробные рекомендации по инженерному оборудованию постов, подбору лиц, несущих службу на этих постах, снабжению их продовольствием и фуражом⁸⁷. Собранные сведения о противнике должны передаваться с помощью сигнальных огней; при этом должен сообщаться не только самый факт вторжения на территорию империи, но и численность неприятельской армии⁸⁸.

Известно, что система пограничных сторожевых постов была создана в древней Греции еще в эпоху греко-персидских войн; по некоторым предположениям, она связывала Аттику с побережьем Малой Азии. Тогда же стали разрабатываться и первые приемы передачи военной информации⁸⁹.

⁸⁴ Anonymus, XXVIII, 5. P. 142.

⁸⁵ В том числе и в условиях полевого сражения: ibid., XXXII, 14. P. 158; XXXVIII, 5. P. 178.

⁸⁶ Ibid., XXIX, 6. P. 144.

⁸⁷ Ibid., VII, 1–4. P. 60–62; IX, 1–8. P. 66–68.

⁸⁸ Ibid., VIII, 1–8. P. 62–64.

⁸⁹ См. об этом: Эллинистическая техника // Под ред. академика И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 315–318.

Вполне вероятно возрождение аналогичной системы во времена Юстиниана: детальная разработка Анонимом указанного сюжета наталкивает на мысль о практическом характере его рекомендаций. По предположению М. Йенса, обобщенная Анонимом практика питалась идеями Ксенофонта, Энея, Аполлодора, Витрувия⁹⁰.

Значительное внимание уделено в трактате строительству новых городов — явное воздействие атмосферы грандиозного строительства юстиниановской эпохи. Однако автора интересует не весь этот вопрос в целом, а лишь его военно-утилитарный аспект. Не случайно поэтому указания как по выбору места будущего строительства, так и по защите города исходят из главных принципов — обеспечения безопасности города на случай войны, создания условий для затруднения его осады. Если город закладывается на берегу реки или моря, его стены должны возводиться не ближе 20 локтей от воды (чтобы неприятель не мог атаковать город непосредственно с кораблей) и не далее 100 локтей (чтобы все пространство до воды поражалось эффективной стрельбой со стен)⁹¹. Минимальная толщина стен определяется в 5, а высота — в 20 локтей⁹². Известна автору и идея фланкирования, определяющая конфигурацию крепостных стен, а также форму башен и их чередование с куртинами⁹³. Необходимый атрибут парапета крепостной ограды — прямоугольные зубцы, защищающие от обстрела, но не мешающие передвижениям по стене⁹⁴. Автор энергично защищает идею протейхизмы. Необходимость ее сооружения мотивируется двумя целями: во-первых, она препятствует подведению к стенам осадных механизмов противника; во-вторых, образуемый между протейхизмой и крепостной оградой перибол должен служить местом сбора жителей сельской округи, искавших спасения от врагов в городе; их следует по возможности привлечь к защите, но вводить их в город Аноним считает нецелесообразным⁹⁵.

Передовую линию обороны должен составлять ров шириной не менее 40 локтей. Его глубина должна превосходить глубину фундаментов стен, чтобы препятствовать вражеским подкопам⁹⁶. Земляной вал при наличии протейхизмы Аноним считает излишним.

Специальная (XIII) глава трактата посвящена проблемам полиоркетки. Из всех более ранних трудов, в которых эти проблемы получили

⁹⁰ Jähns M. Op. cit. S. 147.

⁹¹ Anonymus, XI, 3. P. 70–72.

⁹² Ibid., XII, 1. P. 72.

⁹³ Ibid., XII, 2. P. 74.

⁹⁴ Ibid., XII, 3. P. 74.

⁹⁵ Ibid., XIII, 5. P. 74; ср. VI, 2. P. 58.

⁹⁶ Ibid., XII, 6. P. 76.

подробное освещение, наиболее близким ко времени Анонима является сочинение Вегеция. Однако сравнение этих двух трактатов приводит к выводу, что зависимость Анонима от Вегеция ничтожна. Пожалуй, только один сюжет описан обоими авторами в сходных выражениях: когда осаждающим удастся проделать пролом в крепостной стене, они сначала закладывают его вертикальными деревянными подпорками и на время задерживают обвал участка стены, а затем, используя хворост и другие легко воспламеняющиеся материалы, поджигают завал и добиваются того, что стена рушится в нужный момент, вызывая панику среди осажденных⁹⁷. Но даже и в этом случае говорить о прямом заимствовании из сочинения Вегеция не приходится. Во-первых, данный прием был известен с глубокой древности и сведения о нем Аноним мог получить из другого источника. Во-вторых, хотя результат мероприятия в обоих трактатах одинаков, исходная ситуация различна: в данном описании Вегеция пролом осуществляется только с помощью подкопа (следовательно, имеется в виду разрушение фундамента стены), тогда как Аноним говорит о проломе стены на любом уровне (достигаемом, например, с помощью тарана).

В целом заметна существенная разница в подходе Вегеция и Анонима к проблемам полиоркетки. У Вегеция преобладает описание активных форм осады и обороны, сопровождаемых применением военной техники; об осаде говорится столь же подробно и обстоятельно, как и об обороне. Изложение материала строится по принципу «действие—противодействие»; Вегеций как бы попеременно ставит читателя то в положение осаждающего, то в положение осажденного, давая рекомендации и по тому, и по иному поводу. Аноним всецело поглощен проблемами обороны. В центре его внимания — два основных сюжета: борьба с неприятельскими подкопами и меры противодействия метательным орудиям противника. При этом Аноним оперирует фактами тысячелетней давности: истоки подавляющего большинства его рекомендаций можно обнаружить в трактате Энея, созданном в середине IV в. до н. э.⁹⁸

Аноним указывает, что неприятели обычно скрывают начало подкопа специальными прикрытиями и именно по ним можно определить то место, откуда начат подкоп⁹⁹. Свидетельство Энея даже более конкретно. Он не только знает об этих прикрытиях, но и рекомендует самый рациональ-

⁹⁷ Вегеций, IV, 24. С. 286; Anonymus, XIII, 2–5. P. 76–78.

⁹⁸ Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. L.; N. Y., 1923 (далее — Aeneas). Имеется русский перевод: Эней Тактик. О перенесении осады // ВДИ. 1965. № 1–2. См. также: Беллев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности. Там же. С. 239–257; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.

⁹⁹ Anonymus, XIII, 6–7. P. 78.

ный способ их изготовления. Для этого должны использоваться телеги с оглоблями, поставленными под углом к поверхности земли: оглобли и должны служить каркасом прикрытия¹⁰⁰. Если направление подкопа точно определить невозможно, то Аноним советует прокопать ров с наружной стороны стены параллельно ее протяженности; когда неприятельский подкоп откроется, в этот ров следует направить против подкопщиков либо поток воды, либо струю дыма — тем самым усилия неприятеля будут сведены на нет¹⁰¹. Этот прием был также знаком Энею: он прибавляет, что, кроме воды и дыма, в подкоп можно пустить ос и пчел¹⁰². Ему был известен и такой активный прием борьбы, как применение встречных подкопов¹⁰³, о чем Аноним не упоминает¹⁰⁴. Для обнаружения направления подкопа Эней рекомендует воспользоваться приемом, который уже ему был известен как старый: следует прикладывать к земле медный щит, и там, где под землей будет подкоп, щит будет издавать особый звук¹⁰⁵. Способ же, рекомендуемый Анонимом, более примитивен и проводится без применения «технических средств»: нужно лечь на землю и, приложив ухо к земле, стараться услышать шум земляных работ¹⁰⁶. Представляется, что такой прием менее рационален, чем те, которые рекомендуются его предшественниками.

Вторую половину XIII главы Аноним посвящает борьбе с осадными механизмами противника. Борьба с «черепахами», указывает он, описана древними полиоркетиками; далее сообщаются сведения, не оставляющие сомнения, что и в данном случае основным источником Анонима служили рекомендации Энея¹⁰⁷. Покончив с этим, Аноним делает следующее замечание: «Мы имеем добавить к этому нечто новое, что может быть еще более действенным против них (т. е. против «черепах». — В. К.).

¹⁰⁰ Aeneas, XXXVII, 9. P. 186–188.

¹⁰¹ Anonymus, XIII, 8. P. 78–80.

¹⁰² Aeneas, XXXVII, 1–4. P. 184–186.

¹⁰³ Ibid., XXXVII, 5. P. 186.

¹⁰⁴ Следует добавить к этому, что способы борьбы с неприятельскими подкопами разрабатывались и Витрувием, римским архитектором и инженером второй половины I в. до н. э.; см.: *Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг.* Л., 1936, X, XVI, 10–11. С. 327–328. Влияние Витрувия на трактат Анонима не ощущается.

¹⁰⁵ Aeneas, XXXVII, 6–7. P. 186. Витрувиум (X, XVI, 10. С. 327) описан следующий прием: в направлении вражеского подкопа вырываются встречные подкопы, в которых развешиваются медные сосуды; по их звону устанавливается точное направление вражеского подкопа.

¹⁰⁶ Anonymus, XIII, 9. P. 80.

¹⁰⁷ Ibid., XIII, 15–16. P. 82; 25, P. 84; Aeneas, XXXII, 5–6. P. 176; XXXIII, 1–2. P. 180.

Об этом мы хотим здесь рассказать¹⁰⁸. Что же рекомендует далее Аноним? Когда «черепахи» приблизились, на участках стены против них следует развесить полотнища, изготовленные из льна, шерсти или волос; будучи закрепленными сверху, на зубцах стены, специальными колышками, они свободно ниспадают на стену¹⁰⁹. Назначение таких полотнищ двояко: во-первых, они скрывают от наблюдения и защищают от обстрела солдат, расположенных на стене; во-вторых, они гасят энергию метательных снарядов противника. Если указанные полотнища невозможно изготовить из-за недостатка времени или средств, тогда вместо них следует использовать спальные принадлежности (циновки, покрывала, одеяла), взятые у местных жителей¹¹⁰. К этим рекомендациям примыкает еще одна: кроме постоянно висящих полотнищ следует изготовить и передвижные сети из веревок толщиной с палец. Вынесенная перед стеной на расстояние двух локтей такая сеть надвигается на тот или иной участок, по которому неприятелем ведется прицельная стрельба из петробол. Встречая бросок камня, сеть защищает стену от разрушения¹¹¹. Заканчивая данный раздел, Аноним рекомендует применять эти приспособления как против «черепах», так и против таранов¹¹².

Сопоставив рекомендации Анонима со свидетельствами современных сирийских хроник, Н. В. Пигулевская пришла к убедительному заключению, что в данном случае мы имеем дело с материалом, обобщившим накопленный боевой опыт¹¹³.

Практический смысл рекомендаций Анонима бесспорен. Вызывает недоумение другое обстоятельство: Аноним описывает эти приемы как новые, современные, не известные древним полиоркетикам. Между тем анализ источников приводит к выводу, что они были известны не только Вегецию (за 200 лет до Анонима), но и Энею (за 900 с лишним лет до него). У Вегеция читаем: по верхнему периметру стен развешиваются прикрытия, защищающие расположенных здесь солдат. Рекомендуемый материал — козьи шкуры и циновки. Известен ему и принцип «гашения» тканью летящего снаряда: нелегко пробить то, «что качается и уступает удару»¹¹⁴. У Энея сведения на этот счет еще более подробны. Против таранов и других механизмов, пробивающих стены, на угрожаемых участ-

¹⁰⁸ Anonymus, XIII, 17. P. 82.

¹⁰⁹ Ibid., XIII, 18–19. P. 82.

¹¹⁰ Ibid., XIII, 21. P. 84.

¹¹¹ Ibid., XIII, 26. P. 86.

¹¹² Ibid., XIII, 27. P. 86.

¹¹³ См.: *Пигулевская Н. В. Осада городов в Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ.* 1941. Вып. 12. С. 49, 77.

¹¹⁴ Вегеций, IV, 6. С. 281.

ках развешиваются мешки, наполненные мякиной, тюки с шерстью, бычьи шкуры, надутые или чем-либо наполненные¹¹⁵. Против метательных орудий по стенам навешиваются полотнища типа парусов — они не только защищают стену, но и задерживают каменные ядра, которые можно собрать и использовать против врагов¹¹⁶. Наконец, кошмы и шкуры, развешанные перед зубцами стены, служат также прикрытием от зажигательных снарядов¹¹⁷.

С учетом изложенного вернемся вновь к вопросу о том, что же принципиально нового внесено в военную науку Анонимом. Приходится констатировать отсутствие всякой новизны. В самом деле, не считать же вкладом в теорию полиоркеттики рекомендацию Анонима об изъятии у жителей спальных принадлежностей, хотя об этом не пишут ни Вегеций, ни Эней. Все же остальные идеи, так смело представленные Анонимом как новые, известны его предшественникам, а в некоторых деталях разработаны ими даже более подробно.

Ситуация требует разъяснений. Одно из них дать несложно. Сочинение Вегеция, очевидно, не было известно Анониму — сравнение этих двух трактатов как в данном случае, так и в более общем плане приводит к выводу об отсутствии между ними непосредственной связи. Труднее объяснить положение с Энеем — как мы видели ранее, истоки многих рекомендаций Анонима обнаруживаются именно в его сочинении.

Объяснение, по нашему мнению, может быть следующим. Устанавливая параллели между Анонимом и Энеем, мы одновременно отмечали, что совпадение свидетельств трактатов является неполным как по объему анализируемого материала, так и по детализации такого анализа. Многие вопросы, разработанные Энеем, оставлены Анонимом без внимания; в целом охват проблем полиоркеттики у Анонима гораздо уже, чем у его предшественника. В одном месте он объявил новыми те из своих рекомендаций, которые были известны Энею, но в этой же главе есть и пример противоположного свойства: один из сюжетов, действительно не разработанных столь четко в предшествующих полиоркетических сочинениях, изложен Анонимом как бы между прочим. Мы имеем в виду отрывок, где говорится о способе срочного ремонта участка оборонительной стены, разрушенного неприятелем. Если в стене образовался пролом, пишет Аноним, нужно изнутри крепостной ограды срочно воздвигнуть сооружение, которое начинается по одну сторону от пролома, а кончается по другую. Оно должно иметь вид треугольника, вершина которого обращена внутрь города, а основанием является участок стены с проломом. Враг,

бросившись в пролом, упрется в стену; одновременно он будет подвергнут обстрелу сразу с двух сторон и даже с тыла¹¹⁸.

Оговоримся, что данная рекомендация питается двумя идеями, издавна известными в теории полиоркеттики: первая из них заключается в том, что на любом участке обороны неприятель должен иметь перед собой неподвижную преграду, защищаемую людьми; вторая — это идея фланкирования, на которой строилась вся теория фортификации: линия крепостной ограды должна быть изломанной, чтобы любой участок фронта поражался по крайней мере с двух направлений. Описанный Анонимом способ имел, несомненно, широкое практическое применение и в более раннюю, и в более позднюю эпохи; Аноним отнюдь не был его изобретателем, но детальное описание этого способа, сопровождаемое теоретическим обоснованием, мы впервые встречаем именно в анализируемом трактате.

Все сказанное выше приводит нас к заключению, что XIII глава трактата Анонима не имела своим непосредственным письменным источником ни одно из известных ныне теоретических руководств по полиоркетике. Разумеется, не исключается возможность использования Анонимом сочинения, ныне утраченного. Однако более вероятным, на наш взгляд, является предположение, что материалом для написания XIII главы явилась современная Анониму боевая практика, которая, в свою очередь, основывалась на исследованиях военных теоретиков античности (в том числе и в первую очередь — Энея). Время Анонима — это время преимущественно оборонительных войн империи; отсюда — известная однообразие в подборе сюжетов, заслуживших внимание автора. Естественная ограниченность собственного опыта объясняет как недостаточную масштабность в подходе к проблемам полиоркеттики, так и ошибки в постановке акцентов между старым и новым, между чужим и собственно авторским.

Заслуживают подробного анализа и разделы, посвященные тактике, которая понимается как «наука, по которой масса людей вооружается, делится на подразделения и целесообразным способом приводится в движение»¹¹⁹.

При описании вооружения главное внимание автора сосредоточено на характеристике его защитных элементов. Пехотинец вооружен щитом, диаметр которого должен быть не меньше 7 пядей (около 1,6 м)¹²⁰. В середине щита помещался круглый умбон с острым и длинным наконечником, которым можно причинять вред противнику в рукопашном бою¹²¹. Далее

¹¹⁸ Anonymus, XIII, 13–14. P. 80–82.

¹¹⁹ Ibid., XIV, 1. P. 88.

¹²⁰ Ibid., XVI, 1. P. 100.

¹²¹ Ibid., XVI, 2. P. 100.

¹¹⁵ Aeneas, XXXII, 3. P. 176.

¹¹⁶ Ibid., XXXII, 9–10. P. 178.

¹¹⁷ Ibid., XXXIII, 8. P. 180.

упомянуты шлем, панцирь, наголенники¹²². Все это защитное вооружение должно надеваться не на обычное платье, а на специальный гиматий, изготовленный из стеганой ткани толщиной не менее пальца¹²³.

Будучи облачен в такие доспехи, пехотинец, как можно предполагать, был скован в движениях и неспособен к ведению боя в одиночку. Если принять во внимание преимущественно жаркие климатические условия большей части империи и пограничных регионов, то целесообразность подобных рекомендаций возбуждает серьезные сомнения¹²⁴. Однако стремление во что бы то ни стало «закрыть войско броней, чтобы никакой вид вражеского оружия не мог его поразить»¹²⁵, превалирует в сознании автора над всеми другими соображениями. Мы снова встречаем здесь вариант идеи глухой обороны, доведенный до крайнего выражения.

Лишенный подвижности пехотинец мог действовать только в составе фаланги. Ее первые четыре шеренги были составлены из воинов, вооруженных копьями. Поскольку расстояние между шеренгами составляет около одного локтя, копьа каждой из шеренг, следующих за первой, становятся все более длинными; эти копьа лежат на плечах стоящих впереди воинов. Удар неприятеля с фронта отражается копьями четырех первых шеренг¹²⁶. По аналогии с ними вооружены воины четырех последних шеренг, а также солдаты, стоящие в четырех крайних правых и четырех крайних левых рядах фаланги. Пехотинцы, расположенные внутри этого копыеносного четырехугольника, вооружены метательным оружием — главным образом дротиками¹²⁷.

Как видим, пехотная фаланга, обрисованная Анонимом, была способна лишь к оборонительному бою, причем только к дальнему. Если противнику удавалось расчленив фалангу, неповоротливые, обремененные тяжелыми доспехами пехотинцы оказывались абсолютно беззащитными, и весьма слабой компенсацией представляется рекомендация Анонима использовать в ближнем бою острые наконечники шлемов¹²⁸.

Фаланга Анонима — свидетельство упадка пехоты как рода войск в позднеимперскую и ранневизантийскую эпохи. «Соприкосновение с иррегулярной конницей Востока, — пишет Ф. Энгельс, — все более и более понижало значение пехоты и влияло на ухудшение ее качества. Конные

¹²² Anonymus, XVI, 3. P. 100.

¹²³ Ibid., XVI, 4. P. 100–102.

¹²⁴ Jähns M. Op. cit. S. 148.

¹²⁵ Anonymus, XVI, 1. P. 100.

¹²⁶ Ibid., XVI, 6–7. P. 102.

¹²⁷ Ibid., XVI, 8. P. 102–104.

¹²⁸ Ibid., XVI, 5. P. 102. Данный сюжет в свое время развеселил М. Йенса, живо представившего воинов, поставленных перед необходимостью «бодаться как козлы» (Jähns M. Op. cit. S. 148).

лучники сделались излюбленным родом войск... Обычным сделался бой на расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее»¹²⁹.

Нарративные источники, относящиеся к VI в.¹³⁰, рисуют картины сражений, которые иногда продолжались по нескольку часов, но не сопровождались рукопашной схваткой. Дело ограничивалось тем, что две армии, обратившись фронтом друг к другу, но разделенные значительным расстоянием, вели стрельбу из луков преимущественно по навесной траектории, поскольку лучники размещались либо на флангах, либо позади тяжеловооруженной пехоты. В этих условиях судьбу сражения могли решить удары даже немногочисленных кавалерийских частей, если им удавалось войти в непосредственное соприкосновение с пехотными подразделениями. Поэтому усилия авторов военно-теоретических руководств были направлены на то, чтобы не допустить ближнего удара противника по боевым порядкам, удержать его на расстоянии как можно более продолжительное время и тем самым создать условия для извлечения максимальной выгоды из своего оружия дальнего действия. Именно эта мысль пронизывает весь тактический раздел трактата Анонима. И не случайно его приверженность к триболам, о чем уже говорилось выше. Задержать атаку вражеской конницы, хоть на время лишить ее подвижности, обеспечить возможность прицельной стрельбы по ней — вот цели, достигаемые применением триболов. Разумеется, эти цели могли быть достигнуты с помощью более эффективных средств — ям, канав, засек и т. д. Но сооружение таких искусственных препятствий требует больших затрат времени и средств, а в условиях меняющейся военной обстановки это не всегда возможно. Применение триболов не связано с этими затруднениями: они легки, транспортабельны, менее заметны; к тому же это средство многократного использования. Короче говоря, триболы обладают всеми достоинствами деревоземляных препятствий и одновременно свободны от недостатков, свойственных последним. Не случайно создание запаса триболов включается Анонимом в общий план мероприятий по подготовке страны к отражению вражеского нашествия¹³¹. Не случайно и то, что собственная кавалерия должна быть защищена от губительного действия триболов: копыта лошадей рекомендуется подбивать специальными железными пластинами¹³².

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 361.

¹³⁰ См., например: Прокопий. Война с персами. I, XIV, 34 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод, статья, комментарий А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 44.

¹³¹ Anonymus, VI, 3. P. 58.

¹³² Ibid., XVII, 4. P. 106.

Свидетельства Анонима о вооружении пехотных и кавалерийских подразделений представляются достаточно современными и вполне соответствующими духу эпохи. Вероятно, здесь мы снова имеем дело со случаем, когда информация Анонима основывается в большей степени на материалах современной боевой практики, чем на теоретических изысканиях «древних». Лишь с этих позиций можно объяснить одностороннее увлечение автора защитными элементами вооружения и полное игнорирование элементов наступательных. Он, в частности, даже не упоминает в XVI главе ни мечей, ни луков, которые, несомненно, состояли на вооружении воинов (это следует и из дальнейших описаний). Совершенно отсутствует материал об обучении воинов владению тем или иным оружием. Если бы автор имел под руками какое-либо письменное руководство по вооружению, такие пробелы вряд ли были бы возможны. Вспомним для сравнения, сколь детальны характеристики всех видов вооружения у Вегеция, как подробны его рекомендации по обучению воинов. Такой подход Анониму не свойствен. Его трактат не обладает признаками универсальности и энциклопедичности, он заметно односторонен — как в целом, по охвату проблем военной науки, так и при анализе конкретных сюжетов. Вероятно, это следует расценивать как недостаток; но это недостаток, являющийся продолжением достоинств трактата: его самостоятельности, самобытности, тесной связи с современностью, практического характера содержащейся в нем информации.

Однако есть в трактате и разделы, где Аноним, отступая от своих основополагающих принципов, оказывается в плену книжной традиции. Типичным примером служат глава XV, посвященная характеристике различных элементов пехотной фаланги, и главы XXI–XXV, где речь идет о способах ее перестроения. Информация, сообщаемая в этих главах, имеет абстрактный, умозрительный, вневременной характер; автор словно упражняется в чистом теоретизировании. В полном противоречии с исходными установками Аноним излагает не практические, а исключительно теоретические аспекты перестроений, причем не в плане современных требований, а в плане историко-информационном. Анализируются вопросы, которые являлись историей уже во времена Асклепиодота, Элиана, Арриана и были связаны с македонской фалангой времен Филиппа и Александра. Заметно меняются и стиль и лексика автора: повествование ведется в прошедшем времени, оно переполнено специальной терминологией, многочисленными дефинициями. По своей сухости и безжизненности способ изложения материала напоминает манеру Асклепиодота.

Мы уже говорили ранее о недоумении М. Йенса по поводу слишком резкого, немотивированного перехода Анонима от проблем полиоркетики к проблемам тактики. Представляется возможным конкретизировать те-

зис немецкого исследователя: несовершенная стыковка двух данных разделов трактата объясняется тем, что они существенно различаются характером изложенного в них материала. Полиоркетический раздел характеризуется в целом достаточно современным звучанием и носит отпечаток заметной авторской самостоятельности; главы о членении пехотной фаланги и ее перестроениях, воспроизводящие свидетельства какого-то архаичного письменного источника, оказываются включенными в текст трактата настолько неорганично, что возбуждают сомнение в их изначальной принадлежности данному сочинению.

Теоретическим, умозрительным характером отличаются и разделы, содержащие описание различных видов боевых построений. Основой боевого строя является пехотная фаланга. Она может выступать в различных модификациях: колонна, линия, «косой строй», каре, клин и т. д.¹³³ Характер изложения материала напоминает манеру Вегеция, только Аноним более многословен; ощущается и сходство некоторых идей. О прямом заимствовании вряд ли может идти речь — скорее можно предполагать влияние более ранней военно-научной традиции, предшествовавшей и Анониму и Вегецию.

В историографии уже высказывались отрицательные мнения по поводу тактических воззрений Вегеция: они признавались устаревшими для периода IV в. Пехотно-фаланговые схемы Анонима не являлись (да и не могли быть) более живыми: исходные установки здесь те же самые, что и у Вегеция, а время Анонима — на два века позднее. Кризис позднеримской пехоты, о котором уже говорил во весь голос Вегеций, в эпоху Анонима продолжался и углублялся.

Какие существовали теоретически возможные выходы из этого кризиса? Во-первых, имело бы смысл обратиться к поискам еще неиспользованных возможностей фалангового построения, попытаться отыскать в самой фаланге ресурсы ее собственного усиления. Во-вторых, предстояло совершенствовать взаимодействие тяжеловооруженной фаланги с другими видами пехоты и другими родами войск. В-третьих, широкие перспективы открывались на пути развития идеи тактических резервов как присутствующих на поле боя (вторая, третья линии боевого строя), так и скрытых (засады). В-четвертых, плодотворными могли стать разработки новых форм боевых действий (отступление, контрнаступление, ночной бой и т. д.). Наконец, практически неисчерпаемыми были поиски новых способов ослабления и разложения противника (военные хитрости, диверсии, шпионаж и др.).

Очевидно, военно-теоретическая мысль позднеримской и ранневизантийской эпох действовала сразу во всех указанных направлениях — сама

¹³³ Anonymus, XXXI, 1–13. P. 154–160.

жизнь, характер внешнеполитической ситуации (чаще неблагоприятной, особенно во второй половине VI в.) требовали таких поисков. Трактат Анонима отразил их достаточно отчетливо.

В главе XXVII содержится подробное описание одного из видов боевого построения¹³⁴, которое представляет собой попытку скомбинировать принципы фалангового строя с манипулярной тактикой римских легионов. Рекомендуются разделить фалангу на две части и построить их фронтом в одном направлении. Промежуток, равный по длине фронту каждой из частей, следует заполнить двумя или тремя шеренгами пехоты, чтобы издали врагу казалось, что все войско образует единую монолитную фалангу. Это впечатление усилится, если будет выбрана подходящая местность, где передние ряды стояли бы выше задних. Когда противник приблизится, промежуточные шеренги должны податься назад, пока не окажутся на уровне задних шеренг фаланги. Этим маневром прежде всего удастся достигнуть перевеса сил на флангах, тогда как центр вражеского строя окажется выключенным из сражения. Если же вражеские подразделения, противостоящие отступившему центру, устремятся вперед, они окажутся под ударом сразу с нескольких сторон; к тому же произойдет неизбежная деформация вражеского строя, нарушится взаимодействие его частей. Разумеется, заключает Аноним, осуществление такого сложного тактического маневра требует предварительного обучения. В ходе его следует преодолеть своеобразный психологический барьер: отступление одной из частей фаланги не должно неблагоприятно отразиться на моральном состоянии остальной массы войска. Важно и точно согласовать этот маневр по времени: отступление промежуточных шеренг должно произойти не раньше соприкосновения с противником (чтобы враг, разглядев неравномерное распределение сил, не успел перегруппироваться), но и не позже его (чтобы не произошел прорыв слабого центра боевого строя).

Маневр, описанный Анонимом, не является абсолютно новым по своей главной идее: фактически это — вариация идеи Эпаминонда о неравномерном распределении сил по фронту. Однако указать прямой источник этой рекомендации Анонима не представляется возможным.

Одновременно следует подчеркнуть, что предложенный прием вряд ли мог найти широкое практическое применение. Византийцам VI в. почти не приходилось сталкиваться с неприятелем, применявшим классическую фаланговую тактику, а против конного войска использование такого приема было бы чрезвычайно рискованным делом. Поэтому рассмотренный сюжет следует отнести к сфере теоретических, «кабинетных» изысканий нашего автора.

¹³⁴ Anonymus, XXVII, 3–11. P. 172–176.

Строй пехотной фаланги, по описанию Анонима, должен быть усилен легковооруженными воинами (псилами), которые поддерживают сражение фаланги¹³⁵. Псилы размещаются либо на флангах фаланги (если она глубока)¹³⁶, либо позади ее (если она неглубока и псилы могут стрелять из луков и пращей через головы своих тяжеловооруженных пехотинцев)¹³⁷. Когда предстоит сражение с конным неприятелем, псилы рассыпаются цепью перед строем фаланги; нанеся первый удар, они могут скрыться за фалангой¹³⁸.

Кавалерию можно размещать и на флангах пехотного строя, и в его середине; первый вариант, по мнению Анонима, предпочтительнее второго¹³⁹. Главная цель конных частей — преследование разбитого противника¹⁴⁰. Основная же тяжесть сражения, по Анониму, ложится на пехотные подразделения¹⁴¹. Представляется, что в данном случае Аноним вновь оказывается в плену старых военно-теоретических воззрений, не соответствующих духу эпохи.

Затрагивая вопрос о числе линий боевого строя, Аноним ставит его решение в зависимость от тактических схем, избираемых неприятелем¹⁴². Наличие второй линии он не считает обязательным: она создается лишь тогда, когда ромейское войско, по крайней мере вдвое, сильнее неприятельского¹⁴³. Создается впечатление, что Аноним даже опасается выстраивать вторую линию, ибо из-за этого может произойти окружение неприятеля, что нежелательно, поскольку окруженный противник, оказавшись в безвыходном положении, может «превзойти в храбрости самого себя». Следовательно, главная цель сражения, по Анониму, заключается не в полном разгроме противника, а лишь в отбрасывании его; эта цель должна определять и выбор тактических схем. Мысль о том, что противнику следует представлять возможность для бегства, не является у Анонима случайной: он возвращается к ней еще раз¹⁴⁴, причем формулирует ее в сходных выражениях. Заметим, кстати, что эта идея еще со времен Ксенофонта (Киропедия, IV, 1, 16) являлась важнейшим составным элементом военной теории и до Анонима, и после него¹⁴⁵.

¹³⁵ Anonymus, XXXII, 16–17. P. 158.

¹³⁶ Ibid., XXXV, 6. P. 168.

¹³⁷ Ibid., XXXV, 7. P. 170.

¹³⁸ Ibid., XXXV, 8. P. 170.

¹³⁹ Ibid., XXXV, 1–3. P. 166–168.

¹⁴⁰ Ibid., XXXV, 4. P. 168.

¹⁴¹ Ibid., XXXVI, 1–3. P. 170–172.

¹⁴² Ibid., XXXIV, 1–3. P. 164–166.

¹⁴³ Ibid., XXXIV, 4. P. 166.

¹⁴⁴ Ibid., XXXIX, 12. P. 182.

¹⁴⁵ См., например: Mauricius. *Arta militaria*, IX, 2, 11. P. 228 // Ed. H. Mihăescu. Bucuresti, 1970 (далее — *Strategicon*); *De velitatione bellica*, XXIV // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. 14. Pars XI. Bonn, 1828. P. 253–256.

Взгляды Анонима на проблему второй линии следует также признать устаревшими. Как известно, последующие военно-теоретические произведения, начиная со «Стратегикона Маврикия», интенсивно разрабатывают идею многолинейности боевого построения, с полным основанием усматривая здесь существенный резерв усиления боевой мощи войска.

Более современен Аноним при разработке проблем скрытых тактических резервов. Засадные подразделения следует комплектовать из мужественных, опытных в военном деле кавалеристов; их следует выстроить на 2–3 мили¹⁴⁶ позади боевого строя и скрыть, используя для этого особенности местности¹⁴⁷. Цель засад — нанесение внезапного удара, когда враг, расстроив свои ряды, бросается преследовать отступающего противника¹⁴⁸. Чтобы отступление было более правдоподобным, рекомендуется бросать на поле боя что-либо из вооружения и снаряжения. Это внесет еще большую сумятицу в ряды преследователей, а иногда служит причиной их ссор из-за добычи¹⁴⁹. В таких условиях внезапный удар из засады может оказаться особенно эффективным.

Представляется достаточно оригинальной и идея своего рода «полускрытого» резерва. Аноним предлагает выделить часть войска и держать ее на значительном удалении (3–4 мили), чтобы враг ее видел, но не имел возможности на нее напасть. Такая демонстрация будет сковывать инициативу врага, его наступательную активность¹⁵⁰.

Разработка проблем засадной тактики, на которую обращено внимание Анонима, стала объектом пристального внимания военных авторов более позднего времени.

Среди видов сражения в описании Анонима преобладает оборонительный бой. Автор мыслит византийское войско в положении исключительно обороняющейся стороны. Боевая инициатива полностью отдана противнику — как в общестратегическом плане, так и в тактическом. Помыслы Анонима направлены лишь на то, чтобы всеми силами ослабить эффект вражеского удара, а в том, что этот удар последует, причем он будет первым, Аноним не сомневается.

Если Вегеций, впервые разрабатывавший теорию тактического отступления¹⁵¹, еще характеризовал данный вид боевых действий как менее престижный по сравнению с наступлением и потому, щадя самолюбие воинов, требовал от военачальников мотивировки своих действий, то Ано-

ним рассматривал отступление как явление ординарное — очевидно, военные неудачи приучили его именно к такому взгляду на вещи. Если обстановка позволяет, такие отступления должны иметь временный характер: отступив днем, следует вернуться на прежние позиции ночью¹⁵². При этом отступать нужно в места защищенные, лучше всего — господствующие над местностью, чтобы максимально использовать возможности лучников и прашников; иногда случается и отбивать атаки врага, метая камни вручную¹⁵³. Отступление должно проводиться под прикрытием засад и с применением триболов¹⁵⁴.

Идеи контрнаступления высказываются Анонимом лишь в самом общем виде — в этом плане его вклад в военную теорию незначителен. Как известно, теория контрнаступления как особого вида боевых действий, в дополнение к наступлению и отступлению, начала приобретать сколько-нибудь определенные очертания лишь в более поздних трактатах, начиная со «Стратегикона Маврикия».

Аноним уделил внимание и характеристике ночного боя (глава XXXIX). Весьма оживляют этот сюжет некоторые организационные детали. Для участия в ночном нападении рекомендуется отбирать лишь добровольцев. Между ними и военачальником заключается клятвенный договор: за успешное осуществление намеченной цели воины должны получить особое вознаграждение; в случае уклонения от выполнения своего долга они будут наказаны смертью¹⁵⁵. Заранее разведываются силы противника, их размещение, подыскиваются надежные проводники; выбирается ночь не лунная, но звездная, ибо ориентировка проводится по звездам¹⁵⁶. Направление движения указывается специальными фонарями, свет от которых падает только назад и врагам не виден¹⁵⁷. Для отвлечения внимания врага от направления главного удара рекомендуется создавать шум (крики, барабанный бой и т. д.) на других направлениях¹⁵⁸.

Подробное описание организации ночного боя свидетельствует о зарождении внимания военных теоретиков к этому специфическому виду боевых действий, способному (в случае успеха) принести эффективные результаты. Следует признать ошибочным мнение о том, что тактика ночного боя была создана византийцами лишь в конце IX или начале X в. Эту дату следует сместить к гораздо более раннему периоду: уже в VII в. уси-

¹⁴⁶ Римская миля — 2 тыс. шагов.

¹⁴⁷ Anonymus, XXXVIII, 1. P. 176.

¹⁴⁸ Ibid., XXXVIII, 2. P. 176.

¹⁴⁹ Ibid., XL, 5–7. P. 184–186.

¹⁵⁰ Ibid., XXXVIII, 3–4. P. 178.

¹⁵¹ Вегеций, III, 22. С. 275–276.

¹⁵² Anonymus, XXXVII, 2. P. 172.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid., XXXVIII, 5. P. 178.

¹⁵⁵ Ibid., XXXIX, 2. P. 178.

¹⁵⁶ Ibid., XXXIX, 4–6. P. 180.

¹⁵⁷ Ibid., XXXIX, 8–9. P. 180–182.

¹⁵⁸ Ibid., XXXIX, 12. P. 182.

лиями Анонима и Маврикия¹⁵⁹ основы этой тактики были разработаны достаточно полно.

На примере ночного боя Аноним демонстрирует понимание той истины, что сама по себе сила оружия может быть многократно увеличена ее умелым применением. Развивая эту мысль, Аноним дает разнообразные рекомендации, направленные на то, как ослабить противника, извлечь выгоды из его слабых сторон, использовать преимущества собственного войска. Учет этих обстоятельств требуется при решении как общестратегических проблем, так и частных задач, которые возникают в ходе конкретной военной кампании.

Аноним производит впечатление человека, отрезвленного военными неудачами, не питающего никаких иллюзий по поводу исхода военных действий. Война может принести только тяжести и страдания, поэтому она рассматривается как «крайнее зло и воплощение всего дурного»¹⁶⁰. Следует всемерно и до последней возможности уклоняться от вступления в нее и всегда предпочитать мир, даже если он связан с ущербом для империи¹⁶¹. Если все же избежать войны не удалось, следует организовать систематическое и тщательное изучение численности, вооружения вражеского войска, состояния воинского духа противника¹⁶². Если эти показатели у вражеского войска лучше, чем у войска ромеев, нужно уклоняться от открытого сражения. Когда же оно станет неизбежным, его следует провести в условиях, гарантирующих собственное войско от поражения (благоприятная местность, подходящие погодные и временные условия и т. д.)¹⁶³. Следует добиться, чтобы положение врага было хоть в каком-то отношении худшим. Считаются благоприятными случаи, когда неприятельское войско утомлено длительным и трудным маршем, когда оно не успело устроить защищенный лагерь, когда в течение всей ночи оно находилось в состоянии страха и тревоги, а византийское войско хорошо отдохнуло¹⁶⁴. Но особенно предпочтительна ситуация, когда враг, испытывающий острую нехватку продовольствия, распыляет свои силы — тогда открывается возможность его разгрома по частям. В данном случае даже небольшое войско имеет шансы одержать верх над более многочисленным противником¹⁶⁵.

Последняя рекомендация Анонима вполне отвечала характеру его эпохи. Известно, что такая тактика измора лежала в основе воинских

¹⁵⁹ Strategicon, IX, 2. P. 226–228.

¹⁶⁰ Anonymus, IV, 2. P. 56.

¹⁶¹ Ibid., VI, 5. P. 58–60.

¹⁶² Ibid., XXXIII, 1–2. P. 160.

¹⁶³ Ibid., XXXIII, 6. P. 162.

¹⁶⁴ Ibid., XXXIII, 7. P. 162–164.

¹⁶⁵ Ibid., XXXIII, 9. P. 164.

успехов Велизария, и как раз его имя пришло на память Анониму при описании данного сюжета¹⁶⁶. Вспомним в этой связи высказывание Ф. Энгельса: «Тактика Велизария целиком базировалась на принципе: избегать рукопашного боя и брать противника измором»¹⁶⁷.

Описанные Анонимом различные приемы по обману, дезориентации, дезинформации противника сравнительно немногочисленны — в этом отношении его трактат уступает более поздним сочинениям. Однако создается впечатление, что Аноним был знаком как с практикой применения таких хитростей, так и с литературой по данному вопросу, прежде всего со сборниками стратегем Фронтин и Полиена. В этом смысле Аноним — промежуточное звено между названными «древними» писателями и авторами позднейших сочинений.

В заключительных главах трактата затронуты вопросы, связанные со сбором военной информации.

Первостепенное внимание уделено при этом разведчикам. Разведчики должны комплектоваться из верных, надежных людей. Когда они направляются за границу, в империи должны остаться их родные и близкие: по мнению Анонима, это достаточная гарантия против их предательства¹⁶⁸. Разведчики должны свободно владеть чужим языком, знать нравы и обычаи того народа, среди которого они работают¹⁶⁹. Анонимом высказываются и некоторые советы по конспирации, касающиеся выбора квартиры для поселения¹⁷⁰, места встреч с коллегами по профессии — разумеется, лучшим местом для встреч признается рынок, где в процессе мнимых торговых сделок можно незаметно передать секретную информацию¹⁷². Сообщения, поступающие от разведчиков, способны сыграть решающую роль при выработке планов военных кампаний¹⁷².

Из дальнейших рассуждений Анонима следует, что определенные разведывательные функции возлагались и на официальных послов, направляемых с дипломатическими миссиями в соседние державы. Одновременно говорится и об иностранных послах: они должны находиться под постоянным наблюдением, чтобы в их руки не попала какая-либо секретная информация¹⁷³. Послам далекой и не очень сильной в военном отношении державы можно показывать все¹⁷⁴. «Если же страна превосходит нашу,

¹⁶⁶ Anonymus, XXXIII, 8. P. 164.

¹⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 361.

¹⁶⁸ Anonymus, XLII, 8. P. 190.

¹⁶⁹ Ibid., XLII, 9. P. 190–192.

¹⁷⁰ Ibid., XLII, 11. P. 192.

¹⁷¹ Ibid., XLII, 7. P. 190.

¹⁷² Ibid., XLII, 1–5. P. 188–190.

¹⁷³ Ibid., XLIII, 2. P. 192.

¹⁷⁴ Ibid., XLIII, 3. P. 192.

силой ли войска, храбростью ли его, то нельзя показывать им ни наши богатства, ни наших прекрасных женщин, а, напротив, [демонстрировать им] массу мужчин, крепость оружия и высоту стен»¹⁷⁵. Носителями военной информации могут быть и перебежчики — им в трактате Анонима также посвящена специальная глава¹⁷⁶.

Материал, касающийся разведчиков, перебежчиков и послов, представлен в трактате Анонима более широко и рассмотрен более основательно, чем это сделано его предшественниками и последователями. Установить прямой источник этой информации не представляется возможным — вероятнее всего, следует предполагать существование какого-то специального сочинения, до нас не дошедшего. В более поздней литературе ряд созвучных высказываний обнаруживается в «Стратегиконе Маврикия»¹⁷⁷, а через его посредство — и в «Тактике Льва».

Анализ основных разделов «Византийского Анонима VI в.» приводит нас к выводу, что мы имеем дело с интересным, сложным по структуре, богатым по содержанию сочинением. Оно сочетает в себе и черты самобытности, оригинальности, и элементы явных заимствований; абстрактно-теоретические выкладки соседствуют в нем с рекомендациями сугубо практического характера. По всем этим признакам изучаемый трактат являет собою типичный образец памятника военно-научной литературы.

Место трактата Анонима в традиции военных писателей — между сочинениями Вегеция и Маврикия. Но Аноним не является прямым наследником Вегеция, как не является он и прямым предшественником Маврикия. Его питают идеи более ранней эпохи; в целом для периода VI в. его концепции не намного современнее принципов Вегеция для IV в. Наоборот, некоторые материалы, включенные Анонимом в трактат, были отброшены еще два века назад Вегецием, поскольку они даже тогда уже представлялись архаичными (мы имеем в виду главы XV, XXI–XXV трактата Анонима).

Почему же в таком случае мы говорим о современности рекомендаций Анонима? Дело в том, что военная организация юстиниановской эпохи, направленная на осуществление реставрационных замыслов правительства, сама являлась продуктом реставрации. Она базировалась на старых, переживших свое время социальных и материально-технических основах и вдохновлялась идеями многовековой давности. Видимо, мы не допустим большой ошибки, если выскажем предположение, что военная организация империи во времена Юстиниана была не менее, а, может быть, даже и более консервативной, чем во времена Вегеция. Поэтому

¹⁷⁵ Anonymus, XLIII, 4. P. 192.

¹⁷⁶ Ibid., XLI, 1–4. P. 186–188.

¹⁷⁷ Strategicon, VIII, 1, 32, 34–36. P. 202; VIII, 2, 25. P. 208; IX, 2, 4. P. 226.

концепции Анонима, иногда даже более архаичные, чем у Вегеция, могли вполне адекватно соответствовать современной Анониму ситуации.

Из сказанного следуют два существенных вывода. Во-первых, информация трактата Анонима оказывается весьма ценным источником для изучения как юстиниановской эпохи в целом, так и ее военной организации в особенности. Анонима отличает отсутствие претенциозности, авторской амбиции, стремления изрекать вечные истины — эти черты были свойственны как Вегецию, так и (в меньшей степени) Маврикий; существенным было то, что и тот и другой создавали официальные военные руководства с энциклопедическим охватом проблем военной науки, адресуясь при этом непосредственно к императору. В отличие от них Аноним ставит перед собой более скромные задачи; он более свободен в выборе сюжетов своего повествования; ему не нужно демонстрировать всестороннюю ученость и универсальную осведомленность. В результате мы имеем достаточно полное, добротное произведение, написанное современником Юстиниана, византийцем среднего уровня — и в социальном, и в интеллектуальном, и в профессиональном плане.

Во-вторых, все отмеченные особенности как самого трактата, так и той эпохи, которая в нем отражена, объясняют причины относительно слабого воздействия Анонима на последующую военно-научную литературу. Окончательный крах юстиниановской военной организации лишил концепции Анонима перспектив их дальнейшего развития; военно-теоретическая мысль со времен «Стратегикона Маврикия» вдохновлялась принципами совершенно иного свойства. В теоретических изысканиях позднейших военных авторов иногда встречаются идеи, которые звучат в трактате Анонима. Но ни в одном из этих случаев Аноним не является основоположником таких идей — все они восприняты им из предшествующей традиции.

Так, во введении к «Стратегикону» развивается мысль об упадке военного дела в империи¹⁷⁸ — с этого же начинается глава XV своего трактата и Аноним¹⁷⁹. Но еще раньше об этом говорил Вегеций¹⁸⁰, а до него эта мысль присутствовала практически во всех предыдущих трактатах: ссылка на упадок военного искусства была традиционной мотивировкой создания каждого нового военного руководства. Автору «Стратегикона» известен способ преодоления реки, заключающийся в разделении ее на несколько рукавов с целью уменьшения скорости течения и напора воды¹⁸¹. Аналогичную рекомендацию мы встречаем у Анонима¹⁸². Но, как уже было

¹⁷⁸ Strategicon, Praef., 2. P. 42.

¹⁷⁹ Anonymus, XV, 1. P. 90.

¹⁸⁰ Вегеций, I, 28. С. 243–244; III, 10. С. 267–268.

¹⁸¹ Strategicon, VIII, 1, 19. P. 200.

¹⁸² Anonymus, XIX, 20–21. P. 116–118.

показано ранее, об этом мы можем прочесть и у Вегеция, и у Юлия Цезаря, и у Ксенофонта. В «Стратегиконе» говорится о способе поимки вражеских шпионов, проникших в византийский лагерь. В заранее установленное время следует дать команду всем воинам войти в свои палатки, пригрозив наказанием тем, кто останется снаружи; вражеские лазутчики в этих условиях поневоле выдадут сами себя¹⁸³. Этот способ известен и Анониму¹⁸⁴, но также и Вегецию¹⁸⁵, а последний, в свою очередь, основывает его на традиции, ведущей начало со времен Полибия и Гигина. Выше уже говорилось об особой приверженности Анонима к триболам; о них часто упоминается и в сочинениях более поздних военных писателей — «Стратегиконе Маврикия»¹⁸⁶ и «Тактике Льва». Но еще Вегеций, характеризуя триболы, подчеркивал давнюю традицию их применения¹⁸⁷.

Перечень подобных примеров может быть увеличен. Но и сказанное достаточно ясно свидетельствует о том, что некоторые теоретические положения и практические рекомендации могли быть восприняты и развиты в последующей военно-теоретической литературе как через Анонима, так и без его непосредственного воздействия, а под влиянием более ранней традиции. Но и в том и в другом случае наша общая оценка анализируемого трактата остается без изменений: «Византийский Аноним VI в.» есть органическое составное звено в цепи памятников греко-римско-византийской военной литературы. Именно в этом качестве он должен занять свое место среди памятников юстиниановской эпохи и заслужить адекватное его достоинствам и недостаткам внимание исследователей.

ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ

(К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ТРЕХ ПАМЯТНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ВОЕННОГО ПРАВА)

Под наименованием Νόμος στρατιωτικός (Leges militares, Воинский закон) известно одно из приложений к Эклоге, которое содержит в себе нормы права, регулирующие наказания военнотружущих, совершивших уголовные преступления или дисциплинарные проступки.

Воинский закон был издан впервые еще в XVI в. (S. Schardius, 1561 г.); в конце того же столетия последовало второе издание (Leunclavius, 1596 г.). Полный текст источника по афинской рукописи Эклоги был издан А. Монферратом в 1889 г.¹ К его изданию не раз обращался К. Э. Цахариз фон Лингенталь.

Источник известен в многочисленных и сильно отличающихся друг от друга рукописях, что объясняется, по мнению К. Э. Цахариз фон Лингенталь², неофициальным характером этого сочинения.

Вопрос об авторстве и времени создания «Воинского закона» чрезвычайно труден. К. Э. Цахариз фон Лингенталь полагал, что источник может быть датирован временем царствования императора Маврикия (582–602)³, а автором трактата называл Руфа, который мог быть либо секретарем, либо полководцем этого императора⁴. Руф именуется автором «Воинского закона» в обобщающем сочинении К. Крumbачера⁵. Известное внимание рассматриваемому вопросу уделял и Р. Вари⁶; впрочем, его выводы на этот счет не отличаются определенностью, хотя в общем следуют концепции К. Э. Цахариз фон Лингенталь.

В последующей историографии указанная точка зрения не получила распространения. Большинство исследователей склонялись к мысли о том, что удовлетворительное решение вопроса об авторстве и точной датировке

¹⁸³ Strategicon, IX, 5, 20. P. 246.

¹⁸⁴ Anonymus, XXVIII, 7. P. 142.

¹⁸⁵ Вегеций, III, 26. С. 279.

¹⁸⁶ Strategicon, IV, 3, 2–4. P. 142; XII, 8, 6. P. 316 etc.

¹⁸⁷ Вегеций, III, 24. С. 277.

* Статья впервые опубликована в: BB. 1971. 32.

¹ Ecloga Leonis et Constantini. Ed. A. G. Monferratus. Athenis, 1889.

² Zachariae von Lingenthal K. E. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // BZ. 1894. 3. S. 449.

³ Ibid. S. 441.

⁴ Ibid. S. 456.

⁵ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Auflage. München, 1897. S. 635.

⁶ Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischer Tactiker // BZ. 1906. 15. S. 83 f.

трактата невозможно⁷, поэтому стало считаться достаточным ограничиваться приблизительной датировкой памятника, в целом более поздней.

В советской литературе единственная попытка датировки трактата была предпринята Е. Э. Липшиц. Она полагает, что Воинский закон «вероятно, был издан вслед за Эклогой в том же VIII столетии»⁸.

Основанный на статьях Дигест и Кодекса Юстиниана, посвященный военному делу⁹, и испытавший на себе влияние последующего законодательства в данной области, Воинский закон представляет собой компиляцию¹⁰, в которой нетрудно выделить по крайней мере три главные составные части.

Первая часть «Воинского закона» состоит из статей, аналогичных нормам VI–VIII глав первой книги так называемого «Стратегикона Маврикия»¹¹, которые в свою очередь воспроизводятся в VIII главе «Тактики Льва»¹².

Вторая и третья части содержат переработанные нормы Дигест и Кодекса, а также статьи из Эклоги, Прохирона и Василика.

Следует отметить, что лишь в первой части Воинский закон довольно близко следует нормам указанных военных сочинений. Статьи же второй и третьей частей иногда очень далеко отходят от норм Дигест и Кодекса, послуживших им источниками, и, как правило, содержат в себе лишь основную их мысль, смягченную или, наоборот, усиленную новыми обстоятельствами, существенно влияющими на общий смысл нормы, да к тому же закамouflированную новой терминологией.

Перевод «Воинского закона» осуществлен нами по изданию его текста в указанной выше статье К. Э. Цахариз фон Лингентал¹³. Как указывал сам издатель, текст трактата опубликован им по «превосходной» рукописи Marcianus 579, содержащей его в качестве приложения к извлечениям из Прохирона¹⁴.

⁷ См., например: *Achburner W. The Byzantine Mutiny Act // JHS. 1926. 46.*

⁸ Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. М.: Л., 1961. С. 247; «Эклога. Византийский законодательный свод VIII века». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 21.

⁹ Dig., 49, 16; Cod., 12, 35 (36).

¹⁰ Компилятивный характер Воинского закона был отмечен еще К. Э. Цахариз фон Лингенталем, но с особой силой это было подчеркнуто Р. Вари (Op. cit. S. 87).

¹¹ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Ed. I. Scheiferus. Upsaliae. 1664. P. 34–40 (далее — Стратегикон).*

¹² *Leonis Imperatoris Tactica. Ed. J.-P. Migne // PG. 1863. 107. Col. 764–768 (далее — Тактика).*

¹³ *Zachartae von Lingenthal K. E. Op. cit. S. 450–453.*

¹⁴ Ibid. S. 449.

Текст источника имеет заглавие «Περὶ στρατιωτικῶν ἐπιτιμῶν ἐκ τοῦ ῥόφου καὶ τῶν τακτικῶν» и разбит на 41 параграф различного объема. В данном издании первая часть, имеющая аналогии со статьями «Стратегикона» и «Тактики Льва», составляет 15 первых параграфов. Анализом первой части мы и ограничиваемся в настоящей работе, хотя перевод трактата приводим полностью. Таблица параллельных мест источников, составленная К. Э. Цахариз фон Лингенталем¹⁵, проверена нами по изданиям, указанным в примечаниях 11 и 12.

Анализ параллельных текстов рассматриваемых трактатов свидетельствует о несомненной связи между ними; иногда даже имеет место полное текстуальное совпадение.

Поскольку в настоящее время общепринятой датировкой «Стратегикона» является рубеж VI и VII столетий, а «Тактики Льва» — конец IX и начало X в., оказывается, что эти трактаты представляют два хронологических полюса, между которыми размещается «Воинский закон». Такая очередность во времени создания рассматриваемых трактатов не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело с выяснением зависимости между ними, с решением вопроса о том, был ли каждый из предыдущих трактатов непосредственным источником каждого из последующих.

Текстологический анализ источников отчетливо свидетельствует о том, что «Воинский закон» не является промежуточным звеном между «Стратегиконом» и «Тактикой» и автор последней черпает непосредственно из «Стратегикона». Текст «Тактики» может буквально совпадать с текстом «Воинского закона» лишь в том случае, если последний полностью копирует «Стратегикон». Но если «Воинский закон» имеет какие-либо отклонения от текста «Стратегикона», то эти отклонения ни разу не воспроизводятся в «Тактике». В таких случаях всегда оказывается, что текст «Воинского закона» отличается от обоих других трактатов. Разумеется, имеют место случаи, когда текст «Тактики» отличается от двух других трактатов одновременно, но ни в одном из этих случаев отклонение не опосредовано влиянием «Воинского закона», а вызывается какими-либо другими причинами.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Автор «Воинского закона» зависел от текста «Стратегикона», но нельзя определить с точностью, располагал ли он самим текстом этого трактата или же черпал из источника, общего для «Стратегикона» и «Воинского закона».

2. Автор «Тактики Льва» не опирался на текст «Воинского закона» при составлении соответствующего раздела своего труда; его источником в этой работе служили аналогичные главы «Стратегикона».

¹⁵ *Zachartae von Lingenthal K. E. Op. cit. S. 454.*

Конкретные случаи соотношения текстов трех указанных трактатов мы рассматриваем в комментарии, приложенном к переводу «Воинского закона»; в этом комментарии преобладает главным образом филологический аспект, а общие выводы имеют лишь предварительный характер. В данном случае мы следуем мысли, высказанной в свое время А. П. Рудаковым: «Более интенсивное использование всякого источника, перекрестные допросы его, чтение между строк, вообще говоря, возможны лишь тогда, когда уже произведено экстенсивное изучение предмета, когда сущность явления известна достаточно определенно, чтобы мы могли ставить свои перекрестные допросы и вести исследование окольным путем, не боясь увлечься погоней за созданием собственного воображения»¹⁶.

Ограничившись на первых порах лишь «экстенсивным» изучением части «Воинского закона», мы считаем более углубленный его анализ делом дальнейшего исследования.

ВОИНСКИЙ ЗАКОН

ПЕРЕВОД

1. Тот, кто осмелится организовать заговор, или (тайное) сообщество, или бунт против своего архонта под каким-либо предлогом, будет подвергнут отсечению головы, в особенности предводители заговора или бунта.

2. Если стратиот, не послушавшись своего пентарха, воспротивится ему, пусть он будет наказан. Также и пентарх, если не послушается своего декарха, равным образом и декарх — своего гекатонтарха. Если же кто-либо из тагмы осмелится воспротивиться старшему архонту — или комиту, или трибуну, или другому кому-либо подобному, — пусть он будет присужден к высшей мере наказания.

3. Если какой-нибудь стратиот, услышав распоряжение своего декарха, не исполнит его, пусть он будет наказан. Если же он, не зная распоряжения, совершит ошибку, пусть будет наказан декарх, так как он не научил его заранее.

4. Если по отношению к стратиоту было со стороны кого-либо совершено беззаконие, пусть он обратится к архонту тагмы. Если же беззаконие совершено со стороны архонта его тагмы, пусть он обратится к вышестоящему архонту.

¹⁶ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 43.

5. Если стратиот осмелится бродяжничать сверх времени коммеата, он изгоняется с военной службы и как сельский житель передается (гражданской) администрации.

6. Если кто-либо во время войны осмелится освободить стратиота посредством коммеата, пусть (стратиот) уплатит пеню 30 номисм; если же во время зимовки — пусть стратиот получит коммеат за 2 или 3 мины; в мирное время стратиоту пусть предоставляется коммеат в пределах епархии.

7. Если кого-либо уличат в желании передаться врагам, того следует наказать высшей мерой наказания, (причем) не только его самого, но и единомышленников и умолчавших.

8. Если кто-либо нанесет ущерб стратиоту или соплательщику, пусть в двойном размере возместит пострадавшему его имущество; если же архонт или стратиот нанесет ущерб стратиоту или соплательщику во время зимовки, или похода, или в лагере и надлежащим образом его не компенсирует, пусть возместит пострадавшему его имущество в двойном размере.

9. Если кто-либо, кому была поручена охрана города или кастроны или же не поручена (специально), сдаст его или, не желая защищать, даже если есть (для этого) возможность, уйдет оттуда вопреки воле своего архонта, в особенности (если он стремится к этому) вопреки необходимости, — пусть он будет присужден к смерти через отсечение головы.

10. Если какой-нибудь стратиот, нашедший животное или что-либо другое, малое или большое, не сообщит своему архонту и не передаст (ему найденное), пусть он будет наказан как вор — и сам, и его сообщники, и умолчавшие.

11. Если стратиот во время битвы или сражения покинет свой строй или банду и выбежит раньше с (того) места, в котором он был размещен, и будет снимать доспехи с мертвого врага, убитого другим, или опрометчиво устремится в преследование других врагов, — такого мы повелеваем наказывать смертной казнью как ослабляющего строй и тем самым причиняющего ущерб своим товарищам и все, что им взято, как и следует, изъять и передать казне тагмы. Если же учитывать снисхождение, то пусть он будет или побит ропалами, или лишен военной службы.

12. Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратилась в бегство и отступила из строя или из своей меры, выстроенной для сражения, рассчитывать по десять и как ослабивших строй и явившихся виновниками обращения в бегство всей меры (каждого десятого) предать смерти стратиотам других тагм. Если же окажется, что некоторые из них, как случается,

будут ранены в этой стычке, — таковым мы повелеваем быть свободными от этого обвинения.

13. Если знамя будет захвачено врагами без какого-либо разумного и видимого основания, мы повелеваем наказывать тех, кому была поручена его охрана, и оказавшихся поблизости архонтов, командующих ими или схолами, в которых они (знамена) были. Если же случится, что некоторые из них, сражаясь, были ранены, пусть они останутся свободными от такого наказания.

14. Если случится бегство меры или строя, когда имеется фоссат, и бегущие устремились не к дифензорам, и не искали убежища в этом фоссате, но, презревшие, ушли в другое место, мы повелеваем осмелившимся это сделать наказывать как презревших своих товарищей и явившихся виновниками смятения.

15. Если стратиот во время сражения бросит свое оружие, мы повелеваем наказывать его как обнажившего самого себя и вооружившего врагов.

16. Если экзархи или кто-нибудь другой под предлогом военного похода будут облагать контрибуцией земельные участки, пусть они будут наказаны двойной суммой.

17. Экзархи, (организаторы) беспорядков или подбивающие народ против службы родине либо подлежат отсечению головы, либо, будучи подвергнуты телесным наказаниям, изгнанию.

18. Если кто-либо одними только речами внес беспорядок в воинскую службу и многие согласятся с ним, пусть они, сильно высеченные, будут изгнаны с военной службы. Если же (кто-либо) разжигает и побуждает к грубому нарушению дисциплины стратиотов, пусть он будет наказан отсечением головы.

19. Если стратиот воспротивится воле своего архонта, его следует высечь. Если он лишь задержал жезл (архонта), пусть будет изгнан с военной службы; если же преднамеренно сломал его (жезл) или поднял на него (архонта) руку, наказывается высшей мерой наказания.

20. Если стратиоты бросили своего экзарха или позволили врагам захватить его и, будучи способными его охранять, не защитили его и он погибнет, они наказываются смертной казнью через отсечение головы.

21. Выделенный для охраны дворца и утративший по своей вине бдительность и бодрствование подлежит высшей мере наказания или — за служивающий снисхождения — изгнанию.

22. Ушедший к варварам как перебежчик или прибывший к ним под предлогом посольства и продающий обработанное или необработанное вооружение или какое-либо оружие пусть будет наказан высшей мерой наказания.

23. И тот, кто провоцирует врагов или передается врагам, пусть будет наказан таким же образом.

24. Если лазутчики ромейского войска донесут врагам о секретных замыслах ромеев, они будут наказаны отсечением головы; равным образом (наказываются) и нарушающие мир.

25. Если стратиот, занимавшийся во время сражения делом, запрещенным ему его архонтом, не исполнит данное ему поручение, пусть он получит высшую меру наказания, даже если он прекрасно исполнил бы дело. Или если, сговорившись с врагами, он, блуждая, отойдет от фоссата и первым из строя обратится в бегство на глазах у стратиотов и, пораженный врагом, или потеряет свое вооружение, или продаст, — пусть он будет присужден к отсечению головы; с учетом же снисхождения — высеченный, пусть он сменит военную службу.

26. Стратиот, преднамеренно ранивший камнем своего товарища по оружию или самого себя, высеченный, подлежит лишению военной службы, если раненный им не избежит страдания, или болезни, или смерти. Если же он ранит мечом или самого себя, или другого, он присуждается к смертной казни как самоубийца или совершивший преступление.

27. Совершивший воровство стратиот пусть будет изгнан с военной службы после того, как он доставит в то же самое место двойное количество (по сравнению с украденным).

28. Стратиот, присужденный к отсечению головы, или изгнанию, или к какому-нибудь другому публичному наказанию и каким-либо образом избежавший его, не может никогда исполнять военную службу. Изгнанные с военной службы с позором по какой-нибудь причине не могут ни служить в войске, ни заниматься (чем-нибудь подобным), ни иметь когда-нибудь почести.

29. Стратиоты пусть не занимаются ни земледелием, ни торговлей, ни государственной деятельностью, если они изгнаны с военной службы и (лишены) преимуществ стратиотов.

30. Если кто-либо покинул вверенный ему укрепленный лагерь (харакому), он наказывается отсечением головы; если он пренебрег фоссатом — изгоняется с военной службы.

31. Провинившийся перед императором умерщвляется, и (его имущество) конфискуется.

32. Стратиот, задумавший бежать к варварам и задержанный, наказывается отсечением головы.

33. Бежавший к варварам и возвратившийся пусть будет подвергнут пыткам.

34. Если подлежащий высылке и сосланный стратиот, избежавший наказания, продолжает опять исполнять военную службу, пусть он будет предан смертной казни. Тот, кто изгнан на непродолжительное время, если он добровольно несет военную службу с тем, чтобы провести время изгнания, ссылается на остров на постоянное местожительство, если толь-

ко причина его изгнания не заключается в том, что (изгнание) порождено пренебрежением к воинской службе, например в прелюбодеянии или в другом публичном обвинении.

35. Стратиот, который сослан на постоянное местожительство по публичному обвинению, например, в прелюбодеянии или других (проступках), порожденных пренебрежением к военной службе, и (за это) подлежащий ссылке, если он опять продолжает исполнять военную службу, (присущую) военнообязанным, пусть будет присужден к отсечению головы. Подвергнутый же изгнанию на непродолжительное время из-за незначительного проступка и добровольно исполняющий военную службу, с тем чтобы провести срок изгнания, ссылается на остров. Ибо такие не являются надежными, даже если они желают нести военную службу.

36. Избегающий нести военную службу в качестве стратиота пусть будет наказан сурово, ибо уклонение от военной обязанности есть преступление. Призванные на военную службу и избегающие ее обращаются в рабство как предатели свободы родины.

37. Если кто-либо отвлекает своего сына во время войны от военной службы или сделает его непригодным, так что он окажется не способным к службе в армии, тот подлежит изгнанию и часть его имущества конфискуется.

38. Стратиот, назначенный караульным тюрьмы и покинувший (свой пост), карается отсечением головы.

39. Стратиотам, оступившимся и провинившимся из-за вина или (другого) крепкого напитка, или другого наслаждения, наказание через отсечение головы смягчается; к ним, подвергнутым телесным наказаниям, применяется перемещение их по военной службе.

40. Если стратиоты, охраняющие заключенных, по нерадивости их упустят, они подвергаются телесным наказаниям или лишаются военной службы — в зависимости от значения заключенного; если они освободят их из сострадания — лишь изгоняются со службы, если же из коварных целей — наказываются отсечением головы или понижаются на последнюю ступень воинской службы.

41. Стратиот, склонный к прелюбодеянию, лишается военной службы, и (его имущество) конфискуется.

КОММЕНТАРИЙ

1. Параграф аналогичен отрывкам VI, 5 «Стратегикона» (Р. 35) и VIII, 5 «Тактики Льва» (Col. 764 B). Совпадение текстов почти полное, за двумя мелкими отклонениями: в «Стратегиконе» в последней фразе от-

сутствует ...καὶ αἵτιοι; в «Тактике» в первой фразе — ...ἢ στάσιν; встречаются и некоторые отклонения в глагольных формах.

Параграф привлек внимание Е. Э. Липшиц, которая в своей книге «Очерки истории византийского общества и культуры» отмечает, что он является «чрезвычайно интересным», ибо был «вызван к жизни острой классовой борьбой, игравшей столь важную роль в рассматриваемую эпоху» (С. 247). В переводе Е. Э. Липшиц параграф выглядит следующим образом: «Те, кто осмеливаются устраивать политическое сообщество, объединение (συνωμοσίαν), или заговор (φαστρίαν), или восстание (στάσιν) против своего архонта под каким бы то ни было предлогом, подлежат отсечению головы, особенно вожаки (πρῶτοι) и зачинщики (αἵτιοι) объединения (τῆς συνωμοσίας) или восстания».

Нам представляется спорным толкование Е. Э. Липшиц отдельных терминов этого параграфа, влияющее на общую его оценку. Стремясь привлечь данный параграф для иллюстрации положения о размахе классовой борьбы в VIII–IX вв., исследовательница особенно подчеркивает классовую направленность рассматриваемой нормы, причем толкует ее явно расширительно, выводя регулируемые в ней отношения за рамки армейской действительности.

По нашему мнению, параграф не занимает особого места среди других статей «Воинского закона» и лежит целиком в русле последующих норм, регулирующих внутреннюю жизнь армии. Кроме того, нам представляется спорной попытка Е. Э. Липшиц рассматривать его как документ определенного исторического периода, который явился «временем исключительно высокого подъема народных движений» (Указ. соч. С. 212). Уже один тот факт, что данная норма почти без изменения отражена в трех памятниках военного права, первый из которых («Стратегикон») датируется рубежом VI и VII столетий, а последний («Тактика Льва») создан на три столетия позже, свидетельствует, что мы имеем дело с ординарной нормой военного права, характерной для любого военно-дисциплинарного кодекса. Она регулирует отношения, возникающие в случае коллективного организованного неповиновения военным служащим своему начальству. И выдвижение этого параграфа в «Воинском законе» на первый план объясняется не столько особым вниманием его автора к ситуациям подобного рода, сколько задачами структурными и композиционными: сформулировав норму, регулирующую отношения между организованными заговорщиками и армейскими властями, автор переходит далее к случаям индивидуальных правонарушений.

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым придать терминологии параграфа более обобщающий, даже несколько неопределенный характер, типичный для нормативных актов, оставляющих широкие возможности для свободного усмотрения в каждом конкретном случае.

2. Параграф аналогичен отрывкам VI, 2 «Стратегикона» (Р. 34) и VIII, 2 «Тактики Льва» (Col. 764 A). Кроме различий в глагольных формах и порядке слов статьи «Воинского закона» имеют следующие отличия от статей «Стратегикона» и «Тактики»:

а) в тех двух местах, где «Воинский закон» упоминает пентарха, «Стратегикон» и «Тактика» кроме него называют еще теттарха;

б) заключительная фраза «Воинского закона»: τῇ ἐσχάτῃ ὑποκείσθω τιμωρίᾳ в двух других трактатах звучит следующим образом: κεφαλικῇ τιμωρίᾳ ὑποκείσθω;

в) в «Тактике Льва» отсутствует указание «Стратегикона» и «Воинского закона» об ответственности декарха перед гекатонтархом;

г) среди вышестоящих командиров «Воинский закон» и «Стратегикон» называют трибуна и комита; «Тактика Льва» говорит только об одном комите. Видимо, это связано с исчезновением латинизма «трибун» в армейской практике на рубеже IX–X вв.

Термин «тагма», впервые встречающийся в данном параграфе, не имеет значения специального военного термина и обозначает подразделение вообще (см. комментарий к § 12).

3. Параграф аналогичен отрывкам VI, 8 «Стратегикона» (Р. 35–36) и VIII, 8 «Тактики Льва» (Col. 764 C); совпадение текстов буквальное.

Интересно употребление в параграфе латинизма τὸ μανδάτον (в «Стратегиконе» и «Тактике» — τὰ μανδάτα) в смысле «распоряжение», «приказание», «поручение» и т. д. Несмотря на то что византийская армия уже перешла на использование греческого языка (о времени перехода и различных аспектах проблемы см.: *Reichenkron G. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern* // BZ. 1961. 54, с указанием литературы), отдельные латинизмы укоренились в армейской практике. С одним из них мы и встречаемся в данном отрывке.

4. Параграф аналогичен отрывкам VI, 3 «Стратегикона» (Р. 34–35) и VIII, 3 «Тактики Льва» (Col. 764 A–B). Совпадение текстов почти буквальное, за единственным исключением. В «Воинском законе» в качестве пострадавшего назван непосредственно стратиот; в «Стратегиконе» для обозначения пострадавшего использовано местоимение «τι». В «Тактике» начало параграфа изложено так: Εἰ μέντοι ἀδικηθῇ παρὰ τινος. Вероятно, вместо εἰ μέντοι следует читать εἰ μὲν τι, тем более что вторая фраза параграфа начинается с εἰ δὲ. Если остановиться на этом варианте, тогда тексты «Стратегикона» и «Тактики» совпадают буквально.

5. Параграф аналогичен отрывкам VI, 4 «Стратегикона» (Р. 35) и VIII, 4 «Тактики» (Col. 764 B). Между текстами «Стратегикона» и «Воинского закона» совпадение буквальное, за исключением знаков препинания, что, впрочем, существенно влияет на понимание смысла нормы. Приведем

текст параграфа 5 целиком: Ἐὰν στρατιώτης τολμήσῃ βαγεῦσαι ὑπὲρ τὸν χρόνον τοῦ κομεάτου τῆς στρατείας ἐκβληθήσεται καὶ ὡς παγανὸς τοῖς πολιτικοῖς ἐκδοθήσεται ἄρχουσιν. По смыслу статьи более логично передвинуть знак препинания вперед, поставив его после слова τὴς κομεάτου. Тогда существительное τῆς στρατείας оказывается связанным с глаголом ἐκβληθήσεται — так же, как это имеет место в тексте «Стратегикона».

Следует обратить внимание на два термина, встречающихся в параграфе.

Первый из них — глагол βαγεῦσαι. В примечании 25 к изданию «Тактики» в «Патрологии» Ж.-П. Минья читаем: βαγεῦσαι. In codice videtur fuisse μαγεῦσαι... Apud Graecos posteriores βαγεῦσαι est vagari, errare. Suidas: βαγεῦσαι, πλανητεῦειν. В латинском изложении отрывков VIII, 4 «Тактики» начинается следующим образом: Si quis audeat magicam exegere... что приводит к извращенному пониманию смысла данного параграфа. Издатель «Стратегикона» передает глагол βαγεῦσαι латинским circumvagari, что представляется более правильным.

Для полноты картины укажем, что глагол βαγεῦσαι встречается в «Воинском законе» еще один раз, а именно в параграфе 25, причем именно в смысле «блуждать», «бродить вокруг» и т. д.

Второй термин, привлекающий внимание, — τοῦ κομεάτου — латинизм, отсутствующий в классическом древнегреческом языке. Мы оставляем этот термин без перевода, понимая под ним отпуск воинов по домам. Следует отметить, что в Воинском законе и «Стратегиконе» встречается двоякое написание этого термина — с одним и с двумя «м»; в «Тактике Льва» написание термина унифицировано — всегда через одно «м» (в латинском оригинале слово пишется с двумя «м»). Интересно отметить, что авторы «Воинского закона» и «Стратегикона» оперируют этим термином совершенно свободно, не сопровождая его дополнительными пояснениями, тогда как автор «Тактики» счел необходимым сделать пояснение: ὑπὲρ τὸν χρόνον τοῦ κομεάτου, ἥγουν τῆς ἀπολύσεως τῆν στρατιωτῶν εἰς τοὺς ἰδίους οἴκους. Очевидно, термин «коммеат», являвшийся обычным во времена действия двух первых трактатов, уже превратился в анахронизм к моменту создания «Тактики» и потому потребовал от ее автора специального разъяснения.

6. Параграф аналогичен отрывкам VII, 4 «Стратегикона» (Р. 37) и VIII, 15 «Тактики» (Col. 765 A). Совпадение текстов «Воинского закона» и «Стратегикона» почти буквальное, за исключением того, что в первом из них употребляется буквенное обозначение числительных, а во втором числительное передается словом. Текст «Тактики» имеет несколько отличий: снова, как и в отрывке VIII, 4, дается пояснение термина «ком-

меат», который трактуется как *ᾠπολύσεως τοῦ στρατοῦ*; в конце фразы автор «Тактики» окончательно заменяет слово *τὰ κομμάτια*, встречающееся в двух первых трактатах, словом *τῆς ᾠπολύσεως*. Все это подтверждает наш вывод об анахронизме термина «коммеат» в период создания «Тактики».

По смыслу параграф 6 примыкает к предшествующему параграфу, и в «Воинском законе» они следуют один за другим, тогда как авторы «Стратегикона» и «Тактики» отделяют эти отрывки, перемежая их с другими параграфами.

Как видно из отрывка, предоставление стратиотам отпусков (в данных отрывках идет речь вовсе не о полном освобождении от военной службы, а лишь о предоставлении стратиотам краткосрочных отпусков во время их нахождения в армии) зависело от архонтов и было связано с денежной компенсацией. Естественно, что это создавало дополнительные возможности для обогащения архонтов и усиления материальной зависимости стратиотов от их военачальников.

7. Параграф аналогичен отрывкам VI, 7 «Стратегикона» (Р. 35) и VIII, 7 «Тактики Льва» (Col. 764 C). Смысловое совпадение всех трех отрывков полное, но статьи «Стратегикона» и «Тактики», совпадающие между собой буквально, имеют незначительные текстуальные отличия от «Воинского закона» в последней фразе.

Норма, содержащаяся в рассматриваемом параграфе, является обычной для военно-дисциплинарных кодексов всех времен и народов.

8. Параграф аналогичен отрывкам VII, 2 «Стратегикона» (Р. 36–37) и VIII, 13–14 «Тактики Льва» (Col. 765 A). Содержание отрывков совпадает между собой, но имеют место текстуальные различия, не влияющие на общий смысл нормы.

Привлекает внимание термин *συντελεστήν* (вин. пад.), встречающийся дважды, от толкования которого зависит правильное понимание всего параграфа.

Из отрывка следует, что под указанным термином понимается лицо, статус которого либо не отличается от статуса стратиота, либо приближается к нему. Поэтому мы переводим его словом «соплательщик», понимая под ним человека, единоличного имущества которого недостаточно для отправления воинской службы. В этом случае несколько соплательщиков, объединившись, экипировали за общий счет одного воина. Следовательно, каждого соплательщика законодательство могло рассматривать как потенциального стратиота. Отсюда вполне понятно то внимание, которое военное законодательство уделяет данной категории населения. С этой точки зрения нам кажется неправильным латинский перевод рассматриваемого слова термином «*municers*», приводимый в изданиях

И. Шеффера и Ж.-П. Миня. По нашему мнению, в параграфе речь идет не о взаимоотношениях между армией и гражданским населением империи, но о взаимоотношениях армии и той части населения, которая также подлежит военной службе, но в данное время не призвана.

Автор «Воинского закона» употребляет термины «стратиот» и «соплательщик» рядом, отнюдь не смешивая их, но и не разграничивая санкции за ущемление интересов той и другой категории.

Особым положением лиц, о которых идет речь в данном параграфе, объясняется и серьезность санкции. К сожалению, «Воинский закон» не содержит статей, в которых шла бы речь о взаимоотношениях между армией и гражданским населением империи, так как тематика данного памятника ограничена вопросами внутренней жизни армии. Иное дело — «Тактика Льва», документ более широкий по тематике. В IX главе «Тактики» в целом ряде статей (1, 2, 15, 23 и др.) автор дает рекомендации по вопросу о способе поведения войска в период его расквартирования в пределах империи. Весьма характерно, что автор трактата не формулирует никаких конкретных санкций за причинение ущерба «налогоплательщикам и земледельцам» (*τοὺς ὑποτελεῖς... καὶ γεωργοὺς*), уповая на благоразумие военачальников и филантропию подчиненных («Тактика Льва», IX, 13. Col. 772 B).

Разница в подходе к этим категориям, с одной стороны, и к категориям, отраженным в статьях VIII, 13–14 (=«Воинский закон», § 8) — с другой, отчетливо свидетельствует об особом статусе стратиотов и соплательщиков, связанном с их ролью «защитников отечества».

Лица со статусом соплательщиков составляли особую категорию военнообязанного населения, близкую к стратиотам и в принципе однородную с последними, но полностью с ними не совпадающую. Вопрос об этом, еще далеко не решенный, привлекал внимание многих исследователей, среди которых можно назвать П. Лемерля, И. Караяннопулоса, А. П. Каждана, Э. Гликаци-Арвейе и др.

9. Параграф аналогичен отрывкам VI, 6 «Стратегикона» (Р. 35) и VIII, 6 «Тактики Льва» (Col. 764 B–C), которые совпадают между собой буквально, но несколько расширен по сравнению с ними:

а) «Воинский закон» распространяет эту норму на всех защитников города или кастроны, независимо от их места и роли в обороне, тогда как два других источника говорят лишь об ответственности только тех лиц, которым непосредственно поручена оборона;

б) «Воинский закон» конкретизирует виновность по данной норме, рассматривая какотягчающее обстоятельство субъективное нежелание защищать город или кастрон при наличии условий для защиты и при отсутствии настоятельной необходимости отказа от защиты.

Изменена текстуально и концовка параграфа: «Воинский закон» называется в качестве санкции казнь через отсечение головы, тогда как два других трактата просто говорят о высшей мере наказания.

Мы оставляем без перевода термин «кастрон» (=лат. *castellum*), понимая под ним укрепленное место, крепость (см. об этом: *Kirsten E. Die byzantinischen Stadt // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistischen Kongress. T. III. München, 1958*).

10. Параграф аналогичен отрывкам VI, 9 «Стратегикона» (Р. 36) и VIII, 9 «Тактики Льва» (Col. 764 C). Смысловое сходство между всеми тремя текстами почти полное, хотя имеются некоторые текстуальные отклонения. Наиболее значительное добавление содержится именно в Воинском законе: если «Стратегикон» и «Тактика» называют две категории лиц, подлежащих наказанию (сам виновный и его сообщник — *συνειδώς*), то «Воинский закон» добавляет и третью — «умолчавшие» (*σιωπήσαντες*).

Статья направлена на борьбу с мародерством и характерна для многих других военно-дисциплинарных кодексов.

11. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 2 «Стратегикона» (Р. 38) и VIII, 20 «Тактики Льва» (Col. 765 B–C). Тексты двух последних источников, совпадающие между собой, имеют значительные отличия от текста «Воинского закона»:

а) «Воинский закон» содержит добавление, отсутствующее в двух других источниках: в первой фразе он запрещает «снимать доспехи с мертвого врага, убитого другим». «Стратегикон» и «Тактика» не делают такого уточнения, отчего их запрет приобретает более категорический характер: воину вообще запрещено заниматься сбором трофейного вооружения до конца битвы. В ряде других мест автор «Тактики Льва» неоднократно возвращается к вопросу о порядке сбора и распределения военной добычи (XII, 52, 124; XIII, 14; XVII, 33, 48–50, 67 и др.). Анализ юридических и военных источников, где ведется речь о сборе и разделе военной добычи, произведен А. Дэном (см.: *Dain A. Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires // Actes du VI-ème Congrès International d'études byzantines, I. Paris, 1950. P. 347–352*);

б) «Воинский закон» опускает часть текста, имеющегося в двух других трактатах: в них после фразы «опрометчиво устремится в преследование других врагов» стоит: «или ворвется в обоз или лагерь врагов» (ἢ τοῦλδω ἢ φоссάτω ἐχθρῶν ἐπέλθῃ...). В данном случае «Воинский закон» существенно сужает состав преступления, предусмотренного в соответствующих разделах «Стратегикона» и «Тактики»;

в) последняя фраза параграфа отсутствует в «Стратегиконе» и «Тактике» — в них предусмотрена только смертная казнь. Допустимость замены смертной казни телесными наказаниями («ропалы» — деревянные

палки, утолщающиеся на одном конце) или изгнанием с военной службы объясняется не только декларируемой в параграфе филантропией, но и значительным сужением и смягчением состава преступления, сформулированного в Воинском законе, по сравнению с соответствующими нормами «Стратегикона» и «Тактики Льва».

12. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 3–4 «Стратегикона» (Р. 38–39) и VIII, 21–22 «Тактики Льва» (Col. 765 C–D). Текстуальные отличия отрывков незначительны (так, вместо термина *πόλεμος*, употребляемого в Воинском законе, «Стратегикон» и «Тактика» пользуются словом *συμβολή*); смысловое совпадение текстов полное.

Мы оставляем без перевода термины «тагма» и «мера», обозначающие воинские подразделения различной величины. Численность этих подразделений можно установить на основе данных «Тактики Льва» (заметим, кстати, что они не отличаются от данных «Стратегикона»). Так, максимальную численность пехотной тагмы Лев устанавливает в 256 человек (IV, 62), а промежуточных звеньев между тагмой и мерой не называет. Конная тагма («банда») состоит в среднем из 300 кавалеристов, а крайние пределы — 200–400 человек (IV, 41, 48). Тагмы объединяются в «миры» (друнги, хилийархии), а последние — в меры (турмы). Максимальная численность миры определяется в 3 тыс. чел., а меры — в 6 тыс. (IV, 45).

Создается, однако, впечатление, что наименование подразделений в Воинском законе не имеет характер специфически военный. Так, термин «тагма» чаще всего употребляется в смысле подразделения вообще (§ 2, 4, 11). В § 12 термины «тагма» и «мера» употребляются как соотносительные понятия, обозначая более мелкое (тагма) или более крупное (мера) подразделение.

13. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 5 «Стратегикона» (Р. 39) и VIII, 23 «Тактики Льва» (Col. 765 D). Несмотря на некоторые текстуальные отличия, смысловое совпадение текстов полное.

Термин «банда», встречающийся в отрывке, имел два смысла. В одном из них слово употреблено в § 11 (см. об этом комментарий к § 12), где оно совпадает по значению с термином «тагма». Другое значение слова «банда» — знамя, о котором в «Тактике» говорится неоднократно (IV, 65, 67; VI, 18–19; XII, 62, 83, 105, 109–112, 122; XIV, 74 и др.). Интересен отрывок XII, 63, рассказывающий об охране знамени в бою. Когда все знамена будут расположены в строю, из числа воинов, оказавшихся рядом, рекомендуется выделить по 15–20 человек для охраны знамени. Видимо, именно о таких воинах идет речь в рассматриваемом параграфе «Воинского закона».

Вопросам византийской военной атрибутики посвящена специальная статья: *Grosse R. Die Fahnen in römisch-byzantinischen Armee // BZ. 1923. 24.*

14. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 6 «Стратегикона» (P. 39–40) и VIII, 24 «Тактики Льва» (Col. 768 A); текстуальные различия незначительны.

Термином «фоссат», который употребляется в «Воинском законе» неоднократно, обозначается разновидность военного лагеря. Кроме этого, в Воинском законе упоминаются еще две разновидности лагеря: τὰ σέδετα (§ 8) и τὸ χάραγμα (§ 30). В «Тактике Льва» лагерь чаще всего именуется апликтом, причем в отрывке XI, 1 автор «Тактики» говорит о следующем соотношении между фоссатом и апликтом: κυρίως γὰρ φоссάτων τὸ ἀπλκτον τοῦ ὅλου στρατοῦ κελεῖται. Способам устройства лагерей автор «Тактики» посвящает специальную (11-ю) главу и неоднократно возвращается к этим вопросам в других местах сочинения.

О различных типах лагерей см. специальные статьи: *Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert* // BZ. 1913. 22; *Кулаковский Ю.* Византийский лагерь конца X века // BB. 1903. 10. Вып. 1–2.

Дифензоры — основная масса пехотных подразделений, стратиоты, которые в процессе сражения должны строго соблюдать строй и продвигаться вперед только в своих подразделениях (см. о них: «Тактика Льва», IV, 21; XII, 27 и др.). Являясь костяком боевого построения, подразделения дифензоров были своего рода подвижными опорными пунктами на поле боя и могли служить местом сосредоточения стратиотов из других подразделений, оказавшихся разбитыми в ходе сражения.

15. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 7 «Стратегикона» (P. 40) и VIII, 25 «Тактики Льва» (Col. 768 A). Совпадение текстов полное, за исключением незначительной инверсии.

16–41. Начиная с параграфа 16 текст «Воинского закона» не имеет прямых аналогий с текстами «Стратегикона» и «Тактики Льва». Источниками этих параграфов служат тексты Кодекса, Дигест и Новелл (см. таблицу на с. 454 указанной статьи К. Э. Цахариэ фон Лингентала). Тексты проверены нами по изданиям: *Corpus Juris Civilis. Editio stereotypa tertia*. Vol. I–II. Berolini, 1882–1884; *Corpus Juris Civilis. Ed. fratres Kriegelii*. 16. Auflage. Bd. III. Leipzig, s. a.

«ТАКТИКА ЛЬВА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Византийский военный трактат, известный под наименованием «Тактика Льва»¹, издавна привлекал к себе внимание многочисленных издателей и исследователей². Однако подлинно научное изучение трактата началось лишь с 90-х гг. XIX в. Именно в этот период был очерчен круг основных проблем, связанных с этим источником, среди которых можно назвать следующие: авторство трактата и его датировка; соотношение «Тактики Льва» с другими военными трактатами, прежде всего с так называемым «Стратегиком» Псевдо-Маврикия; проблема ценности «Тактики Льва» как исторического источника и др.

Поскольку первая из указанных проблем к настоящему времени уже утратила свою дискуссионную остроту, мы ограничимся по ней лишь некоторыми замечаниями. Третья из проблем заслуживает специального рассмотрения, и в последующих работах мы намерены остановиться на ней специально. Основное внимание в настоящей статье будет уделено второй проблеме, остающейся наименее изученной в литературе.

Авторство и датировка «Тактики Льва»

До 90-х годов XIX в. исследователи византийской военной традиции были единодушны в решении вопроса об авторстве «Тактики» — она безоговорочно атрибутировалась византийскому императору Македонской династии Льву VI Мудрому. Попытка кардинального пересмотра вопроса, предпринятая К. Э. Цахариэ фон Лингенталем³, встретила резкие возражения. Первые оппоненты немецкого историка и юриста⁴ обосновыва-

* Статья впервые опубликована в: BB. 1972. 33.

¹ Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris *Tactica*. Ed. J.-P. Migne // PG. 1863. 107 (далее — TL).

² Подробный историографический обзор литературы см.: *Кучма В. В.* «Тактика Льва» в исторической литературе // BB / 1969. 30. С. 153–165 (с. 259–277 настоящего издания).

³ *Zachariae von Lingenthal K. E.* Zum Militärgesetz des Leo // BZ. 1893. 2. S. 606–608; *Idem.* Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // BZ. 1894. 3. S. 437–457.

⁴ *Кулаковский Ю. А.* Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? // BB. 1898. 5; *Vari R.* Bölcs Leo császának «A hadi taktikáról» szóló munkája. Budapest, 1898; *Mitard M.* Etudes sur le règne de Léon VI // BZ. 1903. 12.

ли авторство Льва VI исключительно ссылками на текст самой «Тактики», не без основания считая их достаточно убедительными и даже не пытаясь искать аргументы в других источниках. Но поскольку отголоски спора встречались и в позднейших работах⁵, отдельные исследователи сделали попытку выйти за пределы традиционного объекта полемики и поставить вопрос более широко. Так, Г. Вернадский⁶ впервые высказал соображение о возможности сближения «Тактики Льва» с Эпанагогой и о влиянии первой на вторую. Позднее М. Я. Сюзюмов отмечал сходство в способе изложения материала в «Тактике Льва» и «Книге епарха», а также установил связь между идеями и фразеологией сочинений Льва VI и законодательных актов Македонской династии⁷.

Рассмотрение в совокупности всех прямых и косвенных доказательств не оставляет сомнений при решении вопроса об авторстве «Тактики». Поэтому Д. Моравчик имел все основания заявить, что мнение о принадлежности «Тактики» Льву VI является «сегодня твердо установленным»⁸.

Решение вопроса об авторстве трактата предопределяет его датировку. Хронологические рамки создания «Тактики» локализуются в пределах периода царствования Льва VI. Поскольку автор трактата именует себя императором⁹, 886 г. есть очевидный *terminus post quem* возникновения сочинения. Конечная дата вполне естественно определяется 912 г. — годом смерти Льва VI.

В литературе высказаны различные мнения относительно более точной датировки трактата. Наиболее раннюю предложил Ю. А. Кулаковский. Обратившись к XVIII главе «Тактики», где анализируются военные обычаи соседних с Византией народов, русский исследователь увидел в отрывках XVIII, 42 и XVIII, 44 указания на болгаро-византийскую войну с участием венгров на стороне византийцев. Поскольку это событие Ю. Кулаковский датирует 889 г. и указывает, что в «Тактике» еще нет упоминания о страшном поражении византийцев при Болгарофиге (892), он предлагает датировать трактат 890–891 гг.¹⁰

Мы полагаем, что описанные в указанных отрывках события относятся к периоду не первой, а второй болгаро-византийской войны, окончив-

⁵ Buckler G. Anna Comnena. Oxford, 1929. P. 525; Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Isaurier // BZ. 1929–1930. 30. S. 394–400.

⁶ Vernadsky G. «The Tactics» of Leo the Wise and the Epanagoge // Byzantion. 1931. 6. Fasc. 1. P. 333–335.

⁷ Византийская книга епарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 99, 106, 113, 225 и др.

⁸ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958. S. 404.

⁹ TL, XIV, 116. Col. 885 A–B; XV, 41. Col. 897 A–B; XVIII, 42. Col. 956 D; XX, 210. Col. 1069 D–1072 A etc.

¹⁰ Кулаковский Ю. А. Указ. соч. С. 400–401.

шейся подписанием мира в 896 г. Вероятно, именно этот договор имеет в виду Лев, когда пишет, что болгары уже дорого заплатили за свое вероломство и ныне подчиняются империи¹¹. Поэтому датировка «Тактики Льва», по нашему мнению, должна быть отнесена к более позднему периоду, чем рубеж, намеченный Ю. Кулаковским.

Приблизительная датировка трактата (около 900 г.) предложена Г. Райхенкроном¹². Учитывая избранный автором критерий (филологический анализ языка военных команд), трудно ожидать от него более точной датировки.

Венгерские исследователи (все без исключения) относят возникновение трактата к периоду после 904 г.¹³ Д. Моравчик полагает, что время возникновения трактата нельзя определить с точностью, но «насколько кажется определенным», он был написан после нападения сарацин на Фессалонику¹⁴.

Нам кажется, что совершенно правильное замечание венгерского академика об исключительном внимании Льва к сарацинам не является достаточным для обоснования предложенной датировки. Арабские корсары хозяйничали на Эгейском море и давали достаточно поводов обратить на себя внимание задолго до 904 г. К сожалению, более детальная аргументация у Д. Моравчика отсутствует.

В обобщающем исследовании А. Дэна, вышедшем в свет уже после его смерти¹⁵, показано, что трактат Льва написан не в один прием, но создавался, вероятно, в течение продолжительного времени. В рукописях сохранились различные варианты плана этого сочинения, и датировка отдельных глав может быть различной. Но в целом трактат, по мнению А. Дэна, может быть датирован началом X в.

Таким образом, материал трактата не дает возможности датировать его с большей точностью, чем рубеж IX–X вв. с колебаниями в 5–10 лет в обе стороны. Установление указанных границ вполне достаточно для источников подобного рода. В условиях медленного и застойного развития военной науки в период средневековья военный трактат отражал не кратковременный период, но целую эпоху, целый этап в развитии этой

¹¹ TL, XVIII, 44. Col. 957A. См. об этом: Moravcsik Gy. Op. cit. S. 403.

¹² Reichenkron G. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern // BZ. 1961. 54. S. 18–27.

¹³ Р. Вари заключал время возникновения трактата между 904 и 908 гг. (см.: Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur // BNJb. 1931. 8. Heft 3–4. S. 226). Однако никакой аргументации этой датировки Р. Вари не приводит.

¹⁴ Moravcsik Gy. Op. cit. S. 404.

¹⁵ Dain A. Les stratégistes byzantins... P. 317–392.

науки. Поэтому колебания в одно-два десятилетия в датировке памятника не могут повлечь за собой кардинальные изменения в нашей оценке как самой эпохи, так и трактата, в котором эта эпоха отразилась.

Соотношение «Тактики Льва» с другими военными трактатами

Источники «Тактики»

Являясь одним из звеньев византийской военной традиции, «Тактика Льва» вобрала в себя опыт предшествующей военно-теоретической мысли и оказала большое влияние на последующую литературу подобного жанра.

В «Тактике Льва» довольно часты ссылки на авторов древних трактатов; некоторых из них (Элиана¹⁶, Арриана¹⁷, Онасандра¹⁸) Лев называет по именам. Кроме того, Р. Вари установил, что при работе над своим сочинением Лев пользовался трудами Полиена, но не в полном виде, а в извлечениях¹⁹. Иногда Лев не называет имен, а просто излагает материал так, как об этом писали «древние тактики», «древние стратеги» или просто «древние»²⁰.

Более пристального внимания заслуживают ссылки Льва на некоторые источники и лица, которые Лев именует «новыми» (οἱ νεώτεροι)²¹. О своем отношении к «древним» и «новым» авторам, а также о взаимоотношениях между ними Лев пишет в VII главе трактата²². Он указывает, что «древние» (при этом упомянуты Элиан и Арриан) оставили весьма

¹⁶ TL, VI, 30. Col. 729 D. О способах использования Львом сочинения Элиана см.: Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien. Paris, 1946. P. 134–147.

¹⁷ TL, VII, 86. Col. 760 D.

¹⁸ Ibid., XIV, 112. Col. 884 B.

¹⁹ Vari R. Die «Praecepta Nicephori» // BZ. 1929–30. 30. S. 52.

²⁰ TL, VII, 28. Col. 740 D (τῶν ἀρχαίων); XI, 29. Col. 800 D (οἱ ἀρχαῖοι); XIV, 94. Col. 877 D (τῶν παλαιωτέρων τακτικῶν); XV, 11, 2. Col. 913 B–C (ἀρχαῖος που διδάσκει λόγος ἡμᾶς); XVII, 16. Col. 917 A (παρὰ τῶν παλαιῶν στρατηγῶν); XVII, 91. Col. 937 A (οἱ παλαιότεροι τῶν τακτικῶν); XVIII, 1. Col. 945 A (πάλα στρατηγοί) и т. д.

²¹ Ibid., IV, 55. Col. 712 A; VI, 37. Col. 733 A–B, VII, 52. Col. 749 A; XII, 74. Col. 828 C; XIV, 112. Col. 884 B; XIV, 113. Col. 884 C; XV, 1. Col. 885 C; XV, 26. Col. 893 C–D.

²² Ibid., VII, 86. Col. 760 D–761 A.

ценные и полезные указания в области военного дела. Однако их сведения уже значительно устарели, и Лев намерен изложить их весьма кратко. С другой стороны, многое из древних тактик переработано «новыми» авторами, и именно на них в первую очередь он опирается в своем трактате, в частности в VII его главе. Таким образом, Лев прямо указывает, что именно сочинения «новых» авторов были его основным источником; сведения «древних» приводятся им лишь в качестве дополнительного (и прежде всего сравнительного) материала.

Кто же такие эти «новые» авторы? Первую (и единственную, насколько нам известно) попытку решения вопроса предпринял Р. Вари²³. Он предположил, что во всех этих случаях Лев имеет в виду «Стратегикон» Псевдо-Маврикия²⁴, свой основной источник. Откуда же тогда странная терминология Льва? Р. Вари полагает, что автор «Стратегикона» (Р. Вари именует его Урбикием) составил свой трактат в виде единого сводного труда, куда вошло все то, что имеет отношение к военному делу. Лев VI рассматривал свой источник в качестве сводной работы и не связывал его с определенным автором. Именно этим, подчеркивал Р. Вари, объясняется то странное и казавшееся необъяснимым обстоятельство, что Лев, упоминая свои заведомо второстепенные источники, не называет ни разу главного²⁵.

Это предположение можно проверить сравнением тех отрывков, где упоминаются «новые» авторы, с данными «Стратегикона». Сравнение показывает, что во всех случаях, когда Лев делает ссылку на «новых» авторов, он сообщает сведения либо аналогичные, либо буквально совпадающие со сведениями «Стратегикона».

Кроме названных, Лев пользовался еще некоторыми источниками, идентификация которых чрезвычайно затруднена. Еще в 1937 г. А. Дэн

²³ Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker // BZ. 1906. 15. S. 47–87.

²⁴ Трактат, известный в литературе под наименованием «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (пользуемся изданием: Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Ed. J. Schefferus. Upsaliae, 1664; далее — Strategicon), породил огромную критическую литературу и до сих пор остается объектом ожесточенных научных споров. Сведения об авторстве и датировке трактата были суммированы нами в статье: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как источники по истории военного искусства Византийской империи // АДСВ. Вып. 4. Свердловск, 1966. В последнее время возрождается тенденция атрибутировать «Стратегикон» императору Маврикию. См.: Dain A. Les stratèges byzantins... P. 344–346; Mihăescu H. Prolegomènes à une édition critique des Tactica — στρατηγικά de Maurice-Urbicius // RESEE. 1967. V. P. 401–417; Dain A. Urbicius ou Mauricius? // REB. 1968. 26. P. 123–136; Удальцова З. В. Еще раз о «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия // CB. 1969. 32. С. 61–76.

²⁵ Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker... S. 82–83.

пришел к выводу, что вся глава V трактата Льва построена на основе неизвестного нам письменного источника²⁶; в последней своей работе А. Дэн затрудняется также в определении источников некоторых пассажей глав III и IV²⁷. Здесь же отмечено, что Лев не мог найти письменного источника и при работе над XIX главой трактата, посвященной ведению войны на море²⁸.

Особый интерес представляет V глава «Тактики». Сравнение ее со следующей, VI, главой показывает, что по содержанию в них много общего: за некоторыми частными отклонениями в них перечисляются одни и те же виды вооружения и снаряжения стратиотов. В свою очередь VI глава «Тактики» имеет прямые аналогии во 2-й главе I книги «Стратегикона»²⁹. Следовательно, материал для создания V главы Лев черпал в том же «Стратегиконе». Тем не менее V глава существенно отличается от всех других глав как «Стратегикона», так и «Тактики».

Во-первых, она (единственная в «Тактике» с начала и до конца) адресована не стратигу-военачальнику, руководителю военной экспедиции, а стратигу как главе фемы, и это специально подчеркнуто Львом³⁰. Во-вторых, в этой главе реализована совершенно независимая от «Стратегикона» идея: дать фемному стратигу развернутый план мобилизационных мероприятий по подготовке к войне.

Вероятно, наличие этих новых, не связанных со «Стратегиконом» идей позволило А. Дэну выделить V главу трактата и поставить вопрос о ее дополнительных источниках. Интересно отметить, что позиция А. Дэна претерпела изменения: если в 1937 г. он вовсе обошел вопрос о возможной самостоятельности Льва при написании V главы, то в последней работе он говорит о том, что в данном случае Лев мог заменить недостающий письменный источник «апелляцией к своим мыслям, вернее, к своей начитанности»³¹.

Последнее предположение представляется нам более вероятным. В этом случае становится понятной особая манера изложения материала в этой главе, когда Лев дважды³² ссылается на возможные упущения по забывчивости. Такие скрытые сетования на недостатки человеческой памяти были бы необъяснимы для человека, располагающего письменным источником.

Косвенным доказательством отсутствия у Льва дополнительного письменного источника при работе над V главой является, на наш взгляд, и весьма скромный объем этой главы, одной из самых кратких в трактате. Писательский метод Льва достаточно хорошо известен, и мы можем предполагать, что если бы он имел под руками письменный источник, факты и идеи которого соответствовали его эпохе, он бы не замедлил изложить этот источник весьма близко к тексту. Но, будучи образцом византийского эрудита, преклоняющегося перед авторитетом написанного слова, Лев был весьма щепетилен в отношении собственного стиля. При изложении своих идей Лев всегда проявлял максимум осторожности и еще больший максимум краткости — даже в ущерб ясности вопроса.

В качестве дополнения — еще один штрих. Именно в V и XIX главах трактата Лев упоминает особый вид оружия, который был в употреблении в его время, но еще не был известен автору «Стратегикона». Мы имеем в виду так называемый «греческий огонь». Знаменательно, что он упоминается именно в этих (и только в этих!), наиболее независимых главах трактата. Очевидно, отступив от текста «Стратегикона» в главном — в идее, Лев позволил себе отступления и в некоторых деталях фактического характера.

Отмеченные главы составляют небольшую часть сочинения Льва. Основой его трактата послужил «Стратегикон», и зависимость Льва от сочинения своего отдаленного предшественника не может вызвать ни малейших сомнений. Основная дискуссия, не прекратившаяся до наших дней, развернулась по другому вопросу: является ли сочинение Льва только копией «Стратегикона» или же его сознательной и целенаправленной переработкой?

Отсутствие специальных исследований по вопросу о соотношении «Тактики» и «Стратегикона» затрудняет преодоление того скептического и настороженного отношения к «Тактике», которое еще господствует в литературе. Реабилитация столь крупного и богатого по содержанию источника, каким является «Тактика», способствовала бы более глубокому и всестороннему пониманию специфики раннефеодального периода византийской истории.

Задачи и структура «Тактики Льва»

Следуя установившейся в византийской военной литературе традиции, Лев предваряет свой трактат введением, где формулирует свою задачу — на основании предшествующих военно-научных и исторических трудов собрать воедино все то, что в его время применимо и практически

²⁶ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937. P. 42.

²⁷ Dain A. Les stratèges byzantins... P. 356.

²⁸ Ibid. P. 356–357.

²⁹ Strategicon, I, 2. P. 20 sq.; TL, IV, 4. Col. 717 C–D; TL, VI, 2. Col. 721 B–C; VI, 8. Col. 724 B.

³⁰ TL, V, 2. Col. 717 B.

³¹ Dain A. Les stratèges byzantins... P. 356.

³² TL, V, 12. Col. 720 D; V, 14. Col. 721 A.

необходимо³³. Следовательно, Лев имел в виду создать такое военное руководство, какие, по сообщению Константина Багрянородного, имели византийские императоры в своих походных библиотеках во время военных экспедиций³⁴.

Если автор «Стратегикона», излагая весь свой практический боевой опыт, создает произведение лишь узкоприкладного характера, то Лев придает своей «Тактике» более общий тон. Не лишая свои сведения практического характера, он стремится дать им теоретическое обоснование. Не ограничиваясь позитивным изложением основ военной науки, Лев делает сильный акцент на воссоздании идеальной картины практической реализации этих основ в условиях боевой действительности. На протяжении всего повествования Лев не только дает описание конкретного элемента военной науки, но и вскрывает причины именно такого, а не иного его состояния. Вместе с тем, рисуя идеальную картину вооружения воина, отдельный тактический прием, конкретный принцип осады или обороны города и т. д., автор «Тактики» предоставляет полководцу широкую инициативу в выборе методов и способов достижения этого идеала в зависимости от требований места, времени и «природы вещей».

В отличие от автора «Стратегикона», который не придерживался четкого плана при составлении своего труда, Лев излагает свой предмет достаточно последовательно. Подражая лучшим образцам военно-теоретической литературы, Лев начинает трактат с изложения некоторых общих принципов, давая определения и раскрывая содержание понятий тактики, стратегии и т. д. В конце I главы он переходит к характеристике стратега, продолжая ее на всем протяжении II главы. В III главе речь идет о военном совете при полководце. Далее следует ряд глав, раскрывающих структуру, состав, вооружение воинских подразделений, способы их обучения, порядок совершения маршей; отдельно рассказывается об обозе и лагерьном устройстве (главы IV–XI). Покончив с этим, Лев дает серию глав, посвященных непосредственно военным действиям, — подготовке к войне, ведению ее, использованию ее последствий (главы XII–XVII). Сюда же примыкают глава XVIII, рассказывающая о военных обычаях соседних с Византией народов, а также глава XIX, посвященная войне на море. Глава XX является итоговой, суммирующей основные мысли автора. Трактат заканчивается развернутым эпилогом³⁵.

³³ TL, Προοίμιον. Col. 676.

³⁴ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo, I. Rec. I. I. Reiske. Bonnae, 1829. P. 467.

³⁵ Такова окончательная структура трактата, известная по рукописям Vin-dobonensis phil. gr. 275 и Parisinus gr. 1385. О наличии более раннего варианта плана, отраженного в рукописи Laurentianus LV-4, см.: Dain A. Les stratégistes byzantins... P. 355.

Как мы видим, структура трактата отличается четкостью. Логичность и строгая последовательность позволяют автору уклоняться от повторений, неизбежных при ином способе изложения, — повторений, которыми так полон «Стратегикон». Такой план трактата Льва не является, очевидно, возникшим случайно, но выработан автором сознательно. Известно, что созданию «Тактики» предшествовала работа Льва над «Проблемами» — самым ранним его сочинением в жанре военной литературы. «Проблемы» представляют собою своеобразный катехизис по военному делу, где ответы на поставленные вопросы текстуально воспроизводят соответствующие разделы «Стратегикона». Первый издатель этого сочинения А. Дэн³⁶ подчеркнул, что во всей византийской военной традиции не имеется больше памятников подобного рода. Работа над «Проблемами» способствовала тому, что Лев глубоко изучил «Стратегикон», положенный им впоследствии в основу «Тактики». Он великолепно ориентировался как в сочинении своего предшественника, так и в своем собственном труде, громадном по объему; об этом свидетельствуют его многочисленные замечания типа «как уже сказано выше», «как будет сказано ниже» и т. д., а также частые отсылки читателя к той или иной главе³⁷. Единственное крупное повторение автору трактата пришлось допустить в главе XIV, где многие описания боя совпадают с описаниями воинских упражнений, о которых рассказывалось в главе VII. Впрочем, на эти повторения Лев идет сознательно: он использует этот факт для того, чтобы лишний раз подчеркнуть чрезвычайную важность воинских упражнений в условиях максимальной приближенности к особенностям войны³⁸. Кроме того, часть материала главы V повторяется в главе VI.

При переходе от одной главы к другой Лев обычно подводит итог предыдущему материалу и сообщает содержание очередной главы. Такая система «перекидных мостиков» также выгодно отличает трактат Льва от «Стратегикона», автор которого вовсе не затрудняет себя стремлением изложить материал последовательно и компактно. Лев проявляет себя способным к более четкой и последовательной компоновке материала и поэтому счастливо избегает многих недостатков «Стратегикона».

³⁶ Dain A. Leontis VI Sapientis Problemata. P., 1935.

³⁷ TL, XII, 125. Col. 840 D; IX, 4. Col. 768 D; XIV, 93. Col. 877 C; XVII, 63. Col. 929 A; XVII, 70. Col. 932 A etc.

³⁸ Ibid., XIV, 73. Col. 872 D–873 A.

Способы переработки Львом сведений «Стратегикона»

Уже первого взгляда на сравниваемые источники достаточно для вывода о том, что объем «Тактики» более чем в два раза превышает объем «Стратегикона». Возникает вопрос о причинах этого явления.

По замечанию А. Дэна³⁹, текст парафраза всегда больше своего оригинала — это вполне нормальное явление. Было бы трудно, однако, ожидать, что только в этом заключается причина увеличения объема «Тактики». На основании собственных подсчетов мы приходим к выводу, что объем «Тактики» по сравнению с оригиналом возрастает за счет парафраза в небольшой степени — этот прирост составляет в целом по трактату максимум 30% текста.

Другим теоретически возможным способом увеличения трактата может явиться введение в него нового фактического материала, отсутствовавшего в оригинале, иллюстрирующего общие положения военной науки практикой конкретных военных экспедиций. Однако анализ содержания «Тактики» свидетельствует, что Лев не шел этим путем. Крайняя скудность Льва на исторические примеры, факты и параллели давно подмечена исследователями⁴⁰. Следовательно, и не в увлечении фактическим материалом заключается главная причина возрастания объема «Тактики» по сравнению со «Стратегиконом».

Эта причина состоит в существенном отличии «Тактики» от «Стратегикона» по содержанию. Взяв за основу своего сочинения сведения «Стратегикона», Лев отнесся к ним весьма осмотрительно, переосмыслив и переработав их в трех основных аспектах. Во-первых, он совершенно изменил план «Стратегикона», порядок изложения его материала, разработав более четкую и стройную структуру своего сочинения. Во-вторых, он критически переосмыслил сведения своего предшественника и либо опустил полностью целый ряд устаревших положений, либо детализировал и уточнил те из них, которые продолжали иметь силу. В-третьих, — и это самое главное — Лев ввел в свой трактат много нового материала, отсутство-

³⁹ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos... P. 44.

⁴⁰ См., например: Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 402. Кроме Василия I и Никифора Фоки (Старшего), упоминания конкретных исторических лиц и событий у Льва буквально единичны. Так, при описании вооружения пехоты Лев упоминает Александра Македонского, а также македонскую фалангу и длинное копье, которым были вооружены ее воины (TL, VI, 34, 37, 39. Col. 732–733). Рассказывая об организации внезапного ночного нападения, Лев упоминает один из эпизодов войны Ираклия с аварами (TL, XVII, 18. Col. 917 B). Кроме того, ряд исторических фактов изложен в XVIII главе, что объясняется самим ее характером.

вавшего в «Стратегиконе», материала, характеризующего современную Льву действительность. Изменившееся содержание повлекло за собой и изменение объема трактата. Буквальные заимствования из «Стратегикона» составляют меньшую часть «Тактики»; основная масса материала так или иначе перерабатывается.

Очень часто материал «Стратегикона» подвергается *стилистической правке*. Местами Лев стремится избежать некоторых высокопарных или неуклюжих выражений автора «Стратегикона», в других случаях изменяет и уточняет его терминологию. Внимательно сравнивая главу XVIII «Тактики» и аналогичную ей книгу XI «Стратегикона», где речь идет об обычаях соседних с Византией народов, Д. Моравчик⁴¹ отметил, что эта стилистическая правка является свидетельством стремления Льва приспособить материал «Стратегикона» к потребностям своего времени.

Исключение устаревших сведений Псевдо-Маврикия и его исторических сравнений — другой метод переработки Львом материала «Стратегикона». Наиболее часто опускаются сведения о народах, сообщаемые автором «Стратегикона» в качестве справочного материала. Так, мы не находим у Льва упоминания Псевдо-Маврикия об аварах⁴², «турках»⁴³, персах и римлянах⁴⁴, скифах⁴⁵ и т. д. Упоминание этих народов было бы явным анахронизмом для рубежа IX–X вв. Столь глубокие исторические аналогии не входили в задачу Льва, ибо они ничего не говорили современному ему читателю. Поэтому Лев, сохраняя основной смысл своего источника, вполне безболезненно опускает ничего не говорящие детали.

Многочисленные *дополнения и уточнения* характеризуют третий путь переработки Львом трактата своего предшественника. Так, отрывки VI, 4–5 (Col. 724 A) и VI, 11 (Col. 724 C) не имеют прямых аналогий в «Стратегиконе». Рассказывая о снаряжении кавалерии, Лев добавляет описание особых подвесок, прикрывающих животы лошадей⁴⁶. Заботясь о компактном изложении материала, Лев вводит в свою IV главу характеристику мандаторов, лохагов, секунд и эпистатов, урагов, энедров и нотофилаков⁴⁷, сведения о которых отсутствуют в 3-й главе I книги «Стратегикона». Многие краткие и брошенные вскользь замечания своего предшественника Лев снабжает развернутыми характеристиками. Так, он под-

⁴¹ Moravcsik Gy. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise // Acta historica Academiae Scientiarum Hungaricae, I. 1952. P. 161–184.

⁴² Strategicon, I, 2. P. 21; ср.: TL, V, 4. Col. 717 C–D.

⁴³ Ibid., I, 2. P. 24.

⁴⁴ Ibid., II, 1. P. 47.

⁴⁵ Ibid. P. 49.

⁴⁶ TL, VI, 8. Col. 724 B; ср.: Strategicon, I, 2. P. 22.

⁴⁷ Ibid., IV, 16; 17–19, 27–28. Col. 704.

робно обосновывает необходимость построения молодых воинов вперемежку с ветеранами⁴⁸. Так же более развернуто и детально представлены материалы 1-й главы II книги «Стратегикона» в главе XII «Тактики»; при этом отрывки XII, 14, 20, 24 являются вставками, не имеющими прямых аналогий в «Стратегиконе».

Элемент самостоятельности в «Тактике» и его причины

Представляет большой интерес выявление самостоятельных, независимых от «Стратегикона» мест трактата Льва. Наличие таких мест в трактате — лучшее опровержение высказанных исследователями обвинений Льва в крайней несамостоятельности и слепой зависимости от текста своего источника.

Выше нами уже были отмечены отдельные главы и пассажи «Тактики», не связанные со «Стратегиконом». При характеристике V главы этого трактата мы имели возможность видеть, что новые, оригинальные идеи сохраняют в изложении Льва старую словесную форму. Эта черта является характерной для трактата в целом. Поэтому, говоря о том новом, что отличает «Тактику» от «Стратегикона», мы будем вести речь именно о новых идеях; что же касается формы их изложения, их словесной оболочки, то она, как правило, заимствуется Львом у Псевдо-Маврикия.

Прежде всего следует подчеркнуть, что все новые идеи рождены существованием фемного строя⁴⁹, ибо Лев был современником этого особого периода в организации вооруженных сил раннефеодальной Византии. Рассматриваемый нами трактат дает наиболее полное и детальное отражение фемных порядков, сообщая ценные сведения о принципах набора фемной армии, о ее социальном и национальном составе, о численности фемного войска, о структуре аппарата фемной администрации, о правах, обязанностях и привилегиях стратиотов и т. д. Многие из этих сведений являются уникальными, ибо не имеют аналогий в других памятниках византийской военной литературы. Подтверждение их в источниках другого характера не оставляет сомнений в достоверности этих известий.

Сущность фемной военной организации рисуется в «Тактике Льва» в следующих основных чертах.

⁴⁸ Strategicon, I, 5. P. 33; TL, IV, 40. Col. 708 B—C.

⁴⁹ То важнейшее обстоятельство, что Лев знает фемный строй, было впервые (но только в общей форме) подчеркнуто Р. Вари (см.: *Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker...* S. 75).

Трактат свидетельствует о том, что обязанность военной службы была возложена на особую категорию свободного земледельческого населения (стратиотов), проживающего в пределах данной фемы и владеющего земельным участком или имуществом определенной ценности. Стратиотские участки, как и другие земли в империи, не были освобождены от обязательного поземельного обложения и, вероятно, аэрикона⁵⁰. Никаких других денежных налогов стратиоты не выплачивали⁵¹. При мобилизации стратиота в его хозяйстве должны были оставаться другие лица, способные обрабатывать землю и снабжать воина всем необходимым⁵². Стратиоты выступали в поход, окруженные родственниками, домашними и слугами, а в строю старались расположиться родовыми группами. Связь между стратиотами, обусловленная поземельно-родовыми отношениями, продолжалась и на войне. Система воинских участков вносила в военную организацию черты родового и общинного быта, не зафиксированные в «Стратегиконе», и автор «Тактики» рекомендует стратигу использовать это обстоятельство с целью укрепления дисциплины и боеспособности армии⁵³.

В «Тактике» находит свое отражение рекомендация, известная нам из других нарративных источников: после похода, распределив среди воинов захваченную добычу, стратиг отпускал воинов по домам до следующей весны⁵⁴.

Высказанная в «Стратегиконе» в общем виде мысль о том, что не следует собирать большое войско в одном месте, если отсутствует угроза непосредственной опасности со стороны врага⁵⁵, получает в изложении Льва законченное обоснование. Воспользовавшись предложением, Лев объясняет стратигу опасность длительного пребывания войска в собственной земле и предлагает поспешить с вторжением на вражескую территорию. Если такой возможности не имеется, нужно не допустить, чтобы войско было праздным, а для этого следует организовать регулярные воинские учения⁵⁶. Бездеятельность воинов, по мнению Льва, может оказать на них пагубное влияние и явиться причиной неповиновения и даже мятежа⁵⁷.

Вопросу о воинских упражнениях автор «Тактики» уделяет специальную главу (глава VII) и неоднократно возвращается к этой теме на протяжении всего повествования. Круг военных навыков, которым обучали стра-

⁵⁰ TL, XX, 71. Col. 1032 C.

⁵¹ Ibid., IV, 1. Col. 700 A.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid., IV, 39. Col. 708 B.

⁵⁴ Ibid., XVI, 45. Col. 809 C—D.

⁵⁵ Strategicon, I, 9. P. 40.

⁵⁶ TL, IX, 1—2, 4. Col. 768.

⁵⁷ Ibid., IX, 3. Col. 768 C—D.

тиотов, наглядно демонстрирует невоенный характер их основных занятий в мирное время. Нарративные источники того времени рисуют нам картины воинских учений, совпадающие с этими рекомендациями⁵⁸.

Будучи призванным на военную службу, стратиот был обязан экипироваться за свой счет. Если он это не сделал заблаговременно, ему предоставлялась дополнительная возможность обзавестись всем необходимым непосредственно перед походом. Для этого стратиг обязан позаботиться о том, чтобы к месту стоянки войска были доставлены для продажи лошади и военное снаряжение⁵⁹. В войске следует иметь ремесленников различных специальностей, в частности кузнецов и мастеров по обработке металла⁶⁰, способных прямо на месте организовать выделку наиболее простых элементов вооружения, снаряжения и средств транспортировки.

Фемная сухопутная армия Византии делилась на два основных рода войск — пехоту и кавалерию. В «Тактике» упоминается, как правило, войско смешанное, состоящее из конных и пехотных подразделений⁶¹.

Представляют интерес данные о численности конных подразделений, отличающиеся от сведений «Стратегикона». Лев определяет численность конного войска одной фемы в 4 тыс. человек и такой отряд считает нормальной боевой единицей⁶². Однако в некоторых случаях рекомендуется выставить войско в 12 тыс. человек, т. е. армию трех фем⁶³. Лев признает армию в 5–12 тыс. человек вполне достаточной для борьбы с неприятелем⁶⁴.

Что касается пехоты, то здесь цифры Льва крайне неопределенны. В одном месте⁶⁵ он указывает на 24 тыс. пехотинцев как на максимум пешего войска.

Чрезвычайно ценными являются сведения Льва о структуре и численности фемной военной администрации.

⁵⁸ Особенно много таких описаний у Льва Диакона в его «Истории» (Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem, III, 1; V, 2; VII, 9 // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn, 1828. P. 36, 78, 127).

⁵⁹ TL, VI, 23. Col. 725 D–727 A.

⁶⁰ Ibid., V, 7. Col. 720 A–B.

⁶¹ Насколько нам известно, упоминание TL, IX, 58. Col. 781 D о вторжении во вражескую страну исключительно пешего войска является единичным; здесь говорится об особых условиях местности, когда применение кавалерии нецелесообразно. В других местах, где упоминается только пешее войско (TL, VII, 78. Col. 757 C; XI, 15. Col. 796 C–D), речь идет о временном разделении конницы и пехоты в связи с особыми обстоятельствами войны.

⁶² TL, XVIII, 143. Col. 981–984.

⁶³ Ibid., XVIII, 150. Col. 988 B.

⁶⁴ Ibid., XII, 32. Col. 816 A.

⁶⁵ Ibid., IV, 67. Col. 713 D.

Высшая военная власть в государстве принадлежала императору⁶⁶. Верховный военачальник фемной армии, именуемый стратигом, обязан следовать распоряжениям императора.

Термин «стратиг» употребляется в трактате в двух основных значениях⁶⁷. С одной стороны, стратиг есть высшее должностное лицо фемы, глава ее военной и гражданской администрации⁶⁸. С другой стороны, термин «стратиг» прилагается к главнокомандующему вооруженными силами империи на случай войны⁶⁹. Зачастую эти оба звания совмещались в одном лице: глава фемы становился главой войска в определенных условиях военной кампании. Однако могли быть и несовпадения. На высший военный пост мог быть назначен не обязательно генерал-губернатор фемы, а кто-либо из числа императорских приближенных — нарративные источники неоднократно указывают на такие случаи. В свою очередь, главнокомандующий не обязательно имел звание стратига⁷⁰.

Требованиям, предъявляемым к стратигу (в данном случае речь идет не о генерал-губернаторе фемы, а о главнокомандующем), Лев отводит специальную большую главу⁷¹.

В подчинении стратига находились мерархи (турмархи), назначаемые на должность императорским распоряжением⁷². Далее следуют друнгари, комиты и кентархи, образующие разряд средних архонтов. Декархи, пентархи и тетрархи относятся к числу младших архонтов.

При назначении на архонтские должности Лев рекомендует учитывать способности, опыт, личные достоинства, благонадежность и — что является самым важным — благородство и материальное положение⁷³.

На фемное конное войско средней численности (4 тыс. человек) полагался следующий штат архонтов: 1 стратиг, 2 турмарха, 4 друнгария, 20 комитов, 40 кентархов, 80 пентеконтархов, 400 декархов, 800 пентархов — итого 1347 архонтов⁷⁴.

⁶⁶ TL, I, 9. Col. 680 D; IV, 7, 8. Col. 701 B–C.

⁶⁷ Э. Гликаци-Арвейе (см.: Glykatzis-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IX–XI siècles. Paris, 1960. P. 36) не учитывает двойного смысла этого термина, что приводит исследовательницу к ошибочным выводам о субординации его (стратига) подчиненных.

⁶⁸ TL, I, 10. Col. 680 D; I, 14. Col. 681 A.

⁶⁹ Ibid., I, 9. Col. 680 D; IV, 7. Col. 701 C.

⁷⁰ См. об этом: Guillard R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Les termes désignant le commandant en chef des armées byzantines // EEBΣ. 1959. Ετος κθ, σελ. 35–77.

⁷¹ См. об этом: Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» // АДСВ. Вып. 3. Свердловск, 1965.

⁷² TL, IV, 43. Col. 708 D.

⁷³ Ibid., IV, 3. Col. 700 B–C.

⁷⁴ Ibid., XVIII, 149. Col. 988 A–B.

Офицерский состав войска был непостоянным. Назначение на должность производилось только на время данной кампании, и исполнение ее прекращалось с концом войны⁷⁵.

Кроме армейских должностей, ценно упоминание Львом основных должностных лиц фемной канцелярии (комит когорты, domestik фемы, протонотарий, хартуларий), названных автором трактата помощниками стратига по экспедиции. При этом специально подчеркнуты широкие судебные полномочия претора и его право непосредственной апелляции к императору⁷⁶.

Тактические воззрения Льва находятся под воздействием оборонительных тенденций, господствовавших в военной доктрине византийцев на рубеже IX–X вв.⁷⁷ Этим они заметно отличаются от воззрений автора «Стратегикона». Серьезная внешнеполитическая обстановка, в которой находилась империя, заставила правительство отказаться от широкой военной экспансии и уделить больше внимания сохранению боеспособности армии. Кроме того, правительство было вынуждено проявлять большую заботу о сохранении своей армии с тех пор, как в ней стал преобладать национальный элемент. Неоправданные людские потери могли нанести ущерб экономике империи, так как в период мирного времени стратотское сословие было значительной экономической силой⁷⁸. В «Тактике» уже содержится мысль, получившая свое развитие в аграрном законодательстве Македонской династии, о том, что сословия воинов и земледельцев суть наиболее важные группы населения в государстве и именно о них в первую очередь должно проявлять заботу правительство⁷⁹. Лев настойчиво подчеркивает общность интересов стратиотов и земледельцев и выражает намерение строго соблюдать эти интересы⁸⁰.

Строго говоря, византийская армия не являлась «национальной» в тесном смысле слова, ибо формировалась из представителей различных национальностей, проживающих на территории империи. Многонациональный состав населения был фактом, с которым правительство не могло не считаться. «Тактика Льва» не делает намеков на предпочтение одних национальностей в ущерб интересам других. Она повсюду говорит о стратиотах в целом, хотя и содержит некоторые косвенные указания на то, что в армии имелись представители различных национальностей, в том числе и тех, с которыми могла вестись война⁸¹.

⁷⁵ См.: Кулаковский Ю. Друнг и друнгарий // ВВ. 1902. IX.

⁷⁶ TL, IV, 30–31. Col. 705 A–B.

⁷⁷ См. об этом: Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия... С. 103 сл.

⁷⁸ TL, IV, 1. Col. 697 D–700 A; XX, 71. Col. 1032 C.

⁷⁹ Ibid., XI, 11. Col. 794 D–796 A.

⁸⁰ Ibid., IX, 15. Col. 772 B.

⁸¹ Ibid., XIII, 5. Col. 844 D.

Уделяя большое внимание вопросам религиозного воспитания воинов⁸², автор «Тактики» вместе с тем далек от мысли насаждать в армии религиозный фанатизм, ненависть к «инаковерующим». В конечном итоге эта тенденция объясняется теми же особенностями человеческого материала, с которыми имели дело военные теоретики и практики. Следствием многонационального характера государства была известная веротерпимость, особенно заметная в сравнении с религиозной политикой соседей и позднейших противников Византии. Поэтому религиозная пропаганда в византийской армии не составляла основу идеологического воспитания, но являлась лишь его составным элементом.

Таким образом, «Тактика Льва» дает нам достаточно ясное представление о фемной военной организации. Естественно, что мы не можем воссоздать полную и всестороннюю картину этой организации на основании только одних сведений «Тактики», поскольку Лев обращался к своему современнику и вовсе не ставил своей задачей ее детальное обоснование. В условиях, когда фемная военная организация была обычным, повседневным фактором, Лев и не мог писать иначе, — напротив, сугубая внимательность Льва к проблемам фемного строя была бы необъяснимой истораживающей. Поэтому известия Льва о фемном строе приобретают значительную ценность лишь при сопоставлении с аналогичными сведениями других источников. В процессе этого сравнения представляется возможным выявить целый ряд уникальных сообщений, содержащихся в трактате.

Важно отметить, что Лев не только констатирует наличие фемных порядков, но и дает важные указания о степени их развития. Им зафиксировано начало широкой экономической экспансии фемных архонтов против имущества и личности рядовых стратиотов⁸³, с которой императоры Македонской династии пытались безуспешно бороться в течение последующих десятилетий. «Тактика», говоря о бедных стратиотах, не имеющих средств на экипировку, отмечает экономический упадок значительной части стратиотских хозяйств. Одновременно сказано о праве богатых жителей фемы откупиться от военной службы, снарядив вместо себя на свои средства другого конного стратиота из числа обедневших⁸⁴. Отмечены и другие процессы, подрывающие основы фемного строя. Укрепляющая свои позиции военно-служилая знать усиленно выдвигается на руководящие посты в армии, и Лев вполне определенно высказывается в пользу назначения на архонтские должности людей богатых, способных использовать свое материальное положение для укрепления влияния на страти-

⁸² TL, XII, 5; XIII, 1; XIV, 1; XVI, 2 etc.

⁸³ Ibid., XIII, 26. Col. 768 A–B.

⁸⁴ Ibid., XX, 205. Col. 1069 A–B.

отов⁸⁵. Растет роль военного совета при полководце, состоящего из представителей династического сословия⁸⁶.

Следовательно, «Тактика Льва» является документом особого, высшего этапа в развитии фемного строя, когда все его институты получают окончательное завершение и когда уже начинают проявляться симптомы его приближающегося упадка.

Вместе с тем следует со всей определенностью подчеркнуть, что зафиксированная в «Тактике» ступень развития византийской военной организации не дает оснований характеризовать армию IX–X вв. как армию феодального типа. Зарождающиеся в армии феодальные институты пока не наложили существенного отпечатка на ее облик, и по своему характеру эта армия еще соответствует основным принципам фемного строя.

Причины зависимости «Тактики Льва» от «Стратегикона»

Как объяснить тот факт, что именно «Стратегикон» был использован Львом в качестве основы его сочинения? Конечно, немаловажным является обстоятельство наибольшей близости времени создания «Стратегикона» к периоду жизни Льва. Как известно, в цепи византийской военной традиции имеется длительный перерыв между «Стратегиконом» (рубеж VI–VII вв.) и «Тактикой» (рубеж IX–X вв.). Приступая к созданию своего труда и занявшись поисками письменных источников, Лев вполне естественно обратил свое внимание на самое последнее, «новое» произведение подобного рода. Однако главная причина тесной зависимости «Тактики» от «Стратегикона» заключается в том, что оба эти трактата отражают сущность одного и того же хронологически длительного этапа в развитии византийской военной организации — сущность военной организации периода фемного строя. Разумеется, о сколько-нибудь отчетливом оформлении фемных институтов на рубеже VI–VII вв. говорить не приходится. Фемный строй в это время только начинает складываться. Однако армия, с которой имел дело автор «Стратегикона», уже приобрела специфический облик иррегулярного народного ополчения, т. е. тот облик, который она сохраняла в течение всего периода существования фемного строя.

⁸⁵ TL, IV, 3. Col. 700 B–C.

⁸⁶ В трактате Льва совету посвящена специальная глава (глава III); много говорится о нем и в других главах. В «Стратегиконе» упоминания о совете имеют эпизодический характер (Strategicon, VII, 9. P. 142; VIII, 5. P. 185).

На протяжении трех столетий, разделяющих трактаты, материальная основа византийских вооруженных сил не претерпела существенных изменений. Автор «Стратегикона» и автор «Тактики» были в известном смысле слова современниками, ибо имели дело почти с одними и теми же исходными данными, какими были материально-техническая база и характер людских ресурсов византийского войска. Именно на этой почве выросло то общее, что объединяет оба трактата.

Однако их авторы были очевидцами полярно противоположных ступеней развития фемного строя. Если автор «Стратегикона» стоял у истоков этой организации, то Лев был свидетелем ее полного и логического завершения. Отсюда те существенные различия, которые имеются в рассматриваемых трактатах.

Длительное господство фемных порядков привело к консервации вооруженных сил Византии. Между «Стратегиконом» и «Тактикой» имеется длительный хронологический перерыв. Но между этими трактатами не ощущается сколько-нибудь значительного логического перерыва. За этот период существенных изменений в военной организации раннефеодальной Византии не произошло, и пока была неизменной социально-экономическая основа фемной организации, вооруженные силы империи могли строиться на принципах, заложенных «Стратегиконом».

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА ТРАКТАТА «DE VELITATIONE BELLICA»: НОВАЯ ГИПОТЕЗА*

В истории изучения трактата, вошедшего в литературу под условным наименованием «De velitatione bellica», прослеживается любопытная закономерность. Он стал известен научной общественности в результате двух публикаций одного издателя¹, а затем на протяжении семи-восьми десятилетий почти полностью выпал из поля зрения исследователей. В начале XX в. в его судьбе произошел новый поворот, ознаменованный достаточно острой дискуссией двух признанных авторитетов в области военно-исторической традиции — Ю. Кулаковского и Р. Вари. В ходе полемики проблематика трактата (авторство, датировка, источники, теоретический уровень, практическая значимость, литературные достоинства и др.) обогатилась новыми плодотворными идеями. Однако дискуссия иссякла так же внезапно, как и возникла; последовал новый «период забвения», протершийся на традиционные восемь десятилетий. По его прошествии с интервалом в один год увидели свет сразу два новейших критических издания², открывающие новый этап в изучении трактата, в том числе и в решении проблемы его авторства.

Как известно, значительную информацию об авторе можно извлечь из текста самого сочинения. В предисловии сказано, что трактат посвящен описанию особого метода маневренной войны, активно применяемого ромеями в ходе столкновений с арабами на малоазийском театре военных действий³. Император Никифор, еще будучи стратигом, с помощью данного метода наносил огромным армиям врагов сокрушительные пора-

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 1994. 55 (80). Ч. 1.

¹ Первое издание, осуществленное К. Б. Газе во Франции (Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber de Velitatione bellica Nicephori Augusti. P., 1819), было вскоре воспроизведено в Германии (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. 14. Bonn, 1828); мы пользуемся этим последним (далее — De vel. bell. и Leo Diac.). Имеется старый русский перевод: История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на русский язык Д. Поповым. СПб., 1820; текст трактата — на с. 113–163.

² Three Byzantine Military Treatises / Ed. G.T. Dennis. Wash., 1985; Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Ed. G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986.

³ Данная географическая привязка трактата, презюмированная самим автором (De vel. bell., Pr. P. 186, 8–9), полностью подтверждается анализом используемой им топонимической номенклатуры.

жения⁴. Изложив сущность метода в виде краткой письменной инструкции, Никифор распорядился дать его развернутое описание для пользы последующих поколений. Создавая настоящий трактат, автор тем самым выполняет данное ему императором поручение⁵. По ходу дальнейшего повествования автор дважды⁶ дает понять, что он располагает информацией, далеко выходящей за пределы анализируемой темы, но связан обязывающим заданием.

Анализ приведенных сообщений позволяет сделать несколько существенных выводов. Прежде всего следует решительно отвести даже теоретическую возможность допущения, что трактат мог быть написан лично императором Никифором II Фокой, хотя письменная традиция постоянно подчеркивает эту связь. Ж. Дагрон полагает, что в трактате действительно можно уловить звучание двух голосов: Никифора Фоки, инициатора подготовки данного военного руководства, и анонимного «редактора», который этот замысел реализовал⁷. Тем не менее подлинным автором должен быть признан именно этот «редактор»; Никифору же достается роль идейного вдохновителя⁸.

Историческая ситуация, обрисованная в трактате, отстоит от времени его создания на несколько десятилетий. Трактат написан военным специалистом, входящим, вероятно, в иерархию чинов достаточно высокого ранга — может быть, на уровне стратига фемы: человеку более низкой номенклатурной принадлежности вряд ли была бы оказана честь прямого императорского поручения. Вполне допустимо предположение о близости автора к семье Фок. Пишущий вполне осознает масштабность и значимость выполняемой им работы: он «спасает от забвения» интеллектуальный опыт предков для передачи его потомкам. Однако в отличие от венценосных авторов «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва», обладавших правом непосредственного обращения к главнокомандующему (а эта должность была, как известно, атрибутом императорской власти), автор анализируемого сочинения, ограниченный рамками воинской субординации, позволяет себе апеллировать лишь к чинам, не превышающим ранг фемного стратига. Исторические реминисценции, к которым он прибегает, свидетельствуют о достаточно хорошем знакомстве с военно-теоретическими трудами, на один из которых («Тактику Льва») есть прямая ссылка⁹,

⁴ De vel. bell., Pr. P. 185, 13–17.

⁵ Ibid., Pr. P. 186, 9–11.

⁶ Ibid., V. P. 194, 8; XXI. P. 246, 3.

⁷ Le traité sur la guérilla... P. 9–10, 164–165.

⁸ Впервые эта мысль была четко сформулирована М. Йенсом: Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 176.

⁹ De vel. bell., XX. P. 241, 11–13.

а другие упомянуты в обычной манере византийских военных писателей — в качестве сочинений «древних» предшественников¹⁰.

Когда имя автора исторического памятника оказывается неизвестным, возникает естественный соблазн приоткрыть завесу анонимности. При этом степень смелости выдвигаемых предположений находится в прямой зависимости от личностных качеств ученого. В нашем случае просто не мог не проявиться романтический исследовательский темперамент Р. Вари, которому военно-историческая наука обязана целым рядом блестящих гипотез и эвристических озарений. В 1901 г. он предложил считать автором трактата известного полководца Никифора Урана¹¹, чья военная и политическая карьера протекала на протяжении трех царствований — от Никифора II Фоки до Василия Болгаробойцы. Гипотеза Р. Вари вызвала возражения Ю. Кулаковского — исследователя, наделенного более рационалистическим, прагматическим складом научного мышления. Он предложил ограничиться лишь теми утверждениями, которые являются бесспорными: автором должен быть признан «верный сподвижник и почитатель» Никифора Фоки¹², но его анонимность расшифровке не поддается. Вероятно, под влиянием критики Ю. Кулаковского в своих позднейших публикациях Р. Вари не настаивал на авторстве Никифора Урана, ограничиваясь констатацией анонимности «*De velitatione bellica*»¹³. Позиция, сформулированная Ю. Кулаковским, с течением времени приобрела характер общепринятого мнения; четверть века тому назад именно такое решение проблемы было как бы санкционировано высоким авторитетом А. Дэна¹⁴. Однако авторы новейших изданий вновь вернулись к этому вопросу. И если Ж. Дагрон напомнил, что Никифор Уран сохраняет шансы на авторство — такая гипотеза не противоречит карьере этого «серьезного кандидата»¹⁵, то Дж. Дэннис включил в круг возможных претендентов на авторство новый персонаж — Льва Фоку¹⁶, брата Никифора II, чья блистательная военная карьера и трагическая судьба известны достаточ-

¹⁰ *De vel. bell.*, X. P. 208, 24–209, 1; XVII. P. 235, 4–5; XIX. P. 239, 17–18; XXI. P. 245, 21–246, 2.

¹¹ *Incerti scriptoris Byzantini saeculi X Liber de re militari* / Rec. R. Vari. Lipsiae, 1901. S. XXI–XXII.

¹² Кулаковский Ю. Византийский лагерь конца X в. // ВВ. 1903. 10. Вып. 1–2. С. 63; Стратегика императора Никифора / Изд. Ю. Кулаковский // Зап. ИАН. 1908. 8. № 9. С. 25.

¹³ *Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelhellenischen kriegswissenschaftlichen Literatur* // BNJb. Athen, 1931. 8. Heft 3–4. S. 251.

¹⁴ Dain A. Les stratèges byzantins // TM. 2. 1967. P. 369–370.

¹⁵ *Le traité sur la guérilla*... P. 175. Not. 31.

¹⁶ *Three Byzantine Military Treatises*... P. 140.

но подробно¹⁷. В силу своей новизны и оригинальности гипотеза Дж. Дэнниса заслуживает подробного рассмотрения.

Исследователями уже давно было обращено внимание на известную некорректность в позиции автора «*De velitatione bellica*» в тех случаях, когда он называет основоположников и активных приверженцев тактики маневренной войны. Перечень исчерпывается именами Варды Фоки, его сына Никифора (будущего императора) и патрикия Константина Маленина¹⁸. Между тем углубленный анализ трактата приводит к заключению, что значительную часть информации для своих теоретических установок и выводов автор черпает в боевом опыте Льва Фоки, хотя имя последнего в трактате не упоминается ни разу. Данная коллизия оценивается Дж. Дэннисом как один из самых серьезных аргументов в пользу предлагаемой им атрибуции.

Действительно, в упоминаемых автором трактата трех значительных победах, одержанных византийцами с применением засадного метода над войсками Сейф-ад-Доула, эмира Алеппо¹⁹, основная заслуга принадлежала именно Льву Фоке. Описания этих сражений, содержащиеся в византийских (Лев Диакон, Скилица) и арабских (Йахья Антиохийский) источниках, включают в себя эпизоды, которым впоследствии автор «*De velitatione bellica*» придал характер императивных рекомендаций — они органически вплетены в ткань повествования и могут быть обнаружены на всем его протяжении²⁰. Следовательно, тезис о том, что боевой опыт Льва Фоки был положен в основу установок анализируемого военного руководства, сомнению не подлежит и потому разделяется нами полностью. Однако из соотнесения данного обстоятельства с фактом неупоминания имени Льва²¹ вывод об авторстве последнего не следует с логической неизбежностью — оказываются возможными и другие объяснения. Одно из них предложено французскими издателями: Лев Фока не назван потому, что был причастен к двум заговорам против Иоанна Цимисхия,

¹⁷ См. об этом в обзоре Ж.-К. Шене, приложенном к изданию Ж. Дагрона и X. Михаэску.

¹⁸ *De vel. bell.* Pr. P. 185, 2–13.

¹⁹ *Ibid.*, III. P. 191, 15–19.

²⁰ Подробный анализ осуществлен Дж. Дэннисом (*Three Byzantine Military Treatises*... P. 139–140) и Ж.-К. Шене (*Le traité sur la guérilla*... P. 303 sq.).

²¹ Обратим внимание на то, что, кроме Льва, в трактате не упомянут еще один представитель рода Фок — Константин, стратиг Селевкии, третий сын Варды, брат Никифора и Льва. В 953 г. он нанес серьезное поражение войскам Сейф-ад-Доула, применив ту же тактику, в которой были искусны его братья. Ж.-К. Шене полагает (*Le traité sur la guérilla*... P. 306), что именно этот боевой эпизод автор «*De velitatione bellica*» включил в число трех значительных побед византийского оружия над войсками эмира Алеппо (в дополнение к двум победам Льва Фоки).

за что и поплатился ослеплением в 970 г. Аргумент можно было бы признать безупречным, если бы имелись бесспорные доказательства, что трактат создан в правление убийцы Никифора. Большинство же исследователей сдвигают этот срок на период после смерти Цимисхия; к этому мнению присоединяется и сам Ж. Дагрон²². Но для первых лет соправления Василия и Константина (наиболее вероятного времени публикации трактата), когда фамилия Фок переживала период нового возвышения, приведенный аргумент уже не «работает».

Мы полагаем, что главную причину упоминания Льва Фоки (как и его брата Константина) следует искать в самой специфике жанра анализируемого произведения. В конце концов трактат «*De velitatione bellica*» не семейная хроника рода Фок, и перечисление всех ее представителей не входило в обязанности автора. Действительно, боевой опыт Льва Фоки явился серьезным вкладом в развитие теории маневренной войны. Но все составные элементы этого опыта (опережение противника в занятии господствующих высот на пути движения; удар по обозу как наиболее уязвимому пункту походной колонны; одновременная атака с трех сторон с целью рассредоточения сил противника; ночной бой; предоставление противнику возможности спастись бегством и т. д.) основывались, в свою очередь, на многовековых традициях военно-теоретической мысли предшествующих эпох.

Тесная преемственность в накоплении военно-научных знаний составляет одну из существеннейших особенностей полемологии, и установление авторства отдельных ее компонентов встречает непреодолимые препятствия. Поэтому любой индекс имен в военно-теоретическом труде всегда условен — он отражает только авторский вкус, и от него напрасно требовать полноты. Разве Константин Фока меньше заслуживает упоминания в трактате, чем Константин Малейн? Почему в трактате нет имени Иоанна Цимисхия, полководца не менее удачливого, чем Никифор Фока; только ли потому, что автор работал по заданию Никифора, в гибели которого виновен Цимисхий? И почему, напротив, в трактате есть имя Варды Фоки, чей опыт применения тактики маневренной войны имеет скорее отрицательный баланс, нежели положительный? Перечень подобных вопросов может быть многократно продолжен, и на их фоне факт упоминания Льва Фоки значительно притупляется в своей остроте, утрачивает потенциал гипертрофированной доказательности, снижается до уровня ординарного недоразумения.

Решению проблемы авторства «*De velitatione bellica*» в пользу Льва Фоки препятствуют еще некоторые соображения. В предисловии к трак-

тату сказано, что имели место случаи, когда вся армия ромеев оказывалась не в силах одолеть киликийцев и войска Хамздана в момент их высшего могущества, но «достигал успеха один из наилучших полководцев с одной лишь фемной армией, ему подчиненной»²³. Здесь содержится явный намек на эпизод октября 950 г., когда 30-тысячное войско эмира Сейфа-ад-Доула разгромило регулярную византийскую армию, возглавляемую domestikом схол Вардой Фокой, но на обратном пути дважды потерпело сокрушительное поражение от стратига Каппадокии Льва Фоки, сына Варды, располагавшего весьма посредственными фемными частями, но умело применившего засадную тактику. Мог ли произнести подобный панегирик в свой собственный адрес Лев Фока, который, конечно же, осознавал, что намек будет понятен любому читателю? И если да, то какая необходимость вынуждала его буквально несколькими строками ниже столь скромно оценить собственную военную квалификацию²⁴? Автор, делаясь с читателями воспоминанием об одной из самых заветных страниц своей биографии, маскирующий ее фразой о «некоторой опытности» и одновременно превозносящий себя до уровня одного из величайших полководцев, — не слишком ли антагонистичны компоненты, чтобы соединиться в единую структуру?

Как уже указывалось, фактическая основа трактата — это обобщение опыта трех побед, одержанных над войсками эмира Алеппо. В силу неясности информации можно вносить эти победы в актив нескольких полководцев: Льва Фоки, Константина Фоки, Иоанна Цимисхия — при любых вариантах Никифору Фоке обеспечено полное алиби. Но как увязать этот факт с заявлением автора трактата, что его труд основан на письменных инструкциях Никифора? Если эти инструкции существовали, следует ли понимать, что они базировались на менее репрезентативном опыте? Мог ли взять их за основу Лев Фока — организатор по крайней мере двух из трех названных побед? При этом следует учесть, что по общему смыслу авторской информации²⁵ задание на написание трактата было получено им еще до того, как Никифор стал императором. Следовательно, последний имел еще менее оснований давать обязывающие поручения своему брату, военачальнику не менее авторитетному: напомним, что спасти честь отца и всей семьи в эпизоде 950 г. удостоился именно Лев, а не Никифор. Акцентированно панегирический тон в адрес Никифора, свойственный трактату, не императивно обязателен в устах брата; к тому же подобный пиетет мог быть скептически воспринят современниками, поскольку в жизни отношения между братьями, кажется, не были

²³ De vel. bell., Pr. P. 184, 11–16.

²⁴ Ibid. P. 185, 9–10.

²⁵ Ibid., Pr. P. 185, 13–186, 4.

²² Le traité sur la guérilla... P. 163, 174, 287.

лишены элементов конкуренции. По крайней мере очевидец событий²⁶ дает понять, что Лев Фока в свое время имел большие шансы противодействовать заговору Цимисхия, если бы этого захотел. В двух же выступлениях Льва Фоки против Цимисхия, когда тот уже овладел престолом, мотив кровной мести вовсе не обязательно исчерпывал замыслы инсургента.

Значительный интерес у исследователей всегда вызывал тот раздел главы XIX трактата, где автор характеризует кризисное состояние военной организации империи и предлагает меры по преодолению этого кризиса. Как убедительно показано Ж. Дагроном²⁷, предлагаемые автором меры свидетельствуют о его полном отрыве от жизненных реалий, об абсолютном непонимании произошедших в армии перемен²⁸. Такой способ восприятия действительности мог бы найти объяснение, если бы речь шла о военном специалисте, пусть даже в ранге фемного стратига, которого его прежняя должность не обязывала интеллектуально возвышаться до сфер высшей государственной политики. Известно, что консерватизм мышления отставных армейских командиров, их закомплексованность на реалиях боевой молодости, органическое неприятие новых веяний, идущих вразрез с их корпоративной ментальностью, обладают традициями, историческая глубина которых равномасштабна их вненациональной распространенности. Если даже предположить, как это делает Ж. Дагрон²⁹, что данный пассаж в главе XIX, имеющий характер искусственной вставки, есть воспроизведение мыслей самого Никифора Фоки, которые содержались в его императивной инструкции, переданной «редактору», то все равно трудно объяснить, почему их явная архаичность не смутила «редактора», работавшего над трактатом через несколько десятилетий (по мнению Ж. Дагрона, через 30–40 лет³⁰) после получения задания. Представляется, что подобная заскорузлость мышления была бы совершенно необъяснима для функционера масштаба Льва Фоки, вероятного сподвижника Никифора в осуществлении радикальных армейских реформ 960-х гг., после которых возврат к «древним установлениям святых императоров»³¹, т. е. к классической схеме фемной военной организации, был исключен полностью.

Мы заканчиваем. Гипотеза Дж. Дэнниса о новой атрибуции «*De velitatione bellica*» перерастает рамки частного предположения, затрагива-

ющего лишь отдельные элементы проблематики трактата. Решение данного вопроса в позитивном смысле означало бы существенную переоценку информационного потенциала сочинения, придание ему дополнительной масштабности и репрезентативности, заметное повышение его общего статуса в традиции памятников военной литературы. В свою очередь, само это решение может быть найдено лишь на путях нового критического переосмысления всего комплекса проблем «*De velitatione bellica*», а здесь, как мы видели, еще ощущается необходимость в дополнительной аргументации, способной снять возникающие вопросы³². Но в любом случае уже сам факт выдвижения плодотворной научной гипотезы, стимулирующей новые направления научного поиска, следует расценивать как несомненный успех исследователя, делающий честь его творческому потенциалу.

³² Ограниченный объем настоящей статьи вынуждает нас полностью обойти вопрос о принадлежности автору «*De velitatione bellica*» еще одного военно-исторического сочинения, традиционно именуемого «*De castrametatione*», но в издании Дж. Дэнниса получившего название «*De remilitari*» (*Three Byzantine Military Treatises*... P. 241 sq.). Этот вопрос являлся дискуссионным на протяжении многих десятилетий; в издании Ж. Дагрона он решен в позитивном смысле (*Le traité sur la guérilla*... P. 160, 171 sq.). Не имея сейчас возможности аргументированно разъяснить собственную позицию по данному спорному вопросу, мы намерены специально обратиться к нему в ближайшем будущем.

²⁶ Leo Diac. P. 95.

²⁷ *Le traité sur la guérilla*... P. 259.

²⁸ См. также об этом: Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Т. 2. М., 1989. С. 291 сл.

²⁹ *Le traité sur la guérilla*... P. 173, 259–260.

³⁰ Ibid. P. 164.

³¹ *De vel. bell.*, XIX. P. 240, 21–22.

ДВА ТРАКТАТА — ОДИН АВТОР?*

Блестящие успехи ромейского оружия, достигнутые под командованием императора-полководца Никифора II Фоки, оказали столь существенное воздействие на сознание современников и потомков, что с именем этого выдающегося военачальника стали ассоциироваться несколько значительных полемологических сочинений, замыкающих грандиозный ансамбль памятников греко-римско-византийской военной литературы. И хотя большинство современных исследователей выражают сомнение в том, что все эти сочинения принадлежат непосредственно перу названного венценосного автора, роль последнего как «идейного вдохновителя», по крайней мере некоторых из них, может быть признана абсолютно бесспорной¹.

Настоящая статья будет посвящена сравнительному анализу преимущественно двух военно-научных руководств, которые историческая традиция прочнее других связывает не только с именем императора Никифора II Фоки, но и между собою. Тексты трактатов располагаются непосредственно друг за другом в одной и той же семье «военных» рукописей, которые уже были объектами неоднократных анализов и обзоров². В рукописях не сохранились ни имена авторов, ни авторские названия анализируемых сочинений. Проблематика одного из них, со времен К. Б. Газе именуемого «*De velitatione bellica*», уже была достаточно подробно изучена в литературе последних лет³. Второй трактат до настоящего времени привлекал меньшее внимание исследователей, поэтому ремарка А. Дэна

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 2000. 59 (84).

¹ Впервые эта мысль была сформулирована в капитальном исследовании М. Йенса (см.: Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 176).

² См., например: Dain A. Les stratèges byzantins // ТМ. 2. 1967. P. 379–390; Three Byzantine Military Treatises. Text, Translation, and Notes by G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 140–141, 243; Le traité sur la guérilla (*De velitatione*) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). Texte établi par G. Dagron et H. Mihăescu. Traduction et commentaire par G. Dagron. Paris, 1986. P. 13–25, 157–160.

³ Обширный комментарий Ж. Дагрона, сопровождающий его издание «*De velitatione bellica*» (указано в предыдущем примечании, p. 139–287), может рассматриваться как монографическое исследование всех основных проблем данного трактата. Отдельные спорные вопросы, связанные с этим источником, были рассмотрены нами в ряде публикаций. См., напр.: Кучма В. В. Трактат «*De velitatione bellica*»: проблемы жанра и основного содержания // Византия и средневековый Крым. АДСВ, вып. 26. Барнаул, 1992; Его же. К проблеме авторства трактата «*De velitatione*

(«заслуживает перевода и комментирования»)⁴, сделанная более 30 лет тому назад, еще и в наши дни сохраняет свою императивную актуальность.

Речь идет о трактате, который по начальным словам названия его I главы (Περὶ καταστάσεως ἁλλήκτου) получил в позднейшей ученой литературе одно из своих наиболее распространенных наименований — «*De castrametatione*» (под ним он упомянут Ш. Дюканжем в его «Глоссарии»)⁵. Французский ученый Ш. Гро, обнаруживший этот трактат в одной из греческих рукописей XVI в., в 1875 г. издал с французским переводом три его главы — XIII, XV и XVIII. Несколько лет спустя изложение содержания трактата (с перечнем глав и обширными цитатами по-французски) было воспроизведено Г. Шлюмберже в его известной монографии о Никифоре Фоке⁶. Через 17 лет после смерти Ш. Гро, последовавшей в 1882 г., вышло в свет полное издание трактата, подготовленное по его материалам и отредактированное А. Мартеном (1899 г.); это издание опиралось на более качественные рукописи, что позволило Ш. Гро и его ученикам предложить ряд конъектур и исправлений, часть из которых принимается и современными исследователями⁷. Независимо от Ш. Гро и его последователей в Будапеште в 90-х гг. XIX в. шла работа над текстом «*De castrametatione*» тогда молодого ученого-филолога, а впоследствии всемирно известного академика Р. Вари. Итогом этой работы стало новое издание трактата⁸, основанное на двух рукописях из римских библиотек (codex Vaticanus graecus 1164 и codex Barberianus graecus II, 97 [276]), относящихся к первой половине XI в. и независимо друг от друга восходящих к единому архетипу.

Публикации трактата вызвали заинтересованное внимание крупнейшего российского специалиста в области византийской полемологии, впо-

bellica»: новая гипотеза // ВВ. 1994. 55 (80), ч. 1 (см. также с. 278–285 настоящего издания); Его же. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата «*De velitatione bellica*» // BS. 1995. LVI (2); Его же. Метод παραδρομή: феномен военной теории и боевой практики X в. Византийские очерки. М., 1996.

⁴ Dain A. Les stratèges... P. 369.

⁵ Как было убедительно доказано Ю. А. Кулаковским (Новоизданный византийский трактат по военному делу // ВВ. 1900. Т. 7, вып. 4. С. 648–650), еще до Ш. Дюканжа трактат был известен И. Меурсию (1579–1639 гг.), нидерландскому филологу и историку, который в начале XVII в. выступил с первым грандиозным проектом издания памятников греко-византийской военной литературы.

⁶ Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. P., 1890. P. 186–188.

⁷ Справки об изданиях Ш. Гро (1875 г.) и Ш. Гро—А. Мартена (1899 г.) см.: Dain A. Les stratèges... P. 369; Three Byzantine Military Treatises... P. 243.

⁸ Incerti scriptoris byzantini saeculi X Liber de re militari. Rec. R. Vari. Lipsiae, Bibl. Teubneriana, 1901.

следствии также академика Ю. А. Кулаковского, — он откликнулся на них двумя развернутыми рецензиями⁹, а затем перевел и издал первые 8 глав «De castrametatione»¹⁰, сопроводив свои комментарии подробным чертежом. Десятилетие спустя материалы трактата были интенсивно использованы Р. Гроссе в его капитальном исследовании об истории византийского лагеря¹¹. На протяжении последующих семи десятилетий трактат не привлекал внимания издателей — именно это обстоятельство и вызвало приведенную выше ремарку А. Дэна. Лишь в 1985 г. увидело свет новейшее критическое издание трактата (с параллельным английским переводом), осуществленное Дж. Дэннисом¹². Достоинством издания Дж. Дэнниса следует признать публикацию четырех чертежей и одного эскиза лагеря, воспроизведенных по рукописи Vaticanus graecus 1164 (ни к изданию Ш. Гро—А. Мартена, ни к изданию Р. Вари эти иллюстрации не были приложены). Однако интерпретация подобных чертежей и эскизов весьма осложнена, поскольку в своих деталях ни один из них не соответствует описанию, данному в тексте трактата.

Анализируемый трактат представляет собою компактное по объему военно-научное сочинение, состоящее из 32 глав. Если судить по его содержанию, «De castrametatione» не имеет того обобщающего энциклопедического характера, который был свойствен, например, «Стратегикону Маврикия» или «Тактике Льва». С другой стороны, трактат не может быть отнесен и к узко специализированным руководствам, регламентирующим отдельные стороны армейской действительности (образцы подобных руководств также встречаются в истории византийской полемологии — «О стрельбе из лука», «Об отправлении секретной корреспонденции», «О военной риторике», «О форсировании водных преград» и т. п.). Отбор информации, произведенный автором «De castrametatione», был продиктован той основополагающей идеей, которая составляла цель его военно-научных изысканий. Автору предстояло решить комплекс проблем, связанных с подготовкой и проведением крупномасштабной военной кампании, в ходе которой экспедиционному византийскому войску, возглавляемому лично императором, предстояло осуществить вторжение на терри-

⁹ Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат... С. 646–660 (рецензия на издание Ш. Гро—А. Мартена). См. его же рецензию на издание Р. Вари: BZ. 1902. 7. Heft 1–2. S. 547–558.

¹⁰ Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века // ВВ. 1903. 10, вып. 1–2. С. 63–90.

¹¹ Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert // BZ. 1913. 22. S. 90–121.

¹² Three Byzantine Military Treatises... P. 241–335. В дальнейшем все ссылки на источник даются именно по этому изданию (далее — De castr.).

торию неприятеля и совершить продолжительный рейд по вражеской земле. Поэтому содержание трактата может быть условно разделено на несколько сюжетно-информационных блоков, развернутых в той последовательности, которая в принципе соответствует основным этапам наступательной военной кампании.

Традиционное для византийских военных трактатов введение, где обычно формулируются основные цели и задачи подобных сочинений, в сохранившихся рукописях «De castrametatione» отсутствует. Еще Ю. А. Кулаковским было высказано предположение, что такое введение могло изначально существовать, но впоследствии оказалось утраченным. — аргументом в пользу такого предположения является сохранившееся заключение трактата¹³. Начальные главы трактата (с I по VIII) в основном посвящены вопросам лагерного устройства, поскольку, по мысли автора трактата, именно просторный, строго упорядоченный и надежно защищенный лагерь является главной гарантией безопасности экспедиционной армии во вражеской земле. Размеры лагеря определяются в зависимости от величины размещаемой в нем армии. Так, при максимальной численности армии в 24200 человек (из них 8200 конников и 16 тыс. пеших воинов) одна сторона лагеря квадратной конфигурации определяется в 1000 оргий¹⁴; уменьшение численности армии соответственно уменьшает и размеры лагеря. Даны рекомендации относительно выбора местности для размещения лагеря, лучшей его формы (таковой признается квадратная или прямоугольная), технологии оборудования, способов защиты (ров, вал, триболы, колокольчики), рациональному размещению воинских частей и подразделений, а также управленческих структур и должностных лиц императорского двора, организации караульной и патрульной служб как в самом лагере, так и за его пределами. — Указанные сюжеты занимают основное внимание автора трактата; подробное и обстоятельное их изложение не оставляет сомнений не только в детальном владении автором теорией данного вопроса, но и в его предметном зна-

¹³ См. рецензию Ю. А. Кулаковского // BZ. 1902. 7. S. 551–552. Возможность существования подобного введения в авторском оригинале произведения не исключал и Дж. Дэннис — последний, однако, в противоположность Ю. А. Кулаковскому не считал, что последняя фраза трактата может быть принята в качестве традиционного заключения (Three Byzantine Military Treatises ... P. 241).

¹⁴ De castr., I. P. 248, 43. Размеры одной оргии (ἡ ὀργία) исчисляются в среднем в 2 м (см.: E. Schilbach. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 22 sq.). Следовательно, максимальные размеры площади лагеря для войска в 24200 чел. определяются примерно в 4 кв. км. Интересные выкладки относительно размеров площадей, потребных для размещения современных воинских частей, приведены в указанной выше статье Р. Гроссе (см.: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager... S. 114).

комстве с реалиями армейской практики¹⁵. Вернувшись к этому сюжету еще раз, уже в конце своего сочинения, автор настоятельно рекомендует еще до начала вторжения, находясь на собственной территории, не менее трех-четырёх раз потренироваться в разбивке лагеря с соблюдением всех необходимых требований — приобретенный опыт окажется чрезвычайно полезным в экстремальной ситуации заграничного похода¹⁶.

Более десятка следующих глав трактата (с IX по XX) объединены еще одним общим сюжетом, определяющим порядок совершения марша во вражеской земле. Подробно рассказано о том, как следует вывести войско из лагеря, не допустив дезорганизации и потери управления войсками, как правильно построить походную колонну, предусмотрев все меры ее безопасности. Особенно детально регламентирован порядок выбора оптимальных маршрутов (в частности, обеспеченных питьевой водой), преодоления закрытых пространств (лесистой местности, горных теснин и т. п.), а также форсирования водных преград. Поскольку подобные марши неосуществимы без предварительного ознакомления с особенностями рельефа и спецификой дорог, отдельная глава посвящена проводникам и разведчикам. Общий тон изложения информации, с неоднократным подчеркиванием значительного собственного опыта автора в осуществлении данного вида боевых действий, практически ничем не отличается от характера описания вопросов лагерного устройства.

Дальнейшая сюжетная линия связана с проблемами полиоркеттики (главы XXI–XXVII). И хотя здесь снова встречаются ссылки на практический опыт автора в осаде вражеских городов, данный раздел трактата в гораздо большей степени, чем предыдущие разделы, опирается на более ранние письменные источники, о чем автор в одном из пассажей заявил со всей определенностью¹⁷.

Что касается заключительных глав трактата (XXVIII–XXXII), то объединяющий их мотив связан с возвращением армии из заграничного похода. Изложены общие принципы подготовки страны и армии к войне; подчеркнута необходимость тщательного учета военнослужащих как накануне военной кампании, так и после ее завершения; высказаны соображения об особой значимости арьергардных частей, на которые возлагается ответственность не только по охране тыла возвращающейся из похода армии, но и по сохранению неиспользованного вооружения и снаряжения.

¹⁵ В этой связи представляется справедливым замечание Дж. Дэнниса, что тот, кто написал это наставление, и те, которые его первыми читали, по крайней мере, видели такой лагерь и, возможно, даже жили в нем (Three Byzantine Military Treatises... P. 329).

¹⁶ De castr., XXX. P. 322, 4–8.

¹⁷ Ibid., XXVII. P. 316, 9–13.

Произведенная инвентаризация содержания трактата подвела нас к необходимости высказать ряд соображений относительно его наиболее оптимального технического наименования. Как уже было отмечено, наименование «De castrametatione» является самым ранним, восходящим еще к XVI–XVII вв.; оно оставалось единственным на протяжении всего XIX в. В своем издании 1901 г. Р. Вари предложил новое, более обобщающее наименование «De re militari» — таковое сочли наиболее приемлемым и А. Дэн¹⁸ и Ж. Дагрон¹⁹. Еще более описательным является наименование, предложенное Дж. Дэннисом, — «Campaign Organization and Tactics»²⁰.

Мы полагаем, что в том случае, когда письменная традиция не сохранила нам авторского названия военно-научного сочинения (а подобная ситуация является типичной в отношении большинства полемологических памятников), его условное наименование должно представлять собой такую вербальную композицию, которая призвана максимально полно отразить сюжетно-содержательную сущность произведения, подлежащего номинации. Разумеется, всякое наименование является условным, конвенциональным, ибо никакая номинативная конструкция заглавия (ни лексическая, ни даже препозитивная) не в состоянии вместить в себя весь объем информации, которым обладает именуемый объект. В этих условиях заглавие обязано по крайней мере отразить самый существенный, квалифицирующий атрибут определяемого им военного руководства, чтобы служить своего рода паролем, который заслуживал бы как можно более однозначного отзыва.

С учетом данного требования наименование «De re militari», по нашему мнению, должно быть отведено по причине его крайней индифферентности: в нем не содержится никакого кодового символа, который возбуждал бы определенную информативную ассоциацию. Наименование, предложенное Дж. Дэннисом, вызывает двойственное отношение: если его начало («Campaign Organization»), бесспорно, отражает одну из главных сюжетных линий трактата, то присоединение к ней последующего добавления («... and Tactics») представляется чисто механическим, вследствие чего содержательный потенциал первой части заглавия оказывается в значительной степени дезавуированным. Если к тому же вспомнить, какой именно смысл вкладывали византийские военные авторы в понятие «тактика»²¹, то приходится констатировать, что собственно тактической

¹⁸ Dain A. Les stratégistes... P. 369.

¹⁹ Le traité sur la guérilla... P. 155–60, 171–175 etc.

²⁰ Издание указано в примеч. 2.

²¹ Основополагающим для византийской полемологии являлось определение Элиана, который в своем труде «Теория тактики», созданном в начале II в. н. э.,

информации (в реально-содержательном значении этого понятия) в трактате содержится сравнительно немного — по крайней мере, ее объем настолько ограничен, что специальное акцентирование внимания на ней в названии трактата не кажется обязательным. Зато совершенно недопустимым представляется упоминание в заглавии сюжета, посвященного проблемам лагерного устройства, — с последним, по нашим подсчетам, так или иначе связано не менее 40% общего объема содержащейся в трактате информации. Поэтому самым оптимальным наименованием трактата, в концентрированном виде выражающим его основное содержание, следует, по нашему мнению, признать самое раннее наименование «De castrametatione» — из всех предложенных наиболее совершенное как в информационно-смысловом, так и в технико-терминологическом смысле, к тому же весьма компактное, определенно-однозначное, легко воспринимаемое на слух и без труда транскрибируемое при письменной презентации. Приоритет данного наименования дополнительно обосновывается силой многовековой традиции, восходящей к авторитетам И. Меурсия и Ш. Дюканжа, и никакие позднейшие попытки иного решения данного вопроса не могут быть признаны удачными. Что же касается наиболее точного перевода данного наименования на русский язык, то оптимальным следует считать не «Об устройстве лагеря армии»²², а «О размещении армии лагерем», ибо смысловой акцент здесь должен быть непременно сделан не на лагере, а на армии, вынужденной временно занимать в общем-то не присущее этой динамичной структуре стационарное положение.

характеризовал тактику как «искусство боевых эволюций». В I главе знаменитой военной энциклопедии императора Льва VI Мудрого, этого, по словам А. Дэна, «мэтра военной литературы X века» (см.: Dain A. «Touldos» et «Touldon» dans les traités militaires. Mélanges H. Grégoire, t. II. Bruxelles, 1950. P. 163), вначале текстуально воспроизведена формулировка Элиана, а несколько ниже определение тактики дано в более развернутом виде — как «полководческого искусства боевых построений, вооружений и маневров войск». Целью тактики, согласно Льву VI, является «опрокидывание противника посредством предпринимаемых замыслов и действий»; предназначение тактики состоит в том, чтобы «вступать в бой с противником, имея собственные войска в упорядоченном состоянии»; конечный результат тактики — «по возможности правильно расставить войско в боевой порядок» (Leonis Imperatoris *Tactica* / Ed. J.-P. Migne. PG. 107.1863. I. 1–6. Col. 680 A–B; далее — TL).

²² Наименование «Об устройстве лагеря» было неоднократно использовано, в частности, в статье А. П. Каждана (См.: Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X века. Ч. 2 // ВВ. 1961. 20. С. 106–128). Считаю при этом необходимым обратить внимание на досадное недоразумение, остающееся до сих пор неисправленным: во всех случаях трактат «De castrametatione» здесь назван ошибочно вместо трактата «De velitatione bellica».

Хотя вопрос об оптимальном техническом наименовании анализируемого сочинения представляется достаточно значимым, еще более существенным является комплекс проблем, связанных с авторством и датировкой «De castrametatione», а также его соотношением по этим показателям с трактатом «De velitatione bellica». Основные подходы к решению указанных проблем были намечены издателями и исследователями еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Ш. Гро полагал, что оба сочинения были созданы по инициативе Никифора II Фоки; А. Мартен трансформировал эту идею в утверждение, что автором трактатов был непосредственно сам император Никифор. Р. Вари, который настойчиво подчеркивал глубокое внутреннее единство названных сочинений, предложил иное решение проблемы: по мнению венгерского исследователя, автором трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione» должен быть признан известный византийский полководец Никифор Уран, — написав трактаты, он выполнил поручение, данное ему императором Никифором II Фокой²³. Ю. А. Кулаковский также допускал возможность видеть в Никифоре Уране автора «De castrametatione»²⁴; однако российский исследователь (вслед за К. Б. Газе) решительно отказывался признать, что оба трактата написаны одним и тем же лицом, — наоборот, эти два автора, скорее всего, даже не знали сочинений друг друга²⁵. Возможно, что точка зрения российского исследователя оказала влияние на последующее изменение позиции Р. Вари, — так, в докладе, сделанном через 30 лет на III Всемирном конгрессе византистов, он уже не считал возможным настаивать на принадлежности обоих сочинений одному и тому же лицу: если, полагал Р. Вари, автором «De castrametatione» можно по-прежнему считать Никифора Урана, то авторство «De velitatione bellica» приходится признать неустановленным²⁶. В своем обобщающем обзоре памятников греко-византийской военной литературы А. Дэн высказал согласие с предположением, что трактат «De velitatione bellica» мог быть создан по инициативе Никифора Фоки; подчеркнув далее анонимный характер трактата о лагерном устройстве, французский исследователь не высказал никаких конкретных предположений о его авторстве²⁷. Дж. Дэннис, автор новейшего издания «De castrametatione», отметил как

²³ См.: Incerti scriptoris byzantini... P. XXI.

²⁴ Рецензия Ю. А. Кулаковского: ВЗ. 1902. 7. С. 558.

²⁵ См.: Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат... С. 651–652; ср.: ВЗ. 1902. 7. С. 557.

²⁶ Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelhellenischen Kriegswissenschaftlichen Literatur // BNJb. 8. Heft 3–4. Athen, 1931. S. 231.

²⁷ Dain A. Les stratégistes... P. 369.

черты его «очевидного сходства» с трактатом «De velitatione bellica», так и признаки их «явного отличия» друг от друга²⁸. В решении проблемы авторства и датировки «De castrametatione» Дж. Дэннис, по его собственному заявлению²⁹, следует концепции Ю. А. Кулаковского. На позиции признания Никифора Фоки инициатором создания обоих военных руководств прочно стоит Ж. Дагрон. Прибегнув к сравнительному текстологическому анализу трактатов, французский исследователь не исключил возможности взаимной идентификации их авторов³⁰.

Приступая к изложению нашей собственной позиции по анализируемым проблемам, мы хотели бы начать с наблюдения о принципиальных различиях в способах самопрезентации, к которым прибегают авторы двух трактатов, — вследствие этого существенно различными как по содержанию, так и по форме оказываются созданные ими «автопортреты». Автор «De velitatione bellica» сообщает ряд живых, индивидуально-специфических подробностей своей биографии и служебной карьеры, позволяющих достаточно предметно судить о его социальной и номенклатурной принадлежности, занимаемой должности, общественно-политических взглядах, уровне военно-теоретической подготовки, практическом боевом опыте, а в результате критического анализа этих данных — выдвигать гипотезы об идентификации автора трактата с конкретными историческими персонажами³¹.

В противоположность этому информация автора «De castrametatione» о самом себе настолько скудна, что индивидуализация его облика представляет значительную трудность³². Имеется, впрочем, один любопытный сюжет, являющийся, к сожалению, единственным, который позволяет составить хотя бы некоторое представление о концептуальных взглядах нашего автора на современное ему состояние византийской военной организации. В одной из завершающих глав, носящей внешне непритязательное наименование «О необходимости упражнять войско», автор трактата, резко ломая общий спокойный императивно-установочный тон изложения, неожиданно разразился длинной, многословной тирадой³³, обви-

нив некоторых стратиотов в приверженности к лени и безделью. По его словам, такие стратиоты, распродавая свои боевые принадлежности и лучших верховых лошадей и покупая взамен этого коров и другие вещи, потребные в быту обычного сельского жителя, уклоняются от борьбы и трудов за интересы христианства. Поэтому в тех случаях, когда возникает необходимость их призыва в армию, они оказываются неспособными выполнить свой солдатский долг: праздность и отсутствие военной практики лишают их мужественности и боеспособности. Особая ответственность в этом плане падает на стратиотов, проживающих в пограничных районах: непрерывная угроза вражеских нападений требует от них постоянной мобилизационной готовности. Вследствие этого будет справедливо, «в соответствии с обычаями древних ромеев», избавить их от каких-либо оскорблений и насилий, чинимых некоторыми сборщиками податей. Честь и свобода, заключает автор, возбуждают в стратиотах отвагу и презрение к смерти, побуждают их стойко переносить тяготы военной службы ради «нашего священного императора» и собственного отечества; наоборот, презрение и оскорбления, допускаемые в отношении этих передовых борцов за интересы христианства, порождают в них беспечность, малодушие и робость.

Обращает на себя факт явного созвучия приведенного высказывания с аналогичным пассажем, содержащимся в трактате «De velitatione bellica»³⁴, который также, по выражению Ж. Дагрона, «резким трубным звуком» прерывает живой, но доселе беспристрастный ход технического изложения³⁵. Однако известное совпадение идей, проявившееся в двух трактатах при оценке сходных сюжетов, не простирается столь далеко, чтобы завершиться одинаковым выводом. Если в трактате «De velitatione bellica» приведенная сентенция заканчивается радикальным призывом к реставрации старых порядков, присущих эпохе «классического» фемного строя, то в «De castrametatione» дело ограничивается простой констатацией существующего положения вещей, сопровождаемой, правда, приличествующим моральным осуждением неправомерных действий налоговых служб: по всей видимости, автор этого сочинения считал реставрационные призывы уже явно устаревшими, а потому лишенными реального смысла. Следовательно, несмотря на внешнее сходство двух названных

²⁸ Three Byzantine Military Treatises... P. 241.

²⁹ Ibid. P. 243.

³⁰ Le traité sur la guérilla... P. 171–175, 255.

³¹ См. об этом литературу, указанную в примеч. 3.

³² В одной из предыдущих работ нами была предпринята попытка проанализировать конфессиональные воззрения автора «De castrametatione» в общем контексте религиозного сознания византийских военных писателей. См.: Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997. С. 58–61.

³³ De castr., XXVIII. P. 318, 12–320, 36.

³⁴ «De velitatione bellica», XIX. P. 214–216. Здесь и далее трактат цитируется по изданию: Three Byzantine Military Treatises... (далее — De vel. bell.).

³⁵ Le traité sur la guérilla... P. 259. Подчеркнем при этом, что характеристика Ж. Дагроном пассажа «De castrametatione» как простой копии аналогичного пассажа «De velitatione bellica» (ibid. P. 173), не представляется нам справедливой. Итоги сопоставления соответствующих пассажей, с которыми в целом можно согласиться, — ibid. P. 272–274.

пассажей, они фиксируют отнюдь не один и тот же, но явно различные периоды в развитии военно-политической ситуации второй половины X в., получившие свое отражение и в общественном сознании, — более ранних в «De velitatione bellica» и более поздний в «De castrametatione»³⁶. Отмеченное различие в авторских мировоззренческих установках, воплощенных в двух трактатах, должно быть непременно учтено при подведении окончательных итогов их сравнительного анализа.

Не вызывает сомнений наличие у автора «De castrametatione» значительного практического опыта, накопленного в ходе участия в военных кампаниях. Изложение этого опыта и составило главную цель написанного им руководства, а настойчивое подчеркивание собственной искушенности в боевой практике (особенно использование выражений типа «какое положение мы много раз наблюдали»; «как мы и многие другие часто наблюдали»; «по этим ... дорогам мы и тысячи других передвигались без затруднений или вреда»; «мы сами и тысячи других... видели»³⁷) было призвано, по мнению автора, служить весомым аргументом в пользу императивного характера его рекомендаций.

Преимущественное внимание автора обращено на северо-западные рубежи, а в качестве главного военного соперника на протяжении всего трактата рассматриваются болгары. Автор «De castrametatione» предметно знаком с особенностями рельефа «страны болгар»: лесистыми горными перевалами, узкими и неровными дорогами, глубокими реками с болотистыми берегами³⁸; ему хорошо известна бедность этой страны продовольственными ресурсами, особенно ячменем³⁹. Он из собственного опыта знает, насколько опасно вести в болгарские земли армию, обремененную толпами бесполезных людей, громоздкой кладью, предметами роскоши (среди них названы драгоценное оружие, украшения из золота и серебра, серебряные сосуды⁴⁰), стадами мулов, ослов и верблюдов, — такая армия, лишенная необходимой мобильности, быстро израсходует продовольствие (а его при всем желании нельзя взять больше чем на 24 дня⁴¹).

³⁶ По справедливому замечанию Ж. Дагрона, трактат «De velitatione bellica» отражает ситуацию и состояние общественного сознания, соответствующие концу царствования Константина VII, тогда как трактат «De castrametatione» должен рассматриваться через призму уже свершившейся «реконкисты» (Le traité sur la guérilla... P. 274), когда дали себя знать результаты радикальной военной реформы Никифора II.

³⁷ De castr., XX. P. 296, 36, 44–45; XXVI. P. 314, 4–5; P. 316, 33.

³⁸ Ibid., XV. P. 288, 6–8, 12–13.

³⁹ Ibid., XXI. P. 304, 30–31.

⁴⁰ Ibid., XVI. P. 288, 4–6.

⁴¹ Ibid., XXI. P. 302, 22–304, 23.

и будет вынуждена возвратиться назад, не достигнув никаких результатов⁴². Практичность автора настолько основательна, что он рекомендует экономить даже на палатках для архонтов низшего ранга, — вместо такого излишнего груза будет полезнее взять побольше продовольствия⁴³.

Если факт личного участия автора «De castrametatione» в экспедициях против болгар может считаться установленным, то решение вопроса о его возможном участии в боевых действиях против других военных соперников зависит от интерпретации тех сообщений, где эти соперники упоминаются. Следует сразу заметить, что этнонимические наименования в трактате весьма немногочисленны. Сообщение о «земле печенегов» и «земле росов»⁴⁴ с военной точки зрения абсолютно нейтрально: судить о характере взаимоотношений этих народов с империей данный пассаж трактата возможности не представляет. Более информационно насыщенными следует признать два других пассажа, где оба раза (причем в однотипном словосочетании) упоминаются вместе «арабы» (οἱ Ἀραβες) и «турки» (οἱ Τούρκοι)⁴⁵: нашему автору известен «бешеный характер» нападения этих двух противников, способный нанести ромейскому войску тяжелый урон. Очевидно, что под первым этнонимом следует понимать мусульманское население Сирии и Месопотамии — автору трактата «De velitatione bellica», посвятившему свой трактат рекомендациям по отражению арабских рейдов, такой этноним также был известен⁴⁶. Под «турками», как это было установлено еще Д. Моравчиком⁴⁷, византийские авторы X в. понимали венгров — это предположение не противоречит сообщению самого автора трактата «De castrametatione»⁴⁸. Еще трижды арабские соперники упомянуты в виде самостоятельного этнонима — каждый раз в словосочетании «земля агарян»⁴⁹.

Кроме болгар, арабов и «турок», никакие другие военные противники империи внимания нашего автора не заслужили. При этом можно со всей определенностью утверждать, что в этом перечне одни лишь болгары представляли для него утилитарный профессиональный интерес, свидетельства же о двух других враждебных народах играли роль вспомогательного,

⁴² De castr., XV. P. 286, 3–288, 17.

⁴³ Ibid., XVII. P. 290, 4–13.

⁴⁴ Ibid., XVIII. P. 292, 26–27.

⁴⁵ Ibid., X. P. 280, 31–32, 63–64.

⁴⁶ De vel. bell., VII. P. 162, 9.

⁴⁷ Moravcsik Gy. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise // Acta historica Academiae Scientiarum Hungaricae, I, fasc. 1–3, 1951–1952. P. 178–179.

⁴⁸ De castr., XVIII. P. 292, 27.

⁴⁹ Ibid., XXI. P. 302, 20; P. 304, 27; XXXII. P. 326, 17.

компаративно-иллюстративного материала. Во всех случаях, когда в трактате звучат «восточные мотивы», последние не являются предметом специального анализа, но служат лишь целям сравнений, сопоставлений или противопоставлений реалиям западной боевой практики. Особенно наглядно это проявилось в сюжете, где скудость природных богатств «болгарской земли» противопоставлена изобилию продовольственных ресурсов «земли агарян»⁵⁰.

При этом следует специально подчеркнуть, что в отличие от автора «De velitatione bellica», излагавшего метод боевых действий по отражению арабских нападений, применяемый на византийской территории, автор «De castrametatione» во всех пяти пассажах, где упомянуты арабы, мыслит свою армию в условиях наступательного заграничного похода. В тех двух эпизодах, когда автор «De castrametatione» называет вместе арабов и «турок», имеется в виду ситуация, когда армия ромеев совершает марш по чужим владениям. Во всех трех случаях, когда упоминается «земля агарян», речь идет либо о планируемой, либо уже о состоявшейся наступательной экспедиции на арабскую территорию. Таким образом, если предполагать наличие у автора «De castrametatione» боевого опыта сражений с арабами, то этот опыт мог быть приобретен в ходе исключительно лишь наступательных, но отнюдь не оборонительных войн. — Это наблюдение будет иметь принципиальную важность при окончательном решении проблемы авторства трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione».

Кроме собственного боевого опыта автора, источником рекомендаций, излагаемых в трактате, явился и опыт других военачальников⁵¹. В ряде мест трактата отчетливо звучат реминесценции, навеянные боевыми эпизодами сравнительно недавнего прошлого⁵², но ни имен их участников, ни дат, ни географических координат этих событий при этом не сообщается. — Следует подчеркнуть, что скупость автора «De castrametatione» на исторические имена не имеет аналогий во всей византийской военной литературе, — здесь не упомянут ни один персонаж политической или военной истории Византии и ее зарубежья. Для сравнения укажем, что именной индекс трактата «De velitatione bellica», наоборот, является самым обширным во всей письменной полемологической традиции VI–X столетий: он превосходит соответствующие показатели даже таких во много раз превышающих его объем энциклопедий, как «Стратегикон Маврикия» и «Тактика Льва»⁵³.

⁵⁰ De castr., XXI. P. 304, 27–31.

⁵¹ Ibid., XX. P. 296, 44–45; XXVI. P. 314, 4–5; P. 316, 32–34; XXIX. P. 322, 28–30 etc.

⁵² Ibid., VI. P. 270, 43–44; IX. P. 276, 24–30; XV. P. 288, 17–24; XX. P. 296, 9–12.

⁵³ Соответствующие подсчеты были произведены нами в статье: Кучма В. В. К вопросу о научно-теоретическом уровне... С. 389–390.

Очень слабым информационным потенциалом обладают два экскурса автора «De castrametatione» в военную историю древности. В одном случае, осуждая роскошь и расточительность некоторых современных ему архонтов, автор счел необходимым напомнить читателю, что по свидетельству «исторических книг» древние эллины и римляне одерживали величайшие победы над своими противниками, располагая недорогим, но качественным вооружением и снаряжением⁵⁴. В другом месте, подчеркнув необходимость постоянных военных тренировок как армии в целом, так и каждого стратиота в отдельности, автор вновь напомнил, что небольшие, но хорошо обученные войска древних римлян и эллинов обращали в бегство многотысячные неприятельские армии⁵⁵. — Ограничившись лишь констатацией данных фактов, автор трактата не счел необходимым их конкретизировать.

Столь же неопределенны ссылки автора и на труды своих предшественников по жанру, хотя такие труды ему, несомненно, были известны. Так, при описании дорог, проходящих внутри лагеря, он упоминает некую более раннюю «инструкцию» (ἡ ἱστορία), регулиующую вопросы устройства лагерных коммуникаций⁵⁶. Коснувшись вопроса об осадных механизмах, автор заметил, что детальные, научно обоснованные сведения о них можно найти в «древних книгах», и поэтому он избавляет себя от их подробного описания⁵⁷. Недетализированные, абстрактные ссылки на сочинения «древних» военных писателей встречаются в трактате еще несколько раз⁵⁸.

Как известно, ссылка на авторитет «древних» являлась весьма распространенным приемом в арсенале литературно-иллюстративных и логически-доказательных средств, к которому часто прибегали многие авторы военно-научных сочинений. Эта традиция, ведущая свое начало со времен Онасандра, Элиана и Арриана, в свое время нашла эффективное воплощение в труде Льва VI Мудрого, а через него оказала воздействие на всю позднейшую литературу. Неоднократны упоминания «древних» и в трактате «De velitatione bellica»; при этом в ряде случаев не исключена возможность расшифровки таких свидетельств⁵⁹.

Идентификация же прямых адресатов аналогичных ссылок автора «De castrametatione», в силу их крайней неопределенности, встречает практически непреодолимые препятствия. Поэтому поиск вероятных источ-

⁵⁴ De castr., XVI. P. 288, 14–17.

⁵⁵ Ibid., XXVIII. P. 318, 9–11.

⁵⁶ Ibid., VI. P. 270, 25–26.

⁵⁷ Ibid., XXVII. P. 316, 9–13.

⁵⁸ Ibid., I. P. 246, 25–26; II. P. 262, 8; XV. P. 286, 3; XXVIII. P. 318, 4.

⁵⁹ См. об этом: Кучма В. В. К вопросу о научно-теоретическом уровне... С. 391–392.

ников, которыми мог воспользоваться наш автор, возможен только способом сопоставления содержащейся в трактате реальной военно-научной информации с соответствующими рекомендациями более ранних полемологических руководств. Еще Р. Гроссе обратил внимание на то, что размеры лагерных укреплений (вала и рва), рекомендуемые нашим автором, полностью идентичны параметрам, указанным в «Стратегиконе Маврикия»; по мнению немецкого исследователя, можно обнаружить также созвучие информации «De castrametatione» с некоторыми установками Полибия, Гигина и т. н. «Византийского Анонима VI в.»⁶⁰. К этим наблюдениям можно добавить и несколько дополнительных. Так, рекомендация автора «De castrametatione» об обнаружении и поимке вражеских лазутчиков, проникших в византийский лагерь⁶¹, совпадает с соответствующей установкой Вегеция⁶²; методика защиты лагеря с помощью триболов и сигнальных колокольчиков⁶³ аналогична информации Византийского Анонима⁶⁴; организация походных передвижений через клисуры⁶⁵ и способов преодоления водных преград⁶⁶ строится на основополагающих указаниях «Тактики Льва»⁶⁷; советы по обману неприятеля с помощью переодеваний стратиотов в сборщиков фуража и продовольствия⁶⁸ опираются на старинную традицию стратегем, нашедшую, в частности, отражение в трактате «De velitatione bellica»⁶⁹.

Констатируя наличие в трактате таких и подобных им совпадений, аналогий и смысловых ассоциаций, нельзя, однако, определенно утверждать, что их присутствие здесь стало результатом непосредственного использования автором «De castrametatione» названных письменных источников. Гораздо более обоснованным будет предположение о том, что в данном случае имела место весьма типичная ситуация, в которой оказывались многие военные писатели: теоретическая информация, содержащаяся в более ранних полемологических руководствах, пройдя многократную апробацию в конкретных эпизодах боевой практики, уже в опосредо-

⁶⁰ Grosse R. Op. cit. S. 113, 114, 116, 119.

⁶¹ De castr., II. P. 262, 8–13.

⁶² Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела, III, 26 // ВДИ. 1940. № 1. С. 279.

⁶³ De castr., II. P. 262, 17–21, 26–30.

⁶⁴ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft, XXIX, 6 // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig. 1855. S. 144.

⁶⁵ De castr., XIX–XX. P. 292–302.

⁶⁶ Ibid., XIV. P. 284–286.

⁶⁷ TL., IX. Col. 768–788.

⁶⁸ De castr., XXIII. P. 310, 19–29.

⁶⁹ De vel. bell., X. P. 174, 28–176, 54.

ванном, а потому обезличенном виде становилась достоянием военной номенклатуры, вследствие чего определение прямых документальных источников собственного сочинения оказывалось затруднительным даже для самого его автора. Свободно оперируя обширной по объему и весьма достоверной по содержанию военно-практической информацией, автор «De castrametatione» считает себя совершенно свободным от необходимости выяснения ее теоретических истоков, не проявляя при этом ни малейшего комплекса какой-либо творческой несостоятельности.

Сравнительный анализ военных реалий трактатов «De castrametatione» и «De velitatione bellica» приводит к выводу, что профессиональная подготовка их авторов (разумеется, каждого в своей области) являлась весьма высокой и по общему уровню практически не уступала друг другу. Однако результаты сопоставления научно-теоретического потенциала двух этих военных писателей убеждают в явном преимуществе автора «De velitatione bellica»: предложенный им новый метод ведения боевых действий против арабских рейдов можно без преувеличения признать серьезным вкладом в развитие военно-научной мысли⁷⁰. На этом фоне трактат «De castrametatione» выглядит всего лишь как сухая, предметно-ограниченная инструкция сугубо практического характера. Ее автор производит впечатление грамотного, технически подготовленного специалиста, но круг стоявших перед ним задач был изначально очерчен таким образом, что не предусматривал вторжения в сферы научно-теоретических обобщений. — Вся специфика как внутреннего содержания, так и внешних форм трактата «De castrametatione» является следствием органического сочетания априорно-утилитарной цели его создания с профессионально-ограниченной самодостаточностью его создателя. В трактате не содержится не только никаких новых, более или менее масштабных тактических (а тем более стратегических) идей — здесь вообще трудно обнаружить сколько-нибудь свежие факты или живые наблюдения, которые так украшают страницы «De velitatione bellica». Единственным сюжетом, в котором просматриваются некоторые элементы оригинальности, можно признать военную хитрость, описанную в главе XXVI трактата «De castrametatione»⁷¹, — причем не всей стратегемы в целом (ее основная идея была задолго до этого достоянием военной теории), а именно ее отдельных деталей и их комбинаций. И хотя описание стратегемы завершается авторской ремаркой, что

⁷⁰ См. об этом наши статьи 1995–1996 гг., указанные в примеч. 3.

⁷¹ De castr., XXVI. P. 314, 4–316, 34. Речь идет о военной хитрости, которую рекомендуется применять при осаде вражеского города. Идея стратегемы построена на сочетании комбинированных ударов сухопутных и пеших войск, укрытых в засадах, по неприятелю, вышедшему из города для уничтожения персонала и оборудования осадного лагеря.

она известна «тысячам других», мы затрудняемся указать ее прямые аналогии в других военно-научных сочинениях.

Сопоставление писательских методов и приемов, используемых в двух анализируемых сочинениях, также приводит к выводу о преимуществе более раннего из них — композиционные и стилистические характеристики «De castrametatione» заслуживают более сдержанной оценки: они не поднимаются выше среднего уровня, свойственного большинству полемологических сочинений византийского периода. Создается впечатление, что автор трактата о лагерьном устройстве не особенно утруждал себя поисками наилучших литературных форм изложения своего материала: он не ставит своей задачей создание шедевра, рассчитанного на благодарную память потомков (для сравнения напомним, что подобная цель была специально продекларирована в «De velitatione bellica»⁷²), — он озабочен разработкой инструкции, предназначенной для немедленной практической реализации и рассчитанной скорее на разовое, чем на многократное применение.

Хотя изложение материала в «De castrametatione» развернуто по определенной логической схеме, трактат не свободен от многочисленных изъянов (пропуски, вставки, повторения, реверсии и т. п.), которых вполне можно было бы избежать при более тщательной текстуальной обработке. Так, сконцентрировав информацию о лагерьном устройстве в I главе, автор, казалось бы, полностью исчерпал тему, подробно описав необходимые элементы инженерного оборудования лагеря (ров, вал, дороги, палатки, выходы, «мертвое пространство») и даже снабдив свое описание соответствующими чертежами и схемами. Но уже в следующей, II главе он добавил к этим элементам несколько новых — триболы, нанизанные по 8 штук на единую веревку длиной около 10 оргий; ямы-ловушки, т. н. «ноголомы» (ποδοκλάσται), на дне которых укрепляются торчащие вверх заостренные колья; сигнальные колокольчики, нанизанные на бечевки, которые растянуты по всему периметру лагеря⁷³, — описание этих приспособлений составляет вторую половину II главы. Первая же половина содержит общую рекомендацию о недопустимости перемешивания в лагере подразделений, входящих в состав различных армейских формирований (тагм, фем, банд или турм), — для этой рекомендации также нашлось бы место в I главе, тем более что в ней звучали сходные мотивы. Если бы такая текстуальная инверсия была осуществлена автором трактата, у него вообще отпала бы необходимость формирования специальной II главы в ее нынешнем виде, поскольку оба ее сюжета генетически едины с сюжетами I главы. Буквально то же самое можно сказать и в отношении гла-

⁷² De vel. bell., Pr. P. 146, 7–12.

⁷³ De castr., II. P. 262, 17–30.

вы XXX — состоящая всего лишь из одной фразы⁷⁴, она могла бы быть безболезненно исключена из общего реестра, если бы обе ее рекомендации (еще во время пребывания на собственной земле следует, во-первых, не менее трех-четырех раз потренироваться в разбивке лагеря и, во-вторых, совершить несколько учебно-тренировочных маршей) были присоединены к соответствующим сюжетам, раскрытым в главах I и X.

Особенно несовершенной является компоновка и стилистическая обработка двух заключительных информационных блоков «De castrametatione», начиная с его XXI главы. Очевидно, в системе приоритетов, выстроенных в сознании автора в период работы над трактатом, принципы полиоркеттики занимали явно второстепенные позиции по сравнению с проблемами лагерьного устройства и организации походного марша. Поэтому сам характер изложения полиоркетических сюжетов заметно отличается от императивно-установочной манеры презентации предыдущего материала: здесь гораздо больше, чем в предыдущих главах, абстрактных, отвлеченных, не очень обязательных рассуждений, несущих на себе следы отчетливого воздействия предшествующей книжной традиции. Еще более сильно это воздействие проявляется в заключительных главах трактата (с XXVIII по XXXII), где повествуется о возвращении армии из заграничного похода. Создается впечатление, что автор вообще избавил себя от необходимости тщательной обработки этого материала и целесообразного распределения его по соответствующим разделам (хотя порядок предыдущего изложения предоставлял ему такую возможность), — он просто собрал их воедино и механически присоединил к основному тексту, как в свое время поступал Фронтин со своими «residua». Правда, заключительная фраза трактата несомненно является собственно авторской, — будучи одной из самых ключевых во всем сочинении, она заслуживает особого внимания и специального анализа (см. об этом ниже).

Язык «De castrametatione» (особенно в основной части трактата) в целом достаточно строг и рационален. Случаи отклонения от этой обычной нормы, по которым можно было бы судить об авторской индивидуальности, чрезвычайно редки: лишь дважды удастся уловить некоторые саркастические ноты⁷⁵ и трижды обнаружить в принципе не свойственную автору вычурность выражений⁷⁶. Сухая, обезличенная презентация материала, присущая подавляющему большинству разделов «De castrametatione», резко контрастирует с живой, эмоциональной, индивидуально-специфической манерой изложения информации в трактате «De velitatione bellica», лингвистические достоинства которого, по признанию большин-

⁷⁴ De castr., XXX. P. 322, 4–12.

⁷⁵ Ibid., XVII. P. 290, 6–8; XVIII. P. 290, 8–9.

⁷⁶ Ibid., XX. P. 296, 11–14; XXI. P. 302, 10–15; XXIII. P. 310, 28–29.

ства исследователей, значительно превосходят ординарные показатели памятников подобного жанра.

Весьма любопытными в этом плане оказываются и терминологические сопоставления. Будучи квалифицированными специалистами-практиками, авторы обоих трактатов свободно оперируют современной им военной терминологией. Естественно, что терминологический репертуар каждого из двух авторов продиктован тематикой его собственного сочинения. В соответствии с этим, например, принципиально исключена возможность обнаружения в трактате «De velitatione bellica» терминов, используемых для обозначения должностных лиц императорского двора и его различных служб, столь обильно встречающихся в трактате «De castrametatione», особенно в его I главе, — как известно, «восточное» руководство ведет речь о событиях, предполагающих участие исключительно лишь фемных армий, без привлечения столичных воинских частей. Наоборот, можно заранее предположить, что в «западном» сочинении не найдется места для использования термина «παράδρομή», являющегося ключевым для автора «De velitatione bellica», — так оно и оказывается на самом деле. Столь же естественно термин «κοῦρσον», любимый автором «De velitatione bellica» и потому используемый им около сорока раз, в трактате «De castrametatione» встречается лишь дважды, причем в самом конце, явно в «residua», — один раз в совершенно нейтральном контексте, где он, строго говоря, и не имеет значения технического термина⁷⁷, а второй раз — в пассаже явно компаративного характера, где он приложен именно к арабским экспедициям⁷⁸.

Однако, в тех пассажах сопоставляемых трактатов, где анализируются фактически одни и те же сюжеты (вооружение и снаряжение архонтов и стратиотов, осада и оборона городов, организация маршевых колонн, разведывательная и караульная службы и т. п.), можно было бы предполагать использование более или менее единой терминологии. Между тем, в трактате «De velitatione bellica» вообще не встречаются такие обычные для подобных случаев термины, как κριός, πετρόβολος, ταξιαρχία, τάφος, τεῖχος, τρίβολος, χελώνη, χωσάριος и др., тогда как в трактате «De castrametatione» полностью игнорируются столь же распространенные термины δόρυ, κάστρον, μάχηρα, ξίφος, τοῦλδος (τοῦλδον), τουρμάρχης, φλάμουλον и т. п. — По нашему мнению, данную коллизию гораздо логичнее снять предположением о том, что трактаты написаны различными авторами, чем, настаивая на мысли о принадлежности обоих сочинений одному и тому же лицу, пытаться объяснить разницу в его терминологических предпочтениях изменившимися обстоятельствами места и времени⁷⁹.

⁷⁷ De castr., XXXII. P. 326, 6.

⁷⁸ Ibid., XXXII. P. 326, 16.

Итак, все предыдущие наблюдения позволяют утверждать, что автор «De castrametatione» должен быть признан военный профессионал высокой квалификации, приобретший практический боевой опыт в ходе одной или нескольких кампаний наступательного характера, протекавших преимущественно на западных рубежах империи и проведенных при непосредственном участии императора. При этом некоторые места в трактате⁸⁰ могут быть поняты так, что участие в экспедиции императора не обязательно предполагало возложение на него фактического командования армией, — реальное осуществление этой функции могло быть поручено другому лицу. Теоретически отнюдь не исключено, что автор «De castrametatione» в свое время мог находиться именно в такой ситуации. Тогда оказывается хоть в какой-то степени объяснимым тот тон выражений, близкий к менторскому, который иногда использует наш автор, адресуя свои рекомендации непосредственно императору⁸¹. — Следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с совершенно уникальной ситуацией: мы не знаем других военно-научных сочинений, авторы которых позволяли бы себе подобные императивные обращения к императорской особе. В принципе здесь возможны два объяснения: либо данный трактат представляет собой частные заметки, не имеющие официального характера и не предназначенные для практического использования, либо обстоятельства, вызвавшие к жизни данную инструкцию, были настолько экстраординарны, что давали ее разработчику реальное право на подобный характер высказываний. Первое из предположений должно быть сразу отведено — его опровергает уже сама письменная традиция, определившая местонахождение данного трактата в составе корпуса практических военных руководств. Второе же предположение, представляющееся гораздо более основательным, приобретает характер обстоятельства, существенно сужающего круг вероятных претендентов на роль участников данной ситуации, в особенности адресата, чаще всего (более чем в двадцати случаях) скрываемого под формулой «наш священный император».

Дж. Дэннис (вслед за Ю. А. Кулаковским) справедливо полагает, что в этом адресате невозможно видеть ни Никифора Фоку, ни Иоанна Ци-

⁷⁹ В этом плане заслуживают внимания соображения Ж. Дагрона о том, что военачальники, прошедшие боевую практику на Западе, помимо всего прочего, приобретали и специфический словарный запас, испытывающий влияние славянской лексики (Le traité sur la guérilla... P. 156, 255). Так, «западный» термин χωσάριοι, который автор «De castrametatione» подчеркнуто противопоставляет «восточному» термину *τραπεζίται* (De castr., XVIII. P. 292, 16–17; XXI. P. 302, 5–6), имеет вполне определенное болгарское происхождение (Le traité sur la guérilla... P. 253–254 et n. 52).

⁸⁰ De castr., VII. P. 272, 14–15; IX. P. 276, 26–27.

⁸¹ Ibid., X. P. 280, 37–38; P. 280, 69–72; XXIII. P. 308, 5–9.

мисия, — их выдающиеся военные достижения мало совместимы с ролью реципиентов чужого боевого опыта, пусть даже если этим опытом делятся «доверенный советник, старший родственник или друг»⁸². Следовательно, единственным претендентом на эту роль остается Василий II, причем время, когда было разработано предназначенное для него руководство, логично будет максимально сдвинуть к самому началу его военной карьеры, когда он не столько реально выполнял функции главнокомандующего, сколько проходил своеобразную стажировку при более опытных военачальниках.

Как известно, свой первый, крайне неудачный поход в Болгарию Василий совершил летом 986 г., имея 28 лет от роду. Яркое описание похода, завершившегося поражением 17 августа, оставил Лев Дьякон, который, по его собственным словам, был непосредственным участником этих событий⁸³. Насколько нам известно, в литературе еще не предпринимались попытки сравнительного анализа информации двух столь различных по характеру исторических источников, какими являются повествование Льва Дьякона и трактат «De castrametatione». Между тем такое сопоставление приводит к выводу об удивительном созвучии сообщений двух названных источников: буквально каждому эпизоду экспедиции 986 г. можно найти параллели в аналогичных пассажах данного трактата; в свою очередь, фактически все рекомендации «De castrametatione», каждая из которых, взятая в отдельности, основана на каком-то конкретном, однократном, одномоментном факте или явлении, будучи систематизированными, укладываются в комплекс единого военного события. При этом весьма показательно, что в отличие от бравурного, мажорного звучания, характерного для трактата «De velitatione bellica», пропагандирующего победный боевой опыт, большинство реминисценций «De castrametatione» окрашено преимущественно в негативные либо даже трагические тона (неудачи, сопровождающие осаду неприятельских городов; тяжелые последствия нехватки питьевой воды и продовольствия; препятствия, угрожающие войску при переходе через клисуры и водные преграды; опасность потери управления войсками во время поспешного отступления и т. п.). Характерно также, что все пейзажные зарисовки «De castrametatione» являются исключительно летними: здесь невозможно обнаружить ни одной зимней детали. — Представляется вполне логичным предположение о том, что автор «De castrametatione», подобно Льву Дьякону, сам был очевидцем всех этих невзгод и неудач, и главная цель его труда состояла именно в том, чтобы предостеречь от повторения ошибок сравнительно

⁸² Three Byzantine Military Treatises... P. 242; ср.: Кулаковский Ю. А. Новонизданный византийский трактат... С. 656.

⁸³ Лев Дьякон. История, X, 8. М., 1988. С. 89–90.

недавнего прошлого. И если в дополнение к сказанному допустить, что автор выполнял поручение, данное ему от имени высшего политического и военного руководства империи, тогда не покажутся странными его прямые императивные указания, адресованные непосредственно императору, на котором лежала значительная доля вины за неудачу экспедиции.

Таким образом, поражение в походе 986 г. определяется нами как рубеж, с которого может отсчитываться время создания «De castrametatione». Конечным хронологическим пределом мы склонны считать 991 г., которым открывается новый цикл антиболгарской политики Василия. Не исключено, что при осуществлении четырехлетней кампании, начавшейся в 991 г., в которой «царь Василий вполне обнаружил как военный талант, так и железный характер, выкованный теми жестокими испытаниями, какие им были пережиты»⁸⁴, в полной мере был учтен тот трагический опыт 986 г., который был осмыслен и обобщен, в частности, и в соответствующих военных руководствах. При этом, разумеется, ничто не мешает предполагать и использование опыта болгарских кампаний предшествующих императоров — как Никифора Фоки (если его поход все-таки имел место⁸⁵), так и Иоанна Цимисхия.

Предложенная в свое время Ю. А. Кулаковским датировка «De castrametatione» (между 991 и 995 гг.) обосновывалась упоминанием в трактате воинского подразделения «росов», которое инициатор такой датировки именовал «русским гвардейским отрядом»⁸⁶. Однако, по нашему мнению, ни один из трех пассажей «De castrametatione», где упомянут этноним «Ῥῶς»⁸⁷, не может быть однозначно истолкован в подразумеваемом Ю. А. Кулаковским смысле. Судя по контексту, речь идет о небольшом отряде наемников численностью не более одной тагмы (около 150 чел.), этническая принадлежность которых остается совершенно неясной. По крайней мере, мы не видим никаких оснований связывать этот отряд с тем 6-тысячным корпусом, который был предоставлен в распоряжение Василия II киевским князем Владимиром Святославичем. Следовательно, время прибытия этого корпуса в Константинополь (между летом 987 г. и летом 988 г.) не может рассматриваться как императивный terminus ante quem создания трактата, и предлагаемая выше датировка («по горячим следам» после катастрофы 986 г.) представляется нам более предпочтительной.

⁸⁴ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 417.

⁸⁵ См. об этом: Иванов С. А. Византийско-болгарские отношения в 966–969 гг. // ВВ. 1981. 42. С. 88–100.

⁸⁶ Кулаковский Ю. А. Новонизданный византийский трактат... С. 657–659; ср.: ВЗ. 1902. 7. С. 555–556.

⁸⁷ De castr., X. P. 280, 38; XIX. P. 294, 35; XXV. P. 312, 19.

Возвращаясь к проблеме авторства двух трактатов, обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Мнение некоторых исследователей о принадлежности «*De velitatione bellica*» и «*De castrametatione*» одному и тому же лицу основывалось, в сущности, на единственном серьезном аргументе. Как известно, во введении к «*De velitatione bellica*» сказано, что автор трактата, действуя по прямому поручению уже покойного Никифора Фоки, занят обобщением опыта отражения арабских рейдов, которые, впрочем, уже перестали быть столь регулярными и опасными, как в прежние времена: могущество мусульманских соседей к периоду создания трактата было уже значительно ослаблено. Далее автор дает понять, что он получил задание Никифора Фоки проанализировать и имеющийся у него опыт ведения войн на Западе, но об этом он намерен рассказать специально в другом месте, — пока же он ограничивается обобщением только восточного опыта⁸⁸. Смысл данного заявления возбуждает естественный соблазн увидеть в «западном» сочинении о лагерном устройстве реализацию программы, декларированной в «*De velitatione bellica*», тем более что завершающая сентенция *De castrametatione*, где содержится обратная ссылка на восточный опыт⁸⁹, казалось бы, замыкает цепь требуемых доказательств.

Однако внимательный анализ последних фраз «*De castrametatione*» не только не укрепляет, а, напротив, разрушает всю логическую конструкцию: в этих фразах невозможно усмотреть ничего более, чем заявление о способности изложить опыт наступательных рейдов в землю агарян, предпринимаемых с целью разорения этой земли. Следовательно, не имеется никаких оснований трактовать данный пассаж как ссылку автора на собственное, написанное им ранее сочинение: этому препятствует и условно-сослагательный тон заявления, и особенно — ориентировка на наступательный, а не на оборонительный характер подразумеваемых боевых действий. Мало того, из общего контекста заключительных фраз «*De castrametatione*» вообще не следует, что наш автор отсылает читателя к какому-то предшествующему конкретному военному сочинению: просто сказано, что «немалый опыт многих стратигов» делает излишним повторение того, что уже широко известно. — В целом общее абстрактное звучание завершающего пассажа «*De castrametatione*» лишает его, по нашему мнению, какого-либо аргументирующего потенциала.

Таким образом, весь ход сравнительного анализа двух трактатов все более и более укрепляет нас в убеждении, что для признания их единой авторской принадлежности не имеется ни фактических, ни формальных оснований. «Несомненное родство» трактатов, зафиксированное А. Дэ-

ном⁹⁰, мы согласились бы безоговорочно распространить на бесспорный профессионализм и богатый практический опыт их авторов, да, пожалуй, еще (но уже с некоторыми оговорками) на совпадающую оценку негативных черт стратиотской службы, — кстати, этому последнему факту уже давно нашел удачное объяснение Ю. А. Кулаковский: оба автора, по его предположению, принадлежали к одному социальному кругу и вдохновлялись общими идеями⁹¹.

Что же касается старой гипотезы Р. Вари о принадлежности «*De castrametatione*» Никифору Урану, — гипотезы, с которой декларативно или молчаливо солидаризировалось большинство исследователей, — то при нынешнем состоянии источников она не может быть ни опровергнута, ни подкреплена какими-либо дополнительными аргументами. По мысли Дж. Дэнниса, подобное предположение имеет основания претендовать на справедливость, но не обладает бесспорной фактической обеспеченностью⁹².

Время создания трактата «*De castrametatione*», несомненно, более позднее, чем трактата «*De velitatione bellica*»⁹³, — противоположное решение, к которому склонялся в свое время К. Б. Газе⁹⁴ и которое разделял Р. Вари⁹⁴, следует признать явно ошибочным. Вместе с тем представляется, что хронологический разрыв между трактатами, определяемый Дж. Дэннисом максимально в четверть века⁹⁶, не должен быть слишком большим: если будет логично отнести дату создания «*De velitatione bellica*» к ближайшим годам после смерти Иоанна Цимисхия⁹⁷, тогда предельная дати-

⁹⁰ Dain A. Les stratèges... P. 369.

⁹¹ Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат... С. 651–652; ср.: BZ. 1902. 7. S. 557.

⁹² Three Byzantine Military Treatises... P. 242. «Впечатления и вероятности, — замечает Дж. Дэннис несколько ниже (P. 243) по другому поводу, — безусловно, не являются доказательствами, но до тех пор, пока нечто более убедительное не будет обнаружено, они должны быть признаны достаточными».

⁹³ С таким хронологическим соотношением трактатов согласен и Ж. Дагрон (Le traité sur la guérilla... P. 155–156). Однако предлагаемая им датировка «*De castrametatione*» (последнее десятилетие X в. или первое десятилетие XI в. — Ibid. P. 157) представляется нам слишком поздней.

⁹⁴ См об этом: Dain A. Les stratèges... P. 369–370.

⁹⁵ Incerti scriptoris byzantini... S. XXI.

⁹⁶ Three Byzantine Military Treatises... P. 241.

⁹⁷ См. об этом: Le traité sur la guérilla... P. 163, 174, 287. Такую датировку считал приемлемой еще первый переводчик трактата «*De velitatione bellica*» на русский язык. См.: История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на русский язык Д. Поповым. СПб., 1820. С. XIII.

⁸⁸ De vel. bell., Pr. P. 148, 51–56.

⁸⁹ De castr., XXXII. P. 326, 16–18.

ровка Дж. Дэнниса увела бы трактат о лагерном устройстве за рубеж X в. — вследствие этого его рекомендации в значительной степени утратили бы свой практически-значимый характер, о котором так настойчиво печется автор «De castrametatione».

В заключение — еще несколько хронологических подсчетов. Из собственных слов автора «De velitatione bellica»⁹⁸ следует, что он приобрел свой первый боевой опыт (судя по контексту, уже архонтский) под командованием Варды Фоки, в бытность последнего стратигом Каппадокии и Анатолики. Наиболее вероятным временем пребывания будущего кесаря на этих должностях признается период между 910 и 919 гг.⁹⁹. Следовательно, уже во время работы над трактатом «De velitatione bellica» его автор обладал весьма почтенным (более чем семидесятилетним) возрастом. Предположение же о том, что через 10–12 (а тем более — через 25) лет этот же человек мог написать новое военно-научное сочинение, представляется совершенно невероятным.

Данный аргумент окончательно утверждает нас в убеждении, что возможность взаимной идентификации создателей трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione» следует признать полностью исключенной. Вследствие этого вопрос, сформулированный в заглавии настоящей статьи, заслуживает, по нашему мнению, однозначно отрицательного ответа.

Раздел III

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРИНЦИПЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

⁹⁸ De vel. bell., Pr. P. 148, 31–39.

⁹⁹ См.: Cheynet J.-C. Les Phocas // Le traité sur la guérilla... P. 298.

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ НА РУБЕЖЕ IX—X вв. ПО «ТАКТИКЕ ЛЬВА»*

Проблема тесной связи, взаимозависимости и взаимообусловленности экономики и войны уже была поставлена в предшествующей литературе. При этом интенсивно изучался один из аспектов указанной проблемы — обусловленность войны (ее причин, целей, способов и форм ведения, результатов и последствий) экономическим базисом общества, уровнем развития его производительных сил. Что же касается вопроса об обратном влиянии войны на экономику, то он разработан в гораздо меньшей степени. Трудность вопроса — в необходимости учета всех форм и проявлений влияния войны на экономику. Можно утверждать, что каналы этого влияния более разветвлены, более опосредованы, более многочисленны и разнообразны, чем каналы воздействия экономики на войну.

Военно-экономические проблемы византийской истории до сих пор остаются неразработанными как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Между тем большой научный интерес исследований в этой области не подлежит сомнению. Уже давно назрела необходимость поставить военную историю Византии на прочную экономическую основу.

Настоящая статья — попытка анализа военно-экономических концепций периода царствования Льва VI, нашедших отражение, в частности, в «Тактике Льва».

Автор рассматриваемого трактата занимался преимущественно военной теорией, стратегией и тактикой. Тем не менее в этом сочетании имеется довольно обширный, заслуживающий внимания материал по таким, например, вопросам, как экономическое состояние территорий, на которых происходили столкновения Византии с соседями, экономическое обеспечение военных экспедиций, экономические цели военных кампаний, непосредственные экономические последствия войн и т. д. Разумеется, одних только материалов «Тактики» недостаточно для решения перечис-

* Статья впервые опубликована в: АДСВ. Вып. 9. Свердловск, 1973.

ленных вопросов в полном объеме. Рассматриваемые же в сочетании со сведениями других источников данные «Тактики» во многом дополняют и конкретизируют наши представления об общем состоянии военной экономики империи на рубеже IX и X столетий.

Следует отметить, что военно-экономические сведения не сконцентрированы в каком-то определенном месте трактата, но встречаются в содержании самых различных глав. Более других имеют отношение к интересующей нас проблеме две главы «Тактики»: IX, посвященная вопросам совершения маршей, и XVII, рассказывающая об организации неожиданных нападений.

Общее внешнеполитическое положение Византии в конце IX — начале X в. было гораздо более сложным, чем при Василии I. На границах империи появился новый потенциальный противник — венгры; болгары превратились из друзей во врагов; в конце царствования Льва Константинополь подвергся нападению руссов. Западные арабы, захватившие Сицилию и Крит, постоянными нападениями опустошали острова Эгейского моря и побережье, ставя под угрозу не только торговые коммуникации Византии в Восточном Средиземноморье, но и самую безопасность этих частей империи. Угроза арабских вторжений сохранялась и с востока. Но, пожалуй, еще более напряженная обстановка складывалась в районе Балкан, где Византия столкнулась с крепнувшей болгарской державой.

Борьба на этих фронтах составляла главное содержание военной истории империи при Льве VI, а общий баланс этой борьбы был не в пользу византийского оружия¹. Империя была втянута в длительные войны, носившие с ее стороны преимущественно оборонительный характер. Лев стремился избежать войны даже ценой уступок противнику. Инициатива развязывания войны в период его царствования почти всегда принадлежала неприятелю. Так, он в течение длительного времени (886–900) уклонялся от войны с арабами, избегая наступательных действий и всецело передав в их руки стратегическую инициативу².

Положение бывало особенно напряженным, когда империи приходилось вести войну одновременно на двух или нескольких фронтах. Противники Византии стремились использовать именно такие моменты. Так, первая война болгарского царя Симеона против Византии была начата им

¹ Еще Н. Попов (См.: Попов Н. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892. С. 18) отмечал, что «царствование Льва... представляется нам временем ежегодных поражений византийского знамени на суше и на море».

² См. об этом: Васильев А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Ч. 66. СПб., 1902. С. 103.

в 894 г., когда лучшие армии империи во главе с Никифором Фокой (Старшим) находились в итальянской экспедиции³.

Поражения византийских армий сопровождались сокращением территории империи⁴.

Византии приходилось напрягать все силы в борьбе с внешним врагом. Огромная заслуга в том, что империи удавалось не только стабилизироваться, но временами переходить в наступление, принадлежит искусству византийской дипломатии, которая достигала успехов даже тогда, когда Византия отнюдь не обладала военным преимуществом ни на суше, ни на море⁵.

Неудачи Византии на внешних фронтах объяснялись кризисным состоянием ее военной организации, базировавшейся на принципах фемного строя.

Фемный строй являлся комплексом социально-экономических, политических, административных мероприятий, имевших своей конечной целью приспособление византийской экономики к потребностям защиты страны от вражеских нашествий. Главнейшим принципом фемной военной организации являлось привлечение к воинской службе свободного земледельческого населения империи, значительно возросшего численно в результате происшедшего в VI–VII столетиях переворота в аграрных отношениях⁶. Фемные ополчения стратиотов-крестьян оказались в состоянии обеспечить не только защиту империи в критических условиях VII в., но и военные успехи императоров Исаврийской династии в последующем столетии⁷.

³ Интересно подчеркнуть, что болгаро-византийская война 894 г. имела исключительно экономическую причину: перенесение болгарского рынка из Константинополя в Солунь.

⁴ К сожалению, мы не располагаем данными о размерах территории империи в период царствования Льва VI. Единственная, насколько нам известно, специальная статья по этому вопросу (Andréadès A. La population de l'Empire byzantin. Byzantion. 1934. IX, fasc. 2. P. 117–126) содержит сведения, относящиеся либо к предыдущему, либо к последующему периодам (см. таблицу на с. 124 указанной статьи).

⁵ См.: История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 203.

⁶ В литературе последних лет этот тезис был наиболее полно обоснован Г. Острогорским (См.: Ostrogorsky G. La commune rurale byzantine. Byzantion. 1962. XXXII, fasc. I. P. 139–166).

⁷ См. об этом: Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 71. В зарубежной литературе позднейшего времени проявилась тенденция отрицать роль фемного строя в защите империи от арабских вторжений VII–XIII столетий (см., напр.: Kaegi W. E. Some Reconsideration on the Themes (seventh–ninth centuries) // Jahrb. Osterr. Byz. Gesch. 1957. 16. P. 39–53).

Когда фемный строй переживал период расцвета, он обеспечивал эффективное функционирование военного аппарата, высокие мобилизационные возможности государства. Воин, в случае войны полностью экипированный за собственный счет; производитель и налогоплательщик в мирное время — таков был «классический» стратиот VII–VIII вв. Категория, относящаяся к такому социальному разряду, составляла большинство населения империи. Следовательно, как с точки зрения материального положения, так и социального статуса стратиотское сословие являлось прочной основой византийской военной организации фемного типа.

Отражая интересы определенной части господствующего класса — городской знати, фемный строй стоял на защите государственной централизации⁸. В этом плане он открывал возможности государственного регулирования экономической деятельности. И в первую очередь эта возможность должна и могла быть реализована в военно-экономической области.

Известно, что внешняя и внутренняя политика не представляют собой двух самостоятельных, отделенных друг от друга сфер государственной деятельности. Граница между ними весьма условна. Успехи в одной из этих сфер вызывают активизацию в другой; неудача локального характера может стать причиной всеобщего кризиса. В силу диалектичности исторического процесса причина и следствие, попеременно меняясь местами, стимулируют либо тормозят внутренний прогресс и внешнеполитическую активность данного общества и государства.

Стабилизация экономики Византии, достигнутая в VII–VIII вв. в результате укрепления мелкого и среднего свободного землевладения, оздоровила военную организацию, обеспечила ее прочность, устойчивость и динамичность. В свою очередь, фемный строй создавал возможность быстрой и сравнительно безболезненной перестройки мирной экономики на военный лад и обратно.

Впрочем, такая перестройка обычно не приобретала кардинального характера. Вся история Византии — это история непрерывных войн. Промежутки между ними были кратковременными; собственно, это были не столько периоды мира в полном смысле слова, сколько периоды кратковременных перемирий, заполненных новыми военными приготовлениями. В каждый конкретный момент своей истории Византия либо воевала, либо готовилась к войне, либо переживала последствия войны. Поэтому ее обычное состояние может быть определено как состояние перманентной войны.

⁸ Тенденции к децентрализации, проявившиеся на первых порах существования фемного строя (особенно в конце VII в.) были преодолены. Уже в первой половине VIII в. фема «превращается в послушный механизм государственного аппарата» (см.: История Византии. Т. 2. С. 39).

В соответствии с этим экономика государства неизбежно должна была приобрести и сохранять перманентный характер. Единство и взаимосвязь внутреннего и внешнего факторов должны были проявляться в данном случае в способности экономики чутко реагировать на малейшие изменения во внешнеполитическом положении империи. Как уже было отмечено ранее, фемный строй в период расцвета наиболее полно соответствовал этим требованиям, обеспечивая необходимую динамичность и сравнительную дешевизну в переводе экономики государства от состояния войны к состоянию мира, от условий мира к условиям войны.

К концу IX в. фемная военная организация стала склоняться к упадку. В первую очередь это проявлялось в размывании социальной основы фемного войска. Все большая часть стратиотского сословия, разоряясь, оказывалась не в состоянии исполнять воинскую службу. Результат не замедлил сказаться не только на внешнеполитическом положении империи, о чем сказано выше, но и на общем состоянии ее экономики.

В период расцвета фемного строя армия обходилась сравнительно дешево государственной казне: экипировка воина производилась за его собственный счет⁹, а государственные расходы на войну компенсировались военной добычей. Кризис фемной военной организации повлек за собой постоянное увеличение государственных военных расходов (хотя бы потому, что стал расти удельный вес наемного элемента в армии), а приток военной добычи все время уменьшался. Возникающая вследствие этого диспропорция неблагоприятно отражалась на финансовом и общем экономическом состоянии империи.

По средним подсчетам, Византия в IX в. нуждалась в армии численностью 120 тыс. человек¹⁰. Расходы на нее составляли важнейшую статью государственного бюджета. Содержание одной лишь армии Востока обходилось казне в 9 млн золотых рублей ежегодно¹¹. К сожалению, мы не располагаем данными о состоянии государственной казны при Льве VI¹², но есть все основания полагать, что военные расходы вызвали напряжение государственной экономики.

⁹ По подсчетам Г. Острогорского (см.: *Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Bruxelles, 1954. P. 12), военный участок установленного размера приносил стратиоту 18,5 номисм годового дохода. Ф. Успенский (см.: *Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи* // ИРАИК. 6. Вып 1–3. София, 1900–1901. С. 201) исчислял годовой доход стратиота, владеющего участком ценностью в 4 литры (размер около 70 десятин), в 24–25 номисм.

¹⁰ См.: *Левченко М. В. История Византии*. М.; Л., 1940. С. 140.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Есть сведения о более раннем периоде: в январе 856 г. в государственной казне насчитывалось около 35 млн рублей золотом (Theophanes Continuatus, IV, 20 // *Ed. Bonnhae*, 1838).

Источники сохранили сведения о материальном обеспечении некоторых военных экспедиций, относящихся к периоду царствования Льва VI. Уникальным среди них по полноте является свидетельство Константина Багрянородного о морской экспедиции византийцев против арабов¹³.

Поражение 904 г., выразившееся в потере Фессалоники, заставило империю уделить особое внимание флоту. В целях реванша Лев приступил к снаряжению грандиозной морской экспедиции под командованием Имерия.

Датируемая 910–911 гг.¹⁴, экспедиция Имерия была предприятием поистине общегосударственного масштаба. В ее подготовке приняли участие многие области империи, из которых одни строили корабли, другие заготавливали провиант и боеприпасы, третьи готовили десантные войска, четвертые отправляли лазутчиков в районы будущих военных действий. Всего было снаряжено 102 дромона и 75 памфил с 34200 гребцами. Десант включал в себя и пехотные, и кавалерийские части. Общая сумма затрат на экспедицию исчислялась в 37 кентинариев 50 литр 2 номисмы (около 1 млн рублей золотом).

Экспедиция закончилась полнейшей неудачей. Все громадные материальные затраты на нее пошли, следовательно, впустую.

Приведенный пример чрезвычайно показателен — он выходит за рамки единичного события и приобретает характер явления, типичного для времени, когда политика глухой обороны, политика исключительно ответного удара была стратегической линией внешнеполитической деятельности Византийского государства.

Отныне военный потенциал государства поддерживался гораздо более дорогой ценой — не в переносном, а в буквальном смысле этого слова. Громадное количество финансовых средств тратилось на подготовку к войне — и чаще всего пропадало впустую, так как от ведения столь дорого обходившейся войны Византия стремилась уклониться. Значительная масса людей производственных профессий отвлекалась на обеспечение военных нужд государства; их труд в этих условиях переставал быть производительным, ибо не приносил никакого хозяйственного эффекта. Складывалось парадоксальное положение: чем больше экономических усилий и финансовых средств тратилось империей на обеспечение и поддержание военного потенциала, тем слабее он оказывался.

Именно такое кризисное состояние византийской военной организации отражено в «Тактике Льва». Армия, обрисованная в трактате, еще имеет внешние атрибуты фемного стратиотского ополчения, однако куль-

¹³ *Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae* // Ed. Bonnæ. 1829. Т. I. P. 651–660.

¹⁴ См. об этом: Васильев А. Византия и арабы... С. 169 сл.

минационный пункт его развития уже остался позади. Цель, которую ставил перед собою Лев, отнюдь не заключалась в разработке принципиально новых основ военной организации (ибо воссоздание военного могущества империи могло произойти и действительно произошло позже на качественно иной социальной основе), а сводилась к попыткам всемерной гальванизации тех основ войска фемного типа, которые еще сохраняли жизнеспособность.

Военно-политическая доктрина, пронизывающая «Тактику Льва», имеет ярко выраженный оборонительный характер. Подчеркивая необходимость быть всегда готовым к войне¹⁵, обеспечить перевес сил над врагом¹⁶, сохранять постоянную бдительность¹⁷, Лев не рекомендует нападать на врага первым¹⁸. Он решительно подчеркивает свою приверженность к миру, к добрососедским отношениям с другими странами, к справедливости во внешней политике¹⁹. К военным действиям следует прибегать лишь тогда, когда столкновение спровоцировано неприятелем²⁰. Тогда появляются законные основания для применения вооруженной силы, война приобретает справедливый характер и вести ее нужно с уверенностью в помощи божественного провидения²¹.

Тезис о том, что причина войны должна быть законна, восходит к старинной военно-теоретической традиции и встречается еще в сочинении Онанасандра. Его разделяет и автор «Стратегикона»²² — основного источника «Тактики». Однако особая приверженность Льва к миру, его призыв «не обгагрять землю кровью ни соплеменников, ни варваров»²³ приобретают специфическое звучание. Объяснение этому следует выводить не столько из религиозно-этических доктрин, исповедуемых Львом, сколько из общего кризисного состояния военной организации Византийского государства на рубеже IX и X столетий²⁴.

Общее положение империи, как оно отражено в «Тактике», отличается неустойчивостью. Это и не война в полном смысле слова, но и не мир — это особое промежуточное между миром и войной состояние, когда, гово-

¹⁵ *Leonis Imperatoris Tactica*, II, 48 // PG. 1863. Т. 107. Col. 692 D (далее — TL).

¹⁶ TL, XVII, 3. Col. 913 C.

¹⁷ *Ibid.*, XX, 90. Col. 1038 D.

¹⁸ *Ibid.*, II, 48. Col. 692 D.

¹⁹ *Ibid.*, II, 49. Col. 692 D–693 A.

²⁰ *Ibid.*, II, 50. Col. 693 A.

²¹ *Ibid.*

²² *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, VIII, 2 // Ed. I. Schefferus. Upsalæ, 1664. P. 183 b, 20–21.

²³ TL, II, 49. Col. 692 D.

²⁴ См. об этом нашу статью: Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» // АДСВ. Вып. 3. Свердловск, 1965.

ря словами автора трактата, уже «не господствует мир, но война еще не проявилась с очевидностью»²⁵. В соответствии с этим фемные армии Византии находятся в состоянии постоянной готовности к совершению маршей, к вторжению на вражескую землю, к сражению, к отступлению на свою территорию.

В этой связи не лишен интереса вопрос о том, каким именно областям империи (западным или восточным) уделено наибольшее внимание автора трактата. Это позволило бы локализовать район наибольшей военной опасности — так, как это было сделано в отношении трактата «*De velitatione bellica*»²⁶.

К сожалению, материал «Тактики Льва» не дает однозначного ответа на поставленный вопрос. Местность, описываемая Львом (в частности, в IX главе трактата), скорее всего, абстрактна. Здесь упоминаются вперемежку и теснины²⁷, и леса²⁸, и горы²⁹, и узкие проходы³⁰, и открытые пространства³¹, и реки³². Конкретные географические указания, встречающиеся в связи с упоминанием военных экспедиций, чрезвычайно редки³³.

Создается впечатление, что автор трактата, стремясь придать своему сочинению обобщающий характер, разработать универсальное военное руководство, сознательно избегает конкретизации и как бы подготавливает военачальника к ведению войны на самых различных театрах.

Экономика пограничных областей империй, по данным «Тактики», находилась в самой непосредственной связи с военной ситуацией. Перифе-

²⁵ TL, XVII, 1. Col. 913 B.

²⁶ По словам III. Диля (*Диль III. Основные проблемы византийской истории*. М., 1947. С. 84), трактат «*De velitatione bellica*» «рисует в живых, выразительных образах картину непрерывной борьбы, происходившей в пограничных областях, в горах Тавра или на границах Каппадокии, при постоянной угрозе арабских вторжений». Ср.: Успенский Ф. Военное устройство Византийской империи... С. 206–207.

²⁷ TL, IX, 9, 26, 29, 45–46, 50, 58, 63, 77–78.

²⁸ Ibid., IX, 45, 52, 61, 74; XVII, 47.

²⁹ Ibid., IX, 26, 52.

³⁰ Ibid., IX, 42, 44.

³¹ Ibid., IX, 29, 39, 53, 59, 63, 77.

³² Ibid., IX, 11; XVII, 12, 15.

³³ Такие примеры буквально единичны, и их перечисление не составляет труда: IX, 13. Col. 772 A — упоминание о походе Василия I в Сирию; XI, 25. Col. 800 A — сирийский поход Никифора Фоки (Старшего) против арабов; XI, 26. Col. 800 B–C — его же болгарский поход; XV, 38. Col. 896 C — его же поход против лангобардов; XVII, 18. Col. 917 B — поход императора Ираклия против аваров в так называемую Гераклею Фракию (событие почти трехвековой давности); XVII, 83. Col. 933 C — поход Никифора Фоки (Старшего) в Киликию против арабов. Как видим, все же чаще упоминается арабский театр военных действий. Это совпадает с замечанием Льва (XVIII, 142. Col. 981 B), что его больше всего интересуют арабы и он намерен уделять им наибольшее внимание в своем сочинении.

рийные области, наиболее часто являвшиеся ареной военных столкновений, практически полностью выпадали из хозяйственного оборота. Их население либо перетекало в другие, более безопасные районы, либо вынуждено было совершенно менять весь образ жизни, утрачивая оседлость. Во всяком случае, нормальное занятие земледелием, торговлей и промыслами в этих областях было исключено. Некоторые спорные территории превращались в своеобразную «ничейную землю», так что проживающее здесь население затруднялось в определении своей государственной принадлежности. Так, в одном месте Лев говорит о «чужой земле, находящейся под нашей властью»³⁴; несколько далее речь идет о землях, «которые являются пограничными между нашей землей и вражеской территорией»³⁵. Вся XVII глава трактата посвящена характеристике пограничных конфликтов именно на таких спорных территориях.

Экономическое состояние этих территорий далеко не цветущее. По крайней мере, здесь не исключена возможность голода для идущей на неприятеля армии³⁶. Правда, в ряде мест «Тактики» говорится о возделанных в этих районах полях, садах и виноградниках³⁷; могут встречаться и стада домашних животных³⁸. В этих случаях полководцу рекомендовалось двигаться как можно скорее, чтобы не нанести ущерба своей земле³⁹ и поспешить с вторжением во вражескую землю. Если она окажется богатой и плодородной, то войско будет иметь там все необходимое; но если даже она будет и бедна ресурсами, все-таки войско сумеет там себя прокормить, — главное, чтобы своя земля осталась невредимой⁴⁰.

Иной характер приобретают рассуждения нашего автора, когда ожидается угроза вражеского вторжения. Благосостояние пограничных территорий и потребности местного населения безоговорочно приносились в жертву военным потребностям: рекомендовалось уничтожать все съестные припасы⁴¹, а также фураж⁴², чтобы они не доставались неприятелю.

Представляют интерес три параграфа главы XVII «Тактики», где речь идет о серьезных подготовительных мероприятиях оборонительного характера в ожидании вражеского вторжения. Все ценное имущество, а также местное население в этой обстановке должно было концентриро-

³⁴ TL, X, 4. Col. 788 D.

³⁵ Ibid., X, 10. Col. 789 B.

³⁶ Ibid., IX, 6. Col. 769 A.

³⁷ Ibid., IX, 15. Col. 772 B.

³⁸ Ibid., IX, 18. Col. 772 C–D.

³⁹ Ibid., IX, 2. Col. 768 C.

⁴⁰ Ibid., IX, 23. Col. 773 B.

⁴¹ Ibid., X, 16. Col. 792 B; XV, 68. Col. 904 D–905 A; XV, 74. Col. 905 C; XVII, 76. Col. 932 C–D.

⁴² Ibid., IX, 6. Col. 769 A–B.

ваться в укрепленных кастромах, а из окружи выводили скот, чтобы он не достался врагу⁴³. Если эвакуация происходила стихийно и пункт, где собрались люди, не гарантировал их безопасность, следовало переместить их в другое, более защищенное место⁴⁴. Одновременно нужно было организовать дополнительное укрепление кастронов, а также принять меры к тому, чтобы не позволить врагу использовать продовольствие и фураж из ближайшей округи⁴⁵.

Таким образом, в центре внимания Льва находятся вопросы обороны, и большая часть его рекомендаций посвящена именно им. Однако в трактате содержатся сведения и об организации вторжений на вражескую территорию, которым также должна была предшествовать тщательная и всесторонняя подготовка.

Мы оставляем сейчас в стороне чисто военные аспекты этой подготовки и остановимся лишь на некоторых моментах исключительно материальной, хозяйственной стороны дела, так как Лев уделяет этому вопросу гораздо больше внимания, чем все другие военные писатели, — как более ранние, так и более поздние.

Идущая в поход армия должна быть в изобилии снабжена продовольствием и другими припасами; их предполагалось доставлять как по суше, так и по морю⁴⁶, чтобы армия не испытывала ни в чем недостатка. Это необходимо в предвидении возможного уничтожения неприятелем припасов в районе вторжения⁴⁷. Среди «невоенных», сопровождающих войско, имелись торговцы⁴⁸, которые во время пауз в военных кампаниях обязаны были обеспечивать нуждающихся стратиотов лошадьми, снаряжением, экипировкой; это должно осуществляться без всякого ущемления интересов местного населения⁴⁹. Естественно, что для приобретения всего необходимо стратиоты должны располагать деньгами, поэтому Лев настаивает на своевременной выплате жалованья войску⁵⁰.

Уделяя значительное внимание вторжениям на вражескую землю, Лев тем не менее не придает им значения первостепенной по важности или хотя бы самостоятельной разновидности военных действий, но опять-таки подчиняет их целям стратегической обороны. Иногда эти вторжения име-

⁴³ TL, XVII, 84. Col. 933 C–D.

⁴⁴ Ibid., XVII, 85. Col. 933 D.

⁴⁵ Ibid., XVII, 86. Col. 933 D–936 A.

⁴⁶ Ibid., IX, 25. Col. 773 C.

⁴⁷ Ibid., XVII, 36. Col. 921 B–C.

⁴⁸ Ibid., I, 7. Col. 680 B–C.

⁴⁹ Ibid., VI, 23. Col. 725 D–727 A; XI, 6–7. Col. 793 C.

⁵⁰ Ibid., XII, 114. Col. 837 C–D. Жалование обычно выдавалось перед началом похода, и делал это либо сам полководец, либо войсковой казначей (см. об этом: Скабаланович Н. Византийское государство и Церковь в XI веке. СПб., 1884. С. 310).

ют лишь характер демонстраций. Когда враг вторгся на территорию империи, целесообразно совершить собственное нападение, чтобы вынудить врага отступить. И когда неприятель, узнав о вторжении, покинет византийскую землю и начнет преследование вторгшихся частей, нужно искусным маневром вывести войска из-под вражеского воздействия и возвратиться на свою территорию⁵¹. Тем самым, полагает Лев, можно пресечь вражеское нападение, даже не прибегая к пролитию крови, — идеал, к которому всегда стремится обороняющаяся сторона. Во всех случаях вторжение должно сопровождаться применением различных военных хитростей, обманных действий и даже вероломства — глава XVII трактата буквально насыщена рекомендациями подобного рода.

Непосредственная цель военных экспедиций, как это явствует из многочисленных пассажей «Тактики», состоит в разгроме живой силы противника (мы оставляем сейчас этот вопрос в стороне в силу его чисто военной специфики) и нанесении ему материального урона. Последнее достигается путем уничтожения материальных ресурсов и захвата военной добычи.

Автор трактата рекомендует военачальнику применять на вражеской территории «тактику выжженной земли» (если применить современный лексикон): следует жечь, опустошать, разорять неприятельскую землю, ибо скудость состояния и недостаток продовольствия ослабляют врагов, тогда как изобилие этих средств увеличивает их силу⁵². Единственное ограничение этой политики диктуется прагматическими соображениями: если пребывание на вражеской земле будет длительным, то уничтожению подлежат только излишки, а все необходимое следует передать собственному войску⁵³. Если предстоит возвращаться по той же самой дороге, уничтожение припасов целесообразно производить именно на обратном пути⁵⁴. К тому же следует помнить, что пищевые припасы, вода в колодцах и фураж могли оказаться отравленными врагом; поэтому рекомендовалось вначале испробовать их на пленных⁵⁵, а уж потом передать войску.

Захвату военной добычи в трактате уделяется значительное внимание — в этом отношении рекомендации «Тактики Льва» находятся полностью в русле византийской военной традиции⁵⁶.

⁵¹ TL, XVII, 81–82. Col. 933 B–C.

⁵² Ibid., IX, 21. Col. 773 A.

⁵³ Ibid., IX, 22. Col. 773 A.

⁵⁴ Ibid., XVII, 46. Col. 924 B–C.

⁵⁵ Ibid., XVII, 68–69. Col. 929 C–D.

⁵⁶ Анализ юридических и военных источников, где ведется речь о сборе и разделе военной добычи, осуществлен А. Дэном (см.: Dain A. Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires // Actes du VI-ème Congrès International d'Etudes byzantines. T. I. Paris, 1950. P. 347–352).

В качестве военной добычи перечисляются пленные, а также съестные припасы, скот, фураж, деньги, военное снаряжение и т. д. О пленных в трактате говорится сравнительно мало. Они захватываются в качестве «языков», проводников через незнакомую местность⁵⁷, — это, если можно так выразиться, пленные «разового использования». Однако не исключается возможность и угона значительного числа пленных из вражеской земли. В случае вынужденного отступления эти пленные выставляются в качестве заслона в направлении ожидаемого вражеского нападения⁵⁸. Если неприятель пытался отбить пленных, а у византийцев не было возможности воспротивиться этому, рекомендовалось умертвить пленных на виду у врагов⁵⁹. Впрочем, такими мерами нельзя было злоупотреблять, так как пленные (в особенности знатные) могли служить эквивалентом обмена на пленных византийцев, если исход войны представлялся неясным⁶⁰.

Об экономическом использовании пленных после войны в трактате нет прямых указаний. Однако не лишено оснований предположение о том, что в дальнейшем пленные могли использоваться в качестве рабов среди обслуживающего персонала войска (наличие рабов в войске зафиксировано «Тактикой» неоднократно⁶¹). Это один из возможных случаев, когда в войске могли оказаться соплеменники врагов. Подобная нежелательная ситуация должна была обязательно учитываться военачальником: накануне сражения этих соплеменников следовало выделить из войска и отослать в другие места под благовидным предлогом⁶².

Впрочем, этот вариант не является единственно возможным, так как соплеменники врагов могли оказаться в византийском войске не только среди обслуживающего персонала, но и среди самих воинов. Константин Багрянородный⁶³ сообщает о том, что пленные могли расселяться правительством в качестве свободных крестьян в наиболее обезлюдивших фемах империи⁶⁴. Как и другие жители этих областей, бывшие пленные обязаны были отбывать воинскую повинность.

Сбор военной добычи подвергался тщательному регламентированию. Для этого выделялись особые тагмы⁶⁵, а остальная часть войска — большинство — служила для их защиты⁶⁶. Воины, по собственной инициативе

⁵⁷ TL, XVII, 62. Col. 928 D.

⁵⁸ Ibid., IX, 49. Col. 780 C–D.

⁵⁹ Ibid., IX, 51. Col. 781 A.

⁶⁰ Ibid., XVI, 11. Col. 909 C.

⁶¹ Ibid., I, 7. Col. 680 B–C; VI, 15–16. Col. 725 A–B; XVII, 109. Col. 941 C–D etc.

⁶² Ibid., XII, 11. Col. 837 C; XIII, 5. Col. 844 C–D.

⁶³ De cerem., I. P. 694–695.

⁶⁴ См. об этом: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 78.

⁶⁵ TL, XVII, 33. Col. 921 A.

⁶⁶ Ibid., XVII, 48–50, 52. Col. 924 C–925 B.

присоединившиеся к участникам сбора добычи, серьезно наказывались — в обнаженном виде их выставляли перед войском⁶⁷. Строжайше воспрещалось присваивание военной добычи стратиотами без ведома архонта⁶⁸.

Добытое военное снаряжение распределялось между воинами сразу же после боя; это распределение производилось с учетом той роли, которую воины сыграли в сражении⁶⁹.

Собранная добыча охранялась от врага, который, естественно, старался отвоевать ее⁷⁰. Если обстановка складывалась неблагоприятно, Лев рекомендовал начать переговоры с врагом и, уступив ему часть добычи или даже всю ее целиком, вывести из-под удара собственное войско⁷¹. Если же враг отказывался вести такие переговоры, добычу следовало уничтожить⁷².

Анализ пассажей «Тактики», посвященных военной добыче, свидетельствует о том, что оборонительная военная доктрина, исповедуемая Львом, и здесь накладывает отпечаток на его взгляды. По крайней мере, он не измеряет эффект военного предприятия размером и ценностью военной добычи. Мало того, он предупреждает военачальника, что не всякая кампания обязательно заканчивается захватом добычи, — иногда ее может не оказаться вовсе⁷³. В целом Лев не рассматривает захват военной добычи как особую, самостоятельную цель военной кампании, — он видит в этом захвате лишь одно из средств нанесения противнику материального урона. Именно поэтому он не ориентирует военачальника на непременно сохранение военной добычи: она сравнительно легко приносится в жертву соображениям собственной безопасности. В условиях глухой обороны, которую вынуждено было избрать государство в качестве основного содержания своей внешнеполитической деятельности, война перестает рассматриваться как источник пополнения государственной казны. Отныне главная цель состоит в том, чтобы любой ценой сохранить от поражения собственное войско.

Таковы некоторые сведения «Тактики Льва» о состоянии военной экономики Византийской империи на рубеже IX–X вв.

Заключая, нам хотелось бы подчеркнуть, что высказанные в статье положения в большинстве своем имеют лишь предварительный, постановочный характер. Более углубленное изучение проблемы (в смысле увеличения числа анализируемых источников и расширения хронологических рамок) мы полагаем делом дальнейшего исследования.

⁶⁷ TL, XVII, 67. Col. 929 C.

⁶⁸ Ibid., VIII, 9. Col. 764 B–C.

⁶⁹ Ibid., XVI, 3–7, 10. Col. 908 B–909 B.

⁷⁰ Ibid., IX, 47. Col. 780 A–C.

⁷¹ Ibid., IX, 50. Col. 780 D.

⁷² Ibid., IX, 51. Col. 781 A.

⁷³ Ibid., XVI, 9. Col. 909 B.

ФЕНОМЕН РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ВОЕННО-УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЭПОХИ ПЕТРА I*

С точки зрения внутренней структуры своей содержательной сущности право представляет собой чрезвычайно сложное явление. Новаторство и традиционализм, самостоятельность и заимствование, оригинальность и подражание — эти черты, кажущиеся на первый взгляд несовместимыми, антагонистическими и взаимоисключающими, в реальной жизни составляют неперенные атрибуты того противоречивого единства, каковым является правовая система данного общества. При этом заимствование и подражание сообщают правовой системе отнюдь не больший элемент ущербности, чем приносят достоинств ее самостоятельность и оригинальность. Впрочем, названные противоположности в чистом виде в праве практически не встречаются. Их обнаружение и фиксация — это сфера исключительно теоретических, зачастую чисто умозрительных построений. В практической же юриспруденции все элементы действующей правовой системы равноценны по степени реальной значимости, и законодатель никогда не проводит различий между ними по критерию оригинальности. Когда возникает необходимость сформулировать новую правовую норму, законодатель никак не ограничен в выборе средств для самовыражения. К его услугам — обширный арсенал юридических реалий, разработанных поколениями отечественных и зарубежных мыслителей всех предшествующих эпох. При этом само понятие старого и нового в праве в высшей степени относительно: здесь чаще, чем в других отраслях знаний, новое оказывается лишь хорошо забытым старым. — О некоторых, весьма любопытных проявлениях рецепции византийского права на российской почве и пойдет речь в настоящих заметках.

I

Факт значительного влияния византийского права на правовую систему Русского государства является совершенно бесспорным. Однако в различные периоды нашей истории это влияние было существенно раз-

* Статья впервые опубликована в: Византия и средневековый Крым // АДСВ. Вып. 27. Симферополь, 1995.

личным по масштабам и формам. В Древней Руси проявлялся любопытный феномен параллельного существования двух в значительной степени самостоятельных правовых систем — византийской и собственно русской, между которыми складывалось своеобразное «разделение труда» по отдельным отраслям и институтам права. Такое сосуществование продолжилось и в т. н. московский период русской истории, когда было положено начало образованию единого централизованного государства.

Унификация всех действовавших на российской почве правовых систем было осуществлено Соборным уложением 1649 г. Институты церковного, брачно-семейного, наследственного права, а также уголовно-правовые нормы, касающиеся непосредственно наказаний, отныне перестали быть сферой применений византийского права — вся эта обширная область была инкорпорирована в единый комплекс социальных отношений, регулируемых заново созданным общегосударственным сводом законов, каковым по своему капитальному замыслу и являлось Соборное уложение, система которого до известной степени соответствовала системе Кодекса Юстиниана.

Уничтожая изживший себя дуализм, законодатель одновременно дал понять, что византийское право не выкорчевывается окончательно и действие его отнюдь не упраздняется, поскольку источники, составлявшие его фундамент («правила святых апостолов и святых отцов и градские законы греческих царей»), внесены в общий перечень нормативных актов нового свода, причем поставлены в этом перечне на первое место¹. С наибольшей силой византийское влияние отразилось на уголовном праве Соборного уложения, в гораздо меньшей степени — на его гражданском праве.

Ссылка на византийское право в Соборном уложении несла в себе определенную смысловую нагрузку. По справедливому замечанию С. В. Юшкова, таким способом составители Уложения «стремились усилить авторитетность их законодательной деятельности». Однако составители чаще заимствовали из византийского права «не норму, а форму выражения этой нормы, юридическую терминологию»². Что же касается

¹ О византийских источниках Соборного уложения см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 222–223. Как свидетельствуют ссылки на источники, содержащиеся на полях подлинного списка уложения, из светского византийского законодательства было заимствовано 25 статей. Есть, однако, основания полагать, что на самом деле таких заимствований гораздо больше (см.: *Тиктин Н. И.* Византийское право как источник уложения 1648 г. и новоуказных статей. Одесса, 1898. С. 7–8). При этом составители уложения имели дело непосредственно с самими текстами византийских источников, возможно, даже не в переводе, а в оригинале (Там же. С. 33).

² *Юшков С. В.* История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1961. С. 177.

смыслового содержания права, то оно базировалось на подлинно национальной основе, так что «все чуждые влияния терялись в массе начал чисто русских»³. Именно в этом своем национальном качестве Соборное уложение вызвало стойкий интерес в Западной Европе, о чем свидетельствуют его переводы на латинский (1663), французский (1688), немецкий и датский (оба — 1722 г.) языки⁴.

Соборное уложение явилось последним примером крупного законодательного акта универсального, межотраслевого характера, по принципу которых строились российские кодификации до второй половины XVII в. В период становления абсолютизма стала развиваться отраслевая дифференциация законодательства; одновременно проявилось стремление к систематизации этих дифференцирующихся отраслей. Таким образом, российское право начинает оформляться в систему отраслевых законодательных актов, подлежащих последующей кодификации.

Начало этому процессу положила деятельность Петра I. При его особом внимании к проблемам военного строительства вполне объяснимым оказывается тот факт, что военные отрасли права подверглись кодификации в первую очередь. Среди нескольких памятников уголовного и процессуального права из сферы военной юстиции особую важность представляет т. н. «Артикул Воинский с кратким толкованием» 1715 г.⁵

Общепризнанным считается мнение, что введение в действие военно-уголовного кодекса, каковым и явился Артикул Воинский, завершило процесс создания российской профессиональной армии, начатый еще в конце XVII в. с переустройства пехоты (1699). Мощным толчком к военной реформе стали неудачи начального этапа Северной войны. Неумолимая логика военных событий вынудила правительство Петра I предпринять ряд шагов по набору армии на новых принципах военной службы, по формированию ее более современных структурных подразделений, по их вооружению и обучению с учетом уроков войны, практического боевого опыта — по результатам этих конкретных действий и следует в первую очередь судить об эффективности реформы. Документальный же материал, регламентирующий эти процессы, должен изучаться с неизменным учетом его более опосредованного характера: здесь всегда очень важно отделить декларации о намерениях от фиксации реального состояния дел.

Свойственная некоторым исследователям (Д. Ф. Масловский, А. З. Мышлаевский и др.) абсолютизация самостоятельности Артикула Воинского,

³ Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. I. Казань, 1877. С. 137.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Новейшая публикация: Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 327–365.

его независимости от каких-либо иностранных влияний представляется не соответствующей истине. С другой стороны, не выдерживает критики и противоположная позиция, заключающаяся в том, что данный документ есть непереработанное воспроизведение на русском языке либо какого-то одного из существовавших тогда зарубежных военно-уголовных кодексов, либо механическая компиляция нескольких из них⁶.

Как известно, к кодификации военно-уголовного законодательства были привлечены ближайшие сподвижники будущего первого российского императора, отечественные и зарубежные специалисты. Постоянной комиссии, однако, создано не было: дело начинали одни, продолжали другие, а заканчивали третьи; постоянным был только инициатор и вдохновитель этой грандиозной работы — сам Петр I. Все соответствующие законодательные акты переводились на русский язык, располагались в таблицы параллельных мест и соотносились с личными указами и инструкциями Петра. Затем, после отбора лучших образцов, на их основе разрабатывались отдельные статьи применительно к специфике русской армии с неизменным учетом опыта Северной войны; ряд статей при этом формулировался совершенно самостоятельно⁷. Таким способом было подготовлено несколько обобщающих документов: «Краткое обыкновенное учение» — фактически строевой устав пехоты (1700); «Уложение» фельдмаршала Б. П. Шереметьева, состоявшее из 10 обширных глав; «Артикул Краткий» князя А. Д. Меншикова (1706), включавший в себя 12 глав; «Устав прежних лет» (1707–1708).

С апреля 1712 г. к работе над окончательным редактированием кодекса приступил сам Петр I. Эта работа осуществлялась им регулярно, прерываясь лишь на время болезни. Весь накопленный к тому времени материал был просмотрен Петром заново. Сохранилось свыше 70 поправок и дополнений, сделанных им собственноручно в подлинной рукописи Артикула⁸; многие статьи кодекса в его окончательном варианте сохранили слог венценосного редактора. Первое издание Артикула Воинского в составе 24 глав и 209 статей было осуществлено 26 апреля 1715 г.; в том же году Артикул был переиздан еще раз на русском и немецком языках⁹. В 1719 и

⁶ См.: Сергеевич В. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 490; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. СПб., 1912. С. 198; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пг., 1915. С. 20.

⁷ См. об этом: Шворина Т. И. Воинские артикулы Петра I. М., 1940. С. 13.

⁸ Опубликованы в издании: Военные уставы Петра Великого. Сборник документов / Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна. Вступительная статья и комментарии П. П. Елифанова. М., 1946.

⁹ Факт публикации Артикула сразу на двух языках дал основание некоторым исследователям из Германии утверждать, что именно немецкий текст и является

1748 г. появились еще две новые исправленные публикации Артикула вместе с другими военными законами петровского периода. Наконец, издание 1748 г. было воспроизведено в Полном собрании законов Российской империи, подготовленном комиссией М. М. Сперанского (1830).

По авторитетному свидетельству П. О. Бобровского¹⁰, Артикул Воинский был разработан по плану и по форме шведского воинского устава Густава-Адольфа 1621–1632 гг. в т. н. новшведской редакции Карла XI 1683 г., состоявшего из 145 статей, с дополнениями, заимствованными из датского и бранденбургского артикулов, с учетом комментариев П. Паппи на голландские военно-уголовные законы, а также Гойера и Шульца на бранденбургский артикул курфюрста Фридриха Вильгельма Великого. Ощущается также влияние некоторых других германских артикулов (в частности, прусского и саксонского), которые, в свою очередь, проникнуты идеями Уголовного уложения 1532 г. Карла V (известного под наименованием «Каролины»). Наконец, обнаруживаются параллели с военными ордонамсами французского короля Людовика XIV, суммированными в Военном кодексе 1709 г.¹¹

В компилятивном характере Артикула Воинского не следует усматривать каких-либо признаков его ущербности, так как вообще невозможно назвать ни одного военно-уголовного кодекса любой страны и любого периода, не черпавшего материал из источников инационального происхождения¹². Напротив, факт творческого использования самых современ-

оригиналом; к этому мнению присоединился и ряд русских ученых (см. об этом: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 21). Серьезные возражения против такого подхода были выдвинуты П. О. Бобровским (Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887), изучившим подлинную рукопись Артикула: первое издание кодекса было осуществлено на одном лишь русском языке; немецкий же перевод, опубликованный в самом ограниченном количестве экземпляров, был предназначен для иноземных офицеров, которые привлекались в русскую армию в качестве наемников еще за два столетия до Петра.

¹⁰ Бобровский П. О. Военные законы... С. 9–10.

¹¹ См. также специальные исследования: Бобровский П. О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII вв.). Ч. 2. СПб., 1881; Он же. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Вып. 3. СПб., 1898.

¹² В данном случае Петр зависел от иностранных источников не больше, чем любой военный законодатель любой военной державы (см.: Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе Петра Великого // ВИ. 1945. № 1. С. 56). Представляются вполне справедливыми слова А. Н. Филиппова (О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1881. С. 389) о том, что «нигде заимствования не могут быть более уместны, как по отношению к войску, и нигде поэтому они не прививаются столь быстро, как по отношению именно к войску».

менных, передовых европейских уголовных установлений, тщательно отобранных, систематизированных, гибко приспособленных к потребностям российской военной организации той переломной эпохи, составляет первостепенное достоинство анализируемого документа¹³.

От своего главного источника — шведского уголовного кодекса — русский Артикул отличают, в частности, более сжатая форма изложения, более глубокая детализация некоторых уголовно-правовых реалий (в т. ч. наиболее тяжких преступлений), многочисленные новеллы нормативного характера, развернутые толкования, зачастую превышающие объем толкуемых статей¹⁴. Одним словом, Артикул Воинский совершенно изменил и систему, и дух своего скандинавского прообраза; еще дальше он отстоит от своих второстепенных источников. В целом, усилиями Петра и его сподвижников российская армия получила самостоятельные воинские законы, отразившие как ее национальную специфику, так и военные идеи ее великого реформатора. Единственное, в чем создатели Артикула заслуживают упрека, — это в чрезмерном немотивированном заимствовании иностранной терминологии, вследствие чего произошло засорение документа обилием слов немецкого, французского, голландского, польского происхождения, рассыпанных на его страницах в большем количестве, чем того требовала специфика излагаемой информации¹⁵. Впрочем, этот упрек может быть адресован всей государственно-право-

¹³ Обратим внимание еще на одну многозначительную деталь. П. О. Бобровский полагал, что обращение Петра именно к шведскому военно-уголовному кодексу как к основному источнику отнюдь не случайно. Первая, лежащая на поверхности причина заключалась в необходимости изучения опыта своего главного военного соперника, чьи военные законы превосходили по качеству все другие законодательства тогдашней Европы (см.: Бобровский П. О. Старошведское военное право. СПб., 1881. С. 9). Но учитывалось и другое, не столь очевидное обстоятельство: шведский кодекс в то время был и самым гуманным в Европе — проникнутый духом протестантизма, он выгодно отличался от обскурантистской идеологии уголовно-правовых установлений германских государств и Франции (см.: Бобровский П. О. Военные законы... С. 73, 92). Личное участие Петра на завершающем этапе работы над Артикулом имело то последствие, что репрессивный характер этого кодекса, оставшийся в итоге достаточно высоким (см. об этом: Филиппов А. Н. О наказаниях по законодательству Петра Великого... С. 404–496), все-таки был несколько снижен по сравнению с первоначальными проектами (см. об этом: Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 68, 250–252).

¹⁴ См.: Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX столетия). СПб., 1899. С. 18–19.

¹⁵ По образному выражению А. Н. Филиппова (История русского права. Русское право от Уложения царя Алексея Михайловича до издания Свода Законов. Ч. 1–2. М., 1885–1886. С. 31), Артикул наполнен «чудовищной какофонией звуков».

вой терминологии петровского периода, когда Россия с непосредственностью неопита присваивала новым явлениям своей жизни зарубежные лингвистические обозначения.

Так обстоят дела с выяснением непосредственных источников Артикула Воинского 1715 г. Однако существует возможность не ограничиваться только констатацией этой очевидности, а предпринять попытку поиска в сферах более глубинных, подспудных, уводящих в дали веков и регионов.

Как было справедливо замечено П. О. Бобровским, в самих романо-германских источниках Артикула Воинского отчетливо прослеживается влияние идей, имеющих старинное греко-римское происхождение. В течение многих столетий эти идеи формировали европейскую уголовно-правовую идеологию средневековья и Нового времени, а через ее посредство были инкорпорированы и в наш отечественный устав¹⁶. Впрочем, как будет показано ниже, теоретически не исключалась возможность появления каналов и прямого, непосредственного воздействия греко-римской теории на российскую военно-научную методологию. В любом случае исследование каждого из этих двух вариантов приводит к выводу, способному еще и еще раз поразить воображение феноменом стойкого континуитета тех основополагающих принципов, на которых зиждется система общечеловеческих военно-мировоззренческих концепций, независимо от того, какая именно этническая общность и в какой период своего развития является их носителем.

II

Как известно, основные положения греко-римской военно-теоретической мысли с наибольшей полнотой были воплощены в двух выдающихся памятниках византийской полемологии — «Стратегиконе Маврикия» и «Тактике Льва». Оба эти трактата включают в свой текст специальные главы, являющиеся по существу сводом норм военно-уголовного права. В «Стратегиконе Маврикия» этому посвящены три небольшие главы I книги: 6-я, которая содержит перечень требований, предъявляемых стратиотам накануне принесения присяги¹⁷, 7-я, включающая в себя требования, адресованные архонтам тагм¹⁸, и 8-я, название которой говорит само за

¹⁶ См.: Бобровский П. О. Военные законы... С. III–IV; Он же. Военное право... Ч. 2. Вып. 2. СПб., 1886. С. XX: Петр «принял военные законы, над созданием и обработкой которых трудились великие умы народов всей Европы, начиная от древних греков и римлян и оканчивая шведами, датчанами, германцами и французами».

¹⁷ Das Strategikon des Maurikios, I, 6 // Ed. G.T. Dennis. Wien, 1981. P. 92–96.

¹⁸ Ibid., I, 7. P. 96–98.

себя: «О воинских наказаниях»¹⁹. В «Тактике Льва» вся эта информация сведена в единую главу, имеющую наименование: «О наказаниях военнослужащих»²⁰.

Кроме «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва», в византийской литературе существует еще один трактат, специально посвященный военно-уголовной проблематике. Это т. н. «Воинский Закон» (Νόμος στρατιωτικός) — одно из приложений к Эклоге, регулирующее наказания военнослужащих, совершивших уголовное преступление или дисциплинарный проступок. Анализ статей «Воинского Закона», имеющих параллели в кодексах «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва», был осуществлен нами ранее²¹. Сейчас нас будет интересовать сопоставление уголовно-правовых идей, содержащихся в трех названных византийских памятниках, с одной стороны, с идеями, получившими свое отражение в российском «Артикуле Воинском» — с другой²².

Прежде всего следует отметить, что круг правоотношений, подлежащих урегулированию в Артикуле Воинском, очерчен в полном соответствии с традиционной проблематикой военно-уголовного законодательства вообще и византийского в частности. Для этой проблематики обязательными являются следующие основные рубрики: субординация рядового и начальствующего состава; обязательность исполнения приказа; недопустимость ущемления социального статуса и материального положения военнослужащих; взаимоотношения армии и мирного населения; волнения и бунты военнослужащих; армейская дисциплина в мирное время; дисциплина сражения; воинская измена; усиленная ответственность за пренебрежение к оружию и воинской атрибутике (в особенности к знамени).

Эти рубрики могут быть развернуты в неограниченное количество частных казусов, порядок изложения которых абсолютно произволен: индивидуальная логика конкретного кодификатора является его единственным организующим началом. Если порядок изложения казусов в кодексах «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва» оказывается почти совпадающим, то уже «Воинский Закон» располагает материалом в иной последовательности; разумеется, еще более специфической является рубрикация российского кодекса. Но при этом практически все сюжеты ви-

¹⁹ Das Strategikon des Maurikios, I, 8. P. 98–100.

²⁰ Leonis Imperatoris Tactica, VIII // PG. 107. 1863. Col. 764–768.

²¹ См.: Кучма В. В. ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // ВВ, 1971, 32 (см. также с. 243–258 настоящего издания).

²² В дальнейшем при ссылках на документы будут использоваться следующие сокращения: СМ — Стратегикон Маврикия, ВЗ — Воинский Закон, ТЛ — Тактика Льва, АВ — Артикул Воинский; используемые издания этих документов указаны в примечаниях 17, 20, 21, 5.

зантийского военно-уголовного кодекса, включенного в «Стратегикон Маврикия» и «Тактику Льва», имеют аналогичные соответствия (как правило, многократные) в Артикуле Воинском.

Среди конкретных составов преступлений военнослужащих, известных как всем трем византийским, так и российскому кодексам, могут быть названы: неподчинение солдат распоряжениям командиров²³, уклонение от службы²⁴, беззаконие командиров в отношении своих подчиненных²⁵, незаконное освобождение от службы солдата командиром²⁶, организация заговора, тайного сообщества или бунта²⁷, самовольное оставление места в строю, поста или караула²⁸, переход на сторону врага²⁹, мародерство³⁰, причинение ущерба другому военнослужащему или военнообязанному³¹, оставление места с целью грабежа убитых неприятелей или вражеского обоза³², бегство с поля боя³³, утрата знамени³⁴, сознательное оставление оружия³⁵. К ним могут быть добавлены составы, имеющиеся только в византийском «Воинском Законе» и российском Артикуле Воинском (в «Стратегиконе Маврикия» и «Тактике Льва» они отсутствуют): нарушение императорской воли³⁶, явно выраженное сопротивление начальству, в т. ч. с применением физического насилия³⁷, попытка самоубийства³⁸, пьянство³⁹, воровство⁴⁰, прелюбодеяние⁴¹. Лишь единственная норма, содержащаяся во всех трех византийских кодексах⁴², не нашла аналогии в российском законодательстве. Ее содержание состоит в следующем: если во время сражения военнослужащие, размещенные в боевом строю, обратятся в бегство и при этом устремятся не в укрепленный лагерь и не

²³ СМ, VI, 1–2, 8 = ВЗ, 2–3 = ТЛ, VIII, 2, 8 = АВ, 20–22, 24–29.

²⁴ СМ, VI, 4 = ВЗ, 5, 36 = ТЛ, VIII, 4 = АВ, 71, 80.

²⁵ СМ, VI, 3 = ВЗ, 4 = ТЛ, VIII, 3 = АВ, 33, 53–54.

²⁶ СМ, VII, 14 = ВЗ, 6 = ТЛ, VIII, 15 = АВ, 69–72.

²⁷ СМ, VI, 5 = ВЗ, 1, 17–18 = ТЛ, VIII, 5 = АВ, 19, 133–134, 137.

²⁸ СМ, VI, 6; VII, 15 = ВЗ, 9, 30 = ТЛ, VIII, 6, 16 = АВ, 101–103.

²⁹ СМ, VI, 7 = ВЗ, 7, 23, 32 = ТЛ, VIII, 7 = АВ, 99, 117, 127.

³⁰ СМ, VI, 9 = ВЗ, 10 = ТЛ, VIII, 9 = АВ, 81, 83, 178, 180–181, 185.

³¹ СМ, VI, 10; VII, 13 = ВЗ, 8, 26 = ТЛ, VIII, 10, 13–14 = АВ, 53–54.

³² СМ, VIII, 16 = ВЗ, 11 = ТЛ, VIII, 20 = АВ, 83, 104, 106–107.

³³ СМ, VIII, 17 = ВЗ, 12 = ТЛ, VIII, 21–22 = АВ, 97–98.

³⁴ СМ, VIII, 18 = ВЗ, 13 = ТЛ, VIII, 23 = АВ, 94–95.

³⁵ СМ, VIII, 20 = ВЗ, 15 = ТЛ, VIII, 25 = АВ, 57–59.

³⁶ ВЗ, 31 = АВ, 20.

³⁷ ВЗ, 19 = АВ, 21–22, 24–25.

³⁸ ВЗ, 26 = АВ, 164.

³⁹ ВЗ, 39 = АВ, 41–43.

⁴⁰ ВЗ, 27 = АВ, 186–192.

⁴¹ ВЗ, 41 = АВ, 167–176.

⁴² СМ, VIII, 19 = ВЗ, 14 = ТЛ, VIII, 24.

под защиту арьергардных частей, а в какое-либо иное место, то беглецы подлежат наказанию как презревшие своих товарищей. Вероятно, русский законодатель счел данный сюжет слишком частным и для своего времени неактуальным; он предпочел выработку более общей нормы, запрещающей бегство с поля боя во всех случаях, и многократно продублировал ее в статьях главы XII «О дезертирах и беглецах».

Как византийское, так и российское законодательство не ограничивалось лишь простым перечислением преступлений, но и соотносило их между собою по степени тяжести (мерилом последней являлась суровость уголовно-правовой репрессии, предусмотренной соответствующей нормой). В результате выстраивалась градуированная шкала преступлений, позволяющая судить об оценке законодателем степени их общественной опасности. И хотя Артикул Воинский отделен от византийских кодексов целым тысячелетием, в нем не обнаруживается сколько-нибудь серьезных отклонений от традиционных, исторически сложившихся соотношений между теми или иными преступными деяниями. Так, во всех анализируемых памятниках организация заговора, тайного сообщества или бунта рассматривается как общеуголовное преступление максимальной степени тяжести; бегство с поля боя влечет за собой гораздо более суровую ответственность, чем порча или потеря оружия; причинение ущерба мирному населению карается менее строго, чем незаконный сбор военной добычи до конца сражения.

И для византийских, и для российского кодексов характерен подчеркнутый устрашающий характер военно-уголовной ответственности. Так, из 20 статей военно-уголовного кодекса «Стратегикона Маврикия» смертная казнь прямо санкционирована в 8 статьях (40% от общего количества). Впрочем, в реальной действительности этот процент мог оказаться и более высоким, поскольку еще в 7 статьях конкретный вид наказания не был установлен, и по этим составам смертная казнь теоретически также была возможна; вполне определенно она исключалась лишь в 5 статьях. Аналогичное соотношение свойственно и военно-уголовному кодексу «Тактики Льва». Система наказаний «Воинского Закона» значительно более ужесточена: здесь из 41 статьи смертная казнь установлена в 22 случаях (почти 54%), еще в 5 статьях она теоретически возможна, в 11 определено исключена; 3 оставшиеся статьи содержат запреты общего характера. Почти таков же процент наказания смертью в российском Артикуле Воинском: из 209 статей смертная казнь санкционирована в 122 статьях (58,4 %).

Выраженно репрессивный характер уголовной ответственности, свойственный и византийским, и российскому кодексам, отчетливо проявляется еще в двух отношениях. Во-первых, по некоторым составам преступле-

ний уголовная ответственность предусмотрена не за оконченное преступление и даже не за покушение на него — криминальной признавалась уже первая стадия преступного деяния, т. е. голый умысел. Примером могут служить однотипные нормы как византийского кодекса⁴³, так и русского «Артикула Воинского»⁴⁴. Во-вторых, в значительном ряде случаев ответственности подлежали не только сами виновники преступления, но и лица, лишь к преступлению прикосновенные. Так, статья VI, 9 «Стратегикона Маврикия» угрожала наказанием не только лицам, виновным в утайке найденного имущества, но и их сообщникам. Уже упомянутая ранее статья 7 «Воинского Закона» заканчивается указанием на то, что высшей мере наказания подлежат не только виновные, но «и единомышленники и умолчавшие». Особенно часто распространение ответственности на лиц, не являвшихся прямыми виновниками, практиковалось по «Артикулу Воинскому». Равную ответственность с виновными несли советчики, помощники и недоносители по факту вооруженного мятежа (ст. 19), лица, скупающие у военнотружущих казенное имущество (ст. 59) и краденые вещи (ст. 190), коменданты крепости, попустительствующие тайной переписке осажденных с неприятелями (ст. 124), помощники в организации драк между рядовыми (ст. 138), а также те, кто эти драки не пресек, хотя и имел к тому возможность (ст. 142), советчики и соучастники убийства (ст. 155), подстрекатели к убийству (ст. 161), соучастники в мародерстве (ст. 178) и разбое (ст. 185), недоносители по факту казнокрадства (ст. 194), свидетели лживой присяги (ст. 198), лица, попустительствующие бегству преступника из-под стражи (ст. 207).

Как наиболее яркий образец объективного вменения (т. е. кары без вины) может рассматриваться наказание в форме децимации — казни каждого десятого по жребию. Широко распространенная в римско-византийской армейской практике, децимация применялась для наказания той воинской части, которая во время сражения первой бежала с поля боя. Упоминание о ней содержится в статье VIII, 17 «Стратегикона Маврикия» и в статьях VIII, 21–22 «Тактики Льва». Почти текстуально эта норма воспроизведена в статье 12 «Воинского Закона»: «Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратилась в бегство... рассчитать по десять и ... (каждого

⁴³ См., например, ВЗ, 7: «Если кого-либо уличат в желании предаться врагам, того следует наказать высшей мерой наказания...»

⁴⁴ АВ, 127: «Кто какую измену, или сему подобное учинить намеритца, и хотя он сие к действию не произведет, однакоже имеет по состоянию дела и признанию воинского суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, яко бы за произведенное самое действо».

десятого) предать смерти». В российском «Артикуле Воинском» децимация упоминается семь раз, но подробно регламентируется тремя статьями — 97, 117, 119, согласно которым все офицеры, виновные в бегстве части, подвергались лишению чести, конфискации имущества и смертной казни, каждый десятый из рядовых по жребию подлежал повешению, а остальные рядовые наказывались шпицрутенами. Кроме того, вся часть подвергалась дополнительному позорящему наказанию — она должна была впредь размещаться вне лагеря («вне обоза») без знамени, пока не искупала свою вину в последующих сражениях. Имелась, впрочем, и оговорка: «Буде же кто невинность свою оказать может, оный пощаду свою получит»⁴⁵. Согласно древним римским правилам, самым серьезным основанием освобождения от наказания было ранение в бою⁴⁶.

Впервые введенная в отечественную военно-уголовную практику Петром I децимация применялась в российских вооруженных силах с самого начала XVIII в. — с 1701 г.; последний случай ее применения в нашей армии зафиксирован в 1868 г.

В целом, система преступлений военнотружущих, регулируемая российским законодательством, представлена более широко и детально, чем в византийских военно-уголовных кодексах. Более тонко градуирована и шкала наказаний: одних только видов смертной казни в «Артикуле Воинском» не менее семи (четвертование, колесование, обезглавливание, расстрел, повешение, заливание горла раскаленным металлом, сожжение). Детально проработана система телесных (битие шпицрутенами, кнутом, розгами, батогами⁴⁷), имущественных (штрафы, конфискации, вычеты из жалования), изолирующих (ссылка, в т. ч. на галеры, тюремное заключение) и позорящих (лишение чести, выставление на эшафот, шельмование) наказаний. Интересно отметить, что «Артикул Воинский» возродил применение некоторых традиционно византийских наказаний, нетипичных для русской правовой системы (прожжение языка раскаленным железом⁴⁸, вырывание ноздрей⁴⁹, отсечение руки⁵⁰, клеймение⁵¹, отрезание носа и ушей⁵²), которые не встречаются в византийских военно-уголовных кодексах, но известны по другим памятникам (например, по Эклоге).

⁴⁵ АВ, 97.

⁴⁶ СМ, VIII, 17 = ВЗ, 12 = ТЛ, VIII, 21–22.

⁴⁷ См. специальные исследования: Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904; Евреинов Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913.

⁴⁸ АВ, 3.

⁴⁹ Там же, 63.

⁵⁰ Там же, 85, 114, 146.

⁵¹ Там же, 165.

⁵² Там же, 188.

Определенное различие между византийским и российским уголовным законодательством проявляется в анализе субъективной стороны преступления. Если «Воинский Закон» склонен смягчать ответственность за преступление, совершенное в состоянии опьянения (согласно ст. 39 смертная казнь при этом заменяется телесным наказанием и перемещением по службе), то Артикул Воинский, напротив, считает состояние опьянения обстоятельством, отягчающим вину⁵³. Относительно же прелюбодеяния картина обратная: «Воинский Закон» формулирует общую норму и не предусматривает из нее никаких исключений⁵⁴, тогда как «Артикул Воинский» указывает на возможность смягчения ответственности, исходя из конкретных обстоятельств дела⁵⁵.

В конечном счете все отмеченные проявления самостоятельности в российском уголовном кодексе имеют своей первопричиной принципиальные отличия социальной и материально-технической базы военной организации России начала XVIII в. от условий функционирования военной машины ранней Византии. Более высокий уровень правовой техники, свойственный «Артикулу Воинскому», есть отражение общей прогрессивной эволюции европейской и российской уголовно-правовой мысли начала XVIII в. в сравнении с уголовно-правовыми концепциями позднеримской и ранневизантийской эпохи.

Уже в первой части настоящей статьи раскрывался механизм опосредованного (через европейское законодательство) влияния римско-византийских норм на российский уголовно-уголовный кодекс. Но повторим еще раз: теоретически вовсе не исключалась возможность прямого, непосредственного воздействия римско-византийского права на российское.

Как свидетельствует история европейской военной науки Нового времени, практически все великие военные мыслители и реформаторы, приступая к своей деятельности, прежде всего обращались к бесценному опыту античности. С этого начинали Мориц Саксонский в Германии, Анри Тюренн во Франции, Евгений Савойский в Австрии — не составил исключения и Петр Великий в России. По его заданию были осуществлены переводы ряда военно-научных трактатов древности⁵⁶. Так, в 1692 г. К. Истомину было поручено перевести известное руководство Секста Юлия Фронтин «Стратегемы», посвященное военным хитростям; в сле-

⁵³ АВ, 43: «Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что зла учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящешю жестокостию наказан быть имеет».

⁵⁴ Статья 41 «Воинского Закона» за такой состав преступления предусматривает увольнение со службы и конфискацию имущества.

⁵⁵ АВ, 167–168, 176.

⁵⁶ См. об этом: Военные уставы Петра Великого... С. 14–17.

дующем году переводчик преподнес Петру переложение этого трактата под названием «Книга о хитростях ратных» с т. н. «Регулами» в качестве дополнения. Приблизительно в то же время Петр подробно ознакомился с переводом «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря.

В 1698 г. И.Ф. Копиевский (иногда он подписывался и фамилией Копиевич⁵⁷) осуществил по заданию Петра I переложение на русский язык знаменитой «Тактики Льва» — самого полного и наиболее известного византийского военно-теоретического руководства, датируемого рубежом IX–X столетий. Под названием «Краткое собрание Льва Миротворца, августейшего греческого кесаря, показующее дел воинских обучение» этот труд общим объемом свыше 150 страниц был опубликован в 1700 г.⁵⁸ Напомним, что главу VIII этого трактата составлял военно-уголовный кодекс; не исключена была, следовательно, возможность непосредственного использования его текста разработчиками российского уголовно-уголовного законодательства.

«Артикулу Воинскому», документу со столь сложной историей своего создания, была уготована весьма длительная перспектива практического действия. Лишь сто лет спустя его XII глава «О дезертирах и беглецах» была заменена новым Полевым уголовным уложением 1812 г., учитывающим опыт наполеоновского законодательства⁵⁹. Издававшиеся после 1715 г. отдельные постановления были в конце 30-х гг. XIX в. инкорпорированы в единый Свод военных постановлений; его V часть, содержащая акты военно-уголовного законодательства, составила Военно-полевой устав 1839 г., который отменил, наконец, действие «Артикула Воинского»⁶⁰.

Таким образом, практически до середины XIX в. на российской почве функционировали нормы, имеющие прямую генетическую связь с установлениями римско-византийской эпохи. Подобная рецепция, осуществленная либо опосредованным, либо непосредственным, а скорее всего — комбинированным способом, есть еще одно свидетельство тесной преемственности в накоплении знаний, которая была изначально свойственна как праву, так и военной науке, но которая оказалась еще более показательной при их тематическом сочетании.

⁵⁷ См. о нем: Русский биографический словарь. Т. 4. СПб., 1903. С. 245–246.

⁵⁸ Характеристику этого издания, а также описание злоключений издателя, с ним связанных, см. в исследовании: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 13–25, 521–526. Т. 2. С. 24–25.

⁵⁹ См.: Бобровский П. О. Военное право... Ч. 2. Вып. 2. С. 759–760.

⁶⁰ См.: Савинков В. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869. С. 35.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ КОНЦА X в.*

Конец X столетия был ознаменован созданием двух значительных произведений византийской военно-научной мысли. Один из этих трактатов, которому его первый издатель Карл Бенедикт Хазе присвоил наименование «*De velitatione bellica*»¹, характеризовал состояние перманентной оборонительной войны, разворачивавшейся в 40–50-х гг. X в. в юго-восточных регионах империи, где византийские фемные контингенты противостояли мобильным формированиям арабских эмиров династии Хамданидов. Другой трактат, вошедший в научный оборот под условным названием «*De castrametatione*»², раскрывал ситуацию, сложившуюся в 90-х г. этого же столетия на северо-западных рубежах, откуда регулярное византийское войско, возглавляемое императором, осуществляло наступательные экспедиции против племен, населявших южное Подунавье. В течение 80-х гг. почти одновременно увидели свет новейшие критические издания этих трактатов, осуществленные Дж. Дэннисом и Ж. Дагроном³. Основанные на самых современных методиках в области источниковедения и историографии, эти издания вновь привлекли внимание многих исследователей к проблемам истории византийской военной организации конца X в.

В задачи настоящей работы не входит решение вопроса о том, принадлежат ли оба названных произведения одному и тому же военному

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 1999. 58 (83).

¹ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber De velitatione bellica Nicephori Augusti. Ed. C. B. Hase. Paris, 1819. Издание воспроизведено впоследствии в Боннском корпусе. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 14. Bonnae, 1828.

² Сведения об изданиях трактата см.: Dain A. Les stratèges byzantins // ТМ. Р., 1967. Vol. 2. Р. 369. Первые 8 глав «*De castrametatione*» были переведены и прокомментированы Ю. Кулаковским (см.: Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века // ВВ. 10. 1903. Вып. 1–2). См. также его развернутую рецензию на издание Ш. Гро—А. Мартена (Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат по военному делу // ВВ. 7. 1900. Вып. 4), а также комментарий к изданию Р. Вари (ВЗ. 7. 1902).

³ Three Byzantine Military Treatises. Ed. G. T. Dennis. Washington, 1985; Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Ed. G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986.

писателю или они созданы двумя различными авторами⁴. Для нас сейчас вполне достаточно констатации того факта, что между двумя сочинениями существует определенная генетическая связь, некое «неоспоримое родство», если воспользоваться выражением А. Дэна⁵. Кроме того, рукописная традиция византийских тактик рассматривает оба трактата в качестве органических дополнений к тому грандиозному комплексу полемологических знаний, который был синтезирован в знаменитой «Тактике Льва»⁶. Разумеется, каждый из анализируемых трактатов, взятый в отдельности, не обладает той универсальностью в постановке и решении военно-научных проблем, которая была свойственна энциклопедическому труду, связанному с именем Льва VI Мудрого. Однако совокупная информация трактатов «*De velitatione bellica*» и «*De castrametatione*», рассмотренная в комплексе и подвергнутая сравнительному анализу как по принципу сходства, так и на основе противопоставления, оказывается вполне репрезентативной для суждения об общем состоянии византийской военной организации конца X в. Подобный принцип сопоставления рекомендаций двух трактатов представляется плодотворным и для решения некоторых частных проблем, в том числе и той, которая избрана нами для сегодняшнего обсуждения.

I

По свидетельству трактата «*De velitatione bellica*»⁷, военно-стратегическая ситуация на юго-восточных рубежах империи характеризовалась постоянной угрозой вражеских нашествий. Почти ежегодно (а иногда дважды и трижды в год), с регулярностью, диктуемой сезонными погодными условиями, на территорию империи осуществлялись грабительские рейды сравнительно небольших арабских конных контингентов средней численностью 5–6 тыс. чел. Преодолев горные районы Тавра, арабы проникали на территорию приграничных византийских фем, стремясь овладеть добычей, захватить пленных и успеть вернуться домой еще до начала зимы. Военные столкновения в таких условиях характеризовались предельной динамичностью — не могло быть и речи о каких-либо продолжительных маневрах, длительных осадах, стратегии выжидания или измора. Задача обеспечения безопасности приграничного региона целиком возлагалась на

⁴ Попытка решения этой проблемы предпринята нами в специальной статье (см.: Кучма В. В. Два трактата — один автор?), помещенной во втором разделе настоящего сборника.

⁵ Dain A. Les stratèges... P. 369.

⁶ Подробно об этом см.: Le traité... P. 157–160.

⁷ Пользуемся изданием Ж. Дагрона, указанным в примеч. 3 (далее — De vel. bell.).

соответствующего фемного стратига; вмешательство боевых частей регулярной императорской армии (они упомянуты в трактате под названием «государевых войск»⁸) предполагалось лишь в самых исключительных случаях, когда со стороны арабов предпринималась полномасштабная военная экспедиция силами крупной армии, включающей в себя как кавалерийские, так и пехотные контингенты общей численностью 20–30 тыс. чел.

Меры по обеспечению безопасности, которые должен был осуществить фемный стратиг еще до начала военной кампании, находились в прямой зависимости от масштабов потенциальной военной угрозы. Определить же эти масштабы можно было на основании той достоверной информации, которую обязаны были регулярно и бесперебойно поставлять специальные подразделения, несущие караульную и разведывательную службу.

Трактат начинается с подробной характеристики наблюдательных постов, именуемых виглами (βίγλαι)⁹, которые выставлялись стратигами пограничных фем для наблюдения за передвижениями неприятельских войск еще на подступах к ромейским владениям. Наш автор пишет, что эти виглы не следует выстраивать в одну линию — необходимо придавать их построению эшелонированный характер. Первая (внешняя) линия вигл должна быть размещена на возвышенных местах, по гребням гор, чтобы иметь возможность более широкого обзора приграничной территории. Для несения караульной службы в этих виглах рекомендовалось отбирать крепких, выносливых, опытных воинов, хорошо знающих местность. Они должны находиться в дозоре на протяжении 15 суток, после чего необходимо произвести их смену. Постовым не следует стоять на одном месте, но постоянно передвигаться, чтобы не быть захваченными врагами врасплох; стратигу же следует время от времени посылать наиболее опытных архонтов для проверки надежности несения службы караульными постами.

Сообщение о приближении неприятеля должно быть последовательно передано виглам второй, третьей и последующих линий; дистанция между отдельными постами должна составлять 3–4 мили (т. е. от 4,5 до 6 км). Известие должно дойти до конных стражей, которые размещены уже в глубине ромейской территории на равнинных местах, — эти конные стражи уведомят о начале вражеского вторжения непосредственно самого стратига¹⁰.

⁸ De vel. bell., XII, 1. P. 75, 4.

⁹ Ibid., I, 1–6. P. 37–39.

¹⁰ Как видим, здесь речь не идет о передаче разведывательных данных с помощью видимых условных знаков или сигнальных огней, как это было в свое время предусмотрено анонимным военным сочинением VI в. (Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855; далее — Anonymus), опиравшегося на опыт

Особую разновидность сторожевых постов представляют караулы на дорогах (καρινόβιγλια), которые, если судить по контексту, могут быть выдвинуты и за пределы ромейской территории. Именно от них стационарные виглы могли получить первое сообщение о начале вражеского марша; они же должны оповестить об опасности жителей приграничных поселений, чтобы те успели перебраться в безопасные, защищенные природой места вместе с семьями и имуществом¹¹. Таким образом, дорожные караулы составляли как бы промежуточное (и передаточное) звено между сторожевыми постами, расположенными на ромейской территории, и шпионами (лазутчиками, соглядатаями — κατὰσκολοί), заблаговременно засылаемыми во вражеские владения. По мнению автора трактата, людьми, наиболее подходящими для осуществления шпионских мероприятий, являются люди торговых профессий. Особые, преимущественно диверсионные функции должны быть возложены на т. н. трапезитов¹², именуемых также тасинариями. Наиболее сильных и мужественных из них рекомендуется поставить на особый учет и назначить над ними архонтов, которые, помимо храбрости и боевого опыта, обладают еще хорошим знанием дорог и местностей в Сирии — того региона, где будет разворачиваться их диверсионная деятельность. Главная цель трапезитов заключалась в том, чтобы наносить вред неприятельским землям и терроризировать проживающее там население. Если предоставится возможность, предписывается захватить и доставить к стратигу кого-либо из местных жителей, владеющих информацией о военных планах противника¹³.

Автору трактата известно, что нападения арабов на ромейские владения обычно происходят в сентябре, после уборки урожая. Поэтому уже в августе, в период сбора неприятельских армий, необходимо максимально активизировать разведывательную деятельность на вражеской территории, используя для этих целей лиц торговых и купеческих профессий. Одновременно следует проявить знаки дружеского расположения к эми-

античных авторов от Ксенофонта до Витрувия (см. об этом: Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. 41. С. 78 и с. 208–242 настоящего издания). Автор «De velitatione bellica», располагая гораздо большим, чем Аноним, практическим опытом, отдавал явное предпочтение изустным способам передачи военной информации, как более полным и точным по сравнению с визуальными.

¹¹ De bell. vell., II, 1. P. 39, 6–8. Еще Константин Багрянородный (De cerim., ed. Bonn, I. P. 447) предписывал направлять в сельские хоры специальных людей, обязанность которых состояла в том, чтобы организовать эвакуацию (ἐκσπλήλευσις) местных жителей в защищенные места (τὰ ὀχυρώματα).

¹² См. о них: Советы и рассказы Кекавмена. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М.: Наука, 1972. С. 353.

¹³ De vel. bell., II, 3. P. 41, 17–24.

рам пограничных арабских крепостей, чтобы с помощью хитрости, лести и подкупа получить от них сведения о количестве сил, готовящихся к предстоящему рейду, о соотношении в них конницы и пехоты, о вероятных маршрутах движения и т. п.¹⁴

Собрав и изучив разведывательную информацию, полученную из всех названных источников, стратиг должен приступить к осуществлению комплекса мобилизационных мероприятий, имеющих целью сбор и подготовку к боевым действиям вверенных ему фемных контингентов¹⁵. На это потребуется определенное время, вероятно, в пределах нескольких дней или даже недель. Однако ситуация требует, чтобы были предприняты срочные, не терпящие отлагательства действия по обеспечению безопасности не только армии, которая пока еще не готова принять на себя удар противника, но и всего региона, на который распространяются генерал-губернаторские функции стратига. Именно на этот период, являющийся, пожалуй, самым опасным во всей военной кампании, рассчитан специальный маневр, которому посвящена отдельная глава трактата¹⁶ — маневр, который может быть условно назван стратегическим заслоном. Маневр требует от стратига поистине молниеносных действий: возможность его применения исчерпывается лишь тем кратким промежутком времени, когда неприятель вплотную подступил к границе, но еще не перешел ее; главная цель маневра заключается именно в недопущении вступления врага на территорию империи¹⁷.

Характеристика маневра стратегического заслона произведена автором трактата на основе боевой практики сравнительно недавнего прошлого — в анализируемой главе прямо упомянуты три эпизода, относящиеся к периодам царствований Константина Багрянородного и его сына Романа¹⁸.

Другая существенная стратегическая идея, раскрытая в трактате не менее подробно, была известна еще со времен Фронтин, сославшегося, в свою очередь, на события V и III вв. до н. э.¹⁹. На этот раз речь идет о маневре, который рассчитан на более позднюю стадию военной кампа-

¹⁴ De vel. bell., VII, 1–2. P. 51, 4–16.

¹⁵ О численности фемных армий см., например: *Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX–XI-e siècles. Bulletin de Correspondance Hellénique*, 84 (1960). P. 3–4; *Haldon J. F., Kennedy H. The Arab-Byzantine Frontier in the Eight and Ninth Centuries. Military Organisation and Society in the Borderlands* // *Zbornik Radova*, 19, 1980. P. 101–102.

¹⁶ De vel. bell., III, 1–6. P. 41–45.

¹⁷ Подробная характеристика как самого этого метода, так и его возможных последствий дана нами в специальной статье (см.: *Кучма В. В. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата «De velitatione bellica»* // *BS. T. LVI. Praha*, 1995).

¹⁸ Ibid., III, 6. P. 43–45.

¹⁹ Frontin. *Kriegslisten*, I, 3. 8–9 / Ed. G. Bendz. Berlin, 1963. S. 28.

нии, когда неприятельская армия уже вторглась в ромейские владения и продвинулась достаточно далеко вглубь. В данной ситуации лучшим средством обеспечения безопасности собственной армии и всего региона, подвергшегося нападению, автор трактата считает не осуществление мероприятий по разгрому вражеского экспедиционного корпуса, а организацию параллельной экспедиции византийских войск в землю неприятеля. Этому маневру посвящена специальная (XX по общей нумерации) глава трактата²⁰, а в качестве иллюстрации описана экспедиция под руководством Никифора Фоки Старшего, известного полководца эпохи Льва VI Мудрого²¹. Кроме того, наш автор дает понять, что ему известны и другие примеры подобных успешных действий в менее отдаленные времена²². На основании этого опыта и обоснована идея демонстративной экспедиции в неприятельскую землю, благодаря которой можно отбросить врага, даже не давая ему генерального сражения.

Таким образом, обеспечение общей безопасности региона, вверенного в управление фемному стратигу, может быть осуществлено, по мнению автора «De velitatione bellica», двумя охарактеризованными выше стратегическими маневрами. Все остальные рекомендации относятся к безопасности уже непосредственно самой византийской армии; при этом они дифференцированы в зависимости от той конкретной ситуации, в которой армия находится в данный момент (на марше, во время лагерной стоянки, в условиях осажденного города и т. п.).

Когда вражеское войско совершает рейд по территории империи, византийская армия должна осуществлять его неотступное преследование. По приказу стратига из состава армии должен быть выделен специальный отряд, состоящий из нескольких сотен обученных кавалеристов и возглавляемый опытным архонтом в звании турмарха²³. Турмарху вменяется в обязанность взять неприятеля под наблюдение и в дальнейшем,

²⁰ De vel. bell., XX, 1–11. P. 111–117.

²¹ Как в свое время было отмечено Ю. Кулаковским (*Кулаковский Ю. Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»?* // *ВВ. V. 1898. С. 402–403*), имя Никифора Фоки Старшего четырежды упомянуто в «Тактике Льва» и каждый раз с определением «ὁ ἡμέτερος στρατηγός».

²² De vel. bell., XX, 6–7. P. 115, 36–47.

²³ Турмарх (τοῦρμαρχης) — архонт, командовавший турмой или мерой (μέρος) — воинской частью, составлявшей одну треть фемной армии. По свидетельству «Тактики Льва» (*Leonis Imperatoris Tactica*, IV, 3. PG. 107. 1863. Col. 708 D; далее — TL), турмарх был единственным архонтом, который назначался на должность императорским распоряжением (остальных командиров своего войска назначал сам стратиг). Одним из требований, которым должен был соответствовать турмарх, был образовательный ценз. Наряду с другими высшими архонтами турмарх входил в состав военного совета при стратиге.

вплоть до окончательного завершения военной кампании, ни на минуту не терять его из виду. Располагаясь в оперативном пространстве, отделяющем главные силы стратига от вражеского экспедиционного корпуса, этот отряд во главе с турмархом призван играть роль своеобразного буфера безопасности. Если вражеское нападение совершено небольшими силами конницы, идущей без сопровождения пехоты, обязанности турмарха довольно ограничены — они исчерпываются лишь задачами наблюдения и разведки²⁴. Но когда осуществлено крупномасштабное вторжение полностью укомплектованного арабского войска, главной обязанностью турмарха становится организация его постоянного боевого сопровождения, осуществляемого на протяжении всего времени суток. По маршруту следования неприятельской армии турмарх должен направить 3 пары конных патрулей, двигающихся последовательно друг за другом и поддерживающих между собой визуальную связь; при этом первая пара должна держать под наблюдением вражеский арьергард. Вслед за тремя парными патрулями должны быть отряжены еще 3 патруля, на этот раз по 4 всадника в каждом. За этой цепью конных патрулей, насчитывающей в общей сложности 6 звеньев, следует сам турмарх во главе вверенной ему части; между ним и ближайшим конным патрулем курсируют двое конных связных, которые сообщают ему всю разведывательную информацию, поступающую по цепи патрулей. Если возникнет необходимость, турмарх может направить этих связных с докладом к стратигу, который вместе с главными силами совершает марш на определенной дистанции позади отряда турмарха²⁵.

Таким образом, на марше главные силы византийской армии должны быть обеспечены от опасности прямого боевого воздействия со стороны неприятеля отрядом турмарха с выдвинутой вперед цепью конных патрулей; на этот отряд, следовательно, возложены функции боевого авангарда. Задачу флангового охранения должны решать два отряда, располагаемых справа и слева от группировки стратига по ходу ее движения; в каждом из этих отрядов должно насчитываться по 30 всадников. Роль боевого арьергарда призван сыграть еще один отряд, замыкающий армейскую маршевую колонну²⁶.

Большой комплекс специальных мероприятий предусмотрен на тот случай, когда византийская армия после завершения марша приведена в стационарное состояние. Специальная глава, рассматривающая данный сюжет, имеет весьма характерное наименование «Περὶ τῆς ἀσφαλείας»²⁷. Как

²⁴ De vel. bell., VI, 1–5. P. 47–49.

²⁵ Ibid., IX, 2–4. P. 57, 2–23.

²⁶ Ibid., IX, 6. P. 59, 33–37.

²⁷ Ibid., XV, 1–4. P. 89–91.

известно, трактат «De velitatione bellica» не содержит обобщающих сведений по вопросам лагерного устройства, так что его рекомендации по обеспечению безопасности армии, закончившей марш, не привязаны к какому-либо конкретному варианту лагерных стоянок. Содержится лишь указание на то, что если вблизи имеется укрепленное место, именуемое *кастроном*²⁸, оно должно послужить гарантией дополнительной безопасности²⁹. Во все стороны от расположения армии должны быть разосланы мобильные разведывательные группы, обязанные вести непрерывное наблюдение за неприятелем. Не ограничиваясь этим, стратиг должен развернуть вокруг своей стоянки двойную (внешнюю и внутреннюю) линию стационарных наблюдательных постов, которые, как и в первых главах трактата, именуется *виглами*. Впрочем, если есть возможность, целесообразно организовать и тройную линию, чтобы наблюдение не прерывалось даже в случае пленения противником византийских аванпостов. Минимальная численность каждого поста определена в 4 человека, чтобы в течение ночи можно было организовать их посменное дежурство с возможностью отдыха. Предусмотрена еще одна дополнительная мера безопасности, которая состоит в том, чтобы стратиг периодически (по два раза в течение каждой ночи и каждого дня) менял свое месторасположение. Однако такие перемещения не должны влечь за собой полную перемещение всех наблюдательных и сторожевых постов: стратигу каждый раз достаточно оставлять на старом месте группу солдат численностью 6–8 человек во главе с опытным архонтом, — они будут встречать и переправлять к стратигу вестовых, прибывающих с донесениями от всех разведчиков и караульных.

Автор трактата «De velitatione bellica» не рассматривает в полном объеме и проблемы полиоркеттики, ссылаясь на их детальную разработанность в предшествующей военно-научной литературе, но не называя конкретно ни одного из своих источников³⁰. В главе XXI высказаны лишь некоторые рекомендации, касающиеся безопасности упомянутых выше *кастронов*, если они окажутся под угрозой вражеской осады³¹. Первоочередные уси-

²⁸ Термином *кастронов* именовалась разновидность укреплений, расположенных в глубине территории страны и предназначенных для укрытия в них мирного крестьянского населения. См. об этом, например: *Ahrweiler H. L'Asie Mineure et les invasions arabes (VII–XV-e siècles)*. Revue Historique, 227, 1962. P. 1–32; *Haldon J. F., Kennedy H.* Op. cit. P. 92–106.

²⁹ De vel. bell., XIII, 3. P. 79, 12–14.

³⁰ В качестве самого близкого ко времени написания «De velitatione bellica» обобщающего свидетельства такого рода следует назвать XV главу «Тактики Льва» (TL, XV. Col. 885 C–907 A).

³¹ De vel. bell., XXI, 1–5. P. 117–121.

лия византийского командования должны быть направлены на то, чтобы заблаговременно обеспечить гарнизон кастрона и все население, спасающееся под защитой его укреплений, продовольствием на срок не менее четырех месяцев. Неприятельская же армия должна быть оставлена без продовольствия, фуража и топлива — если эти ресурсы невозможно перевезти в кастрон, они должны быть преданы огню. После начала осады все действия осажденных должны быть непременно согласованы с командованием армии: так, удары по неприятелю, наносимые полевой армией, должны быть синхронизированы с вылазками гарнизона. Если потребуются усилить этот гарнизон свежими воинскими подразделениями или доставить в кастрон дополнительную партию боеприпасов и продовольствия, это может быть достигнуто специальным отвлекающим маневром, который лучше всего осуществить в ночное время: одна часть армии имитирует крупномасштабную атаку неприятельских осадных подразделений на одном направлении, а другая прорывается в кастрон на противоположном участке.

Вообще, организация ночного сражения является одним из самых любимых сюжетов византийской военной литературы³². Не избежал соблазна высказаться по данной проблеме и наш автор, посвятив ей специальную главу³³. Следует отметить, что на общем фоне отсутствия в этой главе сколько-нибудь оригинальных тактических идей новое звучание приобретает рекомендация, известная еще со времен античности. Ее суть заключается в том, что разбитому неприятелю должна быть непременно оставлена для спасения бегством одна безопасная дорога, которой он и может воспользоваться в критической для себя ситуации: сознание возможности сохранить себе жизнь удержит его от самых отчаянных способов сопротивления. Мы имеем здесь дело с так называемой идеей «золотого моста» для разбитого неприятеля, имевшей широкое распространение в классической греко-римской традиции, начиная с ксенофоновой Киропе-

³² Отдельные разрозненные высказывания о ведении боевых действий ночью встречаются еще в трактате Онасандра (Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. L.; N. Y.: The Illinois Greec Club, 1923, VI, 9. P. 398–400; XXII, 4. P. 460; далее — Onasander). Однако в качестве специального сюжета тактика ночного боя стала впервые разрабатываться лишь в трактатах византийской эпохи. Особая глава о ночном бое содержалась в анонимном сочинении VI в. (Anonymus, XXXIX, 1–12. P. 178–182). Автор «Стратегикона» последовал его примеру, сопроводив свои установки иллюстрациями из опыта деятельности полководцев предшествующих эпох (Das Strategikon des Maurikios / Ed. G. T. Dennis; E. Gamillscheg. Wien, 1981, IX, 2. P. 306–310; далее — Strat.). В «Тактике Льва» содержалась настойчивая рекомендация беспокоить арабов ночными нападениями, особенно в период их пребывания на византийской территории (TL, XVII, 117. Col. 973 C).

³³ De vel. bell., XXIV, 1–8. P. 129–133.

дии³⁴. Но если в более ранних военно-научных сочинениях эта идея обычно трактовалась в контексте условий, обеспечивающих достижение окончательной победы над врагом, в трактате «De velitatione bellica» она анализируется в комплексе мер по обеспечению собственной безопасности.

По мысли автора трактата, в качестве важнейшего компонента общей безопасности армии должна рассматриваться ее продовольственная обеспеченность. Этот вопрос не выпадает из поля зрения нашего автора на протяжении всего повествования и рассматривается либо в масштабе всей армии³⁵, либо с позиций ее отдельных подразделений³⁶. Под особым контролем стратига должно находиться бесперебойное обеспечение армии питьевой водой³⁷; противник же, испытывающий постоянную нехватку воды, окажется значительно ослабленным в своем боевом порыве³⁸.

Кроме установок, касающихся безопасности армии в целом, трактат содержит и указания относительно безопасности отдельных ее частей. Как известно, наиболее уязвимыми структурными элементами войска традиционно считались обоз и арьергард. Поэтому стратиг, идущий на сближение с неприятелем, обязан разделить собственный обоз и укрыть его в защищенном или укрепленном месте. Охрана обоза вверяется подразделению всадников во главе с опытным архонтом — с ним стратиг должен заранее согласовать места и сроки будущих встреч, когда армии и обозу потребуются вновь соединиться³⁹. Обезопасив свой обоз, стратиг должен нанести удар по вражескому обозу: автор трактата полагает, что если это и не принесет какого-то серьезного успеха, то уж во всяком случае не причинит и никакого вреда⁴⁰. Аналогичные указания даются относительно обеспечения безопасности собственного арьергарда⁴¹ и организации нападения на вражеские тыловые подразделения⁴².

Таким образом, проблема безопасности ставится и решается автором трактата «De velitatione bellica» в самых различных ракурсах этого многоаспектного понятия, с учетом преимущественно оборонительного характера его основных доктринальных установок, направленных не столько

³⁴ Аналогичных взглядов придерживались Онасандр (Onasander, XXXII, 5–8. P. 176–178; XXXVIII, 3–5. P. 496), Аноним VI в. (Anonymus, XXXIX, 12. P. 182), Маврикий (Strat., VIII, 92. P. 298; IX, 2. P. 310, 46–48), Лев VI (TL, XVII, 27. Col. 920 B–C).

³⁵ De vel. bell., XVI, 1. P. 93, 9–10.

³⁶ Ibid., I, 3. P. 37, 14–15.

³⁷ Ibid., V, 1. P. 47, 3–10.

³⁸ Ibid., X, 6. P. 67, 53–58.

³⁹ Ibid., XVI, 1. P. 91–93, 2–10.

⁴⁰ Ibid., X, 7–9. P. 67, 63–76.

⁴¹ Ibid., IX, 6. P. 59, 34–35; XVI, 2. P. 93, 23; XVI, 4. P. 95, 37.

⁴² Ibid., XXIII, 7. P. 129, 56; XXV, 1–2. P. 133–135.

на разгром врага, сколько на его вытеснение за пределы обороняемого региона. При этом общий характер рекомендаций, глубина их теоретического осмысления и масштаб практической разработанности оказываются вполне адекватными ординарному уровню профессиональной подготовки фемного стратига, которому эти рекомендации непосредственно адресованы. Разумеется, принципы военной субординации оставались неизменными, и фемный стратиг в полной мере сохранял свою иерархическую подчиненность императору, обладавшему функциями верховного главнокомандующего. Однако постоянная военная опасность, угрожавшая вверенному ему региону, в значительной степени избавила стратига от иллюзорных надежд на быструю и обязательную помощь из столицы, приучила его полагаться в первую очередь на собственные силы и средства, а потому быть достаточно свободным в выборе конкретных путей обеспечения собственной безопасности. Рекомендации, содержащиеся в трактате, рассчитаны именно на такого стратига — инициативного и предприимчивого, привыкшего строить свои военные планы, исходя не столько из теоретических установок, сколько из боевого опыта, сообразованного с реальными обстоятельствами места, времени и «природы вещей».

II

Автор трактата «De castrametatione»⁴³ вводит нас в совершенно иную военно-стратегическую ситуацию: он имеет дело с регулярной армией, которая в мирное время обычно размещается в столичном округе, но в данный момент находится за рубежами империи в условиях наступательного похода. Армия полностью укомплектована, доведена до нормальной штатной численности (около 25 тыс. чел., из них не менее 8200 кавалеристов) и состоит под непосредственным командованием императора⁴⁴. Главные события разворачиваются в регионах, чаще всего именуемых «болгарскими землями»⁴⁵; земли же арабов (агарян) упоминаются в сюжетах, не являющихся для данного трактата магистральными, но всего лишь иллюстративными, реминисцентными⁴⁶.

⁴³ Пользуемся изданием Дж. Дэнниса, указанным в примеч. 3 (далее — De castr.).

⁴⁴ Вследствие этого в трактате нет прямых обращений к стратигу, свойственных сочинению, проанализированному ранее. В целом лексика автора «De castrametatione» более технична, а стилистика более императивна. Отсутствие в трактате «элементов книжной учености» признавалось Ю. Кулаковским в качестве одного из важнейших его достоинств (Кулаковский Ю. Византийский лагерь... С. 63).

⁴⁵ De castr., 15. P. 288, 7; 17. P. 290, 5; 21. P. 304, 30.

⁴⁶ Ibid., 21. P. 302, 20; 21. P. 304, 27; 32. P. 326, 17. Уже одно только данное обстоятельство определяет хронологию трактата временем царствования Василия II,

Перед началом экспедиции, еще во время пребывания в собственной земле, должны быть осуществлены серьезные подготовительные мероприятия⁴⁷. Прежде всего, надлежит произвести смотр всего личного состава готовящейся к походу армии и распределить воинов по подразделениям с учетом состояния их здоровья, качества вооружения и снаряжения, опыта военной службы и т. п. После окончательного укомплектования армии рекомендуется провести широкомасштабные воинские учения, чтобы солдаты приобрели практический навык совершения марша с соблюдением всех необходимых требований. Весьма полезной будет и тренировка в разбивке лагеря — это следует проделать не менее трех-четырех раз⁴⁸. Архонты всех рангов должны вести строгий учет своих подчиненных, не допуская их отставания от войска, ибо всем отставшим в чужой земле грозит гибель от рук врага. Когда армия, возвращаясь из похода, вновь вступит на свою землю, следует еще раз произвести общий строевой смотр, чтобы не допустить самовольного ухода солдат из армии до всеобщего увольнения. — По мнению автора трактата, организация указанных смотров и учений должна рассматриваться в качестве одного из важнейших элементов обеспечения безопасности экспедиционной армии⁴⁹.

Вступлению армии на территорию врага должна предшествовать тщательная разведка будущего театра военных действий. При описании сюжетов, связанных с разведкой, автор не дает ничего принципиально нового по сравнению с рекомендациями трактата «De velitatione bellica»: вновь речь идет о шпионах (катаскопах) и диверсантах (χωσάριοι или трапезиты⁵⁰), заранее направленных во вражеские земли. Имеется лишь одна свежая деталь, заметно оживляющая описание. Автор «De castrametatione» полагает, что иногда наиболее точную информацию о планах противника могут доставить не катаскопы и не добровольные перебежчики, а местные жители, захваченные трапезитами. После соответствующей подготовки некоторые из этих людей могут быть отправлены назад на родину с обязательством собрать сведения, интересующие византийское командование. В этих условиях жизнь членов их семей, задержанных в качестве заложников, послужит достаточной гарантией качественного выполнения шпионских заданий⁵¹.

определившего борьбу с болгарами главной задачей своей внешнеполитической деятельности (см.: История Византии. Том 2. М.: Наука, 1967. С. 221–224).

⁴⁷ De castr., 29–30. P. 320–322.

⁴⁸ Ibid., 30. P. 322, 4–12.

⁴⁹ Ibid., 29. P. 320, 3–4.

⁵⁰ Этимология терминов подробно проанализирована Ж. Дагроном (Le traité... P. 253–254).

⁵¹ De castr., 18. P. 292, 28–33. Сходный мотив звучит в аналогичной рекомендации Анонима (Анонимус, XLII, 8. P. 190).

Для обеспечения безопасности армии в условиях заграничного похода гораздо большую роль, чем в собственной земле, призваны сыграть проводники (*δουκᾶτορες*) — в их честь в трактате «*De castrametatione*» звучит настоящий панегирик. Главная функция дукаторов — способствовать общему благу армии, и поскольку без них не может быть достигнута никакая цель, они заслуживают самого внимательного и заботливого к ним отношения. Опытный и умный дукатор — это не просто человек, знающий дороги (ибо сведения о дорогах может сообщить самый последний из крестьян), — он должен обладать детальным знанием всех особенностей вражеской территории, чтобы провести армию через самые опасные переходы, чтобы указать самые удобные места для лагерных стоянок, чтобы определить самые благоприятные пункты для захвата пленных и добычи⁵².

Естественно, что более масштабной становится и проблема продовольственного обеспечения армии. Автору трактата известно, что земля болгар не отличается изобилием продовольственных ресурсов; особенно мало в ней ячменя — главного корма для лошадей. По самым оптимальным подсчетам, армия не может нести с собой более чем 24-дневный запас ячменя, и если не будет организовано своевременное поступление припасов из собственной страны, экспедиция будет обречена на неудачу⁵³. С учетом этого обстоятельства настоятельно рекомендуется освободить армию от обременительного обоза, загроможденного предметами роскоши и дорогим, но бесполезным снаряжением, от лишнего скота, от праздных людей из числа обслуживающего персонала — по энергичному заявлению автора, вся эта бесполезная толпа будет только понапрасну пожирать продовольствие, и войску, оставшемуся без ресурсов, придется возвратиться домой, не достигнув никаких результатов⁵⁴. Особенно важно решить проблему снабжения армии питьевой водой. Вести армию через безводные пространства, а тем более делать там остановки, даже вынужденные, совершенно недопустимо, ибо жажда не менее губительна, чем неприятельское войско. Следует всегда предпочитать такие маршруты, которые гарантируют наличие воды, даже если они окажутся втрое и вчетверо длиннее: лучше потерять время, чем поставить армию на грань катастрофы⁵⁵.

Вся остальная информация трактата скомпонована вокруг тех основных ситуаций, в которых может оказаться императорская армия, вступившая во вражеские пределы. Одной из наиболее типичных является ситуация, когда армия находится в состоянии марша, и поэтому меры по

⁵² De castr., 18. P. 290, 3–292, 15.

⁵³ Ibid., 21. P. 302, 18–304, 35.

⁵⁴ Ibid., 15. P. 286–288.

⁵⁵ Ibid., 13. P. 284.

обеспечению безопасности войсковой походной колонны излагаются в трактате с максимальной подробностью⁵⁶. Из всех кавалерийских подразделений, насчитывающих 8200 чел., формируются 6 боевых групп (*παράταξις*) по 1200 чел. в каждой; остальные 1000 чел. составляют личную паратаксию императора, его главный резерв, и не входят в эти расчеты. Первая группа, выдвинутая вперед, будет играть роль походного авангарда; в ее задачу входит разведка пути и передача всех полученных сведений императору. За нею должны следовать в развернутом строю еще три такие же группы. Две оставшиеся группы, расположенные по обе стороны от императорской паратаксии, замыкают колонну кавалерийских подразделений. На определенной дистанции позади кавалерии должны совершать марш пехотные части общей численностью 16 тыс. чел. С каждого из флангов они должны быть прикрыты тремя подразделениями по 300 человек в каждом — эти подразделения передвигаются, вытянувшись в цепочку друг за другом. Все вспомогательные части (прислуга, обоз, техника, вьючные животные) должны быть во время марша размещены в середине походной колонны пехоты. Для защиты от нападений с тыла выделяется арьергард (*σάκκα*⁵⁷) в составе 6 подразделений, прикрытый мобильным отрядом всадников численностью 100 чел.

Эти общие принципы, сформулированные выше, отнюдь не преподносятся в качестве непреложных императивов. Богатый практический опыт, которым, несомненно, обладал автор трактата, дал ему возможность рассмотреть самые разнообразные способы совершения марша во вражеской земле (марш по открытой или закрытой, населенной или необжитой местности; марш в обычном, ускоренном или интенсивном темпе; марш через узкие горные перевалы (*κλεισοῦραι*); марш с переправой через водную преграду, марш в условиях реальной угрозы нападения противника или без таковой и т. д. и т. п.). Подробно излагая всю эту информацию, автор трактата предоставляет военному командованию возможность широкого выбора наилучших вариантов обеспечения безопасности походных порядков армии в зависимости от специфики боевой обстановки.

Чрезвычайно важной является и проблема обеспечения безопасности маршрутов движения, своевременного выявления и заблаговременной ликвидации вражеских засад. Свою максимальную актуальность эта проблема приобретает на двух противоположных этапах военной кампании: начальном, когда византийская армия только вступает в землю неприятеля, и заключительном, когда ей предстоит покинуть вражеские пределы. Установки на этот счет, излагаемые в трактате «*De castrametatione*», по существу являются зеркально противоположными соответствующим ре-

⁵⁶ De castr., 10. P. 278–282.

⁵⁷ См. об этом: Dain A. Σάκκα dans les traités militaires // BZ. 1951. 44. P. 94–96.

комендациям трактата «De velitatione bellica» (ср., например, главы 19–20 первого и III–IV второго из названных трактатов).

Не менее типичной ситуацией в условиях заграничного похода является расположение армии в лагере. Вопросы лагерного устройства привлекают пристальное внимание автора «De castrametatione» — по самым скромным подсчетам, им посвящено в общей сложности не менее 40% от общего объема текста трактата; не удивительно поэтому, что они изложены здесь с гораздо большей подробностью, чем это сделано во всех других военных руководствах X в. В задачи нашего сообщения не входит подробная характеристика самого лагеря во всей совокупности его составных частей и элементов⁵⁸ — в данный момент нас интересуют лишь средства обеспечения его безопасности.

Проблемы безопасности должны стоять в центре внимания военного руководства задолго до начала реального функционирования лагеря — они должны быть непременно учтены еще в момент выбора местности, удобной для лагерной стоянки. Лагерь не следует располагать вблизи горы, густого леса или холмистой гряды, так как эти природные объекты могут послужить местами тайного сосредоточения неприятеля⁵⁹. Лучше всего, когда с одной или нескольких сторон лагерь будет иметь естественную защиту (крупная река или озеро, отвесная скала, ущелье). Если река небольшая, целесообразно расположить лагерь по обеим ее берегам — заодно, при надлежащем соблюдении гигиенических требований, будет решена и проблема обеспечения войска питьевой водой⁶⁰.

Самой безопасной формой лагеря считалась квадратная или прямоугольная: при нападении на лагерь такой формы противник будет вынужден рассредоточивать свои силы, что приведет к их ослаблению⁶¹. Лагерь округлой формы наиболее уязвим: противник может окружить его, не разрывая связи между своими подразделениями, — таково мнение древних авторитетов, с которыми автор трактата вполне согласен⁶². Однако собственный опыт убеждает его в том, что реальная действительность может внести существенные коррективы в эти идеальные схемы. Иногда рельеф местности вынуждает придать лагерю весьма неустойчивую configura-

⁵⁸ См. об этом старую классическую работу: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert // BZ. 1913. 22.

⁵⁹ Об этом писал еще Вегеций (см.: Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. Перевод С. П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 1–I, 21–25. С. 242–243; III, 8. С. 263–265). Аналогично решался этот вопрос и в «Тактике Льва» (TL, XI, 1. Col. 792 D; XI, 37. Col. 801 C).

⁶⁰ De castr., 1. P. 248, 51–59. Эта рекомендация встречается и в «Тактике Льва» (TL, XI, 33. Col. 801 B).

⁶¹ Это мнение было высказано и в «Тактике Льва» (TL, XI, 29. Col. 800 D–801 A).

⁶² De castr., 1. P. 246, 18–29.

цию: треугольную, круглую, очень вытянутую, слишком удлиненную и т. п. Разумеется, следует постараться как можно скорее подобрать более подходящее место для лагерной стоянки. Но пока это невозможно, надлежит предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности такого ненадежного лагеря, отправив, в частности, специальные боевые отряды тяжелой и легкой пехоты для занятия всех высот, господствующих над лагерем⁶³. Мало того, местность может оказаться настолько неблагоприятной, что придется делить войско на две части и сооружать два отдельных лагеря, — конечно же, в этом случае потребуются еще большие усилия по их защите⁶⁴.

Согласно установкам трактата «De castrametatione», все средства обеспечения безопасности лагеря делятся на две основные группы. Первую группу составляют те средства, которые можно отнести к разряду технических. К ним в первую очередь относится ров, имеющий глубину 7–8 футов и ширину 5–6 футов; земля, извлеченная из рва и нагромождаемая с внутренней стороны, образует вал соответствующей высоты⁶⁵. Ров и вал должны проходить по всему периметру лагерной стоянки (напомним, что периметр лагеря для войска численностью 24 тыс. чел. составлял 4000 оргий, т. е. около 8 км). Лагерь имел 12 входов (по 3 с каждой стороны), связанных между собой дорогами. Безопасность входов обеспечивалась их ступенчатой конфигурацией: каждый входящий должен был дважды изменить направление своего движения, оба раза на 90 градусов; при этом он находился под угрозой обстрела сразу с трех сторон⁶⁶. Палатки пехоты должны были отодвинуты от вала в глубь лагерной территории не менее чем на 22 оргии (44 м). На это свободное пространство должны были падать, не долетая до палаток, зажигательные снаряды противника⁶⁷. Наиболее защищенной частью лагеря, его цитаделью, являлся центральный квадрат, где размещались ставка императора, штаб и командование армии, подразделения гвардии, различные дворцовые службы⁶⁸. Подступы к лагерю с внешней стороны защищались ямами-ловушками (λάκκοι

⁶³ De castr., 6. P. 270, 32–272, 61.

⁶⁴ Ibid., 7. P. 272–274.

⁶⁵ Ibid., 1. P. 250, 88–90. Цифры идентичны тем, которые названы в «Тактике Льва» (TL, XI, 15. Col. 796 C–D).

⁶⁶ Ibid., 1. P. 248–250, 71–87.

⁶⁷ Ibid., 3. P. 264, 12–15. В «Стратегиконе Маврикия» (Strat., XII B, 22. P. 472, 12–13) ширина указанного свободного пространства определена в 300–400 шагов; Лев VI (TL, XI, 16. Col. 796 D–797 A) повторил эти цифры. Оба свидетельства следует признать явной ошибкой. Еще И. Шеффер (Argiani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Upsaliae, 1664. P. 350) при переводе «Стратегикона» сократил данные цифры в десять раз.

⁶⁸ Ibid., 1. P. 250–252, 107–127.

οὐ λευόμενοι ποδοκλάσται⁶⁹), на дне которых устанавливались заостренные деревянные стержни. Сзади эти ямы обозначались особыми приметами (обычно кучами земли или песка), известными собственному войску. В промежутках между ямами-ловушками рассыпались триболы — металлические шарики с торчащими вверх остриями⁷⁰. Наконец, вокруг всего лагеря на специальных кольях натягивались бечевки с колокольчиками⁷¹.

Вторую группу средств обеспечения безопасности лагеря составляли мероприятия военно-организационного характера. Трактат предусматривает развертывание сети сторожевых, караульных и дозорных патрулей, несущих службу как внутри лагеря, так и за его пределами. Внутренние сторожевые патрули совершали в течение ночи регулярные обходы лагерного расположения, передвигаясь внутри свободного пространства, отделяющего палатки пехоты от валов. Снаружи лагеря на расстоянии полета стрелы от рва выставлялась первая цепь пеших караульных постов, именуемых внутренними виглами (τὰ ἐσώβιγλα). Каждая внутренняя вигла состояла из 8 чел.; дистанция между ними определялась в 50 оргий (100 м). Вторая цепь пеших постов, именуемых внешними виглами (τὰ ἐξώβιγλα), развертывалась на расстоянии броска камня от цепи внутренних вигл; в каждой вигле внешней линии несли службу по 4 пехотинца. Каждая из 16 таксиархий пехоты должна была выставить на ночное дежурство по 5 внешних и по 5 внутренних вигл⁷².

Снаружи двух указанных поясов пеших вигл в наиболее угрожающих направлениях развертывались еще два эшелона конных вигл. Каждая кавалерийская вигла внутренней (ближайшей к лагерю) линии состояла из 6 всадников, каждая вигла внешней (более удаленной от лагеря) линии — из 4 всадников. Если местность была ровной и открытой, кавалерийские виглы брали под наблюдение все окрестности лагеря в отведенном им секторе. Если же общий обзор местности оказывался невозможным, их преимущественное внимание сосредоточивалось на надежной охране только тех дорог, которыми мог воспользоваться неприятель. В других, менее опасных секторах охрана подступов к лагерю осуществлялась одними лишь пехотными патрулями⁷³. Все солдаты, несущие караульную службу, должны быть проинструктированы своими командирами, чтобы ночью, при

⁶⁹ De castr., 2. P. 262, 21–22.

⁷⁰ Первое описание триболов встречается в трактате Вегеция (III, 24. С. 277), а время их изобретения приурочивается к периоду войн римлян с Антиохом и Митридатом. Особую приверженность к применению триболов питал в свое время Аноним VI в. (см. об этом: Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»... С. 83).

⁷¹ De castr., 2. P. 262, 17–30. Аналогичное свидетельство — Anonymus, XXIX, 6. P. 144.

⁷² Ibid., 4. P. 264–266, 4–11.

⁷³ Ibid., 4. P. 266, 12–24.

получении какого-либо тревожного сообщения, они не бросались беспорядочной толпой под защиту лагерных укреплений, — им надлежит организованно отступить и спокойно войти в лагерь, не повредив ограждений с колокольчиками. Сведения о противнике, которыми располагают караульные, должны быть немедленно переданы по инстанции и в случае необходимости доложены лично императору⁷⁴.

В условиях лагерной стоянки на одно из первых мест выдвигается задача обеспечения фуражом боевых коней и тяглового скота. Поэтому представляется вполне объяснимой и уместной та обстоятельство, с которой в трактате разработан соответствующий раздел⁷⁵. При этом бросается в глаза, что наш автор озабочен не столько самой технологией сбора фуража (ибо такая технология была достаточно подробно освещена в предшествующей военно-научной литературе), сколько мерами по обеспечению безопасности сборщиков, в роли которых выступали люди из числа обозной прислуги. Рекомендации, высказанные на этот счет, не лишены новизны и оригинальности, а их масштабность определялась степенью значимости проблемы: к охраняемым мероприятиям привлекались кавалерийские части, исчисляемые иногда сотнями бойцов, а отдельные эпизоды требовали личного вмешательства самого императора⁷⁶.

Автор трактата вполне резонно полагает, что наиболее опасными являются такие два периода экспедиции, на протяжении которых армия находится в особенно неустойчивом состоянии: либо когда она, заканчивая марш, намерена стать лагерем, но сооружение лагеря еще не завершено; либо, наоборот, когда она, завершая пребывание в лагере, намерена продолжить свой марш по вражеской территории, но лагерь еще полностью не свернут.

В первом случае, прибыв на место лагерной стоянки, армия должна остановиться, не разрушая походного строя. Подразделения, составляющие центр походной колонны, должны расступиться по сторонам, образовав нечто вроде круга, в котором и начнется размещение палаток. По мере того, как палатки будут устанавливаться, в них будут вводиться одна за другой соответствующие воинские части. Однако авангард и фланговые охранения должны оставаться на своих позициях снаружи, обеспечивая безопасность всей армии. Император со своим окружением также будет стоять в защищенном месте, внимательно наблюдая за всем происходящим. К моменту завершения строительства лагеря должен будет подойти и аррьергард, — после этого и император, и все остальные подразделения должны войти в лагерь и занять там свои места⁷⁷.

⁷⁴ De castr., 4. P. 266, 27–34.

⁷⁵ Ibid., 22–24. P. 308–312.

⁷⁶ Ibid., 24. P. 310, 7–12.

⁷⁷ Ibid., 10. P. 280–282, 64–72.

Во втором случае, когда армии предстоит покинуть лагерь, незадолго до рассвета подается первый сигнал трубы, по которому все находящиеся в лагере начинают готовиться к выходу, но пока остаются на своих местах. Архонты подразделений, расположенных вдоль главных дорог внутри лагеря, должны обеспечить порядок на этих дорогах, не позволяя загромождать их выючными лошадьми и обозными повозками. По второму сигналу части авангарда, фланговых охранений и арьергарда должны выйти из лагеря и расположиться вокруг него на дистанции 1–2 полетов стрелы. По третьему сигналу должен начаться выход из лагеря главных сил армии, во главе которых будет двигаться император со своей личной гвардией. Все выходящие части должны занимать отведенные им места в составе походной колонны, пока последняя не примет свой окончательный вид. К этому времени все лагерное оборудование уже будет свернуто и размещено в обозе, и армия сможет начать плановое маршевое движение⁷⁸.

Еще одной типичной ситуацией в условиях заграничного похода (кроме лагеря и марша) является осада неприятельского города. Указаниям по организации данного вида боевых действий посвящены несколько обширных глав (с 21-й по 27-ю), содержащих живые, яркие описания, основанные на хорошем знакомстве с теорией и практикой осадных сражений. Однако, подробная их характеристика не входит в наши задачи — мы ограничимся анализом лишь тех рекомендаций, которые направлены на обеспечение безопасности армии, осуществляющей осаду. Основная часть византийского войска должна быть размещена в стационарном лагере на удалении 6 миль от осаждаемого города; в этом лагере оборудуется и императорская ставка⁷⁹. Непосредственно же вокруг города, на дистанции двух полетов стрелы, надлежит развернуть осадные части, обеспечив их боеприпасами и соответствующей техникой. Средствами защиты от вылазок осажденных должны являться ров и вал; если мыслится, что осада будет длительной, не исключается и сооружение защитной стены. Специальных мер безопасности требуют участки, расположенные против городских ворот; особую заботу командования должна вызывать защита осадных механизмов — таранов, черепаш, камнеметных машин, передвижных башен и лестниц. В осадном лагере должен соблюдаться неукоснительный порядок, и каждое подразделение должно иметь в нем строго определенное место⁸⁰.

Таким образом, информация трактата «De castrametatione» свидетельствует, что проблема безопасности армии, находящейся на вражеской

территории, требует от военного командования решения целого комплекса многообразных, но тесно связанных между собой задач. При их внешней схожести с задачами, решаемыми в ходе оборонительной войны на собственной территории, в условиях заграничного похода они приобретают существенно иное звучание. основополагающая концептуальная идея автора трактата состоит в том, что главная цель экспедиции заключается не в овладении вражеской территорией и не в захвате добычи, а в уничтожении живой силы противника⁸¹, — достигнув эту главную цель, можно успешно решить и все остальные военно-стратегические задачи. Поэтому урон, наносимый вражескому войску, должен быть максимально высоким: неприятелю не следует оставлять ни малейших шансов на спасение⁸², — как видим, в данном случае наш автор позволяет себе существенно отклониться от концепции «золотого моста», разделяемой большинством его предшественников. Достижение же указанной конечной цели может оказаться реальным лишь при том неременном условии, что будет обеспечена безопасность собственного экспедиционного корпуса — на разработку соответствующих гарантий такой безопасности и обращено главное внимание автора трактата «De castrametatione».

⁷⁸ De castr., 9. P. 276–278.

⁷⁹ Ibid., 21. P. 304, 50–53.

⁸⁰ Ibid., 21. P. 306.

⁸¹ De castr., 25. P. 314, 28–30.

⁸² Ibid., 20. P. 300, 112–15; 23. P. 310, 16–18; 25. P. 314, 31–41.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЕДЕНИЯ ГОРНОЙ ВОЙНЫ ПО ДАННЫМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛЕМОЛОГИИ*

Установки и рекомендации, регламентирующие правила ведения боевых действий в условиях горной местности, относятся к числу традиционных сюжетов античной и византийской военной литературы. Свою задачу мы видим в том, чтобы на фоне общего обзора этой традиции выявить степень разработанности интересующих нас проблем в различных полемологических сочинениях, сопоставить индивидуальные позиции их авторов в оценке однотипных или сходных боевых реалий. Такой анализ позволяет не только исследовать тенденции, определившие эволюцию одной из важных сфер военной теории, но и выйти на решение более общих проблем истории византийской военной организации.

Первое систематизированное изложение приемов и способов ведения горной войны содержится в трактате «*Στρατηγικός*», написанном в середине I в. н. э. киприотом Онасандром¹. Не будучи профессиональным военным, этот философ-платоник сумел тем не менее достаточно грамотно изложить соответствующую информацию, основанную на современной ему боевой практике.

Основное внимание автора было привлечено к двум наиболее типичным ситуациям, возникавшим в процессе столкновений в горах. Первая из них складывалась в условиях, когда войску, вступавшему во вражескую землю, предстояло преодолеть пересеченную местность. Залогом успеха считался заблаговременный захват горных вершин и перевалов специальными боевыми группами, выделенными из состава экспедиционных сил. Ликвидировав вражеские засады, они должны были взять под свой контроль ключевые пункты местности и удерживать их до полного преодоления теснин основной маршевой колонной². С целью подготовки армии к таким действиям Онасандр рекомендовал организовать специальные тренировочные занятия, в ходе которых предстояло обучить солдат как захвату, так и удержанию горных объектов. Основная тяжесть тренировок должна была падать на легковооруженные пехотные подразделения, так как именно они были призваны сыграть главную роль в предсто-

ящих боях³; что касается кавалерии, то ее вообще не следовало отягощать подобными занятиями⁴, поскольку перспектива ее боевого использования в горах была практически ничтожной.

Вторая типичная ситуация обычно возникала на заключительной стадии военной кампании, когда войско, вступившее в теснины, на обратном пути, оказывалось запертым там «как в клетке»⁵. Каких-либо оригинальных идей по выходу из такого угрожающего положения Онасандром не предлагалось — главный упор был сделан им на изначальное недопущение подобных коллизий. В высшей степени безрассудно, пишет он, идти вперед, оставляя позади себя неохранные «пропасти и бездны»⁶, — безопасность возвращения войска должна быть обеспечена путем размещения на ключевых позициях боевых отрядов и групп, обязанных оставаться здесь до полного завершения похода.

Заслуживают внимания еще несколько конкретных рекомендаций Онасандра. Одна из них побуждает военное командование самым внимательным образом изучать предстоящий театр военных действий. Намеренно заостряя свою мысль, Онасандр пишет, что за местностью следует наблюдать даже более тщательно, чем за неприятелем⁷. В связи с этим характер местности должен обязательно учитываться при оценке результатов визуальных наблюдений — так, размер вражеского лагеря, расположенного в горах, вследствие оптической аберрации всегда представляется большим, нежели он есть в действительности⁸. Другая рекомендация, изложенная как частное предостережение, в действительности приобретает поистине универсальный характер. Первоочередная задача всякого военачальника, особенно того, чьи войска уступают превосходящим силам противника, состоит в том, чтобы обратить условия горной местности исключительно в свою пользу. Особенно важно не допустить, чтобы неприятель захватил позиции над головами нашего войска, — напротив, нужно обязательно превзойти его, опередив в захвате господствующих высот⁹. — Эта, казалось бы, тривиальная мысль в действительности является основополагающей аксиомой горной войны, сохраняющей свою актуальность вплоть до настоящего времени: в горах всегда сильнее тот, чьи позиции господствуют над расположением противника.

И, наконец, значительный интерес представляет установка Онасандра о недопустимости чрезмерного растягивания походной колонны на

³ Onasander, XVIII. P. 446.

⁴ Ibid., X, 1, 6. P. 412–414.

⁵ Ibid., XI, 1, 3. P. 432.

⁶ Ibid., XXXII, 1. P. 474.

⁷ Ibid., XI, 1, 4. P. 432.

⁸ Ibid., X, 8, 17. P. 422.

⁹ Ibid., XXI, 3. P. 454.

* Статья публикуется впервые.

¹ Пользуемся изданием: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. L.; N. Y., 1923. P. 341–352 (далее — Onasander).

² Onasander, VII, 1. P. 402–404.

марше через горную местность. Случалось, пишет он, что в момент выхода войска с гор на равнину передовые отряды походной колонны, значительно вырвавшиеся вперед, ошибочно принимали аррьергардные подразделения собственного войска за неприятельские боевые части — вследствие этой роковой ошибки дело доходило до столкновений между ними¹⁰. Изложенный казус имеет характер явной реминисценции какого-то реального боевого эпизода, но указать прямой источник данного сообщения не представляется возможным.

Информация, систематизированная Онасандром, оказала существенное воздействие на творчество Секста Юлия Фронтин¹¹, известного военачальника и государственного деятеля конца I в. н. э., автора трактата «Strategemata» — сборника военно-исторических иллюстраций к деяниям великих полководцев древности¹². В частности, Фронтину хорошо известны преимущества, которыми обладает в горах более высокая позиция: она увеличивает эффективность стрельбы в позиционных сражениях и усиливает таранную мощь удара при непосредственном столкновении¹³. Поэтому опытные военачальники должны стремиться к тому, чтобы выше позиций противника располагался не только их боевой строй, но и лагерь¹⁴. Более подробно, чем Онасандр, Фронтин осветил те сюжеты, которые связаны с прорывом из окружения в теснинах: здесь необходимы и дополнительные инженерные работы, и отвлекающие удары, и дезинформация противника, и использование кажущихся недоступными боковых троп, и разумное применение всех имеющихся подручных средств¹⁵.

Неоспорим факт значительного влияния сочинений Онасандра и Фронтин на трактат Флавия Вегеция Рената «Epitoma rei militaris»¹⁶, датируемый рубежом IV и V вв. Наиболее сильная сторона Вегеция заключается в умении четко, определенно и однозначно определить идеальную конструкцию того или иного элемента из сферы военных реалий, подыскать для него чеканную словесную характеристику. В полной мере сказанное

относится и к эпизодам, рисующим боевые действия в горах. Первое, в чем нуждается военачальник, — это в подробном плане местности, с нанесенными на этот план всеми особенностями рельефа, с указанием точных расстояний от пункта до пункта, измеренных в шагах. Вегеций упоминает о древней практике составления подобных карт, не только размеченных условными знаками, но и разрисованных в разные цвета для удобства пользования¹⁷. Столь подробная проработка данного сюжета отличает Вегеция не только от его предшественников — мы не встретим подобной детализации и во всей последующей военно-научной литературе. Вегецием впервые уделено значительное внимание рациональному использованию проводников из числа местных жителей, которые должны находиться под строгой охраной¹⁸, — этим подчеркнута необходимость сохранения маршрута предстоящего движения в строжайшей тайне. Разумеется, автору известны и общие положения о необходимости предварительного разведывания и расчистки предстоящего маршрута, о недопустимости излишнего растягивания походных колонн, об опасности вражеских засад в горах, о преимуществах господствующей позиции¹⁹. «Старайся, — суммирует Вегеций все вышесказанное, — чтобы ... ты прежде всего получил помощь от благоприятного тебе места; считается, что оно будет тем лучше, чем выше оно лежит. На находящихся внизу копья падают сильнее, и с большей стремительностью сторона, стоящая выше, гонит тех, кто с трудом поднимается вверх против нее. Тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой — и с местом, и с врагом»²⁰.

По справедливому замечанию М. Йенса²¹, в трактате «Epitoma rei militaris» мы встречаем одну из первых попыток свести важнейшие основы военной теории к четким, кратким императивным постулатам, изложенным в догматической форме. Поэтому в эпоху, когда господствующим стал жанр военных энциклопедий, имя Вегеция приобрело громадную популярность. Уже с V в. трактат «Epitoma rei militaris» начал расцениваться как средоточие высшей военной мудрости; его установки и рекомендации приобрели характер непреложных истин.

Собственно византийский этап в развитии военной науки открывается анонимным военным трактатом «Περὶ Στρατηγίας»²², датируемым вре-

¹⁰ Onasander, VI, 5. P. 398.

¹¹ Тезис о взаимосвязанности сочинений Онасандра и Фронтин, а также о влиянии этих обоих авторов на Вегеция (см. о нем ниже) был впервые выдвинут и обоснован в исследовании: Schenk D. Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma rei militaris // Klio, 22. Leipzig, 1930. S. 81 ff.

¹² Имеется русское издание: Секст Юлий Фронтин. Стратегемы. Перевод А. Рановича // ВДИ. 1946. № 1. С. 219–306 (далее — Фронтин).

¹³ Фронтин, II, 2, 2–4. С. 240.

¹⁴ Там же, I, 5, 11. С. 229; I, 5, 24. С. 231.

¹⁵ Там же, I, 5, 10–21. С. 229–231.

¹⁶ Пользуемся изданием: Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. Перевод С. П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 1. С. 231–299 (далее — Вегеций).

¹⁷ Вегеций, III, 6. С. 260.

¹⁸ Там же, III, 6. С. 261.

¹⁹ Там же, III, 6. С. 262.

²⁰ Там же, III, 13. С. 269.

²¹ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 117.

²² Пользуемся изданием: Three Byzantine Military Treatises. Text, translation, and notes by G. T. Dennis. Washington, 1985. P. 1–136 (далее — Anonymus).

менем Юстиниана I. Грандиозные проекты этого императора по укреплению рубежей своих владений нашли воплощение в весьма деловых, сугубо практических рекомендациях Анонима по строительству, оборудованию и методам обороны пограничных городов, сооружаемых, как правило, в условиях пересеченной местности и с непременным учетом перспектив горной войны²³.

Осведомленность Анонима в военной истории проявляется в его упоминании одного из эпизодов Второй Пунической войны, когда Ганнибал, ведя армию через теснины, использовал для дробления скал укус и огонь от костров²⁴. Представляет практический интерес совет Анонима периодически менять расположение своего войска на местности: днем отводить его на возвышенности и оттуда отражать натиск врага с помощью пращей и метания камней вручную, а ночью вновь возвращаться в низину²⁵ — рекомендация, делающая честь и военно-аналитическому мышлению Анонима, и его боевому опыту. Наконец, он гораздо конкретнее и детальнее всех своих предшественников описывает форсирование рек, в том числе и горных²⁶.

Период наивысшего развития византийской военной организации представлен двумя выдающимися памятниками полемологической мысли — «Стратегиком Маврикия» и «Тактикой Льва». Отделенные друг от друга тремя столетиями, эти трактаты тем не менее теснейшим образом связаны между собой. Главное, что их объединяет, — это стремление к энциклопедическому охвату и систематизированному изложению всего комплекса военно-научных знаний. Если к тому же разделить предположение, что оба труда принадлежат перу венценосных авторов, репрезентативность содержащихся в них сведений должна быть признана максимально высокой.

В «Стратегиконе Маврикия»²⁷ вопросы, возникающие в ходе боевых столкновений в горах, рассматриваются в традиционном контексте — при изложении правил совершения марша через труднопроходимую местность. К рассмотрению указанных сюжетов Маврикий обращается дважды — сначала при описании движения смешанной колонны, включающей в себя и кавалерийские и пехотные подразделения²⁸, и повторно — когда речь идет только о марше пехотного войска. В целом вклад Маврикия в теорию и

практику горной войны приходится признать достаточно скромным, хотя наличие у него значительного боевого опыта в ведении войны с самыми различными противниками не вызывает ни малейших сомнений. Пожалуй, более акцентированно, чем у предшествующих военных авторов, в «Стратегиконе» прозвучали лишь две важные идеи. В частности, Маврикий гораздо более императивен в своем требовании персональной ответственности военачальников всех рангов (начиная со стратига) за обеспечение мер безопасности вверенных им частей и подразделений: соответствующий военачальник должен разместиться в самом угрожающем пункте маршрута и находиться там до тех пор, пока все его подчиненные не преодолеют опасный участок²⁹. Не менее категорична и вторая установка Маврикия: войско, возвращающееся из похода через горную местность, должно без сожаления пожертвовать захваченной добычей, если оно окажется в угрожающем положении. При этом пленные призваны сыграть роль своеобразного живого щита, выставленного по обеим сторонам строя, чтобы они приняли на себя удары вражеских копий и стрел. Добыча же может стать предметом переговоров с неприятелями и в конце концов ее можно уступить в качестве гарантии беспрепятственного выхода с вражеской территории³⁰.

Обобщающим исследованием, подведшим итог всего предшествующего развития военно-научной мысли, явился грандиозный труд императора Льва VI Мудрого, созданный на рубеже IX и X столетий³¹. Главная цель Льва при работе над своим сочинением состояла в систематизации материала, почерпнутого им из более ранней военно-научной литературы, — собственный боевой опыт у этого выдающегося кодификатора полностью отсутствовал. Интересующие нас сюжеты сконцентрированы преимущественно в IX главе «Тактики», носящей наименование «Περὶ ὁρίων»³², — в данном случае Лев просто не мог не следовать уже установившейся традиции. Гораздо более многозначительным и симптоматичным представляется тот факт, что двумя письменными источниками, заслужившими преимущественное внимание писателя-императора, явились сочинения Онанасандра и Маврикия — тех авторов, первый из которых открыл историографию горной войны в военной литературе, а второй замкнул круг предшественников Льва по жанру.

«Тактика Льва» завершила тот период в развитии военно-научных знаний, в рамках которого горная война еще не приобрела характер специ-

²³ Anonymus, 10–13. P. 30–44.

²⁴ Ibid., 18. P. 60, 47–56. Приведенный Анонимом эпизод известен по сочинениям ряда историков, в частности Тита Ливия (История от основания Рима, XXI, 37).

²⁵ Ibid., 37. P. 110, 3–12.

²⁶ Ibid., 19. P. 62–68.

²⁷ Пользуемся изданием: Das Strategikon des Maurikios / Ed. G.T. Dennis, E. Gamlischeg. Wien, 1981 (далее — Strategicon).

²⁸ Strategicon, IX, 4. P. 322–326.

²⁹ Strategicon, I, 9. P. 104, 39–46.

³⁰ Ibid., IX, 4. P. 324–326, 45–59.

³¹ Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris Tactica / Ed. J.-P. Migne. PG. 107. 1863 (далее — Tactica).

³² Tactica, IX. Col. 768 C–788 B.

фического вида боевых действий, способного претендовать на самостоятельное значение. Столкновения в горах продолжали рассматриваться как всего лишь частные и кратковременные эпизоды, возникавшие, как правило, на стадии преодоления войсками естественных пограничных рубежей. Не случайно поэтому у большинства писателей соответствующая информация оказывалась вмонтированной в изложение правил походных передвижений. При этом презюмировалось, что армия в горах не призвана действовать активно, а обязана всего лишь организовать собственную безопасность: ее первостепенная задача состояла в том, чтобы благополучно перенести свой боевой потенциал через угрожающий участок маршрута, сохранив полную готовность к решающим действиям, которые еще предстоит в будущем.

Все рекомендуемые в таких случаях меры безопасности были направлены на достижение двух целей. Главная состояла в том, чтобы исключить самую возможность боевого воздействия противника на армию, совершающую марш в условиях горной местности. Но если эта основная цель оказывалась недостижимой, тогда вторая заключалась во всемерной минимизации навязанного противником контакта, в недопущении его перерастания в масштабные боевые действия с участием главных сил. Аксиомой военной теории оставалось положение о том, что судьбы военных кампаний должны решаться в процессе непосредственного противоборства на открытой равнинной местности, и все компоненты военной организации (количественные и структурные параметры армейских подразделений, виды вооружения и снаряжения, схемы мобильных и стационарных тактических построений, модели лагерного устройства, конкретные способы вооруженной борьбы и т. п.) строились и совершенствовались именно на этом основополагающем постулате. Теория же горной войны, сохранявшая выраженный аппликативный характер, пребывала на периферии внимания военных авторов, а ее проблематика не выходила за границы, очерченные Онасандром и санкционированные Вегецием.

Значительная активизация военной мысли в анализируемой сфере произошла в конце X в., в условиях существенного изменения военно-стратегического положения империи. Два памятника военной литературы, по существу завершающие византийскую полемологическую традицию, наиболее показательно (но каждый по-своему) отразили динамику произошедших перемен.

Самой оригинальной разработкой автора трактата «*De velitatione bellica*»³³ должна быть признана идея стратегического заслона, выставля-

³³ Пользуемся изданием: *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)* / Ed. G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986 (далее — *De vel. bell.*).

емого в горах Тавра на направлении вероятных арабских вторжений³⁴. Эту идею предписывалось реализовать в обширном комплексе мероприятий³⁵, включавшем в себя своевременное выдвижение на намеченный рубеж, овладение ключевыми пунктами и позициями (господствующими высотами, перевалами, входами и выходами из дефиле, источниками воды), оптимальное размещение различных родов войск с учетом рельефа местности (в частности, распределение пехоты по нескольким горизонтальным уровням), обеспечение безопасности отдельных частей и подразделений. По замыслу автора, успешное осуществление маневра может привести к двояким по масштабу последствиям, но в обоих случаях благоприятным для обороняющейся стороны: либо к полному поражению неприятеля и к выигрышу всей военной кампании, либо к нанесению противнику значительного урона, который заставит его существенно скорректировать свои первоначальные планы.

Таким образом, в трактате «*De velitatione bellica*» боевой операции в горах был впервые придан характер особого, самостоятельного этапа военной кампании, планирование и организация которого составляла специальную цель военного командования. Без прохождения этой обязательной фазы оказывалась невозможной реализация дальнейших планов — вариантность исхода горной операции была соотнесена с возможными корректировками стратегических замыслов всей военной кампании. При этом не может быть оставлено без внимания настойчивое стремление автора подчеркнуть сугубо практический характер предлагаемых рекомендаций — он делает это, сославшись на успехи ромейского оружия, достигнутые во времена Константина Багрянородного и его сына Романа³⁶.

Условия горной местности могли быть эффективно использованы и на заключительных этапах военной кампании против неприятеля, возвращающегося из похода. Фрагментарные замечания, высказанные на этот счет по ходу изложения другой информации³⁷, в конце трактата суммированы в двух специальных главах³⁸. Все правила предстоящей операции изложены здесь с исчерпывающей полнотой и привязаны к конкретному

³⁴ Подробнее см. об этом: *Кучма В. В.* К вопросу о военно-теоретическом уровне трактата «*De velitatione bellica*» // *BS*. 1995. LVI. P. 394–395.

³⁵ *De vel. bell.*, III, 1–6. P. 41–45.

³⁶ *Ibid.*, III, 6. P. 43, 39–45, 45. Речь идет об эпизодах военных кампаний 950, 958 и 960 гг., в которых византийские войска возглавлялись соответственно Вардой Фокой, Иоанном Цимисхием и Львом Фокой. Подробнее об этом см.: *Canard M.* Histoire de la dynastie des Hamdanides. P., 1953. P. 763–768, 795, 801–803.

³⁷ См., напр.: *De vel. bell.*, IV, 3. P. 45, 10–16; V, 1–2. P. 47; X, 19–20. P. 73, 141–152 etc.

³⁸ *Ibid.*, XXIII, 1–7. P. 125–129; XXV, 1–3. P. 133–135.

региону на юго-восточных рубежах империи, где реально разворачивалось арабо-византийское противостояние 40–60-х гг. X в.

В целом, трактат «De velitatione bellica» предопределил перспективу существенных подвижек в традиционной парадигме горной войны. Однако говорить о радикальной качественной ее ревизии было бы еще преждевременно: по крайней мере, метод *παράδρομή*, специально разработанный автором в качестве главного средства борьбы с арабскими рейдами³⁹, был ориентирован на его применение не в горах, а на открытых пространствах. Немаловажным тормозящим моментом было и то обстоятельство, что концептуальные установки трактата «De velitatione bellica» питались не наступательными, а оборонительными постулатами. Между тем вся история мировой военной науки свидетельствует, что в роли качественно новых ступеней ее прогрессирующей эволюции выступают, как правило, такие сочинения, которые строятся на принципах наступательной доктрины.

Принципиально новая модель горной войны нашла свое воплощение в трактате «De castrametatione»⁴⁰. Преимущественное внимание его автора обращено на северо-западные рубежи; в качестве главного военного соперника империи рассматриваются болгары. Существенно, что византийская армия мыслится не обороняющейся, а наступающей стороной, находящейся в условиях заграничного похода, причем главнокомандующим экспедиционного войска является сам император⁴¹.

Среди всех военно-научных проблем, занимавших внимание автора «De castrametatione», на первом месте стоят вопросы оборудования, функционирования и практического использования военного лагеря. Как известно, теория лагерного устройства является одним из самых консервативных разделов военной науки — тем более впечатляющими оказываются новые, в высшей степени оригинальные свидетельства, которые появились на страницах трактата именно в связи с особыми условиями горной войны.

³⁹ Военно-оперативная сущность этого метода, а также содержание составляющих его компонентов определены нами в статье: Кучма В. В. Метод *παράδρομή*: феномен военной теории и боевой практики X в. // ВО. 1996.

⁴⁰ Новейшая публикация — в издании, указанном в примечании 22. Р. 246–326 (далее — De castr.).

⁴¹ Представляется вероятным предположение о том, что непосредственным поводом к созданию анализируемого трактата явились события лета 886 г., когда византийская армия во главе с императором Василием II совершила поход в Болгарию, окончившийся неудачей. Обстоятельства этого похода нашли яркое отражение в описании непосредственного участника этих событий (Лев Диакон. История, X, 8. М., 1988. С. 89–90).

Так, в специальной главе⁴² рассматривается случай, когда условия местности заставляют разделить все экспедиционное войско на две части и разместить их в двух отдельных лагерях. Естественно, что подобное вынужденное отступление от традиционной схемы изменяет привычный стереотип действий, увеличивает объем инженерно-строительных работ, вынуждает командование осуществить комплекс дополнительных мероприятий, направленных как на обеспечение безопасности разделенных частей армии, так и на организацию взаимодействия между ними. И хотя подобная бинарная конструкция рассматривалась как временная, рассчитанная не более чем на одну ночь, к ее оборудованию рекомендовалось отнестись с неменьшей тщательностью, чем к строительству обычного лагеря по ординарной схеме.

Будучи профессиональным военным, имеющим соответствующую общетеоретическую подготовку, автор «De castrametatione» хорошо знаком с общими правилами марша через трудноодолимые участки. Рекомендации, излагаемые им по данному поводу, чрезвычайно подробны⁴³. Однако все они продолжают оставаться в рамках традиционной схемы, и тщательность проработки отдельных деталей пока еще не порождает какой-то качественной новизны.

Гораздо более оригинальным становится изложение материала, когда автор обращается непосредственно к реальным боевым действиям в горах. Не связанный никакой книжной традицией, он осмысленно и уверенно излагает современную, хорошо известную ему информацию, основанную на собственном боевом опыте. Общий императивный тон, который вообще свойствен его писательской манере, в этих обстоятельствах приобретает особую категоричность.

В представлении автора «De castrametatione» решающими эпизодами войны в горах являются столкновения, разворачивающиеся в ключевых позициях горного рельефа — узких проходах, теснинах или ущельях, обозначаемых термином «клизуры». При этом оказываются возможными два варианта развития событий. Первый вариант, рассмотренный в специальной главе⁴⁴, рассчитан на ситуацию, когда клизуры не заняты неприятелями. И хотя дорога кажется свободной, вводить сразу все экспедиционное войско в трудноодолимую местность считается крайне нецелесообразным — предварительно следует осуществить ряд мероприятий, предусмотрев их строгую последовательность. За один или два дня до перехода через клизуру должен быть выслан вперед отряд пехоты, в котором лучники и метатели дротиков должны численно преобладать над тяжело-

⁴² De castr., 7. Р. 272–274.

⁴³ Ibid., 14. Р. 284–286.

⁴⁴ Ibid., 19. Р. 292–294.

вооруженными воинами; для взаимодействия с пехотой и «с целью ее большего воодушевления» отряду могут быть приданы и кавалерийские подразделения. Во главе отряда следует поставить наиболее опытного архонта; в его подчинении должны находиться младшие командиры, имеющие опыт боевых действий на Западе. Главная задача этих передовых сил состоит в захвате господствующих высот и укрепленных фортов (если они там имеются), чтобы надежно контролировать главную дорогу, по которой предстоит двигаться армии, а также охранять все подходы, откуда неприятель мог бы нанести неожиданный удар. Когда эта задача будет выполнена, о чем императору должно быть послано специальное донесение, армия может приступать к переходу через клисуру. В голове походной колонны будут следовать две таксиархии⁴⁵ пехоты, несущие с собой секиры и топоры для расчистки пути; две таких же пехотных таксиархии должны замыкать всю походную колонну. Порядок следования главных сил (строевых частей пехоты и кавалерии, отрядов императорской гвардии, обоза, арьергардных структур) должен быть установлен заранее и неукоснительно соблюдаться в течение всего перехода. Архонт передового отряда обязан контролировать клисуру вплоть до полного ее преодоления экспедиционным корпусом, — лишь после этого он вместе с подчиненными ему людьми может присоединиться к арьергарду.

Еще более развернутый план действий предусмотрен на случай, когда выяснится, что клисуры уже заняты неприятельскими силами⁴⁶. Прежде всего следует попытаться обойти занятую клисуру другой свободной дорогой, даже если она удалена от первой на расстояние трех или четырех дней пути. Автору трактата известно из собственного опыта, что враги оставляют многие дороги без внимания, полагая их либо неизвестными византийскому командованию, либо непреодолимыми. Между тем, организовав тщательную разведку и воспользовавшись помощью опытных проводников, свободно ориентирующихся на местности⁴⁷, возможно провести армию таким маршрутом, который не брался неприятелем в расчет.

Если же возможности обойти занятую клисуру не имеется, все дальнейшие усилия должны быть направлены на то, чтобы выбить неприятеля с укрепленной позиции. По главной дороге, ведущей к клисуре, должен подойти отряд легковооруженной пехоты, имея целью спровоциро-

⁴⁵ О структуре частей и подразделений см. в исследовании: Kühn H.-J. Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.

⁴⁶ De castr., 20. P. 294–302.

⁴⁷ Ряд интересных соображений относительно общих принципов организации разведывательной службы и службы проводников высказан в отдельной главе трактата (De castr., 18. P. 290–292).

вать врага на столкновение и выманить его на себя притворным отступлением. Одновременно по боковым дорогам и тропам с тыла или во фланг неприятелю должны зайти другие отряды. Когда неприятель будет вынужден оставить клисуру, дальнейший порядок действий должен быть таким, как это предписано в предыдущей главе. И если войску предстоит вновь преодолевать эту же клисуру на обратном пути, целесообразно выделить особый отряд, который будет оставаться здесь вплоть до возвращения армии из экспедиции.

Все вышеизложенные рекомендации относятся к начальной фазе военной кампании, когда византийское войско только вступает на территорию врага. Но особенно тщательно проработаны в трактате сюжеты, касающиеся завершающего этапа экспедиции, когда войско, обремененное добычей и пленными, возвращается в свою землю. Автор справедливо замечает, что в начале кампании враг, как правило, еще недостаточно организован: он не знает направления главного удара византийских сил и потому не в состоянии противопоставить ему скоординированную систему ответных мероприятий. Принципиально иными могут быть действия противника, когда экспедиционное войско возвращается назад: враг может без труда просчитать все вероятные маршруты отхода византийцев и сосредоточить силы в самых ключевых пунктах этих маршрутов.

Автор трактата убежден в том, что не следует приступать к преодолению клисуры, если армия (особенно пехота) утомлена предшествующим переходом. Убедившись, что клисура занята неприятелем, необходимо прекратить движение и стать лагерем в подходящем месте, обеспеченном водой. «Успокоив армию и возбудив ее мужество», следует начать переход на следующее утро, соблюдая все требования безопасности.

Особую осторожность необходимо проявлять в условиях, когда византийская армия, имея впереди себя занятые врагами клисуры, одновременно подвергается воздействию преследующих ее главных неприятельских сил. На этот случай в трактате предусмотрена сложная, весьма оригинальная тактическая схема, основанная на круговой системе заградительных отрядов и рассчитанная на одновременное решение обеих задач: и разблокирование клисур, и недопущение удара по тылу. Однако если клисуры, запирающие выход, защищены настолько, что оказываются неприступными, рекомендуется решение двух названных задач развести во времени. Отказавшись от немедленного преодоления клисур, надлежит предоставить личному составу отдых. Затем, перегруппировав боевые части кавалерии, следует двинуть их против полевой армии неприятеля, нанести ей поражение и преследовать ее до полного рассеяния; в случае необходимости кавалеристам должны оказать помощь и пехотные подразделения. И если достигнутая таким способом победа окажется впечат-

ляющей, она сможет оказать деморализующее воздействие на неприятельские отряды, охраняющие клисуры. В случае их добровольного отступления специальной операции по деблокированию клисур может вообще не понадобиться. Но если неприятельские части, охраняющие теснины, будут продолжать удерживать свои позиции, такая операция должна быть подготовлена с соблюдением всех необходимых требований. Прежде всего, должна быть произведена тщательная разведка, в результате которой византийское командование смогло бы получить точные сведения и о силах противника, и об условиях их дислокации. После этого против вражеских заградительных отрядов следует двинуть значительные силы легкой пехоты (около тысячи человек), включающей в себя метателей дротиков, лучников и прашников. Эти силы не должны предпринимать лобовых штурмов, но вести обстрел с дальних позиций, комбинируя его с тыловыми и фланговыми ударами. Если же враг будет упорствовать, дело должны решить отряды тяжеловооруженных пехотинцев — оплитов, в состав которых будет включено отдельное подразделение менавлатов⁴⁸.

Мы сочли необходимым подробно изложить содержание тех пассажей «De castrametatione», в которых информация о правилах сражений в горах изложена с наибольшей полнотой и последовательностью. Однако интересующие нас сюжеты рассыпаны и во многих других разделах трактата, причем в большинстве случаев они тоже так или иначе увязаны с боевыми действиями в клисурах. В частности, автором уделено серьезное внимание на организацию снабжения экспедиционных сил продуктами питания и фуражом. Ему известно, что страна болгар очень бедна продовольственными ресурсами, особенно ячменем⁴⁹. И поскольку армия не в состоянии нести с собой запас фуража более чем на 24 дня, успех предстоящей кампании находится в прямой зависимости от поступления припасов из собственной земли. Поэтому важнейшая задача командования заключается в том, чтобы разработать оптимальную схему регулярного пополнения ресурсов, определить маршруты движения продовольственных транспортов через горную местность, разместить в ключевых пунктах этих маршрутов особые боевые отряды — не только стационарные, но и подвижные, предназначенные для сопровождения обозов⁵⁰.

Контроль над клисурами необходим и тогда, когда византийская армия, уже находящаяся на территории противника, получает пополнение за счет тех военнообязанных, которые по различным причинам не попали в первый призыв. Таким дополнительным отрядам, вынужденным двигать-

ся вдогонку главным силам, приходилось преодолевать уже опустошенную местность. Особую опасность для них (вплоть до «конечной гибели») представляют вражеские засады, размещенные в клисурах, — автору трактата известно немало подобных трагических примеров⁵¹.

Имеется, впрочем, сюжет и гораздо более оптимистического звучания. В главе, посвященной организации ночного боя, рассматривается вариант его благоприятного исхода. Естественно, что потерпев поражение в открытом бою, оставшиеся в живых враги попытаются найти свое спасение в горной местности. В этих случаях нельзя бросаться в их беспорядочное преследование, — дождавшись подхода отставшей пехоты, следует выстроиться в боевой порядок и надежно блокировать район, где укрылись остатки неприятельских сил. И если станет известно, что среди них находятся «правители вражеского народа», нельзя допустить, чтобы они ушли безнаказанно: блокада должна быть усилена за счет привлечения всех войсковых резервов. Боевое воздействие на окруженного противника должно продолжаться до его полного истребления⁵².

Предпринятый анализ приводит нас к заключению, что трактат «De castrametatione» ознаменовал собой качественно новое состояние научных знаний о правилах ведения боевых действий в условиях горной местности по сравнению с той моделью, которая сложилась в полемологической традиции на протяжении всех предшествующих столетий. К концу X в. произошел существенный прирост информации, настоятельно требовавшей своего теоретического обобщения и осмысления; новые факты, свидетельства и наблюдения оказались сконцентрированными в сферах, которые до тех пор располагались на периферийных участках военно-информационного пространства; боевую практику византийские армии проходили не только на территории империи, но и за ее пределами, в ходе наступательных операций. — Благоприятное сочетание всех указанных факторов и вызвало к жизни трактат «De castrametatione». А то обстоятельство, что обобщенный в нем боевой опыт далеко не всегда был исключительно лишь позитивным (по нашим наблюдениям, в отличие от мажорного, бравурного звучания установок «De velitatione bellica» в трактате «De castrametatione» явно преобладает пейоративная тональность), не только не снижало, а наоборот, повышало практическое значение этого первоклассного военно-научного наставления. Ибо давно и справедливо было замечено, что невзгоды всегда учат лучше, чем успехи, и потому чем негативнее оказывается приобретаемый опыт, тем императивнее становятся извлеченные из него уроки.

⁴⁸ Подробно о вооружении различных родов войск см. в исследовании: Kolias T. Byzantinische Waffen. Wien, 1988.

⁴⁹ De castr., 21. P. 304, 30–31.

⁵⁰ Ibid., 21. P. 304, 36–42.

⁵¹ De castr., 29. P. 322, 23–30.

⁵² Ibid., 25. P. 314, 34–41.

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ IX–X вв. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ БОЯ*

Общее состояние византийской военной организации на рубеже IX–X вв. отражено в широкоизвестном военном трактате, именуемом в литературе «Тактикой Льва»¹. Богатство и разнообразие содержащихся в «Тактике» сведений привлекли к ней внимание многих исследователей², черпающих здесь материал как для решения общих проблем византийской истории в указанный период, так и для обоснования частных аспектов.

В данной работе мы остановимся на важнейших элементах византийского военного искусства IX–X вв. — основных стратегических, тактических и оперативных принципах, которыми автор «Тактики» рекомендует руководствоваться военачальнику при подготовке и проведении боевых операций. Решая указанные вопросы, мы будем сопоставлять данные «Тактики Льва» со свидетельствами исторического труда Льва Диакона³: это сочинение наиболее близко в хронологическом отношении к нашему трактату по сравнению с другими источниками подобного типа. Поэтому его описания военных событий могут служить своего рода проверочным материалом для выяснения вопроса о практическом характере рекомендаций «Тактики Льва»⁴.

Автор «Тактики» рассматривает бой как единственное средство достижения полной и окончательной победы над противником⁵. При этом он не проводит четкого деления между боем наступательным и оборони-

тельным — в его описании эти два основных вида тесно взаимосвязаны и могут трансформироваться один в другой.

Решительному сражению должна предшествовать тщательная подготовка. Она включает в себя несколько важнейших элементов, в том числе моральную подготовку стратиотов, разведку местности, построение боевого порядка на избранном месте сражения, меры обеспечения на случай неблагоприятного исхода сражения и т. д.

Подготовка к бою должна производиться заблаговременно и начинаться за один или два дня до момента сражения. Рекомендуется укомплектовать личный состав подразделений⁶, снабдить войска продовольствием и фуражом⁷. Одновременно организуется разведка для выяснения сил противника, места и способа его построения⁸. Все вопросы предстоящего сражения должны быть обсуждены на военном совете⁹. Стратиг и архонты проводят перед боем беседы с целью укрепления морального состояния воинов¹⁰. Стратиоты должны перед сражением получить пищу¹¹. Войсковые священники освящают знамена¹² и благословляют личный состав войска¹³.

Подготавливая боевой строй, стратиг должен максимально использовать местные условия. Поле битвы надо тщательно изучить, чтобы выяснить, нет ли на нем каких-либо препятствий (ямы, рвы и т. п.), естественных или искусственных¹⁴. Если место не подходит для боя, нужно уклониться от немедленного сражения и поискать лучшие условия. При этом Лев, заботясь о самолюбии стратига, разъясняет ему, что такое отступление не является позорным, — речь идет лишь о перемене места¹⁵.

⁶ TL, XIII, 1. Col. 844 A.

⁷ Ibid., XIII, 6, 11, 15–16. Col. 844 D–848 B–C.

⁸ Ibid., XIII, 2. Col. 844 A–B. У Льва Диакона находим любопытные сведения о ночной разведке, предпринятой Никифором Фокой во время его критской экспедиции. Отобрав часть храбрых и молодых воинов, Никифор тайно выступил из своего укрепления и двинулся в глубь острова. От захваченных пленных он узнал, что противник концентрирует свои силы на одном возвышенном месте, намереваясь оттуда напасть на византийцев. Дождавшись следующей ночи, Никифор послал войска к указанному месту (при этом были использованы местные проводники), окружил его и внезапным ударом уничтожил крупные силы противника. См.: Leo Diac., I, 7. P. 13–14.

⁹ TL, XIII, 8–9. Col. 845 B; подробнее о функциях и роли совета говорится в VII главе трактата.

¹⁰ Ibid., XII, 71–72. Col. 825 D–828 B; XIII, 3. Col. 844 B.

¹¹ Ibid., XIII, 7. Col. 845 A.

¹² Ibid., XIII, 1. Col. 844 A.

¹³ Ibid., XIV, 1. Col. 848 D.

¹⁴ Ibid., XII, 108. Col. 837 A; XIV, 28. Col. 857 A–B.

¹⁵ Ibid., XIII, 13. Col. 845 D–848 A.

* Статья впервые опубликована в: ВВ. 1977. 38.

¹ Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris Tactica // PG. 1863. 107 (далее — TL). Сведения об изданиях «Тактики» суммированы А. Дэном; см.: Dain A. Les stratèges byzantins // TM. 1967. 2. P. 354–355.

² Анализ «Тактики» как исторического источника, а также обзор литературы даны нами в предыдущих статьях; см.: Кучма В. В. «Тактика Льва» в исторической литературе (Историографический обзор) // ВВ. 1969. 30; Он же. «Тактика Льва» как исторический источник // ВВ. 1972. 33 (см. также настоящее издание).

³ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem. Вонпае, 1828 (далее — Leo Diac.).

⁴ Ряд общих соображений о критериях достоверности сведений «Тактики Льва» (в сопоставлении с данными «Стратегикона Псевдо-Маврикия») был высказан нами ранее (см.: Кучма В. В. К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва» // АДСВ. Вып. 8. Свердловск, 1972).

⁵ TL, XIV, 25–26. Col. 856 C–D.

При описании боевых приемов основное внимание автора уделено тактике кавалерийских подразделений. Пехотные колонны играют роль живых крепостей, о которые разбиваются вражеские атаки. Кавалерийские же подразделения выступают в качестве основной ударной силы, решающей исход сражения.

Руководя сражением, стратиг должен стараться всячески затруднить действия противника, ввести его в заблуждение относительно численности и боевого порядка своего войска. «Тактика Льва» требует тщательно скрывать от врага численность¹⁶ и расположение¹⁷ войска. Одновременно следует всемерно стремиться к тому, чтобы у противника создавалось ложное впечатление о византийском войске. Для этого, по мнению автора трактата, можно пользоваться следующими методами: увеличивать число знамен в войске, чтобы противник считал численность византийцев большей, чем она есть на самом деле¹⁸; соединять две боевые линии на марше в одну, а в последующем снова разворачивать войско в две линии непосредственно перед самым сражением для того, чтобы дезориентировать противника относительно численности и боевого порядка своей армии¹⁹; демонстрировать врагу немногих, специально отобранных и хорошо вооруженных воинов и архонтов, чтобы враг думал, что и остальные воины так же искусны и хорошо вооружены²⁰; искусственно повышать численность тяжеловооруженных воинов в составе армии, не останавливаясь даже перед прямыми подделками в вооружении и снаряжении²¹.

Сражению должны предшествовать меры по разложению армии противника, чтобы к моменту боя враг был уже ослаблен. Условия места и времени для сражения следует выбирать таким образом, чтобы извлечь максимальные выгоды для себя и затруднить действия противника²². Если войско неприятеля составлено из различных народов, нужно подарками, милостями и красноречием расположить к себе отдельные группы в составе этой армии²³. Аналогичным образом следует поступать, если в войске противника существуют враждующие партии²⁴. После этого можно приступить к построению боевого порядка и обеспечению его безопасности.

¹⁶ TL, XII, 24. Col. 812 C; XIV, 37. Col. 860 B–C.

¹⁷ Ibid., XIV, 5, 12. Col. 849 B; Col. 852 B.

¹⁸ Ibid., XII, 73. Col. 828 B–C.

¹⁹ Ibid., XIV, 6. Col. 849 C.

²⁰ Ibid., XV, 8. Col. 888 D.

²¹ Ibid., XV, 9. Col. 888 D.

²² Ibid., XII, 129. Col. 841 A; XIV, 110. Col. 844 A.

²³ Ibid., XII, 130. Col. 841 B. Нарративные источники свидетельствуют, что эта

идея всегда проводилась в жизнь. Как указывает Лев Диакон, Никифор Фока, понимая опасность войны сразу с двумя народами, стремился расколоть союз болгар со Святославом (Leo Diac., V, 2–3. P. 79 sqq.).

²⁴ Ibid., XII, 131. Col. 841 B.

По мнению автора трактата, перед боевым порядком целесообразно иметь замаскированный ров шириной в 8–10 шагов. Когда выстроенные за ровом подразделения отступят, враги бросятся за ними в погоню и угонят в этот ров. Здесь они будут добыты специально выделенными подразделениями, спрятанными в засаде недалеко от рва²⁵. Подобные ловушки для врагов можно устраивать и при помощи других средств, таких как палы²⁶, триболы²⁷ и «волчьи ямы»²⁸. Оборудование поля боя с помощью указанных средств производится в строгой тайне и непосредственно перед сражением. Все стратиоты должны быть оповещены об этих сооружениях²⁹.

С самого начала боя стратиг должен завладеть военной инициативой и не упускать ее до конца. Нападать на врага следует врасплох, тогда, когда он еще не выстроился в боевой порядок³⁰ или производит различные перестроения³¹. Признается благоприятным для нападения и такой момент, когда враги, нагруженные добычей, возвращаются домой³².

Добиться того, чтобы противник расстроил свои ряды, можно и искусственным путем, выпустив, например, на поле боя стадо скота: когда враги бросятся ловить его, нужно совершить внезапное нападение³³.

Переходя к описанию основных тактических принципов, автор трактата настойчиво проводит мысль о преимуществах скрытых фланговых и тыловых ударов перед прямыми, лобовыми. Прямые открытые удары признаются не только бесполезными, но даже пагубными, ибо таят в себе большие опасности³⁴. Попытка достичь победы таким путем расценивается как безрассудство³⁵, причем не только тогда, когда неприятельское войско сильнее, но и когда оно равно византийскому или даже слабее его³⁶.

В связи с этим основным положением автор трактата детально описывает приемы охвата, обхода и окружения противника. Для успешного осуществления всех этих маневров необходимо, чтобы протяженность фронта боевого строя византийской армии была большей, чем у противника. Превзойти протяженность фронта противника или, по крайней мере, урав-

²⁵ TL, XIV, 43. Col. 861 B–D.

²⁶ Ibid., XIV, 44. Col. 861 D.

²⁷ Ibid., XIV, 45. Col. 861 D–864 B.

²⁸ Ibid., XIV, 46. Col. 864 B–C.

²⁹ Ibid., XIV, 47–48. Col. 864 C–865 A.

³⁰ Ibid., XIV, 32. Col. 857 D; XVII, 9. Col. 916 A–B.

³¹ Ibid., XII, 86. Col. 832 C.

³² Ibid., XVII, 77. Col. 932 D–933 A.

³³ Ibid., XVII, 12. Col. 916 B.

³⁴ Ibid., XVII, 4. Col. 913 D.

³⁵ Ibid., XII, 138. Col. 841 D–844 A.

³⁶ Ibid., XII, 35–37. Col. 816 B–C.

няться с ним — одна из главных задач, стоящих перед командованием³⁷. Если эта задача будет решена, будут, с одной стороны, сорваны замыслы противника окружить византийское войско³⁸, а с другой стороны, созданы условия для собственных фланговых маневров и тыловых рейдов³⁹.

Серьезное внимание автор «Тактики» обращает на выделение скрытых резервов и организацию засад. Небольшие подразделения, скрыто передвигающиеся на флангах или находящиеся в засаде, способны сыграть важную роль в сражении или даже решить исход битвы. Различным случаям применения таких подразделений Лев посвящает многочисленные разделы своего трактата⁴⁰.

Еще до начала общего сражения, используя условия местности, эти подразделения проникают глубоко в тыл противника и наносят ему неожиданный удар⁴¹. Особенно важную роль они призваны сыграть в случае ложных отступлений ромейского войска, когда противник, бросившись его преследовать, расстроит свои ряды. Тогда удар из засады будет весьма действенным. Если к тому же отступающие, внезапно остановившись, тоже нападут на противника, такой удар может оказаться решающим⁴². Между подразделениями скрытых резервов и остальным войском должно быть налажено взаимодействие, различные случаи которого детально рассмотрены в трактате⁴³.

Подразделения, предназначенные для фланговых и тыловых ударов по противнику, а также все резервные кавалерийские части, выделенные для защиты тыла строя, имеют особый порядок, который обозначается в трактате термином «друнгисти». Объясняя этот термин, Лев пишет, что он означает, собственно, отсутствие порядка⁴⁴, так как при таком построении ни численность войска, ни глубина его расположения или протяженность

³⁷ TL, XII, 88. Col. 832 D.

³⁸ Ibid., XII, 81. Col. 829 C–D.

³⁹ Ibid., XII, 84. Col. 832 A–B.

⁴⁰ Лев Диакон подробно описывает разгром Львом Фокой арабского войска. Византийцы предпочли уклониться от решительного сражения. Они заняли все возвышенные и удобные места на пути движения арабского войска, и когда утомленные длительным переходом арабы приблизились, засадные отряды внезапно напали на них и нанесли им жестокое поражение (Leo Diac., II, 2–5. P. 18–24).

⁴¹ TL, XIV, 40. Col. 860 D–861 A.

⁴² Ibid., XIV, 42. Col. 861 A–B. В одном из сражений периода войны со Святославом Варда Склир разделил все свое войско на три части, две из которых он оставил в засаде, а третью повел в сражение. Когда выяснилось, что такими силами византийцы не смогут одержать победу, был подан сигнал, по которому запасные части появились на поле сражения и окружили противника. Этот удар решил исход сражения в пользу византийцев. См.: Leo Diac., VI, 12–13. P. 109–110.

⁴³ Ibid., XIV, 51–56. Col. 865 A–868 A.

⁴⁴ Ibid., XIV, 57. Col. 868 A–B.

его фронта не являются определенными. Единственное условие такого расположения — его сплоченность. Подразделение, имеющее такое построение, может быть легко скрыто в засаде, быстро изменяться в случае необходимости и легче поддается управлению⁴⁵. Термин «друнгисти» встречается в трактате неоднократно, в том числе и при описании воинских упражнений плагиофилаков и гиперкерастов⁴⁶, и обозначает именно беспорядочное, «тестообразное» (по выражению Льва⁴⁷), но тесно сплоченное расположение группы кавалеристов, вызванное необходимостью приспосабливаться к быстрым изменениям боевой обстановки⁴⁸.

Автор трактата является сторонником решительных и быстрых действий, цель которых — достижение окончательной победы над противником. Он неоднократно предостерегает от излишней поспешности в подготовке к генеральному сражению. Но если противник уже находится перед глазами, следует быстро напасть на него⁴⁹. Только таким образом можно завладеть инициативой, необходимой для успеха сражения. Длительные раздумья и колебания могут неблагоприятно отразиться на моральном состоянии войска⁵⁰.

Сражение должно вестись с максимальным напряжением сил и завершиться полным разгромом врага⁵¹. По мнению автора трактата, противника не следует лишать возможности спастись бегством. Поэтому при описании одной из деталей боя Лев специально указывает, что на захваченного врасплох противника следует нападать не с четырех, а только с трех сторон, чтобы враг имел возможность для бегства⁵². В этом отношении Лев следует старинному правилу византийского военного искусства, отраженному в более ранних трактатах⁵³.

Если враг дрогнул и побежал, надо организовать его энергичное преследование. Однако это преследование не является самоцелью, а лишь служит средством достижения окончательной победы⁵⁴.

⁴⁵ TL, XIV, 57. Col. 868 A–B.

⁴⁶ Ibid., VII, 47. Col. 748 B.

⁴⁷ Ibid., XIV, 57. Col. 868 B.

⁴⁸ Термин «друнгисти» как с этимологической, так и со смысловой точки зрения был объектом специального исследования Ю. А. Кулаковского (см.: Кулаковский Ю. А. Друнг и друнгари // ВВ. 1902. IX. Вып. 1).

⁴⁹ TL, IX, 41. Col. 777 B.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid., XIV, 25–26. Col. 856 C–D.

⁵² Ibid., XVII, 27. Col. 920 B–C.

⁵³ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft, XXXIV, 4; XXXIX, 12 // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. Zweiter Theil: Die Tactiker. Zweite Abteilung. Leipzig, 1855. S. 166, 182; cp.: Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. VIII, 1; IX, 2 / Ed. I. Schefferus. Upsaliae, 1664. P. 178, 210.

⁵⁴ TL, XII, 75. Col. 828 D–829 A.

Бой требует от стратига четкого руководства всеми подразделениями, организации их постоянного взаимодействия. В ходе боя обстановка может неоднократно меняться: стремительные атаки чередуются с глубокими отходами, наступательные действия — с отражением вражеских контрударов. Поэтому автор трактата требует от войска умения быстро и организованно перестроиться, сменить фронт, сузить или, напротив, растянуть фланги. В трактате предусмотрены действия на случай, когда вынуждена отступать не только первая, но и вторая линия строя. Тогда основная тяжесть сражения возлагается на плагеофилаков, составляющих третью линию строя, а также на пехотные и конные резервы⁵⁵. В случае глубокого проникновения в тыл значительных сил противника предусматривается поворот боевой линии на 180 градусов⁵⁶.

Естественно, что такие сложные перестроения требуют от военачальников и солдат большого опыта. Поэтому все детали будущего сражения должны быть тщательно отработаны в ходе воинских учений, характеристике которых отводится специальная глава⁵⁷. Воинские учения следует проводить в условиях, максимально приближенных к боевым⁵⁸. Единственное отличие заключается в том, что в бою воинам придется иметь дело с настоящим оружием, а на учениях оно должно быть «нежелезным и небоевым» — во всем остальном воинские учения в точности, вплоть до мелочей, должны соответствовать военным действиям⁵⁹. Не удивительно поэтому, что во многих местах описания военных упражнений в трактате Льва являются почти дословным воспроизведением описаний боя.

Уже в ходе упражнений армия должна быть обучена многочисленным военным хитростям, основанным на умелом использовании места и времени. «Тактика Льва» насыщена описанием военных хитростей. Буквально каждое действие войска, кроме своего непосредственного назначения, должно иметь и вторую цель — обмануть противника, дезориентировать его, подтолкнуть к совершению таких действий, которые в конечном счете оказались бы для него пагубными. Применение воинских хитростей должно иметь место в ходе всего сражения, а выбор их предоставляется на усмотрение стратигу. Почти все воинские хитрости основаны на принципе внезапности. Многочисленные и разнообразные советы по организации внезапных нападений суммированы автором трактата в специальной главе⁶⁰.

⁵⁵ TL, XII, 93–94. Col. 833 B–C.

⁵⁶ Ibid., XII, 94–95. Col. 833 B–C.

⁵⁷ Ibid., VII. Col. 733–760.

⁵⁸ Ibid., VII, 51. Col. 749 A.

⁵⁹ Ibid., XIV, 73. Col. 872 D–873 A.

⁶⁰ Ibid., XVII. Col. 913–944. Следует отметить, что содержание целого ряда разделов этой главы выходит за рамки частных тактических (в современном смысле слова) проблем. Лев касается здесь вопросов подготовки к войне не только армии,

Многие из этих советов касаются организации ночных нападений⁶¹. Так, можно нанести большой урон противнику, если за два или три часа до рассвета напасть на его лагерь. При этом важнейшую роль должны сыграть лучники⁶². Чтобы обеспечить успех такого ночного предприятия, целесообразно заранее направить в расположение врага посольство, которое создаст у противника настроение беззаботности и беспечности, после чего можно его будет ошеломить внезапным нападением⁶³. Вообще использовать посольства и отдельных лазутчиков с целью дезориентации врага нужно максимально широко⁶⁴.

Войско противника должно находиться под постоянным и тщательным наблюдением, организуемым непрерывно в любое время суток. Кроме данных, добываемых различными караулами, разъездами и разведывательными постами, а также лазутчиками, о которых в трактате говорится неоднократно⁶⁵, рекомендуется обращать самое пристальное внимание на сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками и пленными. Отношение к перебежчикам должно быть доброжелательным⁶⁶. Стратигу настоятельно рекомендуется в любом случае принимать всех тех, кто желает ему что-либо сообщить⁶⁷. Однако перебежчики должны находиться под контролем⁶⁸. Сообщаемые ими сведения следует сопоставлять с показаниями пленных, которым отдается предпочтение в случае расхождения данных⁶⁹.

но всего государства в целом, или, по крайней мере, той его области, которой угрожает вражеское нашествие (см., например: TL, XVII, 79–86. Col. 933 A–936 A). Среди главных мероприятий перечисляются укрепление крепостей, эвакуация людей и скота, организация непрерывного наблюдения за врагом. Однако главная забота стратига должна заключаться в подготовке боеспособной армии, постоянно угрожающей вторгшимся врагам. Лучшее же средство, с помощью которого можно добиться ухода врагов из пределов страны, заключается, по мнению Льва, в осуществлении вторжения на вражескую территорию (TL, XVII, 81. Col. 933 B). Если неприятель, узнав о вторжении, устремится против этой армии, ее нужно спешно вывести с территории врага другим путем, не ввязываясь в бой (TL, XVII, 82. Col. 933 B–C). Тем самым будет достигнуто освобождение захваченной врагом области, а армия останется невредимой.

⁶¹ В своей «Истории» Лев Диакон неоднократно упоминает об удачных ночных нападениях; см., например: Leo Diac., I, 7. P. 14; II, 2. P. 19 etc.

⁶² TL, XVII, 8. Col. 916 A.

⁶³ Ibid., XVII, 16. Col. 917 A.

⁶⁴ Ibid., XVII, 7. Col. 916 A; XVII, 19. Col. 917 B–C etc.

⁶⁵ См. также: Leo Diac., VI, 11. P. 108; VII, 5. P. 120; VIII, 2. P. 130.

⁶⁶ TL, XV, 36. Col. 896 B–C.

⁶⁷ Ibid., XVI, 21. Col. 913 A.

⁶⁸ Ibid., XVII, 43. Col. 924 A; XVII, 116. Col. 944 C–D.

⁶⁹ Ibid., XVII, 40–42. Col. 921 D–924 A.

В свою очередь должны быть приняты меры к поимке вражеских разведчиков, засылаемых в византийское войско. Рекомендуемый способ основан на том положении, что каждый византийский стратиот твердо знает свое место в лагере или в строю; когда будет дана команда занять свои места, вражеские разведчики могут быть легко выявлены и схвачены, так как останутся без места⁷⁰. Иногда они могут быть пойманы, так как не знают условленных сигналов или пароля⁷¹.

С захваченными разведчиками можно поступить двояко. Если византийское войско находится в хорошем состоянии, разведчика нужно провести по расположению всего войска и отпустить, чтобы он, возвратившись к себе, рассказал обо всем виденном начальству: автор трактата полагает, что это окажет угнетающее воздействие на врага. В противном случае вражеские разведчики подлежат уничтожению⁷².

С самого начала сражения и вплоть до его исхода стратиоты должны четко соблюдать дисциплину строя, быстро и беспрекословно подчиняться всем распоряжениям стратига. Последний осуществляет руководство боем через архонтов и мандаторов. Еще накануне должна быть разработана система условных сигналов, подаваемых трубами и войсковыми знаменами. Сохранение порядка особенно необходимо при захвате добычи, брошенной на поле боя отступающим врагом. Стратиотам нужно постоянно напоминать, что снимать доспехи с убитых врагов можно только после битвы⁷³. Заниматься этим делом, а также грабить обоз или лагерь неприятеля до исхода сражения — дело весьма опасное, ибо при этом расстраивается боевой порядок, чем может воспользоваться неприятель⁷⁴. Автор рекомендует стратигу поручить захват добычи специальным подразделениям⁷⁵. При этом одна часть воинов захватывает добычу, другая — охраняет их⁷⁶. Такой порядок должен соблюдаться и тогда, когда собирать добычу разрешено всему войску: должны быть выделены под-

⁷⁰ TL, XVII, 109. Col. 941 C-D.

⁷¹ Ibid., XVII, 112. Col. 941 D-944 A.

⁷² Ibid., XVII, 114-115. Col. 944 B-C.

⁷³ Ibid., XII, 124. Col. 840 C.

⁷⁴ Ibid., XIII, 14. Col. 818 A-B. Лев Диакон рассказывает, что в одном из сражений Лев Фока нанес решительное поражение противнику (кстати сказать, путем умелой организации засад на пути движения вражеского войска), и предводитель арабов спасся от неминуемого плена лишь благодаря своей находчивости: он приказал рассыпать на дороге серебро и золото, и когда византийцы бросились собирать драгоценности, он с немногими оруженосцами воспользовался этой задержкой и ушел от преследования. См.: Leo Diac., II, 5. P. 22-23.

⁷⁵ TL, XVII, 33. Col. 921 A.

⁷⁶ Ibid., XVII, 48. Col. 924 C-D.

разделения, готовые к отражению вражеских ударов⁷⁷. Несколько ниже эти рекомендации дополнены чрезвычайно важным положением: если кто-либо из стратиотов самовольно присоединится к подразделению, назначенным для сбора добычи, он должен быть схвачен и строго наказан — его обнаженным выставляют перед войском⁷⁸.

Как уже отмечалось, автор трактата неоднократно подчеркивает, что цель войны заключается в достижении полной победы над врагом. Однако Лев допускает, что эта цель может быть и не достигнута в результате первого сражения. Напротив, бой может закончиться поражением византийской армии. Поэтому автор «Тактики» предлагает стратигу целую программу действий на случай неблагоприятного исхода первого сражения.

Прежде всего он не советует стратигу сразу же, без всякой подготовки, давать второе сражение, учитывая тяжелое моральное состояние воинов⁷⁹. Если можно рассчитывать на помощь союзников или на раскол среди врагов⁸⁰, тогда нужно выиграть время, уклоняясь от решительных сражений, но удерживая войско неприятеля в состоянии постоянного напряжения⁸¹. Если же такая возможность отсутствует, нужно решиться на повторное сражение, проведя среди стратиотов соответствующую агитацию⁸² и организовав перестроение войска, в частности поменяв местами первую и вторую линии⁸³. Пока еще войско не утратило боеспособности, надо повторной решительной битвой исправить допущенные ранее ошибки⁸⁴.

Таким образом, бой рассматривается автором трактата как кульминационный пункт всякой военной кампании. Именно бой является испытанием моральных и боевых качеств архонтов и стратиотов, проверкой слаженности и четкости в работе громадной и сложной военной машины Византийской империи. Поэтому вся жизнь армии должна быть постоянной и целенаправленной подготовкой к этому ответственному и решающему моменту.

⁷⁷ TL, XVII, 49-50. Col. 924 D.

⁷⁸ Ibid., XVII, 67. Col. 929 C.

⁷⁹ Ibid., XIV, 17. Col. 853 B-D.

⁸⁰ Ibid., XIV, 20. Col. 853 D.

⁸¹ Ibid., XIV, 18. Col. 853 C-D.

⁸² Ibid., XIV, 20. Col. 856 A.

⁸³ Ibid., XIV, 19. Col. 853 D.

⁸⁴ Ibid., XIV, 21. Col. 856 A-B.

МЕТОД парадроми: ФЕНОМЕН ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И БОЕВОЙ ПРАКТИКИ X в.*

Основное содержание военно-научного сочинения, вошедшего в литературу под условным наименованием «De velitatione bellica»¹, сводится к описанию особого боевого метода, который обозначен термином *парадром*. В предыдущем эскизе² нами уже был предложен вариант толкования данного термина в этимологическом и реально-содержательном смысле. Сейчас настало время предпринять попытку военно-теоретического анализа самого этого метода, обозначаемого указанным термином.

Метод ведения боевых действий, обрисованный в трактате «De velitatione bellica», был вызван к жизни военно-стратегической ситуацией, существовавшей на юго-восточных рубежах империи в 40–60 гг. X в., когда ее пограничные фемы находились под постоянной угрозой вражеского (именно арабского³) вторжения. Почти ежегодно (а иногда 2–3 раза в год) через барьер, образуемый горами Тавра, прорывались мобильные отряды арабов. Эта конные контингенты численностью в 5–6 тыс. человек в ходе стремительных рейдов по приграничным фемам брали приступом города, опустошали сельскую местность, а затем столь же внезапно поворачивали назад, спеша до зимы возвратиться домой с пленными и добы-

чей. По информации трактата, характер столкновений с ними отличался предельной динамичностью: нет и речи о длительных осадах, продолжительных маневрах, стратегии выжидания или измора; солидные военные действия в принципе не исключались, но как бы оставались за кадром.

Главными военными соперниками ромеев являлись эмиры династии Хамданидов, установившие свою власть в северных регионах Сирии с 40-х гг. X в. Имя Хамдана, эмира Мосула, трижды встречается на страницах трактата⁴. Один из двух его сыновей, по имени Али, присвоивший себе имя Сайф-ад-Доула («Меч династии»), в 944 г. основал собственный эмират с центром в Алеппо. С этого момента и до самой своей смерти в 967 г. он был главным соперником Византии на малоазийском театре военных действий.

Нельзя сказать, что в этих конфликтах Византия являлась исключительно обороняющейся стороной: не ограничиваясь отпором неприятелю на собственной территории, ромейские войска также неоднократно совершали глубокие рейды во вражеские владения. Поэтому общий военно-стратегический баланс арабо-византийского противостояния в малоазийском регионе в 40–50-х гг. не являлся для империи однозначно отрицательным; с начала же 60-х гг., в ходе так называемой «византийской реконквисты», он уже окончательно сложился в ее пользу.

Таким образом, метод *парадром* был рассчитан на применение в территориально-локализованном регионе, в конкретной военно-стратегической ситуации, против строго идентифицированного противника, на определенной (преимущественно начальной) стадии военной кампании. Исходная ситуация для начала применения метода характеризовалась тем, что мобильные части противника реально угрожали вторжением на территорию империи; силы же ромеев еще не приведены в состояние готовности к немедленным боевым действиям — для такой подготовки требовался определенный мобилизационный период⁵. В этих условиях фемный

* Статья впервые опубликована в: ВО. М., 1996.

¹ Пользуемся новейшим изданием: Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Ed G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986. P. 29–135 (далее — De vel. bell., с указанием главы, параграфа, страницы и строки указанного издания).

² См.: Кучма В. В. Трактат «De velitatione bellica»: проблемы жанра и основного содержания // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 26. Барнаул, 1992.

³ Обобщающий термин «арабы» употреблен в трактате лишь однажды (De vel. bell., VII, I. P. 51, 7). Вражеские племена именуются либо по их конфессиональной принадлежности («потомки Исмаила», «исмаилиты», «надменные сыны Агари»), либо по названию местности их проживания («тарситяне», «кикийцы»). В противовес этому территории империи именуются «ромейскими областями», «ромейскими владениями»; дважды использован термин Ρωμαία (De vel. bell., IV, 3. P. 45, 11; XX, 7. P. 115, 42). Характеристика этнонимов в анализируемом трактате подтверждает наблюдения Г. Г. Литаврина, согласно которым термин «ромей» до XI в. имел скорее не этническое, а политико-конфессиональное значение; описания же других народов строятся на этно-генетических, политических, конфессиональных и географических критериях (См.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 198–217).

⁴ De vel. bell., Pr. 3. P. 33, 17; III, 6. P. 43, 39; XX, 7. P. 115, 42.

⁵ Причины неотмобилизованности византийских вооруженных сил, а потому их неготовности к ведению крупномасштабных боевых действий на самой начальной стадии военной кампании объективно определялись специфическими особенностями военной организации империи, соответствовавшей периоду фемного строя, когда основную массу вооруженных сил составляли контингенты, сформированные на принципах милиционно-территориального ополчения. В мирное время страоты занимались делами, не связанными с несением военной службы, поэтому на призыв в строй фемных ополчений, на проверку их вооружения, снаряжения, обеспечения продовольствием и фуражом по нормам табельной положенности, а затем на передислокацию в пункты сосредоточения требовались значительные затраты времени: автор прямо пишет, что войско (конкретно речь идет о пехотных подразделениях) не может быстро собраться и хорошо подготовиться к боям в ко-

стратиг, т. е. генерал-губернатор фемы, возглавляющий ее территориальные воинские формирования⁶, обязан осуществить ряд действий, системная совокупность которых и составляет содержание метода *парадромѣ*. Осуществление метода должно обеспечить выигрыш времени, в течение которого будут завершены мобилизационные мероприятия, и византийская армия уравнивается по численности с арабскими силами либо даже превзойдет их⁷. Кроме того, вступят в силу и объективные законы войны: для вторгнувшейся армии по мере ее продвижения в глубь страны будет нарастать тенденция к ослаблению вследствие неизбежности рассредоточения, — напротив, обороняющаяся сторона, сосредоточиваясь, будет усиливаться; это прогрессирующее преимущество обороняющейся стороны будет проявляться все более рельефно по мере углубления театра военных действий⁸. Момент достижения баланса сил составит конечный временной рубеж применения метода *парадромѣ*; отныне характер боевых действий будет определяться уже иными правилами, сформулированными в других военно-научных руководствах, которые, разумеется, сохранили свой статус действующих и после издания трактата «De velitatione bellica».

Таким образом, главный смысл метода *парадромѣ* заключается в том, чтобы посредством малых сил, которыми располагает фемный стратиг на

роткое время, исчисляемое лишь несколькими днями (De vel. bell., IV, 5. P. 47, 25–26). На присылку же воинских частей из столицы (такие части поименованы «государевыми войсками». Ibid., XII, I. P. 75, 4) или из других фем стратигу рассчитывать не рекомендовалось: он был обязан организовать оборону своего региона, исходя исключительно лишь из собственных людских сил и материальных ресурсов.

⁶ Термин «стратиг», используемый военными авторами в различных значениях (см. об этом: Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Структура и численность армейских подразделений // АДСВ. 12. Свердловск, 1975. С. 81), в анализируемом трактате употребляется только в этом смысле.

⁷ Максимальная численность арабского войска, упоминаемая в трактате, определялась в 6 тыс. воинов при 12 тыс. верховых лошадей (De vel. bell., XIV, 4. P. 83, 35–36), не считая обоза, где находилось много нестроевых людей, обслуживающих вьючных животных. Когда в результате мобилизационных мероприятий численность византийской фемной армии составит 3 тыс. чел., это, по мнению автора трактата, уже вселяет надежду на успех (ibid., XVI, 4. P. 93, 31–32; XVI, 7. P. 95, 57–59); при достигнутой же численности в 5–6 тыс. всадников уже нет необходимости в ее дальнейшем наращивании (ibid., XVII, 2. P. 97, 17–19): с таким войском фемные стратиги могли смело брать боевую инициативу в свои руки и не страшиться предпринимать даже прямые лобовые атаки на противника (ibid., XIX, 2. P. 109, 12–13).

⁸ См.: Михневич Н. П. Стратегия. Кн. I. СПб., 1906. С. 143, 298.

начальной стадии военной кампании, нейтрализовать вражеское войско, обладающее численным превосходством и владеющее на первых порах боевой инициативой. Выразив эту мысль в заключительной фразе V главы⁹, автор трактата построил дальнейшее изложение материала в форме трех концентрических информационных циклов с постоянно расширяющимся объемом. Так, глава VI трактата раскрывает содержание метода *парадромѣ* на варианте, когда на территорию империи проникают только лишь передовые отряды противника, именуемые монокурсами¹⁰. Как правило, это конные подразделения, движущиеся налегке, без пехотного сопровождения и обоза, без намерения становиться лагерем; главная их цель — осуществление разведки, захват языков, добычи и фуража. Второй, более развернутый блок информации представлен в IX главе¹¹, где метод *парадромѣ* смоделирован в условиях набегов, осуществляемых комбинированными (конными и пешими) отрядами мусульманских эмиров, чьи владения соприкасаются с пограничными фемами империи.

В построении VI и IX глав трактата явно просматривается особый композиционный замысел нашего автора: дав характеристику метода *парадромѣ* сначала в миниатюрном, затем в несколько укрупненном изображении, в дальнейшем интерполировать все компоненты этого метода на крупную военную кампанию, сопровождающуюся созданием военно-оперативных баз противника на византийской территории. В процессе анализа этого третьего варианта арабо-византийских конфликтов рекомендуемый в трактате метод приобретает окончательную определенность¹².

Из каких же основных компонентов складывается метод *парадромѣ*? В какой системной связи эти компоненты находятся? Какова должна быть последовательность их применения в реальной боевой практике?

Важнейшим компонентом метода *парадромѣ* и одновременно необходимым условием его успешной реализации является организация разведывательной и караульной служб, осуществляемая как до начала военной кампании, так и непосредственно в ходе ее проведения¹³.

⁹ De vel. bell., V, 2. P. 47, 12–15.

¹⁰ Ibid., VI, 1–4. P. 47–49.

¹¹ Ibid., IX, 1–14. P. 57–63.

¹² В предыдущих работах нами уже отмечались высокие композиционные достоинства анализируемого сочинения, логичность и последовательность развертывания в нем информации, гармоничная уравновешенность составляющих его частей (см.: Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Т. 2. М., 1989. С. 292).

¹³ В предшествующей полемологической традиции наиболее детально данный сюжет был проработан анонимным военным автором VI в. (См. об этом: Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.». Основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. 41. С. 89 и с. 208–242 настоящего издания). Прямых доказательств непосред-

Трактат начинается с подробной характеристики сторожевых постов, именуемых виглами, которые выставляются стратигами пограничных фем для наблюдения за передвижением неприятельских войск еще на подступах к ромейским владениям. Эти виглы следует выстраивать не в одну линию, но придавать их построению эшелонированный характер. Первая (внешняя) линия вигл должна быть размещена на возвышенных местах, по гребням гор¹⁴, чтобы иметь возможность более широкого обзора приграничной территории; расстояние между отдельными постами определяется в 3–4 мили¹⁵. Увидев приближение неприятеля, постовые последовательно передают это сообщение виглам второй, третьей и последующих линий¹⁶; известие должно дойти до конных стражей, которые размещены уже в глубине ромейской территории на равнинных местах, — эти конные стражи уведомят о начале вражеского нашествия непосредственно самого стратига¹⁷.

Сторожевые посты несут свою службу на протяжении 15 суток, после чего происходит их смена; на этот срок они должны быть обеспечены съестными припасами¹⁸. Следует отбирать для несения караульной службы людей крепких, выносливых, хорошо знающих местность¹⁹. Постовым рекомендуется не стоять на одном месте, но постоянно передвигаться, чтобы не быть захваченными врагами врасплох²⁰. Стратигу же следует время от времени посылать наиболее опытных архонтов для проверки надежности несения службы караульными постами²¹.

Особую разновидность сторожевых постов представляют караулы на дорогах, которые, если судить по контексту, могут быть выдвинуты и за пределы ромейской территории. Именно от них стационарные виглы могут получить первое сообщение о вражеском марше²²; их задача состоит также в том, чтобы оповестить об опасности жителей приграничных тер-

рриторий²³. Таким образом, дорожные караулы составляют как бы промежуточное (и передаточное) звено между сторожевыми постами, расположенными на ромейской территории, и разведчиками (лазутчиками), действующими в тылу врага. В качестве последних наиболее подходящими являются трапезиты (банкиры, меновщики), которых, как известно автору трактата, армяне называют тасинариями²⁴. Наиболее сильных и мужественных из этих трапезитов следует поставить на особый учет и назначить над ними архонтов, обладающих, помимо храбрости и боевого опыта, еще и хорошими знаниями дорог и местностей в Сирии (весьма примечательное свидетельство о наиболее вероятном стратегическом направлении предстоящих боевых действий). Главная цель лазутчиков-трапезитов — наносить вред неприятельским землям и терроризировать местных жителей; если представится возможность, нужно захватить кого-либо из них и доставить стратигу для выяснения намерений противника и маршрутов его движения²⁵.

Автору трактата известно, что нападения врага на ромейскую территорию чаще всего происходят в сентябре²⁶. Поэтому уже в августе, в период сбора неприятельских армий, предписывается резко активизировать разведывательную деятельность на вражеской территории, используя в качестве разведчиков лиц торговых и купеческих профессий²⁷. Рекомендуется также в это время проявить знаки дружеского расположения к правителям приграничных крепостей, чтобы выведать от них сведения о силах противника, о соотношении во вражеском войске конницы и пехоты, о военачальниках, о вероятных пунктах вторжения и т. п.²⁸

²³ De vel. bell., II, 1. P. 39, 6–8.

²⁴ Ibid., II, 3. P. 41, 18. Анализируя данное сообщение трактата, М. Я. Сюзюмов отмечал, что привлечение купечества и вообще лиц, связанных с денежным обращением, к выполнению задач разведывательного характера было обычным явлением для Восточной Европы средних веков. Разумеется, в X в. военное значение термина «трапезит» отделилось от привычного значения слова «меняла»: оно стало означать кавалериста, принимавшего участие в диверсиях на вражеских территориях. Несколько позже трапезиты превратились в более или менее постоянные пограничные части специального назначения, а их действия дали основания для того, чтобы термин «трапезит» в его военном значении стал почти синонимом термина «разбойник», «грабитель» (χαράσιος). См.: Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962. С. 147–148. О значении и этимологии слов «трапезиты» и «хонсарии» см.: Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 353.

²⁵ De vel. bell., II, 3. P. 41, 17–24.

²⁶ Ibid., VII, 1. P. 51, 7.

²⁷ Ibid., VII, 1. P. 51, 8–10.

²⁸ Ibid., VII, 2. P. 51, 10–16.

¹⁴ De vel. bell., I, 2. P. 37, 10–14.

¹⁵ Ibid., I, 2. P. 37, 14–15.

¹⁶ Ibid., I, 2. P. 37, 6–7.

¹⁷ Ibid., I, 6. P. 39, 27–30.

¹⁸ Ibid., I, 5. P. 39, 24–25.

¹⁹ Ibid., II, 1. P. 39, 4–6.

Когда стратиг получит все эти сведения, он должен с основными силами выдвинуться к границе, а навстречу неприятельским частям выслать отборный конный отряд во главе с турмархом²⁹, который немедленно приступит к осуществлению боевого сопровождения врага еще до вторжения его на византийскую территорию.

Когда враг вступил в пределы империи, наблюдение и боевое сопровождение приобретают организованный, систематический и непрерывный характер. Особое внимание уделяется, разумеется, главной группировке вражеских сил. Если неприятель на ночь стал лагерем, стратиг должен приблизиться к нему на максимально близкое расстояние; при этом марш производится скрытно, а стратиоты движутся в полном снаряжении с оружием в руках³⁰. Ночью вокруг неприятельского лагеря выставляются четыре наблюдательных поста (по четыре всадника в каждом). Их задача — используя рельеф местности и ночную темноту, попытаться определить численность вражеской группировки по размерам лагеря, по шуму воинов, по ржанию лошадей и крикам мулов³¹. Эти наблюдательные посты должны согласовать между собой способ передачи информации (криком, свистом и т. п.³²). Посты должны периодически сменяться — один или два раза за ночь. Смену постов и общий контроль за их службой осуществляет турмарх³³; он постоянно докладывает стратигу разведывательные данные. Сам же стратиг должен постоянно менять свое местоположение (один или два раза в течение ночи), во избежание внезапного нападения врага³⁴.

Следующий важнейший компонент метода *параδρομή* — комплекс мероприятий по расчленению неприятельского войска, по изоляции друг от друга его отдельных частей и подразделений. Впрочем, часто такое разделение не является результатом усилий византийцев, а оказывается неизбежным в силу объективных обстоятельств и происходит по инициативе самого вражеского командования. Автору трактата известно, что смешанное войско неприятеля сначала движется все вместе, а к вечеру, на закате солнца, разделяется: пехота вместе с обозом и выделенными для его охраны всадниками останавливается и организует лагерь, всадники же

²⁹ Турмарх — единственная архонтская должность, упоминаемая в трактате. Относиться к числу высших офицеров, турмарх являлся командиром одной из трех турм, на которые делилось фемное войско. Должность турмарха замещалась императорским распоряжением (Leonis Imperatoris *Tactica*, IV, 3 // PG. 1863. 107. Col 708 D); нижестоящих архонтов назначал стратиг.

³⁰ De vel. bell., VIII, 4. P. 53, 20–22.

³¹ Ibid., VIII, 5. P. 55, 35–36.

³² Ibid., VIII, 6. P. 55, 39–40.

³³ Ibid., VIII, 6. P. 55, 40–44.

³⁴ Ibid., VIII, 8. P. 55, 56–58.

отправляются на опустошение близлежащих поселений³⁵. В любом случае, независимо от того, разделилось ли вражеское войско по собственной инициативе или же это произошло в результате целенаправленных действий ромейского командования, главная задача стратига заключается в том, чтобы в полной мере использовать такую благоприятную ситуацию с максимальной выгодой для себя, так как в условиях дробления вражеского войска факт малочисленности собственных сил утрачивает угрожающее значение.

При этом вовсе не обязательно, что коннице арабов будут непременно противостоять также кавалерийские части ромеев. Автор трактата рекомендует активно применять принцип противоположности, когда мобильности конных лав будет противопоставляться статичность пехотных каре. В поисках наилучших вариантов говорится и о допустимости переподчинения пехоты кавалерийским командирам³⁶, и о возможности сражения сошедших с коней всадников в пешем строю³⁷. Вообще же автор трактата рекомендует не следовать никаким стереотипам на этот счет: в каждом отдельном боевом эпизоде противник должен столкнуться с тем родом войск, в котором ромеи на данный момент имеют преимущество.

Возможен вариант, когда неприятель, встретив организованное сопротивление местных жителей, не может организовать сбор продовольствия вблизи от своего расположения. Тогда он будет вынужден отделить половину или одну треть войска для отправки в более отдаленные местности, и такая экспедиция может занять несколько суток³⁸. Как правило, среди ушедших большинство составит конница, среди оставшихся — пехота. Разумеется, подобным длительным разделением вражеского войска также необходимо незамедлительно воспользоваться с целью разгрома его по частям.

Еще одна существеннейшая черта описываемого метода состоит в организации непрерывного, постоянного боевого воздействия на неприятельское войско. В качестве субъектов первоочередного воздействия выбираются наиболее уязвимые элементы неприятельских сил. Таковыми считаются, в частности, фуражиры, пополняющие запасы продовольствия для солдат и корма для скота. Наиболее элементарный способ борьбы с ними — устройство засад на путях их движения³⁹. Более сложный маневр рекомендован для тех случаев, когда в сборе добычи будут участвовать строевые части неприятеля: следует выделить сотню всадников и

³⁵ De vel. bell., XIV, 2. P. 81, 5–12.

³⁶ Ibid., XXIV, 4. P. 131, 21–23.

³⁷ Ibid., X, 5. P. 65–67, 48–51.

³⁸ Ibid., XXII, 2. P. 123, 10–13.

³⁹ Ibid., X, 3. P. 65, 23–25.

скрытно разместить их вблизи тех селений, которые избраны объектом грабежа. Выждав момент, когда грабители сойдут с коней и разбредутся по домам местных жителей, эта сотня должна нанести внезапный удар, уничтожить часть грабителей и захватить пленных, а затем отступить, чтобы бросившиеся в преследование грабители оказались под ударами засадных отрядов⁴⁰. На заключительном этапе в бой должен вступить и стратиг с основными силами⁴¹. В трактовке данной ситуации автор «*De velitatione bellica*» целиком следует традиционным установкам греко-римской военной теории, ведущим начало со времен Онасандра и Фронтинана, согласно которым удар по неприятелю должен быть приурочен именно к тому моменту, когда он занят грабежом, ибо тогда он оказывается наименее способным к организованному сопротивлению.

Если неприятели не отправляют далеко конных грабителей, а предпочитают действовать из лагеря (стана), возможен другой способ действий, применяемый в ситуации, когда неприятели будут вынуждены сменить стан. Следует прежде всего организовать нападение на минсураторов (землемеров), отправленных на разбивку будущего лагеря⁴². Узнав от них место предполагаемой новой стоянки, нужно заблаговременно отправить туда около трех сотен всадников, а основное войско расположить неподалеку в скрытом месте, имея в тылу крепость⁴³. Завязав сражение в районе предполагаемой стоянки, стратиг может достичь значительного успеха.

Одним из самых уязвимых пунктов войска традиционно считался обоз. Поэтому стратигу следует прежде всего обезопасить собственный обоз, укрыв его в крепости или другом укрепленном месте и вверив его охрану опытному архонту с отрядом всадников⁴⁴. Что же касается неприятельского обоза, то нападение на него во всяком случае особой опасности не представляет, а выгоду может принести значительную⁴⁵, — поэтому различным деталям нападений на обоз в трактате уделено довольно много внимания.

Таким образом, предложенный в трактате метод ведения боевых действий представляет собою комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных тактических мероприятий, рассчитанных на применение преимущественно на начальной стадии военной кампании. Императивная стержневая идея, пронизывающая весь этот комплекс, — это идея постоянного, непрерывного контакта, который в обязательном порядке должен быть

установлен с противостоящей стороной. Указанный контакт может иметь три основные формы своего реального проявления, различающиеся по критерию плотности: визуальное наблюдение, дистанционное боевое сопровождение, непосредственное вооруженное взаимодействие.

На наш взгляд, большинству исследователей, обращавшихся к информации трактата, свойственна ошибочная абсолютизация последней из перечисленных форм в ущерб значимости первых двух. Вследствие такого подхода многофункциональная сущность метода *парадротии* неоправданно сужается: для К. Б. Газе рекомендуемый в трактате метод — это всего лишь «*velitatio*», для Д. Попова — «сшибка», для Ю. Кулаковского — «война-облава», для Дж. Дэнниса — «*skirmishing*», для Ж. Дагрона — «*guérilla*».

Действительно, трактат изобилует описаниями всевозможных разновидностей боевых действий. Но ограничиться констатацией этой очевидности — значит упустить остальные, не менее, а даже более значимые элементы анализируемого метода. Мы полагаем, что ключевым из них, определяющим самую суть метода *парадротии*, является именно второй элемент указанной триады — дистанционное боевое сопровождение. В фундаментальной разработке тактики боевого сопровождения как раз и заключалась цель создания трактата; именно этим и определяется тот вклад, который внесен автором в военно-научную традицию. Военные же столкновения, объективно неизбежные при осуществлении боевого сопровождения, в большинстве случаев являются лишь аксессуарами регламентируемого способа тактических действий.

Обращает на себя внимание и тот факт, что общая оценка концептуальных воззрений автора трактата, существующая в ученой литературе, в большинстве случаев является негативной. Справедливо подчеркнув, что трактат несет печать «высокой самостоятельности и практической надежности», М. Йенс одновременно квалифицировал его как яркий показатель упадка военного искусства, проявляющийся в полной утрате всякой стратегической инициативы, вследствие чего сочинение не воодушевлено пафосом наступления, а проникнуто духом капитуляции⁴⁶. С такой позицией в принципе солидарен и Ю. Кулаковский⁴⁷. Несколько более смягчен, но полностью не снят негативный акцент в высказываниях Ш. Дилья⁴⁸ и Л. Брейе⁴⁹.

⁴⁰ *De vel. bell.*, X, 3–4. P. 65, 25–38.

⁴¹ *Ibid.*, X, 4. P. 65, 38–43.

⁴² *Ibid.*, XIII, 4. P. 81, 15–19.

⁴³ *Ibid.*, XIII, 2. P. 79, 5–12.

⁴⁴ *Ibid.*, XVI, 1. P. 91, 2–6.

⁴⁵ *Ibid.*, X, 7. P. 67, 63–68; X, 9. P. 67, 73–76.

⁴⁶ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 176.

⁴⁷ Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат по военному делу // ВВ. 1900. 7. Вып. 4. С. 655.

⁴⁸ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 84.

⁴⁹ Bréhier L. Les institutions de l'Empire Byzantin. III, V. P., 1949. P. 373.

Мы полагаем, что объективная оценка воззрений нашего автора может быть дана лишь при учете априорной тематической заданности его сочинения. Будучи современником, очевидцем и вероятным участником военных событий 40–60-х гг. X в., обладая солидной теоретической и практической подготовкой профессионального военного, наш автор не мог не иметь реального представления как о самой военной организации империи во всей совокупности составлявших ее элементов, так и о доктринальных принципах ее функционирования. Однако, получив императивную установку на обоснование частной военно-научной проблемы⁵⁰, он целиком сосредоточился исключительно лишь на ней и потому сознательно оставил без внимания все другие, даже более значимые аспекты военной теории и практики. В ряде авторских пассажей⁵¹ отчетливо звучит мысль о том, что он располагает богатой и разнообразной военной информацией, далеко выходящей за пределы анализируемой темы, но он связан данным ему поручением и будет вынужден писать только в пределах оговоренной проблематики. С учетом этого обстоятельства обвинения Ю. Кулаковским нашего автора в неспособности возвыситься над рутинной обыденностью «войны-облавы», обозреть более широкие горизонты военной науки⁵², явно бьют мимо цели. Широкие, крупномасштабные боевые действия с участием полностью укомплектованных византийских полевых армий, способных к наступательным операциям, по мысли автора трактата, еще предстоят. Весь смысл его рекомендаций как раз и состоит в том, чтобы обеспечить условия для таких будущих действий, — пока же тактика ромейских подразделений объективно не может быть никакой иной, кроме как оборонительной.

Впрочем, строго говоря, понятие обороны при подобном способе ведения боевых действий оказывается достаточно условным. Оно подходит для обрисовки ситуации лишь в самом глобальном смысле: война ведется против врага, вторгнувшегося на территорию империи. Но характер действий должен быть таков, чтобы противник сам был поставлен в положение защищающейся стороны. Стратиг обязан даже в самые критические моменты действовать максимально инициативно, энергично, предприимчиво, осуществляя комбинированные удары с нескольких сторон, используя ландшафт местности и время суток⁵³, умело применяя засадную так-

⁵⁰ В предисловии к трактату (Pr., 7–8. P. 35, 34–41) прямо сказано, что задание в виде особой письменной инструкции было получено автором от Никифора Фоки, еще до вступления последнего на императорский престол.

⁵¹ De vel. bell., Pr. 8. P. 37, 42–45; XXI, 1. P. 119, 8–13.

⁵² См. рецензию Ю. А. Кулаковского на издание: Incerti scriptoris Byzantini saeculi X Liber de re militari / Rec. R. Vari. Lipsiae, 1901 // BZ. 1902. 7. Heft 1–2. S. 556.

⁵³ Наибольший эффект может принести ночное сражение — ему посвящена отдельная глава трактата (De vel. bell., XXIV. P. 129–133).

тику и различные военные хитрости⁵⁴, — отметим, что горная местность в описываемых регионах являлась идеальной для действий именно такого характера. Вследствие всего этого противник должен ощущать на себе постоянное и неослабное давление, испытывать непреходящую дестабилизирующую угрозу. Среди ромеев же не может быть и тени настроений уныния и пораженчества. Буквально каждый боевой эпизод должен непременно заканчиваться в их пользу, — именно из этих малых и малейших преимуществ, добываемых индивидуальными усилиями каждого отдельного воина и командира, должен созидаться итоговый успех. При этом активно используются и факторы материальной заинтересованности (право стратига на часть военной добычи), и морально-идеологические стимулы. Так, большой воспитательный, пропагандистский эффект призваны были произвести вдохновляющие речи, обращенные к войску перед боем, — следуя этой многовековой традиции, автор трактата приводит один из возможных вариантов такой речи⁵⁵. В качестве мощного инструмента воздействия на моральное состояние армии рассматривался и религиозный фактор.

Таким образом, автор трактата четко осознает как достоинства и преимущества метода *παράδροσις* (возможность «с малыми силами совершать великие и достопамятные деяния»⁵⁶), так и его вынужденный, ситуационный характер. Вместе с тем рекомендуемый метод не лишен и определенных признаков универсальности: его использование отнюдь не противопоказано и на последующих, в том числе завершающих этапах вооруженного противоборства. При этом метод вовсе не замкнут сам на себе, ему совершенно не свойственна абсолютизированная самодостаточность. Напротив, в руках искусного стратига он является лишь средством, способным обеспечить условия для достижения конечного военного успеха; показателем же такого успеха может быть либо полный разгром противника, либо изгнание его из пределов империи.

Мы разделяем мнение Ж. Дагрона о том, что автор трактата завершил свой труд спустя 30–40 лет после получения задания от Никифора Фоки⁵⁷. Этих десятилетий оказалось более чем достаточно для того, чтобы боевая практика 40–60-х г. успела получить в сознании автора всестороннее теоретическое осмысление, вылиться в целостную совокупность

⁵⁴ Оригинальный характер имеет военная хитрость, связанная с переодеванием двух десятков стратигот в крестьянские одежды и привлечением к операции местных жителей (ibid., XVIII, 3–6. P. 105–107). Попытка трактовки этого эпизода в социальном аспекте предпринималась А. П. Кажданом (см.: *Каждан А. П. Деревня и город в Византии* (IX–X вв.). М., 1960. С. 115).

⁵⁵ De vel. bell., XXIII, 3. P. 125–127, 24–29.

⁵⁶ Ibid., Pr., 3. P. 33, 15–16.

⁵⁷ Le traité sur la guérilla... P. 164.

утилитарных рекомендаций, воплотиться в систему конкретных тактических схем. Окончательный текст трактата полностью свободен от каких бы то ни было проявлений импровизации, — очевидно, автор скомпоновал его в собственном воображении задолго до того, как взялся за перо. По существу, главная идея сочинения была сформулирована уже в одной из первых фраз предисловия⁵⁸: автор рекомендует данный метод не потому, что предпочитает малые силы более значительным, не потому, что принижает значение всех других стратегических и тактических руководств, — но потому, что метод *παράδρομή* призван послужить «лучшим подспорьем лучшим стратигам»: в условиях, когда еще нет возможности открыто противостоять врагу лицом к лицу, он должен помочь им эффективно защитить самих себя и надежно обезопасить собственную землю. Остальной материал трактата, развернутый на протяжении всех его последующих двадцати пяти глав, выстроен таким образом, чтобы последовательно, целенаправленно и доказательно реализовать эту изначальную программную установку.

ЕЩЕ РАЗ О ВИЗАНТИЙСКОМ ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ КОНЦА X в.: НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВАРИАНТЫ БОЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

На протяжении всего периода развития греко-римско-византийской военной науки теория лагерного устройства являлась одним из важнейших ее разделов: если истоки этой теории восходят к этапу формирования полемологической традиции (III–II вв. до н. э.), то завершение относится к периоду кодификации военно-научных знаний, осуществленной во времена Льва VI Мудрого, Константина VII Багрянородного и Никифора II Фоки. В ряду памятников, подводящих итог эволюции византийской военно-научной мысли, находится анонимный трактат, условно именуемый «*De castrametatione*», в котором содержатся богатые и разнообразные, временами чрезвычайно оригинальные свидетельства, касающиеся самых различных сторон византийской военной организации конца X в. Однако абсолютно преобладающей в данном трактате является информация, посвященная именно вопросам технического оборудования и боевого использования военного лагеря, — по нашим подсчетам, на ее долю приходится не менее 40% общего объема текста сочинения.

Новейшее критическое издание «*De castrametatione*» (с параллельным английским переводом) было осуществлено Дж. Дэннисом в 1985 г.¹ До настоящего времени на русский язык переведены лишь 8 первых глав трактата (приблизительно одна треть его общего объема), — эта публикация Ю. А. Кулаковского относится еще к началу века². Полный перевод всего текста «*De castrametatione*» (в объеме 32 глав) мы предполагаем опубликовать в ближайшем будущем. Предлагаемая статья не претендует на систематический анализ всего содержания трактата, — мы ограни-

* Статья впервые опубликована в: АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.

¹ Three Byzantine Military Treatises. Text, Translation, and Notes by G. T. Dennis. Washington, 1985. P. 241–335 — мы пользуемся этим изданием. Однако наименование трактата, предложенное издателем («Campaign Organization and Tactics»), представляется нам некорректным. Мы полагаем, что за трактатом должно быть сохранено традиционное наименование «*De castrametatione*», известное со времен И. Меурсия и Ш. Дюканжа; в дальнейшем при сносках мы используем аббревиатуру *De castr.*

² Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века // ВВ. 1903. 10. Вып. 1–2. С. 65–90.

⁵⁸ De vel. bell., Pr., 4. P. 35, 20–24.

чимся кратким комментарием лишь трех его разрозненных пассажей. Два из них находятся в тех главах «De castrametatione», которые были изданы Ю. А. Кулаковским, а третий содержится в главе XXVI, которая на русском языке еще не публиковалась, — этот пассаж, являясь одним из самых оригинальных в трактате, до сих пор не был объектом специального анализа.

*

В I главе, посвященной техническим характеристикам военного лагеря, автором трактата высказаны некоторые рекомендации по выбору наилучшего места для лагерной стоянки³. Особое должностное лицо, именуемое минсуратором, должно быть отправлено «на поиски места, подходящего для лагеря». Минсуратора должны сопровождать помощники, выделенные архонтами армейских частей; им следует иметь с собой соответствующее оборудование для измерения расстояний, а во вражеской земле и надлежащую охрану. — Далее идет фраза, которая в переводе Ю. А. Кулаковского сформулирована следующим образом: «Пусть он (минсуратор) разбивает лагерь не слишком близко от горы или *топкого болота* (выделено нами. — В. К.), или возвышенности, имеющей через себя проходы, чтобы неприятель, подойдя с пешей силой из подобных мест, не мог нанести ущерба лагерю; но пусть он смотрит, нет ли трудно проходимой реки или озера, или крутизны, или ущелья, что могло бы доставить безопасность с одной, а то и двух сторон; пусть там и разбивает лагерь».

При анализе данной авторской сентенции обнаруживается явная несообразность, скрытая в первой части фразы: концентрация противника (с целью последующего нападения на лагерь) в *топком болоте* представляется совершенно невероятной с точки зрения военной топографии. Есть все основания полагать, что в данном случае имеет место искажение оригинала текста, допущенное по вине позднейшего переписчика. Признаемся, что для нас остается загадкой та причина, по которой Ю. А. Кулаковский, который обычно свободно ориентировался в военно-исторических реалиях, на этот раз прошел мимо отмеченной несообразности. Разумеется, данный казус не дает ни малейших оснований для ревизии высочайшего авторитета российского академика в сфере римской и византийской военной истории, тем более что в данном случае дело ограничивается мелкой деталью. Однако заметим, что эта деталь не была оставлена без внимания в новейшем критическом издании трактата: на наш взгляд, конъектура, предложенная Дж. Дэннисом (вместо «ἐλὼς δασέος» следует читать «ὕλης δασείας»)⁴, представляется совершенно оправданной.

³ De castr., I. P. 248, 45–56.

⁴ Three Byzantine Military Treatises... P. 255, n. 4.

*

Второй пассаж, на анализе которого мы намерены остановиться, выводит нас на решение гораздо более масштабной проблемы: на этот раз речь пойдет о принципиальном понимании общего плана одной из разновидностей военного лагеря.

Известно, что роль каркаса лагерного расположения, обеспечивавшего единство и целостность всей его структуры, играла система внутренних коммуникаций, представленная различными вариантами больших и малых дорог. Трассировка внутрилагерных коммуникаций (в процессе привязки к местности общего периметра лагеря) являлась одной из самых важных и неотложных среди обязанностей минсуратора, — все последующие работы по обустройству отдельных элементов лагеря (ворот, «пустого пространства», дерево-земляных оборонительных сооружений, других средств обеспечения безопасности) оказывались производными от этих первоочередных действий. Схема дорог предопределяла месторасположение различных воинских частей и подразделений с учетом критериев их элитарности (личная гвардия императора — столичные гвардейские полки — фемные ополчения), военно-профессиональной специализации (кавалерия — пехота — инженерные войска) и функционального предназначения (боевые контингенты — вспомогательные службы). В конечном счете именно в системе коммуникаций, предопределявшей остальные технические параметры лагеря, оказывались как бы заранее запрограммированы все вероятные возможности его будущего реального использования, — в первую очередь, допустимые варианты его практического боевого применения.

В полной мере сознавая роль лагерных коммуникаций, автор трактата уделил им первостепенное внимание. Свое описание важнейших блоков лагерного расположения он дополнил соответствующими чертежами, к которым сделал несколько отсылок⁵. Однако те чертежи, которые имеются в сохранившихся рукописях «De castrametatione», отнюдь не оправдывают возлагаемых на них надежд: ни один из них в своих деталях не соответствует авторскому описанию. В лучшей из сохранившихся рукописей (Codex Vaticanus graecus 1164 = V), датируемой первой половиной XI в. (возможно, ранее 1020 г.), имеются пять полностраничных иллюстративно-графических изображений, четыре из которых представляют собой эскизы общего очертания лагеря, а пятый — наброски некоторых военных машин, скорее всего осадных; к двум другим рукописям (Codex Scorialensis graecus 281 [Y-III-11] = S и Codex Barberianus graecus II, 97 [276] = B) иллюстративные изображения также приложены, но они

⁵ См., напр.: De castr., I. P. 254, 165–166, 185; P. 270, 25–26.

отличаются от эскизов рукописи V некоторыми вариациями. Указанные изображения, известные еще первым издателям трактата (Ш. Гро, А. Мартену, Р. Вари), не были, однако, воспроизведены ими в своих изданиях. Копиями эскизов располагал и Ю. А. Кулаковский. Изучив их, он пришел к заключению, что эскизы «не дают нам картины того, что действительно представлял собою лагерь на плане», а представляют «лишь схематические рисунки, в которых вовсе не соблюден масштаб, некоторые детали произвольно увеличены, другие опущены. Таким образом, сохранившиеся в рукописях рисунки не могут оказать существенной помощи для понимания текста, и на основании их нельзя дополнить тех данных, о которых автор не нашел нужным помянуть в тексте именно в виду приложений к тексту чертежей»⁶.

Впервые все пять изображений из рукописи V воспроизведены в американском издании 1985 г.⁷ Уже первого взгляда на них достаточно для того, чтобы убедиться в справедливости вывода Ю. А. Кулаковского. На причину сложившегося несоответствия справедливо указано Дж. Дэннисом: можно предполагать, что эскизы рукописи V (а тем более рукописей S и B) несинхронны более ранним изображениям оригинала, поскольку в промежутке между оригиналом и рукописью V могли быть созданы одна или две, а возможно и три копии⁸.

С учетом всего вышеизложенного каждый интерпретатор текста «De castrametatione» оказывается перед необходимостью реконструировать план лагеря самостоятельно. Соответствующая попытка была впервые предпринята Ю. А. Кулаковским⁹. Ее следует признать вполне удачной; когда десятилетие спустя Р. Гроссе в своем классическом исследовании по истории римско-византийского лагеря обосновал собственную схему¹⁰, она практически полностью (за исключением мелких второстепенных деталей) совпала с чертежом, предложенным Ю. А. Кулаковским.

Принципиальная схема лагеря выглядела следующим образом (см. чертеж № 1). Пространство, занимаемое лагерем, имело квадратное очертание со стороной 1000 оргий¹¹; передней стороной лагеря всегда счита-

⁶ Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь... С. 68.

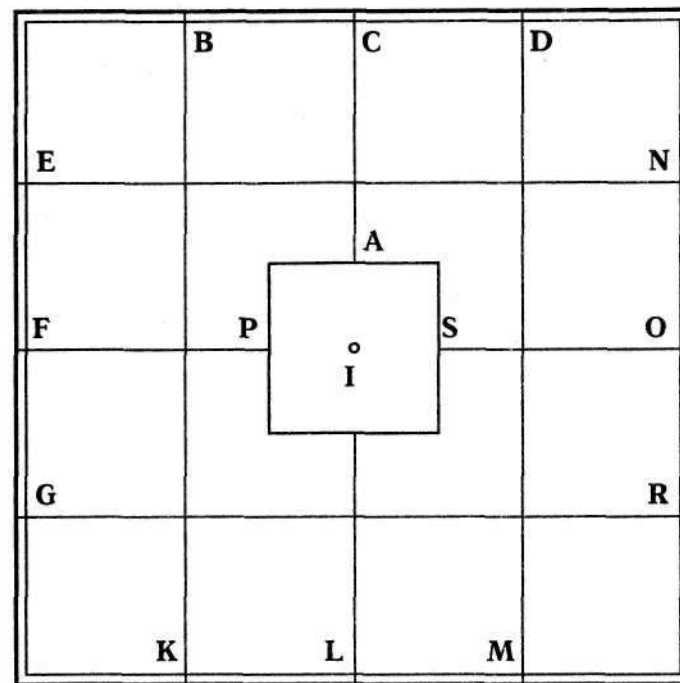
⁷ Three Byzantine Military Treatises... P. 257–261.

⁸ Ibid. P. 243.

⁹ Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь... С. 75.

¹⁰ Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert // BZ. 22. 1913. S. 113.

¹¹ Протяженность одной оргии исчислялась в среднем в 2 м (см.: Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 22 sq.). В переводе Ю. А. Кулаковского одна оргия приравнивается к русской сажени (последняя по императорскому указу 1835 г. определялась в 213,36 см). Таким образом, площадь лагерной стоянки для армии численностью 24200 человек (16 тыс. пехоты и 8200 всадников) опре-

Чертеж № 1

Принципиальная схема дорог лагеря, рассчитанного на войско, имеющее 16 таксирхий пехоты

Условные обозначения:

I — императорский шатер

A — архонтарий

P — палатка протовестиария

S — палатка стольника

B, C, D — ворота восточной (передней) стороны лагеря

E, F, G — ворота северной стороны

K, L, M — ворота западной стороны

N, O, R — ворота южной стороны

лась восточная. В каждой стороне оборудовались по 3 выхода, соединенных между собою дорогами. Три главные дороги, проходившие с востока на запад, и три главные дороги, имевшие северо-южную ориентацию, пересекались между собою под прямым углом. Пехотные и кавалерийские части размещались в пределах площадей, образовавшихся вследствие таких пересечений. Середину лагерного расположения занимала императорская ставка; центральным пунктом лагеря являлся императорский шатер. Вокруг шатра оставлялся свободный плац, по которому передвигались ночные охранные патрули. На восточной границе плаца размещался т. н. архонтарий, в котором Ю. А. Кулаковский видел канцелярию штаба армии.левой (северной) границей плаца являлась палатка протовестиария, правой (южной) — палатка стольника. — Именно эти важнейшие ориентиры необходимы нам для последующих рассуждений; остальных деталей лагерного устройства мы пока затрагивать не будем.

Приведенная классическая схема, воссозданная по материалам I главы «De castrametatione», рассчитана на лагерь войска, имеющего в своем составе 16 таксиархий пехоты¹². Однако в VI главе трактата рассмотрен вариант¹³, когда численность пехотного войска составляет всего лишь 12 таксиархий. В этом случае протяженность каждой стороны лагеря должна быть уменьшена с 1000 оргий до 750, а количество ворот в каждой стороне — с трех до двух. Вследствие этого внутри лагерного расположения должны будут пересекаться не шесть главных дорог, а всего лишь четыре. В своей указанной выше работе Ю. А. Кулаковский специально не остановился на этом варианте, — очевидно, он полагал, что уменьшение числа пехоты в войске отразится лишь на количественных параметрах лагеря, не внося принципиальных изменений в его внутреннее устройство. Между тем, внимательный анализ соответствующего пассажа VI главы приводит к выводу, что автор трактата имел здесь в виду совершенно иную, в высшей степени оригинальную схему, не встречающуюся ни в более ранних, ни в более поздних военно-научных руководствах.

Воспроизведем соответствующий отрывок VI главы¹⁴ в нашем переводе: «Когда в наличии двенадцать таксиархий, с каждой стороны в лагерь-

делялась примерно в 4 кв. км. Интересные сравнения относительно «тесноты» расположения солдат в римско-византийских лагерях и лагерях германской армии начала XX в. содержатся в указанной выше статье Р. Гроссе (S. 114).

¹² По свидетельству самого автора «De castrametatione» (I. P. 246, 11–13), таксиархия является контингентом пехоты общей численностью 1000 человек, включающим в себя 500 тяжеловооруженных воинов (оплитов), 200 метателей дротиков (аконтистов) и 300 лучников (токсотов).

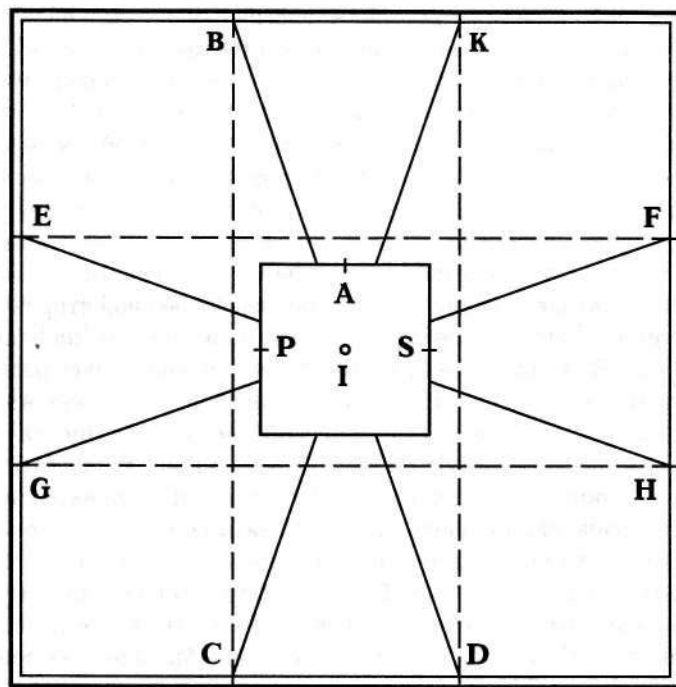
¹³ De castr., VI. P. 268, 3–270, 31.

¹⁴ Ibid., VI. P. 270, 18–26.

ное укрепление должны вводить по два входа. Один вход оборудуется восточнее и севернее относительно палатки протовестиария, достигая свободного пространства ставки раньше, чем будет пересечен главной дорогой, идущей с севера на восток. Аналогичным образом пересекаются и остальные дороги: с правой стороны — восточная и южная — напротив палатки стольника, а дороги, идущие с запада, — двумя боковыми. Таким образом, они будут сочетаться в форме буквы «гамма», как об этих и об остальных дорогах свидетельствует представленное изображение».

На основании приведенного описания возникает схема, воспроизведенная на чертеже № 2. Вход, который располагался восточнее и севернее палатки протовестиария, обозначен литером «В». Если следовать классической схеме полномасштабного лагеря, то главная дорога, начинающаяся от этого входа, должна идти параллельно северной стороне лагеря до пересечения с *левыми* воротами его западной стороны (на нашем чертеже — линия ВС). Но в этом случае она обязательно минует расположение императорской ставки, тогда как автором трактата сказано вполне определенно, что она должна «достичь свободного пространства ставки». Такая возможность возникает лишь в единственном случае: если дорога пойдет не по линии ВС, а по линии BD, закончившись *правыми* воротами западной стороны лагеря. Невозможным оказывается и предположение, что любая из двух главных дорог, идущих с севера на юг (на нашем чертеже — либо от ворот Е к воротам F, либо от ворот G к воротам H), пойдет параллельно восточной стороне лагеря, ибо в этом случае их пересечения и с дорогой ВС, и с дорогой BD происходили бы далеко за пределами императорской ставки; следовательно, «северо-восточная дорога», упоминаемая автором, должна идти не по линии EF, а по линии GF. Аналогичным способом должно произойти и пересечение двух других главных дорог — EH и KC; только при таком их взаимном расположении дорога KC, действительно, будет упираться в свободное пространство ставки «напротив палатки стольника». В целом воображаемой точкой пересечения всех четырех главных дорог оказывается центр лагерного расположения; при этом каждая пара из четырех главных дорог (EH и CK, GF и BD) будет пересекаться между собою именно под прямым углом («в форме буквы "гамма"», как выражается наш автор). — Никакого иного варианта схемы главных дорог внутри уменьшенного лагеря, которая соответствовала бы процитированному описанию, на наш взгляд, предположить невозможно.

Если наше понимание приведенного пассажа является верным, то оригинальность сообщения автора «De castrametatione» должна быть оценена в полной мере: как уже отмечено выше, мы не знаем аналогий этой информации во всей византийской полемологической традиции. Предложенная схема облического направления главных дорог лагеря по отноше-

Чертеж № 2

Принципиальная схема дорог лагеря, рассчитанного на войско, имеющее 12 таксиархий пехоты

Условные обозначения:

- I — императорский шатер
- A — архонтарий
- P — палатка протовестиария
- S — палатка стольника
- B, K — ворота восточной (передней) стороны лагеря
- E, G — ворота северной стороны
- C, D — ворота западной стороны
- H, F — ворота южной стороны

нию к горизонтально-перпендикулярному расположению его сторон неизбежно должна была вносить существенные коррективы во все статические и динамические характеристики лагерного устройства, начиная с его пространственных параметров и кончая способами реальной эксплуатации. Поскольку никаких разъяснений относительно такого варианта лагеря в самом трактате не содержится¹⁵, весьма трудно представить, как в данном случае будет соблюден сформулированный автором основополагающий принцип, согласно которому «каждая тагма и фема должна быть отделена от соседней фемы или тагмы с каждой стороны четырьмя дорогами»¹⁶. Это теоретически оказывается возможным только тогда, когда площади, занимаемые тагмами и фемами, будут иметь различную величину и конфигурацию, — но при таком допущении был бы кардинально нарушен принцип унификации лагерных элементов, а сам процесс межевания лагеря превратился бы в чрезвычайно сложное и затяжное мероприятие. Сокращение количества главных дорог с шести до четырех внесло бы коренные изменения в режим их эксплуатации (в первую очередь, в сторону интенсификации этого режима). Одновременно пришлось бы значительно увеличить число малых дорог и т. н. монопатий, особенно в углах лагерного расположения, поскольку эти пространства плохо контролируются главными дорогами. Облическая ориентация четырех главных дорог потребовала бы совершенно иной схемы передвижения караульных патрулей, чем та, которая была разработана применительно к шести параллельно-перпендикулярным дорогам. Существенные коррективы должен был бы претерпеть порядок введения армии во вновь построенный лагерь облического типа; фактически заново пришлось бы разрабатывать обратную процедуру — последовательность выступления армии из лагеря (как известно, эти моменты представлялись автору «De castrametatione» чрезвычайно важными¹⁷). Наконец, принципиально иными могли бы оказаться методы и приемы использования территории лагеря как опорной базы при осаде неприятельских крепостей, — сюжеты, которым автор трактата уделил исключительно большое внимание, посвятив им несколько глав (с XXI по XXVII).

¹⁵ Отметим, однако, что в рукописи V имеется эскиз (он воспроизведен на с. 258 издания Дж. Дэнниса), на котором изображено крестообразное пересечение двух облических дорог, связывающих попарно лежащие друг против друга наискось ворота противоположных сторон лагеря. Интерпретация данного изображения чрезвычайно затруднена, поскольку количество изображенных объектов уменьшено вдвое: из приведенного выше описания следует, что дорог должно быть четыре, а ворот восемь.

¹⁶ De castr., I, P. 254, 186–187.

¹⁷ См., напр.: ibid., IX. P. 276–278.

Попыток разобраться в указанных трудностях в литературе еще не предпринималось. Как уже отмечено выше, Ю. А. Кулаковский вообще оставил данный вариант лагеря без внимания. В статье Р. Гроссе в общем виде была высказана догадка об облической ориентации главных коммуникаций уменьшенного лагеря: он предположил, что в данном случае будет иметь место «звездообразная схема» дорог. Но поскольку, по словам немецкого исследователя, это порождает «столь новый и столь непрактичный принцип» (так как дороги перестают быть границами отдельных воинских частей), он заявил о невозможности «составить представление о виде такого лагеря» и отказался от попыток построения его схемы¹⁸. На принципиальную допустимость облической ориентации дорог указано и Дж. Дэннисом, но и он затруднился в выяснении вытекающих из этого последствий¹⁹.

В целом работа по реконструкции различных вариантов византийского военного лагеря во всей совокупности составлявших его элементов еще отнюдь не может быть признана завершенной. Залогом успеха такой работы может явиться новый комплексный анализ всех военных реалий, отраженных как в трактате «De castrametatione», так и в других военнотехнических руководствах подобного жанра. При этом сам анализ таких реалий должен быть еще более тщательным и профессиональным, чем тот, лучшие образцы которого содержатся в классических исследованиях начала века.

*

В отличие от двух первых разделов настоящей статьи (первого — критического, а второго — аналитического), ее третий раздел будет иметь исключительно информационный характер.

Анализируя содержание трактата «De castrametatione», можно прийти к заключению, что он написан грамотным, профессионально подготовленным специалистом. Вместе с тем несомненным является и тот факт, что целью автора являлось создание сугубо утилитарного, предметно-ограниченного руководства, рассчитанного скорее на одноразовое, чем многократное применение. Заранее очертив круг анализируемых проблем, автор считал себя свободным от каких бы то ни было научно-теоретических обобщений. Поэтому в трактате не содержится не только никаких новых, более или менее масштабных тактических (а тем более стратегических) идей, — здесь вообще трудно обнаружить сколько-нибудь свежие, живые факты и наблюдения, которые так украшают страницы близкого к нему

по времени трактата «De velitatione bellica». — На общем рутинном фоне одним из немногих сюжетов, в котором просматриваются определенные элементы оригинальности и новизны, можно признать военную хитрость, описание которой содержится в XXVI главе «De castrametatione»²⁰.

Рекомендуемая стратегема рассчитана на ситуацию осады неприятельского города; эта осада производится с опорой на военный лагерь, который развернут непосредственно перед линией городских оборонительных укреплений. Цель стратегемы заключается в разгроме неприятельского войска, выступившего из города для нападения на лагерь. Автор рекомендует еще ночью укрыть в лагерных палатках, расположенных против городских ворот, значительные силы пехоты, имеющей все необходимое вооружение; командиры этих пехотных подразделений должны «превосходить остальных архонтов большей опытностью и здравомыслием». Одновременно «в надлежащих местах» должны быть размещены и крупные кавалерийские засады, также возглавляемые лучшими, отборными командирами. После этого остальное войско должно быть демонстративно выведено из лагеря и размещено «в скрытом месте». Противник, увидев оставленный лагерь и полагая, что «боевые силы уклоняются от сражения», постарается воспользоваться случаем, чтобы напасть на осадные механизмы и приспособления, придвинутые к стенам города. Когда это произойдет, солдаты, охраняющие осадную технику, должны имитировать отступление в лагерь, увлекая боевые силы противника за собой. И в тот момент, когда враги, опьяненные безнаказанностью, уже будут готовы уничтожить награбленное, должны будут по общему сигналу выступить пехотные силы византийцев, укрытые в палатках. Одновременно и кавалерийские засадные части должны блокировать городские ворота, так, чтобы неприятельским силам был отрезан путь для отступления. Самое важное в реализации задуманного плана — обеспечение строгой синхронности и согласованности во взаимодействиях всех частей и подразделений, и если это будет достигнуто, тогда успех всей операции будет гарантирован.

Следует заметить, что в рассмотренном сюжете собственно новой является не столько главная идея рекомендуемой стратегемы, сколько подробная проработка ее отдельных деталей и их комбинаций. Создается впечатление, что приведенный отрывок навеян воспоминаниями о конкретных боевых эпизодах, известных автору из собственного опыта²¹. И по-

²⁰ De castr., XXVI. P. 314–316.

²¹ Об этом свидетельствует и стилистическая манера изложения данной информации. Глава начинается с фразы: «Против людей в (осажденном) городе возможно предпринимать некоторые меры, которые и мы сами, и многие другие многократно наблюдали» (De castr., XXVI. P. 314, 4–5). Не менее многозначительна и заключительная фраза: «Ведь как уже сказано, и нам самим, и многим другим из-

¹⁸ Grosse R. Op. cit. S. 120.

¹⁹ Three Byzantine Military Treatises... P. 329.

сколько ни в одном из более ранних военно-научных руководств данная стратегема не была изложена в столь развернутом виде, прямое абстрактно-спекулятивное заимствование в данном случае было полностью исключено.

Заканчивая наши фрагментарные заметки, отметим еще раз, что обширная и разнообразная информация, сконцентрированная в трактате «De castrametatione», еще не заняла своего достойного места в общем комплексе наших знаний о византийской военной действительности конца X столетия. Поэтому ремарка А. Дэна, сделанная более 30 лет назад в отношении анализируемого сочинения («заслуживает перевода и комментирования»²²), продолжает и поныне сохранять свою актуальность.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В СВЕТЕ УСТАНОВОК «ТАКТИКИ ЛЬВА»*

Одной из самых характерных черт, отличавших Восточно-Римскую империю от современных ей государств, было наличие в ней крупных городов — центров экономики и культуры, не утративших своего значения со времен античности. Естественно, что эти города, являвшиеся одновременно и административными центрами, в случае войны приобретали важнейшее военное значение. От результатов сражений вокруг городов в значительной степени зависела судьба частной военной кампании или даже общего исхода стратегического противостояния конфликтующих сторон. В связи с этим военно-научные сочинения византийского периода уделяют значительное внимание вопросам осады и обороны городов, рассматривая их как существенную составную часть генеральных планов ведения войны.

Принципы византийской полиоркеттики имели многовековую традицию. Первые известные нам труды по данной отрасли военно-научных знаний относятся к IV—III вв. до н. э. и связаны с именами Энея Тактика и Филона Византийского. Систематизаций принципов античной фортификации и полиоркеттики занимались Марк Витрувий Поллион (конец I в. до н. э.), Аполлодор Дамасский (начало II в. н. э.), Флавий Вегеций Ренат (конец IV — начало V вв.). Пристальное внимание проблемам осады и обороны городов уделяется в военно-научных сочинениях византийской эпохи, начиная с т. н. «Византийского Анонима VI в.».

Наиболее значительным памятником византийской полемологической литературы является «Тактика Льва»¹, написанная императором Львом VI Мудрым. Попытка К. Э. Цахариэ фон Лингенталля приписать авторство «Тактики» Льву III Исавру² явилась недоразумением и практически сразу

* Статья впервые опубликована в: АДСВ. Вып. 3. Свердловск, 1965.

¹ Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris *Tactica*. Ed. J.-P. Migne // PG. 107. 1863. Col. 671—1093 (далее — TL). Критическое издание трактата, предпринятое Р. Вари (см: Leonis Imperatoris *Tactica*. Ad librorum mss. fidem edidit, recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vari. T. I; T. II, fasc. prior. Budapestini, 1917—1922), осталось неоконченным и превратилось в чрезвычайную библиографическую редкость.

² Zachariae von Lingenthal K. E. Zum Militärgesetz des Leo // BZ. 2. 1893; Idem. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // BZ. 3. 1894.

известно, что таким способом не только наносилось сильное поражение врагам, но порою и крепости захватывались без боя» (ibid., XXVI. P. 316, 32—34).

²² Dain A. Les stratégistes byzantins // TM. 1967. T. 2. P. 369.

же была решительно отвергнута³. Более длительной была полемика по поводу сравнительной датировки и взаимосвязи «Тактики Льва» и «Стратегикона Маврикия». Большинство исследователей пошло по пути признания хронологического приоритета «Стратегикона» над «Тактикой»; факт заимствования Львом VI военно-научной информации из этого более раннего источника был доказан неопровержимо. Именно последнее обстоятельство способствовало утверждению критического отношения к «Тактике Льва» как к источнику сомнительной ценности.

Проблема соотношения двух названных трактатов, а также ценности «Тактики» как исторического источника рассматривалась нами в других работах⁴. В настоящей статье мы ставим своей задачей сопоставление полиоркетических рекомендаций, содержащихся в XV главе сочинения Льва VI, с реальным их воплощением в комплексе оборонительных сооружений Херсонеса Таврического — крайнего северного форпоста Византийской империи в период раннего средневековья. Подобная «очная ставка» столь разнородных по характеру свидетельств представляется перспективной: она позволяет проследить, в какой степени строители оборонительных сооружений Херсонеса следовали на практике теоретическим принципам в сфере градостроительства и фортификации. Следует только постоянно иметь в виду, что подобно тому как свидетельства «Тактики Льва» демонстрируют сочетание информационных блоков самых различных «сроков давности», так и система оборонительных сооружений Херсонеса представляет собой самый сложный комплекс многих строительных периодов, явившийся результатом деятельности десятков сменявшихся друг друга поколений. Поэтому синхронизация соответствующих письменных и археологических данных чрезвычайно затруднена, а зачастую и вообще невозможна; в тех же случаях, когда она оказывается принципиально допустимой, она может быть осуществлена лишь в весьма широком хронологическом диапазоне.

Херсонес Таврический, подвергавшийся сильному военному давлению на протяжении всего раннего средневековья, не мог обходиться без сильных оборонительных сооружений. Главным средством обороны являлись городские стены. Как известно, в VII–IX вв. во многих регионах Византийской империи старая система окружения городов сплошными оборонительными стенами была заменена системой устройства *кастров* — сравнительно небольшого укрепления вблизи города или в его пределах. В случае войны *кастр* был местом убежища городского населения. Толь-

³ См., напр.: Кулаковский Ю. А. Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? // ВВ. 1898. 5. Вып. 3.

⁴ См., напр., нашу статью: Кучма В. В. «Тактика Льва» как исторический источник», помещенную во втором разделе настоящего сборника.

ко крупные города (Константинополь, Фессалоника, Никея и др.) имели сплошную крепостную ограду, окружавшую весь город или большую его часть⁵. К числу таких городов относился и Херсонес, получивший свою крепостную ограду в наследство от античности.

Комплекс оборонительных сооружений Херсонеса был выявлен в результате археологических раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича начиная с 1895 г. Первая обобщающая работа, посвященная стенам Херсонеса, принадлежит военному инженеру А. Л. Бертье-Делагарду⁶. В этой работе автор предложил датировку крепостной ограды, а также дал общую военно-стратегическую оценку как всего комплекса оборонительных сооружений в целом, так и отдельных его деталей. Нумерация куртин и башен крепостной стены, предложенная А. Л. Бертье-Делагардом, остается общепризнанной до настоящего времени. В советское время изучением стен Херсонеса занимался К. Э. Гриневич⁷. Материал о крепостных стенах составляет содержание одной из глав монографии А. Л. Якобсона, посвященной средневековому Херсонесу⁸. Важную роль в выяснении линии приморских стен и древнейшей оборонительной ограды сыграли раскопки, проводившиеся в течение ряда лет археологической экспедицией Уральского университета под руководством Е. Г. Сурова. В настоящее время городские оборонительные сооружения изучаются коллективом сотрудников Херсонесского музея во главе с И. А. Антоновой. Начиная с 1957 г. были произведены, в частности, большие работы по консервации наиболее важных участков крепостной ограды. Параллельно с консервацией производилось углубленное изучение этих памятников⁹.

Оборонительные сооружения Херсонеса возводились в течение многих столетий. Мнение А. Л. Бертье-Делагарда об априорном плане крепостного строительства¹⁰ должно быть отвергнуто. Окончательная линия обороны, которую мы можем видеть сейчас, установилась после многочисленных перестроек, и лишь в результате многовекового боевого опыта

⁵ См. об этом подробнее: Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Internat. Byz. Kongr.; München, 1958. S. 29.

⁶ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. Известия Императорской Археологической комиссии (ИАК). Вып. 21. СПб., 1907. Раздел «Крепостная ограда». С. 87–172.

⁷ Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // Херсонесский сборник (далее — Хсб), № 2. Симферополь, 1927. С. 7–97; Ч. 3 // Хсб., № 5. Симферополь, 1959. С. 75–114.

⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 63. М., 1959. С. 67–124.

⁹ См.: Стржелецкий С. Ф. Консервация памятников Херсонеса в 1957–1958 гг. // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 1. Симферополь, 1960. С. 63–68.

¹⁰ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе... С. 125–126.

эта линия была столь идеально приспособлена к условиям местности¹¹. Разумеется, изменение линии крепостной ограды Херсонеса происходило не только в связи с соображениями военного характера, но и в силу роста городской территории и расширения границ города, а также по причине естественных геологических процессов (например, изменения уровня моря) и природных катаклизмов (в частности, землетрясений).

Остатки древнейших оборонительных сооружений, обнаруженных в Херсонесе, относятся к концу V — началу IV в. до н. э.¹² По вопросу о дате самых последних перестроек стены единого мнения у исследователей нет. Наиболее аргументированным следует считать утверждение, что самые поздние перестройки стен относятся к IX–X вв.¹³, — после этого конфигурация крепостной ограды вряд ли подвергалась существенным изменениям.

Общая картина оборонительных сооружений Херсонеса выглядит следующим образом. Городская территория ограничена с запада широкой и достаточно мелководной Песчаной (или Херсонесской) бухтой, а с востока — далеко вдающейся в сушу и чрезвычайно удобной для укрытия кораблей Карантинной бухтой. Со стороны степи Херсонес был огражден основной оборонительной стеной общей протяженностью около 1,5 км. Стены меньшей мощности опоясывали город и со стороны моря. Стены имели различную толщину, зависящую от стратегического положения участка. Мощность стен в наиболее ответственных пунктах обороны была весьма значительной: на 1-й куртине она составляла 4,5 м толщины, на 7–9-й куртинах — около 4,4 м. 20-я куртина в нынешнем виде представляет собой сложный комплекс из пяти стен различных периодов постройки, идущих параллельно друг другу¹⁴. Также от стратегического положе-

¹¹ Гриневич К. Э. Указ соч. // Хсб., № 5. С. 102.

¹² См. об этом: Гриневич К. Э. Указ. соч. // Хсб., № 2. С. 28–30, рис. 24–26. Ср. также: Тезисы докладов о раскопках Херсонеса Таврического на Античной секции Сессии отделения исторических наук АН СССР и Пленуме Института Археологии АН СССР, посвященных результатам полевых археологических исследований в 1960 г. (далее — *Тезисы*). Севастополь, 1961. С. 3 (рис. 1); С. 16.

¹³ Именно этим периодом, по мнению И. А. Антоновой и С. Ф. Стрелецкого, датируется последняя значительная перестройка западного участка основной линии обороны по куртинам 2–3–4 (см.: *Тезисы*. С. 3, рис. 1. С. 11–12, 16). Впрочем, вполне доказано, что и в более поздний период имели место некоторые перестройки и ремонт стен, которые, однако, не меняли лица общей оборонительной линии. Также после периода IX–X вв. перестраивалась и передовая стена (протейхизма), а отдельные ее участки возводились заново; см. об этом: Гриневич К. Э. Указ. соч. // Хсб., № 5. С. 112; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес... С. 69–70; *Тезисы*. С. 15–16.

¹⁴ Однако одновременное существование и боевое использование всех пяти стен в этом комплексе в принципе невозможно: изучение строения этих стен

ния участка зависела и мощность оборонительных башен. Фланговая башня III имела диаметр около 15 м, башни V и VIII — около 11 м, башня XVII («Зенона») — около 19 м. Для прикрытия наиболее ответственных участков обороны (от башни III до башни VIII и на фронте башен XII–XVIII) была сооружена передовая стена (протейхизма). Ее мощность не была значительной как по высоте, так и по толщине: особое укрепление протейхизмы не входило в планы строителей, поскольку ей предназначалась заведомо второстепенная роль. Четырехугольное пространство, ограниченное куртинами 18–19–20–21, представляло собой городскую цитадель, прикрывавшую самую важную (портовую) часть города. В комплекс оборонительных сооружений входили также городские ворота, оборудованные как в основной ограде, так и в протейхизме. В случае осады стратегическое значение приобретали средства доставки и хранения воды, прежде всего линия водопровода и главная городская цистерна.

В каких же основных чертах определялись принципы теории осады и обороны городов по данным «Тактики Льва»?

Как известно, военная доктрина византийцев в качестве приоритетного вида вооруженного противоборства рассматривала наступательный бой. Не случайно поэтому первая часть XV главы «Тактики» посвящена осаде вражеского города. Прибегать же к обороне собственных населенных пунктов рекомендовалась только тогда, когда будет окончательно исчерпана возможность противостояния неприятелю в открытом полевым сражении, когда уже не существует других способов «доказать тщетность их (т. е. врагов. — В. К.) замысла посредством нашего нападения»¹⁵.

Подготовка к обороне включала в себя проведение ряда серьезных организационных мероприятий. Руководить обороной рекомендовалось либо самому стратигу, либо другому высокопоставленному архонту из числа наиболее опытных¹⁶. В качестве первоочередной меры предписывалось организовать запасы продовольствия для осажденных¹⁷. Одновременно следовало установить строгий контроль за использованием воды, особенно если она поступает не из естественных источников, а черпается из городской цистерны. Автор трактата советует организовать раздачу воды какой-либо меркой, не допуская ее бесконтрольной траты¹⁸.

Если эти рекомендации соотносить с условиями Херсонеса, они приобретают особо важный смысл. Продовольствие, поступающее в Херсо-

(в частности, их лицевых и тыльных сторон), а также использованной при их сооружении строительной техники не оставляет сомнений в их одновременном функционировании.

¹⁵ TL, XV, 46. Col. 900 A, 8–10.

¹⁶ Ibid., XV, 46. Col. 900 A, 12–14.

¹⁷ Ibid., XV, 46. Col. 900 B, 15–18.

¹⁸ Ibid., XV, 62. Col. 904 A, 5–9.

нес из сельской округи, обычно начинали запасать еще с лета. Его требовалось очень много, поскольку население города было весьма значительным¹⁹. Тем не менее, если об осаде становилось известно заранее, успевали запастись продовольствием на несколько месяцев или даже на целый год. Как известно, киевский князь Владимир Святославич, осаждавший Херсонес, не смог взять город измором, пока не прекратил доступ в него воды. При этом даже во время осады жители города умудрялись получать продовольствие сначала по морю, а потом и по суше²⁰.

Питьевая вода поступала в Херсонес по линии водопровода. По подсчетам А. Л. Бертъе-Делагарда, главная городская цистерна должна была иметь объем около 4–5 тысяч ведер, и ее полный запас был рассчитан на 2–3 дня²¹. Вблизи ответственных участков обороны могли оборудоваться дополнительные резервуары для воды. Один из таких резервуаров, представляющий прямоугольный бассейн размером 3,7 м в длину и 1,7 м в ширину, располагался вблизи башни Зенона²². Не исключалась возможность хранения дополнительных запасов воды и теми способами, о которых известно автору «Тактики», — в глиняных сосудах большой емкости, в кожаных бурдюках и т. п.; при этом были обязательными специальные профилактические меры по недопущению порчи воды²³. После проведения соответствующих подготовительных работ могла использоваться также и ключевая, и дождевая вода²⁴.

Позабывшись о запасах продовольствия и воды, стратиг должен был заняться подготовкой личного состава. При этом «Тактика» рекомендует еще до начала осады выслать из города «беспольный возраст» — женщин, стариков, больных и детей²⁵. Тем самым город освобождался от лишних ртов, а оставшиеся граждане были более подготовленными к осаде.

Однако это требование не всегда могло соблюдаться. Если вся округа была оккупирована неприятелем, получалась обратная картина: крестьяне

¹⁹ См. об этом: *Якобсон А. Л.* О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. 19. С. 154–165.

²⁰ Военная сторона событий 988–989 гг. была исследована в старой работе: *Бертъе-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь. СПб., 1909. С. 15–16, 19.

²¹ Там же. С. 34.

²² См.: *Гриневиц К. Э.* Указ соч. // Хсб., № 2. С. 73, примеч. 1. Впрочем, именно такое основное предназначение указанного сооружения не является бесспорным: это сооружение могло быть и рыбозасолочной цистерной. Имеется и компромиссный вариант решения вопроса: в преддверии военной опасности рыбозасолочные цистерны могли использоваться в качестве накопителей пресной воды.

²³ TL, XV. 75–78. Col. 905–908.

²⁴ Ibid., XV, 75. Col. 905 D, 44.

²⁵ Ibid., XV, 47. Col. 900 B, 18–22.

из окрестных деревень бежали под защиту городских стен. Некоторые исследователи полагают, что для размещения беженцев мог служить перибол²⁶, другими учеными это мнение оспаривается. Как уже указывалось ранее, перибол имелся в двух участках Херсонеса — юго-западном и юго-восточном. Его ширина колебалась от 11 до 18 м.

Важнейшей обязанностью командующего была подготовка различных механизмов как наступательного типа, так и предназначенных для противодействия осадным приспособлениям противника²⁷. Общий принцип заключался в том, чтобы каждому наступательному механизму противника был противопоставлен собственный оборонительный механизм²⁸.

Соответственно этому многие башни и куртины стен Херсонеса были устроены так, что могли служить для размещения оборонительных механизмов. Как известно, самой мощной была XVII башня («башня Зенона»). Выдвинутая далеко на юг, она являлась опорной оборонительной точкой всего юго-восточного фланга обороны. Ее значение повышалось еще и тем обстоятельством, что она противостояла самой крупной (до 30 м) высоте в окрестностях города (современное наименование — «Девичья гора»), расположенной в юго-восточном направлении. Если неприятель занимал эту высоту, он мог наблюдать всю портовую часть города и поражать ее из метательных орудий, так как древние баллисты били на 1,5–2,5 стадий, стрелометы — на 2 стадии²⁹, а расстояние от вершины высоты до башни было менее 1,5 стадий (около 250 м).

Ответственной ролью, которую играла башня Зенона, и объясняется ее особая мощность³⁰. Размеры башни позволяли размещать в ней довольно крупные метательные орудия для навесной стрельбы³¹. Для подъема этих орудий на башню, по мнению некоторых исследователей³², служила специальная аппарель, идущая вдоль 20-й куртины с ее тыльной стороны³³.

²⁶ *Бертъе-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 133–134; *Гриневиц К. Э.* Указ. соч. // Хсб., № 5. С. 112–113.

²⁷ Они описаны в первой части анализируемой главы «Тактики»; см.: TL, XV, 29–33. Col. 893–896.

²⁸ Ibid., XV, 51. Col. 900 D, 46–50.

²⁹ См. об этом: *Бертъе-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 144.

³⁰ Там же. С. 139. Заслуживают внимания соображения автора о наличии особого противотаранного пояса как в самой башне Зенона, так и в прилегавшем к ней отрезке 19-й куртины. Этот пояс является развитием идеи фланкирования, настойчиво проводимой еще Витрувием.

³¹ См. соответствующие расчеты: *Бертъе-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 140.

³² Там же. С. 140 и таблица IX.

³³ К. Э. Гриневиц (Указ. соч. // Хсб., № 2. С. 77–78) отрицает наличие специальной аппарели, хотя и полагает, что одна из стен 20-й куртины могла использоваться в качестве аппарели после соответствующей реконструкции.

Аналогичные задачи решала и башня V — фланговая башня юго-западного участка, сооруженная сплошь из камня, без внутреннего помещения. Отдельные исследователи склонны были рассматривать ее как «возвышенную оборонительную площадку»³⁴.

Более мелкие орудия, а также различные приспособления для борьбы с осадными механизмами противника могли размещаться прямо на городской стене. «Тактика Льва» рекомендует иметь стены незагроможденными для удобства сражения и установки военных приспособлений³⁵. Для отражения вражеских таранов могли применяться бревна, подвешенные снаружи стены и ударяющие по этим таранам³⁶. Использовались также камни, кирпичи, мешки с песком и мякиной — все это сбрасывалось на вражеские осадные механизмы³⁷. Для борьбы с «черепахами» применялись бревна с прикрепленными к ним мечами — ими вскрывалось покрытие «черепах», после чего обнаженная «черепаха» уничтожалась смолой и огнем³⁸. Огонь употреблялся и для уничтожения всех других механизмов. Для нанесения ударов по механизмам сверху предназначались специальные камни, опускаемые и поднимаемые с помощью противовесов³⁹. Применялся и следующий простейший прием: со стен и башен свешивались на веревках бревна, камни, жернова и другие тяжести; веревки подрубались, когда враги, подставив лестницы, шли на штурм стены⁴⁰. Осадным башням противопоставлялись огнеметы и камнеметы; иногда сооружались специальные «антибашни»⁴¹. Все противоосадные приспособления рекомендовалось распределять по стене равномерно, а также иметь дополнительные резервы, чтобы в ходе боя не заниматься их перебросками с места на место и не обнажать отдельные участки стены⁴².

«Тактика Льва» предоставляла широкую инициативу полководцу самому организовывать другие противодействия замыслам противника в соответствии с условиями местности и требованиями боевой обстановки. Мы знаем из истории Херсонеса остроумный способ борьбы осажденных против земляной насыпи («приспы»), сооружаемой в 988 г. русскими войсками во время осады города. Владимир, стремясь взять город штурмом, приказал сыпать землю к одной из куртин, чтобы по этой насыпи ворвать-

ся в город. Осажденные, разобрав основание этой стены с ее тыльной стороны, тайно выбирали землю через этот пролом. Насыпь постоянно оседала, и замыслы Владимира не могли осуществиться⁴³.

Разумеется, важнейшим средством обороны была интенсивная стрельба со стен и башен. Изломанная линия крепостной ограды должна была обеспечивать действенность такого обстрела. Расстояние между башнями определялось таким образом, чтобы участок стены между ними покрывался стрельбой с обеих башен одновременно. В соответствии с этим требованием длина куртин в херсонесской ограде, за немногими исключениями, не превышает 60–65 м⁴⁴. Высота стен и башен была различной и зависела от условий местности. Наибольшая высота сохранившейся забутовки стены на 4-й куртине превышает 9 м. На юго-восточном участке бута сохранился и на большую высоту, но следует учитывать, что в период средневековья уровень почвы здесь был выше античного. Почти на полную высоту (около 8 м) сохранилась стена на приморском участке куртины I.

Обороняющиеся располагались либо на специальных подмостках с тыльной стороны ограды, либо на самой стене. Сверху стена заканчивалась зубцами, которые образовывали бойницы⁴⁵. Для передвижения воинских отрядов вдоль стены со стороны города по правилам военной науки должна была оставляться специальная «военная дорога» — *romerium* (*romerium*). Впрочем, в период средневековья это требование в Херсонесе очень часто не соблюдалось. Так, на юго-восточном участке херсонесской крепости средневековые помещения непосредственно примыкали к городской стене, так что свободного прохода вдоль стен не оставалось.

Башни имели внутреннюю забутовку, которая, не доходя до верхнего обреза стен башни, образовывала пол оборонительного яруса. Выше это-

⁴³ См. об этом подробно: *Бертье-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь... С. 22–25.

⁴⁴ В наиболее ответственных участках обороны башни располагались еще более часто. Так, на отрезок длиной 115 м в районе куртин 7–8–9 приходится четыре башни (V, VI, VII и VIII). Куртина 19-я, имеющая длину более 80 м, была укреплена сильнее, чем другие участки ограды. Во второй своей половине, прилегающей к башне Зенона, она имела значительное утолщение. Наоборот, если участок стены был естественно укреплен условиями местности, он мог быть очень протяженным. Так, куртина 13-я, идущая по кругу, обращенному к югу склону, имеет длину около 110 м. Впрочем, этот участок очень слабо изучен, так как рельеф местности здесь сильно изменен в связи с военным строительством прошлого века.

⁴⁵ См. об этом: *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес... С. 75. Ср.: *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 129–130, рис. 17, 18–20. С. 160–162, рис. 29. О предполагаемом оформлении верхних частей стен см.: *Гриневич К. Э.* Указ. соч. // *Хсб.*, № 5. С. 113–114.

³⁴ *Гриневич К. Э.* Указ. соч. // *Хсб.*, № 5. С. 97–98.

³⁵ *TL*, XV, 52. Col. 900 D, 50–54.

³⁶ *Ibid.*, XV, 48. Col. 900 B, 26–29.

³⁷ *Ibid.*, XV, 48. Col. 900 C, 29–32.

³⁸ *Ibid.*, XV, 49–50. Col. 900 C, 33–39.

³⁹ *Ibid.*, XV, 50. Col. 900 C, 39–42.

⁴⁰ *Ibid.*, XV, 54. Col. 901 A, 6–10.

⁴¹ *Ibid.*, XV, 51. Col. 900 D, 43–46.

⁴² *Ibid.*, XV, 55. Col. 901 B, 16–22.

го пола, на котором располагались защитники башни, шли бойницы⁴⁶. Пол оборонительного яруса (а соответственно и бойницы) стремились устанавливать не очень высоко, а только лишь бы превзойти высоту вражеских таранов⁴⁷. Тем самым стремились обеспечить большую настильность траектории стрельбы и свести к минимуму размеры «мертвого пространства» в районе башни⁴⁸.

При устройстве башен следовало учитывать важнейший принцип военной фортификации: не связывать стену и башню общей кладкой, а класть их независимо друг от друга, чтобы ослабить эффект разрушительного действия вражеских таранов. Этот принцип в Херсонесе соблюдался не очень строго: ряд башен (например, V, XV и др.), действительно, не связан со стеной, но кладка других башен (XIV, XVI, XVII XVIII) имеет перемычку с кладкой стены.

Во время обороны стратигу надлежало организовать порядок ведения огня. «Тактика Льва» предостерегает от бесцельной и необдуманной стрельбы — это приучает противника относиться к такой стрельбе как к явлению недейственному⁴⁹. Разумеется, такая рекомендация диктовалась и соображениями экономии боеприпасов.

Важнейшими пунктами крепостной ограды являлись городские ворота и калитки: оборудованные верхним ярусом обороны, они по своей роли были эквивалентны башням. «Тактика Льва» советовала поручить их охрану особо надежным лицам, с тем чтобы они надежно контролировали движение через эти проходы⁵⁰. Самовольный выход воинов за пределы города (даже с целью отбрасывания противника) строго воспрещался⁵¹. Это мотивировалось тем, что при отсутствии соответствующей подготовки и взаимодействия смельчаки, вышедшие из города, окажутся в большой опасности, а в случае их гибели будет уничтожена лучшая часть защитников города, оставшаяся же масса придет в уныние и растерянность⁵². Автор «Тактики» признает важную роль вылазок для нанесения внезапного удара по осаждающим⁵³, но настаивает на их тщательной под-

⁴⁶ См. о них: *Гриневиц К. Э.* Указ. соч. // *Хсб.*, № 2. С. 66.

⁴⁷ Высота таранов, как правило, не превышала 7 локтей (около 3,25 м); см. об этом: *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 141 — со ссылкой на Филона Византийского.

⁴⁸ Утолщение 19-й куртины, о котором упоминалось ранее, было сделано как раз на том участке, который попадал в «мертвое пространство» при стрельбе с башни Зенона и не простреливался с других башен.

⁴⁹ TL, XV, 61. Col. 904 A, 1–4.

⁵⁰ Ibid., XV, 57. Col. 902 C, 36–38.

⁵¹ Ibid., XV, 58. Col. 902 C, 38–39.

⁵² Ibid., XV, 57. Col. 902 C, 46–49.

⁵³ Ibid., XV, 57. Col. 902 C, 46–49; XV, 65. Col. 904 B, 22–23.

готовке. При этом он напоминает старинное правило организации вылазок: следует выходить из города, имея обращенным к неприятелю левый, защищенный щитом бок⁵⁴. При возвращении в город это правило также должно быть неукоснительно соблюдено.

Расположение калиток в стенах Херсонеса, за немногими исключениями, дает основание утверждать, что эти правила в общем соблюдались. Например, для обороны очень ответственного участка в районе 19-й куртины воины могли выходить из калитки, расположенной справа (если стать лицом к противнику) от башни Зенона. Двигаясь вправо по периболу, они могли отогнать противника, а затем вернуться в город через калитку в конце 19-й куртины возле XVI башни⁵⁵. При этом они все время были бы обращены к противнику левым боком со щитом. Для противника ситуация была обратной: если неприятельские воины проникали в перибол через ворота в протейхизме вблизи башни Зенона, они на всем пути движения по периболу подвергались обстрелу справа.

Отмеченный принцип должен был непременно учитываться при строительстве башен и ворот. Поэтому башня по правилам должна была располагаться слева от ворот, чтобы солдаты противника, атакующие ворота, подставляли под обстрел свой правый бок. Однако изучение стен Херсонеса показывает, что строители зачастую пренебрегали этими правилами⁵⁶.

Особую роль в обороне города была призвана сыграть протейхизма. Важно подчеркнуть, что в эпоху античности Херсонес протейхизмы не имел, — вся она была сооружена в период средневековья. Наиболее ранние ее участки датируются VI в., а наиболее поздние — X–XII вв.⁵⁷ Протейхизма служила местом расположения караульных постов⁵⁸ и представляла собой дополнительный (передовой) рубеж обороны. В случае, если неприятели проникали в перибол, они подвергались двойному обстрелу — и с основной стены, и с протейхизмы. В районе 16–17 куртин протейхизма Херсонеса имеет собственную башню (XV A) значительной мощности. Башня обращена внутрь периболы, и такое ее расположение некото-

⁵⁴ TL, XV, 53. Col. 900 D, 55–57. Col. 901 A, 1–3.

⁵⁵ Аналогичная калитка для возвращения воинов расположена вблизи башни VIII. Интересно, что башня соединялась со стеной особым проходом, и калитка была оборудована именно в этом проходе; см.: *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 133, рис. 22.

⁵⁶ Например, башни I, II, XIV, XVI расположены справа от соседних калиток и ворот.

⁵⁷ *Яковсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес... С. 82, 101; *Гриневиц К. Э.* Указ. соч. // *Хсб.*, № 5. С. 112.

⁵⁸ TL, XV, 60. Col. 901 D, 53–58.

рые исследователи⁵⁹ объясняют наличием в этом месте перекидного моста через перебол между башнями XV и XV A. Этот перекидной мост, сам соответствующим образом укрепленный, мог служить дополнительной защитой основной стены, протейхизмы и перебола в этом важном участке обороны. На куртинах 5 и 6 были вскрыты сразу две параллельные протейхизмы, правда, незначительной мощности, идущие уступами. Интересно, что протейхизма, идущая параллельно 4-й куртине, не обрывается у башни III, а идет до берега моря, укрепляя крайний западный фланг обороны города.

Фундаменты как основной стены, так и протейхизмы надлежало опустить глубоко в землю, до материковой скалы. Этого требовало старинное правило военной фортификации, и оно соблюдалось в Херсонесе повсеместно и с большой строгостью⁶⁰.

В период обороны города большое внимание должно было уделяться несению караульной службы. «Тактика Льва» неоднократно упоминает о виглах, т. е. конных и пеших сторожевых постах. Сильные и надежные посты рекомендовалось размещать на протейхизме. Они должны были следить за тем, чтобы никто из осажденных не перебежал на сторону врага⁶¹, не смог встретиться с врагами или сообщить им что-либо письменно⁶². Одновременно эти посты были призваны воспрепятствовать тайным нападением неприятеля на стену⁶³. Особенно четко должно быть организовано несение ночной караульной службы⁶⁴ — ее следовало нести по-сменно и с большим старанием⁶⁵. Внутри города особенно тщательно охранялись калитки и ворота. Специальные караульные посты рекомендовалось устанавливать у резервуаров с водой и у мест хранения продовольственных припасов во избежание их расхищения⁶⁶.

На стратиге лежала обязанность контролировать моральное состояние осажденных. В тяжелые минуты рекомендовалось подбадривать их, воспитывать в них выносливость и уверенность в счастливом исходе оса-

⁵⁹ См., напр.: *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 110–111 и рис. 25.

⁶⁰ Лишь участок куртины 19 до утолщения стены стоит на морском песке (*Гриневич К. Э.* Указ. соч. // *Хсб.*, № 2. С. 94). Это объясняется особенностями почвенного рельефа на данном участке (см.: *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 124–125). Некоторым своеобразием отличаются и фундаменты крепостной ограды на участке 16–17 куртин (Там же. С. 125).

⁶¹ TL, XV, 60. Col. 901 D, 56.

⁶² Ibid., XV, 56. Col. 901 C, 32–35.

⁶³ Ibid., XV, 60. Col. 901 D, 57–58.

⁶⁴ Ibid., XV, 60. Col. 901 D, 55.

⁶⁵ Ibid., XV, 64. Col. 904 A, 13–14.

⁶⁶ Ibid., XV, 65. Col. 904 A, 14–16.

ды⁶⁷. Одновременно стратигу надлежало поддерживать активность своего гарнизона путем организации вылазок⁶⁸ с целью достижения хотя бы частичного успеха. «Тактика Льва» советует прибегать к различным хитростям, чтобы создать у противника впечатление о постоянном прибытии в город новых подкреплений и тем самым ввергать врага в неуверенность и страх⁶⁹. Для того чтобы масса защитников стен казалась более внушительной, рекомендовалось привлекать к обороне женщин⁷⁰. — В целом постоянная забота о нуждах своего войска должна была находиться в центре внимания командования. Недаром автор «Тактики» напоминает стратигу старинный афоризм: прочность и надежность крепостных стен измеряется боеспособностью обороняющих их воинов⁷¹.

О случаях штурма херсонесских укреплений со стороны моря (в том числе непосредственно с кораблей) сведений не имеется, да и вряд ли такие случаи были возможны. Оборонительные сооружения Херсонеса со стороны моря возведены с учетом требований военной фортификации, запрещавшей строительство крепостной стены непосредственно по береговой линии. Крепостная ограда должна быть отодвинута от воды на такое расстояние, которое не позволило бы неприятелю штурмовать стены непосредственно с кораблей. Вместе с тем указанное расстояние не рекомендовалось оставлять и очень большим: поражаемое действенным огнем из метательных орудий, оно не должно было служить плацдармом для развертывания сил неприятеля после высадки его с кораблей⁷².

Вся приморская стена Херсонеса, насколько можно судить по ее сохранившимся участкам, была построена с учетом этих требований. Кроме того, береговая оборонительная линия со стороны моря была естественно усилена крутизной берега. Лишь в районе бухт берег пологий, но и в этих местах штурм города непосредственно с кораблей представляется невозможным. Тем не менее вполне вероятно, что городские власти имели в виду возможность угрозы со стороны неприятельского флота, а потому обращали особое внимание на эти участки обороны. Для их защиты мог применяться херсонесский флот, а входы в бухту могли быть защищены дополнительными средствами (например, цепями). Некоторые

⁶⁷ TL, XV, 65. Col. 904 B, 17–20.

⁶⁸ Ibid., XV, 65. Col. 904 B, 21–23.

⁶⁹ Ibid., XV, 65. Col. 904 B, 23–25.

⁷⁰ Ibid., XV, 25. Col. 893 B, 21–24.

⁷¹ Ibid., XV, 59. Col. 904 D, 50–52.

⁷² В соответствии с требованиями военной фортификации расстояние от воды до стен должно быть в пределах 30–100 локтей (т. е. от 12,86 до 46,20 м); см. об этом: *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе... С. 117–118, со ссылкой на Филона Византийского.

иллюстрации ко всем этим мероприятиям могут дать свидетельства очевидца, описавшего оборону Фессалоники от пиратского флота Льва Триполитского⁷³. Датировка этих событий (904) идеально синхронизируется со временем создания «Тактики Льва» и потому может дать достаточно развернутую картину обороны средневекового византийского города в рассматриваемый период.

Таким образом, изучение оборонительных сооружений одного из опорных пунктов Византийской империи в Причерноморье позволяет сделать общий вывод о том, что установки и рекомендации, содержащиеся в «Тактике Льва», с высокой степенью императивности воплощались в условиях средневекового Херсонеса. Отдельные же отклонения от традиционных требований могут быть в каждом конкретном случае объяснены спецификой местных условий: особенностями топографии, учетом традиций городской жизни вообще и истории херсонесского градостроительства в частности, вариантами выбора строительных материалов, а также — что не менее существенно — расчетом на сравнительно слабого в техническом отношении вероятного противника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВО — Византийские очерки
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 СВ — Средние века
 BNJb — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher
 BS — Byzantinoslavica
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 EEBΣ — Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 PG — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca
 RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REA — Revue des Études Anciennes
 REB — Revue des Études Byzantines
 RESEE — Revue des Études Sud-Est Européennes
 ТМ — Travaux et Memoires

⁷³ Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X века. М., 1959.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
-----------------	---

Раздел I

АНТИЧНАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННО-НАУЧНАЯ МЫСЛЬ В СФЕРЕ ЦЕННОСТЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	9
Очерк античной военно-теоретической литературы	11
Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторические источники	37
Византийские военные трактаты как памятники культуры	57
Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция	69
Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины	85

Раздел II

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННО-НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	101
О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтин «Стратегемы»	103
«Краткое изложение военного дела» Вегеция как синтез военно-теоретической мысли античности	118
«Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики	139
«Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания	208
НОМОС ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права)	243
«Тактика Льва» как исторический источник	259
К проблеме авторства трактата «De velitatione bellica»: новая гипотеза	278
Два трактата — один автор?	286

Раздел III

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРИНЦИПЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	311
Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва»	313
Феномен рецепции византийского права в российском военно-уголовном законодательстве эпохи Петра I	326
Обеспечение безопасности византийской армии в военных кампаниях конца X в.	340
Теория и практика ведения горной войны по данным византийской полемологии	360
Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Подготовка и проведение боя	374
Метод <i>παράδρομή</i> — феномен военной теории и боевой практики X в.	384
Еще раз о византийском военном лагере конца X в.: некоторые технические характеристики и варианты боевого использования	397
Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва»	409

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

А. В. Самойлова

Корректоры:

Л. А. Абышко,

Н. П. Дралова

Оригинал-макет:

И. А. Смаришева

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 18.09.2000. Подписано в печать 15.03.2001.

Формат 60×88/16. 27 п. л. Тираж 1200 экз. Заказ № 3883

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia